301
И85

Проф. А. А. Исаевъ.

301
И85

Вопросы соціологіи.

I. Техника и хозяйство въ основѣ культуры.
II. Эгоизмъ, дружелюбіе, классовые интересы.
III. Борьба общественныхъ группъ.
IV. Личность и среда.
V. О сходствахъ и различіяхъ въ развитіи народовъ.

286.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).
1906.

ПРОФ. 1957

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
2267
26

А. А. Исаевъ

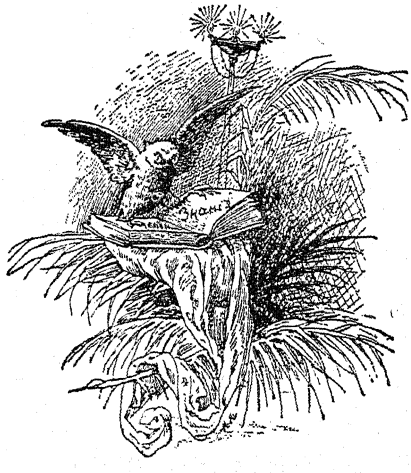
Предисловіе.

Пять очерковъ, входящихъ въ составъ этой книги, образуютъ одно цѣлое. Въ первомъ очеркѣ я изслѣдовалъ вліяніе техники и хозяйства на другія стороны культуры. Изученіе самолюбія, альтруизма и классоваго интереса, какъ важнѣйшихъ силъ, управляющихъ общежитіемъ, составляетъ предметъ втораго очерка. Третій—посвященъ изображенію борьбы соціальныхъ группъ. Члены соціальныхъ группъ несходны между собой силами ума и воли. Возникаетъ, поэтому, вопросъ объ исторической роли наиболѣе выдающихся людей; дабы отвѣтить на него, нужно выяснить отношеніе между личностью и средой. Это сдѣлано въ четвертомъ очеркѣ. Въ пятомъ, заключительномъ этюдѣ разсматриваются національныя особенности, которыми отмѣчено развитіе общественной жизни у разныхъ народовъ.

А. А. Исаевъ.

Измѣненіе цензурныхъ условій даетъ намъ возможность предложить вниманію читателей настоящій капитальный трудъ нашего сотрудника. До сихъ поръ эта книга на русскомъ языкѣ могла быть печатаема только заграницей.

„Редакція Вѣстника Знанія".



ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Техника и хозяйство въ основѣ культуры.

I.

Экономическому матеріализму часто дѣлаютъ упреки за то, что онъ старается привести въ связь всѣ явленія общественной жизни со способами производства даннаго времени. Повидимому, не трудно забросать на этой почвѣ матеріалистовъ вопросами, которые съ перваго взгляда будутъ производить впечатлѣніе, что матеріалистъ односторонень, узокъ даже... смѣшонъ, а его критикъ остроуменъ и широко образованъ. Оперы Россини, Мейербера, Вагнера не сходны между собою; въ какой-же связи стоятъ они съ промышленной жизнью нашего времени? Почему теперь, при новѣйшихъ способахъ производства, посвящается много ученыхъ силъ не только естествознанію или наукѣ о народномъ хозяйствѣ, но и богословію? Какъ объяснить условіями экономической жизни XV вѣка то, что Коперникъ и его великое открытіе падаютъ именно на это столѣтіе? и т. д., и т. д.

Способы производства и покоющіяся на нихъ хозяйственныя явленія составляютъ основные факты общественной жизни. Совокупность этихъ фактовъ поглощаетъ наибольшую сумму человѣческихъ силъ; она служитъ опредѣляющимъ условіемъ для всѣхъ сторонъ культуры, но не опредѣляетъ всего того, что входитъ въ составъ какой-либо идеологіи. Во всѣхъ отдѣлахъ культуры данной эпохи можно намѣтить составныя части, прямо вытекающія изъ условій экономической жизни: это касается наиболѣе характерныхъ особенностей данной идеологіи, границъ, за которыя условія хозяйственнаго быта не позволяютъ ей выйти, крайнихъ предѣловъ времени, когда она можетъ возникнуть, или же когда ея возникновеніе невозможно. Но въ каждомъ отдѣлѣ культуры можно найти такія составныя части, которыя не стоятъ въ ближайшей связи съ экономическимъ бытомъ, а должны быть объяснены законами мышленія; согласно съ этими законами, извѣстная система идей наталкиваетъ людей на опредѣленные выводы. Энгельсъ, развивая мысль о томъ, насколько государство, публичное и гражданское право выработываются подъ вліяніемъ экономической жизни, говоритъ: «Идеологіи еще болѣе высокаго порядка, т. е. еще болѣе отдаленныя отъ матеріальной, экономической основы, принимаютъ форму философіи и религіи. Здѣсь связь представленій съ матеріальными условіями ихъ существованія становятся все болѣе запутанной, все болѣе затемненной посредствующими звеньями. Но эта связь сущест-

вуетъ. Какъ вся эпоха Возрожденія, отъ половины пятнадцатаго столѣтія, была, по существу, продуктомъ городской жизни, т. е. буржуазіи, такъ и пробудившаяся отъ того времени философія; ея содержаніе было въ существѣ своемъ только философскимъ выраженіемъ мыслей, которыя соотвѣтствовали переходу мелкаго и средняго городского сословія въ крупную буржуазію. Религія возникла въ первобытное время изъ смутныхъ и дикихъ представленій людей о собственной и внѣшней природѣ. Каждая идеологія, разъ она существуетъ, развивается, тѣсно примыкая къ матеріалу для своего представленія, дальше перерабатываетъ его; иначе она не была бы идеологіей, т. е. работой надъ мыслями, какъ самостоятельными сущностями, независимо развивающимися и подчиненными собственнымъ законамъ. У людей, въ головахъ которыхъ совершается этотъ процессъ мысли, нѣтъ сознанія, что матеріальныя условія жизни людей въ конечномъ итогѣ опредѣляютъ этотъ процессъ, иначе наступилъ бы конецъ самой идеологіи.» [1])

Поясняя этотъ отрывокъ, мы скажемъ, что многое въ области идеологій очень отдалено отъ матеріальныхъ условій существованія людей; эти условія могутъ быть связаны съ такими составными частями идеологій только посредствомъ ряда ступеней. Положеніямъ экономическаго матеріализма нисколько не противорѣчитъ то, что одна группа идеологій развивается подъ вліяніемъ идеологій другого порядка—право развивается подъ вліяніемъ религіозныхъ представленій и непосредственнымъ вліяніемъ политической жизни. Матеріализмъ настаиваетъ только на томъ, что эти ближайшіе факторы не образуютъ особаго, самостоятельнаго міра, которой былъ бы совершенно отрѣзанъ отъ міра матеріальныхъ заботъ. Если мы, наблюдая перемѣны въ мірѣ идеологіи, отъ факторовъ, которые относятся къ области нравственности, религіи, политики, взойдемъ къ причинамъ, болѣе отдаленнымъ, то увидимъ, что онѣ связаны съ общественнымъ хозяйствомъ.

Матеріализмъ, взятый въ цѣломъ, представляется философскою системой, далеко не законченной; особенно же мало разработана область происхожденія идеологій и ихъ зависимость отъ хозяйства. Вліяніе хозяйства на многіе отдѣлы права подмѣчено уже давно. Связь же между экономическою жизнью съ одной стороны и наукой, искусствомъ, религіей съ другой—весьма мало изучена, и не одному поколѣнію ученыхъ предстоитъ плодотворная работа на этой нивѣ.

Какъ ни трудно установить здѣсь общія положенія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что весь міръ идеологій зависитъ отъ экономической жизни (и въ конечномъ итогѣ отъ способовъ производства) въ такихъ отношеніяхъ. Нужно довольно высокое состояніе хозяйства, дабы идеологіи достигли значительнаго развитія. Обширныя царства востока—древнее персидское, монгольское, съ мало развитою хозяйственною жизью, не оставили человѣчеству духовнаго наслѣдія. Духовная жизнь древняго Рима въ первые вѣка его существованія была бѣдна и однообразна, такъ какъ и народное хозяйство находилось на очень низкой ступени развитія. Напротивъ, достояніе, полученное нами отъ эллинскаго міра, очень богато. И главное, что создали греки, относится къ періоду между VI и IV вѣками до Рождества Христова, т. е. ко времени, когда экономическая жизнь достигла высшаго расцвѣта. Лучшіе представители эллинской мысли и художественнаго творчества по происхожденію и воспитанію принадлежали Аѳинамъ или другимъ, экономически наиболѣе развитымъ общинамъ. Послѣ Александра Македонскаго хозяйственный бытъ Греціи клонится къ упадку; а съ тѣмъ вмѣстѣ и то, что выростаетъ въ мірѣ греческихъ науки и искусства, блѣдно по сравненію съ предъидущими столѣтіями.

Тоже можно сказать и о древнемъ Римѣ. За 2 столѣтія до Рождества Христова его экономическій бытъ достигаетъ высшаго развитія, которое длится еще 2—3 вѣка по началѣ нашей эры. На это время и падаетъ самое яркое выраженіе римской духовной жизни: именно въ этотъ періодъ жили лучшіе римскіе поэты, философы, историки, правовѣды, ораторы. Мусульманскій міръ достигъ высокого творчества въ области идеологій послѣ того, какъ завоеванія раздвинули его предѣлы въ трехъ частяхъ свѣта, упрочили осѣдлый образъ жизни и основали экономически цвѣтущія царства въ Азіи, Испаніи. Величайшіе итальянскіе поэты, художники и ученые жили въ то время (XIII—XVI столѣтія), когда экономическая жизнь мелкихъ итальянскихъ государствъ била ключемъ. До XVI столѣтія Англія не даетъ намъ именъ, которыя пріобрѣли бы міровое значеніе. Первыми въ ряду этихъ именъ стоятъ Шекспиръ и Бэконъ, а они жили въ концѣ XVI столѣтія, когда Англія начала дѣлать огромные успѣхи въ колоніальной политикѣ, повлекшіе за собой пышный расцвѣтъ всего народнаго хозяйства. Англія XVII столѣтія развертываетъ передъ нами цѣлую галлерею портретовъ во всѣхъ областяхъ научнаго творчества и въ политикѣ. Знакомясь съ исторіей Англіи, мы видимъ, что отъ конца XVI столѣтія ея экономическое развитіе, иногда прерывавшееся, въ общемъ быстро шло впередъ. Можно было бы пріобщить къ сказанному и много другихъ примѣровъ. Связь между ростомъ хозяйства и успѣхами другихъ сторонъ культуры такъ очевидна, что издавна историки, описывая царствованіе Гарунъ-аль-Рашида, Августа, Елизаветы Англійской, говорятъ объ успѣхахъ промышленности и торговли, о процвѣтаніи наукъ и искусствъ. Конечно, старинные историки, подмѣчая эту связь, не выясняли ея характера, не восходили до истолкованія категорій обоихъ рядовъ, какъ причинъ и слѣдствій. Не трудно понять, что хозяйственная жизнь, измѣняясь, вырабатываетъ условія, которыя и служатъ опредѣляющими для міра идеологій. Это общее вліяніе можетъ быть намѣчено такими чертами.

А) Хозяйственные успѣхи народа, всегда покоющіеся на усовершенствованіи орудій и способовъ производства и обмѣна, ведутъ къ росту богатства; оно накопляется въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и обусловливаетъ общественную дифференціацію. Въ группахъ, наиболѣе обезпеченныхъ и далеко стоящихъ отъ ручного труда, люди даровитые могутъ посвятить себя наукѣ, искусству, политическому творчеству. Гдѣ общественный бытъ еще слабо дифференцированъ, тамъ творчество воплощается въ лицахъ наиболѣе всесторонняго развитія—такомъ Аристотелѣ, Юліи Цезарѣ, Леонардо да-Винчи, при чемъ одинъ человѣкъ совершаетъ великія дѣла во многихъ областяхъ человѣческой мысли, или въ наукѣ и искусствѣ, или же въ наукѣ и политикѣ. Когда общественное расчлененіе и спеціализація занятій и знаній подвинулись такъ далеко впередъ, какъ въ наше время, то высшее творчество въ мірѣ идеологій ограничивается отдѣльными областями (при чемъ успѣхи, сдѣланные въ нихъ, конечно, вліяютъ на успѣхи въ другихъ отрасляхъ). Назовемъ Дарвина, Гельмгольца, Пастёра, Рикардо, Маркса. Нашему положенію не противорѣчитъ фактъ, что иногда люди, занимающіе самыя высокія мѣста въ наукѣ и искусствѣ, принадлежатъ къ бѣднымъ семьямъ. Ихъ высокія дарованія не заглохли при такихъ условіяхъ потому, что были въ ихъ дѣтствѣ, юности періоды, когда общественная или частная благотворительность позволила имъ освободиться отъ простѣйшихъ работъ и посвятить себя наукѣ и искусству. И для того, чтобы даровитые члены неимущихъ классовъ могли принимать участіе въ развитіи идеологій, необходимо, чтобы богатые классы получили вкусъ къ духовной культурѣ. Древній персъ или римлянинъ при царяхъ не могъ облегчить своему рабу дорогу въ область науки или искусства потому, что

и онъ самъ, не достигнувъ значительнаго уровня экономической жизни, не имѣлъ вкуса къ этимъ занятіямъ. А римскій гражданинъ временъ послѣдней Пунической войны или Августа, пріурочивалъ наиболѣе даровитыхъ рабовъ къ занятію наукой и искусствомъ и облегчалъ вольноотпущеннымъ дорогу въ міръ идей. То же можно сказать о меценатствѣ богатыхъ людей или государства бѣднымъ людямъ въ новѣйшее время.

Б) Развитіе хозяйственной жизни обыкновенно связано съ успѣхами дифференціаціи, которая открываетъ предъ идеологомъ гораздо болѣе широкое поле, чѣмъ однообразный бытъ простѣйшихъ обществъ. Разнообразіе жизни не только увеличиваетъ масштабъ творчества, но направляетъ вниманіе мыслителя или художника на многія и разнородныя явленія, позволяетъ ему лучше изощрить наблюдательность, облегчаетъ познаніе человѣческой души. Дарованіе Шекспира было бы велико всегда, подъ какимъ бы небомъ онъ ни родился. Но неблагопріятная внѣшняя обстановка могла бы повести къ тому, что отъ его великой духовной силы человѣчеству осталось бы очень скудное наслѣдіе. Представимъ себѣ, что британскій драматургъ родился не въ Англіи, а въ томъ же 1564 году въ Москвѣ, гдѣ тогда царствовалъ Іоаннъ Грозный, „другъ и братъ“ Елизаветы, что онъ принадлежалъ къ одной изъ англійскихъ семей, которыя уже въ то время въѣзжали въ Россію по торговымъ дѣламъ, а иногда и окончательно поселялись въ Московіи. Можно поручиться, что изъ него не вышло бы и четверти Шекспира. Уже триста лѣтъ человѣчество наслаждается сокровищами, которыя онъ даровалъ намъ и которыя могли быть накоплены только въ довольно развитомъ и расчлененномъ обществѣ. Король, вельможа, воинъ, законовѣдъ-крючкотворецъ, морякъ, ремесленникъ, мелкій торговецъ, крупный коммерсантъ и банкиръ, женщины разныхъ общественныхъ слоевъ—вотъ богатство типовъ, которые создалъ Шекспиръ; они уже были даны Англіей временъ Елизаветы. Наблюдая ихъ во всемъ ихъ разнообразіи, онъ имѣлъ гораздо болѣе благодарный матеріалъ для созданія общихъ и вѣчныхъ свойствъ человѣческой души, чѣмъ могъ бы располагать имъ въ сонномъ московскомъ царствѣ. И, наконецъ, его плодовитость могла имѣть пищу только въ обществѣ съ довольно развитой экономической жизнью и вкусомъ къ просвѣщенію: его драмы ставились на сценѣ и обезпечивали ему доходъ и лавры артиста. Жили Шекспиръ въ странѣ, гдѣ еще не было театра, его поэтическое творчество, если бы оно и дало произведенія высокой цѣны, дало бы ихъ въ гораздо меньшемъ числѣ. Связь между разнообразіемъ поэтическаго творчества и дифференціаціей общественной жизни (и въ концѣ концовъ успѣхами производства) можетъ быть отлично прослѣжена на современномъ романѣ. Диккенсъ, Бальзакъ, Золя, Доде создали, подъ вліяніемъ богато развѣтвленной англійской и французской жизни, гораздо болѣе обширную галлерею портретовъ, чѣмъ Гоголь, Гончаровъ, Глѣбъ Успенскій. И это нужно приписать не меньшимъ дарованіямъ русскихъ писателей, а меньшему разнообразію русской жизни по сравненію съ жизнью Западной Европы.

В) Успѣхи экономической жизни ведутъ за собою успѣхи науки и искусства и потому, что высота техническихъ знаній позволяетъ создать такія орудія и приспособленія, которыя необходимы для развитія многихъ наукъ, а вкусъ къ просвѣщенію, изощренный ростомъ матеріальнаго довольства, направляетъ успѣхи техники на служеніе научному знанію. Если бы механическое производство не поднялось на ту высокую ступень, какой оно достигло въ настоящее время, то не могли бы быть изготовлены усовершенствованные телескопы и микроскопы, а безъ нихъ не были бы возможны успѣхи астрономіи и естественныхъ наукъ. На ряду съ разви-

тіемъ технологіи необходимо также, чтобы у отдѣльныхъ лицъ окрѣпла выростающая обыкновенно на почвѣ матеріальнаго благосостоянія наклонность дѣлать затраты на такіе предметы и ставить ихъ къ услугамъ науки. Необходимо, чтобы и государство посвятило этой области извѣстныя заботы (а это возможно лишь подъ условіемъ, что такіе вкусы сложились въ господствующихъ классахъ). Обсерваторіи, музеи, зоологическія станціи, бактеріологическіе институты и служатъ учрежденіями, которые въ высокой степени облегчаютъ развитіе науки.

II.

Насколько же содержаніе идеологіей опредѣляется экономической жизнью? Мы вступаемъ здѣсь въ область, гдѣ еще предстоитъ огромная критическая и созидательная работа и гдѣ нужно дѣлать каждый шагъ съ величайшею осторожностью. Прежде всего намъ представляется необходимымъ напомнить, что весь міръ идеологій распадается на два обширныхъ отдѣла: а) тѣ, которыя имѣютъ человѣка своимъ предметомъ, и б) тѣ, которыя посвящаютъ себя внѣшней природѣ. Въ первыхъ связь между содержаніемъ идеологіи и экономическою жизнью непрерывна. Всегда можно свести содержаніе идеологіи на условія хозяйственной жизни. И если эта связь не ясна, то лишь вслѣдствіе малаго количества труда и вниманія, которыя были посвящены этой области. Во второмъ отдѣлѣ эта связь носитъ гораздо болѣе общій характеръ: можно установить ее на нѣкоторыхъ ступеняхъ въ развитіи идеологіи, но было бы крайне неблагодарной задачей стараніе всегда уловить эту связь. Къ первому отдѣлу относятся право, искусство, религія, а также всѣ науки объ обществѣ; ко второму—всѣ отрасли знанія о внѣшней природѣ, о человѣкѣ, какъ видѣ животныхъ, и науки математическія.

Идеологіи второго отдѣла позволяютъ намъ установить между ними и экономическою жизнью всегда общую, а иногда и спеціальную связь. Сказанное выше объясняетъ, почему извѣстная высота экономической жизни необходима для того, чтобы каждая наука—астрономія или бактеріологія, химія или политическая экономія—дѣлала успѣхи. Но спеціальная связь обнаруживается всего ярче при зарожденіи извѣстной отрасли знанія. Астрономія развилась изъ астрологіи, а геометрія является старѣйшею изъ математическихъ наукъ. Почему? Въ древнихъ Египтѣ и Вавилонѣ жрецы наблюдали небесныя свѣтила и извлекали ихъ нихъ практическія указанія для хозяйственной жизни. Геометрія, какъ напоминаетъ самое ея наименованіе, была первоначально на службѣ у практическихъ задачъ,—измѣренія земли, для опредѣленія границъ владѣнія частныхъ лицъ, для установленія поземельнаго налога и проч. Въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ наукъ спеціальная связь между ними и экономическою жизнью не можетъ быть прослѣжена. Сложныя алгебраическія формулы, которыя построены великими математиками, или положенія, добытыя астрономами, не могутъ быть объяснены состояніемъ хозяйства данной эпохи. Въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ наукъ къ нимъ примѣнимо положеніе Энгельса, которое приведено выше. Если зоологъ или ботаникъ нашего времени посвящаетъ всю жизнь работѣ надъ какими-либо видами животныхъ или растеній, дабы подкрѣпить законъ, признаваемый естествознаніемъ или, быть можетъ, для того, чтобы опровергнуть его, то онъ зависитъ въ своей работѣ отъ состоянія, котораго достигла данная отрасль науки, а въ общихъ условіяхъ труда, благопріятныхъ или невыгодныхъ, зависитъ отъ экономической жизни, какъ то отмѣчено выше.

Иное дѣло—отрасли знанія, имѣющія человѣка своимъ предметомъ, искусство, право и мораль. Изучая эти идеологіи, можно установить ихъ связь съ состояніемъ хозяйства на каждой ступени ихъ развитія.

Состояніе экономической жизни ни въ одной странѣ и ни въ какой періодъ не бываетъ однороднымъ. Способы производства, которыми располагаетъ данное общество, и, сообразно съ ними, вся экономическая жизнь представляется въ троякомъ видѣ: 1) Извѣстная часть экономическихъ отношеній и способовъ производства, будучи для даннаго общества типической, господствуетъ. 2) На ряду съ господствующими формами сохранились старыя, которыя борются за существованіе и въ зависимости отъ условій времени и мѣста сохраняютъ позицію или же быстро оттѣсняются и переходятъ въ господствующій типъ. 3) Наконецъ въ этой средѣ обнаруживаются новыя теченія; они борются не только съ отживающими формами, но и съ тѣми, которыя господствуютъ. Экономическіе интересы населенія страны и разбиваются естественно по этимъ тремъ отдѣламъ.

Распространяя установленное положеніе на одну изъ странъ Западной Европы (всего лучше на Англію, Бельгію, Германію, ибо въ нихъ хозяйственная жизнь достигла наиболѣе высокаго развитія), мы видимъ, что въ основаніе главной массы экономическихъ явленій могутъ быть положены такіе технико-хозяйственные факты: А) Трудъ, облегчаемый разнообразными машинами и механическими приспособленіями. Б) Производство въ крупныхъ размѣрахъ и товарное. В) Сосредоточеніе орудій производства въ рукахъ меньшинства и обращеніе производителей (работниковъ) въ классъ неимущихъ. Г) Связь между частными хозяйствами на началѣ денежно-кредитнаго обмѣна. Если взять общественное хозяйство, напр., Англіи, то большая часть экономическихъ фактовъ можетъ быть сведена къ четыремъ отмѣченнымъ условіямъ, какъ къ простѣйшимъ элементамъ.—Однако, въ каждой изъ названныхъ странъ, не исключая Англіи, есть группы населенія, которыя образовали въ прошедшемъ господствующій типъ, и еще не доразвились до типа, нынѣ преобладающаго. Есть и цѣлыя отрасли производства и отдѣльныя предпріятія въ другихъ отрасляхъ безъ приложенія машинъ или съ очень слабымъ ихъ примѣненіемъ. Есть мелкія промышленныя заведенія, работающія по заказу. Есть крестьяне—собственники и кустари, владѣющіе орудіями труда. Есть мѣстности страны, гдѣ кредитныя отношенія мало развиты, и связь между хозяйствами выражается исключительно въ денежномъ обмѣнѣ. Да и этотъ обмѣнъ незначителенъ, такъ какъ есть хозяйства, которыя производятъ въ своихъ нѣдрахъ значительную часть того, что нужно для ихъ обихода. Параллельно развивается и третья группа экономическихъ фактовъ. Они связаны со всѣми тѣми сторонами господствующаго типа хозяйственныхъ явленій, гдѣ завоеванія технологіи въ большей или меньшей мѣрѣ парализуются строемъ собственности и организаціей производства, а потому и не могутъ доставлять обществу всѣхъ выгодъ, которыя вытекаютъ изъ ихъ существа. Такимъ образомъ особенности современнаго западно-европейскаго общества, отмѣченныя подъ пунктами А и Б, принимаются представителями третьяго теченія; но интересы этихъ группъ населенія нарушаются двумя другими особенностями (В и Г). Во имя измѣненія этихъ особенностей рабочіе группируются въ союзы и ведутъ борьбу съ господствующими типами. Ближайшія цѣли этой борьбы состоятъ иногда въ томъ, чтобы измѣнить къ лучшему условія жизни при удержаніи нынѣ господствующаго типа хозяйства; къ этому направлены, напримѣръ, всѣ стачки для повышенія заработной платы. Отдаленными же цѣлями служатъ: сохраненіе и дальнѣйшее развитіе машиннаго труда и производства въ крупныхъ размѣрахъ (А и Б); отмѣна частной собственности на землю и капиталъ (ибо только это можетъ устранить сосредоточеніе орудій въ немногихъ рукахъ) и денежно-кредитнаго обмѣна вмѣстѣ съ товарнымъ производствомъ (В и Г). Все населеніе страны и

его экономическія интересы могутъ быть разбиты по тремъ названнымъ отдѣламъ. И идеологіи, имѣющія человѣка своимъ предметомъ, примыкаютъ или исключительно или преимущественно къ одному изъ типовъ: преобладающему и господствующему, устарѣвшему и исчезающему, нарождающемуся, но еще малосильному, болѣе или менѣе далекому отъ господства.

Распредѣляя идеологіи по тремъ группамъ, мы видимъ, что право представляетъ нѣкоторыя особенности, вытекающія изъ его характера. Общественныя науки или искусство данныхъ времени и страны могутъ отвѣчать болѣе или менѣе громко на всѣ три группы хозяйственныхъ явленій и интересовъ. Положительное право создаетъ нормы, которыя прямо охраняютъ интересы; такъ какъ оно вырабатывается классомъ, экономически господствующимъ, то подавляющею частью своихъ положеній отвѣчаетъ на хозяйственные факты и интересы перваго разряда, т. е. господствующій типъ, и въ несравненно меньшей степени отвѣчаетъ на запросы, которые исходятъ изъ областей второй и третьей.

Зависимость права отъ хозяйственной жизни наиболѣе очевидна. Какой отдѣлъ права мы бы ни взяли, мы можемъ свести его нормы на основные факты хозяйства. Въ финансовомъ правѣ, наука о которомъ часто разсматривается, какъ дополненіе къ политической экономіи, эта связь совершенно ясна. Такъ, уменьшившееся значеніе государственныхъ имуществъ въ ряду источниковъ государственныхъ доходовъ, отчужденіе казенныхъ имуществъ, отмѣна большей части натуральныхъ повинностей, преобладаніе налоговъ, развитіе государственнаго кредита и прочее, могутъ быть съ очень немногими посредствующими звеньями сведены на сознаніе государственной власти, что частныя лица умѣютъ лучше, нежели государство, пользоваться усовершенствованными способами производства, которыми располагаетъ хозяйственная жизнь нашего времени, и что въ расчеты государства входитъ сокращеніе собственнаго производства (казеннаго сельскаго хозяйства, казенныхъ рудниковъ, заводовъ), передача этихъ имуществъ въ частныя руки и возвышеніе налоговъ. Перемѣны, обнаружившіяся въ большинствѣ европейскихъ государствъ за послѣднія десятилѣтія, въ смыслѣ увеличенія казенныхъ имуществъ государственными желѣзными дорогами, должны быть объяснены тѣмъ, что на ряду съ единоличнымъ частнымъ хозяйствомъ, развилось акціонерное, по своей громоздкости весьма сходное съ государственнымъ хозяйствомъ. Такъ какъ частная предпріимчивость примѣнялась къ желѣзнодорожному дѣлу исключительно въ акціонерной формѣ, то и окрѣпло сознаніе, что государство можетъ пріобрѣсти желѣзныя дороги всегда безъ убытка, а часто съ выгодою, и управлять ими не менѣе успѣшно, чѣмъ управляютъ частныя общества.—Нечего и говорить, что обширный отдѣлъ права, образующій экономическое законодательство, можетъ быть очень легко сведенъ на явленія народнаго хозяйства.

Интереснымъ примѣромъ объясненія того, какъ народное хозяйство вліяетъ на право, является истолкованіе Родбертусомъ тѣхъ процессовъ, завершеніемъ которыхъ было образованіе колоната въ древнемъ Римѣ. Колоны, какъ и всѣ другіе рабы, были совершенно подчинены своему господину; но ихъ положеніе потому было лучше, нежели другихъ рабовъ, что они пользовались прочною осѣдлостью и не были отчуждаемы отдѣльно отъ участковъ земли, которые подлежали ихъ обработкѣ. Эта первая ступень въ переходѣ отъ рабства къ крѣпостному состоянію была вызвана измѣненіями земледѣльческой техники и перемѣнами въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ послѣднее столѣтіе республики земельныя владѣнія римлянъ достигли огромныхъ размѣровъ. Обширность владѣній осталась и позднѣе выдающимся фактомъ въ жизни Рима, но способы веденія хозяйства рѣзко

измѣнились: крупное хозяйство уступило мелкому. Первой причиной были перемѣны въ способахъ производства посѣвовъ. Во время Плинія Старшаго земля стала подготовляться для посѣва болѣе тщательно; вошла въ употребленіе колесная мотыка. Земля должна была быть передъ посѣвомъ настолько рыхлой, чтобы въ ней вовсе не было крупныхъ комьевъ. Такая работа требовала большого старанія и тщательности. Въ обширныхъ владѣніяхъ, для которыхъ, при такомъ способѣ воздѣлыванія земли, нужно было нѣсколько сотъ рабочихъ, имъ приходилось идти изъ усадьбы до полей очень долго, тѣмъ болѣе долго, что обыкновенно они шли туда скованными; работали они также въ цѣпяхъ. Полная невозможность интенсивнаго труда при подобныхъ условіяхъ и требовала, чтобы воздѣлыватель земли былъ заинтересованъ въ своей работѣ, а для этого было необходимо перейти къ мелкому хозяйству.

Вторая причина была связана съ перемѣнами въ запросѣ со стороны рынка; это совершилось въ послѣднее время республики. Большой притокъ населенія и накопленіе богатствъ въ Италіи и, особенно, Римѣ измѣнили нравы; обнаружился напряженный запросъ на продукты такъ называемой мелкой культуры. Разведеніе домашнихъ птицъ сдѣлалось гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ полеводство. Въ окрестностяхъ Рима разстилались обширные цвѣтники розъ, лилій и фіалокъ. Разнообразные овощи находили большой сбытъ. Фруктовые сады были предметомъ большого вниманія римлянъ; искусство улучшать сорта плодовыхъ деревьевъ сдѣлало выдающіеся успѣхи. Многія пашни были обращены въ искусственные луга, потому что потребность въ свѣжемъ молокѣ и сѣнѣ чрезвычайно увеличилась. Разведеніе маслинъ и виноградниковъ распространялось все болѣе и болѣе. Развилась сельскохозяйственная литература. Словомъ, во многихъ мѣстахъ Италіи земледѣліе приняло характеръ садоводства. Эти условія дѣлали невыгоднымъ веденіе обширнаго хозяйства изъ одного центра.

Сюда присоединилась и третья причина. Когда римскіе землевладѣльцы перестали сами заботиться о своемъ хозяйствѣ, то передали завѣдываніе имѣніями управителямъ изъ рабовъ. Пока были живы управители, воспитанные сами владѣльцами, или ближайшіе потомки этихъ управителей, проникнутые ихъ началами, до тѣхъ поръ можно было справиться и съ новыми системами хозяйства; когда же вымерли эти поколѣнія, то стала ощущаться трудность веденія такого хозяйства. Трудность усугублялась и увеличеніемъ издержекъ производства, вслѣдствіе вздорожанія рабовъ. Завоеванія все новыхъ земель и большія массы военноплѣнныхъ обезпечивали римлянамъ увеличеніе числа рабовъ и возможность покупать ихъ недорого. Но къ концу республики для завоеваній остался уже гораздо меньшій просторъ, пріобрѣтеніе рабовъ за предѣлами Италіи стало болѣе затруднительно, и цѣна рабовъ повысилась. Пользоваться же малоуспѣшнымъ трудомъ дорогихъ рабовъ для интенсивной культуры было убыточно. А такъ какъ классъ свободныхъ арендаторовъ еще не сложился, то римлянамъ, которые были всегда отличными счетоводами, оставалось одно: разбить латифундіи на мелкіе участки и пріурочить къ каждому участку извѣстное число рабовъ, которые и были колонами; они пользовались большею свободой, чѣмъ рабы, направляемые для сельскохозяйственнаго труда изъ одного центра. Первоначально положеніе колона чисто фактически отличалось отъ положенія другихъ рабовъ; но постепенно въ отношеніи къ этой группѣ и тѣмъ рабамъ, которые выросли въ помѣстьяхъ и образовали ихъ желѣзный инвентарь (adscriptitii), произволъ господъ былъ смягченъ; это послужило исходной точкой для образованія класса крѣпостныхъ [2]).

Итакъ, побужденія, вслѣдствіе которыхъ въ жизни римскихъ рабовъ совершились крупныя перемѣны, вытекали не изъ распространенія началъ гуманности, а только изъ преобразованія земледѣльческой техники и сельскохозяйственнаго рынка. Какъ просто, естественно, убѣдительно это объясненіе сравнительно съ тѣмъ, что мы находимъ въ книгѣ Данквардта, вышедшей лишь четырьмя годами ранѣе и удостоенной хвалебнаго предисловія Рошера. Въ концѣ прошлаго вѣка, говоритъ Данквардтъ, вся европейская жизнь была скована монополіями. Но съ начала нынѣшняго столѣтія стали изучать политическую экономію, и она постепенно убѣдила людей, что стѣсненіе промышленной свободы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ развѣ промысловъ, есть большая несправедливость относительно устраненныхъ и особенно относительно будущихъ поколѣній. Чрезъ такое стѣсненіе множество гражданъ осуждается на бездѣйствіе и нищету, а безчисленное множество людей, обозрѣвши впервые жизнь, съ грустью замѣчаютъ, что для нихъ нѣтъ больше мѣста на великомъ поприщѣ народной дѣятельности. Съ другой стороны множество счастливцевъ отдается лѣни [3]). Читая такое объясненіе причинъ, которыя привели къ отмѣнѣ цеховъ, невольно дѣлаешь выводъ, что въ половинѣ 19 столѣтія законодатели были гораздо болѣе гуманны, чѣмъ теперь: ихъ безпокоила мысль, что могутъ быть на свѣтѣ люди, не находящіе работы, и богатые счастливцы, которые проводятъ жизнь въ праздности и нѣгѣ. А законодатели нашего времени всѣми силами поддерживаютъ капиталистическое производство, хотя ему сопутствуетъ огромная армія безработныхъ, и оно позволяетъ роскошно лѣниться очень многимъ счастливцамъ!

Посмотримъ на отдѣлъ права, который, повидимому, далеко стоитъ отъ экономической жизни,—право народнаго просвѣщенія.

До девятнадцатаго вѣка народное просвѣщеніе ограничивалось въ Западной Европѣ состоятельными классами. Ему былъ совершенно чуждъ профессіональный характеръ. Это объясняется господствовавшими тогда способами производства. Въ однѣхъ отрасляхъ, особенно сельскомъ хозяйствѣ, они были настолько просты, что всякое систематическое обученіе считалось излишнимъ. Въ другихъ — многихъ ремеслахъ, обученіе было нужно, но ученичество подъ руководствомъ мастера считалось наилучшей формой, въ которой человѣкъ можетъ получить профессіональное образованіе. Крайняя приниженность большинства не открывала простора для убѣжденія, что ему нужно общее образованіе. Высшій и даже средній классы уже ощущали потребность въ образованіи, частью, общемъ—изученіи древнихъ языковъ съ ихъ литературами, исторіи—частью, спеціальномъ — изученіи права и богословіи, ибо только эти занятія высшихъ классовъ требовали систематической подготовки. Для высшихъ классовъ техническое образованіе не было нужно, такъ какъ они стояли внѣ круга матеріальнаго производства. Для среднихъ классовъ (горожанъ и зажиточныхъ поселянъ) оно не было нужно, такъ какъ способы произвдства были крайне просты и надзоръ за производительными процессами (со стороны людей достаточныхъ классовъ, состоящихъ въ этомъ процессѣ) не требовалъ систематической подготовки. Рѣзкія измѣненія въ техникѣ повели сначала прошлаго столѣтія къ рѣзкимъ перемѣнамъ и въ политикѣ народнаго просвѣщенія. Стало упрочиваться сознаніе, что новые способы производства будутъ тѣмъ лучше использованы промышленностью и тѣмъ быстрѣе усовершенствованы, чѣмъ болѣе будетъ удѣлено мѣста техническому образованію на всѣхъ ступеняхъ обученія, высшей, средней и низшей. Такимъ образомъ всѣ нормы народно-просвѣтительной политики, по скольку онѣ касаются техническаго образованія, непосредственно обусловливаются способами производства. А возрастающее значеніе этихъ нормъ

во всей области права, которая имѣетъ своимъ предметомъ народное просвѣщеніе, явствуетъ уже изъ того, что число техническихъ училищъ увеличивается непрерывно. Въ 1903 году въ Германіи было 468 гимназій съ 2 древними языками и 265 реальныхъ училищъ разныхъ категорій; къ нимъ нужно пріобщить 122 реальныхъ гимназіи (съ однимъ латинскимъ языкомъ), которыя образуютъ переходную ступень отъ классическаго образованія къ реальному и являются уступкою со стороны перваго послѣднему. Къ реальнымъ училищамъ нужно причислить среднія школы по сельскому хозяйству и разнымъ отраслямъ промышленности. На ряду съ 21 университетомъ Германіи (всѣ они болѣе или менѣе стариннаго происхожденія) есть 9 высшихъ техническихъ училищъ и 9 лѣсныхъ академій; большая часть этихъ заведеній возникли только въ XIX столѣтіи. Способы же производства, вызвавъ къ жизни спеціальныя техническія заведенія, повліяли и на общее образованіе всѣхъ степеней. Упроченіе машинъ создало въ промышленности аристократію, богатую, властную, прикосновенную ко всѣмъ усладамъ жизни, пользующуюся почетомъ. Государственная служба потеряла въ глазахъ привилегированныхъ классовъ значительную часть своей привлекательности потому, что перемѣны въ промышленности выработали новые способы вліять на общественную жизнь (чрезъ биржу, синдикаты, печать); ранѣе такое вліяніе было возможно только чрезъ службу государству. Сознаніе, что, занявъ выдающееся мѣсто въ промышленности, человѣкъ устроитъ свою судьбу не хуже, а часто и лучше, чѣмъ на государственной службѣ, побуждаетъ многихъ стремиться въ техническія и профессіональныя училища. Наплывъ въ нихъ болѣе великъ, чѣмъ въ университеты. Перемѣны въ способахъ производства повліяли и на низшее общее образованіе; но здѣсь эта связь не такъ ясна. Начиная отъ древности и вплоть до новаго времени общее образованіе было удѣломъ достаточныхъ и лично свободныхъ классовъ. За низшими порабощенными классами не признавалось права на образованіе уже потому, что не признавалось права личности. Народная школа, предназначенная для бѣднѣйшихъ классовъ, могла развиться только послѣ того, какъ они получили личную свободу и какъ начало являться хотя нѣкоторое представленіе о ихъ человѣческомъ достоинствѣ и ихъ правѣ на образованіе. А ихъ личная свобода стала совершившимся фактомъ только послѣ перемѣнъ въ способахъ производства, которыя сдѣлали необходимою замѣну крѣпостного труда вольнонаемнымъ.

Не трудно замѣтить, что главныя перемѣны, происходящія въ положительномъ правѣ, направлены къ охраненію господствующаго типа экономической жизни. Товарное производство требуетъ возможно большаго расширенія рынка,—и значительная часть законодательной работы и расходовъ въ главныхъ странахъ Запада направлены на то, чтобы заключать торговые договоры съ иностранными государствами и расширять колоніальныя владѣнія. Капиталъ заинтересованъ въ возможно болѣе долгомъ рабочемъ днѣ: поэтому фабричное законодательство развивается медленно. Когда намѣчаются новыя и благопріятныя для рабочихъ перемѣны въ фабричныхъ законахъ, то стараются предварительно отвѣтить на такой вопросъ: не ослабитъ ли сокращеніе рабочаго дня въ туземной промышленности ея способности соперничать съ иностраннымъ производствомъ на міровомъ рынкѣ? Товарное производство, уже окрѣпшее въ главныхъ странахъ Европы, обладаетъ достаточною силой, чтобы во многихъ случаяхъ обойтись безъ государственной поддержки и развивать новое могущество изъ себя самого, посредствомъ синдикатовъ. Оно особенно нуждается въ томъ, чтобы государство предоставило ему свободу дѣйствій. И мы видимъ, что государство очень неторопливо обуздываетъ личную свободу, иначе го-

воря, произволъ имущихъ классовъ въ общественной жизни. Эта тенденція сказывается, напр., и въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Расширеніе высшихъ техническихъ училищъ, устройство въ нихъ новыхъ каѳедръ, монументальныхъ химическихъ лабораторій или физическихъ кабинетовъ дѣлается гораздо легче, нежели умноженіе числа народныхъ школъ, увеличеніе жалованья народныхъ учителей и пр.

Гораздо меньше дѣлаетъ государство для охраненія тѣхъ фактовъ экономической жизни, которые соотвѣтствуютъ отсталымъ, но господствовавшимъ ранѣе формамъ хозяйства. Мелкая земельная собственность и ремесло могутъ извлекать выгоды изъ мѣръ, которыя прежде всего имѣютъ въ виду крупное производство. Отъ времени до времени въ литературѣ раздаются голоса о томъ, что полезно умножить классъ крестьянъ-собственниковъ, при посредствѣ крупной государственной кредитной операціи. Конечно, государство нашло бы для этого средства; и мы видимъ, что оно находитъ ихъ безъ затрудненія, когда считаетъ полезнымъ провести эту мѣру изъ соображеній политическихъ (ими руководствуется прусское правительство при замѣнѣ въ Познани польскаго землѣвладѣнія германскимъ). Однако, эти мѣры вовсе не популярны; онѣ не принимаются изъ соображеній объ интересахъ отсталыхъ общественныхъ группъ. Правда, государство или общины устраиваютъ или способствуютъ устроенію школъ для главныхъ отраслей ремесла, но въ области низшаго ремесленнаго образованія дѣлается несравненно меньше, чѣмъ для высшаго или средняго техническаго.

Силы, дѣйствующія въ государствахъ Запада, объясняютъ, почему мало развиты и медленно развиваются нормы права, благопріятныя для третьяго теченія. Союзы рабочихъ, производительныя артели, потребительныя общества, много или мало отрицающія типъ народнаго хозяйства, который теперь господствуетъ, не находятъ со стороны государства никакой поддержки. Довольно, повидимому, и того, что оно терпитъ ихъ существованіе. Свобода собраній и сходокъ въ Германіи, напр., едва держится подъ напоромъ враждебныхъ ей силъ, имѣющихъ участіе въ законодательствѣ. Вѣскимъ доказательствомъ враждебности современнаго государства этимъ теченіямъ служитъ отношеніе французскаго правительства къ городскому управленію тамъ, гдѣ оно состоитъ изъ рабочихъ. Соціальная демократія одержала побѣду въ городахъ Лиллѣ и Рубэ на выборахъ 1890 года; въ Рубэ мэръ, его товарищъ и совѣтники городской управы (всего 36) были выбраны изъ рабочихъ. Служба по муниципалитету не связана съ жалованьемъ; но обыкновенно правительство даетъ въ распоряженіе мэра значительныя суммы на представительство. Члены городской управы Рубэ, не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ заработной платы, рѣшили оставить свои занятія на фабрикахъ; дабы всецѣло посвятить городу свое время, они начали хлопотать о выдачѣ мэру 36.000 франковъ ежегодно на расходы по представительству. Они намѣревались раздѣлить эту сумму поровну, по 1.000 франковъ на душу. Правительство, обыкновенно исполняющее такія ходатайства, отказало. Когда въ началѣ своей дѣятельности муниципалитетъ хотѣлъ усилить заботы о бѣднѣйшихъ классахъ, напр., устроить общественныя аптеки для удешевленія лѣкарствъ, то полиція помѣшала имъ, ссылаясь на то, что содержаніе аптекъ городомъ не вошло въ обычай.

III.

Разъ столь очевидно вліяніе хозяйственной жизни на право, то нѣтъ надобности пояснять, что и наука права стоитъ въ большой зависимости отъ экономіи общества. То же скажемъ мы о наукѣ народнаго хозяйства. Перемѣны въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, обусловленныя преобразова-

ніемъ способовъ производства, отражаются на политической экономіи. Великіе писатели даютъ теоретическое объясненіе и обобщеніе новымъ фактамъ народнаго хозяйства, которые, постепенно возрастая, вырабатываютъ новый типъ явленій, и настаиваютъ на тѣхъ измѣненіяхъ въ положительномъ правѣ, которыя облегчаютъ развитіе новаго типа. А посредственные писатели прославляютъ старину и стараются воздвигать преграды, которыя мѣшали бы окончательному торжеству слагающихся формъ хозяйства. Можно прослѣдить на Смитѣ и Рикардо вліяніе, которое перемѣны въ хозяйствѣ имѣли на политическую экономію. Во второй половинѣ прошлаго вѣка буржуазное хозяйство боролось съ ремесленнымъ и крестьянскимъ; дабы одержать побѣду, нужно было уничтожить путы, которыя мѣшали свободному соперничеству. И, вотъ, А. Смитъ, а раньше его физіократы, являются не только теоретиками новаго хозяйственнаго уклада, но и политиками. Они начертываютъ программу мѣропріятій, осуществленіе которыхъ должно было облегчить буржуазному обществу побѣду. Въ концѣ 18 и въ началѣ 19 столѣтія часть этого плана была осуществлена, и въ Рикардо мы имѣемъ экономиста-теоретика par excellence. За первую четверть XIX столѣтія противорѣчія буржуазнаго общества успѣли обостриться въ такой мѣрѣ, что ученики Смита и Рикардо служили наукѣ лишь настолько, насколько разрабатывали частности, не выясненныя главами школы. Выдвигая же, какъ политики, требованія своихъ учителей о возможно большей свободѣ въ хозяйствѣ и проповѣдуя гармонію интересовъ, они являлись выразителями пожеланій той общественной группы, которая уже пріобрѣла господство. Соціализмъ, достигнувъ въ С. Симонѣ, Фурье и Оуенѣ замѣтнаго выраженія, быстро перерастаетъ буржуазную экономію десятью головами; онъ всецѣло прикрѣпляется къ новому теченію, является его представителемъ. Первоначально соціализмъ въ неясныхъ очертаніяхъ предугадываетъ перемѣны, которыя должны совершиться въ хозяйственной жизни. Начиная же отъ Маркса, онъ становится на твердую почву; слагается научная система соціализма. Дабы понять современныя прогрессивныя теченія во всемъ ихъ существѣ и намѣтить путь, по которому они будутъ развиваться, соціализмъ долженъ былъ совершить надъ буржуазнымъ общественнымъ хозяйствомъ ту работу, которая не была исполнена Смитомъ, Рикардо и ихъ продолжателями: онъ долженъ былъ раскрыть противорѣчія внутри буржуазнаго общества, проникнуть въ нихъ глубже, подвергнуть испытанію теорію гармоніи интересовъ и доказать ея ложность. Такимъ образомъ Марксъ является послѣднимъ великимъ теоретикомъ буржуазнаго общественнаго хозяйства и первымъ великимъ систематическимъ теоретикомъ ассоціаціоннаго общественнаго хозяйства, которому принадлежитъ будущее. [4]) Связь между явленіями народнаго хозяйства и политической экономіи, вліяніе первыхъ на послѣднюю такъ очевидны, что даже при бѣгломъ знакомствѣ съ исторіей народнаго хозяйства Европы за 2 послѣднихъ столѣтія можно объяснить происхожденіе отдѣльныхъ частей *Богатства народовъ* и *Капитала*. Не лишне, однако, отвѣтить на вопросъ, нужно ли было обоимъ великимъ экономистамъ жить непремѣнно въ Англіи, дабы создать эти научныя системы. Такой вопросъ представляется очень простымъ относительно Адама Смита. И происхожденіемъ, и всею жизнью онъ принадлежалъ Великобританіи. Какъ человѣкъ высокаго и разносторонняго образованія, онъ зналъ французскую литературу и находился подъ вліяніемъ французской философской мысли; она оставила слѣдъ въ его міросозерцаніи. Однако, только въ Англіи ему была обезпечена полнота наблюденій надъ народнымъ хозяйствомъ, и эта полнота позволила создать систему цѣльную и законченную, какую находимъ въ книгѣ о *Богатствѣ народовъ*. Такъ какъ Смитъ

БИБЛІОТЕКА ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

провелъ всю жизнь въ Англіи, то былъ постоянно у источника, откуда и могъ черпать все новыя и новыя знанія. Хозяйство Англіи было высшимъ выраженіемъ экономической жизни того времени. Марксъ родился и получилъ воспитаніе въ странѣ отсталой Германіи, гдѣ и прожилъ съ небольшими перерывами до 30 лѣтъ; затѣмъ онъ жилъ во Франціи, Бельгіи и, наконецъ, совсѣмъ поселился въ Лондонѣ. Могъ ли бы *Капиталъ* явиться во всемъ своемъ величіи, если бы его творецъ жилъ въ Германіи и находился подъ вліяніемъ наблюденій преимущественно германской и хозяйственной жизни? Полагаю, что нѣтъ, ибо вплоть до 70-хъ годовъ германская промышленность была отсталой; буржуазное общественное хозяйство еще не вылилось тамъ въ законченную форму, и противорѣчія, которыя заключены въ его нѣдрахъ, не успѣли обнаружиться такъ рѣзко, какъ во Франціи и, особенно, въ Англіи. Марксъ могъ дать намъ *Капиталъ* только чрезъ познаніе наиболѣе развитыхъ формъ хозяйства и идей, которыя уже были вызваны этими формами. Можно вполнѣ присоединиться къ такой характеристикѣ Зомбарта: «То, что облегчило Карлу Марксу занять первое мѣ то среди соціальныхъ философовъ XIX столѣтія и оказать на ряду съ Гегелемъ и Дарвиномъ всего большее вліяніе на идеи новаго времени, было его знакомство съ высшей формой исторіи философіи его времени—Гегелемъ—и съ высшей формой соціальной жизни — съ Западной Европой, т. е. Франціей и, особенно, Англіей, то, что онъ сумѣлъ собрать, словно въ одинъ фокусъ, всѣ лучи, которые до него исходили отъ иноземныхъ мыслителей, и то, что ему удалось — изъ его международной сферы жизни — отвлечься отъ всѣхъ случайностей національнаго развитія и въ частномъ познать общее, образующее типъ новѣйшей общественной жизни».[5]) Но я хочу здѣсь же возразить Зомбарту, будто отличительною особенностью Маркса было необыкновенно тонкое пониманіе неблагородныхъ влеченій человѣка, дурныхъ сторонъ человѣческой природы. Нѣтъ, если бы это было такъ, то онъ оказался бы совсѣмъ невосприимчивымъ и близорукимъ тамъ, гдѣ ему приходилось оцѣнивать благородныя побужденія людей. Однако, мы не видимъ въ трудахъ его такой односторонности: онъ одинаково глубоко проникалъ во всѣ человѣческія наклонности. Изъ-подъ его пера, говорятъ намъ, выходятъ положенія, которыя убѣждаютъ, что себялюбіе, даже въ самыхъ отталкивающихъ формахъ, является главной пружиной исторіи. Это вѣрно; но нужно объяснить это не особенной изощренностью ума Маркса въ наблюденіи эгоизма людей, а только тѣмъ, что знаніе всѣхъ сторонъ общественной жизни въ прошломъ и настоящемъ обнаружило ему подавляющее вліяніе этого начала.

Къ хозяйственному быту даннаго времени можно свести многое и въ философскихъ системахъ, которыя часто разсматриваются, какъ единоличное созданіе ума такого-то мыслителя.

Возьмемъ, напр., Гераклита Темнаго, неоднократно возбуждавшаго большой интересъ среди историковъ философіи. Рядъ мыслителей, которые предшествовали ему, выработали такія формы мышленія, что умъ, способный къ обобщеніямъ, стремился свести всю вселенную къ немногимъ созидающимъ и движущимъ началамъ. Огонь служитъ для Гераклита этимъ верховнымъ началомъ. Однако, содержаніе его философской системы становится понятнымъ только при знакомствѣ съ общественной жизнью Эфеса, родины Гераклита, гдѣ и возникло его ученіе.

Бѣднѣйшіе классы Іоніи добивались въ 6 вѣкѣ расширенія правъ и улучшенія своего быта. Ихъ теоретикомъ былъ философъ Ксенофанъ, который проповѣдывалъ всеобщее равенство. Ксенофанъ считалъ идеаломъ такое состояніе общества, когда равенство всѣхъ установляетъ полнѣйшее

единство. Заключеніе о необходимости этого единства было для него выводомъ изъ положенія, что вселенная едина, что она—существо вѣчное и однородное. Побѣда пролетаріата въ Іоніи повела къ стѣсненію богатыхъ классовъ, которымъ ихъ матеріальное довольство обезпечивало привилегированное положеніе. Они не могли примириться съ успѣхами бѣднѣйшихъ согражданъ и начали борьбу; ея теоретикомъ явился Гераклитъ, принадлежавшій къ одному изъ самыхъ знатныхъ родовъ Іоніи. Гераклитъ исходитъ со своими требованіями относительно политическихъ реформъ изъ своего общаго міровоззрѣнія. По мнѣнію Гераклита, въ мірѣ наблюдается единство; но, въ отличіе отъ Ксенофана, онъ полагаетъ его не въ единствѣ сущаго, а въ единствѣ одного мірового закона, закона противоположностей. Отсюда слѣдуетъ, что провозглашеніе всеобщаго равенства есть только попытка изуродовать естественный законъ. Нѣтъ ничего сущаго; есть только непрерывное движеніе, какъ убѣждаетъ насъ въ томъ ежедневный опытъ: болѣзнь смѣняется здоровьемъ, голодъ—пресыщеніемъ, утомленіе—отдыхомъ. И въ этой непрерывной смѣнѣ формъ вѣчнымъ остается только огонь—основное начало. Жизнь является синонимомъ перемѣнъ, а равенство есть то же, что смерть. Непрерывный переходъ изъ одного состоянія въ другое, противоположное первому, заставляетъ Гераклита высказать положеніе, что „споръ есть отецъ и господинъ всѣхъ вещей“. Непрерывная борьба, создавшая все сущее и непрестанно измѣняющая его, и привела къ тому, что одни люди дѣлаются рабами, другіе—свободными. Это ученіе было направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы отстоять стремленія аристократіи, сохранить за ней преобладающее значеніе и осудить демократическія теченія. Идея всеобщаго равенства получаетъ отъ Гераклита наиболѣе рѣшительный ударъ, какой могъ быть въ то время нанесенъ ей со стороны философской мысли. Изъ чрезвычайныхъ различій, которыя представляетъ вселенная, Гераклитъ выводитъ, что не всѣ люди одинаково разумны, что, напротивъ, толпа совѣмъ слѣпа, что даже ея вожаки, будучи нерѣдко поверхностными многознайками, слѣпы и глухи къ истинѣ. Его презрѣніе къ народу и желаніе поддержать аристократію выражаются въ томъ, что мишурному блеску, окружающему вожаковъ толпы, Гераклитъ противополагаетъ высшую награду, которая ожидаетъ павшихъ со славою за свое дѣло. Философъ видитъ, что аристократія не довольно смѣла и ободряетъ ее на борьбу перспективой блаженства, которое послѣ смерти ждетъ самыхъ мужественныхъ бойцовъ [6]).

Дабы выяснить вліяніе экономической жизни на ученіе Гераклита нужно пройти ступени, чрезъ посредство которыхъ оно обнаруживалось. Въ Іоніи, самой цвѣтущей колоніи Греціи, промышленность и торговля достигли высокаго уровня. Накопленныя богатства позволили небольшому меньшинству захватить власть и угнетать народъ. Богатства же повели къ такому развитію роскоши и распутства, какія не были извѣстны другимъ мѣстамъ Греціи. Стало обнаруживаться полное вырожденіе правящихъ классовъ: роскошь, корыстолюбіе, наклонность ко клятвопреступленію—вотъ, что считалось отличительными качествами іонійцевъ. Лучшіе люди хотѣли облагородить общественный бытъ. Представитель народа Ксенофанъ выдвигалъ равенство всѣхъ, какъ основаніе общежитія, а представитель аристократіи, которая хотѣла сохранить свои права, давалъ философское обоснованіе и оправданіе началу неравенства, противоположностей [7]). Итакъ, матеріальный бытъ іонійцевъ дѣйствовалъ на образованіе философіи Гераклита Темнаго чрезъ посредство политическаго положенія, которое заняла аристократія, благодаря хозяйственной жизни, и оберегать которое было особенно нужно съ тѣхъ поръ, какъ ему стали угрожать демократическія теченія.

IV.

Хозяйственный бытъ народа отражается на искусствѣ. На самыхъ раннихъ ступеняхъ общежитія способы производства даютъ толчки въ направленіи тѣхъ формъ, въ которыхъ выражается эстетическое чувство. Бюхеръ показалъ съ большимъ мастерствомъ, какъ ритмичность звуковъ, происходящихъ при работѣ, облегчаетъ трудъ и образуетъ элементы, изъ которыхъ постепенно развиваются пѣсни, поэзія и музыка. Каждая работа—молотильщика, кузнеца, плотника, судоходца—производитъ особые звуки, даетъ своеобразный ритмъ; къ каждой пріурочиваются особыя пѣсни, происхожденіе которыхъ теряется во мракѣ вѣковъ. И орудія, употребляемыя при этихъ простѣйшихъ и старинныхъ видахъ труда, служатъ родоначальниками музыкальныхъ инструментовъ. Происхожденіе музыкальныхъ инструментовъ отъ этихъ прародителей можно легко прослѣдить на барабанѣ, колотушкахъ и трещеткахъ, которыми пользуются дикари: эти инструменты напоминаютъ ударныя орудія. Точно также и звуки несовершенной музыки, которую мы находимъ у дикихъ племенъ, имѣютъ ближайшее сходство со звуками при выполненіи работъ, извѣстныхъ нашимъ далекимъ предкамъ [8]). Такой же отвѣтъ долженъ быть данъ на вопросъ о томъ, почему въ украшеніяхъ первобытныхъ людей шкуры, когти и зубы дикихъ звѣрей занимаютъ выдающееся мѣсто или почему женщины многихъ дикихъ племенъ носятъ на рукахъ и ногахъ желѣзныя кольца. Потому, что складъ хозяйства даетъ человѣку въ изобиліи именно эти предметы, что большое количествс этихъ предметовъ служитъ показателемъ богатства, мужества, силы, словомъ, тѣхъ особенностей людей, которыя нравятся предпочтительно предъ всѣми другими. «Психологическая природа первобытнаго охотника, говоритъ Кирсановъ, обусловливаетъ собою то, что у него вообще могутъ быть эстетическіе вкусы и понятія, а состояніе его производительныхъ силъ, его охотничій бытъ ведетъ къ тому, что у него складываются именно эти вкусы и понятія, а не другіе» [9]).

Въ сѣдую старину искусство непосредственно испытываетъ на себѣ вліяніе техники и хозяйственнаго быта. Чѣмъ сложнѣе становится жизнь, тѣмъ больше нужно пройти посредствующихъ ступеней, чтобы уловить эту связь. Ритмъ стихотворнаго искусства въ своемъ зародышѣ очень напоминаетъ звуки при работѣ: анапестъ и дактиль напоминаютъ удары молотка о наковальню. Однако, «искусство стихосложенія, разъ оно существуетъ, идетъ своимъ собственнымъ путемъ, когда стихотвореніе отдѣлилось отъ музыки и тѣлесныхъ движеній и сдѣлалось достаточно самостоятельнымъ, чтобы вести свое особое существованіе». «Отдѣленная отъ труда музыка можетъ быть болѣе свободна въ выборѣ своихъ техническихъ средствъ, а у культурныхъ народовъ Европы за нею лежитъ развитіе въ теченіе многихъ тысячелѣтій» [10]).

Но связь между искусствомъ и хозяйственнымъ бытомъ можетъ быть установлена и въ тѣ періоды, когда цивилизація уже сдѣлала жизнь очень сложною. Тэнъ изобразилъ съ большой основательностью и свойственнымъ ему краснорѣчіемъ тѣ условія общежитія, которыя сдѣлали голландцевъ столь непохожими на итальянцевъ и которыя отразились въ живописи. Природа, суровая, угрюмая, заставляющая человѣка брать съ бою у воды каждый клочекъ земли для хозяйственныхъ цѣлей, требовала всего напряженія тѣлесныхъ силъ, мужества, смѣтливости, изобрѣтательности, приковывала все вниманіе къ землѣ, оставляла мало досуга для мечтаній и укрѣпляла любовь къ реальному. И, вотъ, на этой почвѣ, подготовленной природой страны и долгимъ историческимъ развитіемъ, возникаютъ тѣ дивные образы искусства, которые создали кисти Рубенса,

Рембрандта и ихъ учениковъ. Реальность—такова отличительная особенность этихъ мастеровъ. Христосъ Рубенса, божья матерь, апостолы, мученики только по имени напоминаютъ о завѣтахъ Христа, его морали, самоотреченіи, на которые были способны первые христіане. Полотно же даетъ ихъ намъ въ состояніи цвѣтущаго здоровья, въ блескѣ силы и красоты, съ глазами, откуда свѣтитъ жажда чувственныхъ наслажденій. Попраны всѣ традиціи старой живописи. На сцену являются всѣ животные инстинкты человѣческой природы: ихъ исключаютъ за грубость, а художникъ возстановляетъ ихъ въ ихъ правахъ, ибо они истинны. Но ближе всѣхъ къ жизни Рембрандтъ. Онъ проводитъ передъ нами длинную галлерею современныхъ ему типовъ. Дворяне и горожане, служанки и крестьяне, солдаты, сапожники и нищіе, они не даютъ зрителю ничего, что говорило бы о выдающихся доблестяхъ, великихъ мысляхъ, міровыхъ планахъ. Всѣ они производятъ впечатлѣніе полнаго довольства, которое испытываютъ въ своей обычной обстановкѣ: праздничное платье, чистый полъ жилища, кружка пива и трубка, спокойная бесѣда о житейскихъ дѣлахъ—вотъ что дѣлаетъ ихъ счастливыми. Почему же величайшіе художники фламандской и голландской школъ явились именно въ 17 столѣтіи и почему любовь къ реальному, простому, обыденному составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ ихъ творчества?

Именно къ этому времени Бельгія и Голландія вышли изъ періода тяжкихъ испытаній. Филиппъ II разрушилъ цвѣтущіе города этихъ странъ, нанесъ страшные удары промышленности и торговлѣ. Костры и сѣкиры палачей истребили множество людей; десятки тысячъ семействъ навсегда покинули родину; еще больше легло костьми на поляхъ битвъ или умерло отъ заразныхъ болѣзней, опустошавшихъ эти страны. Цѣлое поколѣніе выросло и созрѣло среди бранныхъ тревогъ; не было немногихъ мѣсяцевъ, немногихъ недѣль, иногда немногихъ дней къ ряду, когда бы оно пользовалось полнымъ покоемъ. Ни у кого не было увѣренности относительно завтрашняго дня. И когда въ самомъ концѣ 16 вѣка жестокое управленіе Альбы смѣнилось мягкимъ правительствомъ герцога Пармскаго, то жизнь стала возвращаться въ старую колею: населеніе, покинувшее города, спѣшило возвратиться въ нихъ; промышленность и торговля пошли полнымъ ходомъ. И всѣ почувствовали сладость покоя. «По окончаніи такихъ бѣдствій, міръ представляется райскимъ состояніемъ; человѣка радуетъ не то, что хорошо, а то что *лучше*, а здѣсь *лучшее* чрезвычайно велико. Наконецъ, можно спать въ своей постели, накоплять запасы, пользоваться плодами своего труда, путешествовать, устраивать собранія, бесѣдовать безъ опасенія; есть домъ, есть родина; есть надежда на будущее. Самыя обыденныя явленія жизни представляются привлекательными и интересными; оживаешь; кажется, будто живешь въ первый разъ». [11]).

Не трудно такимъ образомъ понять характеръ творчества величайшихъ художниковъ фламандской и голландской школъ. Переходъ отъ ужасовъ испанскаго владычества, отъ несчастій, которыя въ большей или меньшей мѣрѣ выпали на долю каждаго, къ правильному и спокойному труду былъ такъ рѣзокъ, бросалъ на жизнь такую яркую полосу свѣта, что приливъ счастья удесятерялъ силы человѣка и позволялъ дарованію художника достигнуть его высшаго выраженія. Правильная хозяйственная жизнь, невозможная цѣлыхъ три десятилѣтія, забила ключомъ и дала толчокъ искусству. А самая эта жизнь, отрадная послѣ испытанныхъ невзгодъ, наполняла радостью душу художника и побуждала его изображать ее въ наиболѣе обыденныхъ проявленіяхъ.

Говоря о могущественномъ вліяніи хозяйства на искусство, мы не должны, однако, забывать, что научное и художественное творчество обра-

зуетъ особую область, гдѣ все предыдущее оказываетъ вліяніе на дальнѣйшее движеніе впередъ. Право даннаго народа подчиняется въ своемъ развитіи измѣненіямъ хозяйственной жизни; перемѣны въ законодательствѣ объясняются главнымъ образомъ измѣненіями экономическаго быта, частію же ранѣе господствовавшими юридическими нормами. То же происходитъ и въ искусствѣ: кромѣ движенія, которое должно быть сведено къ новымъ потребностямъ, выдвинутымъ хозяйствомъ народа, въ немъ есть измѣненія, объясняемыя традиціями, сохраняющимися въ самомъ искусствѣ. Отраженіе же въ искусствѣ экономической и политической жизни такъ велико, что, зная состояніе хозяйства и политики въ данный періодъ, можно сдѣлать выводъ о томъ, каково искусство этого періода.

Французская революція разрушила старый порядокъ вещей. Началось господство новыхъ силъ: онѣ принесли съ собой неизвѣстныя дотолѣ условія жизни и новые запросы къ искусству. Дворянство, изнѣженное, праздное, цѣлыя поколѣнія систематически воспитываемое къ тому, чтобы наслаждаться, предъявляло запросъ на такое искусство, которое служитъ источникомъ только наслажденія. Дворянство было увѣрено въ томъ, что ему навсегда обезпечено господство; общественная жизнь представлялась царствомъ ненарушимой гармоніи, въ которомъ изначала міра гнетъ былъ удѣломъ огромнаго большинства населенія, упорный трудъ и малая доля почета—судьбою средняго класса, власть и радости праздной жизни—предназначеніемъ высшихъ слоевъ. А если этому меньшинству суждена такая завидная доля, то жизнь должна дать какъ можно больше того, что увеличиваетъ наслажденія. Привилегированному меньшинству вовсе не было надобности, чтобы живопись пробуждала въ немъ тревожныя мысли, проясняла сознаніе его несовершенства, отмѣчала его порочность: нужно было, чтобы она доставляла глазу наибольшую сумму наслажденій. И, отвѣчая на этотъ запросъ, живопись 18 вѣка даетъ то, что красиво, что останавливаетъ на себѣ вниманіе художника гармоніей формъ. Ему была чужда всякая тенденція; искусство было такъ же легко и граціозно, какъ была легка и граціозна жизнь богатыхъ классовъ, являвшаяся сплошнымъ праздникомъ.

Буржуазія, смѣнившая дворянство, явилась на сценѣ исторіи при другихъ условіяхъ и съ иными запросами. За нею былъ длинный рядъ поколѣній, которыя упорнымъ трудомъ увеличивали благосостояніе средняго класса и медленно расширяли его политическую свободу. Жизнь, проводимая въ непрерывной борьбѣ технической—съ силами природы, и политической—съ господствующими классами, оставляла мало досуга для суетныхъ радостей. Такая жизнь направляла все вниманіе людей этого класса на то, что полезно, что воспитываетъ силы для борьбы, и заставляла придавать только очень малую цѣну предметамъ, которые предназначены для наслажденія. Когда революціонныя бури дали буржуазіи за немного мѣсяцевъ ту власть, для которой она собирала силы цѣлыми поколѣніями, то сразу обнаружились ея запросы къ искусству. Воспитывать патріотизмъ гражданъ, возбуждать ихъ на геройскіе подвиги, укрѣплять ненависть къ тиранамъ—вотъ чего ожидалъ отъ художниковъ новый классъ, который получилъ во Франціи господство. Его еще недавно подчиненное положеніе было ему памятно; произволъ самодержавнаго правительства и привилегированнаго дворянства былъ на глазахъ у всѣхъ: а потому, сознательно для однихъ и безотчетно для другихъ, казалось важнымъ все, что укрѣпляетъ доблести въ людяхъ, только что призванныхъ къ господству. И живопись отвѣтила на этотъ запросъ. Отвѣтъ былъ облегченъ уроками, которые давала исторія. Воспоминанія о Римѣ воспроизводили періодъ крѣпости, свободы и равенства, время, когда про-

цвѣтали доблести гражданъ. Духъ классицизма, проникавшій французскую литературу въ теченіе 17 и 18 вѣковъ, вспыхнулъ въ революцію съ новой силой. Откликаясь на призывъ буржуазіи, Давидъ пишетъ свои картины *Клятва Гораціевъ*, *Похищеніе Сабинянокъ*; *Смертью Марата* онъ увѣковѣчиваетъ свою готовность служить проводникомъ тѣхъ требованій буржуазіи, захватившей власть, которыя выражались въ одобреніи всего, что прославляло жертвы, принесенныя ради новыхъ идей, и разжигало ненависть къ тиранамъ. Путь, которымъ шелъ Давидъ, самый крупный представитель французской живописи этого времени, послужилъ проторенной дорог й для его многочисленныхъ послѣдователей.

Мы находимъ такое же теченіе и въ англійской живописи. Англійскій средній классъ, казнивъ Карла I и совершивъ небольшія революціи въ концѣ 17 столѣтія, занялъ господствующее положеніе на 100 лѣтъ раньше французской буржуазіи. Стоя къ монархіи и дворянству своей страны въ такихъ же отношеніяхъ, какъ французскіе горожане къ своему дворянству, англійскій городской классъ нуждался въ такихъ же средствахъ для упроченія своего господства, какъ и французскій. Отсюда—тенденціозная живопись; отсюда—прописная мораль, даваемая картинами. Гогартъ, очень талантливый художникъ, отвѣчая на эту потребность, даетъ цѣлые циклы картинъ, которые написаны съ цѣлью прославить добродѣтель и показать пучину бѣдствій, куда человѣкъ можетъ быть низвергнутъ порокомъ. Онъ хорошо знаетъ жизнь всѣхъ слоевъ населенія, ихъ радости и печали, заботы и досуги, обстановку семейныхъ домовъ, дышащихъ благопристойностью, и вертепы разврата. Гогартъ умѣлъ бы достигнуть полнаго реализма при изображеніи любого явленія англійской жизни; однако, онъ держится въ своемъ творчествѣ опредѣленной программы и даетъ то, что прямо отвѣчаетъ на запросы буржуазіи, которая политически заступила мѣсто дворянства, но, не усвоивъ его сладкаго досуга, еще рѣзко отличается отъ него условіями жизни. Картины Гогарта служатъ не для наслажденія, а для поученія. Восемь картинъ, носящихъ одно общее названіе *Жизнь сластолюбца*, наставляютъ зрители, что богатство, полученное безъ труда, служитъ источникомъ развращенія человѣка, что богатство и чувственныя радости не прочны, что безконечно выше искренняя любовь хотя бы одного человѣческаго существа. Такими же нравственно-воспитательными тенденціями проникнуты и другія картины его и многихъ другихъ живописцевъ того времени.

Была и другая причина, въ конечномъ итогѣ связанная съ народнымъ хозяйствомъ, которая заставляла художниковъ подражать старымъ мастерамъ и имѣла вліяніе вплоть до половины 19 столѣтія. Лучшія произведенія старинаго искусства хранились прежде во дворцахъ королей и вельможъ и были доступны только очень тѣсному кругу. Художники, не принадлежавшіе къ избраннымъ слоямъ,—а таковые составляли большинство—почти не имѣли случая видѣть ихъ. Демократизація общества, произведенная французской революціей, извлекла множество великихъ образцовъ искусства изъ частныхъ хранилищъ и наполнила ими музеи, доступные для всѣхъ; по примѣру столицъ и большихъ городовъ и второстепенные города стали устраивать музеи и дѣлать большія затраты на пріобрѣтеніе предметовъ стариннаго искусства. Теперь почти каждый художникъ не только могъ видѣть лучшіе плоды творчества, но и изучать ихъ мѣсяцами, годами, всю жизнь. Напоръ вліянія со стороны великихъ мастеровъ эпохи Возрожденія на новое искусство былъ такъ великъ, что оно подчинилось ему: потребность творить замерла; началось усиленное подражаніе: «Столь близкое общеніе со стариками, невозможное въ предыдущіе періоды искусства, было... тормазомъ для новаго развитія искус-

ства, поскольку художникъ сразу былъ поставленъ предъ цѣлымъ міромъ твореній, высоко совершенныхъ... Новые (художники) съ изумленіемъ взирали въ музеяхъ и галлереяхъ на собранныя сокровища живописи и уже потому не могли быть сразу наивными и непосредственно производительными, не могли быть настроены творчески. На нихъ лежало бременемъ близкое знакомство со всѣми предыдущими эпохами искусства» [12]).

Была еще одна причина, вслѣдствіе которой искусство—и это особенно примѣнимо къ Германіи—обращалось къ старинѣ и черпало вдохновеніе изъ подражанія старымъ мастерамъ и изображенія предметовъ, которые стояли внѣ жизни своей страны: крайній упадокъ общественной жизни. Революціонная гроза, пронесшаяся надъ Франціей, сказалась въ Германіи прежде всего погромами при Іенѣ и Ауершгедтѣ. И хотя униженіе Пруссіи дало толчекъ многимъ полезнымъ преобразованіямъ внутренней жизни, но вплоть до разсвѣта въ мартѣ 1848 года, цѣлую треть вѣка Германію угнетали реакціонныя силы, пожеланія которыхъ такъ ярко обнаружились на вѣнскомъ конгрессѣ. Низкій уровень народнаго хозяйства былъ причиною бѣдности населенія. Города были незначительны. Крупная промышленность, наиболѣе легко формирующая отряды для противодѣйствія установившемуся порядку вещей, находилась въ зародышѣ. Полицейскій произволъ властвовалъ во всей странѣ съ полной силой. Дѣйствительность представляла такъ мало привлекательнаго, что лучшіе люди Германіи убѣгали отъ нея: мыслитель спасался въ дебряхъ метафизики; поэтъ, осмѣивая современное поколѣніе, обращался на другой берегъ Рейна и взывалъ къ живительнымъ началамъ, которыя обновили Францію; живописецъ также искалъ за предѣлами своей родины предметовъ, достойныхъ изображенія. Художники хотѣли спасти свое искусство тѣмъ, что старательно отдаляли его отъ опошливающей родной дѣйствительности. Каждому, кто оглядывался назадъ, казалось, что жизнь была возвышеннѣе, чувство глубже, индивидуальность ярче. Отчужденіе отъ современности было такъ велико, что живописца не плѣняла даже родная природа: ландшафтъ былъ въ загонѣ и кто писалъ ландшафты, тотъ всего охотнѣе избиралъ мѣста, которыя замѣчательны въ географическомъ или историческомъ отношеніи [13]).

Не трудно показать, какъ перемѣны въ народномъ хозяйствѣ помогли искусству постепенно освободиться отъ традицій и стать на путь дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія. Мутеръ [14]) считаетъ половину 19 вѣка переломомъ въ исторіи искусства. Попытаемся же объяснить, почему совершился этотъ переломъ.

Въ первой половинѣ 19 столѣтія постепенно подготовлялись тѣ элементы общественной жизни, которые должны были послужить источникомъ новыхъ движеній. Главныя преобразованія совершались въ мірѣ хозяйства. На періодъ между 1825 и 48 годами падаетъ цѣлый рядъ крупныхъ перемѣнъ. Желѣзныя дороги не только начали строиться, но привели къ общему соглашенію относительно того, что онѣ являются очень важными пріобрѣтеніями народнаго хозяйства и необходимымъ залогомъ его дальнѣйшихъ успѣховъ. Паръ не только былъ примѣненъ къ передвиженію по водѣ, но и заявилъ о себѣ замѣтнымъ развитіемъ океаническаго пароходства. Крупныя промышленныя заведенія, возникнувъ первоначально въ Англіи, стали упрочиваться и на материкѣ Европы и всюду вызывать болѣе сильное біеніе жизни. Въ 40-хъ годахъ подготовлялись и тѣ политическія движенія, которыя приняли въ Англіи форму чартизма, а въ другихъ государствахъ Запада сказались взрывомъ 1848 года. Бѣдность массъ была очень велика; однако, всѣ эти перемѣны способствовали росту благосостоянія. Правительства давили на населеніе всею своею тяжестью,

но уже были замѣтны проблески лучшаго будущаго; воздухъ былъ наполненъ новыми началами; чувствовалось, что произволъ, уничтожавшій личность, справляетъ свои послѣднія торжества.

Всѣ эти перемѣны должны были отразиться въ мірѣ научнаго и художественнаго творчества сознаніемъ, что ихъ виновникомъ является не обращеніе къ старинѣ, не слѣпое слѣдованіе преданіямъ, не подражаніе великимъ образцамъ давно минувшихъ временъ, а жажда новаго, простое и прямое отношеніе къ природѣ, неослабное желаніе извлечь возможно больше выгодъ изъ тѣхъ источниковъ, которые находятся подъ рукой. Возраставшее благосостояніе явилось послѣдствіемъ крупныхъ измѣненій техники, а они были результатомъ того, что люди напрягали всѣ усилія своего ума и воли, дабы изучить окружающую обстановку, разгадать, что служитъ источникомъ новыхъ сокровищъ и открываетъ поле для новыхъ завоеваній. А потому было естественно сдѣлать выводъ, что познаніе окружающаго есть драгоцѣнный и единственный способъ содѣйствовать обогащенію науки и искусства. И какъ естественныя науки, подъ вліяніемъ господства этихъ теченій въ общественной жизни, сдѣлали систематическій опытъ своимъ главнымъ орудіемъ, какъ исторія стала придавать все большее значеніе изученію памятниковъ старины, такъ и живопись начала все чаще обращаться отъ привычекъ, привитыхъ великими мастерами древности, къ родной дѣйствительности. Личность художника опредѣляла, въ какой области начнется это обновленіе европейской жизни. Привязанный всѣмъ своимъ существомъ къ родной деревнѣ, Милле вдохновляется трудомъ и незатѣйливой обстановкой поселянина. Курбе, уроженецъ деревни, взлелѣянный Парижемъ, беретъ предметами для своего творчества крестьянина и мостовщика улицъ, похороны простыхъ людей и охоту господъ, голыхъ женщинъ и портреты, животныхъ и пейзажи: послѣдніе изображаютъ не мѣста, знаменитыя своими красотами, а простые привлекательные уголки родины художника. Что дѣлается во Франціи, то же происходитъ и въ другихъ странахъ. Новый укладъ экономической жизни сложился всего ранѣе въ Англіи; въ ней всего ранѣе сказалось вліяніе техническихъ нововведеній на богатство народа. И въ ней же всего ранѣе совершилось освобожденіе живописи отъ школьныхъ традицій и старыхъ пріемовъ. Реализмъ Тернера на цѣлую четверть вѣка опережаетъ побѣду реализма въ живописи на материкѣ Европы [15]).

V.

Попытаемся прослѣдить за вліяніемъ, которое оказалъ такой крупный фактъ, какъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ, на разныя стороны общественнаго быта. Въ своемъ основаніи устройство желѣзныхъ дорогъ является измѣненіемъ техники въ перевозочной промышленности. Относя къ способамъ производства и способы перевозки, мы скажемъ, что проложеніе желѣзныхъ дорогъ, замѣняя конную тягу паровою, составляетъ перемѣну въ способахъ производства. И можно, слѣдя шагъ за шагомъ, утверждать, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ имѣло вліяніе на всѣ стороны культуры.

Прежде всего—на міровую промышленность и торговлю. О вліяніи желѣзныхъ дорогъ въ этомъ направленіи было писано такъ много и нерѣдко съ такимъ знаніемъ дѣла, что не хочется говорить объ этомъ. Напомнимъ только, что, вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ путей, создались цѣлыя отрасли промышленности, особенно въ металлургіи, и совершенно измѣнилось раздѣленіе труда между народами. Если бы паръ не былъ примѣненъ къ перевозкѣ по водѣ и сушѣ, то Англія производила бы гораздо больше хлѣба, чѣмъ производитъ нынѣ, а Россія и Сѣверная Аме-

рика гораздо меньше снабжали бы другія страны продуктами своего сельскаго хозяйства и лѣсоводства, чѣмъ то для нихъ возможно теперь вслѣдствіе развитія рельсовыхъ путей и морского пароходства. Переработка матеріала сосредоточивалась бы, какъ то было ранѣе, на мѣстахъ его добыванія и было бы невозможно отдалять на тысячи верстъ желѣзодѣлательную промышленность отъ мѣста добыванія чугуна и т. п.

Обратимъ вниманіе на тѣ стороны воздѣйствія желѣзныхъ дорогъ, которыя рѣдко останавливаютъ на себѣ изслѣдователей, тѣ стороны, которыя могутъ быть названы соціальными въ обширномъ смыслѣ. Прежде всего вліяніе на государство. Будучи монопольными предпріятіями, желѣзныя дороги ставятъ своихъ владѣльцевъ въ особое, исключительно выгодное положеніе, дѣлаютъ для нихъ возможнымъ господство надъ самыми разнообразными интересами многихъ милліоновъ. Гдѣ государство, при началѣ желѣзнодорожной эры, было сильно, тамъ оно постаралось извлечь выгоды изъ этой монополіи или посредствомъ ограниченія правъ желѣзнодорожныхъ обществъ, или — что гораздо вѣрнѣе приводило къ цѣли — пріобрѣтеніемъ рельсовыхъ путей въ казну. А казенныя желѣзныя дороги, во первыхъ, дѣлаютъ государство господиномъ всего тарифнаго дѣла и позволяютъ ему упорядочивать тарифныя ставки такъ, что однѣ области страны могутъ быть поставляемы въ болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ другія. Высокіе таможенные налоги могутъ быть въ значительной степени парализованы упорядоченіемъ тарифныхъ ставокъ, разъ желѣзныя дороги принадлежатъ частнымъ обществамъ: поэтому, таможенная политика не можетъ сполна достигать цѣлей, которыя ставитъ государство. Но, владѣя желѣзными дорогами, государство упорядочиваетъ тарифы по собственному усмотрѣнію и тѣмъ окончательно устраняетъ условія, которыми группы частныхъ лицъ могутъ ослаблять дѣйствительность таможеннаго покровительства. Принадлежность государству рельсовыхъ путей еще болѣе увеличиваетъ силу правительства въ другомъ отношеніи. Около желѣзнодорожнаго хозяйства обширной страны сосредоточиваются сотни тысячъ служащихъ; вмѣстѣ съ ихъ семьями это составляетъ массу больше милліона. Вся эта масса, образуя разрядъ служилаго класса, имѣетъ интересы, тождественные съ интересами другихъ чиновниковъ. Радости и печали какого-либо другого общественнаго класса трогаютъ этихъ людей гораздо меньше, нежели то, что касается государства, которое они и считаютъ своимъ кормильцемъ. Пока уровень общественнаго развитія очень низокъ и эта масса не распалась на группы, изъ которыхъ она естественно слагается, до тѣхъ поръ она образуетъ одно цѣлое вмѣстѣ со всѣми другими чиновниками; подобно другимъ группамъ чиновничества она имѣетъ наклонность къ произволу, къ пренебреженію важнѣйшими интересами частныхъ людей. Словомъ, расширяется площадь, на которой обнаруживается произволъ неограниченнаго правительства. Таково положеніе дѣлъ въ Россіи. Въ странѣ болѣе высокой культуры, напр., Германіи, большинство желѣзнодорожныхъ служащихъ представляетъ среду, доступную для прогрессивныхъ теченій; это большинство поддается вліянію соціализма. Но и въ этомъ большинствѣ страхъ вызвать гнѣвъ правительства удерживаетъ многихъ отъ того, чтобы обнаруживать воззрѣнія, давать имъ внѣшнее выраженіе, выбирать въ парламентъ депутатовъ радикальныхъ партій. А высшіе желѣзнодорожные служащіе тѣсно сливаются съ бюрократіей и увеличиваютъ силу правительства въ его борьбѣ съ либеральными теченіями. Такимъ образомъ даже въ странѣ, гдѣ политическая свобода довольно развита, принадлежность казнѣ желѣзныхъ дорогъ увеличиваетъ могущество правительства.

Отмѣтимъ вліяніе, которое желѣзныя дороги имѣютъ на военное дѣло и на политику. До желѣзнодорожной эры веденіе войнъ очень большими войсками было не цѣлесообразно; это и заявляло о себѣ вскорѣ послѣ начала войны самыми неблагопріятными послѣдствіями. Наполеонъ I вступилъ въ Россію съ 600,000 войскомъ; эта масса была слишкомъ велика для того времени: она была бы довольно велика и теперь. А чрезъ три мѣсяца, когда онъ былъ въ Москвѣ, отъ войска не осталось и половины; такое уменьшеніе было прямымъ слѣдствіемъ отсутствія желѣзныхъ дорогъ и неудовлетворительности старинныхъ способовъ передвиженія для многочисленныхъ армій. Въ новѣйшее время, особенно послѣ франко-прусской войны, передвиженіе очень большихъ войскъ стало дѣломъ вполнѣ посильнымъ. Изъ германской арміи, достигавшей въ 1870—1871 годахъ 1.000,000 людей, домой возвратилось больше 90% Желѣзныя дороги такъ облегчаютъ перевозку огромныхъ войскъ за очень короткое время, что уже это одно будетъ препятствовать уменьшенію численности войска до тѣхъ поръ, пока соціалистическій строй не получитъ окончательнаго господства: чѣмъ болѣе будутъ совершенствоваться способы перевозки, тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ будетъ представляться большое постоянное войско, ибо тѣмъ яснѣе будетъ сознаваться возможность для другихъ народовъ легко передвигать очень большое число солдатъ. Тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ этому и вліяніе желѣзныхъ дорогъ на внѣшнюю политику. Взоры всѣхъ народовъ Европы устремлены на Китай. Каждое изъ большихъ государствъ стремится занять тамъ наибольшую площадь. Если бы не было сибирской желѣзной дороги, то Россіи не было бы возможности пріобрѣсти тамъ значительную территорію.

Законодательство испытываетъ на себѣ вліяніе желѣзнодорожнаго хозяйства. Возникаютъ обширные отдѣлы права, которые имѣютъ цѣлью упорядочить разныя стороны жизни, затрагиваемыя рельсовыми путями. Право опредѣляетъ отношенія владѣльцевъ желѣзныхъ дорогъ къ лицамъ, которыя пользуются перевозкою, опредѣляетъ ихъ отношеніе къ владѣльцамъ земли, по которой проводятъ дорогу, право частныхъ лицъ на полученіе желѣзнодорожныхъ концессій, право казны на выкупъ желѣзныхъ дорогъ у частныхъ лицъ, право людей, состоящихъ у казны на службѣ по желѣзнодорожному вѣдомству и т. п. Словомъ, возникаетъ обширный отдѣлъ законодательства, который растетъ все больше и больше. Сообразно съ этимъ являются и нѣкоторыя новости въ судебной практикѣ: въ адвокатскомъ сословіи выдѣляется особая группа—законовѣдовъ, которые дѣлаютъ своимъ спеціальнымъ занятіемъ веденіе дѣлъ, относящихся до желѣзнодорожнаго хозяйства.

Не забудемъ о перемѣнахъ, которыя желѣзныя дороги вносятъ въ строй народнаго просвѣщенія. Среди техническихъ школъ видное мѣсто начинаютъ занимать желѣзнодорожныя училища для подготовленія низшихъ и среднихъ служащихъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возникаютъ особые предметы преподаванія; они обнимаютъ сумму высшихъ техническихъ знаній, которыми должны обладать люди, руководящіе постройкой желѣзныхъ дорогъ и ихъ функціями. Все это не остается безъ вліянія на развитіе прикладныхъ знаній: инженерное искусство работаетъ надъ рѣшеніемъ цѣлаго ряда задачъ, которыя вовсе не были нужны людямъ до начала желѣзнодорожной эры. Потребности въ этомъ направленіи такъ растутъ, что возникаетъ мысль объ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ, предназначенныхъ для подготовки экспертовъ по несчастіямъ на желѣзныхъ дорогахъ. До примѣненія пара въ перевозкѣ людей и грузовъ движеніе было такъ незначительно и медленно, что абсолютное число несчастій было очень невелико, и не было надобности въ спеціалистахъ для

этихъ несчастій. Размѣры же движенія по желѣзнымъ дорогамъ и его быстрота стали такъ велики, что абсолютное число несчастій безконечно возрасло, а развитіе страхованія именно отъ этихъ несчастныхъ случаевъ все больше напоминало, что нужно распредѣлить несчастные случаи на группы. Отсюда—желаніе сдѣлать эту область предметомъ спеціальнаго изученія въ особыхъ школахъ.

Напомнимъ также о могущественномъ содѣйствіи, которое желѣзныя дороги оказываютъ распространенію знаній. Выставки, привлекающія милліоны посѣтителей, конгрессы, соединяющіе тысячи людей, которые работаютъ въ одной и той же научной или практической области, публичныя лекціи, читаемыя учеными, прибывшими изъ-за многихъ сотенъ и тысячъ верстъ, безъ желѣзныхъ дорогъ или вовсе не были бы возможны, или ограничивались бы гораздо болѣе скромными размѣрами. Только ускореніе и удешевленіе перевозки позволяетъ очень многимъ людямъ передвигаться на большія разстоянія ради какой-нибудь спеціальной цѣли. А нѣтъ надобности говорить, на сколько всѣ такія собранія людей служатъ дѣлу популяризаціи знаній.

Мы идемъ дальше этого; мы полагаемъ, что желѣзныя дороги имѣли вліяніе и на роды литературныхъ произведеній. Позволяя людямъ дѣлать очень много въ теченіе короткаго времени (напр., проѣхать въ $3^1/_2$ сутокъ отъ Петербурга до Лиссабона), рельсовые пути подняли цѣнность времени, заставили людей быть болѣе бережливыми, чѣмъ прежде, при затратѣ времени на любую цѣль. Возможность использовать свои силы болѣе разнообразно, нежели то было въ началѣ 19 столѣтія и даже вплоть до второй его половины, заставляетъ людей болѣе бережно тратить ихъ въ каждомъ направленіи, между прочимъ, и на чтеніе. Теперь многократно больше людей грамотныхъ и читающихъ, чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ. Но относительно (а можетъ быть и абсолютно) уменьшилось число людей, которые имѣютъ время на чтеніе многотомныхъ романовъ или обширныхъ научныхъ изслѣдованій. Отвѣчая на запросъ большинства читателей, быстро возрастающихъ въ числѣ, писатели-художники и ученые все чаще и чаще дарятъ литературу краткими произведеніями, повѣстями, вмѣсто обширныхъ романовъ, научными изслѣдованіями умѣренной величины, вмѣсто объемистыхъ ученыхъ книгъ съ огромнымъ показнымъ литературнымъ аппаратомъ. Во всѣхъ областяхъ словесности книга уступила брошюрѣ и газетѣ много мѣста.

Мы надѣемся, что будетъ принято положеніе о вліяніи желѣзныхъ дорогъ и на содержаніе художественнаго творчества. Современный бельгійскій поэтъ Верхарэнъ даетъ намъ интересный примѣръ. Можно спорить о красотѣ его стиха; можно говорить, что по формѣ онъ далеко не достигаетъ поэтовъ, которые еще недавно создавали удивительно совершенные памятники французской стихотворной рѣчи. Но по содержанію, по глубинѣ, съ которою онъ захватываетъ злобы дня, онъ представляетъ выдающееся явленіе. Въ его *Трилогіи* изображается очарованіе, которое городъ производитъ на деревню. Равнина, покрытая деревнями, однообразна и уныла; избы крестьянъ холодны, темны, непріютны, убоги. Едва наступаетъ осень, какъ горячка, вооруженная смертоносной косой, свирѣпствуетъ въ этой юдоли плача. Но издали на эту печальную равнину смотритъ городъ. Освѣщенный, онъ является «ночной исполинской надеждой», которая вызываетъ въ людяхъ желанія, обѣщаетъ много блеска, открываетъ пути, ведущіе къ богатству, власти и силѣ. Населеніе деревень прислушивается къ этому чарующему голосу, покидаетъ родныя поля и спѣшитъ туда, гдѣ высится цѣлый лѣсъ фабричныхъ трубъ. Большой дорогой идутъ въ городъ эти «люди, пьющіе дождь, лижущіе вѣтеръ,

и курящіе туманъ». Рядомъ картинъ намъ дается показная сторона города: блескъ его промышленности, размахъ его торговли, внѣшнее благоустройство. А бокъ-о-бокъ—алчность однихъ, развратъ другихъ, нищета третьихъ. Изъ этого огромнаго водорота, который представляютъ города, изъ этой смѣси добра и зла, выйдетъ новое общество, займется заря грядущаго. «Надъ городомъ, говоритъ поэтъ, царствуютъ идеи; это несомнѣнно; хотя ихъ и не видятъ». Развѣ не правы мы, утверждая, что новая струя, вошедшая въ художественное творчество, имѣетъ своимъ довольно отдаленнымъ, хотя и ясно замѣтнымъ источникомъ развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ? Не будь ихъ, главныя отрасли промышленности не достигли бы того огромнаго развитія, какое мы наблюдаемъ, не было бы создано условій, которыя могущественно привлекаютъ людей въ города и ведутъ къ запустѣнію деревень; до желѣзныхъ дорогъ города не становились средоточіями столь разнообразныхъ усладъ жизни, которыя дѣлаютъ пребываніе въ деревнѣ особенно тусклымъ. Ни фабрика, ни биржа, ни окна магазиновъ-базаровъ, ни выставки далеко не достигали бы нынѣшнихъ размѣровъ и не возбуждали бы поэтическаго творчества въ этомъ направленіи. И какъ сами по себѣ желѣзныя дороги безповоротно сдали въ архивъ старые способы передвиженія и многія старыя формы быта, такъ и поэтъ, проникнутый прогрессивной мыслью, не мечтаетъ о возвратѣ людей на лоно простой сельской жизни, нѣкогда господствовавшей и имѣвшей свои привлекательныя особенности: онъ пророчески говоритъ, что въ громадныхъ лабораторіяхъ, которыми служатъ современные города, создается лучшее будущее; нужно ждать разсвѣта не на нивѣ, политой потомъ крестьянина, а изъ храмовъ науки, растущихъ въ ширь и въ высь при помощи городской промышленности и богатства, накопленнаго въ городѣ.

Желѣзныя дороги, скажемъ мы, ослабляютъ религіозное чувство и пролагаютъ путь матеріалистическому пониманію вселенной. Чѣмъ легче можетъ человѣкъ передвигаться на большія разстоянія, чѣмъ дальше желѣзныя дороги выбиваютъ его изъ колеи, по которой шли отцы и дѣды, чѣмъ больше наблюдаетъ онъ новыхъ занятій, новыхъ людей, чѣмъ чаще видитъ онъ перемѣны, которыя происходятъ во всѣхъ условіяхъ жизни, тѣмъ болѣе укрѣпляется въ немъ мысль, что люди сами устраиваютъ свою судьбу, безъ всякаго вмѣшательства внѣшнихъ сверхчувственныхъ силъ. А сознаніе, что разнообразныя перемѣны совершаются всего быстрѣе когда въ мірѣ хозяйства является новый крупный фактъ—въ данномъ случаѣ желѣзная дорога—вселяетъ увѣренность, что явленія именно этого рода, способы воздѣйствія человѣка на природу служатъ основаніемъ для другихъ измѣненій. Все это приближаетъ людей къ матеріалистическому міровоззрѣнію.

VI.

Постараемся выяснить вліяніе народнаго хозяйства на литературу съ помощью примѣровъ изъ жизни Россіи.

Примемъ за отправную точку 1861 годъ, какъ время, когда перемѣны въ условіяхъ техники и хозяйства требовали перехода отъ крѣпостнаго труда къ вольнонаемному, и разсмотримъ движеніе, совершившееся въ идеологіяхъ за періодъ, меньшая часть котораго лежитъ по ту сторону 1861 года, а большая—по эту т. е. примѣрно отъ половины 30-хъ годовъ до нашихъ дней. За эти 60 лѣтъ мы находимъ въ духовной жизни Россіи перемѣны, которыя могутъ быть безъ труда объяснены движеніемъ въ мірѣ хозяйства.

Въ 30-хъ годахъ, отъ которыхъ я начинаю характеристику, Россія была страной почти исключительно сельскаго натуральнаго хозяйства, съ

закрѣпощеніемъ массы населенія, съ зачатками крупной промышленности, со слабымъ примѣненіемъ вольнонаемнаго труда. Бѣдность населенія, состояніе несвободы многочисленныхъ массъ, низкій уровень просвѣщенія были причинами того, что духовные интересы сосредоточивались въ очень небольшомъ меньшинствѣ, и что дворянство, почти исключительно оно, стояло во главѣ и поэтическаго творчества. На театрѣ царилъ Кукольникъ. Его «Рука Всевышняго отечество спасла» приводила благополучныхъ россіянъ въ умиленіе, подогрѣвала патріотическое чувство и вполнѣ соотвѣтствовала тому общественному строю (и, какъ его основѣ, народному хозяйству), когда человѣкъ весь наполненъ ультра-національнымъ чувствомъ. Въ такое время почти не зарождается мысли, что есть интересы внѣнаціональные, что можетъ наступить пора, когда будетъ сознано, что то, что, будто бы, отвѣчаетъ интересамъ народа, какъ цѣлаго, сполна удовлетворяло влеченія только меньшинства, вліятельнаго и властнаго, и только вслѣдствіе—правда исторически необходимаго—невѣжества массы и ея забитости принималось за благо для всего населенія. Въ 1836 году на сценѣ была впервые поставлена «Жизнь за Царя», отъ которой русская опера и ведетъ свою исторію. Можно ставить Глинку безконечно выше Кукольника; однако, нужно признать, что они были продуктомъ одной и той же среды. Преобладаніе натуральнаго хозяйства, несложныя патріархальныя отношенія между господствующимъ классомъ и подчиненными поддерживали въ многочисленныхъ массахъ вѣру въ естественность, необходимость и благотворность этой сильной единой власти и дѣлали поступокъ Сусанина великимъ подвигомъ. Можно поручиться, что теперь такая опера (сомнительно даже, чтобы художникъ большого музыкальнаго творчества и въ то же время умственно развитой написалъ ее) далеко не стяжала бы громкой славы, какая въ 30-хъ годахъ легко стала ея удѣломъ.

Около этого времени Пушкинъ, достигнувъ вершины славы, приближался къ концу своего творчества, а муза Лермонтова дарила русское общество своими высшими созданіями. Что же видимъ мы въ твореніяхъ Лермонтова? Въ нихъ ярко отражается экономическій укладъ Россіи и обусловленная этимъ укладомъ дифференціація общества. Дворянство стояло во главѣ русской хозяйственной и политической жизни; его привычки, вкусы, наклонности, идеалы были именно тѣмъ, что всего скорѣе могло и должно было привлечь къ себѣ музу поэта. И мы видимъ, какъ Лермонтовъ, при всемъ своемъ могучемъ талантѣ, не можетъ освободиться отъ этого вліянія. Въ *Героѣ нашего времени* Лермонтовъ идеализируетъ Печорина и выставляетъ въ смѣшномъ видѣ Грушницкаго. Но оба они—члены среды, къ которой принадлежалъ и Лермонтовъ; по существу, они совершенно сходны; только первый представляетъ блестящую группу дворянства, а второй—каррикатурную. Одинъ остроуменъ, другой—ограниченъ; на одномъ—изящное платье лучшаго столичнаго портного; на другомъ—мундиръ сомнительнаго провинціальнаго покроя; одинъ, пресыщенный успѣхами, относится ко всему окружающему насмѣшливо и презрительно; другой, только надѣющійся, что, авось, мундиръ проложитъ ему дорогу къ усладамъ жизни, смотритъ на эту жизнь грубо-наивно. Но оба считаютъ волокитство высшею цѣлью жизни. Оба выражаютъ помѣщичью Россію своего времени. Въ обоихъ нѣтъ и зерна чего-либо прогрессивнаго. Какъ Печоринъ, уѣхавшій съ тоски путешествовать и пропавшій безъ вѣсти гдѣ-то въ Азіи, такъ и Грушницкій, быть можетъ, успѣвшій бы на склонѣ лѣтъ стать генераломъ отъ кавалеріи, не выражаютъ ничего, кромѣ грубой, сѣрой, скучной, мертвой Россіи крѣпостного права. Мораль ихъ обоихъ, идеалы ихъ обоихъ равно бѣдны и ничтожны. Возьмемъ знаме-

нитое стихотвореніе Лермонтова *На смерть Пушкина*. И здѣсь поэтъ является вполнѣ сыномъ своего времени, неспособнымъ подняться до выясненія смысла общественныхъ противорѣчій. Стихотвореніе заканчивается строками, за которыя поэтъ былъ сосланъ на Кавказъ. Эти строки столь же музыкальны, сколько бѣдны содержаніемъ. Смерть поэта приводится въ связь со злобой, которую питало противъ него новое дворянство; достигнувъ въ русскомъ обществѣ выдающагося положенія, оно заняло видное мѣсто при дворѣ и пользовалось малѣйшимъ поводомъ къ тому, чтобы «пятой рабской топтать обломки родовъ, обиженныхъ игрою счастья», т. е. унижать представителей стараго, родовитаго дворянства. Пушкинъ былъ отпрыскомъ стараго, но обѣднѣвшаго дворянскаго рода; его служебное положеніе было незначительно; въ стихахъ, полныхъ яда, онъ издѣвался надъ новымъ титулованнымъ дворянствомъ и съ притворной скромностью напоминалъ, что его предки не торговали блинами и не пѣли на клиросѣ съ дьячками, какъ предки новыхъ князей и графовъ. Эти послѣдніе, озлобленные на поэта за эпиграммы, всегда рады были отомстить ему и усиленно распускали слухи, позорящіи его семью, что и привело къ дуэли и смерти Пушкина. Стихи Лермонтова, какъ великаго поэта, по поводу смерти великаго собрата, были воплемъ негодованія. Но критическая мысль не можетъ отказаться отъ того, чтобы считать эти стихи характерными для поэта-именно помѣщичьей Россіи. Слѣдовало сказать про счеты между старымъ и новымъ дворянствомъ Россіи, что это—домашнія дрязги, не имѣвшія никакого общественнаго значенія. Новые роды, разъ они заняли при дворѣ прочное положеніе и были богаты, немедлено получали и получаютъ полное признаніе старыхъ родовъ; и за графа-милліонера, отецъ котораго пѣлъ на клиросѣ къ дьячками, рюриковичъ съ радостью отдавалъ замужъ свою дочь. Но потомки старыхъ захудалыхъ дворянскихъ родовъ, снѣдаемые завистью, злобствовали на титулованныхъ и вліятельныхъ выскочекъ; разъ эта зависть была въ душѣ поэта, то онъ, какъ Пушкинъ, выражалъ ее звучными стихами. Однако, центръ, около котораго вращалась новая знать, привлекалъ къ себѣ Пушкина и онъ надѣлъ-таки камеръ-юнкерскій мундиръ. Поживи онъ дольше и пойди дальше по ступнямъ придворной службы—какъ знать,—быть можетъ, онъ съ удовольствіемъ предалъ бы забвенію всѣ свои эпиграммы на новоиспеченныхъ князей и графовъ. Лермонтовъ говоритъ, что Пушкинъ палъ *невольникомъ чести:* да, чести, но чести узкосословной. Онъ говоритъ, что душа поэта *не вынесла... мелочныхъ обидъ*. Да не вынесла, и это очень жаль: она не вынесла, такъ какъ у него не было того философскаго величія, которое, разъ человѣкъ проникнутъ имъ, даетъ ему силы переносить обиды и неуклонно служить своему призванію. Душа Пушкина потому и не вынесла обидъ, что это была душа съ печатью узкосословной помѣщичьей Россіи. И какъ Пушкинъ, оттѣняя доблесть своихъ отцовъ, которые не торговали блинами и не ваксили царскихъ сапоговъ, долженъ былъ бы указать, что они занимались полезнымъ дѣломъ, а не жили по деревнямъ жизнью паразитовъ или когда-то сидѣли въ думѣ, «брады свои уставя», такъ Лермонтовъ долженъ былъ бы доказать мысли, выраженныя въ послѣднихъ стихахъ. Надменные потомки новыхъ дворянскихъ родовъ служатъ, по словамъ поэта палачами свободы, генія и славы. Можно вполнѣ согласиться съ этимъ; но нужно доказать, что представители старыхъ дворянскихъ родовъ не служили таковыми. И если бы мы попытались дать на это отвѣтъ характеристикою того, какъ управлялась Россія съ начала 18 столѣтія, кто болѣе далекъ отъ упрека быть палачомъ свободы, генія и славы, то мы были бы поставлены въ безвыходное положеніе. Я сказалъ бы, что тѣ и другіе въ равной мѣры заслуживаютъ

этого упрека (разъ свобода, геній и слава были вредны дворянскимъ интересамъ), если бы не припоминался графъ Сперанскій: онъ принадлежалъ къ новому дворянству и, дѣйствительно, былъ прогрессивнымъ государственнымъ дѣятелемъ.

Такимъ же сыномъ сѣрой, помѣщичьей Россіи, которая еще не поднимаетъ въ душѣ сознанія противорѣчій, является Лермонтовъ въ стихотвореніи «Родина». Онъ не раздѣляетъ вкуса тѣхъ усердныхъ патріотовъ, которые любятъ родину за ея побѣды на поляхъ брани и славу, купленную кровью. Его любовь болѣе реальна: географическія особенности страны, складъ жизни, печальныя деревни, пѣсни и пляска подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ—вотъ что привлекаетъ поэта. Человѣку, который видѣлъ даже много красотъ природы, могутъ быть милы русскія степи, «хранящія молчанье». Но если человѣкъ глубоко и до боли вдумывался въ общественную жизнь, негодовалъ по поводу уладъ и радостей, достающихся въ удѣлъ однимъ, убожества и обезличенія, выпадающихъ на долю другихъ, то видъ печальныхъ деревень вызываетъ въ немъ только сожалѣніе, а пляска съ топаньемъ и свистомъ пьяныхъ мужиковъ—горькое чувство, что они могутъ наполнять свой досугъ только этими развлеченіями Проселочныя дороги, ужасныя по своей непроѣздности, могутъ вызывать только желаніе, чтобы ростъ производительности труда позволилъ поскорѣе шоссировать ихъ. Лермонтовъ же обнаруживаетъ вкусы зауряднаго помѣщика, котораго особенно радуютъ грубыя развлеченія, процвѣтающія на почвѣ именно крѣпостного труда. Даровой трудъ дѣлаетъ господъ неразсчетливыми: они охотно скачутъ проселечными дорогами, гдѣ всегда рискуешь изломать телѣгу, а часто искалѣчить лошадей. И тотъ же несвободный трудъ, побуждающій отрицать въ подневольныхъ человѣческую личность, дѣлаетъ для барина нормальной забавой любованье съ крыльца на красномъ дворѣ пляской подгулявшихъ мужиковъ. Тысячи и тысячи дворянъ, современниковъ Лермонтова, имѣли буквально тѣ же идеалы, но, конечно, не могли выразить ихъ музыкальнымъ стихомъ.

Хотя Лермонтовъ любилъ отчизну любовью зауряднаго, лѣниваго помѣщика, которому, будто бы, мало дѣла до славы отечества, купленной кровью, однако, онъ не разъ обнаруживаетъ усердный шовинизмъ. И въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ раздѣляетъ вкусы среднихъ людей своего времени. Припомнимъ его «Бородинскій бой», «Споръ», вспомнимъ даже «Послѣднее новоселье» съ прославленіемъ Наполеона I и униженіемъ французскаго народа. Эта элегія, превосходная по силѣ и звучности стиха, есть сплошная клевета на Францію и сплошное непониманіе исторіи этого великаго народа.

Лермонтовъ не возвышается до пониманія общественныхъ противорѣчій даже въ лучшихъ своихъ созданіяхъ, гдѣ, охваченный пессимизмомъ, онъ отрицаетъ значеніе жизни и произноситъ суровый приговоръ надъ своимъ поколѣніемъ. «И скучно и грустно», говоритъ поэтъ, сѣтуетъ, что нѣтъ дружеской руки, которая была бы протянута въ дни невзгодъ, что душевная жизнь пуста и ничтожна, что вся жизнь есть глупая шутка. Въ *Думѣ* онъ осуждаетъ современниковъ. Это—стихотвореніе необычайной силы. Поэтъ громитъ русскихъ людей. Онъ говоритъ: «Къ добру и злу постыдно равнодушны, въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы, передъ опасностью позорно-малодушны, и передъ властію презрѣнные рабы» И пророчески предсказываетъ: «Толпой угрюмою и скоро позабытой, надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда». Нельзя было сдѣлать болѣе вѣрную оцѣнку русскаго общества того времени. Но поэтъ далекъ отъ пониманія причинъ, почему русское общество таково.

Остановись онъ хоть на одну минуту предъ строемъ русской общественной жизни, онъ понялъ бы, что обновленіе жизни можетъ совершиться только чрезъ измѣненіе этого строя. Примкнуть къ страждущимъ и угнетеннымъ, отдать на служеніе имъ свою музу, укрѣплять въ нихъ убѣжденіе, что строй обветшалъ и только съ его преобразованіемъ возможно дальнѣйшее движеніе жизни—вотъ задача, которая предстала бы предъ поэтомъ. Эта задача уяснила бы ему, что жизнь не есть пустая и глупая шутка, и что та часть современниковъ, которая посвятитъ себя этой работѣ, не пройдетъ по землѣ безъ слѣда. Лермонтову не удалось освободиться изъ давленія крѣпостной Россіи. Невольно припоминаешь доблестнаго Рылѣева, который такъ уступалъ Лермонтову талантомъ и такъ превосходилъ его возвышенностью общественныхъ идеаловъ.

Лермонтовъ умеръ въ 1841 году. Съ этого времени начинаютъ ярко обнаруживаться недостатки крѣпостного состоянія. Постепенный переходъ къ вольно-наемному труду сказывается въ созданіи особой группы крестьянъ—вольныхъ хлѣбопашцевъ, въ учрежденіи Николаемъ I комиссій, которыя вырабатывали мѣропріятія для смягченія крѣпостного права, въ переходахъ, все болѣе частыхъ, отъ барщиннаго труда къ денежному оброку. Медленно, но безостановочно подготовлялась крестьянская реформа. Запросы народнаго хозяйства, еще слабо отражаясь въ правѣ, уже положили печать на художественное творчество. «Записки охотника» выходятъ въ свѣтъ въ 1847 году, только чрезъ 6 лѣтъ послѣ того, какъ умолкла муза Лермонтова. А между тѣмъ, сопоставляя *Записки охотника* съ *Героемъ нашего времени*, мы видимъ, что въ смыслѣ эволюціонномъ сдѣланъ большой шагъ впередъ. И тамъ и здѣсь помѣщичья Россія; но здѣсь она стоитъ твердо, незыблемо, съ признаніемъ за счастливыми десятью тысячами всѣхъ правъ, всѣхъ доблестей, всѣхъ свѣтлыхъ сторонъ жизни, а за массой—только права услаждать слухъ господъ пѣснью и топотомъ пьяныхъ мужиковъ, зрѣніе—ихъ пляской, а молодечество—ямскимъ гиканьемъ по первобытной дорогѣ. А тамъ—изъ подъ сермяги и лаптей выдѣляется личность—хозяйственный Хорь, вдумчивый Калинычъ, суровый на видъ, но добродушный Бирюкъ, нѣжная Акулина. Для экономической жизни Россіи рамки крѣпостнаго права становились тѣсны. Идеологъ угадывалъ, что закрѣпощенный трудъ долженъ исчезнуть въ недалекомъ будущемъ; онъ ближе всматривался въ крестьянскую массу и спрашивалъ, что это за люди? Эти люди получатъ личную свободу. Чего же ждать отъ нихъ? И лучшіе члены дворянской среды становятся въ своемъ художественномъ творчествѣ изобразителями крестьянскаго быта. Григоровичъ и Некрасовъ еще раньше Тургенева вводятъ крестьянъ въ русскую литературу, какъ часть русскаго общества, заслуживающую вниманія читателей. Въ литературѣ 40-хъ годовъ крестьянинъ является предъ нами то въ обстановкѣ эпическаго равновѣсія, которое даютъ образы, созданные Тургеневымъ и Григоровичемъ, то съ воплемъ на свою тяжелую долю и негодованіемъ на сильныхъ міра, какъ намъ даетъ ихъ Некрасовъ.

Одновременно съ этимъ художественное творчество обращается и къ нарождающейся буржуазіи. Въ странѣ всецѣло господствуетъ мелкая промышленность. Тамъ и сямъ есть крупныя промышленныя заведенія; но они еще не сдѣлались типичными формами для какой-либо отрасли производства. Русская буржуазія 30-хъ и 40-хъ годовъ получила свое высшее выраженіе въ представителяхъ торговаго капитала. Москва является центромъ, гдѣ торговый капиталъ достигаетъ наибольшаго могущества, откуда онъ властвуетъ надъ русской промышленностью. Именно въ Москвѣ для наблюденія открывается очень широкое поле. Какого же характера должно было быть художественное творчество, сдѣлавшее московскую, а

ніе въ обществѣ новыхъ, связанныхъ съ нею профессій было еще въ зародышѣ, а потому предъ писателемъ не выдѣлялись такія занятія, которыя даютъ среднему человѣку возможность достигнуть значительнаго благосостоянія и прожить безъ плутовства, обмѣра и обвѣса. Сознаніе, что человѣку просвѣщенному и съ совѣстью, разъ онъ не хочетъ идти по широкой дорогѣ плутовства и низкопоклонничества, трудно устроиться, особенно усиливало впечатлѣніе, которое производили на художника типы торговаго класса, все больше выдѣлявшагося на поверхности, и дало намъ яркіе образы, поражающіе своей жизненностью. Вокругъ представителей крупной московской буржуазіи живутъ мелкіе, молодшіе люди, которые служатъ то орудіемъ для своихъ повелителей при обдѣлываніи дѣлишекъ, то жертвами ихъ самодурства и своекорыстія. Знакомя насъ съ этой меньшей братіей буржуазіи, Островскій даетъ намъ «міръ затаенной, тихо вздыхающей скорби, міръ тупой ноющей боли, міръ тюремнаго, гробоваго безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ, безсильнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ зарожденіи». [10])

Однако, въ 40-хъ годахъ уже показываются ростки промышленной буржуазіи, которые могутъ быть предметомъ не только обличенія, но и идеализированія, ибо эта буржуазія упорядочиваетъ трудъ, создаетъ формы для возрастающихъ производительныхъ силъ и легко подкупаетъ идеолога кажущимся разнообразіемъ своей жизни и пользой, которую она приноситъ обществу. Одно маленькое, едва замѣтное обстоятельство напоминаетъ, что въ Россіи того времени являлись именно только зерна промышленной буржуазіи. Гончаровъ, первоклассный писатель, знатокъ дворянской и купеческой среды, далъ намъ положительный типъ *Штольца*. Писатель представляетъ его русскому обществу, какъ человѣка неутомимо дѣятельнаго, проводящаго большую часть времени на своихъ заводахъ, какъ человѣка, который, въ отличіе отъ умирающей Россіи, олицетворенной Обломовымъ, выражаетъ Россію прогрессивную. Слабое развитіе промышленной буржуазіи въ 40-хъ годахъ доказывается и тѣмъ, что типъ, созданный Гончаровымъ, блѣденъ, и даже тѣмъ, что онъ назвалъ его Штольцемъ. Вовсе не случайно дано ему нѣмецкое имя. Русская буржуазія, именно купечество, еще не успѣло выработать типъ людей, которые устраивали бы промышленную жизнь. Первыми піонерами въ этомъ дѣлѣ были пришельцы съ Запада. Они селились у насъ, обрусѣвали, но самыя имена—Шмидтъ, Миллеръ, Штольцъ, Тортонъ—напоминали о ихъ нерусскомъ происхожденіи. Былъ ли такой Штольцъ владѣльцемъ завода или главно-управляющимъ на фабрикѣ, которая принадлежала человѣку съ кореннымъ русскимъ именемъ, онъ являлся зародышемъ русскаго промышленнаго буржуа. Жизнь еще не опредѣлила его положенія яркими чертами. Но наблюдательный умъ связывалъ съ его мѣстомъ въ промышленности извѣстную культурную миссію. Исполненіе миссіи только начиналось. Темныя стороны, которыя уже тогда обнаруживало крупное производство въ Россіи, и противорѣчія, которыя могли бы обозначиться, какъ бы говорили: не произносите окончательнаго приговора; промышленная буржуазія только начинаетъ исполнять свое призваніе; когда она исполнитъ его, то будутъ сглажены недостатки, устранены противорѣчія. Неудивительно, поэтому, если предъ судомъ художественнаго творчества зарождающійся типъ промышленнаго буржуа явился положительнымъ типомъ.

Новый потокъ въ русской изящной словесности слился съ теченіемъ въ литературной критикѣ. Бѣлинскій угадывалъ значеніе буржуазіи: онъ надѣлялъ ее большой культурной миссіей и противопоставлялъ ее дворянству, какъ прогрессивный классъ русскаго общества[17]).

Въ 40-хъ же годахъ Достоевскій начинаетъ свою писательскую дѣятельность; онъ ярко вырисовывается изъ своихъ собратій, какъ изобразитель разночинцевъ и отверженныхъ и какъ печальникъ всего этого угнетеннаго люда.

Чѣмъ болѣе приближаемся мы къ 1861 году, тѣмъ болѣе находимъ разнообразія въ продуктахъ художественнаго творчества, тѣмъ относительно меньше мѣста, отводимаго въ литературѣ дворянству, ибо тѣмъ чаще и чаще напоминаетъ жизнь, что ему не удастся надолго сохранить первенствующее положеніе. Освобожденіе крестьянъ облегчаетъ пути для промышленнаго развитія Россіи. Въ 1851 году была открыта для движенія Николаевская желѣзная дорога. Никого не удивило, что выполнили такую затѣю (праздную по мнѣнію многихъ «умныхъ» людей) для соединенія обѣихъ столицъ. Но тогда еще не думали, что чрезъ 12—15 лѣтъ наступитъ желѣзнодорожная эра. Она наступила и дала толчекъ развитію разныхъ отраслей промышленности. Одному Штольцу въ 40 годахъ соотвѣтствовало уже 5—10 Штольцевъ съ русскими и нерусскими именами. Возникали новыя крупныя промышленныя предпріятія, и промышленная буржуазія росла и численно, и по имущественнымъ средствамъ, которыя сосредоточивались въ ея рукахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ классъ, по составу, дѣлался все болѣе разнообразнымъ. Желѣзныя дороги требовали большаго числа инженеровъ, фабрики и заводы—технологовъ. Успѣхи крупной промышленности и торговли ведутъ къ развитію биржи, и постепенно на фонѣ петербургской и даже московской жизни вырисовывается дотолѣ неизвѣстный Россіи типъ биржевого дѣльца. Оттѣсненіе мелкой промышленности и торговли крупными усложняютъ и юридическій порядокъ. Словесный договоръ считается теперь во многихъ случаяхъ недостаточнымъ, тогда какъ онъ вполнѣ удовлетворялъ потребности стараго несложнаго экономическаго уклада. Нотаріусы и адвокаты быстро увеличиваются въ числѣ и, занимая въ среднихъ слояхъ общества видное мѣсто, заставляютъ забыть о подъячемъ добраго стараго времени. Параллельно съ этимъ идетъ умноженіе отраслей государственной дѣятельности и пріобщеніе новыхъ категорій чиновниковъ къ старымъ. Эти перемѣны, захватывающія примѣрно 15-лѣтній періодъ, отъ 1861 до второй половины 70-хъ годовъ, тотчасъ же отражаются на изящной словесности. Онѣ служатъ причинами того, что типы, которыми даритъ намъ русская литература, становятся гораздо болѣе разнообразными, и что поле, на которомъ писатели даютъ просторъ своему влеченію къ идеализаціи, рѣзко измѣняется. Писатели консервативные и умѣренно-либеральные замѣтно переносятъ свои симпатіи въ буржуазный міръ и ищутъ здѣсь условій для дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи. Когда Лермонтовъ писалъ *Героя нашего времени*, умилялся тому, что тонкость рукъ и цвѣтъ усовъ и бороды выдаютъ породу Печорина, что Печоринъ, какъ никто, можетъ сдѣлать праздность изящною и завидною праздностью, онъ не повѣрилъ бы, что членъ той же среды, отпрыскъ еще болѣе древняго дворянскаго рода и только на 4 года младшій его Тургеневъ найдетъ героевъ въ сѣрой массѣ, которая дала Соломина, Нежданова и Маріанну. И какъ, читая «Новь», мы замѣчаемъ въ авторѣ большія симпатіи къ средней буржуазіи, именно слою промышленной буржуазіи, такъ Боборыкинъ въ лицѣ Василія Теркина даетъ намъ типъ буржуа, который еще не успѣлъ отдѣлиться отъ народа. Жизнь дала эти типы, а литература быстро идеализировала ихъ. Занимается ли носитель этого типа, какъ Теркинъ, устроеніемъ собственнаго благополучія, исканіемъ счастья въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, организуетъ ли онъ фабричное дѣло по большому масштабу, какъ Соломинъ, посвящаетъ ли онъ себя, какъ Черникъ, герой

въ ея лицѣ и русскую буржуазію, предметомъ своего наблюденія? Оно могло сдѣлаться только творчествомъ обличительнымъ. Таковъ Островскій за первое 15-лѣтіе. Поэтъ дворянской среды могъ идеализировать ее уже потому, что формы жизни, по крайней мѣрѣ, высшихъ слоевъ дворянства, достигли изящества. Выработались понятія о чести, узко-сословныя, а потому грубыя, но стойкія въ предѣлахъ привилегированныхъ слоевъ и легко поддававшіяся идеализаціи. Кто искалъ въ дворянской средѣ организаціонной работы, оправдывавшей крѣпостной укладъ, тотъ находилъ тамъ и сямъ гоголевскаго Костанжогло. Намъ важно не то, удался или не удался Гоголю этотъ типъ, а то, что писатель, способный увлекаться дѣловой стороной жизни, могъ идеализировать Костанжогло, и въ его лицѣ одобрительно кивать современному порядку вещей, покоющемуся на подневольномъ трудѣ. Московская буржуазія, какъ представительница только торговаго капитала, не имѣла условій, которыя наталкивали бы писателя на эпическое ея изображеніе, а тѣмъ болѣе на ея идеализированіе. Она не исполняетъ организаціонной работы; купеческій капиталъ не объединяетъ промышленности; она остается разсѣянной по многочисленнымъ мелкимъ заведеніямъ. Онъ только посредничаетъ между производителемъ и потребителемъ и взимаетъ большіе поборы съ обоихъ. Именно среди представителей купеческаго капитала, стоящаго въ сторонѣ отъ производительнаго труда, отсутствуетъ даже слабое сознаніе обязанностей, на которыя большая близость къ производительной работѣ могла наталкивать хотя единичныхъ представителей помѣщичьяго класса. Купеческій капиталъ часто служитъ источникомъ быстраго обогащенія, а богатство, пріобрѣтаемое такъ легко, обыкновенно ведетъ къ грубому самодурству, не смягчаемому изящною внѣшностью, которую позволило пріобрѣсти дворянству его продолжительное господство. А потому художникъ, живописуя это темное царство, имѣетъ особенно богатый матеріалъ тамъ, гдѣ бичуетъ его главныхъ обладателей. Представитель промышленной буржуазіи любитъ богатство не меньше, чѣмъ представитель торговаго капитала. Но у перваго богатство является въ различныхъ образахъ: зданіе, гдѣ ведется промышленное предпріятіе, машины, сырые матеріалы, издѣлія и, наконецъ, деньги. Такъ какъ богатство не принимаетъ предъ нимъ формы предпочтительно денегъ, то у него и не можетъ быть особенной, исключительной любви именно къ деньгамъ. Торговая буржуазія стоитъ въ иномъ отношеніи къ деньгамъ: въ ея имуществѣ онѣ занимаютъ первенствующее мѣсто. Естественно, что она любитъ не только богатство, но деньги, которыя служатъ для нея синонимомъ богатства. Алчность, которую мы находимъ у Большева, представителя крупнаго купечества, болѣзненное чувство, вызванное сознаніемъ необходимости отдать деньги, всего легче развивается у людей именно этого класса. И эта алчность толкаетъ на путь постоянныхъ крупныхъ и мелкихъ обмановъ, для которыхъ у членовъ промышленной буржуазіи нѣтъ столь широкаго простора. Фабрикантъ пускаетъ на рынокъ свои издѣлія; онъ снабжаетъ ихъ своимъ клеймомъ. Его нравственное чувство, его желаніе сохранить добрую славу своей фирмы могутъ быть совершенно ничтожны, но есть задержка, которая оказываетъ на него хотя небольшое вліяніе: боязнь потерять покупателей, если онъ будетъ давать рынку только товары дурного качества. Это чувство гораздо дальше отъ торговца. Собирая товары разныхъ, всего чаще мелкихъ производителей, онъ не связываетъ съ ними своей фирмы. Въ отличіе отъ крупнаго производителя, который сбываетъ свой товаръ оптомъ, сравнительно небольшому числу покупателей, торговецъ имѣетъ дѣло со множествомъ людей, и недовольство торговымъ обманомъ, обмѣромъ, обвѣсомъ распространяется на очень боль

шую площадь, отражается только небольшою частицей на каждомъ изъ покупателей, а потому и можетъ не влечь за собою невыгодныхъ послѣдствій для торговаго предпріятія. Лазарь въ драмѣ *Свои люди сочтемся* отлично выражаетъ эту торговую мораль: накинуть рубль—другой лишній покупателю, недорѣзать ему аршинъ—другой матеріи—вотъ его обычный образъ дѣйствій, заслуживающій полное одобреніе Большева. Другой представитель этого типа—Пузановъ въ *Семейной Картинѣ*—прямо говоритъ своей матери, что онъ не прочь надуть пріятеля, если тотъ попадется подъ руку, что онъ не прочь подвести подъ пріятеля мину; на этомъ пути его можетъ нѣсколько остановить только воспоминаніе о смертномъ часѣ. Представители другихъ типовъ, выведенные Островскимъ, обнаруживаютъ ту же неудержимую наклонность къ плутовству. Эта наклонность достигаетъ своего высшаго выраженія въ злостномъ банкротствѣ. Критики комедіи *Свои люди сочтемся* высказывали, по поводу злостнаго банкротства Большева, мысль, что это преступленіе очень тяжко, тяжеле, нежели воровство. Для насъ особено важно то, что членъ торговаго класса гораздо легче идетъ на это преступленіе, чѣмъ промышленникъ. Островскій вѣрно подмѣтилъ, что легкость, съ которою Большевъ идетъ на банкротство, является типичною для людей этого класса. Банкротство промышленника связано съ остановкой работъ на его промышленномъ заведеніи, съ обезцѣненіемъ машинъ, порчей сырыхъ матеріаловъ. А такъ какъ въ его имуществѣ эти составныя части капитала представляютъ очень большую цѣнность, обыкновенно гораздо большую, нежели готовыя издѣлія и деньги, то банкротство причиняетъ ему большіе убытки, и нужно стеченіе совершенно исключительныхъ условій, чтобы онъ рѣшился стать злостнымъ банкротомъ. Торговый человѣкъ—не то: большая часть его имущества можетъ состоять въ деньгахъ, а его товары могутъ сравнительно легче найти себѣ сбытъ, при уступкѣ на цѣнѣ. Поэтому, злостное банкротство часто можетъ быть ему выгодно.

Даже и самодурство, которое такъ мастерски изображено въ разныхъ типахъ, созданныхъ Островскимъ, то древне-русское, сѣрое, не затронутое никакими заморскими новшествами, то нѣсколько измѣнившее свою внѣшность подъ вліяніемъ лоска, принесеннаго съ Запада, всего лучше уживается съ представителями именно торговаго капитала. Въ высшихъ рядахъ промышленной буржуазіи дѣло поглощаетъ больше времени и оставляетъ меньше досуга, дабы глава семьи былъ пугаломъ своихъ домашнихъ. Область розничной торговли, при чрезвычайномъ однообразіи дѣйствій, изъ которыхъ слагается это занятіе, позволяетъ хозяину оставлять его на приказчиковъ и дѣлаетъ его совершенно свободнымъ для того, чтобы отравлять существованіе членовъ семьи. Алчность и грубость этихъ людей, ихъ склонность къ плутовству и насильничеству освѣщаются особенно яркимъ свѣтомъ, когда художникъ хочетъ изобразить положительные типы. Таковъ Жадовъ въ *Доходномъ Мѣстѣ*. Онъ образованъ и честенъ, и это обрекаетъ его на бѣдность. Таковъ же и Милашинъ въ *Бѣдной Невѣстѣ*. Онъ любитъ бѣдную невѣсту безкорыстно и признается, что чуткая совѣсть мѣшала ему пріобрѣсти состояніе. И это не было выдумано: сама жизнь подсказывала, что если въ палатахъ могъ родиться русскій человѣкъ, чуткій ко всему доброму и прекрасному, то нажить палаты тому, кто родился въ хижинѣ, и нажить совѣстливо было дѣломъ въ высокой степени труднымъ, почти невозможнымъ. Нажить на государственной службѣ—значило идти по проторенной дорогѣ взятокъ съ живого и мертваго. Нажить въ торговлѣ—значило обмѣривать, обвѣшивать и съ молодости, шагъ за шагомъ, приближаться къ злостному банкротству. Развитіе крупной промышленности и образова-

нихъ была площадь полей и другихъ угодій, способныхъ доставить занятіе всѣмъ взрослымъ членамъ этихъ семей. На ряду съ земледѣліемъ товарищество будетъ заниматься промыслами, которыя соотвѣтствуютъ условіямъ мѣстности. Каждый артельщикъ долженъ избрать себѣ трудъ согласно со своими наклонностями, насколько, разумѣется, товарищество имѣетъ нужду въ той или другой мастерской. Во главѣ товарищескаго производства стоятъ особые распорядители; однако, высшая власть сосредоточивается въ рукахъ всѣхъ артельщиковъ. Цѣлесообразному упорядоченію сельскаго хозяйства и промышленности сопутствуютъ и мѣры, способныя обезпечить членамъ товариществъ удобства домашняго быта: квартиры для семей артельщиковъ будутъ просторны, удовлетворять требованіямъ приличной жизни. При зданіи съ квартирами будутъ находиться: церковь, школа, библіотека, залъ для концертовъ и пр. [20]). Чернышевскій убѣжденъ, что этотъ планъ, являющійся пересказомъ фаланстерія Фурье, осуществимъ въ современномъ обществѣ. Какое же ручательство, что государство дастъ товариществамъ въ ссуду необходимые милліоны? Русскій экономистъ увѣренъ, что оно такъ и будетъ: вѣдь, даетъ же правительство большія пособія сахарозаводчикамъ, строителямъ желѣзныхъ дорогъ, оптовымъ торговцамъ! Все это заставляетъ признать, что рабочій классъ не обнаруживаетъ большой притязательности, если хочетъ получить отъ государства содѣйствіе и притомъ такое, которое ничего не будетъ стоить казнѣ. Чернышевскому, какъ отлично разъяснилъ Плехановъ, было почти чуждо представленіе о борьбѣ классовъ [21]). А потому, онъ не задается вопросомъ, таковы ли въ государствѣ руководящія силы, чтобы оно захотѣло оказать товариществамъ поддержку: всѣ несовершенства общественнаго строя, равно какъ и всѣ слабыя стороны въ дѣятельности государства должны быть приписаны только тому, что люди недовольно глубоко проникаютъ въ сущность явленій.

Общее направленіе Чернышевскаго отразилось спеціально и на его отношеніи къ земельной общинѣ. Въ своей полемикѣ съ противниками общиннаго владѣнія землей этотъ писатель не только обнаружилъ большую, изъ ряда вонъ выходящую силу діалектики, но и пустилъ въ оборотъ, нѣсколько мыслей, съ тѣхъ поръ написанныхъ на знамени народничества. Чернышевскій защищаетъ земельную общину не потому, что она—порожденіе исключительно русскаго духа, какъ то думали славянофилы: онъ видитъ въ ней первичный союзъ людей, который въ своихъ существенныхъ особенностяхъ подобенъ идеальному строю, который составляетъ предметъ стремленій и чаяній для истинныхъ друзей народа. Отстоять общину, разсматриваемую именно съ этой точки зрѣнія, и было главной цѣлью очерковъ, которые Чернышевскій посвятилъ общинному землевладѣнію. Германская философія оказываетъ русскому писателю большую услугу: онъ настойчиво проводитъ мысль, что высшія, наиболѣе совершенныя формы, отклоняясь отъ посредствующихъ ступеней, имѣютъ большое сходство съ низшими формами, отъ которыхъ началось движеніе. Этотъ общій законъ, сказываясь во всѣхъ областяхъ жизни, долженъ быть безоговорочно приложенъ и къ земельной общинѣ. «Общій ходъ планетарнаго развитія, прогрессивная лѣстница классовъ животнаго царства, высшіе классы животныхъ въ особенности, физическая жизнь человѣка, его языкъ, обращеніе съ другими людьми, его одежда, манера держать себя, всѣ его общественныя учрежденія,—администрація, войско и война, судопроизводство, заграничная торговля, торговое движеніе вообще, понятіе о справедливости, каждый изъ этихъ фактовъ подлежитъ той нормѣ, о которой мы говоримъ: повсюду высшая степень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытной формѣ, которая замѣнялась противоположною на средней

степени развитія: повсюду очень сильное развитіе содержанія ведетъ къ возстановленія той самой формы, которая была отвергаема развитіемъ содержанія не очень сильнымъ» [22]). Община не представляетъ исключенія: этотъ законъ можетъ быть приложенъ и къ ней. И Чернышевскій удивляется, какъ люди, которые величаются своимъ знакомствомъ съ германской философіей, могли упустить это изъ вида. Онъ убѣжденъ, что одно упоминаніе о земельной общинѣ, какъ первобытной формѣ отношеній людей къ землѣ, должно упрочивать въ каждомъ сознаніе, что частная собственность на землю, исторически слѣдующая за общиннымъ землевладѣніемъ, есть переходная ступень и что община является и высшею формою этихъ отношеній. Но предъ русскимъ писателемъ возстаетъ болѣе трудный вопросъ: достигла-ли Россія той ступени развитія, когда сохраненная ею община можетъ быть выразительницей высшаго отношенія человѣка къ землѣ? И хотя онъ не утверждаетъ, что Россія поднялась на этотъ уровень, однако, высказываетъ увѣренность, что русская жизнь можетъ дѣлать болѣе быстрые успѣхи, нежели движеніе у народовъ — которые опередили Россію культурою. Вовсе нѣтъ надобности, чтобы какое-нибудь явленіе, отставши въ своемъ развитіи, или цѣлый народъ проходилъ всѣ логически необходимыя ступени между низшими формами жизни и высшими, до которыхъ можно подняться. У народа отставшаго ходъ можетъ совершаться гораздо быстрѣе. Этотъ народъ можетъ подниматься съ низшихъ ступеней прямо на высшія. А среднія ступени, благодаря познанію имъ того, что совершилось въ передовыхъ странахъ, или могутъ достигать только теоретическаго бытія, не осуществляясь во внѣ, или могутъ осуществляться лишь на очень короткое время и быть совсѣмъ маловажными въ общемъ ходѣ жизни [23]).

Будучи учениками Чернышевскаго, писатели-народники, и помимо него, испытывали вліяніе отголосковъ Запада. Они имѣли передъ собою въ 70-хъ годахъ такіе факты: 1) преобладаніе сельскаго хозяйства, связаннаго съ кустарной промышленностью на обширномъ пространствѣ русской земли; 2) общинное владѣніе, захватывающее большую часть крестьянской земельной собственности; 3) большую распространенность артелей; 4) недолгій срокъ, протекшій отъ времени совершенія крестьянской реформы. А западная жизнь безостановочно давала намъ толчки, которые облегчали находить драгоцѣнныя свойства въ русскомъ быту. Прогрессивныя партіи Запада требуютъ обращенія земли изъ частной собственности въ общественную. А развѣ наше общинное землевладѣніе не содержитъ всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для этого преобразованія? Развѣ оно не служитъ основаніемъ, на которомъ легко можетъ развиться общинное сельско-хозяйственное производство? Авторитетные голоса возвышаются на Западѣ за артель; ее считаютъ наиболѣе совершенной формой производства для настоящаго и будущаго. Радикальные Л. Бланъ и Лассаль, умѣренные Шульце-Деличъ и Райффайзенъ сходятся на прославленіи артели. А развѣ артель не извѣстна нашему народу? Фурье вырабатываетъ до мелочей планъ *Новаго промышленнаго міра*; гармоничное сочетаніе трудовъ сельско-хозяйственнаго и промышленнаго служитъ одной изъ основныхъ особенностей этого міра. А развѣ у насъ, сообразно со всѣми окружающими условіями, деревня не представляетъ сочетанія сельскаго хозяйства и промысловъ? Есть все многообразіе элементовъ, чреватыхъ будущимъ. И если они до сихъ поръ не могли сполна обнаружить свое вліяніе на русскую жизнь, то потому, что крѣпостное право еще такъ недавно сковывало ихъ творческую силу. Вотъ мысли, которыя русская жизнь, при освѣщеніи бѣгло схваченными идеями Запада, подсказываетъ печальникамъ о народѣ. Эта мысль побуждаетъ

романа Смирновой «Соль земли», насажденію ссудо-сберегательныхъ товариществъ, онъ является представителемъ буржуазной интеллигенціи, иногда съ оттѣнкомъ демократическихъ влеченій. Чтобы онъ ни дѣлалъ, онъ—положительный типъ, такъ какъ онъ—носитель силы и энергіи, которыхъ недоставало дворянству.

Либеральное и либерально-радикальное направленіе образовало въ нашей литературѣ другой потокъ; міросозерцаніе его представителей дѣлаетъ именно ихъ носителями оппозиціоннаго направленія, пѣвцами страданій массы, выразителями ея идеаловъ. Они не отрицаютъ, что промышленная буржуазія имѣетъ положительныя черты, которыхъ не знало дворянство. Но эти положительныя черты десятковъ или сотенъ тысячъ возбуждаютъ неизмѣримо меньшій интересъ, чѣмъ невзгоды милліоновъ. Нити, которыя шли въ 40-хъ годахъ отъ крестьянской среды къ Григоровичу, Тургеневу и Некрасову, не только не порвались, но умножились. Литература о народѣ растетъ. Муза Некрасова еще не спѣла нѣкоторыхъ изъ своихъ лучшихъ пѣсенъ, а уже выступаютъ Успенскій и Златовратскій. То художники, то публицисты (послѣднее примѣнимо особенно къ Успенскому), они и другіе писатели того же направленія даютъ намъ жизнь деревни въ самомъ разнообразномъ освѣщеніи. И, хотя тоны не одинаковы, читатель связываетъ всѣ отдѣльныя впечатлѣнія и выводы въ одинъ узелъ: деревня, свободная отъ крѣпостнаго права, задыхается подъ бременемъ глубокаго невѣжества и безысходной нищеты; это препятствуетъ крестьянамъ проявить въ полномъ расцвѣтѣ добрыя свойства души и старинные навыки и пріемы труда и открываетъ безграничный просторъ для хищническихъ инстинктовъ отдѣльныхъ лицъ, для административнаго произвола. Пролить яркій свѣтъ на жизнь деревни—вотъ заслуга, которая навсегда останется за этими писателями. И если мы спросимъ, почему писатели либерально-радикальные, будучи пѣвцами народнаго горя, являлись печальниками по преимуществу крестьянъ, то весь складъ русскаго народнаго хозяйства позволитъ объяснить это безъ затрудненій.

До послѣдняго времени Россія была страной, исключительно земледѣльческой. Въ Англіи конца 17 вѣка 25% населенія жило въ городахъ, тогда какъ перепись Россіи 28 января 1897 года дала только около 16% городскихъ жителей. До освобожденія крестьянъ главная масса интересовъ Россіи была связана съ деревней. Городскія сословія были, на ряду съ дворянствомъ и крестьянствомъ, почти незамѣтными группами. Русская культура достигла въ дворянствѣ своего высшаго выраженія; отрицательныя стороны общественнаго быта сказывались наиболѣе рѣзко въ средѣ крѣпостныхъ и, вообще, крестьянъ. Кто, поэтому, поддерживалъ интересы господствующаго класса, тотъ воспѣвалъ доблести дворянства. Кто писалъ объ угнетенныхъ и обездоленныхъ, тотъ заставлялъ свою музу служить крестьянамъ. Невзгоды другихъ слоевъ порабощеннаго русскаго люда не могли въ такой степени привлекать къ себѣ вниманіе прежде всего уже по относительной малочисленности этихъ людей. Во вторыхъ, значительныя массы этого люда еще не выдѣлились окончательно изъ крестьянской массы. И до освобожденія крестьянъ въ Россіи были милліоны кустарей, но, занимаясь своимъ промысломъ на ряду съ сельскимъ хозяйствомъ, они растворялись въ крестьянствѣ; интересы послѣдняго затѣняли интересы первыхъ. Тамъ и сямъ были крупныя промышленныя заведенія. Значительное число ихъ рабочихъ не только происходило изъ деревень, но еще поддерживало связь съ землею; оно не выдѣлялось изъ крестьянства настолько рѣзко, чтобы образовать особую, самостоятельную группу, интересы которой требовали бы самостоятельнаго выраженія. Такова была русская экономическая жизнь предъ самымъ освобожденіемъ крѣпостныхъ

Крестьянская реформа ускорила успѣхи промышленности и облегчила условія, при которыхъ могъ сложиться самостоятельный классъ фабричныхъ рабочихъ. Но еще понадобилось время, чтобы интересы этого класса нашли выразителей среди писателей прогрессивнаго направленія. Литература присматривается къ этимъ слоямъ и въ 60-хъ годахъ: припомнимъ Левитова и Рѣшетникова, припомнимъ *Нравы Растеряевой улицы* Успенскаго; однако, изображеніе некрестьянскихъ слоевъ бѣднаго класса совершенно отстаетъ отъ массы труда, которая затрачивалась до послѣдняго времени на изученіе деревни, на воспроизведеніе деревенскихъ типовъ, на полухудожественное, полупублицистическое начертаніе плановъ, которые могли бы дать русской деревнѣ и всему русскому народному хозяйству новые устои.

Не трудно послѣ всего сказаннаго понять, почему одно изъ прогрессивныхъ теченій въ наукѣ и публицистикѣ получило характеръ народническаго. Сама жизнь направляла на деревню главное вниманіе мыслящихъ и чувствующихъ людей.

Чернышевскій былъ главой этого теченія. Мысли, высказанныя имъ, сдѣлались общимъ достояніемъ; онѣ неограниченно господствовали въ русской литературѣ добрую четверть вѣка и до сихъ поръ сохранили извѣстное обаяніе. А Чернышевскій, по вѣрному замѣчанію Плеханова, былъ утопистомъ чистой воды, вѣрнымъ ученикомъ великихъ французскихъ соціалистовъ [18]).

«Рутинные политико-экономы, говоритъ Чернышевскій, выставляютъ всѣ части экономическаго быта одинаково независящими въ своихъ чертахъ отъ соображеній человѣка о лучшемъ устройствѣ человѣческаго быта. На самомъ же дѣлѣ принципы только одной части экономическаго быта, именно производства, налагаются на человѣка съ необходимостью физическихъ законовъ; остальные же элементы экономическаго быта устраиваются уже самимъ человѣкомъ и вполнѣ подлежатъ его власти» [19]). Такимъ образомъ хозяйственная жизнь представляется Чернышевскому какъ бы разбитою на особыя, не связанныя между собою области. Природа страны и промышленное искусство, достигнутое населеніемъ, объясняютъ, какіе способы производства могутъ стать господствующими. Во всѣхъ же остальныхъ явленіяхъ, которыя входятъ въ составъ общественнаго хозяйства, воля человѣка царитъ безпрепятственно: онъ можетъ давать формамъ экономическаго быта желанный видъ и развитію хозяйственныхъ явленій желанное направленіе. Положивъ въ основаніе экономическаго міровоззрѣнія полную раздѣльность процессовъ производства и другихъ явленій хозяйства, Чернышевскій упрекаетъ Милля за то, что онъ продолжаетъ идти по колеѣ, проложенной его предшественниками, и не обнаруживаетъ большой рѣшительности въ начертаніи формъ распредѣленія продуктовъ, которыя предписываются человѣчеству разумомъ. Русскій писатель знаетъ, что на свѣтѣ были геніальные мыслители, которые нашли себѣ достойныхъ учениковъ, что нѣкоторые изъ нихъ не только дѣлали отвлеченныя построенія, но и говорили о томъ, что возможно въ современной дѣйствительности. Такъ какъ Чернышевскій не считаетъ своевременнымъ излагать всѣ предположенія, которыя имѣютъ въ виду «границы возможнаго для нынѣшней эпохи», то ограничивается однимъ примѣромъ. Этотъ примѣръ состоитъ въ планѣ поддержанія правительствомъ промышленно-земледѣльческихъ товариществъ. Планъ Чернышевскаго списанъ съ *Промышленнаго міра* Фурье, воспроизведеннаго въ общихъ чертахъ. Въ составъ каждаго товарищества входятъ 400—500 семействъ. На ссуду, полученную отъ государства, товарищества покупаютъ старинныя зданія и устраиваютъ новыя такъ, чтобы вокругъ

него является сознаніе необходимости навсегда проститься съ искусственною жизнью, которую онъ велъ до тѣхъ поръ, отречься отъ всего образованія, теперь ненужнаго ему, и найти удовлетвореніе въ простой, чистой, законной жизни. Въ его головѣ поднимались вопросы, не слѣдуетъ ли приписаться въ общество и жениться на крестьянкѣ.

Такое отношеніе къ деревнѣ, проникавшее Толстого еще тогда, когда онъ созидалъ *Анну Каренину*, упрочивалось все больше и больше. Участіе въ московской переписи, открывъ передъ Толстымъ двери притоновъ поражающей городской нищеты и глубокаго паденія, еще болѣе укрѣпило въ немъ мысль, что жизнь въ городѣ ужасна своей искусственностью, тѣмъ болѣе ужасна, что человѣкъ, проникнутый любовью къ людямъ, имѣетъ гораздо меньше возможности помогать имъ въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ. Яркими красками изображается контрастъ между дѣлами, которымъ посвящаетъ себя городское населеніе, и трудами и заботами поселянъ. Въ городахъ — биржи, фабрики, разныя отрасли государственной службы, газеты, журналы, театры, словомъ, затрата множества жизней на то, что не нужно людямъ. Въ городѣ же выполняется огромное количество труда въ области, такъ называемой, «научной» науки, т. е. науки, ненужной для жизни. Почти все напряженіе ума, которое люди дѣлаютъ для развитія современной науки, и почти все проявленіе художественныхъ дарованій, которое обнаруживается въ искусствѣ, не нужно человѣчеству. «То, говоритъ Толстой, что въ нашемъ обществѣ называютъ наукой и искусствомъ, есть только огромный мыльный пузырь, суевѣріе, въ которое мы обыкновенно впадаемъ, какъ только освобождаемся отъ другихъ суевѣрій [24]).

А деревня? Толстой жалѣетъ тѣхъ богатыхъ людей, которыя проводя въ деревнѣ ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ, не понимаютъ важности работы, происходящей вокругъ нихъ. Сколько бы мы ни читали объ этой работѣ и сколько бы мы ни смотрѣли на нее, мы не можемъ составить о ней никакого понятія, не испытавъ ея. И для характеристики сельскаго труда, Толстой описываетъ покосъ, который составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ дѣлъ въ мірѣ. Передъ читателемъ проходитъ въ покосѣ все населеніе деревни: взрослые мужчины и женщины, не покладая рукъ, выполняютъ тяжелую работу; старики силятся не отстать отъ нихъ; беременныя работаютъ, хотя и черезъ силу; восьмидесятилѣтняя старуха гребетъ; крошечный мальчикъ приноситъ косцамъ воду; деревенскій сапожникъ, слабый и худосочный, оставляетъ свой промыселъ и берется за косу... [25]) А если это дѣло имѣетъ такую чрезвычайную важность, если занятія людей въ городахъ такъ пусты и суетны, то не слѣдуетъ ли, что нужно бросить городскую жизнь и стать обитателемъ деревни? Туда-то и зоветъ Толстой. Онъ убѣжденъ, что если человѣкъ не задается мыслью пользоваться чужимъ трудомъ, владѣть землею и деньгами, то ему и въ голову не придетъ уѣхать изъ деревни въ городъ, что въ деревнѣ человѣкъ освободится отъ чувства безпомощности и будетъ въ состояніи помогать людямъ [26]). Радостный физическій трудъ, возможный только въ деревнѣ, тѣмъ и хорошъ, что для него не нужно создавать особое сообщество: кто посвящаетъ себя этому труду, чтобы только удовлетворить свои потребности, кто не имѣетъ въ виду наживать деньги, тотъ естественно примыкаетъ къ трудящемуся населенію. Отрадность этого труда чувствуется и его плодотворность сознается Толстымъ такъ глубоко, что ведетъ его къ слѣдующему насмѣшливому заключенію по адресу людей, которые думаютъ, что сельскохозяйственный трудъ можетъ быть для кого бы то ни было унизительнымъ. «Мы такъ привыкли къ тѣмъ выхоленнымъ или разслабленнымъ нашимъ представителямъ умственнаго труда,

что намъ дикимъ представляется то, чтобы ученый или художникъ пахалъ или возилъ навозъ. Намъ кажется, что все погибнетъ и вытрясется на телѣгѣ вся его мудрость и опачкаются въ навозѣ тѣ великіе художественные образы, которые онъ носитъ въ своей груди [27])». Жизнь, близкая къ природѣ, такъ привлекательна, что министръ, котораго сослали на поселеніе, долженъ бы видѣть въ этомъ благодѣяніе, ибо онъ можетъ замѣнить спеціальный, а потому и тяжелый, трудъ радостнымъ чередованіемъ труда. Наконецъ, сельскій трудъ отраденъ и производителенъ при всѣхъ условіяхъ, при всѣхъ способахъ. Разъ человѣкъ, посвящая себя этой работѣ, не стремится къ обогащенію, то для него нѣтъ вопроса объ орудіяхъ труда. Есть паровой плугъ—хорошо. Нѣтъ его—«онъ будетъ пахать коннымъ, не будетъ его—сохой, не будетъ сохи, онъ будетъ пахать скребкомъ и во всѣхъ условіяхъ будетъ одинаково достигать своей цѣли, проводить свою жизнь въ полезномъ людямъ трудѣ, и потому будетъ получать полное удовлетвореніе» [28]).

Эта проповѣдь также явилась условіемъ, способнымъ поддерживать вниманіе къ русской деревнѣ. Вліяніе проповѣди было двоякое. Въ людяхъ съ вялою мыслью, съ равнодушнымъ отношеніемъ къ собственнымъ потребностямъ, призывъ Толстого къ сельскому труду и восхваленіе этого труда при всѣхъ условіяхъ и всякихъ способахъ производства поддерживалъ наклонность къ опрощенію. Если большая часть потребностей, привитыхъ людямъ цивилизаціей, искусственны, то нужно сохранить только необходимыя для поддержанія жизни. А онѣ могутъ быть обезпечены и первобытными пріемами труда. Все, что выходитъ изъ предѣловъ этихъ простѣйшихъ способовъ, является излишествомъ. И, вотъ, среди молодежи началось тяготѣніе къ землѣ съ большой наклонностью опроститься. Жизнь указала полную несостоятельность этихъ вкусовъ. Если съ желаніемъ опроститься «выступаютъ люди, которые не отреклись отъ міра, а продолжаютъ жить въ немъ, которые не чуждаются многихъ земныхъ радостей, которые не отрицаютъ принципіально и умственнаго усовершенствованія человѣка (хотя очень односторонне понимаютъ его), то я говорю, что они ведутъ войну съ тѣмъ, чего нельзя побѣдить, — со здравымъ смысломъ. Идеализированіе всего мужицкаго обихода означаетъ возведеніе въ верхъ совершенства мужицкой сохи, которую, при пахотѣ, нужно чинить каждую четверть часа, лошади, которая съ трудомъ по недурной дорогѣ можетъ вести 15 пудовъ, коровы, которая даетъ въ годъ только 40 ведеръ молока. Это значитъ только преклоненіе передъ холодною, закоптѣлою, непріятною крестьянской избой, рваньмъ полушубкомъ, грязною рубахой, предъ непоколебимой вѣрой, что земля стоитъ на трехъ китахъ... А преклоненіе предъ всѣмъ этимъ есть признакъ безсилія ума и характера» [29]).

На людей съ болѣе подвижнымъ умомъ проповѣдь Толстого производила другое впечатлѣніе. Они отбрасывали мысль, что трудъ въ деревнѣ можетъ быть полезенъ даже при самыхъ отсталыхъ пріемахъ; но они твердо помнили, что проповѣдь исходила изъ отрицанія науки и многихъ пріобрѣтеній новѣйшей культуры. А наука во всѣхъ своихъ разновидностяхъ и всѣ стороны культуры, по преимуществу городской, явились въ Россіи исчужи. Въ этомъ морѣ заимствованій нельзя найти почти ничего, что было бы созданіемъ русской жизни, русскаго духа, Поэтому, люди, горой стоящіе за самобытность Россіи, находили въ отрицаніи науки большое утѣшеніе. При вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу, оказывалось, что отрицались не наука, какъ таковая, не культура, какъ таковая, а современныя наука и культура: Западъ—ихъ родина; онѣ привиты въ Россіи искусственно, какъ тепличныя растенія, а потому обре-

ихъ не только съ любовью изучать особенности народнаго быта, но и преувеличивать ихъ значеніе. Побѣда мелкой промышленности крупною считается однимъ изъ положеній науки, не допускающихъ спора. При какихъ же, однако, условіяхъ одерживалась эта побѣда, возведенная въ общій законъ западно-европейскими экономистами? Такимъ условіемъ служитъ раздробленность производства: милліоны крестьянъ владѣютъ единолично клочками земли и побѣждаются крупнымъ сельскимъ хозяиномъ; милліоны кустарей и ремесленниковъ работаютъ порознь и побѣждаются фабрикой. У насъ же есть цементъ, могущій крѣпко связывать разъединенныхъ производителей. Этотъ цементъ, свободный теперь отъ пагубнаго вліянія крѣпостного права, будетъ обнаруживать все большую силу до возможности преобразовать промышленность на новомъ основаніи. И вѣра въ такое новое основаніе является тѣмъ болѣе твердою, что крупное производство зарождается въ Россіи при наличности общины и надѣленіи крестьянъ землею. Въ Западной Европѣ эти хозяйственные факты уже давно отошли въ область преданій. Но старинныя формы могутъ быть примирены съ новѣйшими завоеваніями техники: нуженъ только толчекъ извнѣ. Этотъ толчекъ будетъ данъ интеллигенціей и государствомъ. На чемъ же покоится вѣра въ то, что интеллигенція и государство способны двинуть впередъ старыя формы? Эта вѣра была вызвана и укрѣплена частію условіями русской жизни, частію вліяніемъ Запада. Съ 50-хъ годовъ, когда въ Россіи начала слагаться буржуазія и въ литературѣ сталъ принимать большое участіе разночинецъ, оказывалось все больше силъ, которыя являлись представителями неимущихъ классовъ,—крестьянъ, а затѣмъ и другихъ общественныхъ группъ. Разночинецъ или дворянинъ, сбросившій съ себя интересы дворянства, выступилъ въ печати и въ только что созданномъ земскомъ самоуправленіи. Основаніе артелей гвоздарей, сыроваровъ, смолокуровъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ, статистическія изслѣдованія, предпринятыя земствами въ разныхъ концахъ Россіи съ конца 60-хъ и, особенно, въ 70-хъ годахъ, производили потому сильное впечатлѣніе, что отличались отъ строго-бюрократическаго строя дореформенной Россіи. Всѣ эти попытки навязывали мысль, что Россія обладаетъ многочисленной интеллигенціей, которая проникнута преданностью важному общественному дѣлу и имѣетъ большія силы для созданія новыхъ формъ; стоитъ только правительству дать толчекъ въ этомъ направленіи. Русская жизнь открывала для наблюденія и другой фактъ: освобожденіе крестьянъ съ землей, распространившееся на 21 милліонъ душъ; оно было выполнено за немного лѣтъ и безъ нарушенія общественнаго порядка. Русскій народолюбецъ не подвергалъ всесторонней оцѣнкѣ главныхъ началъ, проникающихъ освободительную реформу; его восхищали одни размѣры реформы и decorum. Припоминая исторію государствъ древности и новаго времени, онъ могъ съ увѣренностью сказать, что никогда и нигдѣ не было преобразованія, которое съ одного удара дало бы столь большому числу людей формальную свободу и на первый разъ достаточное обезпеченіе. При оцѣнкѣ забывалось и до сихъ поръ забывается, что мирное совершеніе реформы въ большихъ размѣрахъ вовсе не служитъ залогомъ какихъ-либо великихъ актовъ въ будущемъ, а является слѣдствіемъ только вялости русскихъ людей, воспитанной всей исторіей. Было бы болѣе правильно сдѣлать такое заключеніе: безволіе русскихъ людей облегчило быстрое совершеніе реформы; но то же безволіе будетъ препятствовать крестьянамъ выработать изъ себя самихъ силы, способныя доставить имъ лучшее будущее. Гдѣ, какъ на Западѣ, освобожденіе крѣпостныхъ не совершилось сразу, спокойно, гдѣ крѣпостное право было

ознаменовано нѣкоторой, иногда напряженной борьбой крестьянъ съ помѣщиками, тамъ большая энергія воли обѣщала, что крестьяне, если и не имѣютъ земли, обладаютъ большею стойкостью для борьбы во имя лучшаго будущаго. Русскому народолюбцу эти мысли были чужды. Увлеченный одними размѣрами реформы, онъ утверждалъ, что государство, совершивъ ее въ столь короткій срокъ, дало вѣское доказательство своей готовности и способности создать формы хозяйственной жизни, рѣзко отличныя отъ тѣхъ, которыя развились на Западѣ. Русская жизнь склоняла къ такимъ выводамъ, а отголоски европейскихъ движеній укрѣпляли ихъ. Много или мало были знакомы русскіе народники съ развитіемъ западно-европейскихъ соціалистическихъ ученій, они часто слышали, что творцы этихъ ученій взываютъ къ государству съ планами преобразованія экономической жизни. Сенъ-Симонисты требуютъ, чтобы государство устроило центральный банкъ для сосредоточенія орудій производства; Л. Бланъ предлагаетъ ему организовать трудъ; Лассаль также возвышаетъ свой голосъ за насажденіе артелей при содѣйствіи государства. Къ этому присоединяются требованія и пожеланія множества писателей и практическихъ дѣятелей съ менѣе извѣстнымъ именемъ. Лучшіе представители соціализма знали, каково должно быть государство, способное осуществить эти идеалы. Выдвигая ихъ, они обыкновенно говорили и о необходимости перемѣнъ въ политическомъ строѣ. Русскіе народолюбцы имѣли въ своихъ рукахъ одинъ козырь, который позволялъ имъ упростить программу, предлагать планъ переустройства хозяйственной жизни и совсѣмъ забыть о политическихъ задачахъ. Народолюбецъ понималъ, что на Западѣ перестройка экономическаго уклада предполагаетъ измѣненіе политическаго строя: чего, въ самомъ дѣлѣ, ждать истинному демократу отъ современнаго государства? Оно дало личную свободу выгодную преимущественно для состоятельныхъ классовъ; оно приняло разныя мѣры на пользу бѣднѣйшихъ, но мѣры некрупныя, провело ихъ безъ значительныхъ матеріальныхъ затратъ. Нѣтъ мѣры, которую можно было бы уподобить крестьянской реформѣ. Конечно, государство западнаго образца должно быть и политически преобразовано прежде, чѣмъ можно разсчитывать на полученіе отъ него 100 милліоновъ талеровъ для производительныхъ артелей. Не такова государственная власть въ Россіи: она освободила крестьянъ и предприняла огромную выкупную операцію (забывается, что эта операція не требовала затратъ и была связана съ надежнымъ для государства обезпеченіемъ). Если русское правительство могло совершить крестьянскую реформу, то сумѣетъ преобразовать экономическую жизнь при нынѣшнемъ политическомъ строѣ: для измѣненія промышленной жизни потребуется не болѣе творческой силы, нежели было нужно для освобожденія крестьянъ. Вотъ логическій процессъ, который привелъ писателей этого направленія къ надеждѣ, что будетъ организовано такъ называемое народное производство, артельныя, земскія, государственныя, общинныя фабрики, къ мысли, что манифестъ 19 февраля содержитъ какое-то обѣщаніе общиннаго производства и т. д.

Чрезмѣрному увлеченію деревней и болѣзненному идеализированію сельскохозяйственнаго труда способствовало также то направленіе, которое, подъ вліяніемъ Льва Толстого, образовало въ русской литературѣ широкій потокъ.

Простота, естественность сельской жизни уже давно увлекали Толстого. Картина покоса производитъ неотразимое впечатлѣніе на Левина. Онъ чувствуетъ, какъ его захватываетъ громъ веселія, какъ пѣсни бабъ со вскриками и присвистами наполняютъ его чувствомъ радости, какъ у

и воспитывать эти силы посредствомъ широкаго развитія въ русскомъ народѣ просвѣщенія. Извѣстно, какъ слаба была дѣятельность въ этомъ направленіи. Столь же наивно предположеніе народниковъ, будто русское правительство, хотя бы при содѣйствіи интеллигенціи, способно создать новыя формы промышленности, связать сельское хозяйство съ фабрикою, вдохнуть живительныя силы въ артельное начало. Призывъ къ государству, прозвучавшій на Западѣ гораздо раньше, чѣмъ у насъ, далъ совсѣмъ незначительные результаты. Вокругъ Луи Блана и Лассаля были люди, горячо преданные дѣлу, полные самоотверженія, готовые безъ оглядки идти туда, куда приведетъ истинно народная организаціонная работа государства. Почему же государство не откликнулось на этотъ призывъ? Потому, что и въ Германіи и во Франціи государство было тогда и остается до сихъ поръ способнымъ только замолчать эти воззванія или отвѣтить на нихъ безконечно мелкими мѣропріятіями, которыя не могутъ служить серьезнымъ опытомъ преобразованія хозяйственной жизни.

Вся экономическая политика Россіи за 40 лѣтъ, протекшихъ со времени освобожденія крестьянъ, убѣждаетъ, что мечты народниковъ были безпочвенны. Вся эта политика, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ,[30]) слагается изъ крупныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поддержанію и укрѣпленію частно-капиталистическаго хозяйства, и изъ скромныхъ, часто игрушечныхъ мѣръ на пользу народныхъ массъ.

Итакъ, писатели-народники, давъ сильный тотчекъ изученію русской деревни, обнаружили очень слабыя стороны: невнимательное отношеніе къ нѣкоторымъ крупнымъ фактамъ русской исторіи и слабую теоретическую подготовку, препятствующія имъ въ оцѣнкѣ хозяйственныхъ явленій.

Какъ 60^е^ и 70^е^ годы необходимо должны были вызвать это направленіе, такъ 80^е^ и 90^е^ должны были вызвать демократическое теченіе, цѣликомъ примыкающее къ перемѣнамъ, которыя начали совершаться ранѣе, но обозначились выпукло только послѣ двухъ голодныхъ годовъ. За послѣдніе 20 лѣтъ жизнь выдѣлила такіе факты: 1) упадокъ крестьянскаго хозяйства и обѣднѣніе деревни; 2) упадокъ большинства отраслей кустарной промышленности; 3) успѣхи крупнаго производства въ нѣкоторыхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности и сельскомъ хозяйствѣ; 4) отступленіе натуральнаго хозяйства подъ напоромъ денежно-кредитнаго; 5) крайнюю мизерность мѣръ, которыя, исходя отъ государства и земства, должны были пріостановить этотъ процессъ: крестьянскій земельный банкъ, развитіе артелей и ссудо-сберегательныхъ товариществъ, переселенія, содѣйствіе кустарнымъ промысламъ. Прогрессивная общественная мысль, какъ всегда и вездѣ, явилась выразительницею нуждъ угнетенныхъ классовъ; но ея представленіе объ этихъ классахъ не было тожественно съ представленіемъ, которое господствовало ранѣе. Въ 60-хъ и даже 70-хъ годахъ различныя группы неимущихъ классовъ еще не довольно рѣзко выдѣлились изъ массы крестьянства. За послѣдніе же 20 лѣтъ совершилось это выдѣленіе. Населеніе городовъ возросло; явился фабричный пролетаріатъ; въ деревняхъ образовались массы безземельнаго и безработнаго люда. Естественно, поэтому, что прогрессивная мысль могла говорить уже не объ одномъ крестьянствѣ, но и о другихъ группахъ, которыя навсегда обособились изъ крестьянства и утратили всѣ интересы, связанные съ землевладѣніемъ. Изъ этихъ группъ фабричный пролетаріатъ сталъ привлекать къ себѣ наибольшее вниманіе и своею численностью, и своей сплоченностью, особенно облегчающею развитіе классоваго сознанія. Прогрессивная мысль не могла остановиться на прежней точкѣ зрѣнія при оцѣнкѣ экономическаго развитія Россіи и предсказаніи будущаго.

Массовое обезземеленіе, оплотомъ котораго община считалась въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ, ослабило вѣру въ общину; совершенная незначительность мѣръ, о которыхъ еще такъ недавно говорили, какъ о всецѣлебныхъ средствахъ, начала формировать убѣжденіе, что нельзя разсчитывать на нихъ, какъ на средство преобразованія промышленности, если бы даже онѣ прилагались по гораздо большему масштабу. Наконецъ, ближайшіе результаты, которые были достигнуты въ областяхъ крупнаго производства, не давали простора оптимизму относительно деревни, ни пессимизму относительно фабрикъ и заводовъ. Развѣ полнонадѣльные крестьяне и самостоятельные кустари не живутъ въ жалкихъ избахъ, почти не защищающихъ отъ зимней стужи, не живутъ впроголодь, не ходятъ въ рубищѣ, не отрѣзаны отъ начатковъ знанія и грамотности, не знаютъ только по наслышкѣ объ употребленіи мыла, чаю, газетъ, нерѣдко обуви? И развѣ рабочіе фабрикъ, какъ ни тяжелъ ихъ трудъ, не чаще живутъ въ домахъ, гдѣ тепло и свѣтло, не чаще обучаются въ школахъ, поставленныхъ гораздо лучше, чѣмъ сельскія училища? Всѣ такіе вопросы должны были повести къ отвѣту, что жизнь русской деревни вовсе не является эдемомъ въ сравненіи съ «фабричнымъ адомъ» и что успѣхи крупной промышленности на основаніи частнаго капитализма вовсе не служатъ источникомъ обѣдненія и раззоренія, какъ о томъ говорятъ писатели-народники. Сама жизнь стала вліять на міросозерцаніе; она помогаетъ понять смыслъ крупнаго производства и оцѣнить его значеніе и для Россіи.

Вотъ въ краткомъ очеркѣ вліяніе, которое русская экономическая жизнь имѣла на развитіе въ Россіи художественнаго творчества и науки. Сила иностранныхъ вліяній на послѣднее направленіе, которое мы назовемъ соціалистическимъ, сказывается въ схемѣ экономическаго развитія Россіи, какъ она начертывается этими писателями. Несомнѣнно, что капитализмъ дѣлаетъ въ Россіи успѣхи; стоитъ внѣ спора, что Россія вступила въ тотъ періодъ капиталистическаго развитія, который начался для Запада полстолѣтія тому назадъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы успѣхамъ капитализма въ Россіи сопутствовали всѣ явленія, которыя сопровождали его на Западѣ. Русская общественная жизнь представляетъ особенности, которыя служатъ причиною, что капитализмъ является у насъ въ обстановкѣ, не вполнѣ сходной съ его обстановкой у нашихъ сосѣдей.

Все изложенное позволяетъ заключить, что экономическіе матеріалисты правы, считая хозяйственную жизнь основаніемъ другихъ сторонъ культуры.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Эгоизмъ, дружелюбіе, классовые интересы.

I.

Отъ времени Адама Смита въ наукѣ общественнаго хозяйства упрочилось убѣжденіе, что самолюбіе является главнымъ двигателемъ людей. «Не отъ доброжелательства мясника, пивовара и пекаря ожидаемъ мы нашего обѣда, говоритъ Смитъ, а отъ ихъ вниманія къ ихъ собственнымъ интересамъ. Мы обращаемся не къ ихъ человѣчности, а къ ихъ самолюбію и никогда не говоримъ имъ о нашихъ потребностяхъ, но о ихъ выгодахъ.»[31]) Эти слова составляютъ типичное выраженіе того, какъ Смитъ относится къ явленіямъ народнаго хозяйства. Когда онъ строитъ ученіе

чены на чахлый ростъ. А это еще болѣе окрыляло надеждой, что формы жизни, переживаемыя Западомъ, не станутъ непремѣнно удѣломъ нашего отечества, что Россія сумѣетъ миновать противорѣчія, испытанныя нашими сосѣдями, создастъ своеобразный укладъ и обогатитъ человѣчество новыми началами.

Мы дошли въ характеристикѣ народничества до того времени, когда оно стало обнаруживать явные признаки вырожденія. Попытаемся выяснить, насколько правильно пониманіе народниками крестьянской реформы, и въ какой мѣрѣ жизненны ихъ планы преобразованія хозяйственнаго быта Россіи.

Слова манифеста 19 февраля 1861 года, выражая намѣреніе государства дать крестьянамъ землю «для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей передъ правительствомъ», не позволяютъ сдѣлать такой выводъ, ибо самое понятіе о томъ, что необходимо для обезпеченія быта, представляется крайне растяжимымъ. Мы можемъ видѣть въ этомъ доброе желаніе, отъ котораго еще безконечно далеко до сознанія необходимости крупныхъ перемѣнъ въ хозяйственной жизни народа. Исполненіе закона 19 февраля было таково, что милліоны освобожденныхъ крѣпостныхъ получили въ надѣлъ меньшую площадь земли, нежели та, которою они владѣли до освобожденія, и только единичныя сельскія общества получили въ составѣ надѣла лѣсъ, которымъ они свободно пользовались изъ помѣщичьихъ угодій. Если даже забыть о способахъ осуществленія крестьянской реформы, если имѣть въ виду только отправную точку, отъ которой исходилъ законодатель, то поймешь всю неосновательность оцѣнки манифеста 19 февраля, которую мы находимъ у народниковъ. Отправной точкой для законодателя былъ земельный надѣлъ, которымъ крестьяне пользовались при крѣпостномъ правѣ. Нечего удивляться, что государство было готово уступить крестьянамъ площадь земли, соотвѣтствующую размѣрамъ ихъ надѣла: населеніе было рѣдко, земли—много, ея цѣнность—ничтожна, а потому напрасно считать надѣленіе крестьянъ землей доказательствомъ особенной величественности освободительнаго закона. Надѣленіе крестьянъ землей въ тѣхъ границахъ, какъ оно совершилось, вовсе не было плодомъ высокихъ замысловъ, человѣколюбія, нѣжной заботливости о населеніи деревень: *оно было предписано необходимостью.*

Еще меньше основаній читать въ словахъ манифеста надежду правительства на образованіе самобытнаго строя русскаго народнаго хозяйства. Такая надежда и такое намѣреніе были бы на лицо только въ томъ случаѣ, если бы государство поставило вопросы: 1) можно ли считать норму земельнаго надѣла, какъ она установилась при крѣпостномъ правѣ, достаточною для обезпеченія быта крестьянъ? 2) если она достаточна въ самый моментъ освобожденія, то будетъ ли она достаточна чрезъ полтора-два десятилѣтія, когда приростъ населенія заставитъ крестьянъ жить тѣснѣе? 3) если надѣлъ довольно великъ и будетъ достаточенъ въ ближайшемъ будущемъ, то дастъ ли онъ крестьянину больше, чѣмъ можетъ дать крупное производство своему рабочему? 4) наконецъ, былъ бы хотя намекъ на вопросъ о томъ, какими силами и средствами располагаютъ крестьяне, освобожденные отъ помѣщиковъ, и вся русская жизнь вообще для того, чтобы организовать новый хозяйственный укладъ. На такіе вопросы не было и намека.

Интересъ къ первому вопросу выяснилъ бы, что норма земельнаго надѣла, какъ она сложилась при крѣпостномъ правѣ, недостаточна для удовлетворенія самыхъ скромныхъ потребностей даже бѣднѣйшаго класса населенія въ государствѣ, которое относитъ себя къ культурнымъ. Ознакомленія съ бытомъ деревни обнаружило бы крайне низкій уровень благо-

состоянія крестьянъ, а соображеніе о томъ, что крестьяне удѣляютъ часть своего времени работѣ на помѣщика, заставило бы сдѣлать выводъ, что, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, они будутъ въ состояніи обработывать большую площадь земли, чѣмъ ранѣе. Этотъ вопросъ, сколько-нибудь освященный, привелъ бы къ выводу о необходимости болѣе значительнаго надѣла, нежели тотъ, которымъ пользовались крѣпостные: выяснилось бы, что перемѣна формъ народнаго хозяйства не можетъ совершиться въ средѣ, которая не имѣетъ средствъ для удовлетворенія даже насущныхъ потребностей, что необходимъ извѣстный уровень матеріальной обезпеченности, дабы у людей достало ума и воли для пересозданія общественной жизни. Это логически привело бы къ заключенію, что земельный надѣлъ крестьянъ долженъ быть увеличенъ. Значительная плотность населенія помѣшала бы обезпечить крестьянъ многихъ уѣздовъ достаточнымъ надѣломъ на мѣстѣ, а потому тотчасъ же было бы положено широкое основаніе для политики разселенія и переселенія, которая еще съ начала 60-хъ годовъ старалась бы дать каждому крестьянскому двору не меньше земли, чѣмъ площадь, соотвѣтствующая высшей нормѣ надѣла. Остановись законодатель, при начертаніи положенія 19 февраля, надъ вторымъ вопросомъ,—и необходимость увеличенія нормы надѣла сказалась бы еще съ большею очевидностью. Стало бы ясно, что если въ моментъ освобожденія скромныя потребности крестьянской семьи могутъ быть кое-какъ покрыты изъ отведеннаго надѣла, то это станетъ невозможно въ недалекомъ будущемъ: населеніе возрастаетъ, а земледѣльческая техника, отъ которой и зависитъ степень успѣшности сельскохозяйственнаго труда, измѣняется очень медленно. Далѣе, если бы въ умѣ законодателя былъ хотя слабый намекъ на то, что ему приписываютъ народники—желаніе создать самобытныя формы народнаго хозяйства, то были бы поставлены вопросы 3-й и 4-й; вѣдь, задаваясь такими планами, нужно было считаться съ условіями, въ которыхъ находится экономическая жизнь Россіи. Ознакомленіе съ исторіей крупной промышленности Запада показало бы, что она быстро увеличиваетъ успѣшность труда и позволяетъ оплачивать занятыхъ въ ней рабочихъ выше уровня, на которомъ стоятъ доходы крестьянина отъ первобытнаго сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ кустарныхъ промысловъ. А такой отвѣтъ пролилъ бы много свѣта на экономическія судьбы Россіи: разъ крупное производство, уже зародившееся въ Россіи, располагаетъ такими данными, то есть условіе, которое будетъ побуждать многихъ крестьянъ покидать землю, сохранять съ нею только формальную связь и по существу переходить въ ряды фабричнаго пролетаріата. Было бы выяснено, что крайне трудно воспрепятствовать крупной промышленности отвлекать отъ сельскаго хозяйства много рабочихъ рукъ и если чѣмъ можно задержать этотъ процессъ, то лишь поднятіемъ дохода крестьянскихъ хозяйствъ посредствомъ обильнаго надѣленія землей и разныхъ мѣръ, улучшающихъ технику сельскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ. Все это раздвинуло бы границы крестьянской реформы. Наконецъ, если бы у законодателя былъ такой замыселъ, то онъ не оставилъ бы безъ вниманія условій, которыя способны помочь ему въ этой работѣ. Наиболѣе важны личныя силы, которыми располагаетъ наша деревня въ своей общинѣ и артели, а также люди образованнаго класса, могущіе участвовать въ такомъ трудѣ. Еслибы законодатель отнесся къ этой сторонѣ дѣла съ полной объективностью, то отвѣтилъ бы, что русская жизнь представляетъ мало благопріятныхъ данныхъ для подобнаго преобразованія. А увѣренность, что намѣченное преобразованіе необходимо и что Россія располагаетъ для него только очень слабыми силами, привело бы къ убѣжденію, что нужно создавать

о цѣнѣ, опредѣляемой отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, то кладетъ въ основаніе всей совокупности мѣновыхъ сдѣлокъ личный интересъ каждаго продавца и каждаго покупателя. Утверждая, что заработная плата соотвѣтствуетъ, по крайней мѣрѣ, суммѣ благъ, которыя покрываютъ необходимыя потребности работника, Смитъ исходитъ изъ положенія, что работникъ заботится о своихъ выгодахъ и не продаетъ своего труда за болѣе низкую плату. Когда шотландскій мыслитель опредѣляетъ высоту прибыли, то кладетъ въ основу своихъ выводовъ посылку, что капиталистъ уступаетъ работнику лишь наименьшую долю продукта, по возможности то, что соотвѣтствуетъ низшимъ потребностямъ работника: личный интересъ капиталиста предписываетъ ему именно этотъ образъ дѣйствій. Смитъ сравниваетъ выгодность приложенія капитала и труда въ городѣ и деревнѣ и приходитъ къ выводу, что въ городѣ капиталъ и трудъ могутъ доставить большія выгоды; а потому, заключаетъ онъ, охраняя личные интересы, люди охотно покидаютъ деревни и переселяются въ города. Въ пространномъ изложеніи того, какъ и почему однѣ земли приносятъ ренту, а другія не приносятъ ея, Смитъ отмѣчаетъ, что владѣлецъ земли старается получить возможно большую ренту даже съ наименѣе пригодныхъ участковъ. Когда шотландскій мыслитель говоритъ объ ограниченіи промышленной свободы цехами, о возстаніяхъ рабочихъ противъ мастеровъ, то истолковываетъ эти явленія, какъ слѣдствія того, что лица данной группы заботятся о своихъ выгодахъ. Словомъ, личный интересъ, болѣе или менѣе правильно понятый, руководитъ людьми въ ихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Изъ этого не слѣдуетъ, однако, дѣлать выводъ, будто бы Смитъ отожествлялъ частные интересы съ общими. Онъ понималъ, что интересы отдѣльнаго лица или отдѣльной группы осуществляются нерѣдко при такихъ условіяхъ, что съ ними не сталкиваются противоположные интересы; онъ зналъ, что тогда наступаютъ послѣдствія, выгодныя для первой группы и вредныя для большинства населенія. Особенно пагубными, служащими расчетамъ только промышленниковъ и торговцевъ, представляются ему монополіи. Монопольный духъ купцовъ и промышленниковъ сдѣлалъ, по мнѣнію Смита, торговлю источникомъ вражды и ненависти, а между тѣмъ торговля должна бы укрѣплять узы дружбы среди отдѣльныхъ людей и народовъ. Этотъ духъ причинилъ Европѣ гораздо больше вреда, чѣмъ все честолюбіе и всѣ жестокости монарховъ.[32]) Адамъ Смитъ съ ужасомъ говоритъ о драконовскихъ законахъ, которые могутъ быть изданы подъ вліяніемъ торговцевъ и промышленниковъ, стремящихся получать ненормально высокіе барыши. Онъ высказываетъ мысль, что человѣколюбіе англичанъ препятствовало приводить въ исполненіе тѣ законы временъ Елизаветы, которые карали самыми жестокими наказаніями за вывозъ овецъ, и козъ, дававшихъ сырой матеріалъ для британской шерстяной промышленности.[33]) Оцѣнивая предложенія, исходящія отъ купцовъ относительно перемѣнъ въ законахъ о торговлѣ, Смитъ говоритъ, что нужно подвергать всѣ эти предложенія самой строгой критикѣ, ибо выгоды торговцевъ всегда болѣе или менѣе расходятся съ интересами всего населенія.[34]) Къ указаннымъ можно было бы пріобщить и много другихъ ограниченій, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ книги о *Богатствѣ народовъ*.[35])

Однако, всѣ эти оговорки не колеблютъ положенія, что, по Смиту и его ближайшимъ послѣдователямъ, побужденія самолюбія господствуютъ въ мірѣ хозяйства. Всѣ оговорки, которыя дѣлаетъ Смитъ, касаются направленія, получаемаго хозяйственной жизнью подъ вліяніемъ интересовъ одной группы. Обыкновенно они не совпадаютъ съ выгодами всѣхъ. Вы-

годы одной или немногихъ группъ осуществляются тамъ, гдѣ интересы всѣхъ не могутъ обнаружиться: таково общество добуржуазнаго періода, съ его цехами, таксами, монополіями, сильной правительственной властью, всегда готовой злоупотреблять своимъ положеніемъ. Разъ же — а это и составляетъ основное требованіе Смита для хозяйственной политики—экономическія явленія происходятъ свободно, безъ помѣхи извнѣ, подъ вліяніемъ только столкновенія интересовъ всѣхъ гражданъ, то получаются послѣдствія, способныя наиболѣе полно удовлетворить всѣхъ, соотвѣтствующія общественнымъ интересамъ. Смитъ не думаетъ, чтобы торговецъ, живущій въ средѣ, изъ которой исчезли цеховыя стѣсненія и правительственная опека, не могъ проникаться духомъ монополіи и не стремился къ чрезмѣрно высокому барышу, не соотвѣтствующему общимъ интересамъ. Онъ вовсе не думаетъ, что эти наклонности присущи торговому классу лишь въ томъ обществѣ, гдѣ суровая государственная власть держитъ хозяйственную жизнь въ оковахъ. Но онъ знаетъ, что въ первомъ случаѣ торговецъ со всѣми своими вожделѣніями наталкивается на среду, которая выдвигаетъ ему на встрѣчу свои пожеланія; эти послѣднія умѣряютъ первыя, столкновенія ведутъ къ уступкамъ въ обоихъ лагеряхъ и воля каждаго осуществляется лишь настолько, насколько то лежитъ въ интересахъ всѣхъ. Словомъ, каждый напряженно думаетъ о личныхъ интересахъ, но осуществляетъ ихъ лишь въ такой мѣрѣ, какъ то позволяютъ ему интересы другихъ общественныхъ группъ.

Адамъ Смитъ не отрицаетъ того, что дружелюбіе можетъ руководить поступками людей: недаромъ же онъ написалъ цѣлое изслѣдованіе о нравственныхъ чувствахъ. Однако, онъ знаетъ, что симпатія, въ качествѣ двигателя, далеко не имѣетъ той важности, какъ забота о личномъ интересѣ. Вотъ причина, вслѣдствіе которой онъ не отводитъ въ своей книгѣ мѣста для благотворительности: ему лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно, что благотворительность принимаетъ различныя формы. Но всѣ акты благотворенія въ совокупности не составляютъ большой массы явленій; они очень слабо дѣйствуютъ на общественное хозяйство: эти акты не вносятъ существенныхъ перемѣнъ въ жизнь, какъ она слагается подъ вліяніемъ борьбы личныхъ интересовъ. Изъ этого міровоззрѣнія вытекаетъ оцѣнка Смитомъ многихъ явленій, рѣзко отличная отъ той, какую мы обыкновенно встрѣчаемъ теперь и которая господствовала въ его время. Можно ли сомнѣваться, что только дружелюбіе руководитъ тѣмъ помѣщикомъ, который затрачиваетъ большую часть своихъ доходовъ на угощеніе знакомыхъ, на пиршества съ друзьями и даже людьми чуждыми? Повидимому, такъ; но Смитъ даетъ этому совсѣмъ другое объясненіе. Ссылаясь на обычай Ѳомы Бекета, угощать множество рыцарей, или графа Варвика, въ замкахъ котораго ежедневно обѣдало нѣсколько сотъ человѣкъ, онъ говоритъ, что подобное гостепріимство необходимо сопутствуетъ низкому состоянію хозяйства: разъ торговля мало развита, и огромное количество продуктовъ, произведенныхъ во владѣніяхъ помѣщика, не можетъ найти себѣ сбыта, то неизбѣжно потребить ихъ дома.[36]) Потребленіе этихъ предметовъ дома, въ обширномъ кругу знакомыхъ и незнакомыхъ, гораздо меньше свидѣтельствуетъ о доброжелательныхъ чувствахъ человѣка относительно этихъ людей, чѣмъ о желаніи блеснуть своимъ богатствомъ и расположить въ свою пользу людей, которые могутъ быть такъ нужны въ то время, время общественной безурядицы и кулачнаго права. Какъ богатый и именитый римскій гражданинъ, скажемъ мы, кормилъ и развлекалъ множество кліентовъ, дабы пріобрѣсти себѣ въ нихъ покорныхъ слугъ, такъ средневѣковый баронъ пользовался своими безчисленными замками и изобиліемъ продуктовъ хозяйства, чтобы удерживать вокругъ

себя толпы прихлебателей, столь нужныхъ иногда въ то тревожное время.

Тѣ же основныя начала проникаютъ и воззрѣнія Смита на государство. Государство не представляется нравственнымъ союзомъ, отъ котораго, какъ изъ рога изобилія, сыплются великіе дары на все населеніе: напротивъ, онъ знаетъ, что правительственная власть есть большею частью синонимъ насилія и всякихъ злоупотребленій. «Насильничество и несправедливость властителей есть старое зло, противъ котораго, какъ я опасаюсь, природа человѣческихъ дѣлъ едва ли найдетъ цѣлебное средство».[37]) Поэтому, онъ сводитъ обязанности государства къ возможно тѣснымъ границамъ и, рекомендуя ему взять на себя извѣстныя отрасли управленія, взываетъ къ личному интересу гражданъ.

Забота о народномъ просвѣщеніи является одной изъ задачъ государства. Полное невѣжество дѣлаетъ человѣка до того уродливымъ и заслуживающимъ презрѣнія, что государство, говоритъ Смитъ, должно доставить народу начальныя знанія, если бы даже не извлекло изъ этого никакой выгоды. Однако, государство само получаетъ отъ этого большую пользу. Чѣмъ болѣе просвѣщенъ народъ, тѣмъ менѣе доступенъ онъ какому-либо подстрекательству, тѣмъ менѣе зараженъ предразсудками, тѣмъ болѣе достоинъ добраго отношенія со стороны властей и тѣмъ болѣе самъ склоненъ относиться къ нимъ съ уваженіемъ.[38])

Точка зрѣнія, усвоенная великимъ шотландскимъ мыслителемъ для оцѣнки хозяйственной жизни, была вѣрнымъ залогомъ успѣховъ, которые сдѣлала политическая экономія въ лицѣ Смита и его продолжателей. Только взявъ безъ колебанія ту наклонность человѣческой природы, которая на ряду съ другими проявляется наиболѣе ярко, только положивъ въ основу изслѣдованія тѣ чувства и стремленія людей, которыя руководятъ ими въ массѣ случаевъ, и можно было прійти къ установленію законовъ народнаго хозяйства въ буржуазномъ обществѣ. Глубокая вѣрность этой методы косвенно доказывается тѣмъ, что ея яркимъ выразителемъ и даже родоначальникомъ былъ Адамъ Смитъ, который въ *Теоріи нравственныхъ чувствъ* съ большою полнотой и краснорѣчіемъ изобразилъ движенія человѣческой души, когда она сочувствуетъ ближнимъ, стремится помогать имъ, ищетъ ихъ одобренія. Кто же, какъ не мыслитель, такъ всесторонне изучившій душевный міръ человѣка, могъ столь обдуманно, столь сознательно опредѣлить всю силу, съ которою личный интересъ властвуетъ надъ людьми въ мірѣ хозяйства.

Вотъ почему то, что сдѣлала историческая школа въ политической экономіи и что, по преданію, перешло и ко многочисленнымъ экономистамъ нашихъ дней, было не развитіемъ положеній, оказавшихъ познанію общественной жизни столь важныя услуги, а большимъ шагомъ назадъ. Тѣ измѣненія, которыя были сдѣланы въ руководящихъ началахъ, постепенно подготовили почву, гдѣ могли расти только цвѣты краснорѣчія; но она была слишкомъ безплодна, чтобы прибавить что-нибудь цѣнное къ запасу общихъ положеній, добытыхъ наукой.

Рошеръ кладетъ въ основу хозяйства «двѣ духовныя двигательныя пружины», во-первыхъ, личный интересъ, который сказывается положительно въ стремленіи пріобрѣсти возможно большую сумму внѣшнихъ благъ, а отрицательно — въ стараніи потерять возможно меньше, въ стремленіи къ пріобрѣтенію и къ бережливости. Личный интересъ можетъ грѣховно вырождаться, наклонность къ пріобрѣтенію можетъ переходить въ корыстолюбіе, бережливость—въ скупость. Какъ бы то ни было, это стремленіе, присущее каждому, имѣетъ въ хозяйствѣ очень большую важность. Но у людей есть желаніе повиноваться голосу Бога, совѣсть. Она

наполняетъ нашъ разумъ идеями справедливости, права, а нашу душу—стремленіемъ въ царство Божіе. Это направленіе сдерживаетъ личные интересы и двигаетъ насъ къ вѣчно идеальнымъ цѣлямъ. Какъ въ мірозданіи центробѣжная и центростремительная силы приводятъ къ гармоніи, такъ въ общественной жизни личный интересъ и совѣсть, дѣйствуя совмѣстно, вырабатываютъ общественное чувство. Жизнь семьи, общины, народа, человѣчества постепенно развивается на этомъ чувствѣ. Посредствомъ общественнаго чувства осуществляется царство Божіе на землѣ; благодаря этому чувству личный интересъ дѣлается цѣлесообразнымъ. Общественное чувство смягчаетъ войну всѣхъ противъ всѣхъ, которую ведутъ между собой частныя хозяйства, и соединяетъ ихъ всѣ въ высшій, хорошо расчлененный организмъ [39]).

Рошеръ далъ, какъ догматъ, положеніе о равноцѣнности личнаго интереса и дружелюбія въ мірѣ хозяйства; почти въ то же время выступилъ Книсъ съ критикой ученія Адама Смита объ эгоизмѣ, какъ главномъ двигателѣ. Книсъ [40]) негодуетъ, что можно класть эгоизмъ въ основу хозяйства. Между людьми, которые стремятся къ пріобрѣтенію внѣшнихъ благъ, можно, говоритъ онъ, подмѣтить весьма различныя степени этого стремленія; но, кромѣ того, есть множество людей, для которыхъ стремленіе къ внѣшнимъ благамъ занимаетъ совсѣмъ второстепенное мѣсто. Конечно, люди, полные себялюбія, могутъ быть наблюдаемы иногда, какъ характерная черта даннаго времени, но на ряду съ этою чертой есть и другія. Ошибочна мысль, что лучшія влеченія человѣческой души дѣйствуютъ только тогда, когда наступаетъ вырожденіе личнаго интереса: всѣ нравственные и духовные элементы человѣка дѣйствуютъ во всякое время и производятъ однородный результатъ. Въ каждой странѣ живыми свидѣтелями противъ себялюбія служатъ учрежденія для больныхъ и бѣдныхъ, старцевъ и дѣтей, слабыхъ и увѣчныхъ; этихъ учрежденій такъ много, что трудно перечислить ихъ. Пока политическая экономія признаетъ за эгоизмомъ преобладающее вліяніе на все общежитіе, до тѣхъ поръ она основывается на безнравственномъ фундаментѣ, стоитъ въ разрушительномъ противорѣчіи съ задачами государственнаго союза, какъ цѣлаго. Совершенно нелѣпо считать возможнымъ такое противорѣчіе, что «человѣкъ, проникнутый любовью къ ближнему, какъ христіанинъ, полный общественнаго чувства и патріотизма, какъ гражданинъ, человѣчный и справедливый въ обыденныхъ отношеніяхъ, полонъ себялюбія только въ своей конторѣ, на рынкѣ, при заключеніи договора съ работниками» [41]). Такое отношеніе къ человѣку въ хозяйствѣ кажется Кнису особенно ошибочнымъ съ точки зрѣнія исторической методы. Эта метода требуетъ, чтобы не стремились къ открытію истины посредствомъ отвлеченій, а «установляли то, что является истиной на основаніи знакомства съ исторической жизнью въ процессѣ развитія и по психологическомъ изученіи человѣка» [42]).

Рошеръ и Книсъ высказывали свои положенія афористически; они не проводили ихъ чрезъ всѣ явленія народнаго хозяйства; послѣдующіе же писатели постарались возвести эти воззрѣнія въ систему. Шмоллеръ и Вагнеръ особенно потрудились въ этомъ направленіи.

По мнѣнію Шмоллера [43]), народное хозяйство представляетъ настолько законченное цѣлое, что всѣ частныя хозяйства, состоящія его членами, находятся между собой въ иныхъ отношеніяхъ, нежели съ частными хозяйствами другихъ народовъ. Общность языка, исторіи, воспоминаній, нравовъ, идей ведетъ къ господству общаго міра чувствъ и мыслей. Всѣ задачи народнаго хозяйства рѣшаются только по предварительномъ отвѣтѣ на вопросъ, въ какой степени у даннаго народа основныя душевныя вле-

ченія преобразованы нравами и правомъ. «Ученіе объ эгоизмѣ, какъ психологически постоянной и равномѣрной исходной точкѣ для всѣхъ хозяйственныхъ дѣйствій, является не чѣмъ инымъ, какъ безпочвенной поверхностью» [44]). Каждое изслѣдованіе экономическихъ явленій должно исходить отъ народнаго характера, отъ господствующихъ нравовъ. При этомъ окажется, что эгоизмъ играетъ вездѣ видную роль, но что повсюду онъ выступаетъ въ своеобразныхъ очертаніяхъ. Вопросъ объ этическомъ всегда имѣетъ для народнаго хозяйства первостепенное значеніе. Не слѣдуетъ разсматривать хозяйственные акты, какъ нравственно безразличные по ихъ послѣдствіямъ. При каждомъ конкретномъ видѣ раздѣленія труда или прибыли поднимаются вопросы: хорошо ли воспитываютъ эти способы юныхъ работниковъ? дѣйствуютъ ли они такъ на прилежаніе взрослыхъ, ихъ бережливость, честность, добрую семейную жизнь, чтобы и здѣсь былъ обезпеченъ успѣхъ и чтобы не засорялись источники благосостоянія? По мѣрѣ роста культуры, право, основанное на нравственныхъ убѣжденіяхъ, все болѣе вліяло на распредѣленіе богатствъ; теперь разные обычаи и нравственныя идеи являются на ряду съ правомъ важнѣйшими факторами распредѣленія дохода. Законодательство всемогуще; принципъ справедливости служитъ для него руководящимъ началомъ. Понятія о справедливости мѣняются сообразно съ тѣмъ, какъ смотрятъ на нее руководящіе умы и общественное мнѣніе. Чѣмъ болѣе человѣкъ надѣется на вознагражденіе еще въ этой жизни, тѣмъ болѣе онъ напрягаетъ свой трудъ. Теперь люди потому работаютъ безконечно больше, чѣмъ въ старину, что наши правовыя и хозяйственныя учрежденія гораздо ближе къ идеалу распредѣляющей справедливости, нежели то было въ древности. Въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій сдѣланы въ этомъ направленіи огромные успѣхи. Можно утверждать, что начало распредѣляющей справедливости пріобрѣло неоспоримое значеніе: «Ни одинъ владѣющій классъ, ни одна аристократія въ мірѣ не держится долго послѣ того, какъ ея добродѣтели и заслуги перестали приблизительно соотвѣтствовать ея богатству. Ни одинъ поденщикъ и ни одна служанка, ни одинъ директоръ фабрики и ни одинъ министръ не разсуждаетъ иначе какъ: доходъ долженъ соотвѣтствовать работѣ, заслугѣ» [45]). Современное государство проникнуто сознаніемъ, что должны быть приносимы большія жертвы для бѣдныхъ классовъ, чѣмъ для богатыхъ. Дабы воспитывать и содержать нуждающихся, у имущихъ классовъ берутся значительныя доли ихъ дохода. Общественное призрѣніе выступаетъ на сцену для заботы объ обѣднѣвшихъ, неспособныхъ къ труду; вмѣсто бѣдной общины расходы несетъ округъ; вмѣсто округа — цѣлая провинція. На провинцію, которая испытываетъ нужду, государство расходуетъ вдесятеро больше, чѣмъ то соотвѣтствовало бы податямъ, которыя она уплачиваетъ. Великіе аграрные законы создаютъ здоровый классъ крестьянъ средняго достатка на счетъ государства и имущихъ классовъ. Интересы школы становятся столь же близки общинѣ и государству, какъ интересы церкви. То же предпринимается отчасти и для народныхъ развлеченій. Почему же, при такомъ положеніи дѣлъ не всѣ довольны современнымъ порядкомъ вещей? Только потому, что благороднѣйшіе нравы, величайшее милосердіе и человѣчность имущихъ классовъ не могутъ устранить всѣ недостатки, съ которыми еще связано распредѣленіе дохода [46]).

Итакъ, — здѣсь полное отрицаніе положеній, которыя установилъ Смитъ и его продолжатели. Развѣнчивается личный интересъ, какъ главная сила въ хозяйственной жизни; точно опредѣляются начала, которыя отводятъ тѣсныя границы для проявленія эгоизма; государство признается источникомъ благъ для всего населенія и преимущественно для бѣдныхъ классовъ. Оставался еще одинъ шагъ; онъ былъ сдѣланъ Вагнеромъ.

Этотъ писатель [47]) старается воздвигнуть цѣлое зданіе изъ того, что было дано въ эскизахъ названными экономистами. По его мнѣнію, все народное хозяйство проникнуто тремя главными началами, которыя и образуютъ три совмѣстно дѣйствующихъ системы: частнохозяйственную или индивидуалистическую, принудительную или государственную и благотворительную. Въ первой системѣ господствуетъ хозяйственный расчетъ, соперничество, свободный договоръ, обмѣнъ услугъ, равныхъ по цѣнности. Во второй системѣ главное мѣсто принадлежитъ началу общественнаго хозяйства: государство и другія общественныя единицы удовлетворяютъ рядъ общихъ потребностей, а расходы на нихъ покрываются не спеціальнымъ возвращеніемъ равноцѣнности при каждой услугѣ, а общимъ эквивалентомъ, налогами и пошлинами. Наконецъ, въ третьей системѣ личный интересъ молчитъ: дѣйствующій руководится возвышенными идеалами, дружелюбіемъ. Системы частнаго и общественнаго хозяйства недостаточны; на ряду съ ними возвышается система благотворительности. Вагнеръ не считаетъ возможнымъ, чтобы все народное хозяйство было построено на системѣ благотворительности, да это и нежетательно, «ибо противъ всеобщаго безвозмезднаго пріобрѣтенія хозяйственныхъ благъ поднимаются высшія нравственныя и экономическія сомнѣнія съ точки зрѣнія истинныхъ, прочныхъ выгодъ получателей» [48]). Но эта система исполняетъ важное назначеніе въ народномъ хозяйствѣ. Она позволяетъ наиболѣе нравственно затрачивать богатства, накопленныя въ частныхъ хозяйствахъ. Она, для блага цѣлаго, дѣйствуетъ особенно цѣлесообразно тамъ, гдѣ частныя хозяйства и общественно-принудительная система оставляютъ пробѣлы. Она смягчаетъ шероховатости и устраняетъ дисгармонію въ распредѣленіи богатствъ: стоитъ только подумать объ обширной области призрѣнія бѣдныхъ. Вагнеръ вспоминаетъ по этому поводу также о томъ, какъ много добровольно дѣлаютъ хозяева для блага рабочихъ. Но мало того, что дружелюбіе образуетъ особый, самостоятельный міръ: и въ частнохозяйственной системѣ дѣйствуютъ, на ряду съ личнымъ интересомъ, нравственные факторы. Ошибочно думать, что человѣкомъ руководитъ только стремленіе къ наибольшему обогащенію, и что на него не имѣетъ вліянія наклонность къ нравственной дѣятельности. У человѣка есть чувство любви, совѣстливость, семейное чувство, чувство чести. Все это, вмѣстѣ взятое, смягчаетъ хозяйственный расчетъ. Нерѣдко личный интересъ совершенно дремлетъ; его вытѣсняетъ могущественное чувство патріотизма. Система же благотворительности обнаруживаетъ лучшіе мотивы хозяйственныхъ актовъ; личный интересъ побѣждается этими мотивами. Богатство частныхъ лицъ нравственно освящается и получаетъ соціальное оправданіе. Система благотворительности даетъ нравственное оправданіе рентнымъ доходамъ и имѣетъ очень большую важность для распредѣленія богатствъ. Съ этой точки зрѣнія, обыкновенно упускаемой изъ вида, неравенство состояній является необходимымъ условіемъ многихъ благороднѣйшихъ, высоконравственныхъ и, вообще, полезнѣйшихъ человѣческихъ поступковъ.

Мы еще болѣе познакомимся съ этимъ направленіемъ въ литературѣ, если остановимся на англійскомъ писателѣ Киддѣ, который сводитъ успѣхи человѣчества къ альтруизму, освященному религіей [49]).

Разумъ, говоритъ Киддъ, не оправдываетъ всѣхъ условій общественнаго строя. Эти условія не могутъ быть поняты только по оцѣнкѣ религіознаго чувства. Если бы, говоритъ онъ, въ наши города попалъ житель другой планеты, то храмы возбудили бы въ немъ особенный интересъ. Онъ увидалъ бы, что обычаи и учрежденія цивилизованныхъ народовъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, сложились подъ вліяніемъ религіи,

что безотчетно для всѣхъ, ихъ понятія о правѣ и обязанности, отношенія людей другъ къ другу, представленія объ условіяхъ государственной жизни происходятъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ религіозныхъ идей. Напрасно думать, что власть религіозныхъ идей надъ людьми отошла въ область преданій: и въ настоящее время эти идеи защищаются многими и служатъ источникомъ великихъ общественныхъ движеній. Эти движенія не только не зависятъ отъ умственныхъ силъ, но часто стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ ними. Приводя многочисленныя опредѣленія, которыя давались религіи мыслителями древности и новаго времени, Кидъ не находитъ ихъ удовлетворительными; въ каждой религіи, говоритъ онъ, наиболѣе существенно сверхъ-естественное оправданіе того поведенія людей, которое необходимо для прогресса и которое не можетъ быть оправдано разумомъ. Такое, независимое отъ разума, одобреніе дается поведенію людей именно въ то время, когда интересы личности и общества приходятъ въ противорѣчіе, когда нужно подчинить первые вторымъ для содѣйствія эволюціи, совершаемой человѣчествомъ.

Дабы оцѣнить существенныя особенности западной цивилизаціи, нужно исправить распространенное заблужденіе, будто наше общество обладаетъ условіями, которыя были на лицо всегда, во всѣхъ странахъ. Средній человѣкъ не можетъ усвоить мысль, что отличительныя черты новѣйшаго общества должны быть признаны единственными въ исторіи человѣчества. Какія же характеристическія черты отличаютъ нашу цивилизацію отъ культуры другихъ народовъ и, особенно, древнихъ? Важны успѣхи матеріальной жизни, сдѣланные европейско-американскимъ міромъ; но въ нихъ нужно искать отличительную особенность западной цивилизаціи. Новое начало внесено христіанствомъ. Эта сила не была создана разумомъ: толчекъ исходилъ изъ другихъ источниковъ. И, какъ во всѣхъ движеніяхъ этого рода, ему были враждебны умнѣйшіе люди его времени. Величайшія религіозныя перемѣны, которыя извѣстны исторіи человѣчества, совершались на глазахъ блестящихъ философовъ и историковъ, сознававшихъ разложеніе своего общества. И всѣ эти писатели ошиблись въ предсказаніяхъ относительно исхода движенія, которое они наблюдали: цѣлыхъ три столѣтія они презирали силу, которая сдѣлалась могучимъ рычагомъ для нравственности.

Итакъ, христіанство явилось въ западной цивилизаціи важнѣйшимъ творческимъ началомъ. Отъ времени своего творца оно отличалось двумя особенностями: чрезвычайной силой божественной санкціи, которую оно давало человѣческому поведенію, и моралью, разсчитанной на то, чтобы доставили народамъ, которые подчинились ей, благопріятныя условія жизни и борьбы за существованіе съ другими народами.

Эти два начала должны были внести крупныя перемѣны во всю общественную жизнь. Строй государствъ древняго міра былъ военный. Гражданинъ не работалъ: онъ воевалъ, жилъ на счетъ добычи и труда рабовъ. Онъ смотрѣлъ съ величайшимъ презрѣніемъ на рабовъ и вольноотпущенныхъ. Ему было чуждо даже слабое сознаніе обязанностей относительно этихъ классовъ. Западная же цивилизація, опирающаяся на христіанство, облагораживаетъ трудъ и дѣлаетъ все больше и больше для политическаго и соціальнаго освобожденія массы народа. Эти перемѣны совершаются не безъ сопротивленія со стороны господствующихъ классовъ; но движеніе безостановочно идетъ впередъ. «По мѣрѣ того, какъ уменьшались права и власть высшихъ классовъ, все болѣе расширялся кругъ людей, которые могли имѣть вліяніе на жизнь государства... Въ наше время борьба партій, шумъ и преувеличенныя ожиданія борющихся не затемняютъ конечной фазы общественнаго быта, въ которую мы всту-

паемъ: идеаломъ прогрессивной партіи этой фазы будетъ, съ одной стороны, уничтоженіе правящаго класса, защищаемаго законами, а съ другой — обездоленныхъ массъ, устраненныхъ отъ политической власти [50]). Развитіе Европы совершается такимъ образомъ, что силы людей, заглушенныя въ первобытныхъ обществахъ или поглощенныя служеніемъ государству, какъ то было въ древнихъ цивилизаціяхъ, получаютъ все больше свободы.

Это движеніе отнюдь не есть слѣдствіе успѣховъ, которые сдѣлалъ умъ европейца. Уму принадлежитъ значительное, но отнюдь не преобладающее вліяніе въ этомъ процессѣ. Нравственное чувство, укрѣпляемое христіанствомъ, обнаруживаетъ въ жизни Запада все большую и большую силу: она доказывается ростомъ альтруистическихъ теченій.

Альтруистическія идеи христіанства, вызывавшія особенное негодованіе древнихъ римлянъ, получаютъ все большее развитіе. Каковы бы ни были ошибки западной церкви, нельзя отрицать, что ей всегда было присуще стремленіе возбуждать въ людяхъ дружелюбіе и относиться съ глубокимъ почтеніемъ ко всѣмъ актамъ, въ которыхъ оно выражается. А если такъ, то вѣрно ли утвержденіе, что альтруистическія чувства нарушаютъ правильность эволюціи, такъ какъ поддерживаютъ существованіе малоспособныхъ, слабѣйшихъ членовъ общества? Киддъ отрицаетъ это. Онъ не вѣритъ, чтобы чувство дружелюбія нарушало правильное движеніе эволюціи. Это чувство дѣлаетъ съ каждымъ поколѣніемъ все большіе успѣхи. Замѣчательно то, что развитіе дружелюбія и перемѣна характера людей, которая сопровождаетъ его, обнаруживаются особенно ярко у самыхъ цивилизованныхъ народовъ. Таковы прежде всего многочисленныя благотворительныя общества, къ которымъ почти ежедневно примыкаютъ новыя учрежденія этого рода. Такова чувствительность относительно всякаго горя и страданія людей. Англія ратовала за отмѣну рабства негровъ подъ вліяніемъ впечатлѣній, которыя производили разсказы о жестокостяхъ и униженіяхъ, выпадавшихъ на долю невольниковъ. Англійское общество 19 вѣка находится подъ впечатлѣніемъ данныхъ о несчастіяхъ, которыя испытываютъ угнетенныя народности, и это неоднократно имѣло вліяніе на ея внѣшнюю политику. Стоитъ раздаться въ печати воззванію въ пользу какой-нибудь униженной общественной группы, — и сейчасъ это воззваніе находитъ откликъ, который становится замѣтною силой. Сюда же нужно отнести и милосердіе; оно выходитъ далеко за предѣлы интересовъ людей и распространяется на животныхъ: всѣмъ извѣстно, какъ сильно теченіе, направленное противъ вивисекціи. Разница между нами и древнимъ міромъ представится особенно рѣзкою, если вспомнимъ жестокость, съ которой римлянинъ или грекъ относился ко всѣмъ, кто не принадлежалъ къ его семьѣ, черствость и равнодушіе, съ которыми наиболѣе просвѣщенные люди древности относились къ престарѣлымъ родителямъ. Несправедливъ упрекъ, что упражненіе въ дружелюбіи изнѣживаетъ насъ: нѣтъ, оно особенно развито среди народовъ, которые имѣютъ наиболѣе сильную волю. Источникомъ же всего этого служатъ отнюдь не успѣхи ума, а огромный запасъ альтруистическихъ чувствъ, накопленныхъ западной цивилизаціей съ могущественной санкціей религіи, которая даетъ этимъ чувствамъ точку опоры.

Останавливаясь на французской революціи, авторъ возражаетъ тѣмъ, кто объясняетъ побѣду революціи испорченностью высшихъ классовъ. Нѣтъ, исторія должна признать, что «дѣло народа было выиграно въ сердцахъ этихъ классовъ, а не на улицѣ» [51]). Народное собраніе 4 августа 1789 года требуетъ, по мнѣнію Кидда, именно той оцѣнки, которую даетъ Мишле отказу дворянъ отъ вѣковыхъ привилегій; этотъ отказъ не заслуживаетъ

насмѣшки Карлейля. Благородные порывы богатыхъ и вліятельныхъ классовъ способствовали успѣхамъ революціи; не трудно понять эти порывы, если присмотрѣться къ политической жизни нашихъ дней. Передъ нами выступаютъ двѣ партіи: господствующее меньшинство и масса народа. Эти партіи борются между собой. И если мы будемъ изучать исторію законодательства за послѣднія полтора столѣтія, то увидимъ, что это—только исторія уступокъ, которыя первая партія, болѣе сильная, сдѣлала въ пользу другой. Часто говорятъ, что уступки были вынуждены народомъ, силы котораго возрасли вслѣдствіе возросшаго умственнаго развитія. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что первая партія и теперь, въ силу всѣхъ условій, болѣе могущественна; она побѣждала, какъ скоро дѣло доходило до борьбы. Ближе изучая партію, которая подается назадъ и дѣлаетъ уступки, мы получаемъ иное понятіе объ этомъ замѣчательномъ фактѣ. Эта партія представляетъ классъ, который цѣлые вѣка господствовалъ надъ народомъ; воздвигая противъ него прочныя заставы, этотъ классъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ власть и усилилъ свое вліяніе настолько, что сдѣлалось невозможнымъ ослабить его положеніе. И теперь эта партія гораздо болѣе могущественна, чѣмъ ея противники. А между тѣмъ она принимаетъ рядъ законодательныхъ мѣръ, чтобы воспитать своихъ противниковъ, обучить ихъ и подготовить къ борьбѣ. Лѣтописи послѣднихъ десятилѣтій постоянно напоминаютъ объ этомъ. И только близость ко всѣмъ этимъ фактамъ мѣшаетъ намъ замѣтить, что движеніе, которое происходитъ вокругъ насъ, должно быть признано единственнымъ въ исторіи человѣчества. Изучая же дѣйствующія силы, мы видимъ ихъ происхожденіе: именно среди господствующихъ классовъ быстро совершается смягченіе нравовъ, воспитываются благородныя черты характера. Весь духовный обликъ этой партіи измѣнился больше, нежели характеръ ея противниковъ. Эти перемѣны мѣшаютъ господствующимъ классамъ дѣятельно сопротивляться движенію, которое отнимаетъ у нихъ почву. «Людей такъ трогаютъ страданія, нищета, несправедливость, униженіе, что они не могутъ болѣе противиться имъ» [52]). Вотъ путь, ведущій постепенно къ уравненію условій существованія. Успѣхъ долженъ быть приписанъ не столько натиску, сколько вліянію альтруистическихъ чувствъ на господствующіе классы; именно оно и подрываетъ въ нихъ вѣру въ собственное дѣло. Эти классы уже не убѣждены въ томъ, что по справедливости занимаютъ свое положеніе; отступая въ порядкѣ, они оставляютъ одну за другой свои законныя привилегіи. Ученые и политики усвоили привычку приписывать разнымъ условіямъ успѣхи, сдѣланные рабочими классами: всеобщему обученію, умственному развитію, вліянію печати, улучшенію средствъ сообщенія. Однако, все это не можетъ быть названо первичными причинами. Таковую нужно искать только въ развитіи человѣчности, которое совершилось у западныхъ народовъ. «Безъ этого альтруистическаго потока наши законы были бы нелѣпы, а демократическія учрежденія невозможны» [53]).

Постараемся,—говоритъ Кидъ, хотя воображеніемъ устранить дружелюбіе, и мы поймемъ, какъ велико его значеніе въ общественной жизни. «Предположимъ на минуту, что правящіе классы полны вѣры въ собственное дѣло и того презрѣнія къ большинству гражданъ, которое отличало «чистую демократію» древней Греціи и Рима, и мы тотчасъ поймемъ, какой слабой защитой послужила бы народу уже пріобрѣтенная имъ сила противъ могущества этихъ классовъ... Даже въ настоящее время въ обществахъ, наиболѣе свободныхъ и наиболѣе далеко ушедшихъ впередъ, классы богатые и властные могли бы преградить путь прогрессу. Всѣ вольности, всѣ гарантіи, которыя предоставлены народу конституціями,

было бы такъ же легко уничтожить, какъ вольности римской республики для Марія и Суллы. Стоитъ только уничтожить альтруистическія чувства,— и вся сила печати, всѣ «экономическія тенденціи», которыя, говорятъ, работаютъ для народа, стали бы просто на просто оборонительными и наступательными средствами въ рукахъ тираннической олигархіи» [54]). Какъ же объяснить, спрашиваетъ Кидд, что среди насъ есть люди, которые не подчиняются вліянію религіи и въ то же время ратуютъ за все, что служитъ прогрессу, говорятъ о своемъ безвѣріи и являютъ всей своей жизнью самые высокіе образцы любви къ ближнему? Вліяніе религіи на этихъ людей не можетъ подлежать спору: западная цивилизація слагалась длинный рядъ столѣтій; всѣ мы, нравственно и умственно являемся продуктами этого религіознаго движенія. И никакое усиліе ума не можетъ въ нашей индивидуальной жизни освободить насъ отъ этого вліянія.

Мы привели въ подробностяхъ воззрѣнія Кидда именно потому, что они вполнѣ по плечу большинству людей имущихъ классовъ. Воздухъ насыщенъ предположеніями, какъ правильно организованная благотворительность можетъ устранить нужду, какъ въ недалекомъ будущемъ альтруизмъ достигнетъ такого распространенія, охватитъ всѣхъ съ такой напряженностью, что будутъ примирены всѣ общественныя противорѣчія. Убѣжденіе въ возможности достигнуть полной гармоніи интересовъ лежитъ въ основѣ какъ самыхъ мелкихъ начинаній, наполняющихъ область благотворительности, такъ и крупныхъ мѣропріятій этого рода. Къ очень замѣтнымъ явленіямъ въ этой области должна быть отнесена дѣятельность Бутса и его арміи спасенія, содержащей болѣе 10.000 членовъ; они пытаются преобразовать общественную жизнь, главнымъ образомъ, при помощи возможно широкаго пользованія началомъ альтруизма. О размѣрахъ задачъ Бутса можно судить по слѣдующимъ словамъ его: «Нашъ планъ въ общемъ его видѣ можно сравнить съ громаднымъ, установленнымъ въ самомъ центрѣ трущобъ аппаратомъ, который захватываетъ всѣхъ порочныхъ и обездоленныхъ: воровъ, проститутокъ, мошенниковъ, нищихъ, пьяницъ, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы они согласились работать и подчиняться дисциплинѣ—пріучаетъ ихъ къ труду и честной жизни, затѣмъ доставляетъ ихъ изъ большихъ центровъ въ деревни, гдѣ продолжается процессъ ихъ перерожденія, селитъ ихъ на дѣвственной почвѣ, подчиняетъ ихъ строгому управленію, дѣлаетъ изъ нихъ свободныхъ людей и, такимъ образомъ, кладетъ основаніе новому государству, которое приметъ со временемъ широкіе размѣры» [55]). Осуществленіе этого плана, требующее очень большихъ средствъ, можетъ быть, по мнѣнію Бутса, достигнуто призывомъ къ дружелюбію отдѣльныхъ лицъ и вовсе не нуждается въ содѣйствіи государства.

Вѣра въ первостепенное значеніе альтруизма, какъ созидающаго начала, раздѣляется и многими писателями, стоящими далеко отъ вопросовъ народнаго хозяйства. Сюда относятся мечтанія Рескина о возможности обновить общественную жизнь посредствомъ созданія истинной аристократіи, посредствомъ нравственнаго усовершенствованія работодателей и, вообще, правящихъ классовъ. Низшіе классы общества, согласно со взглядами Рескина, должны и впредь занимать свое скромное и подчиненное положеніе; они должны относиться къ властямъ съ преданностью и покорностью; они должны быть убѣждены, что въ верхнихъ слояхъ будутъ приняты всѣ мѣры, наиболѣе благопріятныя для бѣдныхъ. Упроченіе истинно-демократическихъ учрежденій вовсе не служитъ ручательствомъ за то, что будутъ устранены противорѣчія общественнаго строя, и бѣдные классы будутъ идти впередъ: вся плодотворная работа, направленная на общее благо, можетъ быть выполнена дѣятельностью отдѣльныхъ земле-

владѣльцевъ и предпринимателей. Не нужно движенія массъ, дабы приблизиться къ экономической справедливости. Не нужны никакіе парламенты, дабы націонализовать землю и капиталъ. Нужно обратиться къ чувству и разуму правящихъ классовъ. Нужно, чтобы они поразмыслили надъ обязанностями, вытекающими изъ ихъ высокаго положенія. Нужно вложить въ нихъ новыя сердца, чтобы они познали лишенія меньшей братіи: тогда они не будутъ употреблять свою власть для достиженія наибольшихъ личныхъ выгодъ; тогда они, проникшись правиломъ «noblesse oblige», будутъ руководить жизнью народа, распоряжаться промышленностью для удовлетворенія всѣхъ. Убѣжденный, что усовершенствованіе общественной жизни можетъ быть достигнуто только перевоспитаніемъ высшихъ слоевъ и удержаніемъ за ними ихъ выдающагося положенія, Рескинъ рѣшительно отвергаетъ даже и тѣ формы самопомощи, которыя, какъ союзы рабочихъ и кооперативное движеніе, именно въ Англіи, оказали бѣднымъ классамъ большія услуги [56]).

Въ ближайшемъ родствѣ съ этимъ ученіемъ стоятъ и воззрѣнія Льва Толстого. Толстому чуждъ европейскій взглядъ, что высшіе классы должны способствовать поднятію низшихъ до своего уровня: напротивъ, онъ горой стоитъ за то, что жизнь мужика праведна, что мужики гораздо ближе къ истиннымъ идеаламъ, чѣмъ высшія общественныя группы. Однако, говоря о необходимости для богатыхъ классовъ измѣнить жизнь, Толстой считаетъ оправданіемъ этой перемѣны потребность личнаго благо своего и близкихъ людей и потребность удовлетворить голосъ совѣсти. Повидимому, и теперь люди богатыхъ классовъ живутъ такъ, чтобы обезпечить себѣ благополучіе. Нѣтъ, это—благополучіе призрачное, кажущееся, это—жизнь ложная, мучительная, погоня за ничтожными, суетными удовольствіями, пренебреженіе къ здоровому и разнообразному труду, который одинъ только и достоинъ того, чтобы наполнять жизнь, который одинъ только и можетъ обезпечить человѣку крѣпость тѣла и равновѣсіе духа. Главнымъ же стимуломъ къ перемѣнѣ нашей жизни должно служить то, что наша жизнь не отвѣчаетъ голосу совѣсти. Мы ничѣмъ не можемъ оправдать нашу измѣну человѣчеству; люди гибнутъ вокругъ насъ отъ непосильнаго труда и недостатковъ, а мы ищемъ только развлеченія и разнообразія. Повидимому, перемѣна жизни въ этомъ направленіи, т. е. занятіе физическимъ трудомъ, не можетъ имѣть большой важности. Толстой убѣжденъ, однако, что это—дѣло первостепеннаго значенія, что оно устранитъ противорѣчія, среди которыхъ мы живемъ. «Что выйдетъ изъ того, что я и другой, третій десятокъ людей, мы будемъ не брезгать работой физической и будемъ считать ее необходимой для нашего счастія и спокойствія совѣсти?.. Выйдетъ то, что будетъ одинъ, другой, третій десятокъ людей, которые, не входя въ столкновенія ни съ кѣмъ, безъ насилія правительственнаго или революціоннаго, для себя разрѣшатъ страшный вопросъ, стоящій передъ всѣмъ міромъ и раздѣляющій людей, и разрѣшатъ его такъ, что имъ станетъ лучше жить, что ихъ совѣсть станетъ спокойна, и что имъ нечего бояться; выйдетъ то, что и другіе люди увидятъ, что благо, котораго они ищутъ вездѣ, тутъ около нихъ самихъ, что казавшіяся неразрѣшимыми противорѣчія совѣсти и устройства міра разрѣшатся самымъ легкимъ и радостнымъ способомъ»... [57]) Теперь люди стремятся къ возможно большему количеству внѣшнихъ благъ. Но настоящею собственностью являются способности человѣка, его тѣло; всѣ эти способности должны быть постоянно въ работѣ. «И люди, глядя на одного, на десятокъ сумасшедшихъ этихъ, поймутъ, что они всѣ должны сдѣлать, чтобы развязать тотъ страшный узелъ, въ который ихъ затянуло суевѣріе собственности, чтобы избавиться отъ несчастнаго положенія, отъ

котораго они всѣ въ одинъ голосъ стонутъ теперь, не зная изъ него выхода. Но что-же сдѣлаетъ одинъ человѣкъ въ толпѣ, несогласной съ нимъ? Нѣтъ разсужденія, которое бы очевиднѣе этого показывало неправду тѣхъ, которые употребляютъ его... То, что одинъ, два человѣка потянутъ; на нихъ глядя, присоединится третій, и такъ будутъ присоединяться лучшіе люди до тѣхъ поръ, пока не двинется дѣло и не пойдетъ, какъ будто само, подталкивая и вызывая къ тому же тѣхъ, которые и не понимаютъ, что и зачѣмъ дѣлается... Стоитъ мало-мальски образованному человѣку нашего времени вдуматься въ то, что вытекаетъ изъ тѣхъ воззрѣній на міръ, которыя онъ исповѣдуетъ, чтобы убѣдиться, что та оцѣнка хорошаго и дурного, похвальнаго и постыднаго, которой онъ по инерціи руководится въ жизни, прямо противорѣчитъ всему его міросозерцанію» [58]).

Можно было бы привести изъ сочиненій много доказательствъ того, что онъ считаетъ перерожденіе господствующихъ классовъ самымъ важнымъ условіемъ для движенія впередъ. А косвеннымъ доказательствомъ этого служитъ его проповѣдь непротивленія злу. Подъ зломъ разумѣются всѣ тѣ страданія, которыя извнѣ обрушиваются на человѣка; они всѣ могутъ быть обобщены подъ понятіемъ о насиліи властныхъ надъ слабыми общественными группами. Не противиться такому злу—значитъ отказаться отъ самолюбія, отъ личнаго расчета, которые побуждаютъ бороться со зломъ. Что же лежитъ въ основѣ этого обуздыванія личнаго интереса, отказа отъ борьбы со зломъ? Отнюдь не готовность примириться со зломъ, а только надежда, что господствующіе классы, которые и служатъ главными насадителями зла, одумаются, станутъ воздерживаться отъ насильничества, проникнутся дружелюбіемъ.

Увѣренность, что альтруизмъ оказываетъ очень большое вліяніе на измѣненія въ общественной жизни, не чужда и писателей соціализма. Фурье надѣялся, что въ проведеніи плана общественной реформы ему поможетъ какой-нибудь богачъ, готовый пожертвовать милліонъ на это великое дѣло. На этой же почвѣ стоялъ Оуенъ, когда взывалъ къ богатымъ и именитымъ о перевоспитаніи бѣднѣйшихъ и ожидалъ, что мудрая опека первыхъ надъ вторыми измѣнитъ весь общественный строй. Здѣсь же, наконецъ, нужно искать источника всѣхъ ученій о государствѣ, какъ союзѣ, проникнутомъ альтруистическими началами. Вѣра государствовѣдовъ въ могущество альтруизма является тѣмъ болѣе живою, чѣмъ больше склонность отдавать предпочтеніе монархіи предъ республикою. Республика есть та форма правленія, гдѣ выразителями воли государства является большое число людей. Одни изъ нихъ могутъ быть хороши, другіе—дурны. Монархъ же и, особенно, тамъ, гдѣ монархія наслѣдственна, представляется настолько удовлетворительнымъ въ своихъ личныхъ интересахъ, что акты, исходящіе отъ него, могутъ быть внушены ему только альтруистическимъ чувствомъ [59]).

Ученіе Адама Смита, повліявшее на экономистовъ-классиковъ, нашло прямыхъ продолжателей въ соціалистахъ, при чемъ понятіе о личномъ расчетѣ расширилось до понятія о классовомъ интересѣ. Ученіе о личномъ интересѣ, какъ главномъ двигателѣ въ общежитіи, содержитъ зародышъ ученія, которое дали намъ соціалисты. Подъ личнымъ интересомъ разумѣется прежде всего соображеніе каждаго отдѣльнаго человѣка о томъ, что выгодно для него одного и для ближайшаго къ нему круга, которымъ обыкновенно является семья. Но въ составъ общества съ раздѣленнымъ трудомъ входитъ большое число группъ; всѣ члены каждой группы имѣютъ одинаковые, относительно нѣкоторыхъ сторонъ жизни даже тожественные интересы. Возьмемъ группу торговцевъ однимъ и тѣмъ же товаромъ: всѣ

они одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы осуществлялись мѣры, способствующія поднятію цѣны этого товара. Почти всѣ дворяне-землевладѣльцы отъ души желаютъ, чтобы государство открыло имъ облегченный кредитъ и отстранило отъ него сельскихъ хозяевъ другихъ сословій. Всѣ чиновники выигрываютъ отъ расширенія дѣятельности государства, учрежденія новыхъ должностей, поднятія правительственнаго авторитета и суженія частной предпріимчивости. Такимъ образомъ личный интересъ каждаго человѣка совпадаетъ съ личными интересами многихъ другихъ людей, образующихъ, вмѣстѣ съ нимъ, одну и ту же общественную группу. Совпаденію экономическихъ интересовъ сопутствуетъ также сходство и другихъ культурныхъ интересовъ. Конечно, есть точки, на которыхъ личный интересъ расходится съ классовымъ: членъ каждой группы, черпая изъ совокупности благъ или услугъ, которыя выпадаютъ на всю данную группу, получаетъ тѣмъ меньше, чѣмъ больше достается на долю остальныхъ членовъ, и наоборотъ. Весь пролетаріатъ выигрываетъ отъ мѣръ, поднимающихъ заработную плату. Но современному строю производства неизбѣжно сочутствуетъ наличность безработныхъ почти въ каждой отрасли промышленности; несомнѣнно, что, въ силу личнаго интереса, каждый пролетарій хочетъ получить занятіе и наибольшую плату предпочтительно предъ другими.

Адаму Смиту было хорошо извѣстно, что людямъ присущи соображенія о личныхъ выгодахъ и о выгодахъ цѣлаго класса. Онъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ книги о *Богатствѣ народовъ*, какъ купцы сообща стремятся къ осуществленію мѣръ, которыя выгодны для нихъ и тяжелы для потребителей, какъ работники враждуютъ съ мастерами, устраиваютъ стачки. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ цѣлая группа; ея расчеты точно совпадаютъ съ расчетомъ каждаго отдѣльнаго члена. Наконецъ, въ основѣ простѣйшей формулы, въ которой воплощается механизмъ обмѣна, лежитъ соображеніе объ интересахъ многочисленныхъ группъ, а не отдѣльныхъ лицъ: цѣна товара поднимается потому, что большое число лицъ, образующихъ особую группу, покупателей, хочетъ купить; цѣна падаетъ потому, что большое число лицъ, торговцы даннымъ товаромъ, хотятъ сбыть его. Были, однако, особыя причины, мѣшавшія Смиту выдвинуть классовые интересы на первенствующее мѣсто.

Когда Смитъ писалъ свою книгу, европейское общество было закрѣплено въ тѣсныя рамки; частію онѣ были остатками феодальнаго государства, частію были установлены просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Эти рамки открывали большой просторъ для дѣятельности высшихъ классовъ, давали нѣкоторую свободу среднимъ и были тяжелыми оковами для огромнаго большинства. Меньшинство могло выражать свои классовые интересы съ полной ясностью, съ постановленіемъ опредѣленной цѣли и открытымъ напряженіемъ силъ для ея достиженія. Масса же населенія была безправна; она могла только сопротивленіемъ выражать интересы группы. При такомъ положеніи общества, классовые интересы господствующихъ обнаруживаютъ столь сильное себялюбіе, что ведутъ къ установленію порядка вещей, очевидно выгоднаго только для меньшинства. Мыслитель, наблюдая такой строй жизни, проникается убѣжденіемъ, что тамъ, гдѣ задѣты интересы класса, и гдѣ люди дѣйствуютъ совмѣстно, группой, они могутъ вносить въ общественную жизнь только то, что обезпечиваетъ меньшинство и служитъ къ ущербу для большинства населенія. Отсюда первое требованіе—требованіе свободы, т. е. отмѣны привилегированнаго положенія, которое занимали господствующіе классы. Отмѣна привилегій обѣщала разбить замкнутыя общественныя группы и, не нарушая выгодъ отдѣльныхъ лицъ, ослабить классовые интересы.

Смиту представлялось несомнѣннымъ что, по осуществленіи свободы въ хозяйствѣ, всѣ люди будутъ стремиться къ своимъ личнымъ цѣлямъ и достигать общаго блага. Народъ былъ во время Смита безправной, угнетенной массой; шотландскій мыслитель не могъ подняться до заключенія, что эта мертвая среда представитъ со временемъ стройно организованныя группы. Поэтому, возведеніе борьбы классовыхъ интересовъ въ принципъ было бы, со стороны Смита, одобреніемъ борьбы столь неравныхъ противниковъ, какъ высшіе классы и отдѣлы средняго, издавна достигшіе прочной организаціи, и низшіе, не имѣвшіе такого устройства; низшіе представляли сумму многихъ единицъ, не приведенныхъ между собою въ тѣсную связь. Вступленіе въ борьбу столь неравныхъ противниковъ равносильно несомнѣнному порабощенію массы меньшинствомъ.

Съ каждымъ десятилѣтіемъ со времени Смита накоплялись данныя, убѣждавшія, что личные расчеты облекаются для движенія общественной жизни въ форму классовыхъ интересовъ. Наблюденіе показало, что люди въ томъ случаѣ всего вѣрнѣе достигаютъ своихъ личныхъ цѣлей, когда стремятся къ нимъ не поодиночкѣ, а болѣе или менѣе обширными группами. Отдѣльному промышленнику выгодно оторвать часть потребителей отъ другихъ промышленниковъ; но онъ выигрываетъ въ этомъ случаѣ гораздо меньше, нежели тогда, когда совмѣстно съ другими однородными предпринимателями ему удается получить какой-нибудь выигрышъ для цѣлой группы: добиться монополіи, высокихъ таможенныхъ налоговъ и проч. Равнымъ образомъ работникъ, отдѣльно взятый, думая только о себѣ, можетъ получить нѣкоторыя выгоды въ обходъ товарищей, быть, напр., при занятіи мѣста, болѣе счастливымъ соискателемъ, чѣмъ другіе. Но крупныя и прочныя выгоды добываются всего легче тогда, когда работники дѣйствуютъ солидарно, какъ члены своего класса, въ виду общихъ цѣлей. Словомъ, становилось все болѣе замѣтнымъ, что личный интересъ можетъ быть наилучше обезпеченъ, когда обезпечивается интересъ группы, въ составъ которой входитъ данное лицо. Наблюденіе показывало также, что бѣднѣйшіе классы, именно тамъ, гдѣ они работаютъ въ большихъ промышленныхъ заведеніяхъ, все чаще и чаще заявляютъ о своихъ классовыхъ потребностяхъ. Съ такимъ обликомъ давно являлись высшіе и средніе общественные слои. Обнаруженная низшими классами способность образовать такія организаціи дѣлала естественнымъ выводъ, что каждая группа, какъ цѣлое, имѣетъ потребности. Стало ясно, что каждый классъ можетъ проявлять ихъ во внѣ. Было замѣчено, что несходство потребностей ведетъ къ столкновеніямъ, и что столкновеніе классовыхъ нуждъ является гораздо болѣе характернымъ признакомъ общественной жизни, нежели борьба каждаго за личные интересы.

Не слѣдуетъ ли, однако, признать, что классовый интересъ почти тожественъ съ дружелюбіемъ? Думать такъ,—значитъ давать дружелюбію распространенное толкованіе, а это не соотвѣтствовало бы дѣйствительности. Подъ дружелюбіемъ нужно разумѣть то настроеніе человѣка, когда онъ стремится совершить акты, выгодные для другого, для него же самого или безразличные или убыточные. Проявляетъ дружелюбіе тотъ, кто безкорыстно раздаетъ бѣднымъ значительную часть своихъ средствъ или затрачиваетъ на ихъ обученіе и утѣшеніе значительную часть своего времени. И дружелюбіе тѣмъ глубже, чѣмъ дальше по общественному положенію отстоятъ отъ благотворителя люди, которые пользуются его имуществомъ или временемъ. Въ основѣ же классоваго интереса лежитъ личный расчетъ, просвѣтленный сознаніемъ того, къ чему нужно стремиться и чего слѣдуетъ избѣгать. Возьмемъ тѣ классовые интересы, которыми

охраняются интересы пролетаріата. Отстаивая ихъ, каждый членъ этой среды прежде всего борется за свои личныя потребности. Когда тысячи и тысячи работниковъ устраиваютъ стачку, расходуютъ сбереженія, накопленныя многолѣтнимъ трудомъ, терпятъ лишенія, то они разсчитываютъ достигнуть болѣе выгодныхъ условій существованія. Такимъ образомъ, на первомъ планѣ стоитъ личный интересъ; но онъ очищенъ сознаніемъ, что нужно стараться обезпечить его не въ одиночку, а дружной дѣятельностью, совмѣстно съ наибольшимъ числомъ людей, которые стремятся къ однороднымъ цѣлямъ.

Адамъ Смитъ и его ближайшіе ученики давно признаны экономистами-классиками. Истинными продолжателями ихъ являются отнюдь не писатели исторической и историко-реалистической школы, а соціалисты. Первые выдвинули на подмогу личному интересу альтруизмъ, какъ равноцѣнную силу, что,—мы то увидимъ далѣе,—ошибочно. Вторые же, слѣдя за измѣненіями, которыя давала сама дѣйствительность, внесли поправку въ ученіе о личномъ интересѣ; этой поправки требовали новыя явленія общественной жизни.

Указанія на интересы классовъ, какъ движущія силы, мы находимъ и у старыхъ соціалистовъ. Но это положеніе было особенно ярко выражено въ *Коммунистическомъ Манифестѣ:* съ тѣхъ поръ оно сдѣлалось прочнымъ достояніемъ науки. Въ самомъ началѣ этого важнаго литературнаго памятника мы читаемъ: «люди свободные и рабы, патриціи и плебеи, бароны и крѣпостные, цеховые мастера и подмастерья, словомъ, угнетатели и угнетенные, въ постоянной оппозиціи вели между собой непрерывную борьбу, то открытую, то тайную; эта борьба оканчивалась всегда или революціоннымъ преобразованіемъ цѣлаго общества, или уничтоженіемъ обоихъ борющихся классовъ... Новѣйшее буржуазное общество, выросшее на развалинахъ феодальнаго общества, не устранило антагонизма классовъ. Оно только замѣнило старинные классы новыми классами, новыми способами угнетенія, новыми формами борьбы». Такимъ образомъ, манифестъ отмѣчаетъ, что исторія даетъ намъ картину столкновенія личныхъ интересовъ не по одиночкѣ, а группами, напоминаетъ, что классовое сознаніе еще не довольно развито въ пролетаріатѣ; именно это и служитъ источникомъ слабости рабочихъ классовъ. Внутри пролетаріата образуются группы для борьбы, но «соперничество работниковъ другъ съ другомъ постоянно разрушаетъ ихъ». Однако, снова и снова работники соединяются въ группы. Признавая, что исторія человѣчества сводится къ исторіи борьбы общественныхъ группъ *Коммунистическій Манифестъ* и вноситъ въ ученіе экономистовъ-классиковъ важное обновленіе: личный интересъ у людей достаточнаго умственнаго развитія облекается въ форму, классоваго интереса; онъ является въ своемъ чистомъ видѣ лишь постольку, поскольку члены данной общественной группы не поднялись до яснаго сознанія своихъ истинныхъ выгодъ. Именно въ такомъ положеніи находятся бѣднѣйшіе классы, спеціально, пролетаріатъ.

Мысль, ярко и краснорѣчиво выраженная на страницахъ *Коммунистическаго Манифеста*, упрочивалась въ литературѣ все болѣе и болѣе. Гдѣ писатели соціализма говорятъ объ условіяхъ движенія общества впередъ, объ условіяхъ улучшенія быта бѣднѣйшихъ классовъ, тамъ они предсказываютъ, что бѣдные классы будутъ все лучше организоваться, т. е. что будетъ расти ихъ классовое сознаніе [60]). Однако, это новое начало, ярко освѣщенное *Манифестомъ*, оказало вліяніе и на всѣхъ буржуазныхъ писателей, которые изучили дѣятельность союзовъ рабочихъ. Какъ бы эти писатели—назовемъ Брентано, Торнтона, де-Рувье [61]) —ни относились къ силамъ, которыя играютъ руководящую роль въ общественной

жизни, какъ бы ни преувеличивали они значеніе дружелюбія, они признаютъ, что союзы рабочихъ приносятъ пролетаріату огромную пользу, быть можетъ, доставляютъ своимъ членамъ главныя выгоды, которыя могутъ быть достигнуты въ современномъ общественномъ строѣ. А что означаетъ восхваленіе дѣятельности союзовъ рабочихъ и признаніе за ними вліянія на судьбы членовъ? Оно равносильно утвержденію, что классовый интересъ, ясно сознанный и воплотившійся въ стройной организаціи, имѣетъ большую важность для движенія впередъ всѣхъ людей, входящихъ въ составъ данной группы.

II.

Мы стоимъ такимъ образомъ передъ вопросомъ: имѣетъ-ли дружелюбіе первенствующее значеніе въ общественной жизни? можно-ли свести къ альтруизму большую часть явленій, которыя знаменуютъ прогрессивное движеніе человѣчества?

Кто ищетъ выраженія альтруистическаго чувства въ обширной и разнообразной области частной и общественной благотворительности, тотъ часто кончаетъ тѣмъ, что получаетъ ко всей этой средѣ глубокое отвращеніе. Я не буду говорить о музыкальныхъ и танцовальныхъ вечерахъ въ пользу нуждающихся, театральныхъ представленіяхъ, безпроигрышныхъ лотереяхъ, о базарахъ кустарныхъ издѣлій, гдѣ кавалеры и дамы, одѣтые по новѣйшей модѣ, утонченно изящные, полные только сластолюбивыхъ пожеланій, съ обворожительной улыбкой продаютъ игрушки и конфекты въ пользу подваловъ и чердаковъ. Каждый, въ комъ живетъ хотя слабое нравственное чувство, знаетъ смыслъ и цѣну этихъ видовъ благотворительности. Праздность, притупленная воспріимчивость относительно обычныхъ, распространенныхъ формъ пріятнаго препровожденія времени, тщеславіе низшаго разбора — вотъ что руководитъ этой благотворительностью.

Однако, подобное толкованіе не всегда соотвѣтствуетъ положенію дѣлъ. Память воспроизводитъ свѣтлый образъ Говарда, богатаго и именитаго англичанина, вся жизнь котораго была непрерывною цѣпью заботъ о томъ, какъ бы измѣнить къ лучшему быту заключенныхъ въ темницахъ. Его чувство дружелюбія выходило далеко за предѣлы родной страны; проникнутый однимъ желаніемъ, онъ переѣзжаетъ изъ края въ край и оканчиваетъ дни свои въ глухомъ городѣ южной Россіи. Припоминаются по этому поводу Годэнъ, Пибоди, Шамбрёнъ и другіе, справедливо пріобрѣвшіе на этомъ поприщѣ очень большую извѣстность. Еще такъ недавно, англичанка миссъ Марсденъ совершила по Сибири долгое и утомительное путешествіе, дабы посѣтить въ дикой тайгѣ якутъ, пораженныхъ проказою, и принести имъ посильную помощь. Къ этимъ именамъ присоединяются и другія, гораздо болѣе громкія. Таковъ Оуэнъ, этотъ великій реформаторъ, человѣкъ «съ характеромъ дѣтски-наивнымъ и возвышеннымъ» [62]): онъ обратилъ своихъ 2500 рабочихъ, развращенныхъ, преданныхъ пьянству, въ образцовую колонію, гдѣ пьянство, полиція, судьи, процессы, призрѣніе бѣдныхъ были неизвѣстными вещами. Мысль, перебѣгая отъ одного историческаго періода къ другому, воскрешаетъ всѣхъ, кто, или какъ Будда, царскій сынъ, растворился въ альтруистическомъ чувствѣ, или какъ бойцы революціи, съ презрѣніемъ отталкивали сладкій удѣлъ, который готовили имъ знатность и богатство, страстно боролись за право угнетенныхъ и обездоленныхъ и слагали голову на плахѣ. И я, какъ русскій, съ умиленіемъ вспоминаю тѣхъ, кто выходилъ изъ рядовъ своего класса, безстрашно возставалъ противъ золъ, вѣками накопленныхъ въ безправной Россіи и слагалъ кости въ безвѣстномъ изгнаніи, въ тундрахъ

Сибири. Пока живутъ люди на землѣ, до тѣхъ поръ будетъ храниться память объ этихъ проявленіяхъ альтруистическаго чувства.

Перейдемъ отъ высокихъ подвиговъ къ болѣе обыденнымъ дѣламъ частной благотворительности. Среди разнообразныхъ формъ и учрежденій, которыя она созидаетъ, мы находимъ и богатыхъ людей, отдающихся дѣлу съ полнымъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ. Въ каждомъ значительномъ центрѣ, около многочисленныхъ благотворительныхъ обществъ, группируются множество хлыщей, шарлатановъ и пройдохъ, ничтожныхъ честолюбцевъ и выскочекъ; но среди нихъ есть люди, относящіеся къ дѣлу съ неподдѣльной душевной теплотой. Какъ разнообразны цѣли благотворительности, такъ различны и формы, въ которыхъ эти люди даютъ просторъ своему альтруистическому чувству. Можно найти этихъ людей и среди тѣхъ, кто отправляется сестрами милосердія въ трансвааль, а среди людей, которые открываютъ въ медвѣжьихъ углахъ столовыя для голодающихъ. Полнымъ дружелюбія представляется и бывшій профессоръ, который оставляетъ въ цвѣтѣ лѣтъ свою аудиторію, чтобы вносить въ убогую хижину грамотность и начатки знаній, и одушевленные дѣятели оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ, которые со Стюартомъ во главѣ, не щадя времени и силъ, двинули въ народъ цѣлыя системы высшаго образованія. Есть основаніе отнести сюда иной разъ и американскаго милліонера, который жертвуетъ на народныя школы цѣлое состояніе. Возьмемъ Бутса и его армію спасенія. Быть можетъ, правы тѣ, кто упрекаетъ самого генерала въ своекорыстныхъ побужденіяхъ и не вѣритъ, чтобы онъ руководствовался въ своей дѣятельности исключительно влеченіемъ къ добру. Но въ арміи насчитываютъ больше 10.000 человѣкъ; многіе изъ нихъ, принадлежа къ имущимъ классамъ, навѣрное, искренно преданы дѣлу вспоможенія бѣднымъ. Нужно оцѣнивать всю благотворительную дѣятельность не только по непосредственному вліянію, но и по косвеннымъ результатамъ, которые она производитъ. Для благотворимыхъ она можетъ имѣть значеніе тѣмъ, что измѣняетъ къ лучшему ихъ жизненную обстановку. Она важна для благотворителей, такъ какъ напоминаетъ имъ объ огромныхъ размѣрахъ тѣлесной и духовной нищеты, которая окружаетъ насъ; она имѣетъ наибольшую цѣну для лучшихъ, самыхъ даровитыхъ, гуманныхъ и безкорыстныхъ; она побуждаетъ ихъ не ограничиваться только палліативными мѣрами для устраненія немногихъ, особенно рѣзкихъ признаковъ нужды, но и восходитъ къ познанію ея причинъ. Я не вѣрю, чтобы человѣкъ, сколько-нибудь мыслящій и съ чуткой душой, чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, если доставилъ босоногому населенію подваловъ нѣсколько паръ сапогъ или роздалъ въ теченіе года нѣсколько тысячъ билетовъ на безплатные обѣды. Нѣтъ, или неотступно, или хотя судорожно имъ овладѣваютъ вопросы о томъ, какая причина этой обездоленности, что порождаетъ эту чудовищную неравномѣрность въ распредѣленіи имуществъ, почему такъ много нужды незаслуженной, не вызванной порокомъ, ни даже внезапными ударами судьбы, обезсиливающими и мощныхъ людей, а нужды хронической, сѣрой, безпросвѣтной? При свѣтѣ знанія на всѣ эти вопросы можно отвѣтить безъ труда. Но и для тѣхъ, лучшихъ изъ благотворителей, которые стоятъ далеко отъ научнаго знанія, при постоянномъ упражненіи въ благотворительности и общеніи съ нуждающимися, многое становится понятнымъ: если не познаются основныя силы, идущія далеко въ глубь общественнаго строя, то уясняются хотя ближайшія непосредственныя причины, которыя порождаютъ эти явленія.

Въ частной благотворительности многое заслуживаетъ осмѣянія, но не все. Многое не идетъ дальше мизерной помощи, но не все. Въ этомъ

обширномъ кругу есть элементы, которые поддерживаютъ наклонность къ добру, возбуждаютъ дремлющую любознательность, направляютъ умъ на изученіе причинъ общественныхъ бѣдствій. И съ каждымъ поколѣніемъ частная благотворительность накопляетъ все больше матеріала, который переживаетъ благотворителей. Я говорю не о вещественныхъ памятникахъ, не о монументальныхъ пріютахъ, больницахъ, богадѣльняхъ, ночлежныхъ домахъ, которые сохраняютъ имена жертвователей, но о томъ духовномъ матеріалѣ, который выражается въ возрастающемъ желаніи улучшить бытъ неимущихъ. Благодаря росту этого духовнаго матеріала, часть людей, которымъ открытъ доступъ ко всѣмъ усладамъ жизни, получаетъ наклонность къ истинно-доброй, полезной общественной работѣ не только при народныхъ бѣдствіяхъ, во время тяжелыхъ испытаній и при общемъ подъемѣ духа, но правильно, спокойно, настойчиво, изо дня въ день.

Кто совсѣмъ отрицаетъ значеніе дружелюбія для общественной эволюціи, тотъ дѣлаетъ насиліе надъ дѣйствительностью. Упрека въ этомъ заслуживаетъ, напр., Лоріа [63]). По его представленію, въ борьбѣ классовыхъ интересовъ нѣтъ никакого мѣста для альтруистическихъ побужденій. Фабричные законы издавались въ Англіи только потому, что представители землевладѣнія и капитала боролись изъ-за первенства и первые, запискивая у работниковъ въ разгарѣ борьбы, содѣйствовали изданію фабричныхъ законовъ. Обнаруживающееся въ Западной Европѣ стремленіе привлечь къ налогамъ капиталъ нѣсколько болѣе, нежели то было раньше, объясняется тѣмъ, что рабочіе классы сведены къ низшему уровню заработной платы и нѣтъ возможности обложить ихъ тяжеле. А усиленное обложеніе капитала, когда прибыль опускается очень низко, лежитъ въ личныхъ интересахъ и самихъ капиталистовъ: прогрессивные налоги замедляютъ возрастаніе капитала, отсрочиваютъ чрезмѣрное производство и наступленіе кризисовъ. Когда прибыль стоитъ выше minimum'а, то невозможность усилить косвенные налоги, т. е. обложить главнымъ образомъ работниковъ, заставляетъ взимать съ наслѣдствъ довольно высокую подать; при этомъ капиталисты разсчитываютъ, что прибыль, будучи довольно высока, не помѣшаетъ имъ восполнить пробѣлъ, который причиняетъ налогъ съ наслѣдства.—Повторяемъ, Лоріа доводитъ до крайности теорію, истинную въ основаніи: борьба классовыхъ интересовъ идетъ непрерывно; но въ ней можно найдти и альтруистическія начала. Фабричные законы начали развиваться подъ вліяніемъ цѣлой совокупности причинъ. Таковыми служили требованія рабочихъ, организованныхъ въ союзы; таковыми были классовые разсчеты торіевъ, желавшихъ найдти въ работникахъ поддержку при борьбѣ съ вигами и содѣйствовавшихъ принятію фабричныхъ законовъ. Независимо отъ этого, фабричные законы энергично поддерживались отдѣльными лицами изъ имущихъ классовъ, дѣйствовавшими такъ подъ вліяніемъ дружелюбія. Не слѣдуетъ, наконецъ, забывать, что, разъ фабричные законы вошли въ жизнь, они могли оказать вліяніе, котораго ожидалъ отъ нихъ законодатель лишь подъ условіемъ, что для надзора за ихъ исполненіемъ нашлись люди, не доступные ни увѣщаніямъ, ни угрозамъ, ни подкупамъ, люди, которые были способны возвыситься надъ личнымъ разсчетомъ и поставить себя внѣ сферы вліянія денегъ. На долю Англіи выпало большое благополучіе имѣть первыми фабричными инспекторами людей, которые стяжали большую славу, сломили сопротивленіе промышленниковъ, заставили исполнять законъ и тѣмъ провели мѣру, которая была крайне нежелательна для предпринимателей. Столь же односторонне и объясненіе того, что прогрессивная подать на доходъ выгодна для капиталистовъ. Швейцарія, Германія, Великобританія имѣютъ наиболѣе развитое прогрессивное

обложеніе. Рыночный процентъ въ этихъ странахъ стоитъ на 3—4 годовыхъ. Нерѣдко онъ повышается надъ этимъ уровнемъ; но нельзя сказать, чтобы и эта норма была низшимъ возможнымъ уровнемъ прибыли. Невѣрно также предположеніе, что биржевая спекуляція возрастаетъ безостановочно: отъ времени до времени мы видимъ взрывы спекуляціи, но не видимъ постоянно усиливающейся тенденціи. Нѣтъ также данныхъ для утвержденія, что налогъ съ наслѣдства является тормазомъ для развитія биржевой спекуляціи. Капиталистамъ извѣстно для увеличенія прибыли болѣе привлекательное средство, чѣмъ прогрессивная подать или налогъ съ наслѣдства. Пониженіе процента парализуется перемѣщеніемъ капитала изъ странъ старой культуры въ страны, рѣдко населенныя и бѣдныя капиталами. Германскій заводчикъ знаетъ, что его капиталъ доставляющій на родинѣ только 5—10%, будетъ приносить ему 15—20%, если онъ ликвидируетъ дѣла въ Германіи и устроитъ такой же заводъ, въ Россіи. Англійскій рентьеръ давно убѣдился, что если дома консоли приносятъ ему только $2^3/_4$% годовыхъ, то помѣщеніе капитала въ египетскія или бразильскія желѣзныя дороги обѣщаетъ 5—6%. Процессъ перемѣщенія капиталовъ изъ богатыхъ странъ въ отсталыя принимаетъ съ каждымъ годомъ все большіе размѣры и противодѣйствуетъ пониженію процента у богатыхъ народовъ. Капиталисты въ своемъ отношеніи къ доходу представляютъ нѣсколько группъ: одни довольствуются скромнымъ и абсолютно низкимъ процентомъ, который получаютъ на родинѣ; другіе изыскиваютъ способы помѣстить весь капиталъ или часть его заграницей, гдѣ рыночный процентъ выше; наконецъ, третьи хотятъ еще большаго, а потому и становятся на скользкій путь биржевой игры. Въ этой средѣ развѣ единичныя лица—чудаки—высказались бы за установленіе прогрессивныхъ налоговъ и предпочли бы его одной изъ обычныхъ формъ отношенія къ доходу на капиталъ. Ошибается Лоріа, объясняя прогрессивныя подати и налоги съ наслѣдствъ низкимъ состояніемъ заработной платы, которая за послѣднее время, будто бы, не допускаетъ возвышенія косвенныхъ налоговъ. Конечно, заработная плата очень низка и въ большинствѣ отраслей не достигаетъ того, что было бы нужно для покрытія потребностей согласно съ законами гигіены. Но нѣтъ уровня, дальше котораго она не могла бы опуститься. Кризисы всегда дѣлаютъ насъ свидѣтелями пониженія и безъ того скудной платы и безработицы многихъ милліоновъ. Поэтому, какъ ни удручаетъ работника дальнѣйшее повышеніе косвенныхъ налоговъ, оно возможно. Нельзя утверждать относительно какой-либо культурной страны, что въ ней не могутъ быть еще нѣсколько увеличены налоги на главные предметы потребленія. Итакъ, введеніе прогрессивныхъ подоходныхъ налоговъ и налоговъ съ наслѣдствъ должно быть объясняемо, какъ слѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія многихъ причинъ. Представители бѣдныхъ классовъ ратовали за то, чтобы часть податнаго бремени была возложена на имущихъ. Послѣдніе, встрѣчая сильное теченіе въ эту сторону, нехотя отступали. Отступленіе было облегчено тѣмъ, что въ рядахъ имущихъ классовъ были и есть элементы, подчиняющіеся вліянію прогрессивной мысли, относительно финансовъ—тому ученію, что косвенные налоги не должны быть чрезмѣрны, что налогъ съ наслѣдствъ заслуживаетъ признанія и т. п. Все вмѣстѣ и дало, какъ результатъ, зачатки прогрессивности въ разныхъ налогахъ...

Одностороннее пониманіе классоваго интереса, какъ мы то находимъ у Лоріа, ведетъ къ невѣрнымъ выводамъ. Въ основѣ его заключеній лежитъ мысль, что каждый историческій фактъ, причиняетъ ли онъ ущербъ бѣднымъ классамъ, или доставляетъ выгоду, возможенъ только

потому, что прямо или косвенно соотвѣтствуетъ интересамъ имущихъ. При такомъ объясненіи совершается насиліе надъ дѣйствительностью. Во-первыхъ, за низшими классами отрицается возможность къ яркому обнаруженію и бодрому отстаиванію собственныхъ интересовъ. Это наблюдается въ отсталыхъ странахъ, но вовсе не соотвѣтствуетъ положенію дѣлъ у народовъ, наиболѣе развитыхъ. При такомъ пониманіи явленій бѣднѣйшіе классы представляются неподвижной массой, которая, для какихъ-либо измѣненій своей судьбы къ лучшему, должна ожидать счастливаго случая, чтобы господа подрались и каждый, стараясь привлечь на свою сторону бѣдныхъ людей, сдѣлалъ что-либо для улучшенія ихъ быта. При такомъ истолкованіи упускается и то, что не имѣетъ первостепеннаго значенія для дѣла, но не лишено важности: наличность среди имущихъ классовъ людей, которые готовы пойдти на уступки не только подъ вліяніемъ правильнаго разсчета, но и подъ вліяніемъ дружелюбія. Уступка тѣмъ легче находитъ для себя благопріятную почву, чѣмъ меньшій ущербъ причиняетъ имущему классу данная мѣра. Налогъ съ сильно выраженнымъ началомъ прогрессивности, съ крупными окладами для большихъ доходовъ, конечно, можетъ найдти среди имущихъ классовъ очень мало сторонниковъ. Но умѣренная прогрессивность, нежелательная классу имущихъ, взятому въ цѣломъ, можетъ встрѣтить довольно много защитниковъ и въ этихъ рядахъ. А переходъ въ ряды пролетаріата людей изъ имущаго класса, которые лично только теряютъ отъ такого перехода или, по крайней мѣрѣ, рискуютъ потерять, имѣетъ очень важное значеніе, какъ то будетъ указано въ слѣдующемъ очеркѣ.

III.

Кто прочиталъ послѣднія страницы, тотъ скажетъ, пожалуй, что мы придаемъ дружелюбію первенствующее значеніе, что мы примыкаемъ къ писателямъ, которые ожидаютъ отъ альтруизма полнаго пересозданія общественнаго строя. Нѣтъ, мы находимся въ положеніи человѣка, который, изслѣдуя тѣсный кругъ явленій, готовъ распространить сдѣланные выводы на отдѣльные, столь же тѣсные круги, но поостережется дѣлать изъ своихъ наблюденій выводъ, который охватывалъ бы очень большое число людей, населеніе цѣлой страны.

Изучая за продолжительное время жизнь какого-нибудь благотворительнаго учрежденія, оказавшаго большія услуги сотнямъ или даже тысячамъ людей, мы должны помнить, что эти тысячи и десятки тысячъ исчезаютъ, какъ капли въ морѣ, среди милліоновъ, составляющихъ населеніе даже малаго государства. Останавливаясь съ восхищеніемъ предъ какимъ-нибудь подвигомъ великодушія, самопожертвованія, безкорыстія, навсегда сохраненномъ для потомства въ поэмѣ, картинѣ или статуѣ великаго художника, мы должны помнить, что этотъ подвигъ, какъ ни возвышаетъ онъ духъ самъ по себѣ, растворяется въ милліонахъ актовъ; а эти милліоны рѣзко отклоняются отъ того, что вдохновило поэта, живописца или ваятеля. Заслуживаетъ насмѣшки тотъ, кто, вращаясь въ семьяхъ, гдѣ довольство и соблюденіе правилъ гигіены дѣлаютъ смертность дѣтей исключительнымъ явленіемъ и позволяютъ почти всѣмъ доживать до глубокой старости, заключаетъ относительно смертности въ цѣлой странѣ или хотя въ одномъ городѣ. Признается нелѣпымъ, по среднему доходу, который приходится на каждую семью изъ нашихъ знакомыхъ, дѣлать выводы о среднемъ доходѣ семьи для цѣлой страны. Прилично только для ребенка, любовавшагося упражненіями, на которыхъ атлеты показываютъ свою силу, заключать, что эта сила есть средняя для англичанъ, нѣмцевъ, русскихъ. Съ такимъ же правомъ нужно при-

знать, что акты дружелюбія, во всемъ своемъ разнообразіи, составляютъ исключительныя явленія; они ярко освѣщаютъ дѣятельность отдѣльныхъ людей, вызываютъ перемѣны въ тѣсномъ кругу, но эти перемѣны мало замѣтны среди милліоновъ и милліардовъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается каждый день, проживаемый человѣчествомъ.

Установленіе законовъ общественныхъ явленій возможно только на основаніи среднихъ величинъ. Только сводя явленія къ типамъ, мы можемъ дѣлать относительно ихъ цѣнные выводы. Дабы опредѣлить вліяніе альтруизма на общественную жизнь, мы не должны разсматривать акты дружелюбія, отдѣльно взятые, ни даже соединенные въ систему; мы не должны довольствоваться цифрами, доказывающими, что благотворительность обезпечила безбѣдное существованіе такому-то числу людей, что благодѣянія отдѣльныхъ лицъ позволили сотнѣ дѣтей получить воспитаніе, что работники такого-то промышленнаго заведенія, вслѣдствіе человѣколюбія хозяина, могутъ сполна удовлетворять свои тѣлесныя и духовныя потребности. Мы должны разсматривать среднія явленія каждой группы: среднюю заработную плату, средній доступъ населенія данной страны къ удобствамъ жизни и способамъ развитія ума, среднюю смертность, среднее разстояніе между имущими классами и бѣдными. Дружелюбіе не можетъ быть измѣряемо добрымъ настроеніемъ людей. Лепта, принесенная евангельской вдовой, имѣетъ, нравственно, гораздо большую цѣну, нежели милліонъ, пожертвованный Вандербильтомъ на дѣла благотворенія; но настроеніе людей рѣшительно не поддается учету. Пока мы будемъ говорить о сильномъ или слабомъ развитіи альтруизма и будемъ измѣрять достигнутый имъ уровень соображеніями о томъ, часто или рѣдко дружелюбное чувство охватываетъ отдѣльныхъ людей, цѣлые классы, населеніе данной страны, до тѣхъ поръ мы не выйдемъ изъ области споровъ и необоснованныхъ предположеній. Дружелюбіе проявляется во внѣ, въ дѣйствіяхъ, которыя направлены на измѣненіе къ лучшему быта людей, страдающихъ отъ нужды. А эти дѣйствія прямо или косвенно могутъ быть предметомъ учета. Что вѣрно относительно частныхъ людей, то же можетъ быть приложено и къ государству. Разъ намъ говорятъ, что государство является нравственнымъ союзомъ, который считаетъ своею главною обязанностью поднятіе нуждающихся до уровня довольства или, по крайней мѣрѣ, безбѣднаго существованія, то мы имѣемъ передъ собою вѣрное мѣрило: законы; они, вмѣстѣ съ характеромъ управленія, выдаютъ намъ не только намѣренія государственной власти, но и дѣйствія, позволяющія заключить, въ какой степени начала альтруизма, проникая политику, производятъ въ общественной жизни перемѣны, благопріятныя для слабѣйшихъ, угнетенныхъ классовъ.

Возьми мы для обоснованія нашихъ положеній данныя, которыя относятся до отдаленныхъ періодовъ, до обществъ, уже сошедшихъ со сцены исторіи, мы заслужили бы упрекъ въ недостаткѣ безпристрастія. Намъ сказали бы, что прошлое человѣчества наполнено всякими ужасами, что грубый эгоизмъ, насиліе властвовали безъ помѣхи, что дружелюбіе проявлялось очень слабо и однообразно. И подобное выраженіе было бы правильно. Поэтому, ограничимся въ нашемъ изслѣдованіи только данными послѣднихъ 50 лѣтъ. Именно отъ половины XIX столѣтія накопился цѣлый рядъ условій, которыя дѣлаютъ новѣйшее время благодарнымъ полемъ для наблюденія. За эти полвѣка производительность народнаго труда и богатства возросли настолько, что въ большой степени увеличились средства для благотворенія. Безостановочно возраставшее раздѣленіе занятій и обособленіе новыхъ общественныхъ группъ дѣлали все болѣе разнообразными формы, въ которыхъ люди могутъ проявлять альтруистиче-

ческое чувство. Можно смѣло утверждать, что нѣтъ ни одной стороны человѣческой жизни и ни одной потребности, для которыхъ благотворительность не создала бы соотвѣтствующихъ формъ. Держаться фактовъ, которые даютъ намъ послѣднія 50 лѣтъ, умѣстно еще и потому, что именно только съ половины XIX вѣка въ наукѣ стали раздаваться громкіе голоса, что дружелюбіе отклоняетъ дѣятельность людей отъ русла, въ которое направляетъ ее личный интересъ.

Остановимся прежде всего на отношеніи культурныхъ народовъ къ дикарямъ. Разъ мы придаемъ дружелюбію значеніе большой общественной силы, то оно должно хотя немного проявляться и въ отношеніяхъ культурныхъ людей къ первобытнымъ племенамъ.

Эволюція, если разсматривать ее съ точки зрѣнія европейца, совершается при такихъ условіяхъ, что низшія расы, сталкиваясь или даже только встрѣчаясь съ высшими, постепенно вымираютъ. Только погрязши въ отвратительномъ предразсудкѣ, что «все существующее разумно», можно считать это явленіе полезнымъ для развитія наиболѣе культурныхъ народовъ. Напротивъ, вымираніе первобытныхъ племенъ, насколько оно вызывается столкновеніемъ ихъ съ бѣлой расой, замедляетъ прогрессированіе послѣдней, такъ какъ расширяетъ площадь, на которой могутъ дѣйствовать хищническія наклонности людей. Первобытныя племена имѣютъ во всей обстановкѣ своей жизни много условій, которыя препятствуютъ ихъ быстрому размноженію и даже уменьшаютъ ихъ численность: войны, вредные обычаи, голодъ, повальныя болѣзни при полномъ отсутствіи мѣръ гигіены и лѣченья и т. п. Столкновеніе же съ культурными народами присоединяетъ къ этому новый фактъ—безостановочную эксплоатацію побѣжденныхъ побѣдителями, которая и ведетъ къ вымиранію слабѣйшихъ. Эта причина можетъ дѣйствовать тѣмъ болѣе долго и тѣмъ болѣе могущественно, что эксплоатація совершается безкровно. Она происходитъ, напр., въ такой формѣ, что у побѣжденнаго народа, который еще не перешелъ отъ кочевого состоянія къ осѣдлому, отнимается въ пользу побѣдителей значительная часть земли; а такъ какъ площади, которая оставлена за покореннымъ племенемъ, ему недостаточно, такъ какъ оно не можетъ быстро перейти отъ скотоводства къ земледѣлію, то первое, будучи единственнымъ источникомъ существованія, падаетъ, и многіе члены племени лишаются средствъ къ жизни; за этимъ неизбѣжно слѣдуетъ усиленная смертность. Мы находимъ такую политику въ Россіи. Взятіе части Киргизскихъ степей для переселенческихъ участковъ, расхищеніе башкирскихъ земель—вотъ факты этого порядка. Всѣ эти пріемы относительно покоренныхъ племенъ оправдывались ссылкою на то, что «башкирамъ пора окончательно перейти къ земледѣлію». Эксплоатація становится особенно жестокой въ тѣхъ случаяхъ, когда среди первобытныхъ племенъ поселяются люди сильнѣйшей расы и начинаютъ заниматься кулачествомъ, которое достигаетъ размѣровъ, почти неизвѣстныхъ цивилизованнымъ странамъ. Такъ господствуютъ русскіе купцы—рыбопромышленники среди остяковъ, тунгусовъ, чукчей, высасываютъ послѣдніе соки; эти носители культуры не только не смягчаютъ тяжелыхъ условій, которыя связаны со всѣмъ бытомъ инородцевъ, но еще понижаютъ своей эксплоатаціей крайне низкій уровень ихъ благосостоянія и тѣмъ способствуютъ ихъ вымиранію. Было бы несправедливо утверждать, что только въ Россіи господствующія народности такъ относятся къ покореннымъ дикарямъ: напомнимъ о жестокостяхъ англичанъ въ Индіи, голландцевъ—на Явѣ. Германская колоніальная политика началась въ послѣдней четверти XIX-столѣтія, когда германская наука уже выработала ученіе, что альтруизмъ служитъ въ общественной жизни основаніемъ для

цѣлой системы дѣйствій и парализуетъ личный интересъ; и эта политика даетъ намъ факты, не менѣе возмутительные. Цѣлый рядъ лицъ, управлявшихъ германскими колоніями въ Африкѣ, допустилъ вопіющія злоупотребленія относительно туземцевъ. Колоніальная эпопея Германіи увѣнчалась дѣломъ Петерса; оно показало въ самомъ яркомъ свѣтѣ всю мѣру неправды, всю силу хищническихъ наклонностей людей, которые считаются лучшими, на которыхъ возлагаютъ важныя культурныя миссіи. И, конечно, они не хуже многихъ другихъ, не испытанныхъ въ этой сферѣ дѣятельности.

Эти факты многочисленны и разнообразны. Они укрѣпляютъ увѣренность, что угнетеніе подчиненныхъ племенъ препятствуетъ росту альтруистическихъ чувствъ и въ господствующей народности. Всякій европеецъ, какую функцію онъ ни исполнялъ бы среди дикарей, является сильнѣйшимъ. Порабощеніе имъ десятковъ и сотенъ остяковъ, тунгусовъ, готтентотовъ составляетъ неизбѣжный исходъ борьбы за существованіе. Можно ли думать, что эта побѣда сильнѣйшаго, обогащая сотни и тысячи алчныхъ людей на счетъ жалкихъ туземцевъ, культурно поднимаетъ населеніе метрополіи? Нѣтъ, это значило бы рукоплескать противообщественнымъ элементамъ, разъ ихъ дѣятельность сопровождается успѣхомъ. Всѣ подобные факты задерживаютъ прогрессированіе высшихъ племенъ. Многіе члены ихъ на своей родинѣ, и подчиняясь общественному мнѣнію, и въ виду близости органовъ власти и большей трудности обходить законы, сдерживали бы свои хищническія наклонности. На окраинахъ же, среди жалкихъ дикарей, они дѣйствуютъ безъ задержекъ, даютъ полный просторъ всѣмъ отрицательнымъ силамъ своей природы и прямо и косвенно расширяютъ область, куда альтруистическія чувства не находятъ доступа.

Могутъ сказать по поводу этихъ замѣчаній, что человѣкъ-звѣрь обнаруживаетъ себя тамъ, гдѣ сталкивается съ дикарями, но что въ высоко-культурныхъ странахъ альтруизмъ уже завоевалъ себѣ широкую область. Мы должны, поэтому, изслѣдовать вліяніе дружелюбія какъ оно проявляется среди наиболѣе цивилизованныхъ народовъ въ отношеніяхъ богатыхъ и властныхъ къ бѣднѣйшимъ и подчиненнымъ классамъ населенія.

Для поверхностной оцѣнки было бы достаточно обозрѣть благотворительныя общества, которыя дѣйствуютъ въ какой-либо странѣ. Не выходя за эти предѣлы, мы получили бы самое отрадное впечатлѣніе, ибо не только въ Лондонѣ, Берлинѣ, Парижѣ, но и въ Петербургѣ мы находимъ формы благотворительности, приноровленныя ко всѣмъ запросамъ, которые предъявляютъ нужда и горе. Одни общества направлены на вспомоществованіе нуждающимся, здоровымъ, но лишеннымъ занятія, остающимся на мѣстахъ или ищущимъ себѣ новой осѣдлости, напр., переселенцамъ изъ Англіи въ Америку, Австралію, изъ Европейской Россіи—въ Сибирь или на Кавказъ. Есть общества, которыя оказываютъ пособія больнымъ, престарѣлымъ, увѣчнымъ. Здѣсь наблюдается дѣльнѣйшая спеціализація: одни посвящаютъ себя заботамъ о слѣпыхъ, глухонѣмыхъ; другія стремятся облегчить участь больныхъ чахоткою, или проказой. Издавна формы благотворительности приспособляются также къ потребностямъ, которыя связаны съ возрастомъ: воспитательныя учрежденія для бѣдныхъ дѣтей, дома для престарѣлыхъ. Благотворительность идетъ даже дальше отвѣта на матеріальныя нужды: она стремится создать для членовъ бѣднѣйшихъ классовъ такую обстановку, которая обезпечиваетъ сохраненіе добрыхъ нравовъ, освобождаетъ отъ гнета семейной жизни, который такъ уродуетъ человѣка, даетъ случай проводить досугъ пріятно

и поучительно. Эти цѣли ставятъ себѣ учредители обществъ, охраняющихъ молодыхъ женщинъ отъ соблазна и разврата, союзовъ, которые доставляютъ занятія людямъ, вышедшимъ изъ тюрьмы и тѣмъ надолго выбитымъ изъ колеи, обществъ, которыя охраняютъ дѣтей отъ жестокаго обращенія со стороны родителей. Безплатныя школы, читальни, библіотеки, театры, основанные частной благотворительностью, отвѣчаютъ на потребность бѣдныхъ классовъ въ поученіи и развлеченіи. Словомъ предъ наблюдателемъ окрывается очень обширное поле. Мы не удивляемся, если человѣкъ со слабой мыслью, часто вращаясь въ этой средѣ и зная о крупныхъ пожертвованіяхъ, которыя получаютъ благотворительныя учрежденія особенно со стороны американскихъ милліонеровъ, проникается убѣжденіемъ, что альтруизмъ служитъ самой могущественной силой въ общественной жизни.

Однако, такой пріемъ совершенно непригоденъ для цѣлей научнаго познанія. Дабы получить вѣрное представленіе о напряженности, съ которою, вообще, дѣйствуетъ альтруистическое чувство, и его распространенности, нужно выяснить не то, разнообразны-ли формы благотворительности и хорошо-ли кормятъ, одѣваютъ, обучаютъ и развлекаютъ бѣдняковъ, которые состоятъ кліентами такихъ-то благотворительныхъ учрежденій, но то, пользуются-ли массы удовлетворительными условіями матеріальной жизни. Относительно современнаго періода этотъ вопросъ можетъ быть предложенъ тѣмъ болѣе смѣло, что въ наиболѣе богатыхъ странахъ народное имущество достигло очень высокаго уровня. На среднюю семью въ этихъ странахъ приходится такой годовой доходъ, что онъ обезпечиваетъ получающимъ полное довольство. Если бы наступило царство альтруизма, то богатые, движимые дружелюбіемъ, оставляли бы себѣ лишь столько, сколько нужно для скромныхъ жизненныхъ удобствъ; они раздавали бы нуждающимся все, что остается сверхъ этого. При такомъ состояніи явилось бы почти полное уравненіе доходовъ семей, занимающихъ ступени общественной лѣстницы, весьма далекія другъ отъ друга. Если-бы альтруизмъ, не будучи господствующей силой, достигъ, однако, значительной напряженности, то въ доходахъ отдѣльныхъ семействъ, въ условіяхъ ихъ жизни наступило бы нѣкоторое уравненіе; очень рѣзкія различія въ бытѣ отдѣльныхъ классовъ неизбѣжно должны были бы исчезнуть.

По вычисленіямъ, которыя сдѣлали для 90-годовъ XIX столѣтія Гиффенъ, де-Фовилль, Нейманнъ-Спаллартъ, Зетбееръ и другіе, средній доходъ на семью изъ 5 душъ составляетъ 185 фунтовъ стерлинговъ въ Великобританіи, 3350 франковъ во Франціи, 1750 марокъ въ Пруссіи, 2100 марокъ въ Саксоніи и 1100 долларовъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Такой доходъ обезпечиваетъ семьѣ скромное довольство; онъ даетъ ей все необходимое для жизни и извѣстныя удобства. Никому не приходитъ въ голову признать альтруизмъ достаточно распространеннымъ только подъ условіемъ уравненія доходовъ. Нечего и мечтать, чтобы въ дѣйствительности доходы отдѣльныхъ семей приближались къ этой цифрѣ, чтобы, напр., въ Великобританіи не было семей съ доходомъ ниже 150 фунтовъ въ годъ или въ Саксоніи ниже 1500 марокъ. Однако, нужно считать нормальнымъ требованіе, чтобы низшіе доходы семей въ культурной странѣ не были многократно ниже средняго дохода, равно какъ и то, чтобы складъ жизни самыхъ богатыхъ людей не превосходилъ безконечно суммы удобствъ, которыя могутъ быть доставлены среднимъ доходомъ.

Возьмемъ Лондонъ и посмотримъ на условія, среди которыхъ живутъ бѣднѣйшіе классы. Огромный трудъ Бутса опредѣляетъ населеніе восточной части Лондона [64]) цифрою въ 908.000 душъ; изученіе столь большой

площади уже даетъ право сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Бѣднѣйшіе классы восточной части Лондона разбиты на слѣдующія группы: а) Населеніе рабочихъ домовъ, пріютовъ, больницъ достигаетъ 17.000 душъ. б) Бездомныхъ, именно, бродягъ и преступниковъ, насчитывается 11.000. в) Голодающіе, т. е. со случайнымъ заработкомъ около 18 шиллинговъ въ недѣлю, составляютъ 100.000. г) Тѣ, которые имѣютъ временный заработокъ отъ 18 до 20 шиллинговъ въ недѣлю. д) Наконецъ, бѣдные съ постояннымъ заработкомъ по 18—21 шиллинговъ въ недѣлю. Общее число людей, находящихся въ жалкомъ положеніи, достигаетъ 331.000 Изъ нихъ три первыя группы, въ совокупности 128.000, стоятъ на крайней границѣ матеріальной нужды. Сюда же можно безъ колебаній отнести и четвертую группу: ея недѣльный заработокъ составилъ бы около 50 фунтовъ стерлинговъ годового дохода; но этотъ заработокъ только временной; многія недѣли и даже мѣсяцы нѣтъ занятія; а потому едва-ли можно считать годовой доходъ выше 25 фунтовъ стерлинговъ, что даетъ семьѣ возможность только самаго жалкаго существованія. Наконецъ, послѣдняя группа, поставленная особенно благопріятно, имѣетъ не менѣе 50 фунтовъ ежегодно. Не забудемъ, что средній доходъ въ Лондонѣ, по крайней мѣрѣ, вдвое больше средняго для Англіи, т. е. не менѣе 370 фунтовъ на семью. А потому, доходъ семьи работника не превышаетъ $^1/_7$ средняго годового дохода. Мы получаемъ безъ всякихъ натяжекъ, что восточный округъ Лондона, содержащій $^1/_5$ всего лондонскаго населенія, имѣетъ до 40% жителей, которые находятся въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни.

Вильямъ Бутсъ не впадаетъ въ преувеличеніе, предполагая, что въ остальныхъ частяхъ Лондона (болѣе богатыхъ) не втрое больше, а только вдвое больше людей живетъ въ такихъ же тягостныхъ условіяхъ, какъ въ восточной части Лондона. Онъ предполагаетъ, что число бѣдняковъ въ Лондонѣ относительно вдвое больше, нежели во всемъ государствѣ [65]). Согласно съ его смѣтой, число крайне обездоленныхъ достигаетъ въ Великобританіи 2 милліоновъ. Но необходимо пріобщить сюда и двѣ высшія группы; тогда число ихъ возрастетъ до 6 милліоновъ. Однако, въ этомъ итогѣ найдутъ себѣ мѣсто только тѣ семьи, которыя получаютъ 50 фунтовъ стерлинговъ дохода въ годъ и менѣе. А по условіямъ англійской жизни, къ сколько-нибудь обезпеченнымъ нельзя отнести семьи, получающія доходъ въ 60—70 фунтовъ. Такимъ образомъ, очень большая масса населенія не имѣетъ средствъ даже на то, чтобы сполна удовлетворять наиболѣе настоятельныя потребности.

Дурное удовлетвореніе жилищной потребности особенно бросается въ глаза. Бутсъ считаетъ чрезмѣрно населенными всѣ квартиры, гдѣ на 1 маленькую комнату (10—11 футовъ въ длину и ширину и 8—10 въ вышину) живетъ 2 человѣка и болѣе. Общее число людей, которые были затронуты изслѣдованіемъ Бутса, составляетъ 3.509,299 душъ. Изъ нихъ 33%—1.176,340—живутъ такъ, что на 1 комнату приходится 2 человѣка и больше. Во многихъ отрасляхъ промышленности число такихъ людей очень велико: среди портныхъ и сапожниковъ ихъ насчитываютъ 145.685, 40—45%, среди рабочихъ въ докахъ, носильщиковъ угля, чернорабочихъ отъ 55 до 65% [66]).

Картина, которую даетъ намъ Чарльзъ Бутсъ относительно населенія восточной части Лондона, очень пестра, что мѣшаетъ сдѣлать совершенно опредѣленные выводы: на ряду съ трудящимися здѣсь ютятся люди, не имѣющіе занятія; на ряду съ коренными жителями—эмигранты изъ далекихъ странъ, русскіе, польскіе, румынскіе, венгерскіе евреи, которые наводняютъ рабочіе кварталы Лондона; на ряду съ честными тружениками, ремеслен-

никами, фабричными рабочими—бродяги, проститутки, преступники, столичная чернь со всѣми ея оттѣнками и подраздѣленіями. Мы получимъ гораздо болѣе однородную картину и болѣе цѣлостное впечатлѣніе, если возьмемъ только рабочій классъ и притомъ въ мѣстности, гдѣ трудъ, по масштабу для страны, оплачивается хорошо. Воспользуемся данными, которыя Гиршбергъ собралъ о Берлинѣ [67]).

Эти свѣдѣнія обнимаютъ множество отраслей промышленности и даютъ право на общіе выводы. Годовой заработокъ чернорабочихъ опредѣленъ въ 675 марокъ. Въ химическихъ производствахъ онъ достигаетъ 800 марокъ. Почти такую же сумму составляетъ и доходъ рабочихъ въ разныхъ отдѣлахъ перевозочной промышленности: извозчиковъ, кондукторовъ на конно-желѣзныхъ дорогахъ. Доходъ рабочихъ въ строительномъ промыслѣ—каменьщиковъ, плотниковъ, маляровъ и другихъ, поднимается до 1000 марокъ въ годъ. Столяры зарабатываютъ около 900 марокъ. Къ числу отраслей труда наиболѣе выгодныхъ относится работа бочаровъ, которые имѣютъ до 1500 марокъ въ годъ. Еще болѣе высокую плату получаютъ механики, работающіе при устройствѣ телефоновъ, въ электро-технической промышленности, при изготовленіи оружія и музыкальныхъ инструментовъ: до 2000 марокъ въ годъ. Такимъ же приблизительно доходомъ пользуются рабочіе, приготовляющіе издѣлія изъ благородныхъ металловъ. Довольно хорошъ заработокъ въ обширныхъ типографіяхъ: тамъ годовой доходъ составляетъ 1300—1500 марокъ; въ мелкихъ же типографіяхъ онъ колеблется между 736 и 895 марками. Переходя къ мясникамъ и пекарямъ, мы находимъ годовой заработокъ не выше 600—700 марокъ. Сапожники имѣютъ не болѣе 600 марокъ въ годъ, а въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ заработокъ составляетъ для фабрикъ до 750 марокъ въ годъ на мужчину, а при ручномъ трудѣ—не больше 550. Наконецъ, годовой доходъ портныхъ опредѣленъ въ 600 марокъ. Плата женщинамъ, вообще, значительно ниже заработка мужчинъ. Красильщицы по фарфору, работницы на фабрикахъ мраморныхъ издѣлій, въ словолитняхъ получаютъ 600—650 марокъ въ годъ; многія имѣютъ отъ 400 до 500 марокъ; а портнихи, табачницы, шляпочницы, фабричныя работницы въ разныхъ отрасляхъ зарабатываютъ въ годъ менѣе 400 марокъ.

Опредѣляя такими цифрами годовой доходъ работника, мы получали его отъ помноженія недѣльной платы на 50. Нужно, однако, помнить, что нѣтъ промысла, въ которомъ всѣ работающіе были бы заняты круглый годъ. Вотъ, напр., какими цифрами располагаемъ мы относительно столяровъ: на каждые 100 столяровъ въ 1894 году только 36,2% имѣли работу въ теченіе 250 дней и болѣе; 22,1% были заняты только отъ 101—250 дней, а 41,7% имѣли работу менѣе, чѣмъ 100 дней. Цифры о работѣ столяровъ въ теченіе 1892 года почти совпадаютъ съ этими данными. Возьмемъ свѣдѣнія за 1893 годъ относительно числа дней, на которые имѣли работу люди, занятые въ наиболѣе сложныхъ отрасляхъ механическаго производства—въ электротехническомъ дѣлѣ и т. п. Изъ людей, которые получали очень высокую плату, отъ 4 до 5 марокъ въ день, только 41,3% имѣли занятіе 251 день и долѣе, а 40,8% были заняты 150 дней и меньше. Для разныхъ отраслей металлообрабатывающей промышленности, гдѣ господствуетъ сдѣльная плата, мы имѣемъ такія цифры. Въ 1895 году изъ формовщиковъ 42,7% а изъ жестяниковъ 42,9% были заняты 251 день и болѣе; имѣли же работу менѣе, нежели на 150 дней, 53,6% первыхъ и 45,5% вторыхъ. Итакъ, нужно считать рабочій годъ только въ 35—40 недѣль. Невозможность для большинства имѣть занятіе въ теченіе всего года значительно уменьшаетъ сумму годового заработка мужчины; но можно оставить вышеприведенныя цифры, какъ

годовой доходъ семьи, потому, что во многихъ семьяхъ источникомъ дохода служитъ трудъ не одного отца, но также и матери или дѣтей.

Принимая въ расчетъ эти условія, мы можемъ считать высшимъ годовымъ доходомъ семьи рабочаго класса 1500—2000 марокъ. Но такой доходъ получаютъ только немногіе счастливцы. Для огромнаго большинства онъ не превышаетъ 600—700 марокъ.

Вотъ данныя о доходахъ отдѣльныхъ группъ рабочаго класса въ огромномъ городѣ. Во всей Германіи найдется немного промышленныхъ центровъ, гдѣ рабочій классъ поставленъ такъ благопріятно, какъ въ Берлинѣ; въ Гамбургѣ его положеніе даже нѣсколько лучше. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, Лейпцигѣ и еще 2—3 городахъ оно, быть можетъ, не хуже. Во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ оно гораздо хуже. Годовой доходъ семьи въ берлинскомъ рабочемъ классѣ стоитъ гораздо ниже, чѣмъ средней семьи для всей Пруссіи. Но Берлинъ—городъ съ обширной промышленностью и торговлей, съ многочисленными рентьерами, которыхъ привлекаетъ сюда возможность весело проживать деньги; здѣсь средній доходъ семьи гораздо выше, нежели средній для цѣлой страны. А потому, доходъ средней берлинской семьи многократно превышаетъ доходъ берлинскихъ работниковъ.

Денежная заработная плата говоритъ очень мало, если нѣтъ данныхъ относительно того, насколько она позволяетъ получающимъ удовлетворять самыя важныя потребности. Познакомимся съ этой стороной быта берлинскихъ рабочихъ.

Еще въ 60-хъ годахъ были собраны подробныя статистическія данныя о жилищахъ въ Берлинѣ. Уже тогда выяснилось, что квартиры переполнены и что чрезвычайно развитъ обычай сдавать ночлежникамъ углы. Въ 1861 году насчитали 14,261 жилище, имѣвшее только по одной комнатѣ съ печью; на комнату приходилось отъ 6 до 20 жильцовъ. Число людей, нанимавшихъ мѣсто для ночлега, составляло 43,316; въ 1864 году оно возросло до 46.808. Жилищныя условія значительно ухудшились въ 70-хъ годахъ; въ послѣднее десятилѣтіе XIX-го вѣка они стали немного лучше, однако, были еще крайне неудовлетворительны. 194.274 души жили при такихъ условіяхъ, что на 1 комнату съ печью приходилось 4 жильца. До 79.000 людей жили ночлежниками. Въ общемъ, каждому извѣстно, въ какой обстановкѣ живутъ ночлежники; однако, нелишне освѣтить ихъ положеніе при помощи спеціальнаго изслѣдованія, которое было недавно произведено въ Мюнхенѣ [69]). Оказывается, что на 1 ночлежника приходится въ среднемъ 15—20 кубическомъ метровъ воздуха. Только особенно хорошо поставленные работники могутъ допустить себѣ такую роскошь, какъ наемъ отдѣльной каморки; обыкновенно въ одной комнатѣ живутъ 2—3 и больше. Освѣщеніе сплошь и рядомъ недостаточно: комнаты, сдаваемыя ночлежникамъ, часто не имѣютъ оконъ. Онѣ содержатъ только самое необходимое: кровать, столъ, стулъ, изрѣдка, комодъ; часто нѣтъ ни шкапа, ни даже умывальника. Стѣны комнатъ, сдаваемыхъ ночлежникамъ, обыкновенно голы, безъ малѣйшихъ украшеній; это дѣлаетъ помѣщенія невыносимыми для жильцовъ и каждый вечеръ гонитъ ихъ въ кабакъ. Недостатокъ опрятности—вотъ самое больное мѣсто комнатъ, сдаваемыхъ ночлежникамъ. Отовсюду доносятся жалобы на крайнюю нечистоту половъ, стѣнъ, постельнаго бѣлья. «Грязь въ помѣщеніяхъ, отдаваемыхъ внаймы ночлежникамъ, часто достигаетъ невѣроятной степени. Нерѣдко сообщаютъ о случаяхъ, когда постельное бѣлье склеивается отъ грязи... Подчасъ и стѣны поражаютъ нечистотой [69])». И такое-то помѣщеніе стоитъ въ годъ не менѣе 100 — 150 марокъ, поглощаетъ отъ $^1/_{10}$ до $^1/_6$ дохода работника. Что было наблюдено въ Мюнхенѣ при изслѣдо-

ваніи жилищъ рабочихъ, то встрѣчается во всѣхъ большихъ городахъ Германіи. Стало общимъ мѣстомъ, насколько обычай держать ночлежниковъ способствуетъ внѣдренію разврата въ семьи рабочихъ классовъ.

Къ сообщеннымъ цифрамъ можно было бы присовокупить и очень много другихъ. Посмотримъ же, каковы расходы семей рабочихъ классовъ и какъ удовлетворяются ихъ наиболѣе существенныя потребности. Въ книгѣ Гиршберга собраны для Берлина бюджеты семей рабочихъ. Всѣ эти семьи имѣютъ довольно большой доходъ, не менѣе 1200 марокъ, иныя—до 2000 марокъ. Остановимся на группахъ расходовъ, и мы увидимъ, насколько даже эти семьи лишены того, что принято называть скромными удобствами жизни. Передъ нами семья каменьщика, состоящая изъ 5 душъ. При общей суммѣ расходовъ въ 1640 марокъ за 1896 годъ, она могла затратить на квартиру съ отопленіемъ только 338 марокъ, а на одежду, обувь и бѣлье только 180 марокъ. И эти скудные расходы не позволили ей обойтись безъ дефицита, превысившаго 150 марокъ Другая семья изъ 5 душъ—рѣзчика по дереву---издержала за 1896 годъ 1403 марки, при чемъ на квартиру съ отопленіемъ могло быть удѣлено 325 марокъ, а на одежду — 75. Расходы на мебель, книги, газеты, встрѣчаются въ бюджетѣ только очень немногихъ семей. Отъ 45 до 60% всѣхъ расходовъ идетъ на пищу. Хотя расходъ на пищу составляетъ въ изслѣдованныхъ семьяхъ не менѣе 500—700 марокъ въ годъ, однако, скудное питаніе есть всеобщій фактъ, даже для семей, наиболѣе обезпеченныхъ. Такъ, одна семья, расходующая на пищу около 600 марокъ, при 4 членахъ затрачиваетъ на мясо только 50 пфениговъ въ день. Столь же незначителенъ расходъ на сахаръ, который, вмѣстѣ съ солью, пряностями, взялъ у семьи за годъ 14 марокъ 60 пфениг. Расходъ на молоко только немногимъ превышалъ 50 марокъ. Мы взяли намѣренно семьи рабочихъ классовъ, поставленныя особенно благопріятно; оказывается что ихъ питаніе недостаточно. Прокормленіе германскаго солдата стоитъ 195 марокъ въ годъ. Но такой расходъ держитъ его впроголодь; солдатъ дѣлаетъ на пищу еще добавочныя затраты изъ тѣхъ денегъ, которыя присылаютъ ему родные. Приравняемъ потребность въ пищѣ для семьи работника изъ 5 душъ потребности 3 солдатъ, и мы получимъ 585 марокъ въ годъ для расхода на пищу. Это составляетъ приблизительно ту сумму, которую и затрачиваютъ рабочіе высшихъ разрядовъ. Но, дѣлая такой расходъ, они имѣютъ пищу гораздо хуже, чѣмъ солдаты; съѣстные припасы и топливо покупаются для войска въ огромныхъ количествахъ и по самой низкой цѣнѣ, тогда какъ работникъ пріобрѣтаетъ ихъ у розничныхъ торговцевъ по мелочамъ и платитъ очень дорого.

Жизнь рабочихъ семей въ небольшихъ городахъ даетъ гораздо болѣе печальную картину. Мы вычитываемъ изъ бюджета семьи германскихъ кустарей, что мясо и сало потребляются только по воскресеньямъ, семья покупаетъ только снятое молоко, имѣетъ въ недѣлю только $2^1/_2$ ф. мяса, печетъ черный хлѣбъ изъ муки второго сорта и т. п. И въ то же время изъ 6 душъ семьи кормильцами служатъ трое: отецъ и 2 подростка [70]).

Не нужно большой проницательности, дабы угадать, велика ли при такихъ условіяхъ смертность среди рабочихъ классовъ. Сравнимъ кварталы одного и того же города, и изъ высоты смертности мы безошибочно сдѣлаемъ выводъ, каково благосостояніе жителей даннаго квартала. Для 1890—91 годовъ Берлинъ даетъ такую смертность: въ сѣверной части, Веддингѣ, населенной почти исключительно рабочими, она составляла по участкамъ отъ 32, 37 до 47, 96 на 1000 жителей, а въ улицахъ, населенныхъ богатыми классами (у Зоологическаго сада, подъ Липами и

пр.) отъ 8, 30 до 9, 46. Прямое соотношеніе между смертностью и зажиточностью населенія видно изъ того, что въ сѣверной части Берлина государственные налоги составляли 2,36—3,82 марки на 1 жителя, а въ центральныхъ улицахъ, съ малою смертностью, отъ 24,02 до 110,55 марокъ [71]).

Вотъ страничка изъ хроники быта рабочихъ. Мы знаемъ, что семьи богатыхъ классовъ окружены всѣми удобствами и роскошью, которыя въ такомъ изобиліи доставляетъ утонченная цивилизація нашего времени; мы знаемъ, что ежегодно въ каждомъ большомъ и даже среднемъ городѣ Европы воздвигаются новые дома богачей, старающихся оставить за собой все, что было ранѣе достигнуто строительнымъ искусствомъ. Каждый день газеты развлекаютъ насъ разсказами то о пирахъ, которые задали такіе-то богачи, то о свадьбахъ и балахъ, обставленныхъ съ необыкновенной роскошью, то объ отдѣлкѣ спальнаго вагона для такого-то милліонера, то о морскихъ яхтахъ, заказанныхъ для людей, любящихъ водный спортъ. Вошло въ общее сознаніе, что жизнь богатыхъ классовъ становится годъ отъ года все болѣе удобною и роскошною. А есть и вѣское доказательство, позволяющее провѣрить мнѣніе, которое установилось по этому предмету: данныя финансовой статистики говорятъ, что въ любой странѣ число милліонеровъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ: за 1896—97 годы въ Германіи насчитали 5212 милліонеровъ, а за 1897—98—5440.

Все это даетъ основаніе предполагать, что если альтруистическое чувство такъ могущественно, какъ увѣряютъ насъ оптимисты, то оно должно бы ярко выразиться въ стремленіи измѣнить къ лучшему матеріальный бытъ бѣднѣйшихъ классовъ. А во всей этой области нельзя найти болѣе благодарную задачу, чѣмъ доставленіе малообезпеченнымъ людямъ возможности имѣть довольно удобное жилище. Стоитъ внѣ спора, что благоустроенныя жилища не только прямо способствуютъ уменьшенію смертности и болѣзненности населенія, но и косвенно могутъ увеличивать средства для самыхъ важныхъ потребностей: чѣмъ лучше жилище, тѣмъ охотнѣе остается дома его обитатель, тѣмъ рѣже посѣщаетъ онъ кабакъ, тѣмъ меньше урываетъ онъ на вино изъ своихъ скудныхъ доходовъ.

Стало общимъ мѣстомъ, что англійская благотворительность дѣлаетъ очень много для удовлетворенія потребности бѣдныхъ классовъ въ жилищѣ. Упомянемъ же о лондонскихъ предпріятіяхъ этого рода; одни изъ нихъ дѣйствуютъ на началахъ филантропіи; другія служатъ для акціонеровъ источникомъ дохода въ 4, 5, 6%. Къ старѣйшимъ принадлежитъ Improved Industrial Dwellings Company, основанная въ 1863 году съ капиталомъ въ 500.000 фунтовъ. Оно приноситъ акціонерамъ 5% дохода. Въ началѣ 90-хъ годовъ въ домахъ этого общества жило 30.000 душъ, которыя затрачивали на жилище 17% своего заработка. Въ 1867 году было основано другое общество, также приносящее акціонерамъ 5%: Artisans, Laborers and General Dwellings Company. Въ началѣ 90-хъ годовъ капиталъ, помѣщенный этимъ обществомъ въ дома, преимущественно маленькіе, достигалъ 2 милліоновъ фунтовъ; населеніе этихъ домовъ составляло около 30.000 душъ. Третьимъ, также коммерческимъ предпріятіемъ, доставляющимъ не менѣе $4^1/_2$% дохода, является Metropolitan Association for Improving the Dwellings of the industrious classes. Къ началу 90-хъ годовъ это общество вложило въ домостроительство 200.000 фунтовъ и устроило 1412 квартиръ съ населеніемъ въ 6500 душъ. На ряду съ этими, крупными торговыми предпріятіями, есть нѣсколько менѣе значительныхъ. Общество подъ именемъ Four per Cent Industrial Dwellings Company вложило въ дѣло 80.000 фунтовъ; въ 1893 году, когда оно получило не 4,

а чистыхъ 6¼%, оно имѣло 1200 жильцовъ. East End Dwellings Company было учреждено въ 1891 году съ капиталомъ въ 100.000 фунтовъ; чрезъ нѣсколько лѣтъ оно имѣло 1000 жильцовъ. Въ 1893 году была образована Tenement Dwellings Company съ капиталомъ въ 20.000 фунтовъ. Къ названнымъ предпріятіямъ, которыя не имѣютъ съ благотворительностью ничего общаго, примыкаютъ и чисто благотворительныя учрежденія. Таковы жилища устроенныя на фондъ въ 500.000 фунтовъ, которые пожертвовалъ Пибоди. Даръ Пибоди поступалъ частями, начиная отъ 1862 года; всѣ доходы отъ жилищъ идутъ на увеличеніе этого фонда. Въ началѣ 1894 года въ домахъ Пибоди было 20.000 жителей. Лордъ Iveagh пожертвовалъ Лондону съ такою же цѣлью 200.000 фунтовъ. Въ началѣ 1894 года въ домахъ, устроенныхъ на эти средства, жило 3245 душъ.

Изслѣдованіе этихъ жилищъ показываетъ, что они отвѣчаютъ на требованія гигіены: рождаемость въ нихъ высока, смертность незначительна. Но многіе ли изъ бѣдныхъ классовъ Лондона могутъ пользоваться этими домами? За 30 лѣтъ—отъ начала 60-хъ до начала 90-хъ годовъ—тамъ могло быть устроено всего 92,000 душъ; и изъ этого числа только ¼, 23.245 обязаны благотворительности возможностью занимать удовлетворительное жилище. Значитъ, общее число такихъ счастливцевъ не составляетъ и 9% людей, которые населяютъ отвратительныя трущобы Лондона.

Присмотримся къ тому, что сдѣлано въ Берлинѣ для улучшенія жилищъ бѣдныхъ классовъ, и мы будемъ поражены незначительностью достигнутыхъ результатовъ. Старѣйшее берлинское строительное общество было учреждено въ 1848 году. Почти за полвѣка, до конца 1895 года, оно устроило только 580 жилищъ, въ которыхъ и помѣщалось 1906 человѣкъ. Почти половина жилищъ имѣла по одной комнатѣ. Въ 1889 году возникло другое общество, со спеціальной цѣлью улучшать маленькія жилища; оно купило нѣсколько домовъ; въ концѣ 1895 года въ нихъ жили 956 человѣкъ. Однако, оказывается, что и наемная плата была высока, и квартиры переполнены. Нужно пріобщить къ этому нѣсколько строительныхъ артелей, членами которыхъ являются преимущественно рабочіе съ довольно высокой платой, а частью и люди средняго класса. Благодаря дѣятельности строительныхъ артелей, нѣсколько тысячъ человѣкъ могли обезпечить себя лучшимъ жилищемъ. Но эти союзы не имѣютъ ничего общаго съ благотворительностью: самопомощь служитъ въ нихъ созидающимъ началомъ. А два акціонерныя строительныя общества, которыя ближайшимъ образомъ занимаютъ насъ, дали ничтожные результаты. Добрыхъ полмилліона берлинскаго населенія не имѣетъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ жилищъ, а частная предпріимчивость устроила за много лѣтъ не болѣе 3000 человѣкъ, да и изъ нихъ многіе устроены неудовлетворительно. Незначительность сдѣланнаго обнаруживается въ особенно яркомъ свѣтѣ, если припомнимъ, что нужно очень слабое напряженіе альтруистическаго чувства для участія въ акціонерныхъ строительныхъ обществахъ: эти общества вовсе не требуютъ отъ акціонеровъ безвозмездной затраты денежныхъ средствъ; они требуютъ только, чтобы акціонеры довольствовались 4% на капиталъ. И при такихъ-то условіяхъ огромное большинство капиталистовъ не хотятъ вкладывать даже небольшую часть своихъ средствъ въ это общеполезное дѣло: они твердо помнятъ, что есть предпріятія, гдѣ капиталъ даетъ десятки процентовъ въ годъ, и направляютъ туда всѣ свои денежныя средства. «Если обозрѣть, говоритъ Гиршбергъ, приведенныя здѣсь общеполезныя учрежденія, которыя имѣютъ цѣлью улучшить жилищную обстановку, то бросается прежде всего въ глаза незначительное ихъ распространеніе для такого большого города, гдѣ квартирный вопросъ цѣлые полвѣка стоитъ на очереди [72])».

Эти факты даютъ намъ вѣрное мѣрило, дабы судить, сильно-ли альтруистическое чувство въ богатыхъ людяхъ, напрягаютъ ли они его, чтобы измѣнить къ лучшему матеріальную обстановку бѣднѣйшихъ классовъ.

Повидимому, все сказанное неприложимо къ Новому Свѣту: тамъ положеніе рабочихъ классовъ гораздо лучше, чѣмъ въ Европѣ. Если же напомнить, что американскіе богачи дѣлаютъ милліонныя пожертвованія на разныя общеполезныя цѣли, то получимъ склонность говорить о широкомъ развитіи альтруистическаго чувства въ этой странѣ.

По даннымъ, которыя собраны въ обширномъ трудѣ Левассера [73]), средняя годовая плата американскаго работника составляла въ концѣ 19 столѣтія 484 доллара для Соединенныхъ Штатовъ. Лишь въ немногихъ штатахъ она не превосходила 350 долларовъ (низшій уровень въ Сѣверной Каролинѣ: 211 долларовъ); въ среднихъ же и западныхъ штатахъ она была выше 600 и 700 (высшій уровень въ Ійомингѣ — 768). Такая плата достаточна, чтобы обезпечить семьѣ американскаго работника гораздо больше жизненныхъ удобствъ, нежели то извѣстно рабочимъ классамъ Европы. Жилище имѣетъ обыкновенно 3—4 комнаты. Изслѣдованіе Бостона, произведенное въ 1891 году, показало, что изъ 71,665 квартиръ только 6748 имѣли 1 и 2 комнаты, остальныя же — 3 комнаты и болѣе. Довольно многіе работники живутъ въ собственныхъ домахъ; мѣстами они составляютъ отъ 20 до 25% общаго числа. Расходы на пищу значительны, и пища по разнообразію и количеству мяса, молока, яицъ, сахару вполнѣ удовлетворительна. Въ этомъ отношеніи американскій рабочій превосходитъ не только работниковъ материка Европы, но и англичанина. То же слѣдуетъ сказать объ одеждѣ, на которую многія семьи затрачиваютъ ежегодно 80—100 долларовъ и болѣе. Наконецъ, въ бюджетѣ американскаго работника очень замѣтны расходы на газеты, книги, развлеченія и т. п.

Но, желая быть точнымъ, я спѣшу омрачить нарисованную картину. Всѣ большіе города Америки имѣютъ трущобы и много тысячъ трущобнаго люда: въ Чикаго таковаго насчитывается 162,000 душъ, въ Нью-Іоркѣ—360,000. А жизнь трущобнаго люда далеко отклоняется отъ среднихъ условій быта. Въ 1893 году число арестованныхъ за преступленія или покушенія составляло 1 на 17 жителей для Чикаго, 1 на 14 для Балтиморы и 1 на 18 для Нью-Іорка; въ тѣхъ же частяхъ этихъ городовъ, которыя имѣютъ наибольшее число трущобъ, отношенія были: 1 на 4, 1 на 9 и 1 на 6. Мы находимъ однородныя данныя и для безграмотности. Изъ всего бѣлаго населенія неграмотны: 7,69% въ Нью-Іоркѣ и 4,97% въ Филадельфіи, тогда какъ въ кварталахъ съ многочисленнымъ трущобнымъ населеніемъ число неграмотныхъ поднимается до 46,65% и 37,07% [74]).

Однако, эти отрицательныя явленія, въ общемъ, мало измѣняютъ картину благосостоянія американскихъ работниковъ. Параллельно съ нимъ наблюдается и другое: огромныя пожертвованія, которыя дѣлаютъ американцы на общеполезныя цѣли. Трудно отыскать сторону матеріальной или духовной жизни бѣднѣйшихъ классовъ, на которую не жертвовались бы милліоны—отъ колыбельныхъ и дѣтскихъ садовъ до университетовъ и отъ рабочихъ жилищъ и городскихъ садовъ до театровъ и музеевъ.

Эти два ряда фактовъ должны получить, повидимому, такое истолкованіе: альтруизмъ американцевъ, во-первыхъ, облегчаетъ пролетаріату достиженіе сравнительно благопріятныхъ условій жизни и, во-вторыхъ, дѣйствуетъ непрерывно и напряженно вездѣ, гдѣ нужно устранить бѣдствія и пополнить пробѣлы, обнаруживающіеся въ бытѣ бѣднѣйшихъ классовъ.

Такое толкованіе рѣшительно не соотвѣтствовало бы существу дѣла. Намъ и на умъ не приходитъ утверждать, чтобы американскій землевладѣлецъ или американскій капиталистъ былъ болѣе себялюбивъ и черствъ, чѣмъ европейскій. Но съ его стороны не нужно человѣчности, дабы американскій работникъ создалъ себѣ гораздо болѣе благопріятныя условія, чѣмъ обстановка европейскихъ рабочихъ классовъ. Въ Америкѣ соединились для совмѣстнаго могущественнаго дѣйствія всѣ причины, которыя благопріятствуютъ быстрому движенію людей впередъ. Обширныя пространства съ огромнымъ, неисчерпаемымъ запасомъ естественныхъ богатствъ издавна заселяются лучшими людьми европейской культуры. Эти люди, образуя на родинѣ оппозиціонные элементы, закаляли волю борьбой и шли въ Новый Свѣтъ, чтобы сбросить съ себя бремя вѣковыхъ преданій и предразсудковъ, которые тяготѣютъ надъ европейскимъ обществомъ и замедляютъ его движеніе впередъ. Соединенные Штаты не имѣютъ сильныхъ сосѣдей: это дало имъ возможность жить изъ поколѣнія въ поколѣніе съ ничтожными затратами на войско и военный флотъ. Вотъ первоначальные факты, которые послужили основаніемъ для американскихъ демократическихъ учрежденій и величія молодой республики. Отдѣльныя богатыя и вліятельныя общественныя группы охотно способствовали бы ослабленію демократическихъ началъ и замѣнѣ ихъ олигархическими; но непрерывный потокъ переселенцевъ изъ Европы служилъ для того неодолимой преградой. Сотни тысячъ эмигрантовъ, ежегодно прибывавшіе изъ Европы въ Соединенные Штаты, приносили съ собою не только отличныя рабочія руки, но и ненависть къ вѣковому европейскому гнету и готовность бороться со всѣмъ, что напоминало этотъ гнетъ. Такимъ образомъ, Сѣверной Америкѣ была обезпечена прочность демократическаго строя. Итакъ, огромныя естественныя богатства служили главнымъ залогомъ успѣшности труда: вмѣстѣ съ быстрымъ усовершенствованіемъ техники они обезпечивали высокое вознагражденіе работника; а широкая гражданская свобода помогла пролетаріату сохранить однажды занятое общественное положеніе и выработать болѣе высокій типъ, нежели въ странахъ старой культуры.

Американскій работникъ обязанъ внѣшней природѣ и своему характеру выгодами своего положенія. Если же, однако, сравнить его бытъ съ положеніемъ богатыхъ классовъ Америки, то обнаружится не меньшая разница, чѣмъ въ Европѣ. Заработная плата въ Соединенныхъ Штатахъ, по крайней мѣрѣ, въ $2^1/_2$ раза выше, чѣмъ въ Германіи. Но и крупныя состоянія американцевъ считаются не милліонами, какъ въ Европѣ, а десятками и сотнями милліоновъ. Тѣмъ, кто былъ бы склоненъ восхвалять альтруизмъ американскихъ богачей вслѣдствіе ихъ крупныхъ пожертвованій на общественныя цѣли, я возразилъ бы, что эти пожертвованія составляютъ только небольшую частицу состоянія американскихъ милліонеровъ; роскошь ихъ дворцовъ, великолѣпіе ихъ пировъ, блескъ ихъ празднествъ обнаруживаютъ такое страстное желаніе показать себя, столь непомѣрное тщеславіе, что передъ ними совершенно стушевываются альтруистическія чувства. Было бы основаніе говорить о большомъ запасѣ дружелюбія въ богачахъ Америки, если бы готовность жертвовать большія средства на общественныя цѣли совмѣщалась у нихъ съ извѣстной простотой жизни, скромностью. Именно этого мы и не видимъ. О тѣхъ же самыхъ богачахъ, которые дѣлаютъ значительныя пожертвованія на общественные сады, театры, училища, дома для бѣдныхъ, мы узнаемъ, что они дарятъ своимъ дѣтямъ и внукамъ, при самомъ ихъ рожденіи, золотыя цѣпочки съ рѣдкими по крупности брилліантами, кружевныя пеленки, которыя стоятъ сотенъ тысячъ, колыбели и колясочки изъ чистаго

золота, запасъ платьевъ, который образуетъ по цѣнности цѣлое состояніе; мы узнаемъ, что они окружаютъ младенцевъ цѣлымъ штатомъ служащихъ и принимаютъ мѣры, чтобы ихъ отпрыски не дѣлали товарищами своихъ дѣтскихъ игръ подростковъ, которые принадлежатъ къ среднимъ, тѣмъ болѣе бѣднымъ классамъ [75]). Всѣ эти факты даютъ право сказать, что пожертвованія, абсолютно обильныя, образуя только небольшую часть состоянія богачей, имѣютъ своимъ источникомъ также тщеславіе. Почему, въ самомъ дѣлѣ, человѣку, которому некуда дѣвать деньги, не заняться благотворительнымъ спортомъ, не истратить въ пользу бѣдныхъ нѣсколько милліоновъ!

IV.

Альтруизмъ дѣлаетъ очень мало для устраненія матеріальной нужды. Но, можетъ быть, въ другихъ областяхъ онъ горитъ болѣе яркимъ свѣтомъ?

Дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, насколько онъ заявляетъ о себѣ въ сферѣ народнаго просвѣщенія. За послѣднія десятилѣтія народная школа сдѣлала повсюду значительные успѣхи. Они были обязаны, главнымъ образомъ, тому, что демократическія начала стали проникать въ законодательство отдѣльныхъ странъ. Бѣднѣйшіе классы, ясно сознавая свои интересы, стали требовать для всѣхъ доступа къ широкому образованію, а государство, даже въ лицѣ господствующихъ слоевъ, поняло, что, при условіяхъ современной жизни, знаніе грамоты необходимо. Такимъ образомъ, главное, что было сдѣлано въ этой области, не было дѣломъ альтруизма. А между тѣмъ чувству дружелюбія трудно найдти задачу болѣе достойную, чѣмъ пріобщеніе бѣднѣйшихъ классовъ къ грамотности и знанію, ибо эти условія необходимы, какъ средства, которыя пролагаютъ людямъ путь къ истинно человѣческой жизни. Эти задачи столь важны, столь жизненны, что, будь альтруизмъ первостепенной общественной силой, народное образованіе не представляло бы такихъ пробѣловъ, какіе обнаруживаются даже у наиболѣе передовыхъ народовъ. Германская народная школа пользуется большою славой. А между тѣмъ и здѣсь, внѣ большихъ городовъ, она часто даетъ своимъ питомцамъ столь скудный запасъ знаній и столь мало способовъ увеличивать ихъ, что къ зрѣлому возрасту у человѣка сохраняются только жалкіе остатки того, что онъ пріобрѣлъ въ народной школѣ. Во Франціи неграмотны не менѣе 50% населенія; а изъ грамотныхъ очень большая часть (это не поддается учету) могутъ быть признаны таковыми только при слишкомъ снисходительномъ отношеніи къ дѣлу. Въ Бельгіи положеніе еще хуже; по даннымъ 1900 года, изъ жителей старше 15 лѣтъ 22,1% не умѣли читать и писать. Среди новобранцевъ 1896 года 9% были совсѣмъ неграмотны. Въ изстари богатой Голландіи, гдѣ, какъ и въ другихъ странахъ, протестантизмъ способствуетъ распространенію грамотности, въ началѣ 1903 года 5,37% дѣтей отъ 7 до 13 лѣтъ не получали начальнаго образованія. И въ Англіи насчитывается не менѣе 10% неграмотныхъ. Наконецъ, въ этомъ отношеніи и Соединенные Штаты останавливаютъ на себѣ вниманіе. Пожертвованія на народное образованіе очень велики; жизнь выработала разнообразные типы учебныхъ заведеній; демократическій строй способствуетъ тому, что считаютъ грамотность и пріобрѣтеніе знаній дѣломъ первой важности. А между тѣмъ, по переписи 1900 года, изъ людей старше 10 лѣтъ, въ цвѣтномъ населеніи было 44,5% неграмотныхъ, среди бѣлыхъ, прибывшихъ въ страну, 12,9% и среди туземныхъ бѣлыхъ—4,6%. Можно объяснять высокій процентъ неграмотныхъ негровъ тѣмъ, что сами они еще не вышли изъ полудикаго состоянія, не могутъ обезпечить себя школами, а американскіе богачи, упорные въ своихъ расовыхъ пред-

разсудкахъ, не хотятъ сдѣлать что-нибудь для просвѣщенія негровъ. Можно говорить, что неграмотность бѣлыхъ, вселившихся въ Соединенные Штаты, ложится укоромъ на покинутую ими родину. Но нельзя объяснить иначе, какъ недостаточнымъ альтруизмомъ, тотъ фактъ, что часть коренныхъ американскихъ гражданъ остаются неграмотными, тогда какъ страна обладаетъ огромными матеріальными средствами.

Если бы мы захотѣли прослѣдить, насколько начала альтруизма сказываются въ законодательствѣ культурныхъ странъ, то были бы разочарованы. Мысль останавливается прежде всего на уголовныхъ законахъ. Новѣйшіе криминалисты ссылаются на частое примѣненіе пытокъ и мучительныхъ казней въ доброе старое время и высокопарно говорятъ о мягкости современныхъ наказаній; однако, здѣсь дѣло обстояло бы со всѣмъ иначе, если бы альтруизмъ былъ могучей общественной силой. Прежде всего бросается въ глаза жестокость наказаній, еще удержанныхъ уголовными законами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ большинствѣ государствъ самыя тяжкія преступленія караются смертной казнью. Каторжныя работы, занимающія ступень, которая непосредственно слѣдуетъ за смертной казнью, могутъ быть съ полнымъ правомъ приравнены пыткамъ. Пытки, въ которыхъ наши предки изощрили свою изобрѣтательность, причиняли такія физическія страданія, какія не причиняются каторжными работами. Приравнивая же однѣ другимъ, я имѣю въ виду то, что пытки длились не много дней, каторжныя же работы длятся всю жизнь или много лѣтъ; а 200—300 лѣтъ тому назадъ люди отличались гораздо большею выносливостью, нежели теперь, и принудительныя работы въ теченіе многихъ лѣтъ, сопровождаемыя тѣлесными наказаніями за самые невинные проступки, причиняютъ осужденнымъ очень тяжелыя страданія. Даже меньшія кары отличаются жестокостью, которая обнаруживаетъ полное отсутствіе жалости къ преступнику: таковы разные виды тюремнаго заключенія. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, хороши ли помѣщенія тюремъ или дурны, есть ли въ нихъ столько воздуха, сколько предписывается гигіеной или нѣтъ, кормятъ ли заключенныхъ такъ, чтобы правильно поддерживалось ихъ питаніе, или ихъ пища неудовлетворительна. Допустимъ, что въ этихъ отношеніяхъ тюрьмы не заслуживаютъ упрека. Но нужно отнестись съ рѣзкимъ упрекомъ къ самой идеѣ этого наказанія. Одиночное заключеніе—вѣнецъ современнаго тюрьмовѣдѣнія—дѣйствуетъ убійственно на осужденныхъ. Люди, которые любятъ одиночество, или, по крайней мѣрѣ, легко переносятъ его, являются очень рѣдкимъ исключеніемъ. Почти для всѣхъ это наказаніе служитъ вѣрнымъ средствомъ прійти въ состояніе полнаго ослабленія физическихъ и духовныхъ силъ. Но очень тяжко и общее тюремное заключеніе: человѣкъ, едва соскользнувшій со средней обычной дороги, приводится въ тѣсную связь съ людьми, для которыхъ преступленія стали обычнымъ занятіемъ; юноша, едва впавшій въ заблужденіе,—съ людьми зрѣлыми, закоренѣвшими въ порокахъ. Общее тюремное заключеніе, не содержа элементовъ такого губительнаго вліянія, какъ одиночное, тяжело потому, что нерѣдко разрываетъ на долгое время связь осужденнаго съ людьми, родными, друзьями, которые были ему дороги, съ которыми онъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ, которые, быть можетъ, имѣли и впредь могли имѣть на него хорошее вліяніе. Говоря о вліяніи тюрьмы на свѣжаго человѣка, невольно припоминаешь характеристику, которую, при всей своей снисходительности къ людямъ, Достоевскій даетъ тюремному населенію. «Весь этотъ народъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями неистощимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ,—былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ.

Способность ничему не удивляться была величайшею добродѣтелью. Всѣ были помѣшаны на томъ: какъ нужно держать себя... Вообще, тщеславіе, наружность были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были безпрерывныя: это былъ адъ, тьма кромѣшная... Общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго, собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно, въ самомъ дѣлѣ, званіе каторжнаго, рѣшеная, составляло какой-нибудь чинъ, да еще и почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія!.. А какіе они были всѣ мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство было возведено у нихъ въ науку... Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался; если и не былъ прежде развращенъ, то въ каторгѣ развращался» [76]). Тяжесть тюремнаго заключенія для всѣхъ чуткихъ людей усугубляется еще тѣмъ, что всегда, когда осужденный встрѣчается съ тюремнымъ начальствомъ, на работѣ или въ часы досуга, днемъ или ночью, въ общей камерѣ, въ больницѣ или церкви, начальство смотритъ на него такъ, какъ звѣрь смотритъ на свою добычу.

Тамъ же Достоевскій ярко изобразилъ душевный складъ, который постепенно развивается въ тюремномъ начальствѣ подъ вліяніемъ тюремной жизни. «Есть люди, какъ тигры, жаждущіе лизнуть крови. Кто испыталъ разъ эту власть, это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ такого же какъ самъ человѣка... кто испыталъ власть и полную возможность унизить самымъ высочайшимъ униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ Божій, тотъ уже поневолѣ какъ-то дѣлается невластенъ въ своихъ ощущеніяхъ. Тиранство есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно развивается, наконецъ, въ болѣзнь. Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, сладки самыя ненормальныя явленія... Свойства палача въ зародышѣ находятся почти въ каждомъ современномъ человѣкѣ. Но не равно развиваются звѣриныя свойства человѣка... Бываютъ примѣры до крайности странные: я зналъ людей даже добрыхъ, даже честныхъ, даже уважаемыхъ въ обществѣ, а между тѣмъ они, напримѣръ, не могли хладнокровно перенести, если наказуемый не кричитъ подъ розгами, не молитъ и не проситъ о пощадѣ. Разъ жертва не молитъ о пощадѣ, то исполнители, даже добродушные, увеличиваютъ наказаніе» [77]). Человѣчныя отношенія являются большою рѣдкостью; да и странно было бы требовать, чтобы, при маломъ развитіи человѣчности въ современномъ обществѣ, именно тюремщики составляли исключеніе.

Уголовному праву нашего времени нужно сдѣлать и болѣе тяжелый упрекъ,—тотъ, что оно слишкомъ далеко расширяетъ понятіе о виновности. Научная мысль уже нѣсколько поколѣній ставитъ на видъ, что преступникъ—продуктъ среды, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ преступникъ не представляетъ изъ себя вмѣстилища пороковъ. Истинная наука доказала, что человѣкъ совершаетъ преступленія всего чаще вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя встрѣтились именно на его дорогѣ и столкнули его съ пути законности, тогда какъ многіе его сограждане, по существу нисколько не лучшіе, чѣмъ онъ, не стали преступными лишь потому, что ихъ миновали эти неблагопріятныя условія. Еще можно допустить, что уголовный законъ, не забывая, что преступникъ вообще—продуктъ среды, караетъ его. Но ложится тяжелымъ упрекомъ на культурное общество, что оно караетъ и признаетъ лишь смяг-

чающія обстоятельства даже для тѣхъ—а таковые составляютъ огромное большинство осужденныхъ—которые совершили преступленіе вслѣдствіе спеціально неблагопріятныхъ условій своей жизни. Хроника преступленій противъ имущества и судебныхъ приговоровъ особенно ясно выдаетъ недостатокъ альтруизма въ современномъ обществѣ. Что большая часть этихъ преступленій совершается подъ вліяніемъ нужды—объ этомъ не можетъ быть спора. Безчисленныя статистическія изысканія, охватывающія всѣ страны, гдѣ статистика получила право гражданства, доказываютъ, что съ повышеніемъ цѣнъ хлѣба число преступленій противъ имущества возрастаетъ. Извѣстно, что эти преступленія особенно многочисленны въ кварталахъ городовъ, населенныхъ бѣдными. Отсюда можетъ быть сдѣланъ только одинъ выводъ,—что многія изъ этихъ преступленій вовсе не должны быть наказуемы. А между тѣмъ газеты, сообщая отъ времени до времени наиболѣе интересные факты изъ хроники судовъ, передаютъ, что бѣднякъ, укравъ въ пекарнѣ хлѣбъ, былъ осужденъ за кражу и приговоренъ къ тюремному заключенію на столько-то мѣсяцевъ. И это—не отдѣльные случаи; они только особенно бьютъ въ глаза; въ дѣйствительности же они являются представителями тысячъ и тысячъ не менѣе возмутительныхъ случаевъ. Почему же эти тысячи остаются неизвѣстными большой публикѣ? Только потому, что они слишкомъ обыденны и что репортеры газетъ находятъ много другого, чѣмъ можно лучше забавить читателей. Каждый подобный случай осужденія вызываетъ въ чуткихъ людяхъ сложное чувство: это чувство содержитъ упрекъ законодателю, что онъ не отмѣнилъ законовъ, которые допускаютъ осужденіе людей, силою обстоятельствъ ставшихъ преступниками; это чувство содержитъ упрекъ и судьѣ, что онъ ограничился признаніемъ смягчающихъ обстоятельствъ и не дошелъ до полнаго оправданія обвиняемаго; наконецъ, здѣсь есть упрекъ и всему обществу, что милліоны и милліоны его членовъ, при безстрастномъ созерцаніи остальныхъ, вынуждены на преступленія. Но всѣ эти упреки могутъ быть обобщены въ одинъ укоръ,—что чувство альтруизма очень слабо въ людяхъ, что оно стоитъ далеко позади личнаго интереса. Будь люди глубже проникнуты дружелюбіемъ, то было бы невозможно стеченіе тысячъ и тысячъ зрителей на мѣста совершенія смертной казни. Эти зрѣлища, столь знакомыя большимъ городамъ и неразъ изображенныя перомъ первоклассныхъ писателей, вызываютъ въ свидѣтеляхъ не чувство скорби, не мучительную тоску, что такія картины еще возможны, а лишь одно любопытство: провести ночь за ѣдой и виномъ, скоротать время въ двусмысленныхъ шуткахъ, празднословіи, полюбоваться на зарѣ, какъ послѣднія судороги исказятъ лицо казненнаго, и передать впечатлѣніе добрымъ знакомымъ—вотъ настроеніе огромныхъ массъ, которыя стекаются на эти зрѣлища. Въ самомъ дѣлѣ, какая сила удерживаетъ возмутительно суровые уголовные законы? Только боязнь господствующихъ классовъ за собственный кошелекъ. Имущіе классы со страхомъ и трепетомъ блюдутъ цѣлость своего кошелька. Это чувство владѣетъ ими всецѣло. Они рукоплещутъ наказанію тѣхъ преступленій противъ имущества, которыя обнаруживаютъ злую волю виновнаго и грозятъ пострадавшему существенной опасностью; мало того, они радуются удержанію законовъ, которые караютъ каждаго посягателя на цѣлость чужого имущества, какъ бы ни была ничтожна опасность, грозящая владѣльцу отъ этого правонарушенія и какъ бы ни былъ совершившій его вынужденъ на это силою обстоятельствъ. Зола со свойственной ему проницательностью изображаетъ чувства, которыя долженъ былъ переживать Гильомъ передъ казнью Сальвата. «Гильомъ почувствовалъ, что гильотина была на своемъ мѣстѣ, въ этомъ кварталѣ нищеты и труда. Она возвышалась у себя дома, какъ завершеніе и угроза.

Развѣ не вели къ ней невѣжество, нищета и страданіе? И каждый разъ, когда ее водружали среди этихъ улицъ, населенныхъ рабочими, не была ли она предназначена на то, чтобы держать въ почтительномъ разстояніи обездоленныхъ, умирающихъ отъ голода, отчаявшихся вслѣдствіе вѣчной несправедливости и всегда готовыхъ къ возмущенію. Ее никогда не видали въ кварталахъ богатства и наслажденій, гдѣ некого было терроризовать. Тамъ она была бы чѣмъ-то ненужнымъ, грознымъ, чудовищнымъ» [78]).

Что представляетъ другой важный отдѣлъ законодательства, законы о дѣтяхъ, рожденныхъ внѣ брака? Мало измѣняясь изъ страны въ страну, эти законы служатъ доказательствомъ самаго глубокаго и возмутительнаго себялюбія господствующихъ классовъ. Дитя, рожденное внѣ закона, не имѣетъ права отыскивать отца и является паріемъ по сравненію съ другими дѣтьми того же отца, прижитыми въ бракѣ. Мать послѣднихъ, быть можетъ, вступила въ бракъ по разсчету, не ждала отъ мужа никакого чувства, хотѣла быть женою только для того, чтобы удовлетворять свою потребность въ роскоши и тѣшить свое тщеславіе. Ея дѣти всю жизнь окружены удобствами, которыя доставляетъ богатство, отъ колыбели, украшенной тончайшими кружевами, до гроба съ массивнымъ золоченымъ покровомъ. А первый, отверженный, рожденный внѣ брака, быть можетъ, отъ матери, любившей отца со всею страстностью и самоотверженностью, на которыя способна женская душа, не имѣетъ, куда преклонить голову; онъ не смѣетъ называть своего отца и долженъ считать себя счастливымъ, если отецъ, и то по суду, будетъ обязанъ выдавать ему и матери крохи отъ своихъ обильныхъ доходовъ. Новое германское гражданское уложеніе налагаетъ на мужчину обязанности относительно незаконныхъ дѣтей и женщины, съ которою они прижиты. Но требованіе закона очень скромно: обязанность отца содержать незаконныхъ дѣтей прекращается съ достиженіемъ ими 16 лѣтъ. Такимъ образомъ эти дѣти предназначаются къ простѣйшимъ занятіямъ: для всѣхъ видовъ умственнаго труда нужна подготовка, которая длится до 20 лѣтъ и дольше. Обращаясь къ отцамъ со столь умѣреннымъ требованіемъ, германскій законъ спѣшитъ утѣшить ихъ: «незаконное дитя и его отецъ не считаются родственниками»— такъ гласитъ статья 1589-ая. И къ матеріальной нуждѣ, которая обыкновенно выпадаетъ на долю людей, рожденныхъ внѣ брака, хотя бы и отъ богатыхъ отцовъ, присоединяется пренебреженіе общества. Ни таланты, ни познанія, ни высокія нравственныя качества, ни выдающіяся заслуги не могутъ смыть пятна рожденія. Стоитъ родиться въ бракѣ, хотя бы черезъ 24 часа по совершеніи обряда, и человѣкъ обладаетъ огромнымъ преимуществомъ по сравненію съ тѣмъ, кто родился внѣ брака. Такой порядокъ вещей переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; усилія лучшихъ людей, стремящихся измѣнить его, разбиваются о твердость укоренившихся обычаевъ, а господствующіе классы образуютъ мертвую среду, которая могущественно поддерживаетъ его. Почему? Потому, что такое положеніе дѣтей, рожденныхъ внѣ союза, который освященъ закономъ, оказываетъ драгоцѣнныя услуги корыстолюбію и сластолюбію законодателей, т. е. большинству мужчинъ господствующихъ классовъ. Если чувственность мужчины даже находитъ въ бракѣ полное удовлетвореніе, то корыстолюбіе, боязнь отвѣтственности нерѣдко подсказываютъ, что надо налагать на нее узду: можетъ родиться много дѣтей; общественное мнѣніе повелѣваетъ содержать и воспитывать ихъ согласно съ положеніемъ родителей. А это часто налагаетъ на отца новые труды, новыя заботы, необходимость сократить свой сладкій досугъ и лишить себя привычныхъ удобствъ жизни. Вотъ почему въ бракѣ чувственность сдерживается тѣми способами, которые дѣлаютъ физіологическую любовь явленіемъ болѣе рѣдкимъ и уменьшаютъ ея привлекательность.

Но за предѣлами брака ничто не мѣшаетъ мужчинѣ пользоваться всѣми усладами жизни: имущественная отвѣтственность ничтожна; нравственная сводится къ нулю, въ виду необременительной морали, которую установляютъ для себя мужчины господствующихъ классовъ. И, вотъ, изъ мужчинъ, чувственность которыхъ безконечно сильнѣе альтруизма, создается устойчивая среда, охраняющая тягостное и унизительное положеніе незаконнорожденныхъ во всей его неприкосновенности. Какъ же не признать, что личный интересъ дѣйствуетъ въ этой сферѣ безъ всякихъ задержекъ!

Мы получимъ такое же впечатлѣніе, если присмотримся къ положенію женщины. Накопилась огромная литература, давно доказавшая, что женщина успѣшно дѣйствуетъ въ разныхъ областяхъ. Эта литература не состоитъ только изъ разсужденій, которыя могутъ быть предметомъ спора: здѣсь выводы покоются на безчисленныхъ фактахъ. Въ простѣйшихъ отрасляхъ труда, на разнообразныхъ фабрикахъ и заводахъ, женщина работаетъ съ начала XIX столѣтія столь же успѣшно, какъ мужчина. Поднимаясь отъ этихъ работъ къ занятіямъ, которыя требуютъ гораздо большей подготовки и, частію, способностей высшаго порядка, мы видимъ, что женщины дѣйствуютъ не хуже, чѣмъ мужчины. Въ конторахъ и торговыхъ заведеніяхъ, въ аптекахъ и на телеграфахъ, въ школахъ, въ публицистикѣ, разныхъ отдѣлахъ науки и искусства женщина даетъ обществу очень много. И, не взирая на все это, ея безправіе переходитъ изъ рода въ родъ и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, находятся «люди науки», которые во всеоружіи цитатъ высокопарно говорятъ о разумности и цѣлесообразности подчиненнаго положенія женщинъ. Оставимъ въ сторонѣ ограниченность ея политическихъ правъ: она является несовершеннолѣтнею и въ сферѣ имущественныхъ и обязательственныхъ отношеній. Франція, которая сыграла такую роль въ судьбахъ человѣчества, отводитъ женщинѣ очень жалкое положеніе. Несмотря на измѣненія, которымъ за послѣднія десятилѣтія подверглось во Франціи семейственное право, господствующее положеніе мужчины и подчиненное женщины видно изъ того, что мужчина наказывается за прелюбодѣяніе только небольшой денежной пеней, тогда какъ женщина подвергается продолжительному тюремному заключенію. То же находимъ въ Бельгіи и другихъ странахъ, испытавшихъ на себѣ вліяніе французскаго права. Такъ же узки ея права въ сферѣ имущественной. Во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, женщина, вышедшая замужъ, цѣликомъ попадаетъ подъ опеку мужа. Она лишена права свободно распоряжаться своимъ имуществомъ; она не можетъ быть свидѣтельницей при совершеніи договоровъ, духовныхъ завѣщаній, нотаріальныхъ актовъ. Какъ бы ни было ничтожно имущество мужа и какъ бы ни было велико приданое, приносимое женою въ хозяйство, во Франціи и многихъ другихъ странахъ, испытавшихъ французское вліяніе, мужъ получаетъ относительно этого имущества самыя широкія права: онъ можетъ продавать его, закладывать, обременять долгами, безъ всякаго согласія на то жены. То же находимъ относительно всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ воспитаніемъ дѣтей: во всемъ этомъ отцу принадлежитъ рѣшающій голосъ. Присмотримся къ новому германскому гражданскому уложенію. Оно принесло женщинамъ нѣкоторыя выгоды; однако, и при господствѣ этого закона, составленнаго самыми выдающимися учеными юристами послѣ многолѣтняго труда, женщина на каждомъ шагу подчинена мужчинѣ. Изъ всего имущества жены только очень небольшая часть (Vorbehaltsgut) не подлежитъ управленію и распоряженію мужа. Сюда относятся прежде всего тѣ вещи, которыя предназначены для личнаго употребленія жены: одежда, украшенія, то имущество, которое жена пріобрѣла своими трудами или самостоятельнымъ веденіемъ промысла, наконецъ,

все, полученное ею по наслѣдству или, какъ даръ, если наслѣдодатель, одарившій ее, прямо высказался за то, что это имущество подлежитъ исключительно ея вѣдѣнію. Только эта часть имущества женщины не подлежитъ распоряженію ея мужа. Относительно всего остальнаго имущества (eingebrachtes Gut) права женщины существенно ограничиваются правами мужа. И приданое, и имущество, которое жена пріобрѣла въ бракѣ, разъ оно не подходитъ къ первому разряду, подлежатъ вѣдѣнію мужа. § 1395 прямо говоритъ, что этимъ «имуществомъ жена можетъ распоряжаться только съ согласія мужа». Безъ разрѣшенія жены мужъ не можетъ продать это имущество, однако, можетъ управлять и пользоваться имъ. Право пользованія, проценты и наемная плата, которые приносятъ земля и капиталы жены, поступаютъ не ей, а мужу. Земельные участки жены сдаются въ аренду мужемъ; арендные договоры пишутся на его имя. Мужъ сажаетъ однихъ арендаторовъ и прогоняетъ другихъ. Проценты и дивиденды отъ цѣнныхъ бумагъ жены становятся собственностью мужа; только выигрыши отъ лотерейныхъ займовъ пріобщаются къ имуществу жены и увеличиваютъ ея капиталъ. Если цѣнныя бумаги жены занесены въ государственную долговую книгу, то мужъ можетъ требовать, чтобы жена отмѣтила въ книгѣ его право на полученіе процентовъ. Проценты отъ гипотекъ и всѣхъ другихъ долговыхъ документовъ жены поступаютъ также мужу. Наконецъ, если жена получаетъ пожизненную или временную ренту, то право на нее принадлежитъ мужу.

Давая мужу столь обширныя полномочія, германское гражданское уложеніе создаетъ очень слабыя гарантіи для жены отъ злоупотребленій мужчины. Нельзя-же считать такой гарантіей внушеніе закона, чтобы мужъ благоразумно, порядливо управлялъ имуществомъ жены! Нельзя считать достаточной охраной интересовъ жены запрещеніе мужу закономъ продавать имущество жены безъ ея согласія: самая отчужденность жены отъ управленія имуществомъ дѣлаетъ ее совершенно несвѣдущей въ вопросахъ о томъ, какова наиболѣе выгодная форма помѣщенія капиталовъ, слѣдуетъ ли замѣнить однѣ цѣнныя бумаги другими, цѣлесообразно ли затрачивать деньги на пріобрѣтеніе городской или сельской недвижимости. Очень малымъ утѣшеніемъ для жены служитъ то положеніе закона, что мужъ, завѣдуя ея имуществомъ, долженъ покрывать расходы, которыхъ оно требуетъ, а также давать изъ доходовъ на содержаніе семьи. Однако, законъ предусматриваетъ случай, когда жена вступаетъ въ свои права и можетъ, относительно своего имущества, распоряжаться безъ согласія мужа: она получаетъ это полномочіе, когда мужъ боленъ или отсутствуетъ, а рѣчь идетъ о столь важномъ дѣлѣ, что рѣшеніе не можетъ быть отложено до выздоровленія мужа или его возвращенія. Развѣ не чудовищно и въ такихъ случаяхъ дать женѣ полномочіе относительно имущества только по самому крайнему, безотлагательному дѣлу!

Разводъ связанъ для жены съ гораздо болѣе тяжелыми послѣдствіями, чѣмъ для мужа. Разведенная жена, расторгнутъ бракъ по ея винѣ или нѣтъ, не имѣемъ никакого права на средства мужа, если въ основу ихъ матеріальныхъ отношеній не было положено общности имущества. А непризнаніе за женою права на часть имущества мужа является часто большою несправедливостью. Нерѣдки случаи, что жена работаетъ вмѣстѣ съ мужемъ надъ упроченіемъ благосостоянія семьи; нерѣдко ея личный трудъ быстро двигаетъ впередъ совмѣстно основанное промышленное или торговое предпріятіе. И вотъ, по разводѣ, совершенномъ вслѣдствіе вины мужа, за нимъ остается все имущество, а она получаетъ право только на скромное содержаніе со стороны мужа. Такой порядокъ, внесенный новымъ уложеніемъ, ставитъ женщину въ менѣе благопріятныя условія, нежели

то было ранѣе въ большинствѣ германскихъ государствъ: мужъ, по винѣ котораго былъ совершенъ разводъ, былъ обязанъ уплатить женѣ разводный штрафъ, составлявшій $^1/_6$—$^1/_4$ его имущества.

Права отца относительно дѣтей и по новому германскому уложенію шире, нежели права матери, хотя на обоихъ возлагаются заботы о содержаніи и воспитаніи дѣтей; мать должна смириться, если между нею и мужемъ возникаютъ разногласія по этимъ вопросамъ. Быть можетъ, отецъ является въ большинствѣ случаевъ лучшимъ судьей того, что и какъ должно быть сдѣлано для воспитанія и содержанія сына. И мы всего болѣе приблизимся къ дѣйствительности, если скажемъ, что мать лучше отца понимаетъ нужды дочери, ея запросы. Признаніе и здѣсь рѣшающаго голоса за отцомъ вовсе не можетъ быть оправдано. А требованіе закономъ согласія только отца на вступленіе несовершеннолѣтнихъ дѣтей въ бракъ является не нужнымъ, ничѣмъ не вызваннымъ униженіемъ жены и матери. И только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ уголовной отвѣтственности, женщина считается равною мужчинѣ. «Въ уголовноправовомъ смыслѣ она признается повсюду равноцѣнною мужчинѣ; при каждомъ преступленіи и проступкѣ къ ней прилагается такая же мѣрка, какъ къ мужчинѣ. Однако, это противорѣчіе не доходитъ до сознанія нашихъ законодателей» [75]).

Чему же приписать упорное желаніе господствующихъ классовъ удержать женщину въ этомъ подчиненномъ положеніи? Только тому, что они хотятъ сохранить за собою полноту власти, только тому, что личный интересъ говоритъ въ нихъ очень громко. Его голосъ заглушаетъ безчисленные факты прошлаго и настоящаго, которые убѣждаютъ, что женщина способна къ столь же разнообразной и плодотворной дѣятельности, какъ мужчина. Его голосъ заглушаетъ чувство дружелюбія, подсказывающее, что слѣдуетъ построить отношеніе между полами на началахъ равенства.

Какую сторону жизни мы бы ни взяли, вездѣ альтруизмъ окажется на подчиненномъ мѣстѣ, вездѣ личному разсчету, въ формѣ классоваго интереса, принадлежитъ руководящая роль. Сдѣланный нами анализъ нѣкоторыхъ общественныхъ явленій позволитъ ярче освѣтить то, что многіе писатели говорили и говорятъ о великомъ значеніи дружелюбія.

V.

Мы готовы согласиться, что въ людяхъ есть наклонность повиноваться голосу божію, но ограничиваемъ положеніе Рошера; наша готовность повиноваться проявляется только тамъ, гдѣ нужно принести очень скромныя жертвы, которыя не требуютъ ни большихъ усилій, ни большихъ матеріальныхъ затратъ. Конечно, люди вовсе не были бы противъ того, чтобы ихъ мелкія пожертвованія привели къ господству на землѣ царства божія. Но тамъ, гдѣ голосъ божій требуетъ истиннаго самоотверженія, готовности раздать бѣднымъ все имущество, тамъ средній человѣкъ рѣшительно, хотя и лицемѣрно, отказывается отъ повиновенія и предпочитаетъ, чтобы земля была мѣстомъ господства не царства божія, а царства капитала, пушекъ, штыковъ, тюремъ, каторжныхъ работъ и смертной казни. Мы соглашаемся съ родоначальникомъ германской историко-экономической школы, что общественное чувство соединяетъ частныя хозяйства въ цѣльный, хорошо расчлененный организмъ; но со стороны имущихъ и властвующихъ классовъ дѣятельность въ этомъ направленіи диктуется не чувствомъ дружелюбія, а классовымъ интересомъ, который ослабляетъ войну всѣхъ противъ всѣхъ въ смыслѣ устраненія соперничества между отдѣльными представителями этихъ классовъ, и создаетъ огромныя, тѣсно сплоченныя организаціи для успѣшнаго угнетенія народа. Образцами этого служатъ всѣ союзы и синдикаты землевладѣльцевъ, капиталистовъ, вообще, группъ имущаго класса.

Не трудно внести поправки и въ воззрѣнія Книса. Является сплошнымъ недоразумѣніемъ мысль Книса, что, будто бы, по мнѣнію Адама Смита, человѣкъ руководствуется соображеніями о личныхъ выгодахъ только на рынкѣ, въ конторѣ, при заключеніи договора съ работниками. Смитъ изслѣдовалъ экономическія явленія, а потому и говорилъ примѣнительно только къ этимъ явленіямъ о средней, общей силѣ, руководящей дѣйствіями людей. Но если бы шотландскому мыслителю предложили вопросъ, какимъ является средній человѣкъ въ другихъ жизненныхъ отношеніяхъ, то глубокое знаніе людей подсказало бы ему совсѣмъ иную оцѣнку, нежели та, которую мы находимъ у Книса. Въ отличіе отъ послѣдняго Смитъ сказалъ бы, что средній человѣкъ во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ направляетъ свою дѣятельность такъ, какъ то наиболѣе соотвѣтствуетъ его личнымъ интересамъ; Смитъ напомнилъ бы, что средній человѣкъ далекъ отъ любви къ ближнему, какая предписывается ученіемъ Христа. Смитъ разъяснилъ бы, что средній европеецъ полонъ общественнаго чувства и патріотизма лишь настолько, насколько это не приноситъ ему значительныхъ матеріальныхъ убытковъ; Смитъ истолковалъ бы, что патріотизмъ въ среднемъ прикрываетъ любовь къ отечеству ради такихъ особенностей этого отечества, которыя доставляютъ крупныя выгоды членамъ даннаго класса: такой патріотъ готовъ, напр., стоять за увеличеніе морской силы, разъ онъ увѣренъ, что морская сила, можетъ пособить ему въ расширеніи рынка сбыта для его товаровъ, а бремя расходовъ на увеличеніе военнаго флота падетъ на все населеніе, главнымъ образомъ, на бѣднѣйшіе классы. Адамъ Смитъ отрицалъ бы, что средній человѣкъ отличается справедливостью и человѣчностью въ обыденныхъ отношеніяхъ. И въ доказательство невѣрности этихъ положеній онъ сослался бы на то, что отношенія людей въ частной жизни и широкая область законодательства рѣшительно опровергаютъ взглядъ Книса, будто человѣчность господствуетъ въ общественныхъ отношеніяхъ.

Послѣ всего сказаннаго очевидна безсодержательность разсужденій Шмоллера, что мы очень приблизились къ идеалу распредѣляющей справедливости. И если берлинскій экономистъ утверждаетъ, что ни одна аристократія въ мірѣ не держится долго послѣ того, какъ ея богатство перестало соотвѣтствовать ея заслугамъ, то мы спрашиваемъ: гдѣ же заслуги аристократіи въ странахъ, которыя еще сохранили ее? Подъ аристократіей въ обширномъ смыслѣ нужно разумѣть не одно богатое дворянство, но и богатую и властную буржуазію. Мѣстами дворянство обѣднѣло, но богатство всѣхъ группъ имущаго класса, опирающихся на владѣніе землей и капиталомъ, чрезвычайно возросло. Въ чемъ же состоятъ доблести аристократіи? Въ томъ ли, что, надѣвъ раззолоченные мундиры, она съ упоеніемъ играетъ роль придворной челяди и жаждетъ подачекъ отъ монарха? Въ томъ ли, что ея красные фраки живописно пестрятъ картину англійской осени при охотѣ за лисицами? Въ томъ ли, что ея время наполнено скачками, бѣгами, обѣдами, раутами, игрой и флиртомъ? Въ томъ ли, что, образуя многочисленные группы въ законодательныхъ собраніяхъ, она возвышаетъ голосъ противъ всякой законодательной мѣры, способной внести въ общественную жизнь новую струю? Въ томъ ли, что, накопляя милліоны за милліонами, она совсѣмъ отрѣшается не только отъ труда, но даже отъ поверхностаго наблюденія за начинаніями и предпріятіями, которыя доставляютъ эти милліоны? Въ томъ ли, что, проѣдая и пропивая за однимъ обѣдомъ цѣлыя состоянія, она устраиваетъ блестящіе базары, концерты и елки въ пользу бѣдныхъ, гдѣ бѣднякамъ достается только ничтожная частица того, чего стоютъ драгоцѣнности въ ушахъ и на шеѣ добродѣтельныхъ аристократокъ. Или, быть можетъ, въ томъ, что,

полные глубокаго презрѣнія ко всему, что не родовито или, по крайней вѣрѣ, не богато, радующіеся сохраненію въ общественной жизни всѣхъ мѣръ насилія, которыя обезпечиваютъ меньшинству неприкосновенность его власти и имущества, представители аристократіи лицемѣрно молятся въ церквахъ и механически повторяютъ за священникомъ молитвы, безконечно менѣе нужныя для нихъ, чѣмъ выигрышъ на скачкахъ или привѣтливая улыбка высочайшей особы? Современная землевладѣльческая аристократія гораздо богаче, чѣмъ дворянство среднихъ вѣковъ, а новѣйшая буржуазія владѣетъ безконечно большими средствами, нежели городское сословіе XVIII вѣка. Но относительно, по сравненію съ суммою идей, находящихся въ оборотѣ, и съ требованіями, которыя предъявляются альтруистическому чувству, высшіе классы стоятъ теперь ниже, нежели ихъ предки сто и болѣе лѣтъ тому назадъ. Такой же оцѣнки заслуживаютъ и альтруистическія начала, проникающія, по мнѣнію Шмоллера, современное государство, которое приноситъ для бѣдныхъ классовъ большія жертвы, чѣмъ для богатыхъ. Когда читаешь это положеніе, то не знаешь, чему приписать его, недомыслію ли автора или его желанію скрыть истину. Стоитъ присмотрѣться къ податнымъ системамъ нашего времени и тотчасъ станетъ очевиднымъ, что прогрессивное возвышеніе окладовъ подоходной подати и налоговъ съ наслѣдствъ робко останавливается предъ самыми крупными доходами и имуществами, что главныя средства доставляютъ государству не прямые налоги, которые хотя сколько-нибудь могутъ быть приноровлены къ платежнымъ силамъ гражданъ, а косвенные, ложащіеся особенною тяжестью на бѣднѣйшихъ. Когда слышишь славословія въ честь современнаго государства, то вспоминаешь асфальтовыя мостовыя, чистые троттуары и блестящее освѣщеніе улицъ, обитаемыхъ имущими классами, обстановку учебныхъ заведеній и мѣстъ для развлеченія, предназначенныхъ для богатыхъ, чрезмѣрно высокое жалованье высшихъ должностныхъ лицъ и, съ другой стороны, грязныя улицы въ кварталахъ, населенныхъ бѣдными классами, отвратительные дома, полное отсутствіе начальныхъ мѣръ, которыя обезпечивали бы здоровье бѣдняковъ, убогую обстановку начальныхъ школъ, ничтожное жалованье низшихъ государственныхъ чиновниковъ, дающее этимъ людямъ возможность только полуголоднаго существованія. А аграрные законы, столь восхваляемые Шмоллеромъ? Не они ли создали здоровый классъ крестьянъ? Вмѣсто отвѣта передъ нами выростаютъ картины страданій, которыя долгія вѣка выпадали на долю крестьянства для услажденія и возвеличенія помѣщиковъ. Ужели могутъ служить даже слабымъ противовѣсомъ этимъ страданіямъ незначительныя, больше формальныя жертвы, которыя легли на дворянство при освобожденіи и надѣленіи землею крестьянъ. Такъ было въ Германіи, такъ было въ Россіи и другихъ мѣстахъ.

Говоря о воздѣйствіи религіи на альтруизмъ, Киддъ правильно отмѣчаетъ ростъ дружелюбія въ европейско-американскомъ мірѣ; но ошибается въ степени вліянія, которое имѣетъ христіанство на это чувство, и напряженности, которую оно, будто бы, получило въ современномъ обществѣ. Христосъ завѣщалъ человѣчеству возвышенную мораль; но ошибочно думать, что общественная жизнь измѣнена нравственными началами христіанства. Если бы религіозное чувство одно поддерживало и укрѣпляло въ людяхъ дружелюбіе, то жизнь была бы гораздо отраднѣе, чѣмъ нынѣ; можно было бы говорить о равенствѣ и братствѣ не какъ о свѣтлыхъ точкахъ, которыя чуть мерцаютъ гдѣ-то далеко, а какъ о фактахъ. Припоминая въ самыхъ общихъ чертахъ пережитое христіанскими обществами почти за два тысячелѣтія, мы видимъ, что христіанская мораль была проводима въ жизнь только немногими людьми: такъ было въ небольшихъ общинахъ

первыхъ христіанъ; такъ было и позднѣе въ разное время и разныхъ странахъ. Но повсюду только немногочисленныя группы были проникнуты началомъ дружелюбія. Независимо отъ этихъ привлекательныхъ, крайне рѣдкихъ, оазисовъ, на которыхъ отдыхаетъ мыслитель, мы видимъ, что религіозное чувство нисколько не мѣшало — и такъ до нашихъ дней — всѣмъ ужасамъ, которыми переполнена исторія каждаго народа. Пусть мнѣ докажутъ, что жестокости, которыя освящала католическая церковь относительно протестантовъ, уступаютъ преслѣдованіямъ христіанъ со стороны римскимъ язычниковъ; пусть докажутъ, что уголовныя наказанія, которыя примѣнялись въ Европѣ двѣсти лѣтъ тому назадъ, больше проникнуты чувствомъ гуманности, чѣмъ казни и пытки, извѣстныя классическому міру; пусть убѣдятъ меня, что средневѣковый баронъ больше руководствовался чувствомъ дружелюбія относительно своихъ крѣпостныхъ, чѣмъ римскій гражданинъ относительно своихъ рабовъ... Пусть докажутъ все это, и я соглашусь, что религіозное чувство было главнымъ дѣятелемъ въ воспитаніи дружелюбія. Я соглашусь съ этимъ, ибо нельзя же отрицать, что католики—духовенство и даже міряне,—преслѣдовавшіе протестантовъ, были религіозны, что были религіозны многіе средневѣковые помѣщики, угнетавшіе крестьянъ, и законодатели, каравшіе преступниковъ четвертованіемъ, колесованіемъ и сажаніемъ на колъ. Я отмѣчаю факты, которые должны быть отнесены къ обыденнымъ явленіямъ. А если пріобщить къ сказанному массовую рѣзню,—а она до послѣдняго времени такъ часто совершается въ христіанскихъ государствахъ,—то признаешь, по меньшей мѣрѣ, страннымъ отведеніе религіозному чувству первенствующей роли, которую оно получило въ глазахъ Кидда.

Нѣтъ, дѣло происходило иначе, чѣмъ думаетъ Киддъ. Какъ въ христіанствѣ, такъ и внѣ его (припомнимъ высокое нравственное ученіе буддизма, древнихъ китайскихъ мыслителей) всегда были отдѣльныя лица, строившія свою жизнь согласно съ началами возвышенной морали. Мы находимъ такихъ лучшихъ людей среди ученыхъ и невѣжественныхъ, именитыхъ и простолюдиновъ. Какъ бы ни было мало число такихъ людей, они находили послѣдователей. И, вотъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе въ обществѣ, хотя очень медленно, накопляется запасъ альтруистическихъ чувствъ. Приростъ знаній помогалъ всѣмъ членамъ общества, которымъ чужды крайне эгоистическія влеченія, глубже оцѣнивать общественное значеніе дружелюбія и стремиться проводить его и тамъ, гдѣ оно ранѣе вовсе не было извѣстно. Знаніе, а не религія научило людей, что цѣли уголовной политики гораздо лучше достигаются умѣренными карами, чѣмъ жестокими пытками; что уровень благосостоянія гораздо быстрѣе поднимается при свободномъ трудѣ, чѣмъ при трудѣ подневольномъ, что спокойствіе гораздо лучше обезпечено тамъ, гдѣ бѣдняка поддерживаетъ общинная благотворительность, что здоровье всего населенія наиболѣе надежно охраняется тамъ, гдѣ общество заботится о предупрежденіи болѣзней бѣднѣйшихъ классовъ и ихъ исцѣленіи и проч. Такимъ образомъ, число добрыхъ поступковъ возрастаетъ отчасти потому, что дружелюбіе крѣпнетъ, что есть люди, благороднаго образа мыслей, которые ставятъ задачей своей жизни служить бѣднѣйшимъ членамъ общества, а съ другой—потому, что воспитаніе мысли раскрываетъ и людямъ, проникнутымъ себялюбіемъ, что нѣкоторые изъ ихъ существенныхъ интересовъ могутъ быть всего лучше ограждаемы при извѣстной заботливости о бѣднѣйшихъ классахъ. Но и первые, если даже ихъ чувство дружелюбія не возрастаетъ въ напряженности, даютъ ему, вслѣдствіе знанія, болѣе яркое и цѣлесообразное выраженіе. Наконецъ, главной причиной служитъ возрастающая способность народа къ сопротивленію; теперь гораздо труднѣе угнетать людей, чѣмъ въ доброе старое время.

Неправъ Киддъ и въ томъ, что, будто бы, расширеніе правъ, выпадающее на долю бѣднѣйшихъ людей, является почти исключительно результатомъ альтруистическихъ чувствъ *въ рядахъ господствующихъ классовъ*. Безспорно, всѣ истинно прогрессивныя начала, которыя могутъ быть отмѣчены въ законодательствѣ, являются отчасти и плодомъ того, что отдѣльные представители господствующихъ классовъ отказываются отъ своихъ классовыхъ интересовъ и одушевляются идеями, осуществленіе которыхъ особенно важно для слабѣйшихъ гражданъ. Но не слѣдуетъ забывать, что настойчивость въ требованіяхъ, обнаруживающаяся среди неимущихъ, имѣетъ вѣское вліяніе на приближеніе ихъ къ властнымъ общественнымъ группамъ. Мы знаемъ изъ исторіи союзовъ рабочихъ (въ Англіи и другихъ странахъ), что между ними и предпринимателями установляется соглашеніе лишь отчасти потому, что хозяева не хотятъ до крайности эксплоатировать выгоды своего положенія; главнымъ же образомъ потому, что союзы неоднократно обнаруживали большую стойкость въ достиженіи цѣлей, большое знаніе дѣла и причиняли существенные убытки тѣмъ хозяевамъ, которые упорно отказывались отъ соглашенія съ ними. Словомъ, среди условій, которыя дѣлаютъ ихъ вліятельными организаціями въ жизни работниковъ, важную роль играетъ внушенное ими сознаніе ихъ силы, способности къ продолжительному и систематическому сопротивленію. А разъ нельзя принять эти положенія, то нельзя согласиться и съ другимъ,—что, при уменьшенномъ альтруизмѣ на сторонѣ правящихъ классовъ, народу не помогли бы сохранить его права ни развитіе повременной печати, даже той, которая служитъ интересамъ большинства, ни всеобщее обученіе, ни политическія права. Все это не помогло бы народу сохранить выгоды, которыя уже пріобрѣтены имъ. Эта мысль вѣрна относительно странъ, гдѣ массы находятся въ состояніи крайняго угнетенія. Но невѣрно думать, чтобы такъ было въ передовыхъ государствахъ европейско-американскаго міра. Если бы въ Англіи или Америкѣ законодатель посягнулъ на самыя дорогія и давно привычныя права гражданъ, то въ рядахъ массы населенія (среди ея адвокатовъ, писателей, депутатовъ и иныхъ общественныхъ дѣятелей) нашлись бы вожаки, которые сумѣли бы не только громко протестовать, но и вызвать огромное и стройное движеніе, направленное къ возстановленію попранныхъ правъ. Говоря о господствующихъ классахъ, мы должны имѣть въ виду только тѣхъ, которые принадлежатъ къ богатымъ и среднесостоятельнымъ или же къ паразитамъ ученаго и журнальнаго труда, кормящимся отъ этихъ классовъ и исполняющимъ ихъ велѣнія. Но и за предѣлами этого круга есть уже большой запасъ знаній, навыковъ къ общественной дѣятельности; вліяніе этихъ силъ проникаетъ и въ войско и становится рѣшительно невѣроятнымъ, чтобы могла увѣнчаться успѣхомъ попытка меньшинства обратить большинство въ состояніе безправныхъ гражданъ. Событія 1830 и 1848 годовъ во Франціи доказали, какъ непрочно положеніе правительства, которое совершенно отворачивается отъ интересовъ народа; съ каждымъ поколѣніемъ уменьшаются шансы на успѣхъ дѣйствій, нарушающихъ основныя права населенія. Будь вѣрно предположеніе Кидда, то сильное правительство гораздо чаще посягало бы на первостепенныя права народа, чѣмъ мы наблюдаемъ. Германское правительство должно быть отнесено къ сильнымъ; оно имѣетъ достаточно основаній для недовольства соціально-демократической партіей. Въ правящихъ классахъ—землевладѣльцахъ и капиталистахъ—оно нашло бы большую поддержку при самой ожесточенной борьбѣ съ соціалдемократами, поддержку, которая позволила бы ему совершенно пренебречь свободолюбіемъ лучшихъ представителей этихъ классовъ. А между тѣмъ оно даетъ

усиливаться соціалистическому теченію и не ставитъ преградъ на его пути. Почему? Потому, что репрессивныя мѣры не замедлили бы вызвать серьезное и небезопасное для правительства противодѣйствіе изъ среды народа.

Положенія названныхъ писателей странны; професоръ же Адольфъ Вагнеръ даетъ намъ нѣчто, по истинѣ комическое. Система благотворительности поставляется рядомъ съ системами частнаго и общественнаго хозяйства! Все разнообразіе человѣческихъ дѣйствій, вытекающихъ изъ личнаго интереса, вся напряженность усилій, которыя дѣлаетъ человѣкъ, дабы наилучше обезпечить собственное благополучіе, приравниваются актамъ, которые причиняютъ людямъ очень мало заботъ. То, что въ переводѣ на деньги измѣряется для каждой обширной страны многими милліардами ежегодно, уподобляется дѣйствіямъ, которыя поглощаютъ безконечно меньше средствъ и опредѣляются сравнительно очень скромной суммой, столь скромной, что она не вноситъ сколько-нибудь замѣтныхъ перемѣнъ въ судьбѣ бѣднѣйшихъ классовъ. Тезисъ, что призрѣніе бѣдныхъ смягчаетъ дисгармонію въ распредѣленіи богатствъ, звучитъ совсѣмъ такъ, какъ бы онъ предназначался для юмористическаго листка. Средства, собираемыя для призрѣнія бѣдныхъ и путемъ налоговъ, и путемъ доброхотныхъ даяній, обезпечиваютъ призрѣваемому только уголъ, кусокъ хлѣба и, въ придачу къ нимъ, принудительный трудъ. А тутъ же, чрезъ немного улицъ или кварталовъ, гдѣ скучены призрѣваемые, гордо высятся палаты благотворителей, счастливыхъ признаніемъ нѣмецкаго экономиста, что крохи отъ доходовъ, поступающія бѣднякамъ, смягчаютъ неравенство состояній. Нужно отличаться совершенно исключительнымъ, выходящимъ изъ ряда вонъ дружелюбіемъ, чтобы говорить, какъ Вагнеръ, о невозможности да и нежелательности порядка, при которомъ вся система народнаго хозяйства построена на благотворительности. Только человѣкъ, раздавшій или готовый раздать бѣднымъ все имущество, можетъ предполагать такое накопленіе въ людяхъ альтруизма, которое побуждаетъ высказаться за умѣренность въ благотвореніи.

Насколько безцвѣтны положенія писателей, поставляющихъ альтруизмъ на одинъ уровень съ личнымъ интересомъ, настолько же выдаютъ незнаніе человѣческой природы и данныхъ исторіи совѣты о возможности перестроить общественную жизнь призывомъ къ дружелюбію богатыхъ и власть имущихъ. Тамъ, гдѣ совѣты высказываются въ такой схемѣ, какъ дѣлаетъ Рескинъ, они свидѣтельствуютъ о недомысліи подающаго ихъ. Призывая къ лучшимъ свойствамъ богатыхъ людей, можно разсчитывать на впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильное и продолжительное, чѣмъ болѣе сумѣешь внушить имъ увѣренность, что ихъ положеніе, само по себѣ, не представляетъ чего-либо возвышеннаго, благороднаго сравнительно съ бытомъ многомилліонныхъ массъ. Возбужденіе добрыхъ чувствъ тѣмъ болѣе вѣроятно, чѣмъ яснѣе удалось доказать, что эти массы созданы изъ такихъ же мышцъ и нервовъ, подвержены такимъ же болѣзнямъ, ударамъ судьбы, какъ богатые, что ихъ тяжелая доля не есть слѣдствіе ихъ скудныхъ дарованій, не послана имъ за грѣхи предковъ, а только плодъ неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, которыя поставили ихъ на низшія ступени общественной лѣстницы. Только такое воздѣйствіе на душу богатыхъ людей можетъ развивать въ нихъ человѣчность. Разъ же внушаютъ этимъ людямъ, что имъ предопредѣлено высшее общественное положеніе, что бѣдняки, по существу, гораздо ниже ихъ, то парализуется вліяніе, которое могъ бы имѣть на ихъ душу призывъ къ дружелюбію. Разъ богатый человѣкъ, призываемый на служеніе бѣднымъ, слышитъ, что пролетаріату внушаютъ довольствоваться скромной долей, онъ естественно укрѣпляется

въ мысли, что самой природѣ вещей соотвѣтствуетъ такой порядокъ, вслѣдствіе котораго условія жизни его, богатаго, безконечно лучше, чѣмъ обстановка бѣдняка, которому онъ призванъ покровительствовать. Если самъ проповѣдникъ альтруизма считаетъ разстояніе между одними и другими нормальнымъ, то дѣлается рѣшительно невозможнымъ установить мѣру для этого разстоянія. Самъ проповѣдникъ признаетъ, что оно велико, что общественные слои, стоящіе на верху, образуютъ аристократію: понятно, поэтому, что, большинство изъ тѣхъ, къ кому направляется проповѣдь, считаетъ совершенно достаточнымъ, если бѣдные классы получатъ отъ нихъ не больше или немногимъ больше, чѣмъ пожертвованія на благотворительные базары и танцовальные вечера. И самъ Рёскинъ имѣлъ случай убѣдиться, что на такой призывъ откликается мало охотниковъ. Въ концѣ 70-годовъ Рёскинъ образовалъ гильдію св. Георгія, благотворительное общество, которое должно было положить начало пересозданію общественной жизни. Учредитель внесъ въ общество значительныя денежныя средства. Но приливъ пожертвованій былъ крайне скуденъ: въ члены общества не поступилъ почти никто, кромѣ немногихъ личныхъ друзей Рескина.

Воззрѣніе Толстого гораздо болѣе возвышенны. Проникнутый демократическими началами, онъ далекъ отъ группированія людей въ замкнутыя касты; онъ не признаетъ за богатыми и власть имущими права покровительствовать бѣднымъ, опекать ихъ. Напротивъ, жизнь богатыхъ людей грѣховна; нужно приближаться къ бѣднымъ и помогать имъ не съ высоко поднятой головой, не съ сознаніемъ своихъ правъ, своего привилегированнаго общественнаго положенія, а въ простотѣ и смиреніи — вотъ завѣтъ, который имущіе классы получаютъ отъ Толстого. Эта исходная точка вполнѣ правильна. Проповѣдникъ, усваивающій ее, можетъ получить отъ общаго альтруистическаго чувства самое большее, что оно способно дать.

Но Рёскинъ, Толстой и другіе, идущіе по этому пути, глубоко заблуждаются относительно плодовъ, которые могутъ быть доставлены общественной жизни дружелюбіемъ. Римскій богачъ, англійскій лордъ, американскій капиталистъ, русскій вельможа изъ поколѣнія въ поколѣніе слыхали этотъ призывъ. Нѣтъ основанія утверждать, что въ былое время этотъ призывъ отличался меньшею силою и краснорѣчіемъ, чѣмъ нынѣ. Нѣтъ, все вдохновеніе, все могущество слова, весь даръ глаголомъ жечь сердца людей были исчерпаны въ прошломъ. Какое воззваніе къ богатымъ, исходящее отъ лучшихъ писателей и проповѣдниковъ новаго времени, превосходитъ увѣщанія и обличенія апостола Павла, блаженнаго Августина, Іоанна Златоуста, Саванаролы? Эти вѣщія слова заставляли трепетать людей; они пріобрѣтали надъ нѣкоторыми, немногими такую власть, что давали новое направленіе всей ихъ жизни. Но, въ общемъ, все оставалось попрежнему: альтруизмъ производилъ только небольшую рябь, которая не была способна измѣнить даже поверхность общежитія.

Того же слѣдуетъ ожидать и теперь. Мы не сомнѣваемся, что впредь, какъ и теперь, у Льва Толстого будутъ послѣдователи, что сотни людей усвоятъ такую же привычку къ разнообразному физическому труду, какъ Толстой, что всѣ они получатъ отъ упражненія своихъ силъ большую пользу для здоровья, что нѣкоторые изъ этихъ сотенъ воспользуются такой перемѣной въ своей жизненной обстановкѣ, дабы перевоспитать въ себѣ отношеніе къ простѣйшимъ, грубымъ видамъ труда, а вслѣдъ за тѣмъ и къ большинству людей, которое пріурочено къ этимъ занятіямъ. Несомнѣнно, эти немногіе люди, такъ переработавшіе себя, будутъ полны доброжелательства, склонны на всякую услугу другимъ. Но все это будетъ ограничиваться тѣснымъ кругомъ. Я не раздѣляю оптимизма Толстого, что за однимъ—другимъ—третьимъ, послѣдуютъ сотни, тысячи

и милліоны, послѣдуютъ всѣ, сознавая грѣховность своего доселѣшняго существованія и страстно желая освободиться отъ противорѣчій и суеты, которыми наполнена теперь жизнь господствующихъ классовъ. Излишній оптимизмъ Толстого относительно этой области сказывается и въ томъ, что онъ считаетъ людей имущихъ классовъ гораздо болѣе удрученными жизнью не по совѣсти, нежели то представляетъ дѣйствительность. Если бы состояніе удрученности было всеобщимъ явленіемъ, охватывало очень многихъ людей, то трактиры, клубы, театры, загородныя гулянья, скачки не давали бы намъ зрѣлища тысячъ и тысячъ самодовольныхъ, жизнерадостныхъ, то отчаяніе, самоубійство отъ полнаго пессимизма были бы болѣе часты и полное подпаденіе подъ власть безграничнаго альтруистическаго настроенія были бы явленіемъ болѣе обыкновеннымъ, нежели мы то наблюдаемъ.

Каждый проповѣдникъ, взывающій къ добрымъ чувствамъ богатыхъ и властвующихъ, говоритъ именно тѣмъ языкомъ, которымъ нужно говорить; еще лучше, если онъ самъ, принадлежа къ этимъ классамъ, подаетъ своей жизью примѣръ дружелюбнаго отношенія къ ближнимъ. Но это — скромная задача. Предъ общественнымъ дѣятелемъ стоитъ гораздо болѣе важная задача: возбужденіе классоваго сознанія въ тѣхъ слояхъ населенія, гдѣ классовое сознаніе приводитъ къ результатамъ, тщетно ожидаемымъ отъ общаго, неопредѣленнаго альтруизма, гдѣ оно дѣлаетъ это кореннымъ образомъ и въ области очень широкой.

VI.

Классовое сознаніе въ людяхъ богатыхъ и властныхъ даетъ новый матеріалъ для себялюбія и служитъ надежною поддержкой всѣхъ реакціонныхъ стремленій. Гдѣ люди господствующихъ классовъ дѣйствуютъ поодиночкѣ, въ раздробь, тамъ они не совсѣмъ рѣшительно отстаиваютъ свои интересы: они знаютъ враждебныя отношенія неимущихъ и не увѣрены, что не встрѣтятъ какого-либо препятствія отъ членовъ своего класса. Соединяясь же въ большія группы, они дѣйствуютъ безтрепетно, безъ колебаній, отбрасываютъ всѣ задержки, о которыхъ еще помнили въ состояніи обособленія. Поэтому все, что укрѣпляетъ классовое сознаніе въ рядахъ этихъ людей, является прямымъ отрицаніемъ альтруизма, добрыхъ чувствъ, направленныхъ на поддержаніе забитыхъ, угнетенныхъ, нуждающихся.

Инымъ характеромъ отличается классовое сознаніе въ многочисленныхъ массахъ. Прежде всего—площадь, на которую оно распространяется. Тамъ оно охватываетъ 5, 6, 10% населенія; здѣсь же оно обнимаетъ огромное большинство, всѣхъ, живущихъ трудами своихъ рукъ. Тамъ классовое сознаніе, направленное на то, чтобы достигнуть возможно большаго угнетенія народа, можетъ развивать въ участникахъ только злыя чувства. Члены имущихъ классовъ имѣютъ много или, по крайней мѣрѣ, довольно внѣшнихъ благъ; они наслаждаются жизнью благодаря своему имуществу и власти. Имъ неизвѣстны лишенія, и они сплачиваются для того, чтобы обезпечить себѣ еще большую сумму наслажденій. Въ этихъ рядахъ сплоченность для общаго дѣла вовсе не исключаетъ того, что участники, привыкнувъ всею жизнью къ развитію чувственныхъ пожеланій, тщеславія, относятся другъ къ другу съ завистью, зложелательствомъ, жаждою возможно больше урвать изъ общественнаго пирога. Классовое сознаніе бѣднѣйшихъ поддерживается однородностью гнета и лишеній для этихъ людей. Не имѣя необходимаго, члены этой среды не имѣютъ почвы для развитія сильныхъ чувственныхъ пожеланій, которыя обыкновенно дѣлаютъ людей волками во взаимныхъ отношеніяхъ. Недостатокъ сочув-

ствія членамъ своего класса и неучастіе въ общей борьбѣ дѣлаетъ этихъ людей, взятыхъ порознь, совершенно безсильными, безпомощными паріями. Отсюда—упроченіе солидарности. Такъ какъ совмѣстная дружная дѣятельность всегда налагаетъ на членовъ угнетеннаго класса лишенія, заставляетъ урывать изъ скудныхъ средствъ для общаго дѣла, то крѣпнетъ привычка къ самопожертвованію на пользу всѣхъ товарищей по страданіямъ. Пріобрѣтенія бѣдныхъ классовъ въ области правъ, улучшенія матеріальнаго быта совершаются очень медленно; вѣковой гнетъ ослабѣваетъ лишь постепенно, а потому мало благопріятныхъ условій для развитія зависти относительно собратій и тщеславія. Все, взятое вмѣстѣ, воспитываетъ любовь къ ближнему, которая искони составляетъ главный предметъ мечтаній моралистовъ. Рядомъ съ этой любовью уживается ненависть; но ненависть направлена только на господствующее меньшинство; да и внутри меньшинства дѣлается изъятіе для тѣхъ, кто проникнутъ искреннимъ дружелюбіемъ. Огромная масса — пролетаріатъ въ обширномъ смыслѣ — съ каждымъ поколѣніемъ приближается къ тому состоянію, когда всѣ члены его, проходя однѣ и тѣ же жизненныя невзгоды, все крѣпче связываются любовью. Просвѣтленіе классоваго сознанія народа, призваніе страждущихъ любить всѣхъ, кто страдаетъ, призваніе всѣхъ угнетенныхъ къ борьбѣ во имя лучшаго будущаго — таковъ самый чистый, самый возвышенный альтруизмъ.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Борьба общественныхъ группъ.

I.

Борьба національная и борьба соціальная — вотъ что наполняетъ исторію человѣчества. Мы разумѣемъ подъ первою ту борьбу, которую ведутъ между собою отдѣльныя группы людей, обособившіяся въ самостоятельныя политическія тѣла; вторая же идетъ непрерывно между отдѣльными группами, входящими въ составъ даннаго общества. Какъ бы ни было просто общество по строенію, въ его составъ входятъ разныя группы съ различными и, частію, противоположными интересами. Въ основаніи общественной жизни лежатъ матеріальныя заботы, поглощающія наибольшій запасъ человѣческихъ силъ; экономическіе интересы, соотвѣтствующіе этимъ заботамъ, и образуютъ самый важный фактъ, который дѣлитъ общество на несходныя и враждебныя группы. Экономическіе интересы несходны прежде всего по различію въ количествѣ благъ, которыми располагаютъ отдѣльные члены общества; ближайшимъ выводомъ изъ этого является необходимость дѣленія членовъ общества на богатыхъ и бѣдныхъ. Въ первый классъ отойдутъ всѣ, кто можетъ безъ труда или съ затратой небольшихъ усилій удовлетворять потребности, которыя превышаютъ среднюю норму потребленія для даннаго времени и мѣста; всѣ остальные, огромное большинство, относятся къ бѣднымъ. Этотъ классъ обнимаетъ всѣхъ гражданъ, которые только цѣною цѣложизненнаго труда удовлетворяютъ необходимыя потребности; въ рѣдкихъ случаяхъ они могутъ доставить себѣ небольшія удобства, а обыкновенно не пріобрѣтаютъ и того, что поддерживаетъ здоровье и предохраняетъ отъ преждевременнаго одряхленія и смерти.

Какое общество мы бы ни взяли, мы найдемъ его прежде всего раздѣленнымъ на эти два основные класса—богатыхъ и бѣдныхъ. Особенности, отличающія членовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, чрезвычайно разнообразны. Но по отношенію къ имуществу индусскій судра представляетъ такую же противоположность тремъ высшимъ классамъ древней Индіи, какъ римскіе плебеи перваго періода—патриціямъ, средне-

вѣковые крѣпостные и подмастерья—землевладѣльцамъ и высшимъ слоямъ городского населенія, русскіе крестьяне-общинники—дворянамъ-землевладѣльцамъ, а англійскіе, американскіе, германскіе пролетаріи—капиталистамъ. Принято говорить, что въ доселѣшней исторіи человѣчества между богатыми и бѣдными классами былъ многочисленный средній классъ, равно далекій отъ однихъ и другихъ; однако, средній классъ растворяется въ массѣ богатыхъ и бѣдныхъ. Его высшія группы, при значительномъ имуществѣ и сравнительно небольшомъ количествѣ труда, необходимомъ для нихъ, тяготѣютъ къ богатымъ, тогда какъ низшія естественно примыкаютъ къ бѣднымъ. Сохранить свое владѣніе неуменьшеннымъ, увеличить его, удержать всю совокупность политическихъ правъ, опирающихся на владѣніе, расширить ихъ, оградить себя отъ опасностей, которыя угрожаютъ со стороны бѣдныхъ — вотъ основная забота представителей перваго класса. Пріобрѣсти имущество, котораго нѣтъ, или увеличить микроскопическое владѣніе, которое не обезпечиваетъ даже скромнаго достатка, и—такъ какъ въ обществѣ, вышедшемъ изъ состоянія первобытной дикости нѣтъ вещей ничьихъ—пріобрѣсти достатокъ посредствомъ возможно болѣе выгоднаго труда на богатыхъ или посредствомъ принудительныхъ мѣръ относительно имущества богатыхъ,—таково основное желаніе бѣдныхъ. Напряженны или слабы желанія первыхъ и вторыхъ,—ихъ интересы противоположны, и самый фактъ противоположности содержитъ побудительные мотивы къ борьбѣ, дѣлаетъ ее неизбѣжной.

Однако, общества даже раннихъ періодовъ культуры настолько сложны, что борьба классовъ не имѣетъ вида просто борьбы между богатыми и бѣдными. «Когда историческое развитіе сводится на борьбу классовъ, то есть наклонность предполагать, что въ обществѣ есть только два лагеря, два класса, которые борются другъ съ другомъ, революціонная масса и реакціонная. Будь это дѣйствительно такъ, писаніе исторіи было бы дѣломъ довольно легкимъ. Но въ дѣйствительности отношенія не такъ просты. Общество есть и всегда будетъ чрезвычайно сложный организмъ съ различными классами и различными интересами, которые, сообразно съ условіями, могутъ группироваться въ самыя разнообразныя партіи».[80]). Виды имущества не одинаковы; условія, благопріятствующія возрастанію имуществъ различныхъ видовъ, различны; совокупность правъ, которыми пользуются отдѣльные слои различныхъ классовъ, не одна и та же. Поэтому, исторія даетъ намъ многочисленные примѣры борьбы между отдѣльными группами имущаго класса. Отдѣльныя группы неимущаго класса живутъ также не въ одной и той же обстановкѣ. Городъ и деревня, сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность, владѣніе небольшимъ имуществомъ и полное отсутствіе такового порождаютъ различія между отдѣльными группами бѣдныхъ людей и нерѣдко ведутъ къ борьбѣ между этими группами. Наблюдая жизнь какой-либо страны, получаешь прежде всего то впечатлѣніе, что борьба идетъ непрерывно, причемъ борются между собою имущіе и неимущіе и что она происходитъ внутри каждой изъ этихъ группъ. Болѣе внимательное изученіе даетъ другую картину. Хозяйственные интересы всѣхъ членовъ общества такъ переплетаются между собой, способность огромнаго большинства людей заглядывать въ сколько нибудь далекое будущее такъ ограничена, что отдѣльныя общественныя группы, принадлежащія однѣ къ богатымъ, другія къ бѣднымъ, образуютъ по временамъ одну сплоченную массу. Эти группы считаютъ свои интересы тожественными, но, при болѣе внимательномъ отношеніи къ настоящему и большей проницательности относительно будущаго, не трудно понять, что, въ дѣйствительности, они различны. Періоды бурныхъ революціонныхъ движеній даютъ для этого

особенно поучительный матеріалъ. Вандейскіе помѣщики прошлаго вѣка не меньше угнетали крестьянъ, чѣмъ феодалы другихъ мѣстностей Франціи. И, однако, крестьяне Вандеи сомкнулись вокругъ господъ и пытались остановить потокъ революціи, когда онъ дошелъ до этихъ отдаленныхъ округовъ. Съ другой стороны мы находимъ дѣятелями великой революціи горожанъ отъ очень состоятельныхъ до бѣдныхъ. Цеховые подмастерья и рабочіе мануфактуръ тѣсно примкнули къ высшимъ слоямъ горожанъ и совмѣстно произвели переворотъ. Эта обширная группа, состоявшая изъ богатыхъ и бѣдныхъ, образовала одно цѣлое не только потому, что всѣ ея члены увлеклись перспективой расширенія правъ городскаго сословія, но и потому, что бѣднѣйшіе, рабочіе ремесла и мануфактуры, забыли на время о несходствѣ своихъ интересовъ съ интересами высшихъ группъ горожанъ, забыли о томъ, что источникомъ гнета, который давилъ ихъ, были не только общія условія государственнаго строя Франціи XVIII вѣка, но и спеціальныя условія промышленной жизни, выгодныя для высшихъ группъ промышленнаго и торговаго классовъ и тягостныя для низшихъ. Не трудно понять, что горожане Парижа, распредѣлявшіеся по всѣмъ ступенямъ имущественной лѣстницы, дружно дѣйствовали въ интересахъ революціи: необходимость и привлекательность борьбы съ общимъ врагомъ — государственнымъ строемъ Франціи — позволяли забыть о розни, раздѣлявшей ихъ въ сферѣ ближайшихъ экономическихъ интересовъ. Походъ же вандейскихъ крестьянъ бокъ о бокъ съ дворянами на защиту стараго порядка представляется мало понятнымъ, пока мы не припомнимъ, какъ велико было невѣжество населенія: только на этой почвѣ могло вырости убѣжденіе, что революція несетъ съ собой ужасы, что нужно, въ виду неизвѣстнаго чудовища, примириться съ тяжелымъ настоящимъ, съ исконнымъ наслѣдственнымъ врагомъ—дворянствомъ.

II.

Разнообразіе интересовъ, вызывающихъ борьбу, и пестрота въ сочетаніи борющихся группъ, что мы находимъ въ настоящемъ и даже далекомъ прошломъ, заставляютъ отказаться отъ шаблоннаго дѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ и подняться до дѣленія общества на классы по центральному пункту, вокругъ котораго и изъ-за котораго происходитъ борьба. Такой центральной точкой служитъ владѣніе орудіями производства и разнообразныя выгоды, которыя оно доставляетъ прямо или косвенно.

Мы можемъ намѣтить въ классѣ имущихъ такія подраздѣленія: А) Владѣльцы сельской недвижимости и крупные и средніе фермеры. Б) Промышленный и торговый классы и владѣльцы городской недвижимости. В) Церковь и Г) Государство. По этимъ четыремъ классамъ распредѣляются представители, такъ называемыхъ, свободныхъ профессій,— науки, искусства, врачебной, адвокатской и другихъ.

Выгоды, доставляемыя владѣніемъ, могутъ быть обобщены такимъ образомъ: 1) Даже при небольшихъ размѣрахъ оно обезпечиваетъ человѣку извѣстную самостоятельность, не ставитъ его ежедневно въ необходимость продавать свой трудъ и только тѣмъ снискивать себѣ пропитаніе. 2) Значительные размѣры владѣнія служатъ для владѣльца условіемъ продолжительнаго и прочнаго благосостоянія, передаваемаго дѣтямъ и даже отдаленнымъ потомкамъ. 3) Въ государствахъ, гдѣ владѣніе является основаніемъ для политическихъ правъ, оно приближаетъ человѣка къ участію въ законодательной и правительственной дѣятельности и дѣлаетъ его гораздо болѣе господиномъ положенія, нежели то доступно людямъ неимущихъ классовъ. Хотя въ этихъ странахъ всѣ граждане юридически поль-

зуются равными правами, владѣніе, и именно, владѣніе крупное даетъ человѣку фактически большую возможность вліять на опредѣленіе воли и цѣли государства: владѣніе ставитъ къ услугамъ человѣка огромныя толпы неимущихъ, которые служатъ ему не только наемниками въ процессѣ производства, но и усердными агентами въ политической жизни. Крупный землевладѣлецъ или капиталовладѣлецъ, покупая на рынкѣ трудъ пролетарія, очень часто пріобрѣтаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и избирательный листокъ, который будетъ положенъ рабочимъ въ урну при ближайшихъ выборахъ въ парламентъ или органъ мѣстнаго управленія. Великая сила знанія ясна людямъ даже при невысокомъ уровнѣ развитія. А потому человѣкъ пользуется своими матеріальными средствами, дабы пріобрѣсти, въ качествѣ послушныхъ орудій, людей, которые, своими знаніями служили бы интересамъ владѣнія, поддерживали бы въ обществѣ убѣжденіе, что совокупность выгодъ и правъ, которыми располагаютъ владѣльцы, не только желательна для нихъ, но соотвѣтствуетъ нуждамъ и пользамъ всего населенія. И, вотъ, на защиту владѣльца выступаютъ многочисленные идеологи. Юристы, со ссылками на безчисленные тексты римскаго права, доказываютъ священность и неприкосновенность права частной собственности. Экономисты приводятъ груды цифръ, что производство и накопленіе богатства замедлятся и даже совсѣмъ остановятся, какъ скоро владѣніе землей и капиталомъ перейдетъ отъ частныхъ лицъ ко всему обществу. Школа, отъ начальнаго училища до университета, внѣдряетъ въ своихъ питомцевъ убѣжденіе, что современный общественный порядокъ, требующій тѣхъ или иныхъ частичныхъ поправокъ, прекрасенъ и благотворенъ въ своемъ основаніи. И проповѣдники съ церковныхъ каѳедръ краснорѣчиво излагаютъ паствѣ всѣ тѣ тексты священнаго писанія, которые обязываютъ слугъ повиноваться господамъ, гражданъ—властямъ, которые внушаютъ людямъ покорность судьбѣ, смиреніе, безропотное несеніе нищеты и утѣшаютъ загробнымъ блаженствомъ за всѣ невзгоды, выпадающія человѣку на долю въ этой юдоли плача. Ежедневная печать, обращая многотомные трактаты и неудобоваримые статистическіе сборники въ размѣнную монету, разноситъ по всему земному шару пѣснопѣнія въ честь современнаго порядка вещей. Мудрено ли, что способы воздѣйствія на человѣческую душу приносятъ обильные плоды! Безчисленный хоръ ученыхъ, художниковъ, актеровъ, педагоговъ, священнослужителей привлекаютъ къ подножію владѣнія и милліоны людей, интересы которыхъ только кажущимся образомъ связаны съ разсчетами владѣльцевъ. Все это сознается владѣльцами; все это служитъ для нихъ источникомъ силы, и все это побуждаетъ ихъ удерживать за собой занимаемое положеніе.

Итакъ, общество распадается на два основныхъ класса: владѣющихъ орудіями производства и лишенныхъ такого владѣнія. Но это дѣленіе еще не вполнѣ приближаетъ насъ къ картинкѣ, которую даетъ дѣйствительность. Мы видимъ въ первомъ ряду людей, которые не принадлежатъ къ имущимъ классамъ: ученый, пишущій диссертацію о томъ, что прибыль капиталиста есть плодъ его трудовъ и талантовъ, и священникъ, возносящій молитвы о сохраненіи современнаго порядка вещей, глубоко несправедливаго и отвратительнаго съ точки зрѣнія истинно гуманнаго человѣка, сами по себѣ стоятъ очень далеко отъ землевладѣнія и капиталовладѣнія. Далеко отъ нихъ стоятъ также фабричные или сельскіе рабочіе, подающіе на выборахъ въ рейхстагъ голоса за богатаго помѣщика или фабриканта, или же почтальонъ, голосующій за кандидата консервативной партіи и въ то же время крупнаго землевладѣльца. Съ другой стороны, если мы находимъ въ рядахъ неимущихъ классовъ Фрид-

риха Энгельса, который состоялъ крупнымъ акціонеромъ одной манчестерской фабрики, нѣкоторыхъ ученыхъ съ десятками тысячъ ежегоднаго дохода, владѣльца обширной типографіи и крупнаго книгопродавческаго дѣла, то отнюдь не можемъ объяснить ихъ присутствіе въ этомъ станѣ матеріальнымъ положеніемъ, ибо они принадлежатъ къ людямъ большого или, по крайней мѣрѣ, значительнаго владѣнія. То же слѣдуетъ сказать о случаяхъ, когда ремесленникъ или крестьянинъ, еще самостоятельные, идутъ рука объ руку съ пролетаріями. А потому мы поймемъ классовую борьбу только подъ условіемъ, что оцѣнимъ площадь, на которую владѣніе оказываетъ вліяніе, примемъ въ разсчетъ пружины, посредствомъ которыхъ оно умножаетъ свои ряды, и причины, побуждающія выйти изъ этого лагеря большее или меньшее число членовъ даннаго класса.

Представители владѣнія, отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ, образуютъ въ этихъ рядахъ главную массу. Трудно сдѣлать точный подсчетъ владѣльцамъ земли и капитала, которые стоятъ за неприкосновенность владѣнія и всего, покоющагося на немъ общественнаго порядка. Но важные факты, вполнѣ доступные наблюденію, позволяютъ и безъ всякаго учета утверждать, что огромное большинство этихъ людей чувствуютъ и сознаютъ себя, какъ классъ со своими особыми интересами, отличными отъ интересовъ неимущихъ. Когда въ Россіи происходили подготовительныя работы по освобожденію крѣпостныхъ, то огромное большинство помѣщиковъ (вопреки русскому добросердечію и нѣжности славянской души, о которыхъ говорятъ такъ часто и съ такимъ паѳосомъ) высказывалось противъ освобожденія: государственная необходимость перейти отъ крѣпостнаго труда къ наемному и отъ натуральнаго хозяйства къ денежному не была понятна большинству этихъ людей уже въ силу ихъ низкаго умственнаго развитія, а отмѣна крѣпостнаго состоянія чувствовалась и сознавалась, какъ ударъ, наносимый классу помѣщиковъ и именно въ центральномъ пунктѣ — владѣніи. Парламентскіе выборы въ любой изъ странъ западней Европы позволяютъ наблюдать группировку партій, соотвѣтственно съ интересами владѣнія: землевладѣльцы, отъ богатаго барина до крестьянина гдѣ-нибудь въ баварскихъ Альпахъ или Бретани, и промышленники, отъ креза до владѣльца крохотной мастерской, посылаютъ въ представительныя учрежденія людей, которые входятъ въ составъ одной изъ консервативныхъ партій. Какое названіе ни носила бы эта партія—консервативной, либеральной, антисемитской—черта, ихъ сближающая, та, что всѣ онѣ стоятъ за непоколебимое охраненіе основъ современнаго общественнаго порядка. Всѣ лица, примыкающія къ группѣ владѣльцевъ, если размѣры владѣнія обезпечиваютъ человѣку хотя скромную самостоятельность, прямо заинтересованы въ охранѣ общественнаго строя нашего времени, ибо своими главными особенностями онъ благопріятенъ для имущаго класса.

Сюда примыкаютъ, далѣе, всѣ тѣ, кто не входитъ въ составъ имущихъ классовъ, но имѣетъ надежду раньше или позднѣе вступить въ этотъ кругъ. Изучая составъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, мы видимъ въ нихъ, на ряду съ многочисленными рабочими, директоровъ, надсмотрщиковъ отдѣльныхъ частей, приказчиковъ. Они въ томъ отношеніи сходны съ рабочими, что представляютъ наемный трудъ и рѣзко отдѣлены отъ хозяевъ предпріятія. Но между ними и рабочими проходитъ раздѣльная черта: доходъ послѣднихъ не покрываетъ необходимыхъ потребностей или едва покрываетъ ихъ, а потому оставляетъ ихъ на всю жизнь пролетаріями. А заработокъ первыхъ нерѣдко позволяетъ имъ дѣлать сбереженія и поддерживаетъ надежду, что 15 — 20 лѣтъ такого занятія откроетъ имъ возможность стать акціонерами предпріятія, въ которомъ они

служатъ по найму, т. е. перейти въ ряды имущихъ.[31]) Духовное пріобщеніе людей, начальствующихъ въ предпріятіяхъ, къ хозяевамъ и отчужденность отъ рабочей массы особенно ярко выражаются въ стачкахъ. Если стачки и забастовки протекаютъ бурно, то директора, надсмотрщики и мастера оказываются обыкновенно на сторонѣ хозяевъ и нерѣдко вызываютъ со стороны стачечниковъ ярость и насиліе. Многіе изъ этихъ людей, по своему происхожденію, принадлежатъ къ пролетаріату; но возможность подняться на высшую ступень общественной лѣстницы и пріобщить дѣтей къ имущему классу дѣлаетъ ихъ въ массѣ горячими сторонниками земле- и капитало-владѣнія.

Въ странахъ, гдѣ самостоятельное положеніе государства расшатано, сюда тяготѣетъ все высшее и среднее чиновничество; оно является таковымъ и по чувству и, частью, по ясному сознанію. Это разумѣется само собою, по скольку чиновникъ рожденіемъ принадлежитъ къ имущему классу. Не трудно понять, что онъ примыкаетъ сюда, если даже вышелъ изъ рядовъ бѣдныхъ людей. Жалованье позволяетъ крупному чиновнику дѣлать сбереженія; иногда это доступно и для средняго. Къ возможности войти этимъ путемъ въ составъ имущихъ классовъ присоединяется и возможность, открываемая другими способами: женитьбой на приданомъ, высокимъ вознагражденіемъ за спеціальныя административныя услуги, оказываемыя лицамъ имущаго класса, знакомствами въ средѣ биржевыхъ дѣятелей. Послѣдніе вовлекаютъ чиновниковъ въ биржевую игру и помогаютъ имъ на каждое сбереженіе въ тысячу рублей получить не 4%, приносимые государственными бумагами, а десятки, иной разъ даже сотни процентовъ въ немного мѣсяцевъ. Къ какой средѣ ни принадлежалъ бы высшій и средній чиновникъ по рожденію и воспитанію, служебная дѣятельность заставляетъ его быстро усвоить обиходъ, привычки, вкусы, стремленія имущаго класса. У болѣе развитыхъ представителей бюрократіи къ этому присоединяется отчетливое сознаніе, что сложность государственнаго механизма, многочисленность должностей, крупное вознагражденіе высшихъ, почести, связанныя со службою правительству, возможны только въ общественномъ строѣ, покоющемся на рѣзкихъ противоположностяхъ—отъ царскаго владѣнія до крайняго убожества. Судья, сколько-нибудь проницательный, понимаетъ, что въ условіяхъ, приближающихся къ идеаламъ соціализма, будетъ безконечно меньше тяжбъ и преступленій, безконечно меньше прокуроровъ, судей и тюремъ, чѣмъ нынѣ. Проницательный чиновникъ финансоваго вѣдомства понимаетъ, что въ государствѣ будущаго, какъ его рисуютъ соціалисты, не нужны будутъ безчисленные чины надзора по сахарному или табачному акцизу, такъ какъ и самыхъ этихъ акцизовъ не будетъ. Наконецъ, каждый чиновникъ со многотысячнымъ окладомъ понимаетъ, что въ обществѣ, осуществляющемъ начала равенства, трудъ директора департамента или дипломата не можетъ считаться достойнымъ въ 20, 30 разъ большаго вознагражденія, чѣмъ служба народнаго учителя и что только тамъ, гдѣ есть многомилліонныя частныя имущества, пріобрѣтенныя присвоеніемъ чужаго труда—рабскаго, крѣпостнаго, вольно-наемнаго—предъявляется запросъ на такихъ представителей государственной службы, которые всѣмъ своимъ жизненнымъ обиходомъ принадлежатъ къ богатымъ классамъ. Поэтому, высшее и среднее чиновничество, въ своей массѣ, часто сознательно, а главное безотчетно, горой стоитъ за интересы владѣнія. Отстаивая владѣніе, оно охраняетъ выгоды своего служебнаго положенія и наслѣдственную передачу этихъ выгодъ своимъ потомкамъ.

Личныя выгоды побуждаютъ огромное большинство людей, такъ называемыхъ, свободныхъ профессій идти за одно съ представителями вла-

дѣнія. Врачъ лучше кормится отъ практики у фабрикантовъ, торговцевъ или помѣщиковъ, чѣмъ у рабочихъ. Сотрудникъ реакціонной газеты, называй она себя консервативной или либеральной, оффиціозной или независимой, имѣетъ гораздо лучшій заработокъ, чѣмъ журналистъ демократическаго изданія. Живописецъ находитъ покупателей на свои картины исключительно среди богатыхъ меценатовъ. Актеръ получаетъ десятки и сотни тысячъ въ годъ только потому, что неравенство состояній устанавливаетъ очень рѣзкую разницу въ оплатѣ мѣстъ при театральныхъ зрѣлищахъ. И священникъ, если трудъ его оплачивается преимущественно требами, находитъ выгоднымъ поддерживать владѣніе; члены имущихъ классовъ являются его наиболѣе желанными кліентами. Даже тамъ, гдѣ трудъ духовенства оплачивается опредѣленнымъ жалованьемъ, священникъ прямо заинтересованъ въ томъ, чтобы стоять на сторонѣ имущихъ. Ростъ просвѣщенія увеличиваетъ число людей, равнодушныхъ къ религіи и уменьшаетъ нужду въ духовенствѣ. Умственное развитіе одинаково вліяетъ на всѣ общественные слои; но люди неимущихъ классовъ легче и рѣзче выражаютъ свое равнодушіе къ церкви. Проникаясь убѣжденіемъ, что церковь и духовенство являются, прежде всего, орудіями для поддержанія существующаго порядка, что защита, которую они оказываютъ слабымъ и обездоленнымъ, является только красивою фразой, умственно развитые члены неимущихъ классовъ легче, нежели имущіе, покончиваютъ всѣ свои счеты съ церковью. Люди состоятельныхъ классовъ, при полномъ равнодушіи къ религіи и церкви, сознаютъ или, по крайней мѣрѣ, чувствуютъ, что послѣдняя поддерживаетъ ихъ интересы, а потому остаются въ общеніи съ нею, исполняютъ ея обряды и не отказываютъ ей въ извѣстной части своихъ матеріальныхъ средствъ; при этомъ они увѣрены, что церковь приложитъ всѣ старанія, дабы они со спокойной совѣстью пользовались главной частью своего имущества. А потому, какъ чиновникъ душой и тѣломъ преданъ имущимъ классамъ, этой основѣ бюрократіи, такъ священникъ не щадитъ силъ для защиты владѣнія отъ его противниковъ, ибо демократизація общества все болѣе дѣлаетъ религію дѣломъ индивидуальнаго настроенія, а церковь и духовенство — все менѣе нужными. Замѣтимъ также, что многіе члены этихъ группъ, если даже принадлежатъ рожденіемъ къ неимущему классу, имѣютъ возможность дѣлать сбереженія, помѣщать ихъ въ государственныя и частныя процентныя бумаги и прилѣпляться къ современному порядку, т. е., въ конечномъ итогѣ, ко владѣнію.

Помимо всѣхъ этихъ людей, матеріально связанныхъ съ имущимъ классомъ, мы находимъ въ его лагерѣ людей, истинные интересы которыхъ не связаны съ нимъ; но связь установляется подъ вліяніемъ страха или невѣжества. Возьмемъ многомилліонную массу неимущихъ, которые живутъ только трудомъ своихъ рукъ. Въ настоящемъ весь складъ жизни рѣзко отдѣляетъ ихъ отъ имущаго класса. Вѣроятіе, что въ будущемъ для многихъ условія сложатся гораздо болѣе благопріятно, раскроютъ предъ ними ряды имущаго класса, безконечно мало. А потому, все направляетъ ихъ на то, чтобы вести классовую борьбу съ имущими. Но эти стремленія парализуются чувствомъ страха передъ могуществомъ господъ, которые могутъ лишить ихъ заработка. Страхъ дѣйствуетъ на эту массу тѣмъ съ большею силой, чѣмъ болѣе она своими историческими судьбами пріучена къ повиновенію, чѣмъ рѣже она имѣла случай сопротивляться и чѣмъ ниже уровень ея умственнаго развитія и способность къ организованію въ тѣсно сплоченные союзы. Пока каждый отдѣльный членъ этой массы уловляетъ отношеніе только себя одного къ своему хозяину, пока онъ не возвышается до пониманія, что тѣсная солидарность

съ товарищами по занятію дѣлаетъ его болѣе стойкимъ и затрудняетъ для хозяина лишеніе его заработка, до тѣхъ поръ онъ всецѣло подчиненъ чувству страха. Не трудно, поэтому, объяснить, что на сторонѣ имущаго класса всего легче удерживаются сельскіе рабочіе, соединенные по отдѣльнымъ хозяйствамъ обыкновенно небольшими группами, и рабочіе въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ: невозможность соединенія въ большія массы лишаетъ ихъ противовѣса чувству страха передъ хозяевами или передъ государственной властью.

Многіе члены этой массы остаются на сторонѣ имущаго класса вслѣдствіе своего невѣжества. Полуграмотные, далекіе отъ литературныхъ движеній, они лишены досуга, который позволилъ бы пріобрѣсти хотя слабое пониманіе строя общественной жизни. Укрѣпляемые школой и церковью въ самыхъ грубыхъ предразсудкахъ, эти члены неимущаго класса, если даже не находятся во власти страха, стоятъ на сторонѣ имущихъ потому, что привыкли считать существующій порядокъ наилучшимъ. Умственная тьма дѣлаетъ этихъ людей воспріимчивыми къ самымъ нелѣпымъ предсказаніямъ и предположеніямъ относительно того, напримѣръ, что дастъ человѣчеству полное уравненіе общественныхъ группъ, вѣнецъ истинно демократическихъ стремленій. Состояніе всеобщей войны, полный хаосъ, застой въ хозяйственной жизни, исчезновеніе даже тѣхъ скромныхъ удобствъ, которыми располагаетъ теперь человѣкъ, живущій изо дня въ день—вотъ картина, которую имущій классъ, съ помощью разныхъ способовъ, запечатлѣваетъ въ умѣ довольно многихъ членовъ пролетаріата.

Не будемъ, наконецъ, отрицать, что на сторонѣ имущаго класса есть люди достаточнаго ума и образованія, отстаивающіе съ полнымъ безкорыстіемъ его интересы и основы современнаго порядка вещей. Какъ ни мало такихъ людей, ихъ можно найдти въ рядахъ обоихъ классовъ—имущаго и неимущаго. Личныя качества, равнодушіе къ богатству, малая заботливость объ увеличеніи матеріальнаго благосостоянія, независимость характера заставляютъ считать ихъ совершенно безкорыстными сторонниками тѣхъ или иныхъ воззрѣній. Иногда ихъ ученая или общественная дѣятельность обнаруживаетъ значительную, даже большую умственную силу. Какъ ни различны эти люди, ихъ связываютъ такія общія черты: 1) Преувеличеніе культурныхъ успѣховъ человѣчества. 2) Одностороннее объясненіе этихъ успѣховъ. 3) Недостаточное пониманіе движенія, которое исходитъ отъ неимущаго класса, непониманіе его причинъ, характера, цѣлей. Привычка такъ оцѣнивать общественныя явленія есть слѣдствіе умственной отсталости. Станемъ на мѣсто этихъ людей и постараемся понять умственную работу, которая въ нихъ происходитъ.

Исторія культуры представляется, прежде всего, какъ процессъ, происходившій при наличности двухъ классовъ—имущаго и неимущаго. Формы владѣнія измѣнились: на смѣну рабскаго и крѣпостного труда явился трудъ, юридически свободный; но самый фактъ распаденія общества на имущихъ и неимущихъ остается непоколебленнымъ въ теченіе тысячелѣтій. Этотъ фактъ не мѣшалъ до сихъ поръ культурнымъ успѣхамъ. Культурные успѣхи выражались не только въ возрастаніи власти человѣка надъ природой, въ усовершенствованіи техники, но и въ отношеніяхъ между людьми: смягчаются наказанія, благосостояніе массы поднимается, вырастаетъ народная школа. Разъ изслѣдованіе прошлаго и настоящаго не довольно глубоко, то дѣлается выводъ, что всѣ стороны культуры развиваются гармонически. А такое заключеніе ошибочно: усовершенствованія техники несравненно болѣе велики, нежели перемѣны въ отношеніяхъ между людьми; ростъ богатствъ гораздо болѣе великъ, чѣмъ

движеніе неимущаго класса въ матеріальномъ благосостояніи и духовномъ развитіи. Во-вторыхъ, очень часто наблюдается наклонность давать успѣхамъ культуры одностороннее объясненіе. Такъ какъ среди дѣятелей по общественнымъ реформамъ представители имущаго и властвующаго класса занимаютъ особенно видное мѣсто, то легко признаютъ ихъ главными и даже исключительными виновниками всѣхъ улучшеній, которыя совершаются въ общественной жизни. При этомъ забываютъ, что люди имущаго класса, взятые въ цѣломъ, только неумолимою силою обстоятельствъ толкались на ту или другую реформу, благопріятную для бѣднѣйшихъ. Наконецъ, къ этому присоединяется и недостаточное пониманіе движенія, идущаго снизу. Въ однихъ случаяхъ оно представляется, какъ процессъ, развитый талантливыми и честолюбивыми демагогами, которые намѣренно преувеличиваютъ несовершенства современнаго строя и пользуются массами, какъ орудіями для своихъ личныхъ цѣлей. Въ другихъ случаяхъ движеніе представляется слѣпымъ, хаотическимъ, направленнымъ только на разрушеніе упрочившагося порядка, но неспособнымъ что-либо создать. Неудивительно, если люди безкорысные и не лишенные дарованій, иногда настоящіе люди науки, разъ такая односторонность или умственная отсталость сдѣлались ихъ удѣломъ, по искреннему убѣжденію находятся въ лагерѣ сторонниковъ имущаго класса, съ неподдѣльною страстностью защищаютъ его положеніе и ратуютъ за его права.

Таковъ составъ имущихъ классовъ въ современномъ обществѣ. Мы уже разбили ихъ на четыре основныхъ группы. Чѣмъ же оправдывается это дѣленіе?

Весь общественный доходъ, за исключеніемъ заработной платы, образуетъ одну сплошную массу, которая направляется въ распоряженіе одной изъ четырехъ названныхъ группъ. Чѣмъ болѣе велика доля одной, тѣмъ болѣе урѣзываются доли всѣхъ остальныхъ, причемъ ущербъ одного изъ пострадавшихъ классовъ можетъ быть болѣе значителенъ, чѣмъ другихъ. Наблюденіе какого-либо періода въ жизни любого народа убѣждаетъ насъ, что интересы этихъ четырехъ классовъ часто совсѣмъ несходны. Обратимся, напримѣръ, къ 16 столѣтію въ исторіи Европы, когда начали слагаться цѣлыя системы покровительственныхъ таможенныхъ налоговъ. Отъ того времени и вплоть до нашихъ дней таможенные налоги на фабрикаты были выгодны для двухъ классовъ—представителей промышленности и торговли и государства, невыгодны для землевладѣльцевъ и почти безразличны для церкви. Или возьмемъ всѣ государственныя мѣры, которыми затрудняется ввозъ въ страну продуктовъ сельскаго хозяйства: отъ этого выигрываютъ представители сельскаго хозяйства и государства, и теряетъ торгово-промышленный классъ. Акты, посредствомъ которыхъ установляются налоги, падающіе на всѣ виды имущества и дохода—добывающую и обрабатывающую промышленность, торговлю, доходы духовенства представляютъ выгоды прежде всего для государства. Можно возразить на это, что ростъ доходовъ государства и увеличеніе его затратъ приноситъ пользу всему населенію или какой-либо отдѣльной общественной группѣ. Однако, мы доходимъ до этого конечнаго итога чрезъ цѣлый рядъ посредствующихъ звеньевъ, всѣхъ дѣйствій, предпринимаемыхъ для сооруженія новыхъ дорогъ, устройства новыхъ школъ и т. п. Непосредственнымъ же слѣдствіемъ возросшихъ доходовъ государства является увеличенное содержаніе должностныхъ лицъ, уже состоявшихъ на службѣ государства, и привлеченіе на эту службу новыхъ людей. Наоборотъ, отказъ народнаго представительства увеличить доходы государства, до какой бы статьи государственной росписи это ни относилось,—войска, флота, содержанія двора,—а тѣмъ болѣе сокращеніе государственныхъ

доходовъ, причиняетъ государству ущербъ и служитъ къ выгодѣ остальныхъ классовъ.—Можно привести примѣры и того, что церковь является самостоятельнымъ звеномъ въ ряду имущихъ группъ. Католическая церковь добраго стараго времени облагала свою паству большими поборами. Чѣмъ болѣе значительны были эти поборы, тѣмъ меньшая доля оставалась въ распоряженіи землевладѣльцевъ, капиталистовъ и государства.

Согласно съ установленнымъ дѣленіемъ владѣльцы городской недвижимости оказались въ одномъ классѣ съ представителями промышленности и торговли. Соединеніе ихъ въ одну группу можетъ быть вполнѣ оправдано: имъ служитъ на пользу все то, что способствуетъ возрастанію городовъ и поднимаетъ цѣнность и доходность участковъ городской земли. Развитіе промышленности и торговли является главнымъ условіемъ для роста городовъ: а потому все, что способствуетъ возникновенію новыхъ отраслей промышленности и расширенію старыхъ, служитъ къ выгодѣ владѣльцевъ городской недвижимости. Высокій таможенный налогъ на фабричныя издѣлія иноземнаго производства причиняетъ хозяйству земледѣльца или фермера существенный минусъ, который не можетъ быть восполненъ изъ условій сельскохозяйственнаго промысла; если же, вслѣдствіе этого таможеннаго налога, возникла новая отрасль промышленности—и какъ то обыкновенно бываетъ—возникла въ городѣ, то возрастаніе ренты городскихъ участковъ земли съ избыткомъ вознаграждаетъ владѣльцевъ за то, что они переплачиваютъ на товарѣ, обложенномъ таможенной пошлиной.

Распредѣленіе людей, такъ называемыхъ, свободныхъ профессій по четыремъ основнымъ классамъ имущихъ нуждается въ дополнительномъ поясненіи. Конечно, каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои замкнутые интересы, которые она и отстаиваетъ съ энергіей тамъ, гдѣ что-нибудь угрожаетъ нарушить ихъ: когда поднимается рѣчь объ установленіи таксы за труды врачей, адвокатовъ, то послѣдніе требуютъ возможно болѣе высокой таксы и борются противъ всѣхъ, стремящихся понизить ее. Но въ общемъ эти группы проникаются расчетами тѣхъ, на чей счетъ они кормятся. При могущественномъ вліяніи церкви, значительная часть представителей свободныхъ профессій, особенно, «люди науки», кормятся на счетъ церкви и проникаются ея интересами. Въ государствѣ со слабо развитою общественной жизнью, съ деспотическимъ правительствомъ, которое вѣдаетъ всѣхъ и все, огромное число людей, принадлежащихъ къ свободнымъ профессіямъ, зависитъ отъ государственной службы и такъ или иначе представляетъ интересы своего начальства. Гдѣ общественная жизнь развита, сфера дѣятельности государства уже, интересы землевладѣнія или капиталовладѣнія выступаютъ на первое мѣсто, тамъ люди свободныхъ профессій примыкаютъ, главнымъ образомъ, къ наиболѣе могущественной общественной группѣ. Въ западной Европѣ большая часть этихъ людей стоитъ въ рядахъ буржуазіи, ибо интересы промышленнаго и торговаго класса замѣтно выдѣляются на первенствующее мѣсто.

III.

Можно ли говорить о государствѣ, какъ особой группѣ въ классѣ имущихъ? Принято думать, что государство есть только представитель имущаго класса, наиболѣе совершенная организація для того, чтобы имущіе классы властвовали надъ большинствомъ, причемъ оно рѣзко выражаетъ въ ранніе историческіе періоды интересы только землевладѣнія, а позднѣе — и капиталовладѣнія [82]). Это положеніе вѣрно относительно странъ, гдѣ широко развилась политическая свобода, гдѣ сфера дѣятельности государства ограничена. Но это непримѣнимо къ періодамъ въ жизни страны, когда деспотизмъ тяготѣетъ надъ всѣми общественными

группами. Читая описаніе борьбы, которую во время второй французской республики легитимисты вели съ орлеанистами, мы понимаемъ, что побѣда первыхъ выражала торжество такого порядка вещей, когда государство, созданное представителями землевладѣнія, служило бы преимущественно его интересамъ. Наоборотъ, побѣда орлеанистовъ завершилась бы созданіемъ такого государственнаго порядка, при которомъ на первое мѣсто были бы выдвинуты интересы промышленнаго и торговаго класса и государство было бы выразителемъ именно ихъ воли. Или, когда мы изучаемъ, какъ въ Англіи консервативное и либеральное министерства смѣняли другъ друга, мы знаемъ, что эта смѣна выражаетъ побѣду въ первомъ случаѣ землевладѣльцевъ, а во второмъ—капиталовладѣльцевъ, т. е. въ этихъ смѣнахъ выражается служеніе государства интересамъ преимущественно одной изъ названныхъ группъ [83]).

До тѣхъ же поръ, пока общественная жизнь мало развита, государство настолько сильно, что представляетъ особую, самостоятельную группу внутри класса имущихъ. Эта группа имѣетъ свои особые разсчеты; государство и въ этомъ періодѣ заботится объ интересахъ землевладѣльческаго и торгово-промышленнаго классовъ, однако, дѣлаетъ это не потому, чтобы одинъ изъ нихъ направлялъ его волю, а только потому, что такое направленіе законодательства наиболѣе соотвѣтствуетъ его цѣлямъ. Въ этомъ періодѣ первенствующею группою имущихъ являются всѣ, кто служитъ государству, т. е. бюрократія.

Оглядываясь въ исторіи Европы на то время, когда господствовало полицейское государство, мы убѣждаемся, что бюрократія была наиболѣе могущественной группой среди имущихъ. Припомнимъ политику французскихъ королей относительно дворянства: ихъ привлекали ко двору не только для того, чтобы увеличить блескъ королевской власти, но и для того, чтобы ослабить ихъ вліяніе на мѣстное населеніе. Интересы дворянства, какъ землевладѣльческаго класса, охранялись бы тѣмъ, чтобы дворяне прочно сидѣли на мѣстахъ, поддерживали тѣсную связь съ населеніемъ. Напротивъ, цѣлямъ государства, какъ представителя бюрократіи, соотвѣтствовало порваніе связи между дворянами и крестьянствомъ и пониженіе авторитета землевладѣльцевъ. Когда, позднѣе, во Франціи сложилась цѣлая система мѣръ, направленныхъ на развитіе промышленности и внѣшней торговли, то поднятіе промышленнаго и торговаго классовъ, какъ таковыхъ, вовсе не входило въ виды правительства: цѣлью всѣхъ этихъ міропріятій было усиленное приложеніе народнаго труда въ тѣхъ областяхъ, которыя давали наибольшее ручательство, что государственная казна не будетъ пуста. Кольберъ, при которомъ система покровительства промышленности и торговли получила особенно яркое выраженіе, имѣлъ передъ собой неисчерпаемый матеріалъ для выводовъ, что богатство страны, обезпечивающее богатство и силу государства, возростаетъ всего быстрѣе тамъ, гдѣ развиваются промышленность и торговля: мелкія цвѣтущія республики Италіи, славные своей торговлей города Фландріи представляли столь рѣзкую противоположность со странами, исключительно земледѣльческими, что государственному человѣку была очевидна невозможность обогатить казну безъ того, чтобы приложить усиленныя заботы къ развитію промышленности и торговли. Самостоятельность интересовъ государства видна также изъ той опеки, которая тяготѣла надъ всѣми сторонами жизни. Наивно видѣть въ основаніи этой опеки стремленіе обезпечить наибольшее благосостояніе опекаемымъ общественнымъ группамъ; наивно думать, что чиновники, обходившіе промышленныя заведенія, дабы изслѣдовать ширину и цвѣтъ тканей, посылались правительствомъ въ силу его заботъ о владѣльцахъ этихъ про-

мышленныхъ заведеній. Создавая эти функціи, государство руководствовалось двойнымъ соображеніемъ: оно знало, что забота о приготовленіи товаровъ извѣстнаго достоинства обезпечиваетъ развитіе внѣшней торговли и возростаніе доходовъ казны, а также, что государство тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ большее число людей зависитъ отъ него непосредственно. Вотъ почему въ его интересы входило созданіе возможно большаго числа правительственныхъ функцій и содержаніе наибольшаго числа чиновниковъ. Отъ половины 17 до конца 18 вѣка Франція служитъ живымъ доказательствомъ того, что, при такомъ строѣ, государство является представителемъ именно своихъ интересовъ. Всѣ отрасли народнаго хозяйства пришли въ полное разстройство; расходы государства, возростая, поглощали все большую часть народнаго дохода и не дѣлалось ничего, чтобы хотя сколько-нибудь ослабить этотъ процессъ. Слова Людовика XIV «государство—это я» краснорѣчиво выражаютъ положеніе дѣлъ во Франціи 17 и 18 вѣковъ: нужно видѣть въ этихъ словахъ не столько похвальбу неограниченнаго монарха, опьяненнаго лестью придворныхъ, сколько ту вѣрную, обобщающую мысль, что государство стояло господиномъ надъ интересами всѣхъ общественныхъ группъ и заботилось преимущественно о той, заботиться о которой было для него въ данное время наиболѣе выгодно.

Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что этотъ порядокъ неизвѣстенъ современной Европѣ. Россія служила до настоящаго времени самымъ поучительнымъ примѣромъ того, что государство образуетъ въ ряду имущихъ классовъ особую, самостоятельную, наиболѣе властную группу, что оно представляетъ прежде всего интересы бюрократіи и что мѣры, направленныя на заботы о другихъ общественныхъ группахъ, принимаются лишь въ той степени, въ какой это нужно для поддержанія и упроченія чиновничества. Какой области русской государственной жизни мы бы ни коснулись, вездѣ это обнаруживается съ полной очевидностью.

Преобладаніе бюрократіи, имѣющее въ Россіи многовѣковую исторію, сказывалось за самое послѣднее время въ стремленіи увеличить число должностныхъ лицъ, служащихъ государству. Уровень народнаго образованія поднимается; число людей, подготовленныхъ къ разнымъ отраслямъ дѣятельности, возрастаетъ, а потому государству, «во имя общественнаго блага», не было бы надобности усиленно расширять свои функціи. А между тѣмъ возникали новыя отрасли управленія, прежде всего, винная монополія. Всѣ улучшенія, которыя были желательны въ торговлѣ виномъ, могли быть достигнуты только усиленіемъ правительственнаго надзора надъ торговлей. Казенный доходъ изъ этого источника могъ быть увеличенъ повышеніемъ налога. Но правительство вводитъ монополію потому, что она увеличиваетъ ряды бюрократіи на нѣсколько десятковъ тысячъ людей. Наблюденіе показываетъ, что въ Россіи казенное управленіе желѣзными дорогами ничуть не лучше частнаго; однако, выкупъ частныхъ дорогъ государствомъ совершался очень быстро. И здѣсь государствомъ руководило сознаніе, что сила правительства тѣмъ болѣе возростаетъ, чѣмъ большими матеріальными богатствами владѣетъ казна и чѣмъ больше людей служитъ государству. Не нужно особаго глубокомыслія, дабы понять, что мѣропріятія государства, направленныя въ Россіи къ поддержанію отдѣльныхъ общественныхъ группъ, проводились прежде всего для укрѣпленія бюрократіи. По первому впечатлѣнію можетъ казаться, что усиленная и широко развѣтвленная таможенная политика дѣлаетъ государство представителемъ буржуазіи. Ничуть не бывало: какъ въ періодъ господства меркантилистическихъ ученій высокія таможни воздвигались, дабы создать наиболѣе легкій способъ пополненія государственной казны,

такъ и въ современной Россіи высокіе таможенные налоги установлялись прежде всего потому, что они являются наиболѣе доступнымъ средствомъ для увеличенія доходовъ государства. Если бы въ основаніи этой политики лежали интересы возникающихъ отраслей промышленности, то русское правительство не разрѣшало бы такъ легко открытія промышленныхъ заведеній, охотнѣе поддерживало бы колеблющіяся предпріятія, было бы осторожнѣе въ переходѣ къ золотой валютѣ, который явился причиною большого стѣсненія денежнаго рынка и затрудненнаго положенія многихъ промышленныхъ единицъ. Если бы, проводя покровительственную политику, русское правительство представляло интересы промышленно-торговаго класса, а не казны, то оно не построило бы въ 1898 году промысловаго налога такъ, какъ онъ былъ построенъ, т. е. съ обремененіемъ многихъ плательщиковъ.

Можетъ быть, государство являлось въ Россіи представителемъ дворянства, какъ землевладѣльческаго класса? И это предположеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Весь землевладѣльческій классъ Россіи—а дворянство занимаетъ въ группѣ землевладѣльцевъ первое мѣсто — важенъ для государства прежде всего, какъ поставщикъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ на иностранные рынки. Чѣмъ болѣе вывозится этихъ продуктовъ, тѣмъ больше разсчетный балансъ склоняется къ выгодѣ Россіи, тѣмъ лучше поставленъ русскій государственный кредитъ, тѣмъ болѣе благопріятно положеніе государственныхъ финансовъ. А потому, правительство, во имя своихъ же бюрократическихъ интересовъ, вынуждено поддерживать землевладѣльцевъ. Поддержаніе землевладѣльцевъ-дворянъ, всего ярче выразившееся въ учрежденіи дворянскаго земельнаго банка, не должно быть истолковано такъ, что, будто бы, государство хотѣло оказать дворянамъ особую, исключительную услугу и выдѣлить ихъ, какъ классъ, предпочтительно представляемый государствомъ. Если принять въ расчетъ, что землевладѣльцы не-дворяне составляютъ меньшинство, что это меньшинство обладаетъ гораздо большею привычкой къ хозяйствованію и что оно имѣетъ изъ частныхъ земельныхъ банковъ кредитъ только на $^1/_5$ дороже, чѣмъ дворяне изъ дворянскаго, то льгота, полученная привилегированнымъ сословіемъ, представится совсѣмъ незначительною, не способною сохранить за нимъ владѣніе землей. Полное пренебреженіе въ Россіи дворянами, какъ дворянами, видно изъ передѣлки, которой подверглись земскія учрежденія по закону 1890 г. Земскія собранія и управы состояли преимущественно изъ дворянъ. Повидимому, было полное основаніе сохранить за привилегированнымъ сословіемъ нѣкоторую свободу самоуправленія, предоставленную земству по закону 1864 года. А между тѣмъ обновленныя земства были цѣликомъ подчинены правительственной опекѣ. То же скажемъ мы о дворянскомъ самоуправленіи; предводители дворянства, стоящіе во главѣ этихъ собраній — чиновники, трепещущіе предъ губернаторами; они жаждутъ чисто бюрократическихъ отличій и радуются каждому случаю, когда могутъ доказать правительству свою угодливость. Наконецъ, каждому, сколько-нибудь знакомому съ русской жизнью, извѣстно, что дворянинъ средняго достатка, хотя бы стариннаго рода, не значитъ ровно ничего, что онъ съеживается передъ каждымъ чиновникомъ, занимающимъ даже умѣренный постъ, и добивается хоть какого-нибудь мѣста на государственной службѣ. Преобладающее значеніе государства въ Россіи, длящееся до сихъ поръ, закрѣплено Петромъ Первымъ и послѣдующими правителями въ узаконеніяхъ, которыя обусловливаютъ полученіе потомственнаго дворянскаго званія чинами и орденами. Какъ бы дѣятельность человѣка ни была ничтожна, за многолѣтнюю службу государству человѣкъ легко пріобщается къ потомственному дворянству.

Итакъ, въ Россіи нѣтъ группы имущихъ, которую представляло бы государство. Смѣшно говорить, что оно является представителемъ неимущихъ. Оно образуетъ особую группу имущихъ, наиболѣе сильную и властную; оно охватываетъ и представляетъ свои интересы, т. е. интересы бюрократіи. Выражая именно эти интересы, оно стремится присвоить возможно большую часть народнаго дохода и наиболѣе увеличить число людей, которые зависятъ отъ него непосредственно. Полная самостоятельность русской бюрократіи, какъ класса, ярко выражается въ русскихъ государственныхъ финансахъ. Всѣ старанія финансоваго управленія клонились къ тому, чтобы представить роспись безъ дефицита, съ возможно большимъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами. Вовсе не принимались до сихъ поръ въ расчетъ, чего это стоитъ народу. Во многихъ мѣстностяхъ страны накоплялись огромныя недоимки; многія отрасли хозяйства находились въ угнетенномъ положеніи; но разъ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ заключалась съ остаткомъ, то со всѣхъ сторонъ слышались отзывы о блестящемъ положеніи дѣлъ. Такимъ образомъ государство обособляется отъ всѣхъ общественныхъ группъ, рѣзко отграничиваетъ отъ нихъ свои собственные интересы.

Изъ европейскихъ государствъ только Россія и Турція представляютъ картину вполнѣ самостоятельнаго государства, давящаго всѣ общественныя группы. Въ другихъ странахъ мы находимъ нѣкоторые, иногда значительные пережитки старины. Въ Германіи они сохранились еще довольно замѣтно. Самостоятельность интересовъ государства въ Германіи сказывается, напримѣръ, въ томъ стараніи, съ которымъ казна удерживаетъ за собой желѣзныя дороги. Наука выдвигаетъ рядъ соображеній о предпочтительности государственной собственности на желѣзныя дороги предъ частной; многіе изъ этихъ доводовъ правильны. Но современное государство—въ частности Германія—руководствуется вовсе не этими соображеніями: оно стоитъ за казенныя желѣзныя дороги, такъ какъ онѣ обезпечиваютъ ему армію въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, всегда готовую къ услугамъ правительства. Эта черта сказывается въ дисциплинѣ, которой подчинены должностныя лица не только на службѣ, но и въ частной жизни. Это видно изъ затрудненій, которыя ставятся участію должностныхъ лицъ въ политическихъ союзахъ, хотя бы очень далекихъ отъ радикализма. Обособленность государства отъ общества въ Германіи сказалась, напримѣръ, весною 1899 года, при внесеніи правительствомъ законопроекта объ усиленіи наказанія стачечникамъ за препятствія работѣ тѣхъ, кто не желаетъ примкнуть къ стачкѣ. Проектъ встрѣтилъ отпоръ даже со стороны партій, представляющихъ интересы капитала. Было ясно, что принятіе этого закона только дастъ возможность посадить каждый годъ нѣсколько сотъ человѣкъ въ тюрьму, но не уменьшитъ стачекъ и не помѣшаетъ стачечникамъ пользоваться для отвлеченія другихъ отъ работы такими способами, которые устраняютъ возможность преслѣдованія со стороны закона. Все это было ясно и членамъ высшаго правительства. И если всѣ союзныя правительства въ Германіи настаивали на проведеніи этого проекта, то лишь потому, что онъ расширялъ сферу правительственнаго вмѣшательства въ общественную жизнь. А каждое расширеніе правительственной дѣятельности усиливаетъ правительство подобно тому, какъ упражненія укрѣпляютъ тѣло человѣка. Эти же вожделѣнія германской бюрократіи читаемъ мы между строками всѣхъ проектовъ увеличенія войска и флота. По поводу перваго еще можно сказать, что Германія, втиснутая между сильными военными державами, нуждается въ многочисленномъ войскѣ; но для увеличенія флота въ тѣхъ размѣрахъ, которые уже намѣчены, нельзя найти никакихъ оправданій. Внѣшняя торговля

для своего дальнѣйшаго развитія, не нуждается въ большомъ военномъ флотѣ. Развѣ вывозятъ много тѣ страны, которыя имѣютъ большой военный флотъ? Нѣтъ, вывозятъ тѣ, которыя имѣютъ усовершенствованную промышленность или изобиліе продуктовъ сельскаго хозяйства: это доказываютъ и Бразилія, и Аргентина, и Бельгія, и сама Германія, завоевавшая, при скромномъ флотѣ, столь большую часть мірового рынка. Для пріобрѣтенія же колоній Германіи не поможетъ и самый большой военный флотъ: лучшія части земного шара уже заняты, а для всѣхъ мѣстъ, которыя еще могутъ быть привлекательными, Германіи придется столкнуться съ англичанами и американцами, народами, уже географически поставленными для развитія флота въ гораздо болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ Германія. Вотъ почему, какъ бы германское правительство, требуя новыхъ и крупныхъ ассигнованій на военный флотъ, ни соблазняло общество перспективой новыхъ колоній, въ основаніи лежитъ увѣренность правительства, что новые корабли, пушки, верфи, тысячи моряковъ, завися отъ государства и обособляясь отъ другихъ общественныхъ интересовъ, увеличиваютъ силу бюрократіи.

Франція вступила въ тотъ періодъ общественнаго развитія, когда государство расшатано, когда оно не можетъ быть самостоятельной группой среди имущихъ классовъ; оно является ихъ орудіемъ. Однако, въ процессѣ Дрейфуса обнаружилось, что государство напрягаетъ всѣ силы, дабы сохранить за собой самостоятельное положеніе. Въ ожесточенной борьбѣ, которая была вызвана осужденіемъ Дрейфуса, по одну сторону стояло все лучшее, чѣмъ располагаетъ французское общество: рабочіе классы и члены средняго класса, не утратившіе идеаловъ. По другую сторону было все, что есть во Франціи наиболѣе отрицательнаго: дворянство, являющееся въ этой странѣ жалкимъ анахронизмомъ, всѣ слои буржуазіи, утонувшіе въ матеріальныхъ разсчетахъ, духовенство, чиновничество, войско. Центральной точкой всего дѣла былъ вопросъ о пересмотрѣ процесса. Когда окрѣпло убѣжденіе, что Дрейфусъ осужденъ безвинно, то всѣ лучшіе люди Франціи стали требовать пересмотра. А все худшее, чѣмъ располагаетъ эта страна—всѣ націоналисты, антисемиты, квасные патріоты, представляя болѣе или менѣе самостоятельныя общественныя группы, вовсе не были заинтересованы въ томъ, чтобы дѣло не было пересмотрѣно. Пересмотръ самъ по себѣ не наносилъ ни одной изъ этихъ группъ ни малѣйшаго ущерба: его послѣдствіями могли быть только оправданіе Дрейфуса, возстановленіе его добраго имени и привлеченіе къ суду нѣкоторыхъ офицеровъ и генераловъ. Такой исходъ не причинялъ имущимъ классамъ никакихъ существенныхъ невыгодъ ни прямо, ни косвенно: наказаніе десятка высокопоставленныхъ военныхъ людей способствовало бы только поднятію репутаціи войска и отнюдь не нарушило бы общественнаго порядка, которымъ такъ дорожатъ имущіе классы. Для войска же, съ точки зрѣнія замкнутыхъ военныхъ интересовъ, обособленныхъ отъ интересовъ всѣхъ общественныхъ группъ, было выгодно не допускать до пересмотра, дабы не обнаружить испорченности, которая насквозь проѣла французскую армію. Прятаться отъ дневнаго свѣта, подольше скрывать злоупотребленія и даже ошибки, твердо помнить, что рука руку моетъ—таковы начала, руководящія дѣятельностью властнаго правительства. И эти начала, не могущія быть удержанными во всемъ французскомъ государственномъ строѣ, ибо республика расшатала его, сохранились почти неприкосновенными въ войскѣ. Отъ монархій Бурбоновъ и Наполеоновъ, которыя были самостоятельными и властными единицами во французскомъ обществѣ, удержалась одна часть—войско; оно и явилось выразительницей идеи государства, господствующаго надъ обществомъ. Само-

стоятельность войска, какъ надъ-общественной силы, не могла бы выступить такъ ярко, если бы оно прямо не было заинтересовано въ дѣлѣ Дрейфуса. Но такъ какъ это дѣло было исключительно его дѣломъ, то оно и обнаружило всю энергію, на какую было способно. Военное вѣдомство давало отпоръ общественнымъ группамъ, которыя требовали пересмотра дѣла. Когда начала разгораться борьба, то всѣ реакціонныя группы естественно должны были стать на сторону войска. Такой группой прежде всего оказалось правительство. Министерство Мелина, считая себя не только частью государственнаго механизма, но частью властнаго государства, сознавало тожественность своихъ интересовъ съ интересами войска, а потому безоговорочно, вмѣстѣ съ президентомъ Форомъ, было противникомъ пересмотра. Въ слѣдующихъ министерствахъ готовность примкнуть къ войску ослабѣла, но отдѣльные члены держались этого направленія. Всѣ реакціонныя группы присоединились къ войску именно потому, что борьба, начатая прогрессивными силами за пересмотръ дѣла Дрейфуса, внушала людямъ реакціи мысль, что идетъ волна чего-то свѣжаго, непріятнаго буржуазіи и дворянству, опаснаго для нихъ, что въ виду этой опасности нужно соединиться, что лучшимъ ядромъ этого союза можетъ служить сила, которая наилучше организована, т. е. войско. Лагарделль далъ правдивый очеркъ дѣла Дрейфуса, но не выдѣлилъ въ этой борьбѣ самостоятельныхъ интересовъ войска, какъ силы, которая еще уцѣлѣла отъ временъ монархіи и представляетъ независимое властное государство: противъ лучшей части либеральной буржуазіи, говоритъ Лагарделль, собрались всѣ элементы реакціи: войско, церковь, двойная демагогія антисемитизма и цезаризма; войско—преторіанская гвардія капитала, самое тяжелое изъ историческихъ пережитковъ, власть надъ которымъ дѣлятъ между собой іезуиты, остатки стараго дворянства и классъ земельныхъ собственниковъ[84]). Вполнѣ соглашаясь съ характеристикой силъ, дѣйствовавшихъ въ процессѣ Дрейфуса, мы съ удареніемъ говоримъ лишь о томъ, что войско, самый тягостный для страны «историческій пережитокъ», былъ въ данномъ случаѣ представителемъ интересовъ не капитала, а своихъ, государства, отожествленныхъ съ интересами войска. Кто познакомился съ безчисленными злоупотребленіями во французской арміи, съ расхищеніемъ казенныхъ денегъ, силою кумовства, которая усыпаетъ розами путь наименѣе достойныхъ, съ полнымъ пренебреженіемъ къ чисто военнымъ обязанностямъ, съ растлѣвающимъ духомъ казармы, тотъ поддержитъ мнѣніе французскаго писателя [85]), что французское войско—противникъ націи въ ея цѣломъ, т. е. образуетъ въ населеніи особую группу, враждебную всей странѣ и лежащую на ней тяжелымъ бременемъ.

Я нахожу, что даже въ Англіи не совсѣмъ изгладились слѣды того, что государство образуетъ самостоятельную группу. Война съ Трансваалемъ даетъ живое тому доказательство. Возникновеніе войны обыкновенно получаетъ со стороны лучшихъ людей англійскаго общества такое объясненіе. До открытія алмазныхъ копей въ Кимберлеѣ англичане относились къ Южной Африкѣ совершенно равнодушно. Въ 1889 году было учреждено, по почину Родса, предпріятіе для эксплоатаціи Южной Африки; королевская хартія дала этому обществу обширныя полномочія. Около этого же времени усилилось добываніе золота въ Трансваалѣ, и главные дѣятели Африки стали проникаться убѣжденіемъ, что барыши отъ добыванія золота будутъ еще болѣе велики, нежели отъ алмазовъ. Въ Кимберлеѣ все подпало подъ власть Родса; постепенно онъ сталъ стремиться къ упроченію своего господства и въ Трансваалѣ. Родсъ и его помощники вычислили, что исполненіе въ Трансваалѣ ихъ требованій относительно эксплоатаціи туземцевъ, какъ работниковъ, увеличитъ ежегодную прибыль компаніи на $2^1/_2$ милліона фунтовъ. Но правительство южно-африканской

республики не хотѣло допустить этого. Отказъ правительства Крюгера отдать туземцевъ въ руки эксплоататоровъ и былъ признанъ тяжкой обидой, которую нанесли уитлендерамъ. И вотъ, побуждаемые ненасытной алчностью, Родсъ и его товарищи рѣшили ввести въ заблужденіе англійское общество. Въ этихъ видахъ и была предпринята цѣльная, законченная система дѣйствій. Подкупается большая часть южно-африканскихъ газетъ; затрачиваются огромныя деньги, дабы ежедневно телеграфировать въ Англію ложныя, сенсаціонныя извѣстія о невзгодахъ пришельцевъ въ Трансваалѣ. Должностныя лица въ южной Африкѣ, отказывавшіяся поддержать этотъ обманъ, увольняются. Правильно организованный подкупъ далъ Родсу возможность искажать телеграммы, которыя изъ Африки посылались въ Англію разными лицами, а находившіеся въ Африкѣ корреспонденты почти всѣхъ лондонскихъ газетъ были взяты Родсомъ на жалованье. Дѣятельность Родса встрѣтила большую поддержку въ высшихъ лондонскихъ кругахъ. Министръ колоній Чемберленъ тѣмъ болѣе готовъ былъ стоять на сторонѣ этого движенія, что его побуждали нѣкоторые члены королевской фамиліи, заинтересованные въ барышахъ отъ южно-африканскихъ золотыхъ розсыпей. Постепенно англійское общественное мнѣніе было обмануто, и началась война, которая не могла принести Англіи никакихъ выгодъ, а была способна только послужить на пользу шайки финансистовъ. И на сторонѣ этой войны оказалась вся Англія, за исключеніемъ рабочаго класса, особенно тѣхъ группъ его, которыя тѣсно примыкаютъ къ соціализму [86]).

Я нахожу такое объясненіе неполнымъ. Конечно, Сесиль Родсъ и другіе алчные люди, наживающіе деньги въ южной Африкѣ, совершали всякія беззаконія и темныя дѣла, чтобы увеличить свое богатство. Если бы неограниченное пользованіе рабочей силой туземцевъ обѣщало повышеніе дохода этихъ людей не на милліоны фунтовъ ежегодно, а на суммы, несравненно меньшія, и тогда они были бы способны на самый беззастѣнчивый обманъ, подкупы, насилія. Однако, это одно не привело бы еще къ войнѣ. Имущій классъ Англіи, взятый въ цѣломъ, можетъ получить отъ завладѣнія южно-африканскими республиками только незначительныя выгоды. Англійскій капиталъ выигрываетъ отъ того, что Англія владѣетъ обширными колоніями; потеря одной изъ нихъ была бы существеннымъ ущербомъ для англійскаго промышленнаго класса. Но Трансвааль не былъ колоніей; пользуясь самостоятельностью, онъ служилъ мѣстомъ сбыта англійскихъ товаровъ и выгоднаго примѣненія англійскихъ капиталовъ. Обращеніе этого маленькаго государства въ колонію, т. е. предположительное извлеченіе изъ него еще большихъ выгодъ могло быть достигнуто только войной. Первоначально война не обѣщала столько трудностей, какъ было встрѣчено; однако, она грозила большими расходами и напряженіемъ силъ; нельзя было надѣяться, что матеріальный выигрышъ, который доставитъ присоединеніе южно-африканскихъ республикъ, покроетъ этотъ ущербъ. А потому, война была начата не только изъ-за выгодъ для имущаго класса Англіи, но въ значительной степени изъ-за вопроса о власти. Родсъ могъ обмануть многихъ, но невѣроятно, чтобы онъ могъ обмануть всѣхъ, ставшихъ сторонниками войны. Въ кругахъ, далекихъ отъ операцій южно-африканскихъ бандитовъ, поднимался такой вопросъ: не пострадаетъ ли слава Англіи, не поколеблется ли вѣра въ ея могущество, если она не заставитъ африканскихъ республикъ исполнить свои требованія? Не предписываетъ ли политическая мудрость вести войну для поддержанія своего авторитета въ глазахъ милліоновъ и милліоновъ, населяющихъ обширныя англійскія колоніи? И правительство Англіи, начавъ войну, представляло интересы не только финансовыхъ дѣльцовъ, но и властвованія, т. е. государства въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Стоитъ внимательно присмотрѣться къ функціямъ государства въ прошломъ и настоящемъ, и представится ребяческою мысль Лоренца Штейна, что будущность Европы до тѣхъ поръ, пока есть классы, группы, сословія, общественныя противоположности, покоится на монархическомъ началѣ, ибо только это начало примиряетъ всѣ противорѣчія [87]). Такъ же странно звучитъ навѣянное философіей права, которая выросла подъ сѣнью полицейскаго государства, утвержденіе Лассаля, что цѣлью государства является безконечное совершенствованіе природы человѣка и что государство, исполняя это требованіе своей нравственной сущности, даже безсознательно, даже противъ воли своихъ вождей, болѣе или менѣе было вѣрно этому назначенію [88]). Нѣтъ, государство, пока оно сильно, образуетъ особую, самостоятельную группу; оно стоитъ надъ всѣми общественными классами и пользуется ими для своихъ цѣлей. Оно дѣлаетъ для каждой изъ общественныхъ группъ (иногда и для неимущихъ) то, что въ данное время и данномъ мѣстѣ наиболѣе выгодно для него, т. е. для охраненія и укрѣпленія бюрократическихъ интересовъ. Лабріола выражаетъ вѣрную мысль, когда говоритъ: „государство уже тѣмъ фактомъ, что оно возникло . . . создаетъ вокругъ себя группу людей, прямо заинтересованныхъ въ его существованіи“ [89]). По мѣрѣ же того, какъ слабѣетъ государственная власть и крѣпнутъ общественныя группы, государство имѣетъ все менѣе возможности отстаивать свои интересы и все болѣе становится орудіемъ класса имущихъ въ его цѣломъ или же отдѣльной группы класса имущихъ, представителей землевладѣнія или капиталовладѣнія.

IV.

Въ противномъ станѣ мы находимъ прежде всего представителей неимущаго класса. Его ядромъ являются рабочіе, занятые въ крупномъ производствѣ и именно въ промышленности Ве ь ихъ бытъ складывается такъ, что они должны выносить на своихъ плечахъ главную тягость классовой борьбы. Раздѣляя со всѣми членами рабочаго класса, занятыми физическимъ трудомъ, [90]) низкое вознагражденіе, необезпеченность заработка и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, рабочіе крупныхъ промышленныхъ заведеній имѣютъ нѣкоторыя особенности, дѣлающія ихъ передовыми бойцами въ этомъ движеніи. Работники мелкаго промышленнаго заведенія въ тѣхъ странахъ, которыя еще не вступили цѣликомъ въ періодъ машиннаго и крупнаго производства, стоятъ къ орудіямъ производства, а потому и къ интересамъ владѣнія гораздо ближе, чѣмъ первые: они видятъ, какъ въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ люди, недавно бывшіе работниками, стали во главѣ мастерскихъ, и считаютъ такой переходъ возможнымъ и для себя, хотя бы незначительность доходовъ и не позволяла имъ дѣлать сбереженія. Отъ подобныхъ предположеній относительно будущаго подчасъ не вполнѣ свободенъ и сельскій рабочій въ самомъ крупномъ имѣніи. Какъ ни сложны и дороги машины, примѣняемыя въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, работникъ при нихъ знаетъ, что повсюду и почти въ каждой отрасли сельскаго хозяйства сохранилось много крестьянъ, сидящихъ господами на собственныхъ участкахъ Работникъ хозяйства во много тысячъ десятинъ отдѣленъ бездонной пропастью отъ его владѣльца; но интересы землевладѣнія не противны ему, такъ какъ 15—20 лѣтъ усердной работы позволяютъ ему сдѣлать такое сбереженіе, чтобы пріобрѣсти клочекъ земли. Рабочій машино-строительнаго, сахароваренаго завода, каменноугольныхъ копей, бумагопрядильной фабрики не имѣетъ этихъ надеждъ или имѣетъ ихъ въ безконечно слабѣйшей степени. Средніе размѣры промышленнаго предпріятія въ этихъ и многихъ другихъ отрасляхъ стали исполинскими. Работникъ отдѣленъ глу-

бокой пропастью отъ хозяевъ, а владѣніе послѣднихъ орудіями производства и отчужденность первыхъ отъ орудій именно здѣсь выдѣляются въ своей наиболѣе рѣзкой формѣ. Вотъ первое обстоятельство, которое дѣлаетъ этихъ людей главными дѣятелями въ борьбѣ, направленной противъ частнаго владѣнія. Другимъ благопріятнымъ условіемъ служитъ соединеніе работниковъ въ многочисленныя массы, возможность непрерывнаго общенія, возможность развитія чувства солидарности и образованія то временныхъ, то постоянныхъ союзовъ. Только въ такой массѣ легко упрочивается связь съ сотоварищами, а эта связь освобождаетъ работника отъ чувства страха, которое держитъ его въ рабскомъ повиновеніи хозяину. Обозрѣвая рабочую армію на своемъ заводѣ, каждый отдѣльный работникъ понимаетъ, что хозяину не такъ легко запугать 3—4000 человѣкъ, если они дружно стоятъ за однѣ и тѣ-же требованія; онъ понимаетъ, что увольненіе съ завода 5—10 человѣкъ, которые въ одиночку ведутъ борьбу, не представляетъ для хозяина ничего затруднительнаго, увольненіе же 2—3000 связано съ большими трудностями; иногда оно можетъ серьезно потрясти все предпріятіе. Наконецъ, всѣ мѣры, просвѣтляющія рабочихъ, воспитывающія ихъ классовое сознаніе, дѣйствуютъ въ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ особенно могущественно. Газета, проникающая въ избу крестьянина или кустаря, читается въ одиночку; многое изъ прочитаннаго забывается. Въ деревняхъ или, вообще, внѣ крупныхъ промышленныхъ заведеній, рѣдко бываетъ случай обсудить прочитанное во многолюдномъ собраніи, которое все съ интересомъ относилось бы къ данному вопросу. Каждый листокъ, попадающій къ одному изъ фабричныхъ работниковъ, съ разу находитъ большое число читателей; поднятый вопросъ не замираетъ въ головѣ одного, а вслѣдствіе непрерывнаго общенія между работниками тотчасъ же находитъ много собесѣдниковъ и истолкователей. То же можно сказать и о всѣхъ другихъ способахъ воздѣйствія на умъ работника: лекціи, агитаціонныя мѣры имѣютъ здѣсь большую среду, особенно отзывчивую уже потому, что интересы ея членовъ одни и тѣ же и между членами непрерывно поддерживается общеніе.

Около этого ядра группируются представители и другихъ слоевъ населенія, прежде всего, рабочіе мелкихъ промышленныхъ заведеній и одиночки-ремесленники тамъ, гдѣ крупное производство стало господствующимъ типомъ и гдѣ ремесленникъ, ведущій промыселъ, не имѣетъ шансовъ на основаніе значительной мастерской и можетъ расчитывать только на то, чтобы заниматься починкой издѣлій. Группа ремесленниковъ-одиночекъ стоитъ на рубежѣ между ремесленниками, которые имѣютъ мастерскія съ 2—3 постоянными работниками и пользуются нѣкоторой хозяйственной самостоятельностью, и рабочими крупныхъ промышленныхъ заведеній. Эти группы, насчитывающія своихъ представителей сотнями тысячъ [91]) по техническимъ особенностямъ своего промысла входятъ въ составъ класса ремесленниковъ. Но соціально, по всему своему жизненному обиходу онѣ стоятъ гораздо ближе къ фабричному пролетаріату: ихъ владѣніе ограничивается немногими и недорогими орудіями, на будущее нѣтъ сколько нибудь обоснованныхъ надеждъ, и изъ ихъ рядовъ гораздо легче выходятъ сторонники неимущаго класса, нежели защитники интересовъ владѣнія.

Сюда же тяготѣютъ и многочисленныя массы людей, занятыхъ въ торговлѣ. Большое раздѣленіе труда въ торговомъ промыслѣ, упрощеніе занятій низводятъ работу тысячъ и тысячъ торговыхъ служащихъ къ простѣйшимъ операціямъ, а вознагражденіе—къ самымъ скромнымъ цифрамъ. Какъ работникъ бумагопрядильни имѣетъ мало шансовъ стать хозяиномъ, такъ мало имѣетъ ихъ подручный приказчикъ въ оптовой

торговлѣ хлѣбомъ или конторщикъ въ страховомъ обществѣ. Вотъ почему эти люди имѣютъ естественную связь съ неимущимъ классомъ и примыкаютъ къ нему, если только ихъ не удерживаетъ на сторонѣ владѣнія чувство страха или полное невѣжество.

Сюда же естественно примыкаетъ и низшее чиновничество; оно занимаетъ среднюю ступень между рабочими и чиновниками въ тѣсномъ смыслѣ. Почтовый, желѣзнодорожный служащій разныхъ наименованій, канцелярскіе служители и другіе несутъ служебныя обязанности, весьма сходныя съ разными видами труда, которые лежатъ на рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Ихъ подготовка, уровень умственнаго развитія, ихъ жалованье обыкновенно не выше, чѣмъ рабочихъ въ промышленности, по крайней мѣрѣ, высшихъ разрядовъ этого класса. Требованія къ ихъ внѣшности таковы, что иногда они должны тратить на одежду больше, нежели фабричные работники. А переходъ ихъ въ ряды чиновниковъ и пріобщеніе къ имущему классу или чрезвычайно трудно или прямо невозможно. Современное государство даетъ этимъ низшимъ должностнымъ лицамъ лишь столько, чтобы они не умерли съ голоду. И тѣ изъ нихъ, которые сколько-нибудь задумываются о будущемъ, могутъ понять, что демократизація общества дастъ имъ крупный выигрышъ: чѣмъ полнѣе будетъ осуществляться начало равенства, тѣмъ болѣе будетъ обезпечено возростаніе заработка людей, получающихъ теперь очень низкое вознагражденіе за трудъ; среди послѣднихъ будутъ и столь необходимые для общества работники, какъ почтовые чиновники, желѣзнодрожные служащіе и многіе другіе. Поэтому весь складъ жизни заставляетъ ихъ примкнуть къ неимущему классу, и только страхъ передъ начальствомъ нерѣдко парализуетъ это стремленіе.

Неимущій классъ долженъ бы, казалось, привлекать въ свой лагерь многочисленныя массы изъ сельскаго населенія, прежде всего сельскихъ рабочихъ, а затѣмъ и самыхъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, надѣлъ которыхъ не даетъ семьѣ поселянина даже скуднаго обезпеченія. Нѣтъ надобности пояснять, что интересы сельскихъ рабочихъ стоятъ очень далеко отъ интересовъ владѣнія. Очевидно далѣе, что интересы самыхъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ гораздо ближе къ расчетамъ неимущаго класса, нежели представителей владѣнія. Крестьянская семья, владѣющая 1—3 десятинами, если она не занимается на всей этой площади садоводствомъ или винодѣліемъ, поставлена не лучше, чѣмъ семья средняго фабричнаго работника. Неблагопріятное состояніе рынка, неурожай, низкія цѣны, повергая первую въ нищету, не лишаютъ ея крова. Но большій заработокъ на фабрикѣ позволяетъ работнику дѣлать нѣкоторыя сбереженія, преимущественно въ видѣ взносовъ въ союзы рабочихъ, которые поддерживаютъ членовъ въ случаяхъ крайней нужды. И если мелкіе поселяне не стараются переходить въ лагерь неимущаго класса, то слѣдуетъ объяснить это отнюдь не размѣрами ихъ матеріальныхъ средствъ, а чувствомъ страха, которое властвуетъ надъ одними, и невѣжествомъ, которое держитъ въ своей власти другихъ. Безземельные сельскіе рабочіе, скопляясь только въ очень немногихъ хозяйствахъ большими массами, живутъ подъ вліяніемъ страха, что, уволенные хозяиномъ, они не скоро найдутъ занятіе въ другомъ мѣстѣ. Потеря занятія и куска хлѣба, нищета въ случаѣ строптивости возможны тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе обезпечены способы выписки рабочихъ изъ заграницы изъ менѣе культурныхъ странъ, гдѣ заработная плата низка, откуда могутъ быть безъ труда привлекаемы многотысячныя рабочія арміи. Во многихъ мѣстахъ Германіи, особенно сѣверной и восточной, покорность и безропотность должны быть объясняемы не столько чувствомъ страха предъ возможностью ли-

шиться заработка, сколько усвоенной по наслѣдству привычкой повиноваться: не забудемъ, что въ этихъ мѣстахъ крѣпостное право, тяготѣвшее надъ деревней нѣсколько столѣтій, оффиціально отмѣнено въ первой четверти XIX вѣка, а въ дѣйствительности—въ 50-хъ годахъ. Вторая группа—мелкіе крестьяне-собственники—часто стоятъ на сторонѣ владѣнія вслѣдствіе неяснаго представленія объ условіяхъ своей жизни и иллюзій относительно будущаго. Соперничество заокеанскихъ странъ и удары, которые оно наноситъ сельскому хозяйству Европы, представляются мимолетными фактами, надѣются, что они пройдутъ безслѣдно и угнетенное состояніе смѣнится благопріятными условіями. Низкій уровень знаній, которымъ отличается населеніе деревень, препятствуетъ пониманію существа заокеанскаго соперничества; разъ оно понято, то становится яснымъ, что это явленіе не мимолетно, что оно способно еще долго угнетать сельское хозяйство Европы. Далѣе, крестьяне, владѣющіе только клочками земли, имѣютъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ болѣе крупныя владѣнія людей, которые принадлежатъ къ той же общественной группѣ. Клочковый собственникъ, сидящій господиномъ на 2 десятинахъ, очень вѣроятно, имѣетъ родственниковъ и уже навѣрно знакомыхъ съ надѣломъ въ 8—10 десятинъ, обезпечивающихъ семьѣ достатокъ. Переходы отъ самыхъ мелкихъ владѣній къ значительнымъ крестьянскимъ надѣламъ такъ незамѣтны, возможность расширенія клочковой собственности, при благопріятномъ положеніи хозяйства, представляется столь обычною, что крестьяне и этой группы легко держатъ сторону имущаго класса. Все, что дѣлаетъ послѣднему жизнь соблазнительною и тягостною, болѣе понятно такому клочковому владѣльцу, нежели общественный строй безъ права частной собственности на орудія производства, какъ его начертываетъ программа соціализма. Такое міровоззрѣніе легко поддерживается непониманіемъ процесса, совершающагося въ области производства,—процесса поглощенія крупными владѣніями и единицами производства мелкихъ. Такъ какъ этотъ процессъ происходитъ въ землевладѣніи гораздо болѣе медленно, чѣмъ въ промышленности [92]), то крестьянинъ имѣетъ рѣже случай убѣдиться, что надежда на расширеніе мельчайшаго сельскаго хозяйства до полной крестьянской единицы становится съ каждымъ годомъ все менѣе обоснованной.

Изъ людей вольныхъ профессій къ неимущему классу всего ближе стоятъ тѣ, которые занимаютъ въ своей группѣ низшія ступени лѣстницы: обыкновенно эти люди и происхожденіемъ, и заработкомъ, и возможностью перейдти въ ряды имущаго класса представляютъ много сходства съ пролетаріатомъ. Распространеніе общаго и техническаго образованія и все большая трудность для массы образованныхъ людей устроиться ведутъ къ тому, что повсюду въ группахъ вольныхъ профессій мы находимъ людей, принадлежащихъ къ стану неимущихъ. Учитель начальной школы ближе къ этому классу, нежели профессоръ университета; земскій или сельскій врачъ—ближе, чѣмъ городской съ обширнымъ кругомъ паціентовъ; рядовые журналисты—ближе тѣхъ, которые имѣютъ высокое вознагражденіе за свою литературную дѣятельность [93]).

Остановившись довольно долго на группахъ, изъ которыхъ слагается классъ имущихъ, мы можемъ намѣтить въ лагерѣ неимущихъ два наиболѣе обширныхъ отдѣла; между ними меньше различій, нежели между ними въ совокупности и группами перваго класса. Этими отдѣлами являются: 1) работники и мелкіе собственники въ сельскомъ хозяйствѣ; 2) работники въ промышленности. Можно подмѣтить между ними нѣкоторую противоположность интересовъ: по скольку государство принимаетъ мѣры, благопріятныя для сельскаго хозяйства, по столько, наряду съ классомъ

землевладѣльцевъ, выигрываютъ что-нибудь и сельскіе рабочіе. Таможенныя пошлины на иностранный хлѣбъ въ странахъ, которыя получаютъ много хлѣба изъ заграницы, искусственно поддерживаютъ туземное сельское хозяйство и обезпечиваютъ въ немъ заработокъ для большаго числа людей. Но вздорожаніе хлѣба невыгодно для рабочихъ промышленности. Наоборотъ, таможенное покровительство обрабатывающей промышленности создаетъ новое поле для рабочаго класса промышленности, даже поднимаетъ заработную плату въ нѣкоторыхъ отрасляхъ; а для сельскихъ рабочихъ оно сказывается только вздорожаніемъ многихъ предметовъ необходимости или общераспространеннаго потребленія. Можно даже утверждать, что большинство государственныхъ мѣръ, дѣйствующихъ на большой кругъ интересовъ, отражается неодинаково на сельскихъ и промышленныхъ работникахъ: если такая мѣра не принадлежитъ къ тактамъ, прямо неблагопріятнымъ для всѣхъ неимущихъ, то она можетъ доставить одной группѣ большія выгоды, чѣмъ другой, или же быть выгодной для одной и причинить ущербъ другой.

Есть, поэтому, основаніе говорить, что въ составъ класса неимущихъ входятъ два главныхъ отдѣла: сельскіе и промышленные работники. Однако, по существу, различія между этими группами гораздо менѣе рѣзки, нежели противоположность между ними и какой либо группой имущаго класса. Невыгоды, причиняемыя мѣропріятіемъ государства или общественныхъ группъ одному классу неимущихъ, напримѣръ, сельскимъ работникамъ, тогда какъ отъ него выигрываютъ работники промышленности, ухудшаютъ бытъ первыхъ и улучшаютъ положеніе вторыхъ на величину очень малую, сравнительно съ разстояніемъ, которое отдѣляетъ первыхъ отъ землевлалѣльцевъ и крупныхъ арендаторовъ, а вторыхъ—отъ капиталистовъ. Чувство или сознаніе противоположности интересовъ, порождаемое вышеупомянутыми мѣрами, гораздо менѣе глубоко, нежели чувство или сознаніе противоположности своихъ интересовъ—интересамъ той группы имущихъ, которая связана съ ними родомъ занятій. Рѣзкость этой второй противоположности позволяетъ разсматривать обѣ группы неимущихъ, какъ одно цѣлое, какъ единый пролетаріатъ, между частями котораго по существу, легко можетъ установляться солидарность.

Однако, нужно выдѣлить изъ неимущихъ особую группу; она не только не владѣетъ имуществомъ, но отличается отъ массы пролетаріата тѣмъ, что отчуждена отъ правильнаго производительнаго труда. Вотъ условіе, которое ставитъ эту группу въ большую личную зависимость отъ класса имущихъ, развращаетъ ее, внушаетъ ей угодливость относительно богатыхъ и препятствуетъ развитію чувства солидарности съ пролетаріатомъ. Пролетарій, проводящій всю жизнь въ тяжелой работѣ, можетъ укрѣпляться въ чувствѣ собственнаго достоинства и любви къ независимости; въ немъ можетъ упрочиваться презрѣніе къ богатымъ праздно-любцамъ и даже къ тѣмъ бѣднякамъ, которые предпочитаютъ подачки богатыхъ напряженному труду. А эти люди, поставленные между презрѣніемъ имущихъ, на счетъ которыхъ они живутъ, и пролетаріата, относятся къ послѣднему съ чувствомъ страха. Это—чернь въ тѣсномъ смыслѣ слова. Большіе города всегда изобиловали этими людьми. Какъ въстарину эту чернь составляли массы, требовавшія отъ богатыхъ хлѣба и зрѣлищъ, всегда готовыя измѣнить своему господину, служившія тому, кто сытнѣе кормилъ и больше развлекалъ, такъ и теперь чернь набирается изъ профессіональныхъ нищихъ, бродягъ, изъ городского и сельскаго пролетаріата, долгое время остающагося безъ работы и утратившаго привычку къ правильному труду[94]). Наконецъ, сюда нужно отнести большую часть домашней прислуги. Ея работа сравнительно не тяжела, а матеріальныя

условія жизни болѣе благопріятны, чѣмъ промышленныхъ или сельскихъ рабочихъ. Вотъ почему она тяготится напряженнымъ, истинно производительнымъ трудомъ. А зависимость отъ личныхъ прихотей господъ развиваетъ въ ней тѣ отрицательныя свойства, которыя служатъ отличительной особенностью черни.

Эта группа, образующая среди неимущихъ, хотя небольшое, но замѣтное меньшинство, не даетъ ничего, что позволило бы пролетаріату разсчитывать на нее, какъ единомышленниковъ. Въ бурное время, когда пролетаріатъ обнаруживаетъ значительную силу, чернь пристаетъ къ нему; въ періоды же спокойствія она представляетъ скорѣе оплотъ для имущихъ, нежели для бѣдняковъ, живущихъ трудами своихъ рукъ.

Но въ рядахъ неимущаго класса мы находимъ и людей, которые, руководствуясь матеріальными разсчетами, должны бы стоять на сторонѣ имущихъ. Нерѣдко туда идутъ люди, которые происхожденіемъ, воспитаніемъ, привычками и вкусами принадлежатъ къ господствующимъ классамъ. Всѣ такіе члены въ станѣ неимущихъ являются отщепенцами своего класса. Въ основаніи ихъ отщепенства лежатъ побужденія, прямо противоположныя тѣмъ, которыя удерживаютъ многихъ неимущихъ въ лагерѣ имущаго класса.

Если крестьяне собственники или сельскіе рабочіе избираютъ въ парламентъ депутата, принадлежащаго къ крупнымъ землевлавѣльцамъ или если ремесленникъ подаетъ на выборахъ голосъ за фабриканта и если избранный будетъ представлять интересы своего класса, то избиратель окажется вольно или невольно защитникомъ интересовъ владѣнія: вольно, разъ онъ сознавалъ противоположность интересовъ своего класса и того, къ которому принадлежитъ избранный, и невольно, если онъ считалъ эти интересы тожественными. Въ первомъ случаѣ избиратели дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страха, во второмъ—подъ вліяніемъ невѣжества. Послѣдняго упрека въ смягченномъ видѣ заслуживаютъ даже тѣ избиратели, которые обладаютъ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ. Мелкій землевладѣлецъ или мелкій промышленникъ, не понимая того, какъ совершится развитіе общества, считаютъ тожественными интересы крупнаго и мелкаго землевладѣнія. Не сознавая, что второе поглощается первымъ, они думаютъ, что представители крупнаго могутъ служить и выгодамъ мелкаго, т. е. ищутъ идеаловъ хозяйственнаго быта не впереди себя а позади. Ихъ дѣятельность является вслѣдствіе этого противоположною истиннымъ интересамъ ихъ класса, и они теряютъ время для приближенія къ новому порядку вещей. Такимъ образомъ, отщепенство этихъ людей объясняется побужденіями и условіями низшаго порядка. Не таковы тѣ члены господствующихъ классовъ (представители земле и капиталовладѣнія и высшіе разряды людей свободныхъ профессій), которые измѣняютъ интересамъ своего класса: въ основаніи ихъ дѣятельности лежитъ альтруистическое чувство, иногда безъ всякой примѣси, иной разъ съ примѣсью честолюбія, славолюбія. Не будемъ искусственно увеличивать число этихъ людей; нерѣдко дѣятельность, чисто эгоистическая по существу, облекается въ такія формы, что можетъ быть признана противорѣчащею классовымъ интересамъ даннаго лица. Возьмемъ для примѣра предпринимателя, который сокращаетъ чрезмѣрно длинный рабочій день или установляетъ прибавки къ заработной платѣ. Если при этомъ онъ даже вовсе не руководствуется соображеніями о собственныхъ выгодахъ, то и не идетъ въ разрѣзъ съ интересами своего класса: такіе акты имѣютъ положительное вліяніе на качество труда рабочихъ притомъ же подобные акты, благопріятные для рабочаго, не усиливаютъ въ немъ классового сознанія, а потому не могутъ быть опасны для хозяевъ, какъ

класса. Равнымъ образомъ, если фабрикантъ высказывается въ законодательномъ учрежденіи за умѣренное сокращеніе рабочаго дня и за нѣкоторыя мѣры, ограждающія работниковъ отъ опасностей со стороны машинъ или процессовъ труда, то еще не противорѣчитъ интересамъ своего класса. Умѣренное или даже значительное уменьшеніе рабочаго дня всегда обезпечиваетъ хозяевамъ рабочіе руки болѣе высокаго качества, а предупредительныя мѣры отъ несчастныхъ случаевъ стоютъ совершенныхъ пустяковъ и, уменьшая число несчастныхъ случаевъ, дѣлаютъ излишними расходы на лѣченье увѣчныхъ, пособія вдовамъ и сиротамъ; а эти расходы, правда ничтожные, признаются и невысокою моралью буржуазнаго общества. Мы скажемъ то же объ адвокатѣ: если онъ ведетъ въ судѣ дѣло рабочихъ, которые требуютъ отъ хозяина задержанной платы, то еще не является измѣнникомъ классовымъ интересамъ, ибо весь современный гражданскій оборотъ зиждется на началѣ свободнаго договора и обязательности для каждаго исполнить то, что было установлено договоромъ. Про всѣхъ лицъ, дѣйствующихъ въ указанныхъ направленіяхъ, можно сказать, что они поступаютъ или только благоразумно (таковы фабриканты въ вышеприведенныхъ примѣрахъ) или даже великодушно (адвокатъ, безвозмездно ведущій дѣло рабочихъ). Но такіе люди являются измѣнниками своему классу, когда совершаютъ акты, которые прямо пробуждаютъ въ угнетенныхъ классахъ сознаніе ихъ обособленности и противоположности ихъ интересовъ интересамъ господствующаго класса. Если фабрикантъ устраиваетъ читальню, куда имѣетъ доступъ литература безъ ограниченія тѣми или другими взглядами, гдѣ равно терпимы Адамъ Смитъ и Марксъ, Гете и Гейне, Figaro, Journal des Débats и Vorwärts, то онъ является отщепенцемъ своего класса. Равнымъ образомъ, если ученый, принадлежащій къ господствующему классу по рожденію, воспитанію, привычкамъ, можетъ быть, вкусамъ, говоритъ не о томъ, чтобы богатые подавали бѣднымъ милостыню и организовали общественное презрѣніе по такой то системѣ, а чтобы въ обществѣ была развита борьба и угнетенные классы настойчиво требовали для себя новыхъ и совершенно иныхъ условій жизни, то является измѣнникомъ. Адвокатъ, который защищаетъ предъ судомъ рабочихъ, обвиняемыхъ въ стачкѣ, является отщепенцемъ. Всѣ эти люди совершаютъ акты, противные интересамъ класса, къ которому принадлежатъ. Всѣ такіе акты помогаютъ развитію въ порабощенныхъ слояхъ сознанія классовыхъ интересовъ и подготовляютъ ихъ къ борьбѣ. И всѣ эти отщепенцы имѣютъ большое значеніе, какъ сотрудники порабощенныхъ классовъ при ихъ движеніи впередъ. Обладая большимъ запасомъ умственнаго развитія и большою привычкою къ общественной дѣятельности, они очень полезны, такъ какъ помогаютъ скорѣйшему росту сознанія въ угнетенныхъ классахъ, ускоряютъ процессъ объединенія разрозненныхъ силъ и облегчаютъ борьбу. Согласно со схемой, которую даютъ Марксъ и Энгельсъ, въ критическія эпохи, когда порабощенные классы обнаруживаютъ большую силу и могутъ разсчитывать на побѣду, многія лица господствующаго класса выходятъ изъ своей среды и становятся на сторону народа Такъ было, напр., въ великую французскую революцію, когда часть дворянства перешла на сторону революціонеровъ. Несомнѣнно, въ такія эпохи къ порабощеннымъ классамъ примыкаетъ особенно много людей изъ среды господствующихъ. Но многіе, пожалуй, большинство, руководствуются личными выгодами, сознаніемъ опасности, которая можетъ угрожать имъ въ случаѣ побѣды народа, если они останутся въ своихъ рядахъ. И въ такія эпохи, скажемъ мы, и въ обычное, спокойное время, среди господствующихъ классовъ есть люди, которыя отрѣшаются отъ эгоистическихъ расчетовъ

дѣйствуютъ безкорыстно, знаютъ, что, при всѣхъ условіяхъ, угнетенные классы далеки отъ побѣды и что они сами, идя рука объ руку съ бѣднѣйшими, могутъ только потерять. И все таки, они идутъ. Многіе изъ этихъ людей дѣйствуютъ отчасти подъ вліяніемъ честолюбія и властолюбія; однако, мы должны признать, что въ основѣ ихъ дѣятельности лежитъ принципіальное отрицаніе классовыхъ интересовъ и самопожертвованіе. Гракхи прожили бы вѣкъ гораздо спокойнѣе, если бы шли дружно съ патриціями. Конечно ихъ память не сохранилась бы въ потомствѣ такъ отчетливо; однако, нельзя допустить, чтобы, выступая въ юные годы на защиту плебеевъ, они стояли за нихъ подъ вліяніемъ надежды на то, что это всего легче дастъ имъ историческое имя. Сотни и тысячи министровъ и государей имѣютъ полное основаніе завидовать славѣ Маркса или Лассаля. Однако, даже признавая въ нихъ большое честолюбіе, нельзя допустить, чтобы въ молодости эти люди, никому неизвѣстные, въ расчетѣ на великую славу, которая была уравненіемъ только съ иксами, стали на тернистый путь борьбы за угнетенные классы и съ пренебреженіемъ отвернулись отъ своего круга, отъ буржуазіи. Честолюбецъ чистой воды всегда находитъ средства удовлетворить свое честолюбіе въ одной изъ многочисленныхъ рамокъ, которыя можетъ дать ему современное общество. Нѣтъ, дабы человѣкъ отрѣшился отъ интересовъ своего, господствующаго класса, онъ долженъ и глубоко понимать, что этотъ классъ преходящъ, подлежитъ измѣненію, что долженъ наступить иной общественный строй, и стремиться къ этому новому строю, какъ къ идеалу. Отщепенцы господствующаго класса, становясь на сторону угнетенныхъ, оказываютъ имъ большія услуги. Дѣятельность Лассаля, длившаяся всего $1^1/_2$ года, имѣетъ большое значеніе для организованія германскихъ рабочихъ. Объединеніе совершилось бы и безъ Лассаля; но его участіе ускорило это дѣло. Именно въ началѣ важно было то, что за дѣло принялся человѣкъ большихъ талантовъ, воли и краснорѣчія. Можно утверждать, что съ успѣхами общественной жизни порабощенныя группы получаютъ изъ рядовъ господствующихъ классовъ все большее число сотрудниковъ. И этотъ приростъ облегчаетъ имъ борьбу.

Такимъ образомъ, можно вполнѣ присоединиться къ Марксу, что лучшіе, передовые представители буржуазіи и, особенно, ея идеологи, становятся на сторону пролетаріата; но слѣдуетъ, въ отличіе отъ Маркса, сказать, что присоединеніе совершается не только въ критическія эпохи, но и въ спокойное время. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Бернштейнъ, буржуазія, взятая въ цѣломъ, не можетъ содѣйствовать осуществленію соціалистическаго строя. Но аргументація Бернштейна по этому вопросу неубѣдительна. Нынѣшнее положеніе буржуазіи, говоритъ онъ, совершенно сходно съ положеніемъ дворянства предъ наступленіемъ буржуазнаго періода. Дворянство, въ качествѣ владѣющаго класса, получало выгоды отъ наступленія буржуазнаго періода и, однако, препятствовало переходу къ буржуазному обществу. Такъ и буржуазія противится приближенію къ соціалистическому строю, хотя, какъ классъ, она можетъ только выиграть отъ этого перехода [95]). По мнѣнію Бернштейна, многія особенности современнаго общества невыгодны для буржуазіи. 1) Тифъ, холера и другія эпидеміи, развивающіяся вслѣдствіе нужды рабочихъ массъ, поражаютъ и богатыхъ; 2) политическая свобода господствующихъ классовъ не довольно обезпечена, такъ какъ армія, власти, полиція—слѣпыя силы; онѣ все болѣе возрастаютъ въ числѣ, дабы дѣйствовать, когда нужно, противъ массы народа; но онѣ способны служить орудіемъ при всякомъ политическомъ угнетеніи; 3) богатство буржуазіи часто уменьшается конверсіями государственныхъ долговъ, кризисами, банкротствами.

Въ этой аргументаціи Бернштейнъ преувеличиваетъ значеніе невзгодъ, отъ которыхъ, будто бы, страдаетъ буржуазія. Хотя заразныя болѣзни служатъ иногда причиной преждевременной смерти въ семьяхъ и состоятельныхъ классовъ, однако, высшая и даже средняя буржуазія все легче находитъ способы свести эти невзгоды до наименьшихъ размѣровъ: въ городскихъ кварталахъ, гдѣ живутъ преимущественно состоятельныя семьи, заботятся о благоустройствѣ, которое держитъ смертность на низкомъ уровнѣ; а пониженіе смертности до 19 на 1000 жителей, въ цѣломъ городѣ, какъ Лондонъ, гдѣ милліоны живутъ въ убожествѣ, укрѣпляетъ убѣжденіе, что и при современномъ экономическомъ строѣ можетъ быть сдѣлано много санитарныхъ улучшеній. Неполная обезпеченность политической свободы можетъ быть тягостна для отдѣльныхъ представителей буржуазіи, именно тѣхъ, которые поднялись надъ большинствомъ своихъ собратій, надъ золотой срединой, всецѣло или, по крайней мѣрѣ, мыслью перешли на сторону демократіи Возростаніе численности войска, полиціи ненавистно этимъ людямъ только потому, что орудія угнетенія могутъ быть направлены противъ неимущаго класса. Буржуазіи же, какъ классу, всѣ эти органы современнаго государства не могутъ быть ни ненавистны, ни опасны, ибо реакціонный государственный переворотъ, какого бы онъ ни былъ характера, можетъ служить на пользу буржуазіи или буржуазіи вмѣстѣ съ дворянствомъ; обыкновенно переворотъ суживаетъ права только пролетаріата. Это очевидно каждому, какъ очевидно, что большинство европейскихъ государствъ управляются землевладѣніемъ и капиталовладѣніемъ въ интересахъ обоихъ, или съ нѣкоторымъ предпочтеніемъ интересовъ одного изъ нихъ. Наконецъ, и третья невыгода менѣе существенна, чѣмъ представляется съ перваго взгляда. Пониженіе процента по государственнымъ долгамъ, а за нимъ и вообще средняго процента, парализуется ростомъ производительности труда и увеличеніемъ размѣра среднихъ состояній. Богатый американецъ или англичанинъ нашего времени, при 4—3-хъ процентахъ на капиталъ, превосходитъ имущественными силами богатаго персіянина, для котораго 12 годовыхъ являются среднимъ процентомъ, или своихъ предковъ 100 лѣтъ тому назадъ, когда и въ культурныхъ странахъ процентъ стоялъ выше, чѣмъ нынѣ. Банкротства не должны быть признаваемы особенно грознымъ явленіемъ, такъ какъ они поражаютъ, все-таки, небольшое меньшинство промышленныхъ или торговыхъ людей. И чѣмъ больше развивается кредитъ, тѣмъ болѣе вѣроятія имѣетъ промышленникъ или торговецъ, потерпѣвшій банкротство послѣ продолжительнаго занятія промысломъ, возстановить съ помощью кредита разрушенное предпріятіе. Словомъ, перечисленныя невзгоды не настолько велики, чтобы, подъ ихъ вліяніемъ, буржуазія, какъ классъ, могла предпочитать неизвѣданный соціалистическій строй современному порядку, который представляетъ для имущаго класса такъ много привлекательнаго.

V.

Перечисленные классы ведутъ между собою борьбу то мелкими группами, то крупными. Борьба ведется преимущественно изъ-за экономическихъ интересовъ. Однако, было бы неправильно утверждать, что борьба происходитъ только на этой почвѣ. Къ интересамъ экономическимъ присоединяются и политическіе, при чемъ одни и другіе или тѣсно сливаются въ борьбѣ, или же послѣдніе примыкаютъ къ экономическимъ въ какой-нибудь моментъ борьбы. Иногда политическіе интересы выдвигаются отдѣльно; группамъ, борющимся изъ-за хозяйственныхъ интересовъ, точно соотвѣтствуютъ группы, борющіяся изъ-за интересовъ политическихъ. Чѣмъ ниже уровень развитія общества, чѣмъ проще строеніе, тѣмъ меньше раз-

дѣленіе занятій, тѣмъ болѣе экономическіе интересы выступаютъ обособлено или же тѣсно сливаются съ политическими. Наоборотъ, чѣмъ сложнѣе общество, тѣмъ болѣе борьба получаетъ такой характеръ, что однѣ группы враждуютъ изъ-за экономическихъ интересовъ, а другія изъ-за политическихъ.

Припомнимъ кое-что о борьбѣ классовъ, какъ намъ даетъ ее исторія. Римскіе бѣдняки, угнетенные суровыми законами о должникахъ, вознегодовали противъ богатыхъ и удалились на священную гору въ 495 году отъ основанія Рима. Эта безкровная борьба была начата изъ-за чисто экономическаго интереса. Исходомъ же ея были не только хозяйственныя мѣры—смягченіе законовъ о должникахъ и основаніе нѣсколькихъ колоній для обезпеченія земледѣльцевъ, но и созданіе института народныхъ трибуновъ, что расширяло политическія права плебеевъ. Борьба, съ которой связаны имена Гракховъ, велась изъ-за чисто экономическихъ интересовъ. Аграрный законъ, предложенный Тиверіемъ Гракхомъ въ 621 году, былъ направленъ къ тому, чтобы сузить право римскихъ гражданъ на пользованіе государственной землей; участки же, отобранные у гражданъ, которые владѣли площадями, превышавшими норму, должны были быть разбиты на мелкія доли, по 30 югеровъ каждая, и предоставлены римскимъ гражданамъ и италійскимъ союзникамъ на началахъ наслѣдственной аренды. Все это—дѣло чисто экономическаго характера. Вотъ какъ оцѣниваетъ Моммсенъ эту мѣру: «вопросъ о раздачѣ казенныхъ земель не принадлежалъ къ числу тѣхъ политическихъ вопросовъ, насчетъ которыхъ партіи расходятся въ своихъ убѣжденіяхъ; можно было раздать всѣ казенныя земли безъ всякихъ измѣненій въ основныхъ законахъ и нисколько не расшатывая основъ аристократической системы правленія» [96]). Выходитъ, такимъ образомъ, что къ этой борьбѣ какъ бы не примѣшивалось политическихъ элементовъ. Однако, оставляя въ сторонѣ законопроекты, которые хотѣлъ предложить народу Тиверій Гракхъ, которые могли и лучше обезпечить исполненіе его аграрнаго закона и оградить его личную безопасность, припомнимъ дѣятельность Гайя Гракха; именно она вводитъ во все это дѣло политическую струю: измѣненіе порядка подачи голосовъ, возвышеніе всаднической сословія посредствомъ передачи функцій присяжныхъ засѣдателей въ исключительное вѣдѣніе всадниковъ, что уменьшало вліяніе родовой аристократіи. Или возьмемъ крестьянскую войну въ Германіи. Крестьяне возстали противъ помѣщиковъ, вслѣдствіе гнета, который лежалъ на крѣпостныхъ. Не будь матеріальнаго гнета, конечно, не было бы и войны. И въ 12 статьяхъ, которыя формулировали требованія возставшихъ крестьянъ, главное мѣсто отведено чисто-экономическимъ интересамъ: крестьяне требуютъ, чтобы имъ было предоставлено право охоты и рыбной ловли на помѣщичьихъ земляхъ, право пользованія лѣсами, на которые помѣщики не могутъ представить доказательства законнаго владѣнія, они требуютъ возвращенія общинамъ пашенъ и луговъ отъ тѣхъ лицъ, которыя пріобрѣли ихъ нечестнымъ путемъ, уменьшенія поборовъ и проч. Однако, мы находимъ здѣсь и политическія требованія: крестьяне хотятъ быть свободными отъ крѣпостной зависимости и хотятъ имѣть право сами избирать священниковъ.

Чѣмъ болѣе приближаемся къ нашему времени, тѣмъ чаще видимъ, что экономическіе и политическіе элементы соединяются при борьбѣ классовъ въ одно цѣлое. Это сказывается особенно ярко въ революціонные періоды, когда борьба ведется бурно и когда у борющихся общественныхъ группъ особенно остро сознаніе, что расширеніе политическихъ правъ является самымъ вѣрнымъ средствомъ къ тому, чтобы улучшить и экономическое положеніе. Но и внѣ революціонныхъ періодовъ борьба

представляетъ движеніе, направленное и къ обезпеченію интересовъ и къ расширенію правъ. Особыя условія новѣйшей жизни объясняютъ, почему эти моменты борьбы раздѣлены и въ пространствѣ и во времени.

Борьба чисто-экономическаго характера ведется въ видѣ забастовокъ, стачекъ, предпринимательскихъ lock out'овъ. Охватываетъ ли стачка одно или нѣсколько промышленныхъ заведеній или даже цѣлую отрасль промышленности въ данной странѣ, она не выходитъ за предѣлы чисто-экономическихъ разсчетовъ: размѣры и формы платы, срокъ выдачи, длина рабочаго дня, внутренній распорядокъ промышленнаго заведенія, — вотъ вопросы, которые въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ служатъ предметами спора между хозяевами и работниками. Борьба не выходитъ за предѣлы экономическихъ интересовъ именно потому, что стачка, выражающая эту борьбу, разыгрывается на такомъ полѣ, гдѣ сталкиваются только хозяйственные разсчеты. Однако, одновременно съ этимъ идетъ борьба и на почвѣ политики; парламенты служатъ главной ареной этой борьбы, а фракціи различныхъ партій—парламентскими представителями борющихся сторонъ. Стачка можетъ быть тѣмъ болѣе успѣшна, чѣмъ болѣе широко развито право собраній, союзовъ и сходокъ, т. е. экономическія цѣли могутъ быть тѣмъ легче достигнуты, чѣмъ болѣе развита политическая свобода. Поэтому, вопросъ о развитіи и укрѣпленіи коалиціоннаго права занимаетъ въ парламентахъ очень видное мѣсто, при чемъ однѣ партіи стоятъ за дальнѣйшее развитіе этого права, другія, напротивъ, стремятся помѣшать этому. Участіе неимущихъ классовъ въ законодательствѣ является наиболѣе благопріятнымъ для нихъ условіемъ при ихъ борьбѣ на почвѣ экономической. А потому, во всѣхъ странахъ Европы, еще не имѣющихъ общаго и прямого избирательнаго права, требованіе этого права надписывается на знамени пролетаріата и даетъ самый благодарный матеріалъ для агитаціи неимущихъ классовъ противъ имущихъ. Чѣмъ болѣе сознательной жизнью живетъ человѣчество, тѣмъ болѣе къ интересамъ экономическимъ, вызывающимъ борьбу, примѣшиваются и вопросы политики. При низкомъ уровнѣ развитія неимущихъ у нихъ еще нѣтъ сознанія связи между хозяйственными выгодами и политическими правами: если группа рабочихъ, путемъ возстанія, добилась болѣе выгодныхъ условій труда, то ей кажется, что въ ея судьбѣ совершилась благопріятная перемѣна и при томъ перемѣна на долгое время. При болѣе высокомъ умственномъ развитіи народа, ему становится очевиднымъ, что отдѣльныя пріобрѣтенія въ области хозяйства, даже значительныя, не довольно прочны, что всѣ пріобрѣтенія получаютъ тѣмъ большую устойчивость, чѣмъ больше вліянія имѣетъ данная группа населенія на законодательную дѣятельность государства. Чѣмъ больше это вліяніе, тѣмъ болѣе вѣроятія, что будутъ выработаны нормы права, которыя поставятъ данную общественную группу въ благопріятныя условія для борьбы и позволятъ ей легче достигать и цѣлей хозяйства. Сознаніе, что власть пролагаетъ дорогу къ богатству, очень давно укрѣпилось въ имущихъ классахъ; оно лежитъ въ основаніи всей борьбы изъ-за мѣстъ въ законодательныхъ собраніяхъ. Пролетаріатъ же, вслѣдствіе своего угнетеннаго положенія и недостаточнаго умственнаго развитія, не умѣлъ до послѣдняго времени ставить эти требованія. Ростъ же соціализма повелъ къ тому, что требованіе политическихъ правъ и борьба изъ-за политическихъ правъ составляетъ важнѣйшую часть практической программы соціализма, той программы, которая въ своихъ главныхъ основаніяхъ осуществима даже въ современномъ государствѣ. Еще въ первой четверти нынѣшняго вѣка Коббетъ пламенно взывалъ къ англійскому пролетаріату, что онъ долженъ требовать «не ростбифа, а правъ, которые дадутъ возможность добыть и

ростбифы». «Если необходимо заниматься соціальной реформой, читаемъ мы у Л. Блана, не менѣе необходимо подвинуться и реформѣ политической. Если первая—цѣль, то вторая—средство. Недостаточно открыть научный процессъ, способный освятить начала ассоціаціи и организовать трудъ согласно съ требованіями разума, справедливости, гуманности: нужно поставить себя въ положеніе, позволяющее осуществить принятый принципъ и сдѣлать плодотворными процессы, добытые путемъ изученія. Итакъ, власть—это организованная сила. Власть опирается на палаты, суды, солдатъ, т. е. на тройную силу законовъ, судебныхъ приговоровъ и штыковъ. Не взять ее, какъ орудіе, значитъ встрѣтить ее, какъ преграду.» [97]) Вотъ положеніе, выдвинутое болѣе 60 лѣтъ тому назадъ; съ тѣхъ поръ оно стало неотъемлемымъ достояніемъ неимущихъ классовъ во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра.

Не трудно понять, почему борьба классовъ можетъ вестись на почвѣ чистой политики. Успѣхъ въ политикѣ служитъ условіемъ всѣхъ другихъ успѣховъ даннаго класса. Нѣкоторыя требованія въ области политики таковы, что ихъ всеобщее значеніе стоитъ внѣ спора. А потому люди, памятующіе, что политическая реформа служитъ только средствомъ для соціальныхъ преобразованій, могутъ посвятить всѣ свои силы достиженію ближайшей цѣли—успѣховъ данной общественной группы въ политикѣ; дѣятельность этихъ людей можетъ быть въ высокой степени производительна, если они не осложняютъ своихъ требованій никакими соображеніями относительно перемѣнъ въ экономической жизни даннаго класса. Такъ, напримѣръ, измѣненіе выборнаго права въ томъ смыслѣ, чтобы неимущіе классы имѣли широкій доступъ къ народному представительству, столь очевидно служитъ всѣмъ интересамъ пролетаріата, что неимущій классъ можетъ вести борьбу только изъ-за этого права, не осложняя ее никакими примѣсями. Побѣда въ такой борьбѣ составляетъ въ широко общественномъ смыслѣ гораздо болѣе важное явленіе, нежели цѣлая совокупность экономическихъ выгодъ, полученныхъ посредствомъ борьбы въ отдѣльныхъ небольшихъ группахъ или же дарованныхъ свыше отъ государственной власти. Укажемъ на движеніе въ пользу расширенія женскихъ правъ, которое также можетъ быть приравнено борьбѣ классовъ. Эта борьба ведется прежде всего на почвѣ политики: женщина хочетъ пріобрѣсти права, которыя поставили бы ее на одинъ уровень съ мужчинами. Сознаніе, что расширеніе правъ женщины послужитъ источникомъ неисчислимыхъ выгодъ для женщинъ и всего общества, дѣлаетъ излишнимъ осложненіе этой чисто-политической борьбы какими-либо другими элементами. Словомъ, въ наше время борьба общественныхъ группъ ведется на чисто-экономической почвѣ только тогда, когда политически онѣ поставлены одинаково: таковы представители землевладѣнія и капиталовладѣнія во многихъ странахъ. Коль скоро же въ борьбѣ участвуетъ угнетенная группа, не обладающая всей совокупностью правъ, которыми пользуются господствующіе классы, то въ борьбѣ къ экономическимъ началамъ присоединяются политическія, или же борьба цѣликомъ переносится въ область права.

Какое же мѣсто занимаетъ въ борьбѣ религіозный элементъ, который часто даетъ борьбѣ свое имя? Нужно опасаться, при отвѣтѣ на этотъ вопросъ, какъ бы не преувеличить, согласно съ господствующими воззрѣніями, важности религіознаго начала. Религіозный элементъ можетъ быть въ данной борьбѣ силенъ или слабъ; но къ нему всегда примыкаетъ элементъ экономическій, или, шире, соціальный. Основатель христіанской церкви умеръ на крестѣ. Борьба, которую такъ страстно вели съ нимъ старозавѣтные іудеи, отрада, съ которою они предали его мучительной и

позорной казни, объясняются вовсе не тѣмъ, что христіанство было новымъ религіознымъ ученіемъ, что Христосъ проповѣдывалъ начало нравственности, отличныя отъ требованій Моисеева закона. Въ Іудеѣ того времени было много сектъ; особенности одной секты вызывали въ послѣдователяхъ другихъ сектъ лишь столько страстности и враждебности, сколько можно было внести въ долгіе и ожесточенные споры. Но въ ученіи Христа былъ соціальный элементъ, который сдѣлалъ его ненавистнымъ фарисеямъ, т. е. представителямъ имущихъ классовъ [98]). Создатель новой религіи громитъ имущихъ, враждуетъ съ правомъ частной собственности, признаетъ богатыхъ недостойными царства Божія. словомъ, потрясаетъ основы гражданскаго быта, угрожаетъ условіямъ матеріальнаго существованія, которыя были большинству зажиточныхъ евреевъ гораздо дороже Закона и Пророковъ. И древній Римъ, объявивъ христіанамъ войну на жизнь и смерть, гораздо меньше заботился о происхожденіи Христа, его божественности, нежели о томъ, что новое ученіе можетъ разрушить старый порядокъ вещей.

Что было на зарѣ христіанства, то же проявлялось и во всей его исторіи, какъ скоро возникала борьба, повидимому, изъ чисто религіозныхъ убѣжденій. Вспомнимъ ожесточенныя преслѣдованія, которымъ въ разное время подвергались еретики, хотя бы, напримѣръ, альбигойцы и вальденсы. Сектанты. разошедшись въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ съ католическою церковью, отпали отъ нея. Конечно, борьбы не было бы, еслибы ея не начала церковь. И церковь—профессіонально она и не могла поступить иначе—начала борьбу подъ видомъ защиты догматовъ католицизма. Въ дѣйствительности же главныя пружины были не тѣ: конечно, среди людей, преслѣдовавшихъ сектантовъ, были вѣрные католики, до самоотверженія преданные церкви. Но двигателемъ было высшее католическое духовенство, сердцу котораго были гораздо ближе поборы съ вѣрной паствы, нежели важнѣйшіе догматы вѣры; духовенство гораздо больше боялось уменьшенія доходовъ, вслѣдствіе распространенія ереси, нежели того, что часть католиковъ будетъ молиться по своему. А французскій король и французскіе рыцари, безпощадно истреблявшіе сектантовъ, также рады были служить церкви, ибо она поддерживала ихъ авторитетъ среди населенія, освящала ихъ власть, успокоивала ихъ совѣсть при всѣхъ злоупотребленіяхъ надъ слабыми и угнетенными. Преслѣдованіе сектантовъ королемъ и рыцарями поддерживалось сознаніемъ, что если эта масса, безропотная и забитая, осмѣлилась начать молиться не такъ, какъ молились ея господа, то она можетъ въ своей дерзости дойти до того, что будетъ нарушать повиновеніе и на другихъ пунктахъ. А при этомъ должны были пострадать и матеріальные интересы господъ.

Такая же оцѣнка должна быть дана и реформаціи. Значеніе религіозной стороны въ реформаціи не можетъ подлежать спору. Лютеръ, человѣкъ религіозный и первоначально до самоотверженія преданный папѣ, былъ глубже оскорбленъ въ своемъ религіозномъ чувствѣ злоупотребленіями католической церкви, нежели многіе мыслящіе католики его времени. И когда въ Германіи стали извѣстны 95 тезисовъ, прибитыхъ Лютеромъ на дверяхъ церкви виттенбергскаго замка, то многіе, возмущенные испорченностью и лицемѣріемъ католицизма, обрадовались. Однако, по скольку Лютеръ возставалъ противъ ученія католической церкви, онъ не вызвалъ бы той жестокой борьбы, какая послѣдовала за его отреченіемъ отъ католицизма. Только чиновные историографы могутъ говорить, что Левъ X или его кардиналы и прелаты, утопавшіе въ роскоши и развратѣ, или германскіе князья, оставшіеся вѣрными католицизму, воздвигли жестокія преслѣдованія на людей, отпавшихъ отъ церкви изъ-за обрядовъ

или даже догматовъ вѣры. За отрицаніемъ догматовъ представлялась страшная перспектива: лишиться въ предѣлахъ обширной страны дохода отъ индульгенцій и — нѣчто еще болѣе ужасное — уступить свѣтской власти земли духовенства, а съ тѣмъ вмѣстѣ источникъ, который дѣлалъ возможными царскую роскошь и утонченный развратъ князей церкви. Равнымъ образомъ всѣ эти князья, курфюрсты и графы, которые возстали противъ папизма на защиту реформаціи, явились отщепенцами не потому, что почувствовали необыкновенное увлеченіе однимъ изъ положеній протестантизма: ихъ гораздо болѣе привлекала возможность поживиться отъ присвоенія церковныхъ имуществъ.

Такое же толкованіе можетъ быть дано и борьбѣ русской церкви съ расколомъ. Въ основѣ возстанія раскольниковъ противъ новопечатныхъ книгъ и за старые обряды лежала присущая огромному большинству людей, и, вообще, всѣмъ невѣжественнымъ людямъ, наклонность цѣпко держаться за то, что освящено временемъ. Пахать такой сохой, какой пахали отцы и дѣды, ткать на такомъ станкѣ, на какомъ работали и отдаленные предки, пѣть тѣ пѣсни, которыя пѣлись изъ рода въ родъ, вступать въ бракъ, воспитывать дѣтей, умирать и молиться такъ, какъ то дѣлалось издревле—вотъ несложный, но строго опредѣленный кодексъ малокультурнаго человѣка. На какую бы сторону его жизни новшество ни сдѣлало натискъ,—онъ чувствуетъ себя выбитымъ изъ колеи, уклоняется отъ нововведеній и хочетъ идти по привычному пути. Раскольники, отвернувшись отъ никоновщины, замкнулись бы въ старыхъ преданіяхъ и остались бы преданными сынами Россіи. Ихъ оскорбленное религіозное чувство еще не вызвало бы той ожесточенной борьбы, съ которой связана исторія русскаго раскола. Но внѣ ихъ была власть, власть государства, и вѣрная ея предначертаніямъ власть церкви. Государственная власть, начавъ дѣло, которое касалось только области религіознаго чувства, повелѣло исправлять старопечатныя книги и измѣнять обряды церкви, въ непоколебимомъ убѣжденіи, что ея дѣло, каково бы оно ни было—касается ли оно взиманія налоговъ, постройки новыхъ крѣпостей, войны съ турками—должно быть принимаемо народомъ съ тою готовностью и радостью, на какую всегда разсчитываетъ самовластное правительство. И какъ подлежалъ суровымъ наказаніямъ тотъ, кто не хотѣлъ платить сборовъ, установленныхъ московскимъ царемъ, такъ былъ предметомъ гоненія и тотъ, кто стоялъ за типъ стараго письма, или за двуперстное знаменіе. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, борьба велась съ особымъ ожесточеніемъ потому, что сильнѣйшая сторона, преслѣдователи, отстаивали свою освященную временемъ власть, а значитъ и всю совокупность матеріальныхъ выгодъ, которыя она доставляетъ. Первостепенное значеніе матеріальныхъ выгодъ для преслѣдователей раскола обозначилось особенно ярко съ той поры, когда прошелъ острый періодъ гоненій: раскольники, разбредшись по всѣмъ концамъ русской земли, стали для администраціи и духовенства обильнымъ источникомъ правильныхъ доходовъ. Православное духовенство, громившее иконы стараго письма и двуперстное знаменіе, и усердная къ государевой службѣ администрація стали отлично примиряться съ расколомъ, разъ онъ имѣлъ средства откупаться отъ авторитета церкви и государства. Такъ относились къ расколу и многочисленнымъ сектамъ до самаго послѣднаго времени.

Сошлемся также на борьбу Германіи съ католической церковью. Конечно, германскому правительству не было никакого дѣла до догматовъ католической церкви, тѣмъ болѣе до религіознаго чувства католиковъ. Эту борьбу, чисто политическую, начали католики. Католики надѣялись, что объединенная германская имперія будетъ способствовать возстановленію

свѣтской власти папы. И когда тронная рѣчь 1873 года совершенно ясно высказалась за невмѣшательство Германіи во внутреннюю жизнь другихъ государствъ, то партія центра, бывшая представительницей католицизма въ парламентѣ, голосовала противъ всеподданнѣйшаго адреса рейхстага на эту рѣчь. Отвѣтомъ были майскіе законы 1873 и 74 годовъ. А эти законы посягали на гораздо большее, нежели тотъ или другой догматъ церкви: они грозили наказаніемъ тѣмъ членамъ духовенства, которые, при исполненіи своихъ обязанностей, обсуждали государственныя дѣла такимъ способомъ, что угрожали общественному миру; они изгоняли изъ Германіи орденъ іезуитовъ, вводили гражданскій бракъ, отстраняли духовенство отъ школы, передавали правительству право назначать священниковъ и епископовъ и учреждали въ Пруссіи особый королевскій судъ по церковнымъ дѣламъ. Словомъ, вѣковой власти церкви наносились тяжелые удары. Нельзя по этому поводу не припомнить словъ Циглера: «Въ общемъ, католицизмъ никогда не былъ болѣе политическимъ, т. е. менѣе различнымъ никогда болѣе задорнымъ далекимъ отъ духа христіанства, чѣмъ въ семидесятыхъ годахъ. Его епископы были дипломатами или полководцами, его священники—политиками фракцій и его капелланы—агитаторами и журналистами, и даже церковными каѳедрами снова и снова злоупотребляли, какъ мѣстами для избирательныхъ рѣчей и демагогическихъ подстрекательствъ. вслѣдствіе этого пострадала нравственно-религіозная задача и, особенно, благодаря духовенству»[99]). Какъ всѣмъ этимъ парламентскимъ ораторамъ католицизма и епископамъ-политикамъ были важны не догматы, а власть, такъ и германскому правительству католики были непріятны только до тѣхъ поръ, пока юная имперія могла опираться на національ-либераловъ. Но стоило этой партіи оказаться недовольно прочной опорой, и правительство стало искать сближенія съ центромъ, т. е. пошло на уступки католической церкви.

Чѣмъ болѣе удаляемся отъ нашего времени, чѣмъ дальше оглядываемся назадъ, тѣмъ болѣе находимъ въ религіозной борьбѣ элементовъ, которые относятся до религіознаго чувства. Чѣмъ ниже уровень развитія, тѣмъ болѣе дорожитъ человѣкъ опредѣленными формами для своего вѣрованія, тѣмъ болѣе готовъ онъ стоять какъ за основныя положенія данной религіи, такъ и за самые незначительные обряды. Чѣмъ болѣе приближаемся къ современной эпохѣ, тѣмъ менѣе религіознаго элемента въ борьбѣ, которая является религіозной по названію, тѣмъ болѣе преобладаетъ элементъ соціальный въ обширномъ смыслѣ. Но и въ самое отдаленное отъ насъ время жестокость борьбы была, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ того, что преслѣдователи новаго религіознаго толка боролись для удержанія своей власти во всей полнотѣ, а также для сохраненія выгодъ, преимущественно, матеріальныхъ, которыя обезпечиваются властью.

Формы борьбы стоятъ въ тѣсной связи съ государственнымъ строемъ. Особенности формъ наиболѣе выдѣляются въ спокойное время, когда общественная жизнь не выходитъ изъ обычной колеи. Разъ же борьба принимаетъ характеръ возмущенія, то нѣтъ большой разницы между странами передовыми и отсталыми. Борющіяся стороны, заключая въ своихъ рядахъ людей самого утонченнаго развитія, выходятъ съ оружіемъ на улицы Парижа, Берлина, Милана; населеніе глухой русской деревни, негодуя на землевладѣльца сосѣдняго имѣнія, выходитъ съ ружьями, топорами, лопатами противъ солдатъ, которые охраняютъ помѣщика отъ погрома. Свалка швейцарскихъ и итальянскихъ рабочихъ на улицахъ высококультурнаго Цюриха своимъ внѣшнимъ видомъ вполнѣ напоминаетъ безчинства антисемитовъ при парламентарномъ строѣ Австріи или еврейскіе погромы въ Харьковѣ, Кременчугѣ, Елисаветградѣ. Но въ обычное, спокойное время замѣчается съ этой стороны большая разница.

Въ странахъ, гдѣ общественная жизнь скована деспотизмомъ, формы борьбы не отличаются разнообразіемъ. Нѣтъ арены, гдѣ могли бы свободно выражаться пожеланія и требованія отдѣльныхъ общественныхъ группъ, а потому на поверхности замѣтны только нѣкоторыя проявленія борьбы и даже не самыя важныя. Въ общемъ, печать здѣсь, какъ и въ свободныхъ странахъ, служитъ выраженіемъ программы отдѣльныхъ группъ. Но такъ какъ неограниченная власть монарха не подлежитъ обсужденію, то борьба не можетъ быть ведена изъ-за вопросовъ, связанныхъ съ политической властью. Невозможность обнаруженія классовой борьбы изъ-за важнѣйшихъ вопросовъ общественной жизни не исключаетъ, однако, столкновенія классовыхъ интересовъ по поводу многочисленныхъ и разнообразныхъ явленій. Земскія собранія служатъ въ Россіи главными мѣстами сведенія этихъ счетовъ. Въ составъ земскихъ собраній входятъ члены господствующихъ классовъ, а также, хотя въ скромномъ меньшинствѣ, представители бѣднаго населенія. Послѣдніе вмѣстѣ съ лучшими людьми изъ среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, и выражаютъ интересы крестьянства, сельскаго пролетаріата, а также служатъ главными сторонниками общепрогрессивныхъ мѣръ для всего населенія губерніи. Какъ ни скромна область интересовъ, подлежащая вѣдѣнію земства, какъ ни ограничены, особенно по закону 1890 года, полномочія земства, борьба идетъ здѣсь безостановочно; именно ей и слѣдуетъ приписать то, что со времени учрежденія земства условія сельской жизни въ Россіи нѣсколько измѣнились къ лучшему. Не будь въ земскихъ собраніяхъ людей прогрессивнаго образа мыслей, т. е. выражающихъ нужды многочисленныхъ массъ, и не веди эти люди борьбы за свои убѣжденія, земство сдѣлало-бы меньше, чѣмъ оно успѣло сдѣлать.

Можно провѣрить это на множествѣ примѣровъ. Съ перваго же года существованія земскихъ учрежденій начинается планомѣрная дѣятельность въ области земской школы и земской медицины. Эти обѣ отрасли, служащія, главнѣйше, ин ересамъ бѣдныхъ классовъ дѣлаютъ наибольшіе успѣхи тамъ гдѣ земское представительство, вслѣдствіе особенностей мѣстной жизни, демократично, какъ въ губерніяхъ Вятской и Пермской. Онѣ подвигаются и тамъ, гдѣ культурное значеніе мѣстности привлекаетъ въ ряды земскихъ дѣятелей лучшихъ членовъ буржуазной интеллигенціи (Московская губернія), которые отрѣшаются отъ выгодъ своего класса и становятся на стражѣ интересовъ массы. Успѣхи земской школы постепенно приводятъ къ тому, что ставятся на очередь обязательность и всеобщность обученія, и намѣчиваются способы для осуществленія плана. И даже въ мѣстностяхъ съ наиболѣе плодотворною дѣятельностью земства каждый шагъ впередъ есть результатъ борьбы; учрежденію каждаго новаго врачебнаго участка и открытію каждой новой школы предшествуютъ усилія лучшихъ демократически настроенныхъ представителей земства и большее или меньшее сопротивленіе тѣхъ, которые выражаютъ интересы господствующихъ классовъ. Въ тѣхъ же уѣздахъ гдѣ помѣщичій элементъ составляетъ подавляющее большинство земскихъ собраній, эти обѣ отрасли стоятъ очень низко: таковы многіе уѣзды Пензенской, Калужской, Смоленской и другихъ губерній съ незначительнымъ числомъ представителей крестьянства и помѣщиковъ, готовыхъ стоять за интересы бѣднаго люда. Мы сдѣлаемъ такой же выводъ, если припомнимъ отношеніе земства къ другимъ важнымъ вопросамъ мѣстной жизни. Однимъ изъ таковыхъ является вопросъ о расширеніи крестьянскихъ надѣловъ и о переселеніяхъ. Въ губерніяхъ съ большимъ преобладаніемъ настоящаго помѣщичьяго элемента, напримѣръ, Пензенской эти вопросы даже не поднимались. Будь они поставлены на очередь, они были были бы немедленно затерты. Въ

губерніяхъ же съ менѣе реакціоннымъ представительствомъ, Московской, Тверской, Ярославской, они не только пользовались со стороны земства вниманіемъ, но и вызывали нѣкоторыя мѣры. Укажемъ еще на одно,— организованіе кредита, доступнаго для бѣднѣйшихъ крестьянъ и самыхъ мелкихъ промышленниковъ. Въ большинствѣ земствъ говорили объ этомъ; въ разныхъ губерніяхъ были приняты нѣкоторыя, обыкновенно очень скромныя мѣры для осуществленія этой мысли. Наиболѣе широко былъ организованъ кредитъ въ Пермской губерніи, а эта губернія имѣетъ совсѣмъ демократическое земство съ ярко выраженнымъ представительствомъ маленькихъ людей. Борьба въ земствѣ реакціонныхъ группъ съ прогрессивными происходитъ и по поводу отраслей земскаго хозяйства, которыя охватываютъ всѣ интересы мѣстности, а не служатъ исключительно къ выгодѣ бѣднѣйшихъ: таково, напр., производство статистическихъ изслѣдованій. Повидимому, точное знаніе края, опирающееся на мѣстныя изслѣдованія, должно быть дѣломъ, желаннымъ для всего населенія, такъ какъ оно вноситъ порядокъ во все земское хозяйство. Но и на исторіи земской статистики въ Россіи лежитъ печать борьбы классовъ. Статистика, безстрастная и равнодушная, захватываетъ въ кругъ своихъ изслѣдованій и такіе факты, которые прикосновенныя лица стараются скрыть отъ дневного свѣта. Именно въ быту состоятельныхъ классовъ всѣ поры напитаны такими фактами: чрезмѣрно высокія арендныя цѣны, непосильныя для населенія, какъ условіе процвѣтанія помѣщичьяго хозяйства; закабаленіе крупными и средними сельскими хозяевами рабочихъ посредствомъ снабженія задатками въ голодное время года; отличное эксплоатированіе помѣщиками отрѣзокъ отъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель и другія, подобныя этимъ явленія бросаютъ на крупное и среднее землевладѣніе густую тѣнь. И, вотъ, мы видимъ, что въ губерніяхъ съ помѣщичьимъ, т. е. съ реакціоннымъ земствомъ, напр. Пензенской, Смоленской, Калужской для развитія статистики не было сдѣлано ничего; въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, Рязанской губерніи, отличныя работы, едва начавшись, были пріостановлены стараніями большинства. Въ крестьянскихъ же губерніяхъ, Вятской, Пермской, или въ губерніяхъ съ замѣтнымъ участіемъ лучшихъ силъ буржуазной интеллигенціи — Московской, Херсонской, Черниговской—статистика получила широкое развитіе.

Мы изобразили бы условія русской жизни въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ, если бы утверждали, что борьба въ печати, земствѣ и общественныхъ собраніяхъ имѣла большое вліяніе на теченіе общественныхъ дѣлъ Не забудемъ, что государство образуетъ въ Россіи особый, самостоятельный классъ, хорошо сознающій свои интересы, т. е. интересы бюрократіи.

По скольку устное и печатное слово вторило этимъ интересамъ, по столько оно могло раздаваться безпрепятственно; но въ этомъ случаѣ оно являлось лишь эхомъ правительства, не вносящимъ въ общественную жизнь ничего новаго. Разъ оно рѣзко представляло интересы какой-либо общественной группы, въ данную минуту не согласные съ видами правительства, на него налагался запретъ. А потому плоды, получаемые хотя бы, напримѣръ, въ земской дѣятельности отъ напряженія силъ, людьми прогресса, менѣе значительны, чѣмъ могло бы быть дано тѣми же усиліями при большей политической свободѣ. Вотъ почему борьба между общественными группами скрывалась отъ дневного свѣта. Группы имущаго класса искали въ мертвящей тиши правительственныхъ канцелярій людей, которые могли способствовать имъ въ полученіи тѣхъ или иныхъ выгодъ; этотъ путь тѣмъ надежнѣе приводитъ къ цѣли, чѣмъ болѣе интересы данной группы совпадаютъ съ выгодами правительства. Такъ, напр., въ Россіи правительство лично для себя считаетъ выгодными высокіе таможенные

налоги. Поэтому, всѣ ходатайства промышленнаго класса о возвышеніи таможенныхъ пошлинъ и объ обложеніи товаровъ, которые были ранѣе свободны отъ налоговъ, встрѣчали полное сочувствіе. Такимъ образомъ борьба между всѣми потребителями и нѣкоторыми группами промышленнаго класса велась въ тиши министерствъ и канцелярій. Возьмемъ другой примѣръ—развитіе фабричныхъ законовъ. Хотя въ такой странѣ, какъ Россія, фабричные законы очень мало ограничиваютъ произволъ хозяевъ, однако, они служатъ нѣкоторой помѣхой. И, вотъ, капиталисты начинаютъ въ тиши министерства борьбу съ рабочими, по скольку послѣднихъ защищаютъ эти законы. Борьба сводилась къ тому, что негласныя жалобы самыхъ крупныхъ и вліятельныхъ предпринимателей на фабричныхъ инспекторовъ вызывали негласныя распоряженія правительства, чтобы должностныя лица не были слишкомъ усердны въ примѣненіи этихъ законовъ. Эти пріемы борьбы, запечатлѣнные самымъ отвратительнымъ подхалимствомъ и пройдошествомъ, доступны только для группъ имущаго класса. Неимущіе стоятъ такъ далеко отъ вліятельныхъ должностныхъ лицъ, что только въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ могли восходить до вершинъ съ заявленіями о своихъ нуждахъ. Приниженность и полная неорганизованность сельскаго населенія вела къ тому, что оно живетъ по отношенію къ своимъ ближайшимъ эксплоататорамъ—землевладѣльцамъ — въ состояніи непрерывной партизанской войны: потравы, порубки, кража, нарушеніе договора о наймѣ на работу составляютъ обыденныя явленія; эти факты гораздо меньше служатъ признаками безнравственности населенія, какъ хотятъ увѣрить въ томъ господствующіе классы, чѣмъ выраженіемъ классовой непріязни со стороны бѣдныхъ къ состоятельнымъ. Конечно, всѣ эти факты не привлекательны; но какъ бы ихъ ни было много, они перевѣшиваются притѣсненіями, которыя выпадаютъ на долю населенія деревни со стороны землевладѣльцевъ. Промышленный пролетаріатъ поставленъ для борьбы въ болѣе выгодныя условія: задавленный вѣковымъ гнетомъ, безправный, невѣжественный, онъ пользуется, однако, тѣмъ преимуществомъ, что мануфактурное и фабричное производство соединяетъ работниковъ въ большія массы. А соединеніе даетъ ему иногда возможность бороться съ предпринимателями въ организованной стачкѣ, которая все же позволяетъ легче достигнуть цѣли, чѣмъ непрерывная партизанская война бѣднѣйшихъ классовъ внѣ оживленныхъ промышленныхъ округовъ.

Въ европейско-американскомъ мірѣ, вслѣдствіе широты политическихъ правъ, партизанская война и искательство въ канцеляріяхъ все болѣе выходятъ изъ обычая. Устное и печатное слово служитъ главнымъ орудіемъ классовой борьбы; парламенты, разнообразныя общества и печать являются для нея обширными аренами. Борьба ведется на виду у всѣхъ. Крупные вопросы, служащіе предметомъ борьбы въ парламентахъ, изучаются тысячами людей во всѣхъ концахъ свѣта; важныя злобы дня, обсуждаемыя на страницахъ вліятельныхъ газетъ, съ жадностью читаются милліонами. Такимъ образомъ для успѣшной борьбы пролетаріату особенно важны политическія права — право собраній, сходокъ, печати. «Они являются для пролетаріата свѣтомъ и воздухомъ и кто суживаетъ или сдерживаетъ ихъ или кто хочетъ удержать работниковъ отъ борьбы за пріобрѣтеніе и расширеніе этихъ вольностей, тотъ является злѣйшимъ врагомъ пролетаріата, дѣйствительно ли онъ любитъ его, или лицемѣритъ, анархистъ ли онъ или христіанскій соціалистъ» [100]).

VI.

Лоренцъ Штейнъ первый формулировалъ ученіе, согласно съ кото-

рымъ борьба классовъ стала въ 19-мъ столѣтіи гораздо болѣе напряженною, нежели то было ранѣе. Штейнъ полагаетъ, что первой причиной этого было ученіе Адама Смита, по которому трудъ является главнымъ создателемъ богатствъ. Это ученіе скоро сдѣлалось общимъ достояніемъ, и рабочій классъ сталъ примѣнять его къ условіямъ своего быта. Провѣривъ на себѣ это ученіе, пролетаріатъ понялъ противорѣчіе общественной жизни: съ одной стороны несмѣтныя богатства, созданныя трудомъ, особенно благодаря его раздѣленію, съ другой стороны—самъ рабочій классъ, навсегда осужденный оставаться неимущимъ. Пролетаріату впервые стало ясно, что общество рѣзко раздѣлено на два стана, имущихъ и неимущихъ, и это сознаніе начало укрѣплять въ немъ враждебное отношеніе ко владѣнію. Другой причиной было уравненіе всѣхъ гражданъ въ политическихъ правахъ, юридически чрезвычайное возвышеніе личности и въ то же время фактическая невозможность для огромнаго большинства гражданъ упрочить хозяйственный бытъ. Такъ какъ препятствіемъ служитъ частная собственность на капиталъ, то явилось упорное отрицаніе права частной собственности и требованіе, чтобы блага распредѣлялись не по владѣнію, а по личному труду. Наконецъ, сюда присоединилось убѣжденіе пролетаріата, что его требованія являются логическимъ выводомъ ихъ признанія государствомъ и обществомъ начала свободной личности, на которой они и покоются. А это сознаніе служитъ связующимъ элементомъ между отдѣльными группами класса неимущихъ, образуетъ изъ нихъ одно цѣлое [101]).

Когда Штейнъ изслѣдовалъ борьбу классовъ во Франціи, научная мысль находилась подъ господствомъ убѣжденія, что сознаніе является основною силой, которая направляетъ движенія отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Мы знаемъ, что источникомъ настроенія пролетаріата, толкающаго его на борьбу, служатъ прежде всего условія ея хозяйственной жизни. Хотя ученіе Смита получило къ началу нынѣшняго вѣка большое распространеніе, однако, его вліяніе ограничивалось преимущественно промышленными и торговыми классами и почти не достигало до работниковъ. Если бы оно даже очень распространилось въ этой средѣ, то не могло бы произвести дѣйствіе, на которое указываетъ Штейнъ: Адамъ Смитъ, говоря о трудѣ, какъ создателѣ богатствъ, всегда разумѣетъ трудъ, вооруженный капиталомъ, признаетъ права капиталиста вытекающими изъ природы вещей и считаетъ прибыль столь же неоспоримою, закономѣрною вѣтвью общественнаго дохода, какъ заработную плату. Вотъ почему ученіе Смита могло только укрѣплять убѣжденіе, что не одинъ трудъ является создателемъ богатствъ, но трудъ работника вмѣстѣ со средствами капиталиста. Второе обстоятельство также не имѣло существеннаго значенія. Сознаніе противорѣчія между совокупностью правъ, которую современное государство даетъ всему населенію, и міромъ фактовъ, препятствующихъ огромному большинству извлекать выгоды изъ этихъ правъ, является сложнымъ обобщеніемъ; оно могло только постепенно становиться общимъ достояніемъ. Только теперь, въ странахъ наиболѣе культурныхъ, это обобщеніе проникаетъ въ массы. Въ первой же половинѣ 19 столѣтія пролетаріатъ былъ не настолько развитъ, чтобы укрѣпиться въ этомъ сознаніи. Притомъ, еще недавно мелкая промышленность имѣла такое распространеніе, что многіе могли достигать самостоятельности, начавъ свою дѣятельность въ рядахъ наемныхъ работниковъ. Добавимъ, наконецъ, что третья причина всего менѣе способна произвести дѣйствіе, котораго ожидаетъ отъ нея Штейнъ: только люди, дѣлающіе свои отношенія къ міру предметомъ сосредоточеннаго размышленія, могутъ укрѣплять свою связь съ другими, родственными группами и закаляться въ борьбѣ сознаніемъ,

что требованія, выдвигаемыя ими, являются логическимъ выводомъ изъ современнаго порядка вещей. Размышленія этого рода отнюдь не могутъ быть приписаны пролетаріату въ цѣломъ его составѣ, ни даже большинству его представителей. Обобщеніе Штейна тѣмъ болѣе искусственно, что требованіе обоснованія собственности только на личномъ трудѣ вовсе не составляетъ логически-необходимаго вывода изъ признанія современнымъ государствомъ за всѣми гражданами права свободной личности. Изъ этого признанія можно съ такимъ же правомъ вывести, какъ логическое послѣдствіе, совокупность общественныхъ реформъ, проводимыхъ современнымъ государствомъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ многочисленныхъ экономистовъ, политиковъ, филантроповъ. На юридическомъ равенствѣ всѣхъ гражданъ можно построить, какъ «логическій выводъ», цѣлую систему мѣропріятій, образующихъ, такъ называемую, соціальную политику нашего времени, способную, будто бы, смягчить неравенства, которыя причиняетъ частная собственность на орудія производства.

Большая напряженность классовой борьбы въ 19 столѣтіи явилась слѣдствіемъ того, что условія производства создали новое пролетарское общество, которое не было извѣстно предшествующимъ періодамъ. Это общество сдѣлалось въ высокой степени воспріимчиво къ соціалистическимъ идеаламъ и къ отрицанію того, что наполняло душу людей предыдущихъ поколѣній. Именно, новые промышленные центры и рабочіе кварталы большихъ городовъ представляютъ благодарную область для настроенія, которое укрѣпляетъ классовое сознаніе и толкаетъ на борьбу. «Въ домахъ-казармахъ, сдаваемыхъ въ наемъ, въ огромныхъ фабрикахъ, говоритъ Зомбартъ, въ большихъ собраніяхъ и мѣстахъ для развлеченія, пролетаріатъ, покинутый Богомъ и людьми, опять является вмѣстѣ со своими товарищами по лишеніямъ членомъ исполинскаго новаго организма. Здѣсь слагаются новыя общежитія, которыя, благодаря новѣйшей техникѣ, носятъ коммунистическій отпечатокъ. И они развиваются, растутъ, крѣпнутъ помѣрѣ того, какъ для отдѣльнаго человѣка исчезаютъ прелести индивидуальной жизни. Чѣмъ больше одиночество ощущается въ каморкѣ на чердакѣ, гдѣ-нибудь въ предмѣстьѣ города, тѣмъ болѣе привлекательны новые центры общенія, гдѣ одинокій снова чувствуетъ себя, какъ человѣкъ. Исчезаетъ недѣлимый и возникаетъ товарищъ. Слагается однородное классовое сознаніе, привычка къ работѣ сообща и коммунистическому наслажденію» [102]).

Способы труда дѣлаютъ классовое сознаніе болѣе острымъ и борьбу болѣе дѣятельной. Посмотримъ, въ какой степени вліяютъ на обостреніе борьбы перемѣны въ матеріальномъ положеніи пролетаріата.

И до сихъ поръ не окончился споръ о томъ, улучшилось или ухудшилось положеніе рабочихъ въ теченіе 19 столѣтія. Въ I томѣ «Капитала» мы находимъ замѣчаніе, что съ уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, „возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплоатація, но также и возмущеніе рабочаго класса“. [103]). Отсюда въ соціалистической литературѣ [104]) сложилось направленіе, согласно съ которымъ матеріальное положеніе рабочаго класса измѣнялось къ худшему по мѣрѣ распространенія машиннаго производства, что сдѣлало и продолжаетъ дѣлать классовую борьбу все болѣе напряженной.

Изученіе исторіи экономическаго быта убѣждаетъ насъ, что она не представляетъ такого развитія, которое всегда бы шло однимъ и тѣмъ же ритмомъ. Подъ вліяніемъ борьбы расъ въ обширномъ смыслѣ (разумѣемъ подъ этимъ войны) уровень благосостоянія понижался иногда на долгое время. Мы видимъ, напримѣръ, такое положеніе дѣлъ послѣ паденія Западной Римской имперіи, при переходѣ отъ древняго міра къ

Среднимъ Вѣкамъ. Въ недавнемъ прошломъ послѣ 30-лѣтней войны мы видимъ обѣдненіе Германіи. Но, не взирая на такіе перерывы въ хозяйственномъ развитіи, можно установить, какъ общее положеніе, что благосостояніе всѣхъ классовъ населенія, если сравнивать долгіе періоды, повысилось и что за послѣднее столѣтіе, когда войны перестали быть столь частыми и продолжительными, пріостановка въ ростѣ народнаго богатства ограничивается болѣе краткимъ срокомъ, нежели то было въ предыдущіе вѣка.

Можно ли присоединиться къ положенію, что бытъ бѣдныхъ классовъ абсолютно ухудшился со введеніемъ машины и что въ будущемъ онъ обѣщаетъ становиться все менѣе благопріятнымъ? Это положеніе не можетъ быть принято, хотя въ переходныя эпохи, когда машины усиленно вытѣсняютъ ремесленное производство, въ нѣкоторыхъ и даже многихъ отрасляхъ бытъ рабочихъ ухудшается. Такъ было, напримѣръ, въ Германіи въ 40-хъ годахъ 19 вѣка, когда машинный ткацкій станокъ уничтожалъ ручное ткачество; такъ было въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нынѣшняго вѣка въ Англіи. Ея фабричная промышленность успѣла уже достаточно развиться, а рынокъ сбыта, не особенно широкій (именно не довольно широкій иноземный рынокъ), препятствовалъ ей занимать столько рукъ, сколько у нея было на лицо; этотъ переходъ бросилъ многихъ въ ряды бѣдняковъ и былъ причиною низкой заработной платы.

Вообще, отъ 1820 до начала 40-хъ годовъ рабочій классъ Англіи переживалъ очень тяжелое время. Немудрено, если Энгельсъ, напечатавшій въ 1845 году свою книгу «о положеніи рабочаго класса въ Англіи», всю жизнь остался подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній, которыя были получены имъ въ юности. Издержки на содержаніе бѣдныхъ въ Англіи были особенно велики въ 20-хъ годахъ. Если же отрѣшиться отъ отдѣльныхъ періодовъ, иногда довольно продолжительныхъ, то о перемѣнахъ въ матеріальномъ положеніи Европы можно установить такіе выводы:

1) Благосостояніе ремесленниковъ добраго стараго времени, на которое ссылаются такъ часто, сильно преувеличено. Профессоръ Бюхеръ[105]) доказываетъ, что положеніе ремесленниковъ въ Германіи 17 и 18 столѣтій было очень стѣсненнымъ; это наблюдалось даже и въ самыхъ богатыхъ городахъ. Среди ремесленниковъ пекаря и мясники считались наиболѣе зажиточными, но и эти ремесла были такъ переполнены, что во многихъ городахъ упрочился обычай, согласно съ которымъ пекли хлѣбъ и били скотъ поочередно, 2—3 раза въ недѣлю каждый. Число подмастерій было такъ незначительно, что во многихъ городахъ на 6 мастеровъ приходился только одинъ подмастерье. Поэтому ремесло, въ лучшемъ случаѣ, давало только скудное существованіе, застраховывало отъ безработицы и охраняло отъ соперничества сопромышленниковъ. А если такъ, то прославленіе добраго стараго времени неосновательно.

2) Въ теченіе всего 19 столѣтія положеніе рабочихъ классовъ, если исключить нѣкоторые періоды, абсолютно улучшалось; улучшеніе сопутствовало росту производительности труда. Это доказывается тѣмъ, что а) положеніе рабочихъ тѣмъ лучше, чѣмъ выше производительность труда (въ Англіи оно лучше, чѣмъ въ Германіи или Франціи, въ Германіи выше, чѣмъ въ Австріи и т д.). б) Оно прямо доказывается для отдѣльныхъ странъ повышеніемъ заработной платы при неизмѣнной цѣнѣ продуктовъ потребленія или даже при ихъ удешевленіи. Между 1831 и 1880 годами заработная плата повышалась въ Англіи постоянно и поднялась почти вдвое въ земледѣліи (съ 11 до 18 шиллинговъ въ недѣлю для работника, съ 4 до $7^1/_2$ для работницы), слишкомъ вдвое въ хлопчатобумажной промышленности. Въ пряденіи недѣльный заработокъ семьи изъ 2 взрослыхъ

и 3 дѣтей составлялъ въ 1839/40 году 21 шиллингъ, а въ 1887 — 41, тогда какъ издержки такой семьи на пищу, жилище, одежду, топливо поднялись съ 28 только до 34 шиллинговъ. Между 1860 и 1891 годами повышеніе заработной платы для Англіи составляло: 18—20% среди сельскихъ рабочихъ, 20—50% въ хлопчатобумажномъ дѣлѣ, 19—35% въ желѣзной промышленности и проч. Блокъ собралъ для Франціи данныя о 62 отрасляхъ промышленности: оказывается, что между 1853 и 1887 годами заработная плата поднялась въ этихъ отрасляхъ на 64—72%. То же наблюдено въ другихъ странахъ Запада. За послѣдніе годы для Вюртемберга собраны такія данныя: средняя годовая плата, составлявшая въ 1891 г. 566,3 марки на рабочаго, поднималась ежегодно и достигла въ 1895 году 621,1 марки. Изслѣдованіе распространялось на 68,894 рабочихъ въ 1891 году (minimum) и на 73,192 въ 1895 (maximum). Для 4 австрійскихъ городовъ (Вѣны, Граца, Тріеста и Праги) собраны данныя о заработной платѣ поденщиковъ отъ конца 30-годовъ. Если приравнять 100 плату для 1839—47 годовъ, то въ періодъ 1891—1895 годовъ она составляла: 309,5; 244,4; 185,2 и 465,4. Цѣны же главныхъ предметовъ стоятъ теперь на Западѣ ниже, чѣмъ въ началѣ 70-хъ годовъ.

Это положеніе можетъ быть доказано также статистикой потребленія наиболѣе распространенныхъ товаровъ. Возьмемъ сахаръ. Его потребленіе поднялось въ Англіи съ 13,8 килограммовъ въ 50-хъ годахъ до 35,7 въ 1891—95. Въ Германіи его потребленіе увеличилось съ 2,5 килограммовъ въ 40-хъ годахъ до 9—10 килограммовъ въ 90-хъ. Во Франціи оно составляло въ 30-хъ годахъ менѣе 3 килограммовъ на душу, а въ 90-хъ г.—11,5 килограммовъ. Такія же перемѣны находимъ въ потребленіи мяса. Въ Англіи оно возросло отъ 100,51 килограмма на жителя въ 1868 году до 121,7 въ 1891—95. Во Франціи потребленіе мяса составляло въ концѣ 30-хъ годовъ не полныхъ 20 килограммовъ на 1 жителя, въ 1892 году достигло 35 килограммовъ. То же наблюдаемъ относительно хлѣба. Потребленіе пшеницы въ Англіи было въ первой половинѣ, 50-хъ годовъ только 138,3 килограмма на душу, а въ 80-хъ—160. Во Франціи потребленіе пшеницы отъ 162 килограммовъ на жителя въ 40-хъ годахъ поднялось до 206 въ 90-хъ. Въ Германіи мы находимъ за этотъ періодъ уменьшеніе въ потребленіи ржи и ростъ потребленія пшеницы. Такія же перемѣны произошли въ потребленіи и многихъ другихъ товаровъ [106]). Не слѣдуетъ забывать также объ общихъ условіяхъ жизни рабочихъ классовъ. Эти условія очень неудовлетворительны: но данныя послѣднихъ лѣтъ относительно, положимъ, Англіи не позволили бы нарисовать такую мрачную картину, какую далъ намъ Энгельсъ для 40-хъ годовъ или какую представилъ Марксъ въ *Капиталѣ* для всей промышленности Англіи тѣхъ десятилѣтій, когда фабричные законы были только въ зародышѣ. Сошлемся также на большій доступъ рабочихъ въ начальной школѣ и разнымъ способамъ самообразованія.

Становясь въ ряды тѣхъ, кто находитъ, что бытъ пролетаріата измѣнился къ лучшему, мы предостерегаемъ отъ преувеличеній, которыя дѣлаются такъ часто при разсмотрѣніи этого вопроса. Многіе склонны не только признать фактъ улучшенія быта рабочихъ, но и считать это улучшеніе очень крупнымъ, чуть ли не обращающимъ пролетарія въ капиталиста. Дѣлать такія заключенія соблазняетъ тотъ фактъ, что въ акціонерныхъ предпріятіяхъ много мелкихъ акціонеровъ, и наибольшее число книжекъ, выданныхъ сберегательными кассами, приходится на самые мелкіе вклады [107]). Но эти факты не должны вводить въ заблужденіе. Пролетарій не перестаетъ быть таковымъ только потому, что за много лѣтъ скопилъ 2—3 тысячи франковъ, помѣщенныхъ въ сберега-

тельную кассу или акціи какого-инбудь предпріятія. Кто прослѣдилъ за напряженіемъ силъ, съ которымъ обыкновенно связано образованіе этихъ *маленькихъ капиталовъ*, тотъ знаетъ, что сбереженіе возможно только вслѣдствіе недополученія работникомъ многаго, что отвѣчаетъ на важнѣйшія требованія гигіены. Каждые 10 франковъ, отнесенныхъ въ сберегательную кассу, означаютъ сокращеніе расходовъ на пищу, жилище, одежду, и безъ того не достигающихъ уровня, который былъ бы необходимъ въ интересахъ здоровья. Нерѣдко бываетъ и такъ, что вклады въ сберегательной кассѣ перевѣшиваются долгомъ въ лавкѣ, гдѣ работники покупаютъ съѣстные припасы. Это обнаружилось, напримѣръ, весной 1899 года при стачкахъ рабочихъ въ бельгійскихъ каменноугольныхъ копяхъ. Даже самое мелкое сбереженіе радуетъ работника и его семью, а долгъ лавочнику, составляющій нѣсколько сотъ франковъ, вошелъ въ обычай: работники охотно забираютъ товары въ долгъ; они знаютъ, что продажа въ кредитъ стала обычною и что торговецъ, получая отъ времени до времени уплату части долга, не будетъ суживать кредитъ. Стачки, длящіяся даже не долго, показываютъ, какъ незначительны эти сбереженія и какъ мало даютъ эти вклады право относить къ капиталистамъ работниковъ, отложившихъ кое-что на черный день.

И такъ, положеніе рабочаго класса измѣнилось абсолютно къ лучшему. Чему же приписать увеличеніе недовольства и обостреніе классовой борьбы сравнительно съ прошлымъ? Недовольство несомнѣнно возросло. Этотъ ростъ будетъ намъ особенно понятенъ, если напомнимъ о типахъ людей, которые даетъ исторія для періодовъ рабства или крѣпостного состоянія: 1) Типъ непокорныхъ, готовыхъ къ возмущенію, 2) типъ равнодушныхъ, спокойныхъ, умѣренно-недовольныхъ, 3) типъ людей, горячо преданныхъ господамъ. Изучая условія, при которыхъ вырабатывается каждый изъ названныхъ типовъ, мы видимъ, что первый слагается тогда, когда жестокость владыки превосходитъ всякую мѣру, когда жизнь является непрерывною цѣпью страданій. Второй, наиболѣе обычный, уживается со всѣми степенями гнета, отъ умѣреннаго до тяжкаго, пока еще не перейдена крайняя мѣра. И, наконецъ, третій типъ всего чаще вырабатывается тамъ, гдѣ гнетъ умѣренно тяжелъ, гдѣ отношенія мягки. Но и въ послѣднемъ случаѣ разстояніе между господиномъ и его рабами или крѣпостными чрезвычайно велико. Когда припоминаешь объ ужасахъ, которые наполняютъ исторію рабства или крѣпостничества у любого народа, то удивляешься не тому, что были возмущенія рабовъ и крѣпостныхъ противъ господъ, но тому, что они были слишкомъ рѣдки, тому, что даже суровые господа могли имѣть горячо преданныхъ имъ подвластныхъ людей. И это понятно: всѣ умы, сознательно или безотчетно, были проникнуты убѣжденіемъ, что общественный строй долженъ покоиться на началахъ господства и суровой власти съ одной стороны, подчиненія и безправія—съ другой. И не только рабъ, готовый жертвовать жизнью за господина, твердо помнилъ о разницѣ между собой и своимъ владыкой, но и рабъ возмутившійся не забывалъ объ этихъ различіяхъ: онъ возставалъ не противъ господина, а противъ невыносимыхъ формъ, въ которыя облекалось господство. Разъ въ умы людей проложило путь другое убѣжденіе, убѣжденіе въ равенствѣ всѣхъ, то, ограничиваясь первоначально формой, равенствомъ передъ закономъ, это убѣжденіе неудержимо ведетъ къ требованіямъ, чтобы безсодержательная формула равенства получила содержаніе, чтобы были созданы условія общественной жизни, которыя помогаютъ осуществленію идеи равенства. А эта идея можетъ осуществиться только съ разрушеніемъ устоевъ, на которыхъ небольшое меньшинство создаетъ себѣ богатство, т. е. въ такомъ общественномъ строѣ, гдѣ трудъ

фактически получитъ господство. Рабочіе классы нашего времени знаютъ, что ихъ положеніе лучше, нежели положеніе ихъ дѣдовъ; но они все чаще и чаще спрашиваютъ себя, въ какой же мѣрѣ, подъ вліяніемъ успѣховъ производительности труда и перемѣнъ въ народномъ хозяйствѣ, улучшилось положеніе имущихъ классовъ? И они видятъ, что усовершенствованія техники принесли богатымъ большія выгоды не только абсолютно, но и относительно. Мы привыкли еще на школьной скамьѣ слушать разсказы о баснословныхъ богатствахъ римскихъ патриціевъ, такого Лукуллы, Суллы, Красса, или о богатствѣ нѣкоторыхъ вельможъ въ предыдущихъ столѣтіяхъ. Но эти имущества блѣднѣютъ передъ крупными состояніями нашего времени, передъ богатствомъ Вандербильта, Астора, Ротшильда и другихъ. Въ древности богачи тратили тысячи, десятки и сотни тысячъ на обѣды, на соусы изъ соловьиныхъ языковъ; и у богачей нашего времени уходятъ огромныя суммы на пиршества и торжества, многія тысячи франковъ на одни цвѣты къ парадному обѣдамъ. Кто захотѣлъ бы быть даже очень усерднымъ панегиристомъ перемѣнъ, происшедшихъ въ бытѣ рабочихъ, тотъ не могъ бы доказать, что за 100 лѣтъ ихъ положеніе улучшилось реально болѣе, чѣмъ въ полтора-два раза. Но, вѣдь, производительность труда возрасла за этотъ періодъ въ большой пропорціи. И главная часть избытка цѣнности послужила къ увеличенію имущества небольшаго меньшинства, особенно, крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. До пролетаріата доходятъ свѣдѣнія о повышеніи нормы крупныхъ состояній; онъ знаетъ, что число милліонеровъ увеличивается. Все это укрѣпляетъ его въ сознаніи, что разница между нимъ и господствующими классами становится болѣе велика, нежели то было ранѣе.

Недовольство пролетаріата поддерживается еще одной особенностью, съ которою въ новѣйшее время все чаще и чаще связано образованіе огромныхъ состояній. Богачи древности накопляли баснословныя имущества способами, которые, большею частію, нельзя было признать законномѣрными. Если источникомъ богатства не была война, позволявшая награбить у враговъ несмѣтныя сокровища, то имъ было расхищеніе общественныхъ земель, занятіе такихъ должностей на государственной службѣ, которыя давали должностному лицу удобный случай обложить населеніе тяжкими поборами. Сравнительно съ этими способами пріобрѣтенія правильная торговля была уже менѣе важнымъ источникомъ образованія большихъ состояній, а промышленность или сельское хозяйство вовсе не вели къ тому, чтобы поставить людей, усердно занимающихся ими, въ ряды богачей. А главные способы пріобрѣтенія большаго богатства, будучи связаны съ насиліями, только терпѣлись, но отнюдь не пользовались защитой закона. Противъ нихъ возвышали голоса люди, вовсе не склонные къ преобразованію государственнаго строя, какъ, напримѣръ, Тиверій Гракхъ, стремившійся пріостановить расхищеніе государственныхъ земель римскими богачами. Пролетаріи нашего времени видятъ, что самыя крупныя богатства пріобрѣтаются способами, которые на всѣхъ пунктахъ пользуются санкціей закона. И теперь есть случай, что должностное лицо обогащается отъ взятокъ, для которыхъ жизнь выработала утонченныя формы—вознагражденіе за содѣйствіе частнымъ лицамъ при полученіи концессій на выгодныя предпріятія. И теперь дипломатъ, вызвавшій войну, или военачальникъ, приведшій ее къ благопріятному исходу, награждаются крупными суммами изъ контрибуціи, возложенной на побѣжденный народъ. Но эти случаи обогащенія совершенно незамѣтны въ общей массѣ. Законъ освящаетъ право частной собственности почти на всю внѣшнюю природу, доступную воздѣйствію человѣка; законъ освя-

щаетъ договоръ во всѣхъ его разновидностяхъ и требуетъ неуклоннаго его исполненія; законъ охраняетъ безпрепятственное совершеніе кредитныхъ сдѣлокъ и вырабатываетъ нормы, которыя приноровляютъ эти сдѣлки ко всѣмъ хозяйственнымъ актамъ во всемъ ихъ разнообразіи. И, вотъ, подъ покровомъ закона, А наживаетъ милліоны отъ того, что ведетъ промышленное предпріятіе съ тысячами вольнонаемныхъ рабочихъ, эксплоатируемыхъ не болѣе, чѣмъ разрѣшаетъ законъ, Б становится милліонеромъ потому, что скупаетъ за безцѣнокъ огромныя площади земли наканунѣ проведенія черезъ нихъ желѣзной дороги, а В, пользуясь въ широкихъ размѣрахъ кредитомъ, скупаетъ акціи возникающаго предпріятія по 100 и черезъ немного времени продаетъ по 500—1000 и вступаетъ въ ряды тѣхъ, кто имѣетъ дворцы, парки, морскія яхты. Въ наше время главные способы пріобрѣтенія милліонныхъ состояній не имѣютъ ничего общаго съ грабежомъ и насиліемъ. Законъ возводитъ эти способы въ цѣлую систему. Судьи, изъ края въ край страны славные своимъ безпристрастіемъ, самые опытные и краснорѣчивые адвокаты неусыпно блюдутъ за тѣмъ, чтобы ни одинъ дерзновенный не осмѣлился посягнуть на эти способы пріобрѣтенія имущества. Профессора, знаменитые своею ученостью и даромъ слова, съ увлеченіемъ говорятъ о трудахъ и талантахъ, которые необходимы для пріобрѣтенія милліоновъ Вандербильта или Ротшильда. И даже церковь, призывая паству повиноваться властямъ, установленнымъ законами, освящаетъ своими молитвами и всѣ отдѣльныя части общественнаго строя, которыя облегчаютъ человѣку стать королемъ биржи, желѣзныхъ дорогъ или золотыхъ пріисковъ.— Сознаніе чудовищности противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностью, сознаніе отвратительности союза между законностью и лицемѣріемъ вызываетъ то рѣзкое недовольство пролетаріата, которое и поддерживаетъ въ немъ готовность къ непрерывной борьбѣ. Проникнутые сознаніемъ, что общественная жизнь должна быть построена рано или поздно на началѣ равнаго доступа всѣхъ къ матеріальнымъ и духовнымъ благамъ, пролетаріи хотятъ не только гораздо большаго, чѣмъ предки, но и принципіально отличнаго отъ желаній, которыми были преисполнены рабочіе классы въ предыдущіе вѣка. Современный пролетаріатъ не только хочетъ поднять свое матеріальное довольство, но и достигнуть окончательной отмѣны господства капитала въ хозяйственной жизни. Припоминая то, что уже сдѣлано, и познавая, на сколько относительно больше выгодъ доставляетъ богатымъ классамъ ростъ производительности труда, пролетаріатъ видитъ, что меньшинство обладаетъ еще большою силой, дабы сохранить въ промышленности господствующее положеніе. Вотъ почему классовая борьба ведется съ энергіей, которая возрастаетъ все больше и больше. Смыслъ и напряженность недовольства, которыми объяты неимущіе классы нашего времени, не могутъ быть поняты, если упускать изъ вида новые принципы, проникающіе недовольныхъ, и цѣли, которыя часто не называются, къ которымъ непосредственно не стремятся въ отдѣльныхъ актахъ борьбы, но которыя объединяютъ многочисленныя массы. Въ старину борьба велась съ точно опредѣленнымъ врагомъ (напр. съ такимъ-то помѣщикомъ) и изъ-за ближайшихъ, простѣйшихъ интересовъ (дабы, напр., избавиться отъ его жестокости). Теперь борьба ведется противъ цѣлаго класса предпринимателей и нерѣдко ради интересовъ не самыхъ близкихъ (работники требуютъ, напримѣръ, отмѣны сверхурочныхъ работъ, которыя увеличиваютъ ихъ плату, дабы имѣть большій досугъ для самообразованія), такъ какъ обезпеченіе нѣкоторыхъ, болѣе далекихъ интересовъ поднимаетъ весь рабочій классъ и облегчаетъ переходъ къ ассоціаціонному строю.

Остановимся еще на одномъ вопросѣ,—въ какой мѣрѣ къ борьбѣ классовъ примѣшивается борьба расъ. Гумпловичъ проводитъ мысль, что въ основаніи борьбы классовъ лежатъ расовыя различія: такъ, съ существомъ торговли связано стремленіе эксплоатировать иноземцевъ. Это выражается всего болѣе рѣзко въ многочисленныхъ обманахъ, съ которыми связана продажа товаровъ европейскими купцами дикимъ племенамъ другихъ частей свѣта. Гумпловичъ такъ увлекается значеніемъ расоваго начала въ борьбѣ, которая наполняетъ исторію человѣчества, что говоритъ: «прекрасной особенностью человѣческой природы является, по крайней мѣрѣ, то, что наклонность къ эксплоатаціи обыкновенно практикуется относительно чужестранцевъ—иноземныя племена покорялись и обращались въ рабство—чужеземныя племена были предметомъ эксплоатаціи для торговли и промышленности» [108]).

Положеніе Гумпловича не можетъ быть принято въ такой общей формѣ. Борьба общественныхъ группъ достигаетъ высшаго напряженія, даже когда борющіеся принадлежатъ съ незапамятныхъ временъ къ одной расѣ. Русскій помѣщикъ сплошь и рядомъ налагаетъ на окрестное населеніе, нуждающееся въ землѣ, такіе тяжелые арендные платежи, что еще болѣе высокіе, по крайней непосильности, не могли бы быть возложены и на арендаторовъ другой расы. Европейскіе торговцы, вымѣнивающіе у дикарей золото или слоновую кость на бусы и другія блестящія бездѣлушки, не потому имѣютъ чудовищные барыши отъ этой торговли, что находятъ позволительнымъ обирать чернокожихъ и считаютъ долгомъ дѣйствовать съ согражданами по совѣсти, а потому, что дикарь-покупатель отличается дѣтскою наивностью и дѣлается совершенно беззащитной добычей европейскаго купца. Набожный англичанинъ-фабрикантъ со столь же спокойной совѣстью, какъ и европейскій торговецъ въ сношеніяхъ съ готентотами, угнетаетъ своихъ рабочихъ непосильнымъ трудомъ и низкой заработной платой, разъ тому нѣтъ препятствій со стороны закона. А респектабельный лондонскій мелочный торговецъ пользуется необходимостью бѣднаго населенія брать въ его лавкѣ въ долгъ и пріобщаетъ къ цѣнѣ товара ростовщичьи проценты. То же находимъ и въ прошломъ. Средневѣковой помѣщикъ жестоко мучилъ своихъ крестьянъ, которые принадлежали къ другой расѣ развѣ въ незапамятныя времена. А римскіе богачи не пренебрегали никакими средствами, дабы поживиться насчетъ малоимущихъ гражданъ, принадлежавшихъ къ той же расѣ.

Но было бы насиліемъ надъ дѣйствительностью отрицаніе всякаго значенія за различіемъ расъ. Гдѣ различія очень рѣзки, тамъ непріязненныя отношенія между группами обнаруживаются съ большою силою и получаютъ даже самостоятельное значеніе, не осложняемое классовой борьбой. Таково отношеніе бѣлаго населенія Соединенныхъ Штатовъ къ неграмъ. Извѣстна глубина презрѣнія, съ которымъ настоящій американецъ относится къ чернокожимъ; съ такимъ чувствомъ выступаютъ не только американцы имущихъ классовъ, но и многіе изъ бѣднѣйшихъ гражданъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ негры были рабами, и если двери американскаго общества настежь открываются передъ эмигрантомъ изъ восточной Пруссіи или Россіи, разъ такой эмигрантъ достигъ богатства, хотя бы онъ былъ самаго скромнаго происхожденія, то для негра отрѣзаны пути ко вступленію въ это общество: въ отношеніи американца къ чернокожему сквозитъ убѣжденіе, что этотъ человѣкъ былъ рабомъ именно потому, что сама природа наложила на него печать рабства. Богатые американцы не принимаютъ въ свои ряды негровъ, нажившихъ большое состояніе, а американскій пролетаріатъ чуждается негровъ-бѣдняковъ. Въ основѣ этого враждебнаго отношенія лежатъ и расовыя и культурныя

различія: и цвѣтъ кожи, и строеніе черепа, и черты лица, и привычки домашней жизни. Къ этому, наиболѣе рѣзкому, враждебному отношенію, опирающемуся на расовыя различія, можно пріобщить и другія: въ малокультурныхъ странахъ антисемитизмъ сохранилъ этотъ оттѣнокъ. Неимущіе классы малокультурныхъ странъ относятся враждебно къ имущимъ; враждебное чувство къ евреямъ сказывается въ болѣе рѣзкой формѣ, нежели то было бы возможно относительно людей имущаго класса, принадлежащихъ къ коренному населенію страны. Это выражается въ еврейскихъ погромахъ. Эксплоатація со стороны евреевъ, разъ послѣдніе принадлежатъ къ состоятельному классу, отнюдь не можетъ быть признана болѣе тяжкой, нежели со стороны ростовщиковъ-христіанъ. Полное тожество тѣхъ и другихъ въ этомъ отношеніи представится особенно отчетливо, если сравнить мѣстности съ большимъ числомъ евреевъ среди туземнаго населенія, и тѣ, гдѣ евреевъ нѣтъ почти вовсе. Если сопоставить западныя губерніи Россіи, губерніи царства Польскаго и Галицію съ одной стороны и губерніи средней или восточной Россіи, то окажется, что роль, какую въ мѣстностяхъ первой группы играютъ евреи, исполняется въ мѣстностяхъ второй группы кореннымъ русскимъ. Съ запада несутся вопли, что евреи-ростовщики давятъ населеніе деревень, а точное изслѣдованіе сельскаго кредита, произведенное земствами въ губерніяхъ Поволжья, убѣждаетъ, что по искусству эксплоатировать бѣдняковъ кулакъ самарской или саратовской деревни не можетъ быть превзойденъ никѣмъ. Поэтому, въ еврейскихъ погромахъ, столь извѣстныхъ Россіи, Австріи за послѣднее время, помимо вражды неимущихъ къ состоятельнымъ, можно найти многое, что должно быть отнесено на счетъ расовыхъ различій. Русскіе и поляки производятъ безчинства надъ евреями не только потому, что эти люди эксплоатируютъ ихъ, но и потому, что они отличаются отъ кореннаго населенія языкомъ, религіей, складомъ жизни, сторонятся отъ населенія внѣ дѣловой сферы и являются чуждымъ элементомъ. Борьба обостряется вслѣдствіе расовыхъ различій и тогда, когда люди другой національности, будучи сами пролетаріями, выступаютъ соперниками туземнаго пролетаріата. Отсюда—непріязнь американскаго рабочаго класса къ китайцамъ-эмигрантамъ, столкновенія швейцарскихъ рабочихъ съ итальянскими въ Швейцаріи. Ростъ культуры ведетъ къ тому, что крѣпнетъ начало международности и расовыя различія имѣютъ на борьбу классовъ все меньше и меньше вліянія.

Здѣсь же слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ, почему въ рядахъ соціальной демократіи довольно много евреевъ? Это—одинъ изъ главныхъ упрековъ, который дѣлаютъ демократіи многіе, безсильные возразить ей что-либо по существу. Къ тѣмъ общимъ причинамъ, которыя влекутъ въ объятія соціализма однихъ и отталкиваютъ другихъ, присоединяется и расовая ненависть, подъ гнетомъ которой евреи страдаютъ уже цѣлыя столѣтія. Еврей-пролетарій имѣетъ такія же основанія для преданности демократіи, какъ и всякій другой пролетарій. Но онъ прилѣпляется къ этой средѣ еще болѣе страстно, чѣмъ пролетарій-нѣмецъ, французъ, бельгіецъ, такъ какъ встрѣчаетъ со стороны имущаго класса не только то высокомѣріе, которое достается въ удѣлъ неимущему, но и спеціальное пренебреженіе, съ которымъ часто и теперь относятся къ евреямъ. Если еврей, подъ вліяніемъ дружелюбія, становится на сторону демократіи, то находитъ въ этой средѣ полное удовлетвореніе своихъ альтруистическихъ влеченій. Богатый еврей, если онъ обнаруживаетъ добросердечіе многочисленными актами благотворительности и остается въ рядахъ имущаго класса, все же не считается вполнѣ равнымъ нѣмцу или французу: классы, цѣпко держащіеся за свои привилегіи, не могутъ отказаться отъ мысли, что жела-

тельно сохраненіе и привилегій, которыя основываются на расѣ. Разъ же такой еврей переходитъ къ соціальной демократіи, то принимается, какъ равный: только въ этой средѣ начала терпимости и человѣчности не являются пустыми звуками; только здѣсь совершенно сглаживается различіе расъ, замкнутыхъ, враждебныхъ другъ другу народностей и вырисовывается внѣнаціональное, всемірное общество. Если еврей состоятельнаго класса отличается честолюбіемъ и изъ этого побужденія примыкаетъ къ соціальной демократіи, то находитъ здѣсь наиболѣе благопріятную почву, дабы удовлетворить свои стремленія: здѣсь легче воздадутъ должное его дарованіямъ, нежели срѣди имущихъ классовъ. Словомъ, примыкаетъ ли человѣкъ къ демократіи потому, что его влекутъ къ ней эгоистическіе мотивы, входитъ ли онъ въ ея составъ потому, что возвышается надъ интересами своего класса, онъ прилѣпляется къ ней тѣмъ съ большею страстностью, чѣмъ больше, помимо всего общественнаго строя, надъ нимъ тяготѣетъ принадлежность къ угнетаемой народности. А соціализмъ только выигрываетъ отъ большаго количества личныхъ силъ, которыя приноситъ ему эта даровитая раса.

VII.

Пытаясь разгадать будущность борьбы классовъ, мы считаемъ возможнымъ сдѣлать такія предсказанія: 1) Въ борьбу будутъ постепенно вовлечены тѣ слои общества, которые стоятъ далеко отъ планомѣрнаго массоваго движенія и участвуютъ въ борьбѣ только отрывочно и небольшими группами. Таково населеніе деревень даже въ самыхъ культурныхъ странахъ. 2) Привлеченіе къ классовой борьбѣ всего населенія страны выразится въ созданіи обширныхъ организацій, соотвѣтствующихъ интересамъ основныхъ общественныхъ группъ. Таково, напримѣръ, объединеніе союзовъ рабочихъ съ представительствомъ интересовъ всего пролетаріата промышленности, объединеніе союзовъ сельскихъ рабочихъ, большіе союзы, объединяющіе всѣ интересы капиталовладѣнія, особая группировка землевладѣльцевъ. 3) Соединеніе мелкихъ группъ въ обширное и хорошо организованное представительство всѣхъ интересовъ внесетъ въ борьбу классовъ ясное сознаніе и строго выработанный планъ. Возможность, благодаря этой группировкѣ, быстро обозрѣть всѣ силы, которыми располагаетъ каждый классъ, сознаніе, что нельзя найти приверженцевъ внѣ этого круга, поведетъ къ упрощенію пріемовъ борьбы, т. е. къ устраненію изъ нея всего того балласта, который составляетъ теперь милліоны и милліоны листовъ бумаги и служитъ только для того, чтобы неясными, но соблазнительными обѣщаніями привлечь къ себѣ побольше сторонниковъ изъ общественныхъ группъ, не имѣющихъ прочной организаціи. 4) Эта организація лишитъ борьбу ненужныхъ рѣзкостей и постепенно уменьшитъ ея напряженность. Послѣдняя усиливается тѣмъ, что недостаточная организованность классовъ не позволяетъ каждому изъ нихъ обозрѣть силы всѣхъ остальныхъ. Законченность организацій позволитъ каждой сторонѣ имѣть точное знаніе силъ противника и облегчитъ дорогу для соглашеній. Выдвигая требованіе, борющіеся будутъ имѣть возможность предсказать съ достаточною достовѣрностью, можетъ ли ихъ требованіе быть осуществлено или же оно встрѣтитъ неодолимыя препятствія. Въ первомъ случаѣ классъ будетъ настойчиво проводить свое требованіе, а во второмъ — откажется отъ него до болѣе благопріятнаго времени. И наоборотъ: общественная группа, сознающая свою слабость, не будетъ тратить силъ въ безплодномъ сопротивленіи, а будетъ легко идти на уступки. Образованіе обширныхъ организацій доставитъ именно пролетаріату крупныя выгоды. Какой прочностью ни отличались бы союзы земле- и капиталовладѣльцевъ, какъ бы ни были они близки къ тому, чтобы

охватить всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, они не могутъ устоять передъ силою организованнаго пролетаріата.

Послѣднему еще далеко до этого. Англійскіе союзы рабочихъ имѣютъ въ своихъ рядахъ не больше 1/4 всѣхъ работниковъ; германская соціальная демократія насчитываетъ только 3 милліона членовъ; другія страны сдѣлали еще меньше для созданія обширныхъ организацій. Но за послѣднее время въ этомъ направленіи дѣлается все больше и больше. Группы французскихъ соціалистовъ уже слились въ единую партію. Къ тому же заключенію пришли многочисленные союзы рабочихъ и другія рабочія организаціи въ Англіи. Разобщенность отдѣльныхъ группъ рабочихъ въ этой странѣ и слабое ихъ вліяніе на политическую жизнь становятся все болѣе ощутительны. Съ каждымъ годомъ обнаруживалось все болѣе рѣзко, что старыя политическія партіи, консервативная и либеральная, не заслуживаютъ довѣрія пролетаріата. Но зато начало упрочиваться мнѣніе, что группы работниковъ, дѣйствующія до сихъ поръ самостоятельно, соціалисты, союзы рабочихъ и артели имѣютъ много общихъ задачъ. Было понято, что если методы, которыхъ держатся союзы рабочихъ и артели въ Англіи, отличаются отъ методъ соціалистическихъ партій, то эти организаціи имѣютъ задачи, которыя служатъ цѣлями также и для соціалистовъ. А потому въ англійскомъ пролетаріатѣ стало усиливаться стремленіе, не нарушая самостоятельной дѣятельности отдѣльныхъ группъ, не втискивая всѣхъ въ прокрустово ложе, достигнуть единенія для совмѣстнаго труда, въ виду цѣлей, которыя дороги всѣмъ работникамъ. Пусть каждый, слышится все чаще и чаще, будетъ проникнутъ одушевленіемъ для работы въ своей партіи; это обезпечитъ всѣмъ группамъ наибольшій успѣхъ. А соединеніе соціалистовъ съ союзами рабочихъ и артелями вовсе не угрожаетъ понизить идеалы чисто соціалистическихъ партій: оно только создастъ условія, при которыхъ члены этихъ союзовъ могутъ получить соціалистическое воспитаніе. Такое настроеніе умовъ, окрѣпнувъ въ обширныхъ слояхъ англійскаго пролетаріата, побудило созвать въ началѣ 1900 года съѣздъ, который представлялъ союзы рабочихъ и соціалистическія общества. Всего было представлено 568.177 человѣкъ. Работая надъ выясненіемъ условій, какимъ образомъ желанія рабочихъ классовъ могли бы быть выражаемы въ парламентѣ людьми, сочувствующими пролетаріату, съѣздъ постановилъ такія рѣшенія: 1) Мнѣнія рабочихъ классовъ должны быть представлены въ парламентѣ людьми, сочувствующими работникамъ; кандидатура выдвигается и поддерживается какой-либо изъ организацій, представленныхъ въ этомъ съѣздѣ. 2) Въ парламентѣ должна быть образована особая рабочая группа; она должна быть готова идти рука объ руку съ каждой партіей, которая стоитъ за мѣры, прямо служащія интересамъ рабочихъ. 3) Избирается постоянный исполнительный комитетъ, въ который входятъ представители отъ союзовъ рабочихъ и соціалистическихъ партій. Комитетъ долженъ принимать мѣры для популяризованія новаго союза и привлеченія возможно большаго числа членовъ.

Объединеніе пролетаріата будетъ дѣлать безостановочные успѣхи. Организаціи, союзы, охватывающіе весь рабочій классъ главныхъ культурныхъ народовъ, представятъ зрѣлище столь величественное, силу, столь неодолимую, что классы землевладѣльцевъ и капиталистовъ будутъ все легче идти на уступки и общество будетъ приближаться быстрыми шагами къ соціалистическому строю, который, упрочившись, сдѣлаетъ классовую борьбу ненужной и невозможной.

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Личность и среда.

I.

«Исторія міра есть лишь біографія великихъ людей» сказалъ Карлейль; онъ выразилъ въ этой формулѣ оцѣнку, которую человѣчество цѣлыя тысячелѣтія дѣлало и продолжаетъ дѣлать личности и толпѣ. Эта оцѣнка сказывается въ народномъ поэтическомъ творчествѣ, которое надѣляетъ богатырей, героевъ всѣми доблестями, соотвѣтствующими идеаламъ народа, и надѣляетъ въ тѣхъ размѣрахъ, которыя создаетъ его дѣтски-богатое воображеніе. Формула Карлейля покрываетъ бытописанія историковъ вплоть до нашихъ дней, когда за Александромъ Македонскимъ и Юліемъ Цезаремъ не видно греческаго и римскаго общества, а кропотливое изученіе всѣхъ подробностей, относящихся до жизни Наполеона I, оставляетъ въ тѣни и людей, которые помогли ему взобраться на вершину, и среду во Франціи и другихъ странахъ Европы, которая не помѣшала ему распоряжаться ихъ судьбами. Эта формула служитъ «закономъ и пророками» для историка литературы, который собираетъ мельчайшія записки Гёте и не забываетъ упомянуть о пуговицѣ Пушкина. Эта оцѣнка лежитъ въ ученіи Ницше о сверхчеловѣкѣ...

Карлейль, талантливо написавъ портреты нѣкоторыхъ крупныхъ историческихъ личностей, высказываетъ убѣжденіе, что человѣкъ, въ котораго природа вложила зародыши великаго, непремѣнно проявитъ себя, какъ великій человѣкъ. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; вопросъ сводится только къ тому, въ какой сферѣ дѣятельности онъ обнаружитъ свое величіе. Неодинаковы обстоятельства, которыя окружаютъ героя при развитіи его дарованій и опредѣленіи его дѣятельности; но каковы бы ни были обстоятельства, они даютъ возможность развитія великихъ дарованій, которыя вложила въ него природа. «Природа не создаетъ всѣхъ великихъ людей, какъ вообще и всѣхъ людей, по одному и тому же шаблону. Разнообразіе наклонностей несомнѣнно; но еще безконечно больше разнообразіе обстоятельствъ и гораздо чаще намъ приходится имѣть дѣло съ этими послѣдними разнообразіями. Здѣсь повторяется то же, что и съ обыкновеннымъ человѣкомъ при обученіи его ремеслу... Вопросъ въ томъ, въ какого рода науку будетъ отданъ онъ? Герой данъ,—долженъ ли онъ стать завоевателемъ, королемъ, философомъ, поэтомъ? Это явится результатомъ невыразимо сложныхъ и спорныхъ разсчетовъ между міромъ и героемъ».[109]) Отсюда естественно сдѣлать выводъ, что великій человѣкъ лишь внѣшнимъ образомъ зависитъ отъ условій, которыя окружаютъ его; онъ непремѣнно проявитъ свое величіе въ той или другой формѣ. Отсюда же получается необходимый выводъ, что герой не можетъ затеряться въ толпѣ, что среда не можетъ парализовать его силы, помѣшать проявленію его необыкновенныхъ дарованій, что его могущество безконечно болѣе велико, нежели совокупность условій, въ которыхъ ему суждено дѣйствовать. Кто не имѣлъ успѣха, т. е. не побѣдилъ среды, тотъ не можетъ быть признанъ героемъ. А потому эти строки освящаютъ благоговѣніе и преклоненіе предъ каждымъ выдающимся успѣхомъ, ибо каждый даетъ право предполагать, что человѣкъ, которому этотъ успѣхъ выпалъ на долю, герой или близокъ къ состоянію геройства.

Карлейль написалъ свои очерки о герояхъ 65 лѣтъ тому назадъ, когда условія европейской жизни гораздо болѣе, нежели теперь, благопріятствовали возвеличенію отдѣльныхъ людей и пренебреженію средой, въ которой они дѣйствуютъ. Однако, въ разныхъ мѣстахъ своихъ очерковъ Карлейль выдаетъ боязнь, что его формула легко можетъ вести къ

чрезвычайнымъ преувеличеніямъ. Вотъ, напримѣръ, его слова о Данте. «*Божественная Комедія*», написана Данте, но въ дѣйствительности она—достояніе десяти христіанскихъ вѣковъ. Ему принадлежитъ лишь окончательная ея отдѣлка. Такъ бываетъ всегда. Возьмите ремесленника-кузнеца съ его желѣзомъ, съ его орудіями, съ его навыкомъ и искусствомъ,—какъ мало во всемъ томъ, что онъ дѣлаетъ, принадлежитъ собственно ему, его личному труду. Всѣ изобрѣтательные люди прошлыхъ временъ работаютъ тутъ же вмѣстѣ съ нимъ, какъ работаютъ они въ дѣйствительности со всѣми нами во всякихъ нашихъ дѣлахъ... Всѣ эти возвышенныя идеи Данте, ужасныя и прекрасныя, суть плоды размышленій въ духѣ христіанства всѣхъ добропорядочныхъ людей, жившихъ до него».[110]) О Шекспирѣ мы читаемъ такое замѣчаніе: «его великая душа должна была втискивать себя, какъ она могла, въ такую именно, а не въ другую форму. Ему пришлось считаться съ тѣмъ, съ чѣмъ считаемся и всѣ мы. Ни одинъ человѣкъ не работаетъ внѣ всякихъ условій».[111]) Не заставляетъ ли чтеніе этихъ строкъ сказать, что разъ великое произведеніе Данте есть плодъ десяти христіанскихъ вѣковъ, то жизнь въ теченіе этихъ вѣковъ, писатели, которые занимали выдающееся мѣсто въ литературѣ, являются въ совокупности воспитателями Данте, заслуживаютъ внимательнаго изученія и имѣютъ право на извѣстную долю славы, которая осталась за Данте? И не слѣдуетъ ли вывести изъ словъ Карлейля о Шекспирѣ, что, какъ ни стоитъ онъ высоко, среда клала на него свою печать, то облегчая его творчество, то ослабляя его силы?

Поклоненіе личности и пренебреженіе средой и до сего дня проходитъ красной нитью множество сочиненій исторической и соціологической литературы. Изъ писателей послѣдняго времени особенно низкую оцѣнку толпы сдѣлалъ Лебонъ. Тупость массы доказывается, по мнѣнію Лебона, на каждомъ шагу; толпа такъ глупа, что ее всегда и во всемъ легко обмануть. Законодатель долженъ помнить это при построеніи системы финансовъ: онъ не долженъ стремиться къ установленію самаго справедливаго налога, ибо толпа одобряетъ не тотъ налогъ, который наиболѣе справедливъ, а тотъ, который наименѣе замѣтенъ, хотя бы онъ былъ и чрезмѣренъ. Толпа такъ тупа, что люди выдающихся дарованій, разъ они соединяются вмѣстѣ и образуютъ группу, по чувствованіямъ, рѣшеніямъ и дѣйствіямъ, на которыя они способны, мало чѣмъ отличаются отъ самыхъ обыкновенныхъ людей. Великая идея не можетъ вліять на массу; если идея велика, то она дѣйствуетъ на массу только тогда, когда лишена своего первоначальнаго величія. Соціальныя идеи, которыя дѣйствуютъ нынѣ, бѣдны содержаніемъ; въ смыслѣ философскомъ онѣ являются только ошибками. Дабы доказать тупость массы, Лебонъ вспоминаетъ, какъ, во время осады Парижа нѣмцами, въ Лувръ, гдѣ сидѣло правительство, вели маршала В. Разъяренная толпа была убѣждена, что онъ составлялъ планъ французскихъ укрѣпленій, дабы продать его пруссакамъ. Однако, вожаки успокоили толпу, сказавъ, что немедленно будетъ произведено слѣдствіе и маршалъ, въ случаѣ виновности, будетъ строго наказанъ. По мнѣнію Лебона, толпа разорвала бы маршала, если бы стали убѣждать ее, что ему не нужно было снимать плана укрѣпленій, ибо таковой можно было достать въ любой книжной лавкѣ.[112])

Всѣ эти и подобныя имъ разсужденія такъ мало выдерживаютъ критику, что надо только удивляться, какъ гг. Лебоны находятъ довольно много читателей. Если бы былъ введенъ истинно справедливый налогъ и толпѣ объяснили его, то она рукоплескала бы ему, какъ, напримѣръ, прогрессивно возрастающему подоходному и поимущественному налогамъ съ полной свободой отъ обложенія для мелкихъ доходовъ. А возстаніе

противъ акцизныхъ чиновниковъ въ Италіи весною 1898 года показываетъ, что толпа не легко мирится съ косвенными налогами, хотя они, повидимому, мало замѣтны. Невѣрно и то, будто совсѣмъ стираются индивидуальныя способности, когда люди выдающихся дарованій соединяются для совмѣстной дѣятельности. Едва ли возможно, чтобы они соединились въ очень большую толпу. Сравнительно наибольшія группы, которыя представляютъ изъ себя парламенты, конгрессы, съѣзды, вовсе не мѣшаютъ отдѣльнымъ членамъ обнаруживать значительныхъ дарованій и при оцѣнкѣ разнообразныхъ фактовъ, и при постановленіи рѣшеній. Кто знакомъ съ дѣятельностью такихъ группъ, тому извѣстно, что участники въ рѣчахъ и преніяхъ обнаруживаютъ ту степень дарованій и познаній, которою они обладаютъ, что совмѣстная дѣятельность лишь немного понижаетъ эти качества, выдѣляетъ ихъ въ нѣсколько разжиженномъ видѣ сравнительно съ тѣмъ, что могло бы быть проявлено этими людьми въ одиночку. Читая рѣчь зауряднаго депутата, произнесенную въ парламентѣ, мы находимъ, что она изобилуетъ пустословіемъ и банальностью. Но если присмотримся и ко всей дѣятельности этого человѣка, когда онъ одинъ прилагаетъ къ чему-нибудь свои силы, то на всѣхъ его актахъ найдемъ ту же печать. Съ другой стороны, депутатъ выдающагося ума и таланта вноситъ въ парламентскія пренія, при ихъ разгарѣ, тѣ качества, которыя всегда отличаютъ его. Можно показать даже на незначительныхъ фактахъ, какъ цѣлая группа, и довольно многочисленная, остается вѣрна своему образу дѣйствій, когда окружающее большинство должно было бы заразить ее своимъ примѣромъ. Я припоминаю поведеніе соціальныхъ демократовъ въ рейхстагѣ въ тѣ минуты, когда вся атмосфера насыщается банальными проявленіями патріотическихъ чувствъ. Такое настроеніе толпы не вліяетъ на соціальныхъ демократовъ: они молча оставляютъ залу засѣданія, т. е. и въ минуту общаго возбужденія держатся своего обычнаго образа дѣйствій.

Говоря все это, я не отрицаю наличности такихъ моментовъ и такого настроенія, когда люди, даже очень разумные и развитые, лишаются способности правильно оцѣнивать положеніе дѣлъ. Чѣмъ болѣе велика опасность, угрожающая человѣку, чѣмъ болѣе цѣнны блага, которыхъ эта опасность грозитъ лишить его, тѣмъ болѣе склоненъ онъ преувеличить надвигающуюся бѣду. Человѣкъ самаго высокаго ума и самаго обширнаго знанія нерѣдко теряетъ голову при видѣ тяжкой болѣзни, которая поразила близкихъ и дорогихъ ему людей. Поэтому, характеристика толпы, на основаніи того настроенія, которое можетъ овладѣть ею въ осажденномъ городѣ, является пріемомъ въ высшей степени неудачнымъ, а заключенія, сдѣланныя съ помощью этого пріема — совершенно неубѣдительными.—Среда и толпа, конечно, не покрываютъ другъ друга. Но все, что является низкой оцѣнкой толпы, является въ то же время низкой оцѣнкой среды и высокой оцѣнкой личности.

Когда противники матеріалистическаго пониманія исторіи утверждаютъ, что люди неодинаковы, что слѣдуетъ различать вождей отъ массы, то они борются съ вѣтренными мельницами: самый послѣдовательный матеріалистъ далекъ отъ мысли, что духовныя силы людей одинаковы, или что все, вложенное въ человѣка или содѣянное имъ, можетъ быть безъ остатка объяснено вліяніемъ среды. Нужно признавать среду рѣшающимъ условіемъ въ развитіи исторической жизни и въ то же время вовсе нѣтъ надобности нивеллировать людей. Литература соціализма и практическая дѣятельность соціалистовъ доказываютъ, что люди, вѣрные началамъ матеріализма, памятуютъ объ этомъ не менѣе, чѣмъ писатели, до мозга костей проникнутые наклонностью къ культу героевъ. Литература соціа

лизма огромна. Почему же, однако, въ ней ярко освѣщены имена Сенъ-Симона, Фурье, Оуена, Маркса? Потому, что ихъ заслуги въ развитіи теоріи соціализма гораздо болѣе велики, чѣмъ множества ихъ предшественниковъ, учениковъ и продолжателей. Въ практической дѣятельности соціалистовъ можно отмѣтить цѣлыя тысячи именъ. Но для каждой страны найдутся лишь 2—3 имени, которыя окружены особеннымъ ореоломъ. Кто бывалъ на торжествахъ, связанныхъ съ воспоминаніемъ о какомъ-либо важномъ явленіи въ исторіи соціализма, тотъ знаетъ, что соціалисты чтутъ своихъ крупныхъ дѣятелей, что ихъ изображенія расходятся по культурному міру въ милліонахъ экземпляровъ, что многія изъ ихъ изреченій вошли во всеобщій обиходъ, сдѣлались такимъ же любимымъ духовнымъ достояніемъ массы, какимъ служатъ для вѣрнаго сына церкви отдѣльныя мѣста священнаго писанія. Можно прибавить къ этому, что въ почитаніи матеріалистическими соціалистами великихъ и даже выдающихся людей есть больше теплоты, чѣмъ то чувство, съ которымъ относятся или могутъ относиться приверженцы или ученики мыслителя или художника, не бывшихъ въ рѣзкой оппозиціи къ господствующему порядку вещей. Никто не отрицаетъ, что Кантъ, Дарвинъ, Ляйелль—великіе умы. Быть можетъ, умственной силой каждый изъ нихъ превосходитъ, напримѣръ, Сенъ-Симона. Но, вспоминая о жизни послѣдняго, о его движеніи отъ вершинъ общежитія до нищеты, до необходимости на склонѣ дней зарабатывать тяжелымъ трудомъ кусокъ хлѣба, чувствуешь, что судьба наложила печать страданія на эту жизнь вслѣдствіе вѣрности С. Симона прогрессивнымъ началамъ, его непрерывнаго протеста противъ современнаго порядка. А все это дѣлаетъ личность С. Симона особенно привлекательной. Такое же чувство овладѣваетъ душой, когда вспоминаешь о Карлѣ Марксѣ, добровольномъ изгнанникѣ. Этотъ изгнанникъ, отрекшись отъ обычныхъ усладъ жизни, связалъ себя со страною, гдѣ были особенно благопріятныя условія для изученія пролетаріата, для познанія силъ, которыми онъ обладаетъ, и для служенія угнетеннымъ массамъ. Чувство любви проникаетъ соціалистовъ и относительно многихъ практическихъ дѣятелей, которые, служа пролетаріату, были часто вынуждены терпѣть лишенія, подвергались заключенію въ тюрьмѣ. И въ то же время чаша большихъ, а нерѣдко и малыхъ страданій шла и идетъ мимо людей, которые имѣютъ крупныя заслуги въ научномъ и художественномъ творчествѣ, но своими идеалами не становятся въ разрѣзъ съ господствующими классами.

Мы можемъ найти между поклонниками героевъ и матеріалистами, которые придаютъ средѣ первенствующее значеніе, и то сходство, что первые, какъ и вторые, охотно избираютъ себѣ вождя, весело и бодро подчиняются его указаніямъ, слѣдуютъ его совѣтамъ. Среди соціалистовъ бываетъ нерѣдко, что при спорномъ практическомъ вопросѣ, гдѣ рѣшеніе не можетъ опираться на обширный опытъ за отсутствіемъ такового, гдѣ оно строится апріорно, совѣтъ вождя склоняетъ большинство въ ту или другую сторону.

Можно подмѣтить между слѣпыми почитателями героевъ и матеріалистами и то сходство, что послѣдніе не отвергаютъ возможности для отдѣльныхъ лицъ пролагать новые пути. «Конфуцій, Лаотзе, Будда, Зороастръ, Моисей, Христосъ, Магометъ и Лютеръ совершили соціальные акты гораздо болѣе глубокаго и рѣшающаго значенія, нежели сотни мелкихъ племенъ. Гомеръ и Гезіодъ, Эсхилъ, Еврипидъ, Софоклъ и Аристофанъ создали литературную среду, Фидій и Праксителъ—художественную, Платонъ и Аристотель—философскую, что имѣло гораздо болѣе рѣшающее вліяніе на строй цивилизованныхъ народовъ, нежели сотни войнъ гверильясовъ среди второстепенныхъ племенъ [113]). Эти слова, взятыя нами

изъ книги профессора Людвига Штейна, могутъ быть подписаны и матеріалистами. И, въ самомъ дѣлѣ, если имѣть въ виду ту часть человѣчества, которая жила до сихъ поръ исторической жизнью, то можно сказать безоговорочно, что жизнь мелкихъ, внѣ историческихъ или доисторическихъ племенъ, не перешагнувшихъ за первобытныя и грубыя условія существованія, не имѣетъ для нихъ никакого значенія. Англичанамъ, французамъ, германцамъ, которые видятъ въ территоріи готтентотовъ или папуасовъ только новое мѣсто для развитія своей колоніальной политики, а въ самихъ племенахъ—только армію проводниковъ, которая можетъ быть на первыхъ порахъ полезна, какъ показательница природныхъ богатствъ новой колоніи, рѣшительно все равно, сколько разъ начинались усобицы среди туземцевъ, много ли онѣ унесли человѣческихъ жизней. Всѣ такіе факты не вліяютъ сколько-нибудь замѣтно на то, будутъ ли имѣть европейцы успѣхъ въ новоприобрѣтенной колоніи, не обманутся ли они относительно ожидаемыхъ тамъ естественныхъ богатствъ и расширятъ ли они міровой рынокъ однимъ фактомъ пріобрѣтенія земель, которыя были дотолѣ неоспоримой отчиной и дѣдиной племенъ, не вышедшихъ изъ первичныхъ условій жизни. Оглядываясь на далекіе отъ насъ періоды въ исторіи цивилизованныхъ народовъ, мы также можемъ сказать, что многія изъ ихъ массовыхъ движеній, когда они жили полусознательной жизнью, не имѣютъ замѣтнаго вліянія на ихъ нынѣшнюю судьбу. Было нѣсколько больше или меньше столкновеній между германскими племенами въ началѣ среднихъ вѣковъ, осталось побѣдителемъ то или другое племя, было разрушено нѣсколько больше или меньше замковъ—все это факты, не оставившіе большого слѣда; рѣшительно нельзя дать себѣ отчета, какъ могло бы повліять нѣкоторое отклоненіе фактовъ отъ того, что совершилось, на современную культуру Германіи или Франціи. Равнымъ образомъ для современнаго состоянія англосаксонской цивилизаціи не имѣетъ существеннаго значенія то, сколько походовъ совершили Іаковы Стюарты противъ своихъ бароновъ въ 14 и 15 столѣтіяхъ и сколько они разрушили феодальныхъ гнѣздъ. Конечно, всѣ эти факты влекли за собою извѣстныя послѣдствія, заглаженныя разнообразными явленіями того же времени или послѣдующими событіями. Такъ, напримѣръ, дикое племя, ослабленное частыми и кровопролитными усобицами, можетъ сдѣлать для культурнаго народа болѣе легкимъ пріобрѣтеніе данной территоріи, а племя, болѣе сильное, заставляетъ колонизующее государство сдѣлать большія затраты для завоеванія колоніи. Но въ общемъ хозяйственномъ оборотѣ государства съ десятками милліоновъ жителей эти плюсы и минусы играютъ слишкомъ малую роль, чтобы придавать имъ выдающееся значеніе въ исторіи народа. Несомнѣнно, что борьба королей съ феодалами, наполняющая исторію Шотландіи въ послѣдніе вѣка ея самостоятельнаго политическаго существованія, облегчила покореніе Шотландіи Англіей. И можно смѣло высказать предположеніе, что если бы эти раздоры были еще болѣе часты и шотландскіе короли были еще болѣе ослаблены внутренними смутами, то англійское владычество упрочилось бы въ Шотландіи на нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше. Плюсъ или минусъ въ явленіяхъ этого рода именно потому и не имѣетъ большаго значенія, что такіе факты слишкомъ заурядны.

Совсѣмъ иного характера историческія событія связываются съ именами, которыя перечислены въ выдержкѣ изъ сочиненія Штейна. Эти имена или выражаютъ высшую ступень, которой достигло научное или художественное творчество даннаго народа, указываютъ область, гдѣ, по самому ея существу, многое запечатлѣно индивидуальностью; или же они знаменуютъ переходъ отъ одного историческаго періода къ другому, за-

мѣтный именно потому, что есть налицо законодательный памятникъ, формулирующій новыя начала, которыя будутъ проникать жизнь. Законодательный памятникъ всего легче сохраняется въ умахъ современниковъ и потомства, если онъ связанъ съ именемъ лица, полудѣйствительнаго и полумиѳическаго, но несомнѣнно выдающагося изъ своей среды. Таково, напримѣръ, историческое значеніе имени «Моисей». Новыя начала, входившія въ общественный бытъ евреевъ, были объединены законодательствомъ Моисея въ цѣлый сводъ, и какъ бы съ этого момента явилась грань, отдѣляющая бытъ евреевъ до Моисеева закона и послѣ появленія онаго. Многія имена обозначаютъ тотъ переходный пунктъ въ бытѣ народовъ, когда новыя начала, уже замѣтно измѣнившія жизнь, нашли выраженіе въ законодательствѣ, которое объединило ихъ, внесло въ нихъ элементъ принужденія, сдѣлало ихъ обязательными и болѣе осязательными. Потомство сохраняетъ имя законодателя, который былъ поставленъ въ такое выдающееся положеніе фактомъ рожденія или избранія. Напомнимъ о Ликургѣ и Солонѣ, какъ историческихъ дѣятеляхъ, давшихъ свои имена законамъ Спарты и Аѳинъ. Но было бы наивно предполагать, что Ликургъ, Солонъ или Моисей, имена которыхъ сохранились до сего дня, когда мы вовсе не знаемъ именъ ихъ сотрудниковъ и сподвижниковъ, въ такой же мѣрѣ превосходили умственной силой лучшихъ изъ своихъ современниковъ, неизвѣстныхъ намъ, какъ блескъ этихъ именъ, прославленіе ихъ историками, превосходятъ полноту равнодушія и забвенія, выпавшихъ на долю другихъ, даже лучшихъ людей того времени. Мы скажемъ то же и о другихъ крупныхъ историческихъ личностяхъ.

Посмотримъ же, въ какой степени среда имѣетъ вліяніе на личность.

II.

Въ примѣненіи къ области искусства Тэнъ отвѣтилъ на это съ убѣдительностью и краснорѣчіемъ, которыя, вообще, отличаютъ этого писателя. Художникъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ нравственной среды, т. е. общаго состоянія нравовъ и умовъ своего времени. Предположимъ, говоритъ Тэнъ, что скорбное настроеніе является въ данную эпоху господствующимъ, а таковое обыкновенно производится тяжкими невзгодами, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ угнетаютъ страну: голодъ, непріятельское нашествіе, опустошительныя болѣзни. Если такъ, то есть очень большое вѣроятіе, что художникъ, подобно другимъ, лично пострадалъ отъ этихъ бѣдствій, что онъ былъ разоренъ, что близкіе ему люди пали на войнѣ, или были унесены болѣзнями. Затѣмъ впечатлѣнія, которыя онъ получалъ,—видъ разрушенныхъ зданій, запущенныхъ полей, нищихъ и голодающихъ, а также бесѣды и сношенія съ согражданами по поводу этихъ скорбныхъ событій—будутъ развивать въ немъ чувство меланхоліи. Если его творчество будетъ носить печать скорби, то онъ получитъ возможность достигнуть наибольшаго развитія таланта, ибо вся среда будетъ давать огромный матеріалъ именно для такого творчества. Наконецъ, произведеніе встрѣчаетъ публику; она поддерживаетъ художника одобреніемъ или же лишаетъ его бодрости равнодушіемъ и порицаніемъ. Въ такомъ обществѣ все ведетъ къ тому, что чувство удовольствія возбуждается произведеніями, которыя поддерживаютъ чувство печали. Такими произведеніями художникъ вызываетъ сочувствіе публики; отъ этого сочувствія онъ получаетъ притокъ новыхъ силъ, которыя толкаютъ его творчество въ томъ же направленіи. Напротивъ, произведенія, въ которыхъ творецъ выразилъ свою жизнерадостность, оставляетъ публику холодной, художникъ не получаетъ одобренія и достигаетъ на этомъ пути гораздо меньшаго развитія своего таланта [114]).

Что примѣнимо къ значенію среды для художественнаго творчества, то же примѣнимо и ко всякому другому проявленію личныхъ силъ. Человѣкъ, надѣленный крупными дарованіями, можетъ обнаружить ихъ въ полной мѣрѣ только подъ условіемъ, что ему благопріятна среда, т. е. совокупность условій, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ. Условія обнимаютъ всѣ факты жизни во всемъ ихъ разнообразіи: физическую природу страны, густоту ея населенія, способы производства, уровень развитія ея экономической жизни, право, нравы ея обитателей, состояніе науки и искусства, словомъ, всю культуру. Но такое понятіе о средѣ слишкомъ обширно, а потому и неопредѣленно. Мы гораздо болѣе приблизимся къ дѣйствительности, если скажемъ, что подъ средой, облегчающей творчество личности, слѣдуетъ разумѣть ту совокупность условій общественной жизни, которыя всего ближе стоятъ къ индивидуальной дѣятельности даннаго лица. Явленія, образующія въ своей совокупности среду, представляютъ величайшее разнообразіе. Изъ всей массы фактовъ одни стоятъ ближе къ дѣятельности даннаго лица, другіе—дальше. Одно дѣйствіе или вся дѣятельность лица, по своему характеру, можетъ зависѣть ближайшимъ образомъ отъ явленій какого-нибудь одного рода, которыя и составляютъ спеціальную среду для этой личности. По своей широтѣ, дѣятельность лица можетъ опредѣляться явленіями, которыя территоріально занимаютъ ограниченную площадь; въ другихъ же случаяхъ она можетъ быть обширною, зависѣть отъ условій, которыя, пространственно, совпадаютъ съ предѣлами государства или даже выходятъ за его границы и захватываютъ нѣсколько государствъ, значительную часть земного шара. Эти особенности въ зависимости личности отъ среды позволяютъ намъ установить дѣленіе среды на нѣсколько видовъ. По характеру, мы можемъ различать хозяйственную среду, военную, религіозную, научную, художественную. По пространству—мы можемъ говорить о средѣ мѣстной, государственной, міровой. Установляя такія дѣленія, мы намѣчаемъ круги, которые и по характеру и пространственно имѣютъ ближайшее вліяніе на дѣятельность личности. Когда мы говоримъ о рядѣ хозяйственныхъ актовъ, совершенныхъ даннымъ лицомъ, то всегда имѣемъ основаніе предполагать, что они опредѣляются прежде всего характеромъ хозяйственной среды, въ которой дѣйствуетъ человѣкъ, и что всѣ другія явленія жизни образуютъ для данной личности отдаленную среду, способную только косвенно благопріятствовать совершенію хозяйственныхъ актовъ или препятствовать имъ. Равнымъ образомъ, если мы хотимъ выяснить вліяніе среды на писателя или художника, то стараемся показать прежде всего совокупность явленій, которыя составляли для него научную или художественную среду. Понятно, однако, что изученіе вліяній, которыя испыталъ, напримѣръ, Пушкинъ со стороны Байрона, Шиллера и Гете, т. е. изученіе ближайшей среды, опредѣляющей многое въ творчествѣ русскаго поэта, не приводитъ насъ къ окончательному пониманію его творчества: необходимо познаніе и иныхъ условій—общественной и политической жизни Россіи, дабы поэтическая дѣятельность Пушкина получила яркое освѣщеніе.

По пространству, среда, опредѣляющая дѣятельность личности, совпадаетъ съ предѣлами тѣснаго раіона, уѣзда, губерніи. Въ другихъ случаяхъ она можетъ захватывать явленія, касающіяся цѣлой страны. Но нерѣдко среду образуютъ явленія, происходящія одновременно въ разныхъ странахъ; личность, занимая высокое положеніе у одного народа, въ той своей дѣятельности, которая формально не выступаетъ за предѣлы этой страны, можетъ быть парализована явленіями, которыя происходятъ у другихъ народовъ. Множество дѣйствій, совершаемыхъ людьми, зависятъ отъ ближайшихъ условій, образующихъ мѣстную среду. Человѣкъ воздѣ-

лываетъ землю, открываетъ промышленное или торговое заведеніе въ зависимости отъ условій, которыя представляетъ для него ближайшій раіонъ. Органы самоуправленія проводятъ такія-то дороги, строятъ столько-то школъ, сообразно съ матеріальными средствами, которыя могутъ быть получены отъ населенія уѣзда или губерніи и т. п.

Присмотримся къ дѣйствіямъ людей, зависящимъ отъ болѣе обширной среды.

Предположимъ, что капиталистъ, обладающій рѣдкой предпріимчивостью, хочетъ образовать синдикатъ въ извѣстной отрасли промышленности. Его начинаніе можетъ увѣнчаться успѣхомъ только при наличности цѣлаго ряда условій; необходимо, чтобы въ данной отрасли преобладали крупныя предпріятія; необходимо, чтобы таможенная политика защищала данную страну отъ ввоза въ нее изъ-за границы однородныхъ товаровъ, которые могутъ разбивать всѣ усилія синдиката; необходимо, чтобы промышленники страны, гдѣ предполагается учрежденіе этого союза, уже имѣли навыкъ къ совмѣстной дѣятельности. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ средой, которая позволяетъ осуществиться начинанію даннаго лица или мѣшаетъ ему окрѣпнуть и принести плоды, является рядъ условій, тѣсно связанныхъ съ хозяйственной жизнью страны. Разъ нѣтъ налицо благопріятныхъ условій, то предпріимчивости Джона Ло или Лессепса было бы недостаточно для образованія синдиката. Среди хозяйственныхъ мѣропріятій есть и такія, осуществимость которыхъ въ сдной странѣ зависитъ отъ всего состоянія международнаго рынка. Таковы, напримѣръ, факты, относящіеся до цѣны денегъ. Усилія, направленныя въ одной странѣ къ тому, чтобы удешевить деньги, остаются совершенно безрезультатными, если міровой рынокъ не даетъ для этого необходимыхъ условій. Въ концѣ 1899 года это обнаружилось для Россіи особенно наглядно. Вздорожаніе денегъ дѣйствовало угнетающимъ образомъ на биржу и поставило въ самое затруднительное положеніе много крупныхъ и солидныхъ предпріятій. Русскій министръ финансовъ поддерживалъ нѣкоторыя частныя предпріятія изъ средствъ государственнаго банка; частыми воззваніями къ публикѣ онъ старался успокоить русскихъ людей, убѣдить ихъ, что положеніе дѣлъ благопріятно, что потрясеніе биржи не знаменуетъ разстройства народнаго хозяйства. Русскій царь особымъ указомъ одобрилъ эти мѣры своего министра финансовъ и обѣщалъ на будущее время поддержку русской промышленности. Но все было безрезультатно[115]). Положеніе дѣлъ не могло измѣниться къ лучшему: помимо спеціальныхъ причинъ, которыя угнетали русскую промышленность, на нее вліяло и стѣсненіе денежнаго мірового рынка. При такихъ условіяхъ міровой рынокъ является средой, опредѣляющей дѣятельность личности. Начинанія даже самого Кольбера, не соотвѣтствующія состоянію этого рынка, разсыпались бы въ прахъ.

Въ подобныхъ случаяхъ средой являются условія, относящіяся къ народному хозяйству; факты другихъ порядковъ стоятъ болѣе или менѣе далеко отъ дѣятельности лица, предпринимающаго что-либо въ области промышленности. Часто бываетъ трудно уловить эту связь. Нельзя сказать, какое вліяніе будетъ имѣть состояніе въ странѣ науки или искусства на успѣхъ того или другого обширнаго хозяйственнаго предпріятія.

Возьмемъ другой примѣръ: выдающіяся неудачи британскихъ войскъ въ первые мѣсяцы ихъ войны съ Трансваалемъ. Нѣтъ данныхъ утверждать, чтобы англійскіе генералы, одинъ за другимъ потерпѣвшіе пораженіе, стояли ниже средняго уровня, чтобы они въ большой степени уступали военачальникамъ буровъ. Средой, которая опредѣляла многія

неудачи англичанъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, являются англійскіе солдаты. Общекультурныя условія англійской жизни таковы, что отъ нихъ можно было бы ожидать и войска лучшаго качества. Богатство народа позволяетъ дѣлать огромные расходы на войско. Физическая крѣпость, которая ставитъ англичанъ на одно изъ первыхъ мѣстъ среди народовъ Европы, обезпечиваетъ англійскому войску хорошій матеріалъ въ смыслѣ тѣлеснаго здоровья. Развитіе знаній, среди нихъ и военныхъ, служитъ ручательствомъ за удовлетворительную подготовку офицеровъ. Но въ исторіи Англіи есть условія, которыя способствовали образованію мало пригодныхъ солдатъ. Издавна пріобрѣтенныя народомъ вольности побуждали видѣть во всеобщей воинской повинности бремя, совершенно не соотвѣтствующее понятію о личной свободѣ. Островное положеніе и обезпеченность отъ внѣшнихъ враговъ еще болѣе поддерживали убѣжденіе, что Англія можетъ обойтись безъ всеобщей воинской повинности. А легкое пріобрѣтеніе колоній во всѣхъ концахъ земного шара служило наглядымъ доказательствомъ того, что образованіе войска посредствомъ вербовки не препятствуетъ расширенію государства и росту его могущества. Вслѣдствіе этого установился обычай пополнять войско посредствомъ найма. Наемное войско образовало среду, гораздо менѣе благопріятную для дѣятельности выдающагося военачальника, нежели среда, которую представляетъ войско изъ гражданъ, отбывающихъ эту повинность, обязательную для всѣхъ. Если мы сравнимъ обѣ среды, которыя пришли въ столкновеніе—Англію и Трансвааль,—то безоговорочно рѣшимъ, что первая безконечно превосходитъ вторую и числомъ жителей, и богатствомъ, и развитіемъ техники, и высотою знаній, словомъ, всѣми сторонами культуры. И каждому ясно, каковъ долженъ былъ быть исходъ столкновенія этихъ народовъ. Однако, ближайшее значеніе имѣетъ спеціальная среда, представляемая войскомъ. Въ этомъ отношеніи превосходство Англіи надъ соперникомъ было невелико. Конечно, численностью войскъ Англія настолько сильнѣе Трансвааля, что въ послѣднемъ итогѣ ей была обезпечена побѣда. Но будь южно-африканскія республики нѣсколько болѣе велики, имѣй онѣ не 300.000 бѣлаго населенія, а, напримѣръ, $1^1/_2$ милліона, можно было бы поручиться, что онѣ отстоятъ свою независимость.

У народовъ, которые еще находятся въ состояніи политическаго рабства, ближайшею средой, дѣлающей возможными крупныя мѣропріятія или затрудняющія ихъ, часто является очень небольшой кругъ людей. Таково было до сихъ поръ положеніе Россіи. Тяжелыя условія, въ которыя поставлена печать, выгодны для всего чиновничества и, въ значительной степени, вообще для имущихъ классовъ. Все чиновничество изъ классовыхъ интересовъ враждебно свободѣ печати. Но оно является средой, которая готова оказывать освобожденію печати отъ ея тяжелаго гнета чисто страдательное сопротивленіе; изъ этой среды не выходятъ и не вышли бы дѣйствія, направленныя къ тому, чтобы установить надъ печатью еще болѣе тяжелую опеку. Вся масса чиновниковъ или значительныя части этой массы, уже въ силу ихъ подчиненнаго положенія, не являются средой, активно-враждебной свободѣ печати. Но такой средой служатъ лица, стоящія во главѣ управленія—министры и небольшое число другихъ высшихъ должностныхъ лицъ. Представимъ себѣ, что министръ, состоявшій начальникомъ печати, отличался дѣйствительно либеральнымъ образомъ мыслей и хотѣлъ сдѣлать печатное слово въ Россіи болѣе свободнымъ. Конечно, такое мѣропріятіе было бы очень крупнымъ, и человѣкъ, проводившій его съ энергіей, заслуживалъ бы признательности всѣхъ порядочныхъ людей. Съ чѣмъ долженъ былъ бы считаться такой дѣятель? Ссылка на то, что Россія достигла того уровня экономическаго развитія,

когда другія страны имѣли болѣе свободную печать, нежели русская, ссылка на то, что свободная печать можетъ быть полезна для цѣлей управленія, ссылка на возростающее число изданій, на усиливающуюся потребность въ чтеніи... были бы при проведеніи этой мѣры только декораціями. Можно пользоваться ими; но можно было бы обойтись и безъ нихъ. Такому дѣятелю нужно было бы считаться только съ ближайшей средой, способной имѣть рѣшающее вліяніе на проведеніе этой мѣры, т. е. съ десяткомъ-другимъ высшихъ должностныхъ лицъ. Если бы среди нихъ нашлось еще нѣсколько человѣкъ, готовыхъ твердо стоять за эту мѣру, то она могла бы осуществиться. Если бы одни члены этой среды относились къ свободѣ печати равнодушно, а нѣкоторые враждебно, то ни выдающіяся дарованія министра, ни его искреннее желаніе не дали бы никакихъ плодовъ: все это разбивалось бы о противодѣйствіе среды.

Изложенное показываетъ, что среда, вліяющая на личность, можетъ быть обширна или тѣсна: все зависитъ отъ рода начинаній, которыя намѣчаетъ личность, и особенности условій, среди которыхъ живетъ данный народъ. Сказанное примѣнимо и къ значенію личности и ко вліянію на нее среды въ области науки, искусства, религіознаго творчества.

Говоря о средѣ, поскольку она вліяетъ на возникновеніе и распространеніе религіозныхъ системъ, научныхъ идей, на художественное творчество, мы имѣемъ въ виду частью совокупность условій, среди которыхъ живетъ данный народъ или нѣсколько народовъ, частію тѣ особыя условія, которыя образуютъ научную, художественную или религіозную среду. «Чтобы понять, говоритъ Бельтовъ, состояніе умовъ каждой данной критической эпохи, чтобы объяснить, почему въ теченіе этой эпохи торжествуютъ именно тѣ, а не другія ученія, надо предварительно ознакомиться съ состояніемъ умовъ въ предыдущую эпоху, надо узнать, какія ученія и направленія тогда господствовали. Безъ этого мы совсѣмъ не поймемъ умственнаго состоянія данной эпохи, какъ бы хорошо мы не узнали ея экономію.»[116]). Здѣсь наблюдается особенная космополитичность. Большинство населенія въ странѣ, стоящей относительно экономическаго развитія ниже другой страны, рѣзко отличается по складу жизни отъ этой послѣдней: возьмемъ, напримѣръ, Англію и Соединенные Штаты съ одной стороны и Россію съ другой. При такихъ условіяхъ взаимныя вліянія и заимствованія совершаются лишь постепенно. А точки соприкосновенія научной среды одного народа съ научной средой другихъ народовъ многочисленны, и научная система, явившись въ своемъ первоначальномъ видѣ у одного народа, служитъ исходной точкой, откуда отправляются люди науки, принадлежащіе къ другому народу; нерѣдко они доводятъ найденное ими у сосѣдей научное зданіе до болѣе высокой ступени развитія. То же должно быть сказано объ области искусства. «Вліяніе литературы одной страны на литературу другой, читаемъ мы у Бельтова, прямо пропорціонально сходству общественныхъ отношеній этихъ странъ. Оно совсѣмъ не существуетъ, когда это сходство равняется нулю. ... Это вліяніе односторонне, когда одинъ народъ по своей отсталости не можетъ ничего дать другому ни въ смыслѣ формы, ни въ смыслѣ содержанія... Наконецъ, это вліяніе взаимно, когда вслѣдствіе сходства общественнаго быта, а слѣдовательно, и культурнаго развитія, каждый изъ двухъ обмѣнивающихся народовъ можетъ что-нибудь заимствовать у другаго.... Мы имѣемъ тогда какъ бы одну литературу, общую всему цивилизованному человѣчеству. Но, какъ зоологическій родъ подраздѣляется на виды, такъ эта всемірная литература подраздѣляется на литературы отдѣльныхъ народовъ. Каждое литературное теченіе, каждая

философская идея пріобрѣтаетъ свой особый оттѣнокъ, иногда почти новый смыслъ въ каждой изъ отдѣльныхъ цивилизованныхъ странъ. . . . Юмъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на Канта, котораго онъ, по собственному признанію этого послѣдняго, пробудилъ отъ его *догматической дремоты*. Но философія Канта все-таки очень отлична отъ философіи Юма»[117]). Несомнѣнно, въ этихъ сферахъ болѣе, нежели въ остальныхъ, совершаются непрерывныя заимствованія однимъ народомъ у всѣхъ другихъ культурныхъ народовъ. Чѣмъ долѣе живетъ человѣчество, тѣмъ больше становится сближеніе въ этой области. Мы убѣждены, что это общеніе позволитъ говорить о единой, міровой наукѣ въ то время, когда различія, напримѣръ, между отдѣльными народными хозяйствами будутъ еще довольно значительны. Возьмемъ нѣсколько крупныхъ историческихъ фактовъ и постараемся подкрѣпить ими наши положенія.

III.

Начнемъ съ Христа: возникновеніе христіанскаго ученія и его быстрое распространеніе могутъ быть отчасти объяснены личностью Христа, главное же—средою, въ которой протекала его жизнь. Этой средой должна была быть именно Іудея.

Длинный рядъ поколѣній на Іудею сыпались непрерывные удары судьбы; именитое и богатое меньшинство кое-какъ ограждало себя отъ этихъ бѣдствій, но зато они обрушивались всею тяжестью на большинство населенія. Не будемъ воспроизводить картины опустошеній, которымъ подвергалась эта страна въ теченіе столѣтій. Припомнимъ только, что полвѣка, предшествующіе рожденію Христа и первые годы его жизни Іудея представляла почти безостановочно поле брани. Помпей первый произвелъ въ Іудеѣ тѣ политическія преобразованія, которыя обратили ее въ страну, подчиненную Риму. Она была раздѣлена на пять областей; ея первосвященникъ Гирканъ былъ лишенъ свѣтской власти. Для того, чтобы ко вновь созданной территоріи пріобщить и свѣтскую власть, понадобились такія усилія со стороны способнѣйшихъ людей Іудеи, которыя очень тяжело отзывались на населеніи. Антипатръ заискиваетъ всемогущихъ римлянъ, помогаетъ имъ утишить возстаніе, вызванное разграбленіемъ іерусалимскаго храма по повелѣнію Красса, оказываетъ услуги Цезарю, пріобрѣтаетъ его благосклонность, возвращаетъ Іудеѣ нѣкоторыя, гораздо раньше отнятыя отъ нея права и становится властелиномъ этой провинціи. Затѣмъ возникаетъ кровопролитная борьба между нимъ и сторонниками другихъ претендентовъ на господство. Позднѣе страну опустошаютъ парѳяне, и только въ 714 году по основаніи Рима Іудея нѣсколько успокоивается подъ властью Ирода Великаго. Царскій престолъ, добытый Иродомъ вслѣдствіе стараній угодить тому, кто былъ сильнѣе всѣхъ въ Римѣ,—Цезарю, Бруту и Кассію, Антонію, Августу — оставался за нимъ 40 лѣтъ; это 40-лѣтіе, сравнительно свободное отъ войнъ съ внѣшними врагами, было временемъ выполненія огромныхъ строительныхъ работъ, которыя ложились большимъ бременемъ на населеніе. Циркъ и театръ въ Іерусалимѣ, храмы во многихъ городахъ для возданія божескихъ почестей императорамъ, цѣлый рядъ городовъ съ римскими названіями, многочисленныя крѣпости на границахъ съ сосѣдними народами—все это требовало крайняго напряженія платежныхъ силъ и обременяло народъ въ мирѣ не менѣе, чѣмъ разоряли войны недавняго прошлаго. Едва умеръ Иродъ и его царство было раздѣлено между сыновьями, какъ начались внутреннія смуты, которыя побудили римлянъ лишить Іудею самостоятельности, сдѣлать ее римской провинціей второго разряда. Хотя въ намѣренія высшаго римскаго правительства входило возможно мягкое

отношеніе къ покоренному народу, однако, злоупотребленія и произволъ римскихъ правителей были здѣсь не менѣе велики, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Уже въ началѣ царствованія Тиберія Іудея, какъ и Сирія, жаловалась на бремя податей; а продолжительное правленіе Понтія Пилата было очень тяжело для евреевъ.[118]). Такимъ образомъ, нѣсколько поколѣній судьба непрерывно ниспосылаетъ на Іудею бѣдствія то въ видѣ войнъ, то въ видѣ лихорадочной строительной дѣятельности, тѣшащей тщеславіе царя-выскочки и тягостной для небогатой страны, то снова въ видѣ внутреннихъ раздоровъ и произвола римскихъ чиновниковъ. Все это воспитало среду, воспріимчивую къ слову утѣшенія. Христосъ возвѣстилъ это слово. Среда, созданная вѣками до него, подготовляла его явиться съ тѣмъ словомъ утѣшенія, которое и образуетъ самую важную составную часть христіанства.

Евреи получили въ *Законѣ* и *Пророкахъ* столь богатую литературу, что она давала обильную пищу для дальнѣйшаго творчества. Эта литература, близкая народному пониманію, вошла во всеобщій обиходъ и не оставалась безъ вліянія на мышленіе и чувства большинства евреевъ. Люди среднихъ способностей, изучая эту литературу, окаменѣвали въ истолкованіи ея отдѣльныхъ положеній, даже отдѣльныхъ словъ, въ распространеніи общихъ правилъ, вычитанныхъ изъ писанія на новые случаи, въ безконечныхъ спорахъ о томъ, что наименѣе существенно, что сводится къ одной формѣ. Схоластика дала обильные плоды; она выразилась въ безплодныхъ, изсушающихъ преніяхъ книжниковъ и фарисеевъ, которые получили, благодаря Христу, столь печальную извѣстность.

Человѣкъ высокихъ дарованій могъ почерпнуть изъ священныхъ книгъ евреевъ совсѣмъ другое. Изученіе этихъ книгъ, развертывая предъ нимъ исторію избраннаго народа, укрѣпляло мысль, какъ непрочны судьбы царствъ. Въ немъ слагалось убѣжденіе, что удары, которые наносились евреямъ ассиріанами, вавилонянами и другими, не щадили и побѣдителей. Какъ велико и непобѣдимо казалось царство Навуходоносора, изображенное во всемъ его блескѣ и величіи не языческими лѣтописцами, а однимъ изъ самыхъ талантливыхъ еврейскихъ пророковъ—Даніиломъ, но и это царство пало въ ту ночь, когда его послѣдній владыка устроилъ пиръ, который долженъ былъ показать во всемъ блескѣ несмѣтныя царскія сокровища. Человѣкъ пылкаго воображенія долженъ былъ навсегда остаться подъ впечатлѣніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ пророчества Даніила. Таково изображеніе Даніиломъ страшнаго звѣря, соотвѣтствующаго четвертому царству. Этотъ звѣрь сокрушалъ и пожиралъ все; въ одномъ изъ его многочисленныхъ роговъ были глаза человѣческіе и уста, говорящія высокомѣрно. Но вся сила, все высокомѣріе пали въ прахъ, когда пришелъ старецъ. Кто же получилъ отъ старца власть и силу и царство? Ихъ получилъ Сынъ человѣческій. А ему даны власть и сила, и царство такъ, чтобы всѣ народы и языки служили ему: «владычество его владычество вѣчное, которое не пройдетъ и царство его не разрушится»[119]). Сильно и то мѣсто въ пророчествѣ Даніила, гдѣ говорится о борьбѣ овна съ косматымъ козломъ, изображающихъ иносказательно царей мидійскаго, персидскаго и греческаго. Между ними идетъ жестокая борьба причиняющая великія опустошенія. Побѣдитель губитъ многихъ, превозносится въ своемъ сердцѣ «и противъ Владыки владыкъ возстанетъ, но будетъ сокрушенъ не рукой»[120]). Стоя внѣ политической жизни, волны которой не достигали Назарета, Христосъ не имѣлъ яснаго представленія о могуществѣ Рима: но и человѣкъ, малознакомый съ Римомъ, долженъ былъ разумѣть его подъ самымъ сильнымъ царствомъ, изображеннымъ у Даніила въ видѣ звѣря съ десятью рогами. Каковы бы, од-

нако, ни были сила и обширность царства, слагалось убѣжденіе, что все это пройдетъ, все непрочно, что явится новое царство, которому предназначено обнять «всѣ языки». Послѣднее царство и будетъ побѣдителемъ. Чѣмъ же побѣдитъ оно? Прошлыя судьбы человѣчества показали, что мечъ, копье и праща—ненадежныя силы. Этимъ оружіемъ сильный побѣждаетъ слабаго, чтобы вскорѣ пасть подъ ударами сильнѣйшаго. Что же значитъ то, что мечъ и копье не даютъ человѣку силы для окончательной побѣды? Это значитъ, что силы не даетъ зло, человѣконенавистничество, ибо кто идетъ съ мечемъ, тотъ идетъ, чтобы убивать, жечь и грабить. И слова пророка, что послѣдній, самый могущественный царь будетъ смиренъ не рукою, доказываютъ, что есть иная сила, которая одержитъ окончательную побѣду, сила, противоположная первой—добро. Вотъ процессъ мысли, которой должно было вызывать въ умѣ Христа чтеніе пророчества Даніила. И для возбужденія людей на добрыя дѣла внимательный читатель могъ найти краснорѣчивыя слова у древнихъ пророковъ. Пророкъ Исаія укоряетъ іудеевъ, что они погрязли въ беззаконіяхъ, что у нихъ нѣтъ здороваго мѣста «отъ подошвы ноги до темени головы». Они такъ погрязли въ грѣхѣ, что Богъ отворачивается отъ ихъ обильныхъ жертвъ. «Я пресыщенъ всесожженіемъ овновъ и туками откормленнаго скота и крови тельцовъ, и агнцевъ, и козловъ не хочу... Не несите больше даровъ тщетныхъ; куреніе отвратительно для Меня; новомѣсячій и субботъ, праздничныхъ собраній не могу терпѣть: беззаконіе и празднованіе». Богъ требуетъ, чтобы люди омылись и очистились отъ злыхъ дѣлъ. «Научитесь дѣлать добро; ищите правды: спасайте угнетеннаго, защищайте сироту; вступайтесь за вдову. Предъ очами Господа сила добра такъ велика, что за него будутъ отпущены всѣ грѣхи. Если они будутъ красны, то Богъ убѣлитъ ихъ, какъ снѣгъ» [121]).

Такова среда, въ которой совершилось воспитаніе Христа. Эта среда дѣйствовала на его воспріимчивую душу. Близкій къ народу по рожденію и впечатлѣніямъ ранняго дѣтства, онъ любилъ бѣдныхъ и глубоко понималъ ихъ невзгоды. Онъ черпалъ изъ св. писанія еще новое подкрѣпленіе для своего чувства. Немногія строки въ пророчествѣ Исаіи, призывающія людей оставить жертвы и помогать бѣднымъ и угнетеннымъ, дѣйствовали сильнѣе на нѣжную душу Христа, чѣмъ всѣ тѣ мѣста пророковъ, которыми евреи приглашаются чтить праздникъ. И эти немногія строки, которыми въ самомъ началѣ своего пророчества Исаія осуждаетъ лицемѣрную набожность господствующихъ классовъ своего времени, послужили въ душѣ Христа зерномъ; изъ него выросла цѣлая система обличеній противъ богатыхъ и именитыхъ, ростовщиковъ, книжниковъ и священниковъ. А пророчество Даніила, что на развалинахъ многихъ великихъ царствъ возникнетъ новое, которое объединитъ всѣ языки, настраивало чувство и мысль Христа такъ, что для этого новаго счастливаго будущаго должно совершиться объединеніе всѣхъ людей—евреевъ и язычниковъ, праведниковъ, мытарей, грѣшниковъ.

Вотъ условія, которыя вліяли на Христа и дали содержаніе его ученію: любить людей, творить добро, презирать земныя блага до готовности раздать нуждающимся все имущество. Любовь и добрыя дѣла приведутъ къ господству царства божьяго. Что же понималъ Христосъ подъ царствомъ божіимъ? Нужно разумѣть подъ нимъ и блаженство, которое ждетъ человѣка въ загробной жизни, и единеніе людей въ любви, наклонность людей къ добрымъ дѣламъ, которыя измѣняютъ все лицо земли, изгоняютъ неправду, грѣхъ и беззаконіе, создаютъ общее благоволеніе и радость [122]).

Ученіе Христа не распространилось бы съ такой быстротой, если

бы среда не была въ высокой степени воспріимчива къ новому слову. Всѣ бѣдные, нуждающіеся, угнетенные съ умиленіемъ слушали благую вѣсть и становились ревностными послѣдователями новаго учителя. И здѣсь, какъ бываетъ со всѣми ученіями, слова и предсказанія понимались согласно съ міровоззрѣніемъ учениковъ. Люди самые наивные и простые, называя Христа сыномъ Давидовымъ, разумѣли подъ царствомъ божіимъ новую державу, которую Христосъ оснуетъ на развалинахъ римскаго владычества и которая озаритъ еврейство еще невиданнымъ блескомъ. Послѣдователи Христа, наиболѣе склонные къ мистицизму, понимали предсказанія учителя, какъ обѣщаніе того, что ожидаетъ людей въ загробной жизни. Наконецъ, наиболѣе развитые изъ учениковъ придавали особенное значеніе росту любви между людьми и воцаренію душевнаго мира, къ которымъ призывалъ Христосъ.

Какъ бы ни различались между собой въ пониманіи учителя тѣ, которые становились его приверженцами, бѣдные классы Іудеи представляли особенно благопріятную почву для воспріятія заповѣдей Христа. Масса была угнетена; она не видѣла, откуда ждать освобожденія. Вѣковыя безурядицы внутренней жизни лишали надежды, что іудейскій пролетаріатъ получитъ лучшую долю отъ богатыхъ и именитыхъ іудеевъ, отъ тѣхъ, кто толковалъ *Законъ и Пророковъ*, кто зоркимъ глазомъ блюлъ за исполненіемъ старыхъ обрядовъ. Тѣмъ меньше можно было ожидать отъ римлянъ, властителей міра, чужеземцевъ, людей иного языка, иной вѣры, иныхъ нравовъ, иногда готовыхъ быть мягкими, но, въ общемъ, смотрѣвшихъ на Іудею, какъ побѣдитель смотритъ на покоренныхъ. Ноты же, звучавшія въ ученіи Христа, были новы для бѣдняковъ и привлекательны. Эти ноты ничѣмъ не напоминали жестокаго буквоѣдства, съ которымъ книжники и первосвященники правили Іудеею; онѣ рѣзко отличались и отъ бранныхъ тревогъ, которыя приносилъ съ собой завоеватель. Онѣ возвѣщали лучшее будущее при помощи тѣхъ средствъ, которыя у каждаго подъ рукою,—любви къ ближнему и добрыхъ дѣлъ. И пролетаріатъ Іудеи былъ средой, которая первоначально восприняла новое ученіе.

Завѣты Христа жили довольно долго въ очень тѣсномъ кругу. Этотъ кругъ образовали люди, которые знали самого учителя и находились подъ обаяніемъ его личности. «Существенное дѣло Іисуса состояло въ томъ, что онъ образовалъ около себя кружокъ учениковъ, которымъ внушилъ безграничную привязанность и въ душу которыхъ вложилъ зерно своего ученія. Заставить себя любить до такой степени, что даже послѣ его смерти его не переставали любить—вотъ главное дѣло Іисуса и то, что особенно поражало его современниковъ»[123]). Никогда не выходя за предѣлы Іудеи, Христосъ дѣйствовалъ въ очень тѣсной области. Чему же приписать, что ученіе распространилось и получило міровое значеніе.

Первоначально именно Іудея была средой, гдѣ могъ явиться Христосъ. Но разъ ученіе возникло, оно нашло благопріятныя условія для своего распространенія во всемъ мірѣ, подчиненномъ римскому владычеству. Во всемъ этомъ мірѣ къ тому времени разложились старинные союзы. Развившаяся частная собственность и свобода личности повели къ образованію огромныхъ состояній, богатства и роскоши съ одной стороны, нищеты и угнетенія—съ другой. Римскій рабъ и римскій пролетарій потому находились въ положеніи, отличномъ отъ бѣдныхъ классовъ другихъ государствъ древности, что были членами огромнаго политическаго цѣлаго, обнимавшаго большую часть извѣстнаго и доступнаго тогда міра. Римскій пролетарій вѣрилъ, что государственное могущество народа, къ которому онъ принадлежитъ, превосходитъ все, что было дотолѣ извѣстно людямъ;

онъ зналъ, что всѣ земные владыки и народы преклоняются предъ силой Рима. Но онъ чувствовалъ, что ни расширеніе предѣловъ государства, ни ростъ могущества, ни огромныя сокровища, которыя собирались побѣдоносными римскими легіонами во всѣхъ краяхъ свѣта и привозились въ Римъ, дабы доставить богатымъ новые источники для праздной и веселой жизни, нисколько не измѣняли къ лучшему положенія бѣдняка. И эта многомилліонная масса, порабощенная или свободная, должна была вѣрить во что нибудь, способное измѣнить къ лучшему ея долю. Старая религія вывѣтрилась. Возроставшее могущество государства не давало бѣднякамъ ничего. Законодательный механизмъ дѣйствовалъ безостановочно; но все содержаніе его дѣятельности сводилось къ тому, чтобы укрѣплять устои, на которыхъ покоилась частная собственность, чтобы наилучше охранять за господствующими классами ихъ имущество и облегчать способы, которыми мелкія состоянія маленькихъ людей прилипали къ богатствамъ милліонеровъ. При такихъ условіяхъ именно христіанство приносило слово утѣшенія. Оно совлекало съ богачей великолѣпные покровы, въ которыхъ наряжало ихъ общественное мнѣніе, покровы, такъ бдительно охранявшіеся законами государства. Оно отрѣзывало для богатыхъ путь въ царство божіе; оно призывало къ жизни, къ свѣту всѣхъ страждущихъ, обездоленныхъ. Новое слово было впервые произнесено въ Іудеѣ; но разъ оно было сказано, оно могло быть воспринято во всѣхъ частяхъ обширной имперіи, ибо всѣ части ея насчитывали милліоны и милліоны людей, которые складомъ жизни были подобны ближайшимъ послѣдователямъ Христа. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что Африка занимаетъ выдающееся мѣсто въ исторіи распространенія христіанства. Христіанство стало міровой религіей чрезъ посредство Африки. Почему? Потому, что въ этой римской провинціи болѣе, чѣмъ въ другихъ, общество распалось на двѣ неравныя величины—кучку богачей и огромныя массы бѣдняковъ. Вся земля въ Африкѣ принадлежала немногимъ милліонерамъ. Сильные своимъ богатствомъ и своими связями въ Римѣ, эти люди легко выдѣлялись изъ общиннаго союза и отказывались нести государству повинности, которыя возлагались на нихъ. Рука объ руку съ богатствомъ и роскошью шло и развращеніе нравовъ; главнымъ средоточіемъ разврата былъ Карѳагенъ. Рядомъ съ этимъ богатымъ меньшинствомъ огромныя массы народа влачили жалкое существованіе[124]).

Кромѣ воспріимчивой среды, распространенію христіанства способствовала обширность области, объединенной подъ властью Рима. Римляне уже издавна заботились о проложеніи удобныхъ дорогъ. Было много сдѣлано для этого еще при республикѣ; но особенно усердно шло строительство отъ начала имперіи. Во всѣхъ римскихъ провинціяхъ были хорошія дороги. Африкѣ принадлежало въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ. Уже въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. здѣсь было нѣсколько имперскихъ дорогъ, соединявшихъ самые большіе города съ моремъ; а во второмъ вѣкѣ были устроены удобные пути и между менѣе значительными городами. Дороги облегчали передвиженіе легіоновъ, товаровъ и... идей во всѣ концы имперіи.

Итакъ, большая часть исторіи христіанства должна быть объяснена средой. Христосъ, появись онъ въ другой средѣ, не имѣлъ бы успѣха. Среда изъ людей, пользующихся матеріальнымъ довольствомъ, умственно развитыхъ, не настроенныхъ пессимистически, не могла бы принять это ученіе, какъ ученіе вѣры. Такіе люди сумѣли бы отмѣтить его высокія качества; они, быть можетъ, нѣсколько подчинились бы этому вліянію, но не могли бы доставить ему такихъ самоотверженныхъ послѣдователей, какими были первые христіане. Если принять въ разсчетъ общія условія

жизни, которыя имѣли столь большое вліяніе на возникновеніе и распространеніе христіанства, то на долю Христа останется меньше, нежели принято думать.

Конечно, высокія нравственныя качества получили въ немъ яркое воплощеніе. Однако, нѣтъ основанія утверждать, что нельзя найти людей, приближающихся къ нему по нравственному совершенству. Если считать отличительными свойствами его природы любвеобильное и всепрощающее сердце съ одной стороны, горячую, непоколебимую вѣру въ реальность царства Божія, которое онъ проповѣдывалъ до готовности пожертвовать собою за свое ученіе и полное пренебреженіе усладами земной жизни—съ другой, то можно найти людей, которые обладали этими свойствами въ высокой степени и, быть можетъ, не уступали Христу. Прежде всего приходитъ на память великій образъ Сократа. Въ исторіи же христіанства мы находимъ многихъ, и не только людей, которые занимаютъ выдающееся мѣсто, но и рядовыхъ проповѣдниковъ и подвижниковъ, которые, по высотѣ развитія нравственныхъ качествъ, не уступаютъ Христу, которые такъ же, какъ и онъ, пренебрегали матеріальныии благами, такъ же вѣрили въ свое дѣло, такъ же неутомимо служили ему, такъ же готовы были запечатлѣть это ученіе своею смертью и часто запечатлѣвали ею. Въ исторіи любой страны среди борцовъ за права народа мы находимъ немало людей самаго высокаго нравственнаго совершенства. Повторяю, личность Христа стоитъ высоко; но въ исторіи человѣчества можно найти людей, которые не уступаютъ ему по законченности и цѣльности, а также (на сколько можно говорить о его непосредственномъ вліяніи) по площади, на которую распространялось ихъ личное вліяніе. Мы не видимъ данныхъ, вслѣдствіе которыхъ должно было бы поставить Христа, какъ личность, на неизмѣрно большую высоту, чѣмъ нѣкоторыхъ другихъ. *Но обстоятельства поставили его на центральное мѣсто.* Главнымъ условіемъ, доставившимъ Христу недосягаемую славу, послужило то, что его ученіе возникло въ началѣ переходнаго времени, когда вся жизнь сложилась такъ, что было легко произвести перемѣну въ настроеніи умовъ.

Итакъ, отъ чрезмѣрнаго преувеличенія личности, отъ того, чтобы называть ея именемъ цѣлый историческій періодъ, цѣлое столѣтіе, еще безконечно далеко до того, чтобы, какъ говоритъ профессоръ Людвигъ Штейнъ, считать крупныхъ людей «маріонетками, нулями, механическими цифрами»[125]). Каждая крупная историческая личность имѣла свойства, возвышающія ее надъ среднимъ уровнемъ. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы не признавать за ней этихъ качествъ, а лишь о томъ, чтобы возможно близко къ дѣйствительности опредѣлить ихъ вліяніе, показать, что можетъ быть приписано имъ безъ насилія надъ фактами и что должно быть объяснено условіями времени, когда жило и дѣйствовало данное лицо. Чѣмъ далѣе заглядываемъ въ прошлое, тѣмъ больше замѣчаемъ, какъ легко отдѣльное событіе, цѣлый рядъ событій, даже крупный общественный переворотъ въ фактахъ или настроеніи умовъ приписывается одному лицу или немногимъ. На явленіяхъ, которыя окружаютъ насъ, мы можемъ провѣрить духовный процессъ, происходившій въ далекомъ прошломъ, когда подъ вліяніемъ этого процесса, извѣстное историческое событіе не только связывалось съ именемъ даннаго лица, но и приписывалось ему всецѣло. Въ глухой деревушкѣ возникаетъ новое, еще неизвѣстное жителямъ учрежденіе,—фабрика, которая даетъ имъ заработокъ, школа, которая обучаетъ ихъ дѣтей. Основатель той или другой окружается со стороны мѣстнаго населенія ореоломъ, и его имя долго живетъ въ памяти. При этомъ ни современникамъ, ни ближайшему потомству нѣтъ дѣла до того, какія причины вызвали новый фактъ, почему уч-

режденіе могло привиться и повліять на населеніе, насколько его виновникъ былъ одаренъ отъ природы дѣйствительно высокими качествами, таковы ли были его личныя свойства, чтобы особенности среды имѣли на него мало вліянія и проч. Есть новый фактъ и есть виновникъ этого факта. Этого довольно, дабы безповоротно воздать ему хвалу, не только признать полезность созданнаго учрежденія, но и выше мѣры преувеличить личныя качества его создателя. Совершенно тоже происходило и въ тѣхъ сравнительно небольшихъ группахъ, которыя были свидѣтельницами зарожденія новыхъ религій или сведенія господствующихъ обычаевъ въ законодательные памятники. Если Моисей дѣйствительно существовалъ, то немногочисленность евреевъ, на глазахъ которыхъ протекала его дѣятельность, облегчила сохраненіе ея въ памяти ближайшаго потомства. Преданіе, переходя изъ рода въ родъ, сдѣлало свое дѣло: Моисей явился не только объединителемъ обычаевъ, которые уже господствовали среди евреевъ, и наиболѣе умѣлымъ выразителемъ ихъ нуждъ, но и творцомъ, имя котораго, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, заставило совершенно забыть о средѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ, средѣ, которая была причиною того, что его трудъ не остался безрезультатнымъ. Мы скажемъ тоже и о Христѣ. Среда, въ которой онъ дѣйствовалъ, была численно очень ограничена. Немногія тысячи людей, которые были его первыми послѣдователямм, находились не только подъ вліяніемъ его ученія, но и подъ непосредственнымъ обаяніемъ его личности. Именно это обстоятельство—независимо отъ того, что новое ученіе было фактомъ, рѣзко выдѣляющимся на фонѣ общественной жизни того времени,—особенно благопріятствовало, чтобы все ученіе было неразрывно связано съ личностью и запечатлѣно ея именемъ. Если былъ царь, котораго историки называютъ Ликургомъ, то всѣ подданные—въ виду незначительныхъ размѣровъ Спарты—могли знать его лично и опять въ силу непосредственнаго вліянія личности, неразрывно связать съ его именемъ объединеніе старинныхъ обычаевъ въ законодательномъ сводѣ и т. д. и т. д.

Изложенное позволяетъ отвѣтить на вопросъ, создаетъ ли личность новую среду. Личность можетъ дать крупные результаты только въ средѣ, которая благопріятна для развитія ея силъ: а потому приходится говорить не о созданіи личностью новой среды, а о такомъ измѣненіи среды, условія для котораго были доставлены самой средой и гдѣ одна или немногія личности занимаютъ болѣе выдающееся мѣсто, нежели каждый изъ остальныхъ людей, образующихъ въ своей совокупности эту среду. Напомнимъ, что когда говорятъ о созданіи новой среды или о коренномъ измѣненіи старой, то обыкновенно впадаютъ въ преувеличенія, чрезвычайно расширяютъ площадь, на которой сказалось это измѣненіе, или же считаютъ вліяніе болѣе глубокимъ, нежели оно было въ дѣйствительности. Преувеличеніями стѣсняются всего меньше, когда говорятъ о вліяніи христіанства. Изучая бытъ, въ которомъ явилось христіанство, получаемъ возможность ввести его вліяніе въ должныя границы. Представляется, будто бы христіанство совершенно преобразовало римское общество. Но такъ ли это? Развѣ послѣ того, какъ христіанство стало извѣстно во всѣхъ уголкахъ Римской имперіи и пріобрѣло послѣдователей во всѣхъ общественныхъ слояхъ, богатые и власть имущіе менѣе жестоко обращались со своими подчиненными, нежели при господствѣ язычества? Развѣ господа стали жить менѣе пышно и мягче относиться къ рабамъ, чѣмъ двумя столѣтіями ранѣе? Развѣ намѣстники римскихъ провинцій въ IV вѣкѣ менѣе грабили мѣстное населеніе, чѣмъ во II вѣкѣ? Развѣ войны, которыя вели христіанскіе императоры, не были связаны съ ужасными жестокостями относительно враговъ? Развѣ уже въ первые вѣка христіан-

ства изъ среды истинныхъ ревнителей новаго ученія не раздаются голоса, что духовенство, высшее и низшее, живетъ скорѣе по языческимъ обычаямъ, нежели по заповѣдямъ Христа? Приходится отвѣчать отрицательно на всѣ эти вопросы и уже однимъ отрицаніемъ уменьшить вліяніе христіанства сравнительно съ тѣмъ, что ему приписываютъ. Конечно, въ имущихъ классахъ римскаго общества были отдѣльныя лица, которыя рѣзко выдѣлялись изъ среды и подъ вліяніемъ новой вѣры доходили до полнаго самоотверженія, до готовности идти на мученическую смерть. Много или мало было такихъ людей въ этой средѣ — несомнѣнно, что этимъ вліяніемъ христіанство должно особенно гордиться, такъ какъ эта среда всего труднѣе отрекается отъ земныхъ благъ, доступныхъ ей въ полной мѣрѣ, и всего менѣе увлекается перспективой загробнаго блаженства и царствомъ благоволенія на землѣ. Если бы было доказано, что очень многіе члены имущихъ и господствующихъ классовъ древняго Рима въ корень измѣнились подъ вліяніемъ христіанства; то можно было бы согласиться, что христіанство измѣнило среду. Мы же не видимъ этого: мы знаемъ только, что вліяніе коснулось отдѣльныхъ лицъ, а среда оставалась тѣмъ же, чѣмъ она была и при жизни Христа. Однако, можно утверждать, что измѣнилась среда, занимающая низшія ступени общежитія: бѣдные, порабощенные, обездоленные. Въ какой же мѣрѣ измѣнились они? Если думать, что они измѣнились въ смыслѣ большей способности къ труду или въ смыслѣ большаго умственнаго развитія, то нельзя подкрѣпить это данными, которыя намъ сообщаетъ исторія. Напротивъ, насколько христіанство могло вліять въ этихъ обоихъ направленіяхъ, оно было способно только къ неблагопріятному вліянію: завѣтъ Христа не печись о завтрашнемъ днѣ, брать примѣръ съ небесныхъ птицъ, отдать всѣ помыслы будущей блаженной жизни, внушалъ равнодушіе къ матеріальнымъ благамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ ослаблялъ трудовую энергію, а равно и располагалъ духъ къ тому созерцательному состоянію, которое всего лучше охраняетъ неподвижность ума. Въ этихъ обоихъ отношеніяхъ вліяніе христіанства могло быть только отрицательнымъ, И если оно отрицательнымъ не было, то потому, что трудъ, будучи по преимуществу трудомъ рабскимъ, находился подъ вліяніемъ непрерывнаго воздѣйствія со стороны господъ и надсмотрщиковъ и не могъ опуститься на болѣе низкую ступень напряженности и производительности; а неблагопріятное вліяніе христіанства на духовное развитіе массы потому не было замѣтно, что духовное развитіе массы было въ то время очень низко и ему рѣшительно не угрожала опасность опуститься еще ниже. Но есть въ жизни неимущихъ классовъ того времени одна черта, которая, повидимому, даетъ право говорить о полномъ пересозданіи среды личностью: одушевленіе массы, легкость, съ которою тысячи и тысячи умирали за новую вѣру. Не слѣдуетъ видѣть въ этомъ признаки прогрессивнаго теченія. Примѣръ заразителенъ: смерть нѣсколькихъ тысячъ легко вызывала подражаніе въ окружающихъ и дѣлала для нихъ смерть очень легкой. Мы не видимъ въ этомъ никакихъ зачатковъ прогрессивнаго развитія. Однако, можно говорить объ этой чертѣ въ томъ смыслѣ, что она явилась какъ бы новою отличительною особенностью среды, которая потерпѣла такое измѣненіе подъ вліяніемъ христіанства. Такое заключеніе было бы невѣрнымъ: мы знаемъ изъ исторіи и изъ наблюденія современности, что человѣкъ умираетъ тѣмъ легче, чѣмъ ниже культура, чѣмъ грубѣе потребности, чѣмъ скуднѣе средства для ихъ удовлетворенія. Напротивъ, чѣмъ сложнѣе культура, чѣмъ болѣе разнообразны потребности, чѣмъ выше матеріальное довольство, тѣмъ тяжеле человѣку разстаться съ жизнью. И только мудрецъ можетъ и при этихъ условіяхъ подняться на такую высоту. Извѣстно,

что солдаты умираютъ легче и проще, чѣмъ офицеры, дикари—легче, чѣмъ люди цивилизованные, воины полудикаго народа — проще, чѣмъ солдаты культурной страны. Простолюдинъ того историческаго періода, въ которомъ возникло христіанство, цѣнилъ жизнь такъ дешево, что легко шелъ на смерть, тѣмъ болѣе, что за предѣломъ земного существованія ему обѣщали вѣчное блаженство. Такимъ образомъ, вводя христіанство въ болѣе тѣсныя границы, нежели то обыкновенно дѣлаютъ, мы приписываемъ его вліяніе прежде всего тому, что среда имѣла во время рожденія Христа всѣ элементы, необходимые для измѣненій, которыя внесло христіанство. Христіанскія начала могли дать этимъ элементамъ болѣе яркое выраженіе, и Христосъ, конечно, помогъ этому яркому выраженію болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ. Но утверждать, что Христосъ совсѣмъ измѣнилъ среду, въ которой протекала его жизнь, значитъ закрывать глаза на дѣйствительность, какъ намъ даетъ ее исторія.

IV.

Итакъ, въ области идей дѣятельность наиболѣе великихъ представителей опредѣляется средой; для людей науки научная среда имѣетъ первенствующее значеніе.

Дарвинъ далъ имя цѣлой философской школѣ. Его заслуга велика; но было бы большей неблагодарностью забыть о томъ, что сдѣлали его предшественники. Ученіе Дарвина служитъ развитіемъ двухъ основныхъ положеній: 1) о единствѣ всего сущаго, о послѣдовательномъ развитіи высшихъ формъ и, во главѣ ихъ, человѣка изъ низшихъ и 2) о естественномъ подборѣ, какъ общей міровой силѣ, которая, облегчая переживаніе наиболѣе приспособленныхъ, содѣйствуетъ развитію простѣйшихъ видовъ въ болѣе совершенные. Научная среда въ естествознаніи, слагавшаяся цѣлыхъ полстолѣтія, отлично подготовила Дарвина къ тому, чтобы онъ далъ человѣчеству свое плодотворное ученіе.

Еще въ 1799 году Гете въ своемъ сочиненіи «Метаморфоза растеній» изложилъ руководящія мысли теоріи развитія. Отыскивая въ растеніяхъ основной органъ, которымъ можно было бы объяснить все разнообразіе растительнаго міра и богатство красокъ, онъ остановился на листѣ. Микроскопъ былъ въ то время мало употребителенъ, а потому Гете не могъ дойти до первичнаго органа—клѣточки; но его мысль—отыскать основную форму, относительно которой всѣ безконечно разнообразныя формы были бы только видоизмѣненіями—была истинна. Нѣчто подобное предположенному относительно метаморфозы растеній было сдѣлано Гете и въ его теоріи происхожденія черепа изъ позвоночника. Гете показалъ раньше другихъ, что черепъ человѣка и другихъ позвоночныхъ животныхъ, прежде всего млекопитающихъ, есть не что иное, какъ видоизмѣненная передняя часть спиннаго хребта. Позднѣе это ученіе было значительно измѣнено; однако, для сравнительной анатоміи того времени оно было большимъ шагомъ впередъ; если части тѣла, на видъ столь различныя, какъ черепъ и позвоночный столбъ, имѣютъ одно и то же происхожденіе, то является въ высшей степени вѣроятною мысль, что одинъ и тотъ же типъ лежитъ въ основаніи разнообразныхъ видовъ. Открывъ у человѣка рѣзцовую косточку (средняя челюсть, Zwischenkiefer), Гете далъ важное дополненіе къ своимъ естественно-научнымъ теоріямъ. Эта челюсть послужила еще новымъ доказательствомъ ближайшаго родства человѣка съ высшими млекопитающими; у нихъ она была найдена уже давно, тогда какъ раньше Гете ее не находили у человѣка, а это служило однимъ изъ доказательствъ въ пользу самостоятельнаго происхожденія видовъ. Въ общемъ, Гете понималъ и силы, дѣйствіе которыхъ совершаетъ перемѣны

въ мірозданіи. Организмамъ присуща внутренняя образовательная сила: она передается по наслѣдству и сохраняетъ первоначальный типъ. Наряду съ нею существуетъ внѣшняя образовательная сила; она состоитъ въ приспособленіи организма къ внѣшней обстановкѣ; приспособленіе и ведетъ къ чрезвычайному разнообразію формъ. Убѣжденный въ единствѣ происхожденія видовъ, Гете высказывалъ эту мысль неоднократно (впервые въ 1796 году) и по разнымъ поводамъ.

Почти одновременно съ Гете подобныя воззрѣнія были у берлинскаго естествоиспытателя Тревирануса. По его мнѣнію, каждый организмъ можетъ возникнуть двояко: или происхожденіемъ изъ безформенной матеріи или чрезъ измѣненіе формы. Въ каждое живое существо вложена способность къ безконечному измѣненію формъ; каждое можетъ приспособляться къ внѣшнему міру. Эта способность, находясь постоянно въ дѣйствіи, привела къ тому, что существа самаго низшаго порядка послѣдовательно поднялись до ступеней высшей организаціи. Усвоивъ монистическое воззрѣніе на природу, Тревиранусъ разсматриваетъ всювселенную, какъ одно цѣлое, связь между членами этого цѣлаго установляется постепеннымъ происхожденіемъ высшихъ изъ низшихъ.

Самымъ крупнымъ германскимъ естествоиспытателемъ начала 19 вѣка считается Окенъ. Въ 1809 году онъ пустилъ въ оборотъ мысль, что жизненныя явленія всѣхъ организмовъ обязаны своимъ происхожденіемъ особой первичной связи. Это первоначальный жизненный элементъ обладаетъ способностью создавать самыя разнообразныя формы при воздѣйствіи на вещество и чрезъ приспособленіе ко внѣшнимъ условіямъ. Ученіе Окена о первичной связи послужило родоначальникомъ новѣйшаго ученія о клѣточкѣ. Къ этому присоединилось ученіе Окена, что основой органическаго міра служитъ безконечное количество низшихъ существъ, инфузорій, что высшія развились изъ низшихъ, что человѣкъ не сотворенъ, а возникъ постепенно. За этими мыслителями слѣдуетъ цѣлый рядъ германскихъ естествоиспытателей, которые высказывали тѣ же воззрѣнія.

И во Франціи начало монистическому ученію было положено въ первыхъ годахъ 19 вѣка; Ламаркъ высказалъ этотъ взглядъ въ 1801 году, а болѣе подробно обосновалъ въ 1809. Онъ призналъ принятыя въ зоологіи систематическія дѣленія на классы, порядки, семейства искусственнымъ созданіемъ человѣка. Всѣ виды неодинаково древняго происхожденія: сложные развились изъ простѣйшихъ. Различія въ условіяхъ жизни, пользованіе органами или неупотребленіе ихъ измѣняютъ организацію. Въ развитіи земли и организмовъ, которые населяютъ ее, была постепенность; насильственныхъ переворотовъ не было. А простѣйшія живыя существа возникли посредствомъ самопроизвольнаго зарожденія. Вѣрный монистическому взгляду на вселенную, Ламаркъ свелъ дѣятельность разума на движенія въ центральной нервной системѣ. Всѣ перемѣны во вселенной Ламаркъ объясняетъ наслѣдственностью и приспособленіемъ. Развивая свою теорію въ частностяхъ, Ламаркъ привелъ рядъ доказательствъ происхожденія человѣка отъ высшихъ обезьянъ; онъ объяснилъ, какъ перемѣна въ привычкахъ высшихъ обезьянъ постепенно образовала новое существо со свойствами человѣка.—Ученикомъ и продолжателемъ Ламарка былъ Жоффруа С. Иларъ.

На родинѣ Дарвинъ имѣлъ также цѣлый рядъ людей, которые подготовляли почву для его ученія: его дѣдъ Эразмъ Дарвинъ высказалъ еще въ концѣ 18 вѣка воззрѣнія, сходныя съ ученіемъ Гете и Ламарка. Эти взгляды раздѣляли въ первой половинѣ 19 столѣтія и нѣкоторые менѣе извѣстные англійскіе естествоиспытатели. Въ 50-хъ годахъ на защиту этой теоріи выступилъ и Гербертъ Спенсеръ. Наконецъ, ученіе Дар-

вина получило сильный толчекъ отъ преобразованія, которому подверглась геологія. Отрицаніе Лайеллемъ катастрофъ, которыя, будто бы, измѣняли поверхность земли, и признаніе въ исторіи земли постепенныхъ, но непрерывныхъ перемѣнъ, совершавшихся въ теченіе милліоновъ и милліоновъ лѣтъ, позволили распространить однородный процессъ на біологію и облегчили пониманіе того, какъ сложные организмы выработались изъ простѣйшихъ.

Вотъ научная среда, которой Дарвинъ обязанъ своимъ ученіемъ о происхожденіи видовъ. Другая часть его ученія — о естественномъ подборѣ, который способствовалъ измѣненію видовъ,—была обоснована Мальтусомъ и положена въ основу его закона народонаселенія. Эти идеи не были достояніемъ только отдѣльныхъ лицъ: жаркія пренія, которыя велись въ теченіе 1830 года между Кювье и С. Илеромъ въ засѣданіяхъ французской академіи наукъ, доказываютъ, что вопросъ о единствѣ происхожденія занималъ очень обширный кругъ въ научной средѣ того времени [126]).

V.

Марксъ служитъ однимъ изъ отличныхъ примѣровъ въ рукахъ людей, которые преувеличиваютъ значеніе личности въ исторіи. Если среда имѣетъ бо́льшее значеніе, чѣмъ крупная личность, говорятъ они, то и Маркса, служащаго предметомъ поклоненія со стороны соціалистовъ, нужно приравнивать чуть ли не любому соціальному демократу. Постараемся же выяснить отношеніе Маркса къ средѣ, въ которой явилось его ученіе.

Кому знакома исторія соціализма, тотъ знаетъ, что уже нѣсколько поколѣній постепенно совершалось то преобразованіе научной среды, которое обнаружилось особенно рѣзко за послѣднія десятилѣтія. Обобщая новыя начала, которыя обыкновенно связываютъ съ именемъ Маркса, мы можемъ установить такія положенія: 1) Въ области экономической теоріи его главную заслугу образуетъ ученіе объ исключительной творческой силѣ труда, объ отсутствіи творческой силы у капитала, а слѣдовательно, о несамостоятельности двухъ вѣтвей народнаго дохода—прибыли и ренты, объ образованіи ихъ изъ избыточной цѣнности. 2) Въ области философіи исторіи его главной заслугой является то, что онъ положилъ борьбу классовъ въ основу всѣхъ измѣненій, которыя и образуютъ исторію человѣчества. 3) Его главной заслугой въ соціологіи служитъ то, что онъ отмѣтилъ состояніе техники и измѣненія техники, какъ основанія, на которыхъ выростаютъ всѣ другія стороны культуры. Все, что было сдѣлано за послѣдніе тридцать пять лѣтъ для развитія ученія Маркса, сводится къ попыткамъ развить эти три основныхъ положенія, внести въ науку о народномъ хозяйствѣ измѣненія, которыя связаны съ монистическимъ началомъ самостоятельности только одного дохода, трудового, выяснить формы, которыя принимала и принимаетъ борьба классовъ, и истолковать особенностями техники и состояніемъ хозяйства стороны культуры, находящіяся, повидимому, столь далеко отъ техники и хозяйства, какъ наука, искусство, религія. Можно утверждать, что ученіе Маркса, оказавъ вліяніе на область науки, существенно измѣнило научную среду. Заслуги Маркса, однако, слишкомъ велики, чтобы его послѣдователи и горячіе сторонники нуждались въ преувеличеніи сдѣланнаго имъ, въ умаленіи заслугъ его предшественниковъ и отрицаніи перемѣнъ, которыя постепенно происходили въ научной средѣ. Во всѣхъ трехъ направленіяхъ Марксъ имѣлъ предшественниковъ; и во всѣхъ трехъ направленіяхъ постепенно измѣнялась научная среда.

Прежде всего—самостоятельность только трудового дохода и избы-

точная цѣнность, создаваемая трудомъ, какъ источникъ доходовъ, именуемыхъ прибылью и рентой во всѣхъ ихъ разновидностяхъ. Если откинуть намеки, разсѣянные у старыхъ писателей, то все же съ самаго начала 19-го столѣтія въ наукѣ обнаруживается стремленіе отмѣтить несамостоятельность прибыли и ренты. Мы находимъ это еще въ книгѣ англичанина Голла «Вліяніе цивилизаціи на народъ въ европейскихъ странахъ». Въ 1824 году Томсонъ съ полной ясностью излагаетъ ученіе о прибыли и рентѣ, какъ доляхъ трудоваго дохода, присвоиваемыхъ имущими классами [127]). Нечего и говорить, что Сенъ-Симонисты, Луи Бланъ, Прудонъ, Родбертусъ очень подвинули это ученіе еще въ первой половинѣ и въ самомъ началѣ второй половины 19 вѣка. И какъ много ни было сдѣлано новѣйшей литературой для того, чтобы развѣнчать Прудона, въ его афоризмѣ «собственность есть воровство» выражена таже мысль, которая обоснована въ ученіи Маркса. Насколько же ученіе Маркса было подготовлено французскими и англійскими соціалистами?

Томсонъ исходитъ изъ положенія, что трудъ долженъ быть свободенъ, что весь продуктъ труда долженъ принадлежать производителю. Будучи въ этихъ взглядахъ сходенъ съ послѣдователями Смита и Рикардо, Томсонъ отличается отъ нихъ тѣмъ, что считаетъ эти цѣли недостижимыми при современномъ юридическомъ порядкѣ, при частной собственности на землю и капиталъ. Эти начала могутъ быть проведены только подъ условіемъ, чтобы современный правовой порядокъ былъ подвергнутъ коренному преобразованію. Держась основного положенія, что трудъ есть единственная причина мѣновой цѣнности, Томсонъ дѣлаетъ выводъ, до котораго не дошли буржуазные писатели, — что продуктъ труда долженъ безъ всякаго уменьшенія поступать тому, кто создалъ цѣнность своей работой. Въ современномъ обществѣ работники получаютъ гораздо меньше того, что создано ихъ трудомъ, только то, что крайне необходимо для ихъ существованія; весь же остатокъ цѣнностей, созданныхъ ими, удерживается землевладѣльцами и капиталистами, какъ рента и прибыль. Томсонъ признаетъ, что работникъ долженъ платить собственникамъ за пользованіе ихъ зданіями, орудіями, сырыми матеріалами. Но эта плата не должна превышать того, насколько всѣ эти предметы подвергаются изнашиванію. А доля продукта, на которую землевладѣлецъ и капиталистъ имѣютъ право, не должна превышать плату, которую получаетъ въ данномъ предпріятіи работникъ, имѣющій самый крупный доходъ. Въ современномъ обществѣ нѣтъ условій, дабы могло осуществиться такое распредѣленіе дохода. Законодательная власть сосредоточивается въ рукахъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ; на всѣ излишки сверхъ заработной платы, покрывающей только самыя необходимыя потребности тружениковъ, люди господствующихъ классовъ смотрятъ, какъ на свое правомѣрное достояніе—ренту и прибыль. Дабы установить порядокъ, при которомъ работающій получаетъ всѣ плоды своего труда, Томсонъ предлагаетъ основаніе соціалистическихъ общинъ [128]).

Вотъ мысли, высказанныя въ Англіи еще въ 1824 году. Немногимъ позднѣе и во Франціи эти мысли поступили въ умственный оборотъ. Въ лекціяхъ, которыя читалъ Базаръ съ одобренія другихъ С.-Симонистовъ, мы находимъ совершенно опредѣленное признаніе за работникомъ права на весь продуктъ его труда. Это право не формулируется такъ прямо, какъ у Томсона и нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ писателей, но содержится въ положеніи С.-Симонистовъ, что здравый общественный порядокъ требуетъ награды каждаго, согласно съ его заслугами. Изъ этого положенія дѣлается выводъ, что право собственности въ его современномъ состояніи должно быть отмѣнено, ибо оно позволяетъ людямъ, владѣю-

щимъ землею и капиталомъ, проводить жизнь въ полной праздности и угнетать рабочіе классы. Современное право собственности должно быть замѣнено другими учрежденіями. С.-Симонисты даютъ въ своей программѣ такое исповѣданіе вѣры. „Мы хотимъ отмѣны всѣхъ наслѣдственныхъ привилегій безъ исключенія; мы хотимъ освобожденія работниковъ и отмѣны праздности, которая пятнаетъ ихъ; мы хотимъ, чтобы пользовались почестями, уваженіемъ и довольствомъ только тѣ люди, которые кормятъ народъ, просвѣщаютъ его, возбуждаютъ своимъ вдохновеніемъ, т. е. промышленники, ученые и художники; мы хотимъ, чтобы пожиналъ тотъ, кто сѣетъ; чтобы плоды труда рабочихъ классовъ не были похищаемы праздными классами, которые ничего не дѣлаютъ, ничего не знаютъ, никого не любятъ, кромѣ самихъ себя... Мы хотимъ постепенной отмѣны всякой дани, которую трудъ платитъ праздности подъ разными наименованіями найма земли, промышленныхъ заведеній и капиталовъ [129])».

Одновременно съ С. Симонистами, образовавшими многочисленную школу, Бюшезъ начертываетъ практическіе планы, въ которыхъ выражается признаніе, что прибыль и рента—продукты чужаго труда. Хозяйственный бытъ грядущаго общества представитъ въ томъ рѣзкое отличіе отъ современнаго порядка вещей, что не будетъ частной собственности на орудія производства. Всѣ люди, какъ сотрудники, будутъ пользоваться общимъ капиталомъ; каждый будетъ получать вознагражденіе, соразмѣрное со своимъ трудомъ. Не ожидая осуществленія такого строя въ близкомъ будущемъ, Бюшезъ предлагаетъ учрежденіе производительныхъ товариществъ, которыя должны служить дѣлу постепеннаго освобожденія рабочаго класса. Недѣлимость и неотчуждаемость капитала этихъ товариществъ служитъ ручательствомъ, что товарищества будутъ принимать къ себѣ все больше рабочихъ и освобождать ихъ отъ эксплоатаціи въ частныхъ предпріятіяхъ [130]).

Воззрѣнія Бюшеза стали извѣстны въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ. Къ 40-мъ же годамъ они замѣтно усваиваются научной средой. Луи Бланъ въ своей «Организаціи Труда» не установляетъ теоретическихъ положеній, которыя мы нашли у Томсона и другихъ; онъ прямо заявляетъ о непригодности современнаго общественнаго строя для всѣхъ членовъ общества и требуетъ основанія производительныхъ артелей, которыя постепенно охватили бы все населеніе. Дабы это преобразованіе совершилось спокойно, Луи Бланъ предоставляетъ капиталистамъ право вступать въ товарищества со своими капиталами; товарищества готовы уплачивать имъ рыночный процентъ. Однако, товарищества захватятъ постепенно всю сферу промышленности; частныя предпріятія должны будутъ прекратить свою дѣятельность [131]).

Германія отстала въ экономическомъ развитіи отъ Англіи и Франціи, а потому отмѣченныя идеи начали гораздо позднѣе проникать въ германскую науку. Однако, въ письмахъ Родбертуса къ Кирхману—это было въ началѣ 50-хъ годовъ—проводятся мысли, однородныя съ ученіемъ Томсона и С.-Симонистовъ. Родбертусъ освѣщаетъ это положеніе ссылкою на рабовладѣльческое хозяйство. Земля, всѣ орудія производства и самъ работникъ принадлежатъ господину на правѣ частной собственности. При этомъ нормально поступленіе господину всей доли доходовъ, которая остается за прокормленіемъ рабовъ. Но вотъ рабъ становится свободнымъ. Свобода измѣняетъ положеніе труженика въ юридическомъ смыслѣ, но вовсе не измѣняетъ отношенія этого труженика къ продукту. Право собственности на землю и капиталъ ведетъ къ тому, что продуктъ принадлежитъ собственнику орудій производства, и работникъ получаетъ, въ видѣ денежной платы, только часть продукта. Выходитъ, что работникъ

вноситъ въ производство и количества труда, а получаетъ плату только за ½ п. Такой исходъ неизбѣженъ для работника. Еслибы труженики не хотѣли подчиняться такимъ условіямъ, то, получивъ личную свободу, не знали бы, что предпринять. Работники были освобождены нагими или только въ рубищѣ; они не имѣли ничего, кромѣ своей рабочей силы. Съ отмѣной рабства или крѣпостного состоянія исчезла нравственная и юридическая обязанность господъ заботиться о прокормленіи работниковъ. У нихъ остались потребности; они должны были жить. Какъ же должны они были заботиться объ этой жизни при помощи рабочей силы? Брать изъ находящагося въ обществѣ капитала и производить съ его помощью нужное для своего содержанія? Но капиталъ, находящійся въ обществѣ, принадлежалъ не имъ, а другимъ, и блюстители „права“ не потерпѣли бы этого. Голыми руками вырывать себѣ сырой матеріалъ изъ нѣдръ земли, дабы образовать для себя новый капиталъ? Если бы даже это могло удаться имъ, то сама земля, даже не воздѣланная, принадлежала другимъ, а не имъ, и блюстители „права“ также не потерпѣли бы этого. Что оставалось имъ дѣлать въ этомъ положеніи? Была только одна альтернатива: или ниспровергнуть право общества или при хозяйственныхъ условіяхъ, приблизительно сходныхъ съ прежними, но въ иномъ юридическомъ положеніи, вернуться къ прежнимъ господамъ, владѣльцамъ земли и капитала, и получать отъ нихъ, какъ заработную плату, то, что они получали ранѣе, какъ кормъ [132])». Освѣщеніе экономическихъ явленій при помощи фактовъ прошлаго побуждаетъ Родбертуса заключить, что изъ общей массы народнаго дохода получаютъ долю люди, которые не принимаютъ въ трудѣ никакого участія. Присвоеніе этими людьми ренты и прибыли экономически возможно, ибо трудъ работниковъ настолько производителенъ, что позволяетъ содержать и неработающихъ; оно возможно и юридически, вслѣдствіе права собственности неработающихъ на землю и капиталъ.

Вотъ мысли, которыми все болѣе наполнялась научная среда къ тому времени, когда Марксъ написалъ свою *Критику политической экономіи*. Подготовительной ступенью для его ученія объ избыточной цѣнности служили также впечатлѣнія, которыя онъ получалъ въ Англіи съ 50-хъ годовъ самъ, а съ половины 40-хъ годовъ черезъ посредство Энгельса. Заглянувъ въ книгу Энгельса *Положеніе рабочаго класса въ Англіи*, мы безъ труда поймемъ, что наблюденные факты послужили важнымъ пособіемъ для воспріятія мыслителями ученій, которыя слагались въ научной средѣ. Энгельсъ, пріѣхавъ въ Англію, былъ пораженъ картиной хозяйственныхъ успѣховъ, которые сдѣлала эта страна. Сопоставляя ее съ Германіей, онъ рисуетъ намъ послѣднюю, какъ страну мелкаго производства, съ рабочими, разсѣянными по отдѣльнымъ мастерскимъ, съ незначительными городами, съ едва начинающимся приложеніемъ тѣхъ способовъ труда, которые уже сдѣлались достояніемъ новѣйшей техники. Въ Англіи же главныя отрасли промышленности такъ подвинулись впередъ, что стали неузнаваемы. За нѣсколько десятковъ лѣтъ страна покрылась сѣтью каналовъ; желѣзныя дороги соединили Лондонъ съ главными городами; число пароходовъ перешло за 500; города, еще недавно совсѣмъ ничтожные, выросли въ огромные торгово-промышленные центры; сельское хозяйство отступило на задній планъ, и ⅔ населенія привлечены къ промышленнымъ занятіямъ. Словомъ, исторія Англіи отъ конца 18 вѣка не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ лѣтописяхъ человѣчества.

Подъемъ благосостоянія напоминаетъ о себѣ въ городахъ на каждомъ шагу: по окраинамъ, вдали отъ фабричныхъ трубъ, высятся палаты фабрикантовъ, устроенныя съ тѣмъ удобствомъ и изяществомъ, которыя

сдѣлала возможными техника новаго времени. А рабочіе? Энгельсъ изображаетъ ихъ бытъ во многихъ городахъ. Онъ обходитъ рабочіе кварталы Лондона, изучаетъ положеніе бѣднаго люда въ Дублинѣ, несравненномъ по красотѣ мѣстоположенія, въ Эдинбургѣ, Гласго, Ноттингэмѣ, Бирмингэмѣ, Лидсѣ, Брадфордѣ и другихъ и повсюду наблюдаетъ картины, приводящія въ ужасъ людей, которыхъ трогаютъ страданія ближняго. Энгельсъ ведетъ насъ въ С.-Джильсъ; окруженный широкими блестящими улицами, онъ лежитъ въ самой населенной части Лондона. Трехъ- и четырехъэтажные дома, натискивающіеся одинъ на другой, биткомъ набитые людьми отъ подваловъ до крышъ, противны снаружи, грязны внутри, вообще, имѣютъ такой видъ, что, кажется, люди не могутъ жить въ нихъ. Изъ подвальныхъ этажей выглядываетъ много дѣтскихъ лицъ съ печатью крайняго изнуренія. Въ другихъ кварталахъ находимъ десятки тысячъ людей помѣщенными такъ, что мужчины, женщины и дѣти, родственники и люди, чужіе другъ другу, скучены безъ всякаго порядка. На скамьяхъ подъ деревьями, которыя высятся почти предъ окнами королевскаго дворца, каждую ночь спятъ люди, не знающіе, куда преклонить голову. То же въ Дублинѣ. Обширные кварталы, населенные рабочими, по грязи, неудобообитаемости домовъ, крайнему отсутствію чистоты на улицахъ и дворахъ, превосходятъ все, что можетъ создать самое пылкое воображеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ меньше, чѣмъ на 400 маленькихъ каморокъ, приходится болѣе 1300 обитателей. Описаніе Эдинбруга переноситъ читателя въ захудалую русскую деревню: на постеляхъ ночуютъ куры; собаки и лошади часто помѣщаются въ одной комнатѣ съ людьми; почти во всѣхъ жилищахъ рабочаго квартала невыносимая грязь, зловоніе, миріады насѣкомыхъ. Такъ какъ въ этой части города вовсе нѣтъ сточныхъ канавъ и особыхъ мѣстъ для нечистотъ, то отбросы отъ 50.000 людей загрязняютъ улицы. Гласго производитъ своими рабочими кварталами такое впечатлѣніе, что оставляетъ позади себя даже худшія части Лондона, Дублина и другихъ городовъ. Эти мѣста—безконечный лабиринтъ узкихъ улицъ, въ которыя почти на каждомъ шагу выходятъ дворы или тупики, застроенные ветхими домами; дома дурно провѣтриваются, не имѣютъ проведенной воды, полуразрушены. Эти дома буквально запружены людьми; они служатъ жильемъ 3—4 семействамъ въ каждомъ этажѣ . . . иногда въ одной комнатѣ скучены 15—20 человѣкъ. Эти части города даютъ пріютъ самому бѣдному и развращенному населенію; онѣ служатъ источниками тѣхъ страшныхъ эпидемическихъ горячекъ, которыя разносятъ опустошенія по всему Гласго [133]). Такія же характеристики даны были всѣмъ другимъ городамъ, знакомымъ автору. А въ подробномъ описаніи Манчестера, который былъ особенно хорошо извѣстенъ Энгельсу, цѣлыя группы улицъ рисуются самыми мрачными красками. Таково жилище англійскаго работника. Что же ѣстъ онъ? На его долю выпадаютъ съѣстные припасы самаго дурного качества; при ничтожномъ доходѣ онъ и не смѣетъ требовать ничего хорошаго: вмѣсто свѣжаго мяса, ему продаютъ соленое, вмѣсто чистаго сахара—сахаръ, смѣшанный съ толченымъ рисомъ и разными отбросами; вмѣсто чистаго молотаго кофе—кофе съ цикоріемъ или соромъ, табакъ съ разными примѣсями и т. п. Вотъ что можно было вычитать изъ книги писателя, который, стараясь быть безпристрастнымъ, вовсе не хотѣлъ поднимать работника на пьедесталъ, дѣлать его носителемъ всякихъ добродѣтелей. Напротивъ, онъ приписываетъ рабочему классу Англіи крупные пороки: наклонность къ пьянству и распутству [134]).

Такова научная среда, подготовившая ученіе Маркса о безмездномъ присвоеніи землевладѣльцами и капиталистами доли труда, который продаютъ имъ работники. Воззрѣнія, въ теченіе 30 лѣтъ все чаще и чаще

высказываемыя въ литературѣ, давали чуткому мыслителю цѣнный матеріалъ для дальнѣйшихъ надстроекъ. Множество данныхъ для провѣрки этихъ положеній представляла именно Англія. Высокое развитіе ея техники, богатство и радости жизни съ одной стороны и нищета, невѣжество, угнетенность, съ другой—говорятъ неотвязно, что этимъ богачамъ, владѣльцамъ латифундій и фабрикантамъ-милліонерамъ, которые или работаютъ по конецъ рукъ или проводятъ жизнь въ полной праздности, не имѣть и небольшой части ихъ благополучія безъ дароваго присвоенія крупной доли чужого труда.

Итакъ, добрыхъ 50 лѣтъ слагалось ученіе, которое нашло въ Марксѣ великаго выразителя. Напрасно думать, что новое ученіе подготовлялось отдѣльными писателями и оставалось въ тѣсномъ кругу: изобильная соціалистическая литература, брошюры и повременныя изданія проводили это ученіе въ массы и постепенно измѣняли среду, дѣлали ее воспріимчивой для новыхъ воззрѣній на общественный доходъ. Вліяніе научной среды на Маркса не ограничивается тѣмъ, что было сдѣлано до него въ соціалистической литературѣ; вліяніе шло и съ другихъ сторонъ. Въ мірѣ фактовъ наступили крупныя перемѣны; всѣ отрасли знанія сдѣлали успѣхи. И все это облегчило Марксу рѣшеніе задачи, которая была не по силамъ для его предшественниковъ. Къ началу второй половины XIX столѣтія въ сферѣ промышленности обнаружились явленія, которыя съ особенной очевидностью доказывали, что прибыль капиталиста есть только присвоенная имъ доля чужого труда. Преобладаніе мелкаго производства въ концѣ XVIII столѣтія еще не позволяло прибыли предпринимателя выдѣлиться въ самостоятельную вѣтвь народнаго дохода. Первыя десятилѣтія XIX вѣка въ промышленности господствовали почти исключительно единоличныя капиталистическія предпріятія, дававшія хозяину довольно широкій просторъ для вмѣшательства въ дѣла, для обнаруженія трудолюбія, предпріимчивости и другихъ дарованій. Словомъ, состояніе промышленности благопріятствовало тому, что наука цѣпко держалась за предразсудокъ о самостоятельномъ происхожденіи прибыли. Съ половины XIX вѣка единоличныя предпріятія все чаще и чаще замѣняются акціонерными. Все болѣе расширяется поле, на которомъ можно наблюдать, что капиталисты стоятъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ предпріятій и ограничиваютъ свое участіе въ нихъ только полученіемъ прибыли. Акціонерныя общества, будучи наиболѣе удобнымъ полемъ для наблюденія того, какъ ошибочно считать прибыль самостоятельнымъ видомъ дохода, облегчили соотвѣтствующіе выводы и для единоличныхъ капиталистическихъ предпріятій. Такимъ образомъ, фактъ, что ученіе объ избыточной цѣнности, производимой работникомъ и присваиваемой капиталистомъ, несравненно полнѣе развито у Маркса, чѣмъ у Томсона, объясняется не столько умственнымъ превосходствомъ Маркса надъ послѣднимъ, сколько тѣмъ, что въ 50-хъ годахъ, когда созидалось ученіе Маркса, вся жизнь гораздо болѣе благопріятствовала выработкѣ этого ученія, чѣмъ въ 20-хъ годахъ, когда писалъ Томсонъ. Напомнимъ еще объ одномъ условіи, которое въ это же время способствовало укрѣпленію взгляда на ренту, какъ долю присвоеннаго продукта чужого труда. Когда прибыль сводилась къ труду и искусству капиталиста, то на ренту—еще отъ физіократовъ—смотрѣли, какъ на доходъ, вовсе не связанный съ трудомъ собственника земли. Но священность и неприкосновенность этого дохода стояли, казалось, внѣ спора потому, что рента создается особыми силами, которыя природа вложила въ землю, а право частной собственности на землю и присущія ей производительныя силы представлялось фактомъ, который освященъ разумомъ и служитъ однимъ изъ устоевъ правильнаго гражданскаго быта.

Научная мысль наносила этимъ заблужденіямъ все болѣе тяжкіе удары. Критика права частной собственности и права отдѣльныхъ лицъ на земельную ренту стала получать особенную убѣдительность съ тѣхъ поръ, какъ историческія изысканія все болѣе знакомили европейское общество со строемъ землевладѣнія въ разные историческіе періоды, все больше и больше раскрывали обстановку, въ которой совершался переходъ общинной земли въ частную собственность. Историческія изслѣдованія, предпринимаемыя безъ опредѣленныхъ политическихъ программъ и внѣ партійныхъ соображеній, показывали, что право частной собственности на землю не есть созданіе разума, парящаго недосягаемо высоко надъ исторической дѣйствительностью, а результатъ грубой силы. Историческія изысканія обнаруживали все болѣе ярко, что пониманіе ренты, какъ самостоятельнаго вида народнаго дохода, есть устарѣвшій предразсудокъ, который долженъ быть сданъ въ музей древностей, что производительныя силы почвы, сами по себѣ, еще не создаютъ ренты, тѣмъ болѣе, не объясняютъ, почему она поступаетъ въ собственность частныхъ лицъ. Сенъ-Симонъ, руководствуясь только тѣми общими знаніями, которыя давала наука его времени, сводилъ право частной собственности къ законамъ и отмѣчалъ историческую измѣняемость этихъ законовъ. Прудонъ, при помощи общихъ и нерѣдко туманныхъ представленій о томъ, какъ развивалось въ исторіи право собственности, говорилъ, что собственность есть воровство. А Марксъ уже могъ, ссылаясь на примѣръ герцогини Сетерлэндъ и другихъ, очистившихъ свои владѣнія отъ людей и населившихъ ихъ овцами, показать, какъ возникло частное землевладѣніе.

Научная среда, совпадающая съ соціализмомъ, и другія отрасли знанія, по крайней мѣрѣ, цѣлыхъ 50 лѣтъ подготовляли почву, на которой выработалось экономическое ученіе Маркса. Воздѣйствуя на среду, новое ученіе стало распространяться не сразу. Можно сказать, что 60-е и 70-е года были временемъ, когда ученіе Маркса, конечно, имѣвшее послѣдователей, пользовалось умѣреннымъ вліяніемъ. Однако, за это время въ научной средѣ накопилось много данныхъ, которыя облегчили марксизму дальнѣйшее господство надъ умами. Именно съ 70-хъ годовъ являются одно за другимъ многочисленныя изслѣдованія, которыя проливаютъ свѣтъ на бытъ рабочихъ нашего времени, на выдѣленіе частныхъ земельныхъ владѣній изъ первобытной общины, на формы насилія, посредствомъ которыхъ имущіе классы въ теченіе исторіи удерживали власть надъ неимущими. Исторія хозяйственнаго быта, исторія права, статистика неутомимо работали надъ тѣмъ, чтобы вліять на научную среду, постепенно измѣнять ее и все болѣе расчищать путь для убѣжденія, что только трудъ является первоначальнымъ и экономически самостоятельнымъ источникомъ дохода.

Мы скажемъ то же и о другихъ положеніяхъ Маркса. Къ его имени сводятъ ученіе о борьбѣ классовъ. Несомнѣнно, его заслуга въ выработкѣ этого ученія очень велика; однако, было бы несправедливо забывать о предшественникахъ, которые подготовили научную среду къ воспріятію этого ученія. Какъ ни далекъ Марксъ отъ преувеличенія заслуги Мальтуса, однако послѣдній со своимъ закономъ населенія отлично воздѣлалъ почву, на которой могло сложиться ученіе о борьбѣ классовъ: Мальтусъ правильно отмѣтилъ состояніе борьбы, въ которомъ находятся отдѣльныя группы людей изъ-за средствъ продовольствія, и послѣдствія, вытекающія изъ этой борьбы. Констатированіе того, что происходило на зарѣ исторіи, что совершается теперь въ первобытныхъ обществахъ и странахъ высокой культуры, сдѣлано съ такою точностью, что не напрасно стало въ экономической литературѣ ходячимъ мѣстомъ. Заслуги Мальтуса въ собраніи и

классифицированіи фактовъ неоспоримы: онъ правъ, обобщая эти факты понятіемъ о борьбѣ за существованіе. Но онъ несостоятеленъ, игнорируя эту борьбу, какъ явленіе общественное, связанное съ формами хозяйственнаго быта; онъ не правъ, считая эту борьбу предустановленной отъ начала міра, неустранимой ни при какомъ общественномъ устройствѣ и способной уступить мѣсто только борьбѣ человѣка съ самимъ собою, со своими физіологическими влеченіями. Мальтусъ сдѣлалъ большую и цѣнную работу, на половину черновую; она давала отличный матеріалъ для новаго освѣщенія борьбы классовъ, какъ борьбы исторической, т. е. неразрывно связанной съ даннымъ общественнымъ строемъ и измѣняющейся по мѣрѣ перемѣнъ въ этомъ строѣ. Соціализмъ, отвергая предустановленную гармонію, уже отъ первыхъ представителей выравнивалъ почву для того, чтобы сложилось ученіе о борьбѣ классовъ. У Луи Блана это ученіе является достаточно развитымъ. Хотя онъ нигдѣ не формулируетъ борьбу, происходящую въ обществѣ, какъ борьбу классовъ, однако, его мысль, что можно достигнуть экономическаго преобразованія только посредствомъ политической реформы, посредствомъ расширенія политическихъ правъ, доказываетъ ясность его представленія о борьбѣ классовъ. Разъ измѣненія общественнаго строя, выгодныя для массы населенія, не могутъ совершиться безъ пріобрѣтенія народомъ широкихъ политическихъ правъ, то, значитъ, нельзя разсчитывать, чтобы улучшенія сдѣлались сами собою, были дарованы свыше, имущими и господствующими классами. Предполагается, что народъ, владѣя политическими правами, будетъ бороться съ господствующими классами, будетъ стремиться пріобрѣсти выборами въ законодательныя собранія такихъ представителей, которые стояли бы за интересы бѣдныхъ. Наконецъ, ближайшимъ предшественникомъ Маркса является Консидеранъ. Онъ издалъ въ 1847 году манифестъ демократіи XIX вѣка; борьба классовъ характеризована въ этомъ манифестѣ яркими чертами [135]).

Такимъ образомъ, еще задолго до изданія «Коммунистическаго Манифеста» въ литературу была брошена идея борьбы классовъ. Сама жизнь давала отличный матеріалъ, дабы провѣрить эти положенія и обосновать ихъ. Революція 1848 года явилась, именно, такою странипей. Здѣсь обнаружилась особенно отчетливо борьба многочисленныхъ общественныхъ группъ, представляющихъ классы неимущіе, малоимущіе и богатые со всѣмъ разнообразіемъ формъ, которыя принимаетъ имущество. Революція 1848 года была для наблюдательнаго ума, какъ бы, превосходной лабораторіей, гдѣ можно было за короткое время изучить борьбу классовъ.

Вотъ обстоятельства, облегчившія Марксу формулировать это ученіе. Сказаннаго достаточно, дабы понять, что научная среда, въ которой появилось это ученіе, подготовляла его, что уже было налицо много элементовъ, которые помогли ему окрѣпнуть. Не слѣдуетъ думать, что это ученіе за короткое время измѣнило научную среду, стало господствующимъ, или, по крайней мѣрѣ, очень вліятельнымъ. Главное, что Марксъ сказалъ о борьбѣ классовъ, было выражено имъ въ теченіе 6 лѣтъ, отъ 1845 года, когда появилась его „Нищета Философіи“, до 1851 года, когда онъ напечаталъ рядъ статей о борьбѣ классовъ во Франціи при второй республикѣ. Онъ мало добавилъ къ этому въ своихъ позднѣйшихъ или главныхъ сочиненіяхъ. И, однако, прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ это ученіе стало измѣнять научную среду. Изъ дѣятельности Лассаля ясно, насколько научная среда была еще недостаточно подготовлена для усвоенія этого ученія вслѣдъ за тѣмъ, какъ оно было высказано. Находившійся подъ вліяніемъ научныхъ трудовъ Маркса и непосредственнымъ

вліяніемъ его личности, Лассаль еще въ 1863—64 годахъ, чуть не чрезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ Марксъ пустилъ въ литературный оборотъ это ученіе, серьезно вѣрилъ, что прусская монархія совершитъ крупный хозяйственный переворотъ. Есть полное основаніе называть крупнымъ переворотъ, производимый на ссуду въ 100 милліоновъ талеровъ. Вообще, проницательный Лассаль былъ въ этомъ отношеніи близорукъ: если бы онъ освоился съ идеей борьбы классовъ, то, поясняя общее положеніе на примѣрѣ Пруссіи, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ, онъ понялъ бы, что монархія, разъ она не отрицаетъ самой себя, не можетъ быть сторонницей крупнаго экономическаго преобразованія въ духѣ соціализма. Борясь съ Шульце-Деличемъ, Лассаль отвергалъ возможность для работниковъ улучшить бытъ на началахъ самопомощи и взывалъ къ содѣйствію государства. Здѣсь-то и обнаруживается съ полной ясностью, что у него не было отчетливаго представленія о борьбѣ классовъ. Для его производительныхъ артелей нужно всего 100 милліоновъ талеровъ; увеличиваясь изъ сложныхъ процентовъ, они дадутъ въ недалекомъ будущемъ капиталъ, способный занять сотни тысячъ работниковъ и постепенно преобразовать все производство. Правда, Лассаль не считалъ производительныхъ артелей послѣднимъ словомъ преобразованія хозяйственной жизни; онѣ являются началомъ, практической мѣрой для измѣненія къ лучшему быта рабочихъ; послѣдующія поколѣнія будутъ продолжать созидательную работу на этомъ фундаментѣ. Хотя эта мѣра не имѣетъ всецѣлебнаго значенія, однако, она очень крупна; но Лассаль былъ увѣренъ, что на пути къ ея осуществленію не встрѣтится большихъ препятствій. Прежде всего Лассаль старается доказать, что въ Пруссіи казнѣ не трудно будетъ найдти эти 100 милліоновъ: вѣдь, находитъ же государство гораздо болѣе крупные капиталы для содѣйствія буржуазіи въ веденіи промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Но мало того: государство находитъ гораздо большія средства для веденія войнъ; а сколько войнъ было ведено по самымъ ничтожнымъ поводамъ! Не можетъ быть сомнѣнія, что у государства найдутся средства для поддержанія артелей, основанныхъ рабочими. Но дастъ ли государство? Существеннымъ пунктомъ агитаціонной дѣятельности Лассаля служило возбужденіе въ рабочемъ классѣ вниманія къ необходимости пріобрѣсти политическія права, положить въ основу законодательнаго собранія общее и прямое избирательное право. Хотя Лассаль и говорилъ, что избирательное право, распространенное на всѣ классы населенія, приведетъ къ тому, что пролетаріатъ будетъ составлять въ законодательныхъ собраніяхъ 80—90%, однако, онъ понималъ, что такое преобладаніе бѣдныхъ классовъ не можетъ быть достигнуто въ близкомъ будущемъ. Планъ же производительныхъ артелей былъ поставленъ на очередь; можно было разсчитывать, что прусское государство будетъ содѣйствовать осуществленію этого плана теперь же, до преобразованія избирательнаго права. Это доказывается значеніемъ, которое Лассаль придавалъ отвѣту прусскаго короля депутаціи силезскихъ ткачей. Отвѣтъ не выходилъ за предѣлы общихъ выраженій, а Лассаль истолковывалъ его, какъ признаніе королемъ того, что существуетъ рабочій вопросъ; онъ вычитывалъ изъ королевскаго отвѣта обѣщаніе упорядочить этотъ вопросъ законодательно и смягчить нужду работниковъ. Наконецъ, онъ крайне преувеличилъ готовность прусскаго правительства поддерживать рабочихъ матеріально: основаніемъ для его вывода, что прусское правительство откроетъ производительнымъ артелямъ необходимый кредитъ, служило выраженное Бисмаркомъ намѣреніе выдать отъ казны 30.000 талеровъ для артели рабочихъ машиностроителей. Довѣріе Лассаля прусскому правительству вытекало изъ его воззрѣнія на природу государства. Онъ былъ слишкомъ

уменъ и ученъ, чтобы не знать измѣненій, которыя переживало государство въ теченіе исторіи. Онъ принималъ участіе въ революціонномъ движеніи 1848 года, а потому убѣдился собственнымъ опытомъ, что современное государство не избираетъ для своей дѣятельности путей, которые ведутъ къ наиболѣе полному осуществленію интересовъ большинства населенія. Но метафизическая философія права лежала на немъ тяжелымъ бременемъ. Въ его представленіи идея государства имѣла неизмѣнное содержаніе: въ государствѣ воплощались всѣ добродѣтели человѣчества. Лассаль различаетъ типы, въ которые выливалось государство разныхъ историческихъ періодовъ; онъ говоритъ, что рабочій классъ имѣетъ о государствѣ совсѣмъ иное представленіе, чѣмъ буржуазія. Но старая философія права держитъ его въ своихъ тискахъ: онъ вѣритъ, что государство во всѣ времена, даже помимо воли правителей, рѣшало задачи, которыя соотвѣтствуютъ ему, какъ высшему нравственному существу [136]). А вѣрить этому—значитъ признавать государство силой, способной установить гармонію между разными группами населенія, т. е. забывать о борьбѣ классовъ, какъ всеобщей формѣ, въ которой совершается движеніе человѣчества впередъ.

Не будемъ удивляться этому. И жизнь, и научная литература дали въ половинѣ 19 столѣтія довольно матеріала, чтобы установить главныя положенія о борьбѣ классовъ. Но они дали его еще слишкомъ мало, чтобы ученіе могло пріобрѣсти власть надъ многими умами. Со второй половины 19 столѣтія жизнь доставляетъ все болѣе матеріала для упроченія и популяризованія этой идеи. Союзы рабочихъ получаютъ все большое развитіе. Устраиваются исполинскія стачки, которыя даютъ рабочему классу случай дѣлать крупныя завоеванія. Въ странахъ, имѣющихъ всеобщее и прямое избирательное право, соціалъ-демократическая партія растетъ. Ей далеко до побѣды, но она посылаетъ въ законодательныя собранія все больше и больше представителей, все громче и громче напоминаетъ о нуждахъ народа, все настойчивѣе требуетъ того, что соотвѣтствуетъ интересамъ обездоленныхъ массъ, и заставляетъ господствующіе классы быть все болѣе и болѣе осмотрительными при проведеніи мѣръ, которыя удовлетворяютъ ихъ узкіе классовые интересы. Картина классовой борьбы, ведомой на многихъ пунктахъ, становится въ послѣднія десятилѣтія вразумительной и среднему уму тѣмъ болѣе, что борьба ведется сознательно и разнообразныя культурныя пріобрѣтенія являются слѣдствіемъ не такого движенія, какое наблюдалось въ предыдущіе періоды. Тогда въ основѣ мѣры, отвѣчавшей на потребности массы, было не активное движеніе массъ (какъ, напримѣръ, при переходѣ отъ крѣпостного состоянія деревни къ личной свободѣ крестьянъ), а пассивное сопротивленіе: народъ не хотѣлъ работать съ энергіей, которая была необходима для измѣнившихся условій государственной жизни и которая, вообще, недостижима при крѣпостномъ трудѣ. Господствующіе классы, дабы получать отъ крестьянина болѣе напряженный трудъ, должны были увеличить свое давленіе на поселянъ; но не было возможности увеличить его; крѣпостной упорно давалъ помѣщику не большій запасъ силъ, чѣмъ то было ранѣе. Форма, въ которой крѣпостной вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ, выражалась въ томъ, что правительство приняло активное участіе въ его пассивной борьбѣ; правительство поняло необходимость освободить крѣпостныхъ, дабы охранить интересы всего государства, въ частности, финансовъ. При такомъ состояніи борьба классовъ идетъ вяло; нѣтъ напряженія, которое дѣлало бы ее замѣтной для среды и укрѣпляло бы мысль, что борьба есть необходимое условіе общественной эволюціи. Иное дѣло,—когда многочисленныя массы, соединяясь въ стойкія организаціи, политическія

партіи, союзы рабочихъ, ведутъ борьбу по опредѣленному плану, сознанному во всѣхъ его подробностяхъ. Борьба дѣлается замѣтною для всѣхъ и помогаетъ ученію о борьбѣ классовъ войти въ общее сознаніе.

Помимо богатыхъ разнообразіемъ фактовъ, которые были даны жизнью за послѣднія десятилѣтія, распространенію идей Маркса о борьбѣ классовъ въ большой степени содѣйствовало ученіе Дарвина. Мысль Дарвина о борьбѣ за существованіе, все болѣе подчиняя себѣ міровоззрѣніе въ естественныхъ наукахъ, косвенно проложила путь и для ученія о борьбѣ классовъ. Такъ какъ дарвинизмъ связалъ въ одно неразрывное цѣлое идею эволюціи и идею борьбы за существованіе, такъ какъ научная среда проникалась воззрѣніемъ, что человѣкъ есть вѣнецъ живыхъ существъ, постепенно измѣнявшихся посредствомъ борьбы, то ученіе о борьбѣ классовъ становилось все болѣе понятнымъ: разъ борьба была необходимымъ условіемъ для того, чтобы изъ низшихъ видовъ образовался сложный видъ, который мы называемъ человѣкомъ, то она была необходима и для того, чтобы наши предки, стоявшіе на уровнѣ культуры каменнаго и бронзоваго вѣковъ, дошли до современнаго состоянія. Дѣло не въ принципѣ,— принципъ борьбы всегда одинъ и тотъ же—а въ формахъ его проявленія, столь же различныхъ въ человѣческомъ обществѣ и между видами низшихъ живыхъ существъ, сколько одна среда отличается отъ другой.

Итакъ, мы имѣемъ данныя для того, чтобы, не умаляя заслугъ Маркса, но и не впадая въ преувеличенія, объяснить, какъ среда подготовила ученіе о борьбѣ классовъ и какъ среда, научная и, въ болѣе широкомъ смыслѣ, общественная, испытывая многія вліянія, которыя шли съ разныхъ сторонъ, постепенно измѣнялась и дѣлалась воспріимчивой къ новому ученію.

Такъ же слѣдуетъ отнестись и къ третьей заслугѣ Маркса: матеріалистическому монизму, обоснованіе котораго связано съ его именемъ. Въ этомъ отношеніи предшественниками Маркса являются всѣ монистическія и, именно, матеріалистическія системы. Спеціально экономическій матеріализмъ, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ Маркса, имѣетъ родоначальниками энциклопедистовъ и другихъ писателей, выдвигавшихъ географическую среду, технику и измѣненіе нравовъ въ ряды наиболѣе могущественныхъ факторовъ культуры [137]). Но условія, при которыхъ созидалась научная система Маркса, были болѣе благопріятны для укрѣпленія мысли, что экономическія отношенія лежатъ въ основѣ другихъ фактовъ общественной жизни. Марксъ сдѣлалъ Англію предметомъ своего изслѣдованія; эта страна, благодаря экономическому росту отъ 18 столѣтія, позволяла лучше, нежели какая-либо другая, изучать хозяйственную жизнь въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Политическая свобода, обезпечивая развитіе печати, союзовъ, собраній для всѣхъ общественныхъ слоевъ, давала изслѣдователю случай наблюсти, что во всѣхъ проявленіяхъ жизни экономическіе интересы занимаютъ главное или, по крайней мѣрѣ, очень важное мѣсто. Развитая политическая жизнь представляла въ яркомъ свѣтѣ законодательную дѣятельность, позволяла прослѣдить въ каждомъ отдѣлѣ законодательства и относительно каждаго закона всѣ проходимыя имъ ступени, отъ первыхъ, неясныхъ догадокъ, что необходимо, именно, такое измѣненіе въ дѣйствующемъ правѣ, черезъ стадіи борьбы классовъ изъ-за проекта, до того дня, когда проектъ становился закономъ. Связь между экономическою жизнью и правомъ часто получала здѣсь самое яркое освѣщеніе. Организованіе промышленнаго пролетаріата въ союзы,— а это совершалось на глазахъ послѣднихъ поколѣній,—также давало отличную основу для упроченія того, что объединяется въ представленіи объ экономическомъ матеріализмѣ. Своимъ возникновеніемъ и развитіемъ

союзы рабочихъ могутъ быть легко сведены на ростъ крупной промышленности и, дальше, на измѣненія техники, которыя пошли быстрымъ темпомъ съ конца 18 столѣтія. А эти союзы, выросши изъ склада новѣйшей экономической жизни, могущественно вліяютъ на измѣненіе права и другихъ сторонъ культуры. То стачками, то мирнымъ соглашеніемъ между нанимателями и наемниками постепенно устанавливается цѣлый міръ новыхъ отношеній, почти неизвѣстныхъ тамъ, гдѣ рабочій классъ не организованъ. Возникаетъ множество новыхъ обычаевъ, вліятельныхъ въ этой средѣ, то свободно регулирующихъ отношенія между сторонами, то закрѣпляемыхъ санкціей закона. Внутри этихъ организацій совершается и другой процессъ—культурное поднятіе пролетаріата, его духовное развитіе, оно постепенно создаетъ новый типъ людей, неизвѣстный не только странамъ, экономически отсталымъ, но и отсталымъ отраслямъ промышленности въ странахъ высокой культуры. Съ тѣхъ поръ, какъ живетъ человѣчество, накоплялись наблюденія, въ жизнь входили новыя начала и измѣняли ее. И даже въ томъ періодѣ, который принято называть вѣкомъ полнаго застоя, между пятымъ и тринадцатымъ столѣтіями нашей эры, въ европейскомъ обществѣ совершались нѣкоторыя перемѣны. Но никогда, даже въ эпохи, которыя историки считаютъ временами наибольшаго блеска, за короткое время не вошло въ жизнь столько новыхъ фактовъ, какъ за каждое поколѣніе 19 столѣтія. Проницательный умъ прошедшихъ вѣковъ только отмѣчалъ важность географическихъ условій для развитія человѣчества, только счастливымъ афоризмомъ, что «человѣкъ есть животное, дѣлающее орудія», какъ бы предвосхищалъ научную систему, которая теперь все болѣе упрочивается въ умахъ; мыслящій же человѣкъ, на глазахъ котораго строились желѣзныя дороги, проводились телеграфы и развивалось океаническое пароходство, не могъ не отмѣтить, что эти факты, бывши въ своемъ основаніи измѣненіями техники, быстро измѣняли экономическую жизнь и вліяли на всѣ стороны культуры. За 40-лѣтній періодъ, между 1830 и 1870 годами, европейское общество измѣнилось больше, чѣмъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій въ предыдущіе періоды. Такимъ образомъ, въ области идей издавна слагались системы, которыя подготовляли почву для матеріалистическаго монизма, а въ сферѣ фактовъ произошло многое, что заставило обосновать экономическій матеріализмъ.

Однако, и съ этой философской системой, еще далекой отъ завершенія, случилось то, что съ другими ученіями Маркса. Гдѣ Марксъ набрасывалъ крупными штрихами ученіе о борьбѣ классовъ, тамъ же онъ говорилъ о способахъ производства, какъ основѣ общежитія и условіи, опредѣляющемъ всѣ стороны культуры. Впервые эти мысли были брошены въ *Нищетѣ философіи*. Прошло 35 лѣтъ; вся ученая дѣятельность Маркса была окончена; вышла въ свѣтъ книга Энгельса о Дюрингѣ, такъ удачно популяризующая идеи Маркса, явилась книга Энгельса о происхожденіи семьи и собственности,—и только съ этихъ поръ экономическій матеріализмъ сталъ оказывать большое вліяніе на научную среду. Значительная часть научной среды, усвоивъ это философское ученіе, начала класть его въ основаніе отдѣльныхъ изслѣдованій и дѣлать попытки въ смыслѣ дальнѣйшей работы надъ этимъ зданіемъ. Другая часть этой среды не пошла дальше эклектизма: она старалась примирить старое, по традиціи усвоенное ученіе, съ новой философіей. А третья, сознавая, что экономическій матеріализмъ идетъ впередъ отлично вооруженнымъ и грозитъ не оставить отъ старыхъ системъ камня на камнѣ, стала на путь борьбы съ нимъ въ надеждѣ отразить грознаго завоевателя. Словомъ, прошло нѣсколько десятилѣтій прежде, чѣмъ стала измѣ-

няться научная среда. И за этотъ, довольно продолжительный періодъ въ еще большемъ блескѣ и разнообразіи обнаружилось вліяніе перемѣнъ въ способахъ производства на всѣ стороны культуры. Именно за самое послѣднее время большіе города стали міровыми, городскіе центры стали привлекать къ себѣ все большія массы сельскаго люда и совершенно преобразовывать типъ не только горожанина, но и поселянина. Именно за самое послѣднее время распространеніе торговыхъ сношеній почти на весь земной шаръ способствовало выработкѣ типа космополита, еще недавно вовсе неизвѣстнаго. Именно за послѣднее время торговые договоры стали занимать выдающееся мѣсто во взаимныхъ сношеніяхъ государствъ. Вліяніе способовъ производства на успѣхи знанія, особенно астрономіи и естественныхъ наукъ, никогда не обнаруживалось такъ ярко, какъ теперь. Прогрессированіе производствъ, направленныхъ на изготовленіе орудій и машинъ сдѣлало возможнымъ устройство исполинскихъ телескоповъ, сооруженіе усовершенствованныхъ обсерваторій, богатое снабженіе химическихъ лабораторій, клиникъ и проч. Замѣтимъ также, что цѣлые отдѣлы экономическаго законодательства—фабричное, страховое, желѣзнодорожное,—заняли почетное мѣсто на ряду съ отдѣлами права, которые имѣютъ тысячелѣтнюю исторію.

Припомнимъ въ самыхъ краткихъ чертахъ перемѣны, которыя совершились въ общественной жизни и дали такой могущественный толчекъ для насыщенія научной среды положеніями экономическаго матеріализма.

Прежде всего—то, что наблюдается въ области народнаго хозяйства. Если мы возьмемъ для сравненія данныя 50-хъ и 90-хъ годовъ, то увидимъ, какимъ крупнымъ измѣненіямъ подверглись главныя стороны экономической жизни. Въ 1855 году. Европа имѣла только 34 052 километра желѣзныхъ дорогъ, Америка—31.693,—Азія—350, Австралія—38. А за 1890 годъ мы получаемъ для этихъ странъ такія цифры: 224.017, 354.901, 34.481 и 20548, т. е. даже въ Европѣ, которая относительно сдѣлала въ этой области наименѣе успѣховъ, протяженіе желѣзнодорожной сѣти увеличилось въ 7 разъ. Еще большое движеніе впередъ можетъ быть отмѣчено въ пароходствѣ: пароходы торговаго флота всѣхъ странъ имѣли въ 1860 году общую вмѣстимость въ 764 600.000 тоннъ, а для 1890 года мы получаемъ уже 9.043.200.000 тоннъ, т. е. въ 12 разъ больше. Параллельно съ этимъ развивалась и международная торговля: ея общій оборотъ не превышалъ въ 1860 году 14 милліардовъ рублей, тогда какъ въ 1890 онъ равнялся 34 милліардамъ; при этомъ цѣны большинства товаровъ были на 20—30% ниже, чѣмъ въ 1860 году, а цѣна чугуна и издѣлій изъ него упала почти на половину. Но эти факты еще не такъ дѣйствуютъ на наблюдателя, какъ расширеніе площади, занимаемой міровымъ рынкомъ. Въ началѣ второй половины XIX столѣтія внѣшняя торговля Соединенныхъ Штатовъ была совсѣмъ незначительна, едва достигала $^1/_{10}$ цѣнности, которую мы находимъ въ 1890 году. Южно американскія государства были просто географическими терминами; а въ началѣ 90-хъ годовъ ввозъ и вывозъ Аргентинской республики составляли цѣнность больше 350 милліоновъ рублей. Еще большое впечатлѣніе производитъ развитіе Австраліи. Австралійскія колоніи получили свое государственное устройство только въ 50 хъ годахъ. Будучи мѣстомъ для ссылки преступниковъ, онѣ пользовались до тѣхъ поръ очень дурной славой; ихъ внѣшняя торговля была въ 60-хъ годахъ совершенно ничтожна. А послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка онѣ заняли въ міровой торговлѣ очень видное мѣсто, съ цѣнностью ввоза и вывоза на сотни милліоновъ ежегодно: на одного жителя маленькой Викторіи цѣнность оборо-

товъ по внѣшней торговлѣ превышаетъ 200 рублей, т. е. гораздо больше, чѣмъ въ какой либо странѣ Стараго Свѣта. Но особенно выдающееся мѣсто заняла Японія. Въ 60-хъ годахъ было извѣстно только одно,—что это государство не охотно пускаетъ иностранцевъ въ свои предѣлы; а въ началѣ 90 хъ годовъ ея внѣшняя торговля уже давала больше 300 милліоновъ рублей (180 милліоновъ іенъ), причемъ предметами вывоза служили разнообразные товары, не только чай, рисъ, шелкъ-сырецъ, камфора, но и мѣдныя издѣлія, бумажныя ткани, спички, зонтики. Старый свѣтъ уже давно давалъ всѣ эти условія. Но и въ его хозяйственномъ быту накопились факты, которые дѣлаютъ его жизнь во многомъ несходною съ тѣмъ, что было въ началѣ второй половины XIX вѣка. Бросается въ глаза развитіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности. Таково, напримѣръ, машиностроеніе, успѣхами котораго обусловливается движеніе другихъ вѣтвей и знаменуется переходъ мелкаго производства въ крупное: если откинуть капиталы, затрачиваемые народами Европы въ желѣзныя дороги и судостроеніе, то окажется, что машиностроительное дѣло занимаетъ особенно видное мѣсто: изъ общей суммы капиталовъ, влагаемыхъ во вновь возникающія предпріятія, машиностроеніе требуетъ 10—20%. Еще большое впечатлѣніе производитъ примѣненіе новой силы электричества, возникновеніе электротехники: въ Германіи, которая особенно выдвинулась въ этой области, изъ 88 милліоновъ марокъ, затраченныхъ на учредительство въ 1894 году, 23 милліона были направлены на предпріятія по электротехникѣ, въ 1897 году 96 милліоновъ изъ 254. Изучающій жизнь Европы не можетъ не отмѣтить и другого явленія—быстраго развитія городовъ. Люди давно привыкли къ тому, что Лондонъ и Парижъ—столицы міра; какъ бы ни возросло ихъ населеніе, это не удивитъ никого. Но на воображеніе дѣйствуетъ ростъ городовъ, которые имѣли до послѣдняго времени второстепенное или еще меньшее значеніе: Берлинъ сталъ міровымъ городомъ; Петербургъ, Москва, Гамбургъ, Брюссель—очень большими. Въ каждой обширной странѣ можно насчитать добрый десятокъ городовъ, которые выросли въ крупныя средоточія промышленности и торговли.

Кто хотя поверхностно знакомъ съ прошлыми судьбами человѣчества, тотъ даетъ себѣ отчетъ въ условіяхъ, которыя вызвали это движеніе: успѣхи матеріальной жизни, если брать очень обширные періоды, совершались всегда; но они были медленны, частичны. Здѣсь же, на протяженіи 2—3 десятилѣтій міровое хозяйство испытываетъ перемѣны, которыя по степени своего вліянія на человѣчество не имѣютъ въ прошломъ ничего себѣ равнаго. А такъ какъ всѣ пріобрѣтенія экономической жизни стали быстро поступать въ оборотъ человѣчества послѣ подчиненія имъ себѣ силы пара и электричества, то становится необходимымъ выводъ, что именно измѣненія способовъ производства оказываютъ столь могущественное вліяніе на жизнь народа.

Параллельно съ этимъ наблюдаются и другіе факты, которые еще болѣе укрѣпляютъ такое направленіе мысли. Въ недавнемъ прошломъ повременная печать сплошь состояла изъ изданій политическихъ; предметами, заслуживающими вниманія, считалось то, что относится до вопросовъ такъ называемой высшей политики: дипломатическія сношенія между государствами, вопросы о войнѣ и мирѣ, побѣды либеральной партіи надъ консервативной и наоборотъ, смѣны министерствъ. За этими интересами отводилось мѣсто и другимъ, уже второстепеннымъ. Вопросы; технологіи считались такими, которые заслуживаютъ очень мало вниманія небольшое число журналовъ по сельскому хозяйству и промышленной технологіи были рѣдкими исключеніями. Въ концѣ XIX столѣтія выросла

огромная литература по всѣмъ отдѣламъ технологіи; изданія по техникѣ заняли въ періодической печати очень важное мѣсто. А въ Англіи и Америкѣ дѣлаютъ особенно много, дабы популяризовать техническія знанія. Эта перемѣна напоминаетъ человѣку нашего времени, что успѣхи техники не только имѣютъ очень большое значеніе для всей матеріальной жизни, но и живо интересуютъ многихъ людей, что, относительно, интересъ къ явленіямъ, связаннымъ съ этой областью, возросъ, быть можетъ, больше, чѣмъ интересъ къ другимъ областямъ.

Не нужно большой пытливости ума, дабы разгадать причины, которыя внесли существенныя перемѣны въ содержаніе законодательной и правительственной дѣятельности. Съ каждымъ десятилѣтіемъ въ этихъ сферахъ все болѣе крѣпнетъ убѣжденіе, что нужно отводить хозяйственнымъ вопросамъ очень много мѣста. Если подвести итоги дѣятельности любого парламента за цѣлый годъ, то окажется, что время и силы, которыя были затрачены на вопросы, не связанные непосредственно съ экономіей, занимаютъ очень скромный уголокъ по сравненію съ тѣмъ, что было отведено экономическимъ интересамъ. Какъ рѣзка, напримѣръ, разница между законодательными собраніями великой французской революціи, говорившими такъ много объ основныхъ, прирожденныхъ правахъ человѣка, работавшими съ такимъ стараніемъ надъ измѣненіемъ конституцій, и новѣйшими парламентами. Теперь прилагается къ дѣлу тѣмъ больше труда и тѣмъ болѣе необходимой считается спеціальная работа въ особыхъ комиссіяхъ, чѣмъ больше вопросъ связанъ съ хозяйственной жизнью. Отъ наблюдателя, сколько-нибудь внимательнаго, не ускользнетъ и то, что чисто экономическіе вопросы, въ которыхъ трудно отыскать хотя бы одну каплю «высшей политики», вызываютъ много столкновеній во внутренней жизни народа, много раздраженія; правительство негодуетъ и преслѣдуетъ людей, которые отличаются полною лояльностью и готовностью принести серьезныя жертвы для поддержанія существующаго порядка, а въ частности — правительственнаго строя. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о проведеніи канала въ Пруссіи, за послѣднее время очень занимавшій общественное мнѣніе Германіи. Не будемъ говорить о борьбѣ партій, которая была вызвана правительственнымъ проектомъ канала между Рейномъ и Эльбой: такой каналъ былъ бы невыгоденъ для землевладѣльцевъ, особенно, крупныхъ, и выгоденъ для всего населенія вслѣдствіе того, что онъ удешевлялъ бы на германскомъ рынкѣ продукты сельскаго хозяйства и другіе громоздкіе товары. Во всей исторіи съ каналомъ наиболѣе интересно то, что нѣкоторые чиновники, подававшіе въ прусскомъ ландтагѣ голосъ противъ правительственнаго проекта о прорытіи канала, были уволены отъ должности. Раздраженіе, которое вызвали эти люди своимъ отношеніемъ къ чисто хозяйственному вопросу, тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что всѣ эти люди,—конечно, преданные слуги правительства, готовые стоять горой за сохраненіе современнаго юридическаго порядка и государственнаго строя.

Мысль людей нашего времени останавливается также и на томъ, что въ сношеніяхъ между государствами хозяйственные интересы занимаютъ преобладающее положеніе. Торговые договоры являются наиболѣе важной составной частью международнаго права. Припомнимъ впечатлѣніе, которое произвела въ Германіи серія торговыхъ договоровъ, заключенныхъ этимъ государствомъ со многими державами въ 90-хъ годахъ: эти договоры, смягчившіе таможенное законодательство Германіи, вызвали въ странѣ большое ликованіе. Въ исторіи международныхъ сношеній Восточный вопросъ былъ, пожалуй, послѣднимъ, гдѣ экономическіе интересы

затемнялись политическими, а послѣдніе намѣренно затуманивались религіозными. Вопросы, возникшіе въ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка, не только имѣютъ, главнымъ образомъ, экономическое значеніе, но и выдаютъ его безъ всякихъ прикрасъ. Европо-китайскій вопросъ сводится къ тому, который изъ европейскихъ народовъ сумѣетъ распространить свою власть на большую территорію Китая и сдѣлать ее рынкомъ для сбыта своихъ товаровъ. Персидскій вопросъ имѣетъ такое же значеніе относительно Персіи: кто, — англичане, французы, нѣмцы или русскіе успѣютъ настроить въ этой странѣ желѣзныхъ дорогъ и продавать ей предпочтительно предъ другими свои товары и т. д.

Къ приведеннымъ примѣрамъ можно было бы пріобщить и много другихъ.

Наконецъ, образованіе новаго типа людей производитъ большое впечатлѣніе. Космополитизмъ сдѣлалъ наибольшіе успѣхи за самыя послѣднія десятилѣтія. Человѣкъ, родившійся въ одной странѣ, передвигается въ другую и приноситъ со своей родины въ новое мѣстопребываніе гораздо меньше привычекъ, меньше предразсудковъ, чѣмъ въ доброе старое время. Французъ находитъ, что въ Россіи жизнь не такъ неудобна, какъ казалась его отцамъ; нѣмецъ, прибывъ въ Японію, отыскиваетъ въ этой странѣ, едва отворившей цивилизаціи двери, много элементовъ, которые позволяютъ европейцу быстро освоиться въ ней. Многовѣковая замкнутость Китая сдѣлала его синонимомъ полной отчужденности отъ внѣшнихъ сношеній и свободы отъ всякихъ вліяній извнѣ. И онъ за послѣднее время отказался отъ своихъ старинныхъ традицій, пустилъ къ себѣ европейцевъ. Недавно сложившаяся тамъ прогрессивная партія возростаетъ числомъ членовъ членовъ и вліяніемъ, имѣетъ представителей даже въ высшихъ правительственныхъ кругахъ и требуетъ пріобщенія этого обширнаго царства къ европейской культурѣ. Словомъ, духъ космополитизма все больше охватываетъ цѣлые народы и передѣлываетъ человѣческій типъ, который былъ созданъ предыдущими вѣками. Космополитизмъ выражается какъ въ томъ, что народы обнаруживаютъ все большую склонность заимствовать другъ у друга и что черты сходства въ жизни народовъ умножаются все больше и больше, такъ и въ томъ, что въ условіяхъ жизни новой страны, отличныхъ отъ быта своей родины, человѣкъ находитъ меньше данныхъ для возбужденія враждебнаго чувства, презрѣнія, человѣконенавистничества. Невольно возникаетъ вопросъ: что вырабатываетъ новый типъ? Проповѣдь моралистовъ? Ясно, что не въ этомъ нужно искать причину. Проповѣдь о томъ, чтобы люди любили другъ друга, громко раздавалась уже много вѣковъ тому назадъ; и, однако, узко-національное чувство воздвигало между народами высокія преграды. Это чувство стало ослабѣвать не съ усиленіемъ проповѣди, а съ укрѣпленіемъ связи между народами; а связь укрѣпляли прежде всего усовершенствованные способы передвиженія. Проводниками новыхъ чувствъ въ гораздо меньшей степени являются миссіонеры, которые несутъ дикарямъ начала христіанства, чѣмъ технологи, промышленники, торговцы, рабочіе, даже путешественники; вслѣдствіе повсемѣстнаго развитія желѣзнодорожной сѣти эти люди передвигаются огромными массами въ страны, недавно еще совсѣмъ невѣдомыя, и, уже вслѣдствіе своей многочисленности, приносятъ домой много новыхъ впечатлѣній и получаютъ возможность дѣйствовать на обширную среду даже за предѣлами своей родины. — Вотъ совокупность явленій, которыя подготовили умы къ воспріятію началъ экономическаго матеріализма и способствовали распространенію этого ученія.

Не забудемъ, что и въ разныхъ отдѣлахъ литературы появились

труды, которые измѣняютъ научную среду и расчищаютъ путь для экономическаго матеріализма. Напомнимъ о трудахъ Мэна, Моргэна, Макъ-Леннана, Тэйлора и другихъ, показавшихъ на изслѣдованіи первобытныхъ обществъ первенствующее значеніе экономическихъ фактовъ въ общественной жизни. Напомнимъ о многомъ, что сдѣлала въ этомъ направленіи историческая литература.

Все изложенное должно было показать, что новыя идеи, поступая въ научную среду, измѣняютъ ее не сразу, что сама жизнь накопляетъ все больше явленій, которыя дѣйствуютъ на научную среду, заставляютъ ее измѣниться въ томъ направленіи, въ которомъ вліяетъ и новое ученіе. Послѣднее, имѣя своимъ творцомъ человѣка, болѣе проницательнаго, нежели средній представитель даннаго круга, уловляетъ смыслъ перемѣнъ въ общественной жизни даже тогда, когда новые факты выступаютъ въ довольно слабомъ освѣщеніи. Новое ученіе обобщаетъ явленія, которыя еще не вполнѣ распространены, но становится господствующимъ, измѣняетъ научную среду лишь послѣ того, какъ жизнь накопила множество фактовъ того же рода, какъ преобладаніе этихъ фактовъ начинаетъ бросаться въ глаза и научная мысль въ разныхъ отрасляхъ знанія дѣлаетъ однородные выводы. Все это помогаетъ новому ученію овладѣть умами.

VI.

Крупныя перемѣны въ общественной жизни, которыя не могутъ быть сведены къ одному лицу или даже цѣлой группѣ лицъ, хорошо выясняютъ, насколько историки и соціологи стараго типа преувеличиваютъ значеніе личности. Чья дѣятельность ни скрывалась бы подъ именемъ Моисея или Зороастра, мы навсегда сохранимъ въ памяти эти имена, неразрывно связанныя съ законодательствомъ евреевъ и персовъ. Съ чьимъ же именемъ связать освобожденіе крестьянъ въ Россіи? Историки, полагая, что краткій отвѣтъ есть и наилучшій отвѣтъ, связываютъ крестьянскую реформу съ именемъ Александра II. Внѣшнимъ образомъ историки, конечно, правы: Александръ II далъ санкцію закону 19 февраля 1861 года, а потому и можно называть это законодательство его именемъ. Насъ не удовлетворяетъ, однако, эта, чисто внѣшняя связь: намъ нужно одно лицо сильнаго, проницательнаго ума, которое было главнымъ виновникомъ этого закона, или, по крайней мѣрѣ, намъ нужно нѣсколько такихъ лицъ. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, на кого долженъ пасть нашъ выборъ. Если мы найдемъ въ этой средѣ одно или нѣсколько лицъ, подобныхъ Юлію Цезарю или Наполеону, то получимъ вѣское доказательство въ пользу того, что мудрость героя упразднила въ Россіи крѣпостное право и положила начало новому порядку вещей. Едва ли будетъ ошибочно утвержденіе, что перемѣны, внесенныя въ русскую жизнь освобожденіемъ крестьянъ, очень крупны. Но подобнаго лица мы не находимъ. Александръ II былъ человѣкомъ только средняго ума—не больше. Главные дѣятели въ крестьянской реформѣ — Милютинъ, Ростовцевъ, Соловьевъ и другіе — были просто умные и трудолюбивые люди. То же можно сказать о мѣстныхъ дѣятеляхъ —Самаринѣ, Унковскомъ, кн. Черкасскомъ и другихъ. Словомъ, въ рядахъ дѣятелей по крестьянской реформѣ можно насчитать десятокъ — другой умныхъ людей, преданныхъ дѣлу, трудолюбивыхъ. Было бы странно отыскивать въ комъ-либо изъ нихъ первоклассныя творческія силы. Если мы оглянемся на литературныя теченія 40-хъ и 50-хъ годовъ, которыя подготовляли русское общество къ мысли о необходимости упразднить крѣпостное право, то и тамъ найдемъ людей, очень талантливыхъ, оставившихъ слѣдъ,—Некрасова, Тургенева, Бѣлинскаго, Григоровича. Эти писатели все болѣе укрѣпляли рус-

ское общество въ убѣжденіи, что крѣпостное право устарѣло. Это—писатели крупные, но было бы неумѣстно ставить ихъ на ряду съ величайшими представителями художественнаго творчества и научной мысли. Что у людей, которые вырабатывали законы о крестьянской реформѣ, не было глубокой, истинно государственной прозорливости, доказывается тѣмъ, что не предусматривалось даже недалекое будущее, которое наступило черезъ 15—20 лѣтъ. Самымъ яркимъ выраженіемъ истинной проницательности было бы предсказаніе, что техника сельскаго хозяйства, спеціально крестьянскаго, медленно идетъ впередъ, что въ недалекомъ будущемъ окажется недостаточнымъ не только земельный надѣлъ низшей нормы, но и высшей, и что, поэтому, тогда же должны были быть положены основанія для расширенія земельныхъ надѣловъ и правильной переселенческой политики. Однако, не заглянули въ это, даже недалекое будущее. Конечно, подобныя мысли и соображенія, высказанныя при работахъ надъ закономъ 1861 года, остались бы безъ практическихъ послѣдствій: интересы помѣщиковъ были представлены слишкомъ хорошо, чтобы имѣли успѣхъ стремленія дать крестьянамъ больше, чѣмъ они получили. Но если бы люди, которые вели это дѣло, догадывались о состояніи, въ которомъ русская деревня будетъ чрезъ немного лѣтъ, то мы нашли бы соотвѣтствующія предсказанія, выкладки, расчеты.

Вліяніе крестьянской реформы на русскую жизнь было столь часто предметомъ оцѣнки, что нѣтъ надобности повторять ее. Если мы подведемъ всѣ вліянія, оказанныя ею на разныя стороны быта, подъ понятіе о толчкѣ, который она дала переходу натуральнаго хозяйства въ денежное, то признаемъ эту реформу важною. Какъ же, спросимъ мы, могла совершиться такая реформа, если при ея проведеніи не было истинно великихъ людей? Она могла совершиться потому, что крѣпостное право, изживъ свое время, налагало на русскую хозяйственную жизнь оковы, которыя были невыносимы. Безурядица во всемъ государственномъ механизмѣ, такъ остро обозначившаяся въ крымскую войну, затрудняла правительственную дѣятельность, лишала правительство необходимыхъ средствъ. Жизнь требовала, чтобы сдѣланъ былъ шагъ въ направленіи, которое вело къ росту производительности труда; и этотъ шагъ былъ сдѣланъ довольно многочисленной группой людей съ хорошимъ среднимъ умомъ. Мысль объ освобожденіи крестьянъ занимала Николая I; въ ряду приближенныхъ къ нему лицъ и среди дѣятелей того времени были люди, не уступавшіе дарованіями дѣятелямъ по крестьянской реформѣ. Назовемъ прежде всего Киселева. Однако, реформа не могла быть совершена: только въ 50-хъ годахъ устарѣлость крѣпостного права обнаружилась съ полной очевидностью.

Можно сослаться также на Александра I, какъ на примѣръ, доказывающій, что Александръ II и его сотрудники были только исполнителями требованій, которыя выдвигали въ Россіи государство и господствующіе классы. Въ первыя 10 лѣтъ царствованія Александра I были всѣ данныя для того, чтобы Россія получила начала конституціоннаго строя, насколько такія данныя связаны съ личностью монарха и его приближенныхъ. Воспитанный Лагарпомъ, Александръ I отъ ранней юности сочувствовалъ либеральнымъ идеямъ. Эта симпатія могла только окрѣпнуть подъ вліяніемъ суровости и самодурства, которыя отличали царствованіе Павла, и подъ вліяніемъ друзей—Кочубея, Новосильцева, Чарторижскаго, увлеченныхъ идеями французской революціи. Наконецъ, при немъ былъ Сперанскій, человѣкъ дѣйствительно очень крупныхъ дарованій. Извѣстно также, что наклонность Александра I къ либерализму, которая сплошь и рядомъ отличаетъ наслѣдниковъ престола, сохранилась вплоть до войны

1812 года, что онъ развивалъ Сперанскому мысль о необходимости для Россіи конституціи, что проектъ таковой былъ выработанъ Сперанскимъ. И что же? Все это дало только одинъ результатъ: возможность ученымъ обществамъ, которыя издаютъ матеріалы по русской исторіи, напечатать нѣсколько лишнихъ томовъ такихъ матеріаловъ. Русская жизнь еще не накопила силъ, которыя могли бы требовать осуществленія либеральныхъ мыслей императора. А разъ этого не было, то ни увлеченіе Александра I французскими энциклопедистами, ни поддержаніе этихъ идей друзьями, которые восторженно относились къ политической свободѣ, ни самодержавная власть, дѣлавшая, повидимому, столь легкимъ дарованіе конституціи, внушенной царемъ и составленный Сперанскимъ, который пользовался полнымъ довѣріемъ императора — ничто не измѣнило русскаго государственнаго строя.

Можно найти въ исторіи законодательства и другіе примѣры того, что развитіе цѣлыхъ отдѣловъ, въ высокой степени важныхъ, не связано съ какимъ-нибудь однимъ или немногими именами. Таковы фабричные законы. Мы убѣждены, что это законодательство имѣетъ не меньшее культурное значеніе, чѣмъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Первое, облегчая переходъ натуральнаго хозяйства въ мѣновое, даетъ сильный толчекъ успѣхамъ техники, но прямо не способствуетъ духовному развитію населенія. Проходитъ еще много времени прежде, чѣмъ деревня, освобожденная отъ власти помѣщика, получаетъ доступъ къ духовному развитію, къ воспитанію чувства личнаго достоинства. А фабричные законы являются первымъ шагомъ къ тому, чтобы работникъ, лично свободный, дѣйствительно имѣлъ извѣстный досугъ, который и можетъ быть употребленъ на самообразованіе, воспитаніе классоваго сознанія. Фабричные законы служатъ необходимымъ условіемъ для составленія кадръ, гдѣ демократическій духъ всего ранѣе укрѣпляется въ порабощенныхъ классахъ; уже отсюда онъ постепенно вліяетъ и на деревню. Слѣдя за развитіемъ фабричныхъ законовъ въ какой-либо странѣ, напримѣръ, въ Англіи, отъ 30-хъ до 70-хъ годовъ 19 столѣтія, мы видимъ, что они измѣняли къ лучшему положеніе работника, воспитывали изъ него новый типъ. А есть ли на протяженіи 40-лѣтняго періода, когда развивалось это законодательство, хотя одно очень крупное имя, которымъ можно было бы обозначить цѣлый періодъ? Мы не находимъ ни одного такого имени. Въ исторіи англійскаго фабричнаго законодательства можно отмѣтить цѣлый рядъ именъ-предпринимателей, вождей рабочаго класса, филантроповъ, министровъ, фабричныхъ инспекторовъ; можно насчитать нѣсколько десятковъ именъ людей хорошихъ, умныхъ, проницательныхъ, которые работали надъ созданіемъ и неуклоннымъ примѣненіемъ этихъ законовъ; всѣ эти люди были нужны для успѣха дѣла; но нельзя сказать, что тотъ-то занимаетъ въ исторіи фабричнаго законодательства первое мѣсто. И здѣсь совершался процессъ, позволяющій прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ среда дѣлала необходимымъ это законодательство, какъ ея орудіями могли явиться просто умные и добросовѣстные люди и какъ эти люди могли отлично двигать дѣло, которое возложила на нихъ сила вещей. Первыя робкія попытки въ дѣлѣ ограниченія фабричнаго труда относятся къ самому началу 19 вѣка. Эти попытки, связанныя съ именами филантроповъ, которые хотѣли ограничить злоупотребленія силой дѣтей-сиротъ, были только намекомъ на то чѣмъ должны были стать современемъ фабричные законы. Но дѣло не двигается дальше въ теченіе 30 лѣтъ. Съ 30-хъ годовъ и, особенно, съ 40-хъ развитіе фабричныхъ законовъ идетъ гораздо быстрѣе, такъ какъ къ попыткамъ отдѣльныхъ лицъ, доброжелательно настроенныхъ въ пользу рабочихъ классовъ, присоеди-

няется давленіе со стороны новыхъ организацій — союзовъ рабочихъ. Чѣмъ болѣе крѣпнутъ эти союзы, тѣмъ болѣе ясно становится для господствующихъ классовъ, что нужно считаться съ ихъ требованіями, тѣмъ болѣе интересы работниковъ принимаются въ разсчетъ группами властвующихъ классовъ въ ихъ борьбѣ между собой. Консерваторы и либералы, борясь другъ съ другомъ, опираются на работниковъ и помогаютъ имъ дѣлать въ фабричномъ законодательствѣ дальнѣйшія надстройки. Если бы мы захотѣли, отвлекаясь отъ всѣхъ частностей, съ которыми связано развитіе фабричныхъ законовъ, дать схему этого развитія въ самыхъ общихъ чертахъ, то должны были бы разсуждать такъ. Среда, для которой были созданы законы, т. е. классъ фабричныхъ работниковъ, представляла въ началѣ этого движенія косную и мало воспріимчивую массу. Эта масса была предметомъ тяжелаго гнета со стороны предпринимателей. Какъ ни былъ великъ гнетъ, для сторонняго глаза—мы разумѣемъ подъ этимъ филантроповъ, которые обратили вниманіе правительства въ эту область—были замѣтны только самыя вопіющія проявленія гнета — продажа дѣтей-сиротъ на фабрики, для 18-часового труда, т. е. для медленной смерти. Гнетъ былъ великъ, его формы—разнообразны; но сторонній глазъ замѣчалъ только немногія, особенно возмутительныя формы его проявленія. Таковъ первый предлогъ къ фабричнымъ законамъ и таковъ первый моментъ, когда государство обращаетъ вниманіе на эту среду. Она привлекаетъ его вниманіе чрезъ посредство филантроповъ тѣмъ, что совершается безсмысленное избіеніе младенцевъ, не лежащее въ интересахъ промышленности, вовсе не нужное даже для того, чтобы промышленники, опираясь на крупныя техническія изобрѣтенія новаго времени, наживали огромные барыши. Но сама среда еще безмолвствуетъ. Позднѣе въ этой средѣ ростетъ сознаніе ея униженнаго положенія, оно даетъ ей силы для укрѣпленія союзныхъ организацій, побуждаетъ ставить все большія и большія требованія и создать систему фабричныхъ законовъ.

VII.

Изучая среду на пространствѣ исторіи, мы видимъ, что отношеніе между нею и личностью остается по характеру неизмѣннымъ; мѣняется только разстояніе, отдѣляющее личность отъ среды, а потому уменьшается и превосходство отдѣльной личности надъ средою. Именно поэтому и не слѣдуетъ впадать предъ личностью въ то настроеніе, которымъ дикарь проникается предъ фетишемъ. Ошибаются, объясняя доселѣшнее развитіе человѣчества только дѣятельностью такъ называемыхъ великихъ людей. Высказываютъ безсодержательное положеніе, когда признаютъ производство великихъ людей цѣлью дальнѣйшей культуры

Цѣль неразрывно связана съ предположеніями, что 1) есть средства, которыя ведутъ къ ней, и что 2) она можетъ быть достигаема все въ болѣе полномъ объемѣ. Когда задаются, напримѣръ, цѣлью поднять народное просвѣщеніе, то пользуются средствами, которыя обезпечиваютъ полный успѣхъ: а) увеличиваютъ число школъ и б) устраиваютъ школы, болѣе совершенныя. Относительно же производства великихъ людей, какъ цѣли культуры, такія предположенія неосновательны.

Рожденіе многихъ людей великаго ума и могучей воли не можетъ быть объяснено наслѣдственностью. У ремесленниковъ Кенигсберга родился такой Эмануилъ Кантъ; у почтенныхъ филистеровъ Франкфурта—такой Гете. «Великій человѣкъ родится тогда, когда онъ нуженъ, чтобы завершить одинъ историческій періодъ, и начать новый»—такъ обыкновенно говорятъ писатели и ораторы, любящіе декламировать. Если бы судьба, замѣтимъ по поводу этой декламаціи, всегда распоряжалась такъ,

то она послала бы Италіи, для обновленія живописи, не 7 великихъ живописцевъ, жившихъ отъ конца XV до XVI вѣка, а быть можетъ, двухъ-трехъ, и распредѣлила бы остальныхъ по другимъ періодамъ, нуждавшимся въ освѣженіи искусства.

Только біологи, быть можетъ, разъяснятъ когда-нибудь, почему отъ среднихъ родителей и въ завершеніе цѣлаго ряда обыкновенныхъ предковъ родились такой Кантъ, Гете, Дарвинъ. По всей вѣроятности, причины этого лежатъ въ необыкновенно благопріятномъ сочетаніи всѣхъ условій на сторонѣ обоихъ родителей, ровно за 9 мѣсяцевъ до рожденія такого сына. Очень вѣроятно, такое сочетаніе условій длилось немного часовъ или даже минутъ и никогда не повторялось въ жизни данныхъ супруговъ. Сколько свѣта ни пролило бы естествознаніе на этотъ вопросъ, дальнѣйшій ростъ культуры не подчинитъ волѣ человѣка сочетаніе всѣхъ благопріятныхъ условій. Недаромъ относятся многіе такіе случаи къ историческимъ періодамъ, когда общественная жизнь была безцвѣтна: сошлемся хотя бы на Германію XVIII вѣка.

Итакъ, въ распоряженіи людей нѣтъ средствъ, которыя вели бы къ этой цѣли. Нѣтъ также средствъ для достиженія этого въ болѣе полномъ объемѣ.

Нѣтъ данныхъ для утвержденія, чтобы индивидуальная сила въ отдѣльныхъ, наиболѣе крупныхъ личностяхъ все болѣе возрастала съ развитіемъ культуры. Когда говорятъ о міровыхъ завоевателяхъ, войны которыхъ способствовали общественной эволюціи, то называютъ три имени: Александра, Цезаря, Наполеона. Два первыхъ принадлежатъ древнему міру; ихъ раздѣляетъ періодъ меньше трехъ столѣтій. Послѣдній принадлежитъ новой исторіи; между нимъ и Цезаремъ лежатъ 18 вѣковъ. И если можно допустить, что духовной силой Наполеонъ не уступалъ Цезарю, то нѣтъ данныхъ утверждать, чтобы онъ превосходилъ его. Обращаясь къ области научной и философской мысли, мы скажемъ, что Платонъ, Аристотель, Архимедъ нисколько не уступаютъ Спинозѣ, Лейбницу, Канту, Ньютону. Великіе живописцы и ваятели древняго міра достигли совершенства, которое никѣмъ изъ новыхъ не было превзойдено. Софоклъ можетъ быть поставленъ на ряду съ Шекспиромъ. Словомъ, если мы возьмемъ исторію человѣчества отъ пятаго вѣка предъ нашей эрой и до сего дня, то не получимъ данныхъ для утвержденія, чтобы на пространствѣ двадцати четырехъ столѣтій сложился болѣе высокій типъ сильныхъ умовъ и характеровъ. Невозможность выработать болѣе высокій типъ тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что за плечами Александра Македонскаго, Цезаря, Аристотеля была непродолжительная историческая жизнь, культура немногихъ народовъ, тогда какъ Наполеонъ или Кантъ опирались на культуру слишкомъ въ 30 вѣковъ, на культуру, въ которой сходились нити отъ всѣхъ цивилизацій, повліявшихъ на европейское общество.

Какъ, однако, измѣнилась общественная среда и какъ быстро совершаются въ ней перемѣны за послѣднія десятилѣтія! Конечно, говоря объ общественной средѣ, не слѣдуетъ забывать, что вся масса населенія какой-нибудь страны не представляетъ чего-нибудь однороднаго: эволюція не коснулась равномѣрно всей массы; но въ культурныхъ странахъ Запада все болѣе расширяются круги, которые представляютъ среду сознательную, нелегко преклоняющуюся предъ авторитетомъ, даже очень крупнымъ, среду, которая въ лицѣ многихъ изъ своихъ представителей обладаетъ способностью къ творческой дѣятельности. И до сихъ поръ въ каждой странѣ масса легко увлекается всѣмъ, что имѣетъ хотя какой-нибудь внѣшній знакъ авторитета: выдающееся общественное положеніе, богатство. Но изъ массы выдѣляются все болѣе обширные круги, кото-

рые образуютъ довольно высокую среду, дѣйствующую сознательно и не идущую слѣпо вслѣдъ за авторитетами. Чѣмъ болѣе распространяется и крѣпнетъ демократическій духъ на основѣ возростающаго умственнаго развитія массъ, тѣмъ болѣе многочленны эти круги, тѣмъ сильнѣе ихъ критическое отношеніе ко всякому авторитету, тѣмъ менѣе общимъ признаніемъ пользуется даже крупная личность, съ несомнѣнными заслугами. За послѣднія десятилѣтія можно найдти живыя тому доказательства въ исторіи германскаго парламента. За Бисмаркомъ есть нѣкоторыя заслуги; его личныя силы выходятъ изъ ряда вонъ; а между тѣмъ въ рейхстагѣ его авторитетъ замѣтно слабѣлъ съ каждымъ годомъ. Виновниками этого были прежде всего соціальные демократы. Эта фракція, слабая въ рейхстагѣ числомъ, даетъ намъ примѣръ среды, сильной не только единодушіемъ, но и строго сознательнымъ отношеніемъ къ общественной жизни и своимъ обязанностямъ въ законодательномъ собраніи. Ни слава Бисмарка, ни кадильный дымъ, которымъ его прислужники встрѣчали каждое его слово, ни его привычка и умѣнье повелѣвать не отклоняли этой партіи отъ намѣченныхъ цѣлей. Но депутаты парламента образуютъ не довольно многочленную группу, чтобы говорить о возвышеніи уровня среды: мы сошлемся поэтому на болѣе значительныя группы въ предѣлахъ соціальной демократіи, группы, которыя обнаруживаютъ большую зрѣлость при оцѣнкѣ явленій общественной жизни. Это сказывается на многочисленныхъ собраніяхъ, въ дѣятельности союзовъ рабочихъ и проч. Здѣсь является побужденіе возразить, что эта среда, отрицая одни авторитеты, имѣетъ своихъ вождей и слѣпо слѣдуетъ ихъ указаніямъ. Однако, такое замѣчаніе не можетъ ослабить наше положеніе, что ростъ демократіи создаетъ новую среду, стоящую несравненно выше, нежели прежняя. Демократія довѣряетъ своимъ вождямъ, но не довѣряетъ имъ слѣпо. Отсутствіе слѣпого довѣрія обнаруживается особенно ясно на ежегодныхъ конгрессахъ, которые собираютъ 150—200 человѣкъ и болѣе, гдѣ въ оживленныхъ преніяхъ вожди принимаютъ участіе на ряду съ членами партіи, гораздо менѣе извѣстными, гдѣ, при обсужденіи того или другого вопроса, наиболѣе извѣстные члены остаются нерѣдко въ меньшинствѣ. А если партія можетъ собрать сотню-другую людей, совмѣстно работающихъ надъ крупными общественными вопросами, безъ слѣпого подчиненія кому-либо изъ членовъ, то вся она представляетъ среду, гораздо болѣе высокую, чѣмъ масса, согласно съ обычнымъ о ней представленіемъ. Бисмаркъ понималъ это: главное достоинство русскихъ, говорилъ онъ, состоитъ въ томъ, что ими легко управлять. Въ этомъ замѣчаніи выражается мысль о русскомъ обществѣ, какъ средѣ мертвой, неподвижной, гдѣ легко укрѣпляется слѣпая вѣра въ авторитетъ. Особенно замѣтны высокій уровень среды и сравнительно небольшое возвышеніе надъ нею отдѣльныхъ лицъ въ такой демократической странѣ, какъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Жизнь идетъ полнымъ ходомъ; развитіе общества нигдѣ не дѣлаетъ такихъ успѣховъ, какъ въ великомъ заантлантическомъ государствѣ; въ каждомъ общественномъ слоѣ можно найти много дѣятелей, которые обладаютъ крупными достинствами. А между тѣмъ не слыхать о людяхъ, которые очень высоко поднимались бы надъ своей средой и своею личностью совершенно затѣняли бы другихъ дѣятелей той же группы. И это понятно. Въ области внутренней политики человѣкъ можетъ ярко выдѣлиться или прогрессивной дѣятельностью или реакціонной. Онъ можетъ ярко выдѣлиться, если умомъ и характеромъ хотя немного превосходитъ среду и если не оказывается рядовыхъ членовъ той же группы, которые были бы способны на дѣятельность, однородную съ первой по содержанію и напряженію. Въ мало культурной странѣ обыкновенно такъ и бываетъ.

Если дѣятельность лица отличается прогрессивнымъ характеромъ, то мертвенная среда оказываетъ ему очень слабую поддержку; на его пути возстаютъ преграды, которыя нужно преодолѣвать. Уже одна борьба съ этими преградами производитъ впечатлѣніе; если она даетъ хотя небольшіе успѣхи, то внушаетъ окружающимъ благоговѣніе предъ силами дѣятеля и поднимаетъ его очень высоко надъ средой, которая образуетъ для него маловоспріимчивую массу. Петръ Первый представляется очень крупной фигурой именно потому, что русское общество было мертво и тупо отзывалось на его начинанія. Однородную обстановку имѣетъ въ такой средѣ и дѣятель реакціоннаго направленія. Мертвенность среды, застой общественной жизни, слабое вліяніе прогрессивныхъ началъ дѣлаютъ среду очень удобнымъ предметомъ для воздѣйствія реакціи. Среда сопротивляется мало; личная свобода такъ неразвита, что посягательство на нее со стороны реакціи легко даетъ положительные результаты. Именно эта косность среды, дѣлая ее мало впечатлительной для прогрессивнаго воздѣйствія, облегчаетъ воздѣйствіе со стороны реакціи: если политическій гнетъ великъ, то легко прививается каждая мѣра, еще болѣе усиливающая гнетъ. Совсѣмъ не то въ средѣ, которая быстро идетъ впередъ. Каждый общественный дѣятель съ истинно либеральной программой легко находитъ откликъ. Прогрессивная мысль, которая содержитъ что-нибудь новое, не только встрѣчаетъ большое сочувствіе, но сразу находитъ много людей, готовыхъ работать надъ ея осуществленіемъ и притомъ работать съ полнымъ пониманіемъ ея важности, съ умѣньемъ приноровить ее къ условіямъ времени и мѣста. Высоко культурныя страны представляютъ тому живое доказательство. Выдвинуто ли новое положеніе для развитія и упроченія политическихъ правъ, создана ли новая система, дабы провести въ народъ знанія, начертанъ ли планъ величественнаго благотворительнаго начинанія, нужно ли пустить въ ходъ техническое изобрѣтеніе, совершающее переворотъ въ производствѣ—на встрѣчу лицу, которое выступаетъ съ такимъ начинаніемъ, идутъ очень многіе; новую мысль ловятъ на лету и тотчасъ же создается цѣлая группа для осуществленія плана. Поэтому, въ странахъ со средой, воспріимчивой ко всему прогрессивному, прогрессивный общественный дѣятель, обладая даже очень крупными свойствами ума и характера, имѣетъ вокругъ себя много отличныхъ сотрудниковъ и можетъ только немногимъ возвыситься надъ средой. А реакціонный общественный дѣятель и вовсе не можетъ имѣть успѣха. Среда, въ которой общественное развитіе идетъ быстро, представляетъ совсѣмъ неблагодарную почву для реакціонныхъ начинаній; въ ней они рѣшительно не находятъ отголоска, а потому человѣкъ съ сильной волей и реакціонными вкусами осужденъ въ такой средѣ на полное бездѣйствіе.

Мы полагаемъ, что положеніе о поднятіи среды и относительномъ умаленіи самыхъ крупныхъ личностей примѣнимо къ любой сторонѣ общественной жизни: нужно говорить не о томъ, примѣнимо ли это положеніе къ научной и художественной средѣ, а лишь о томъ, примѣнимо ли оно съ какими-либо оговорками.

Научная среда, если разумѣть подъ нею совокупность людей, занимающихся всѣми отраслями знанія, даетъ непрерывно большой количественный приростъ. Признакомъ этого является число книгъ, выходящихъ въ культурныхъ странахъ: относительно числа жителей оно увеличивается ежегодно. Количественный приростъ стоитъ въ связи съ тѣмъ, что возростаніе народнаго богатства поднимаетъ общій уровень развитія; послѣднее въ свою очередь даетъ толчекъ любознательности: предъявляется все большій запросъ на людей, которые посвящаютъ себя

занятію наукой. Съ тѣмъ вмѣстѣ научная среда и качественно поднимается. Это доказывается тѣмъ приростомъ, который получило знаніе за послѣднее время. Если взять только первоклассныя изобрѣтенія, которыя далъ XIX вѣкъ, то окажется, что въ этомъ онъ превосходитъ предыдущія столѣтія. Нѣтъ надобности перечислять это: завоеванія послѣднихъ поколѣній въ области научной мысли у всѣхъ на глазахъ. Но одинъ этотъ фактъ, пожалуй, еще мало убѣдителенъ. Какъ ни велики самые выдающіеся успѣхи знаній въ XIX столѣтіи, число именъ, съ которыми связаны эти пріобрѣтенія, абсолютно невелико. А небольшое число именъ позволяетъ приписать чистой случайности и главные этапы науки, которые окрещиваются этими именами. Болѣе вѣскимъ доказательствомъ служитъ, поэтому, разработка науки, выражающаяся во второклассныхъ научныхъ трудахъ. Здѣсь мы находимъ еще большее превосходство послѣдняго столѣтія предъ другими вѣками. Какую отрасль знанія мы бы ни взяли и какую центральную точку науки мы бы ни сдѣлали предметомъ изученія, мы видимъ, что около нея группируется множество лицъ, детально разрабатывающихъ отдѣльные вопросы, и множество трудовъ, которые явились плодомъ такой разработки. Стали общимъ мѣстомъ упреки по адресу ученыхъ спеціалистовъ въ недостаточности ихъ философскаго образованія, въ малой воспріимчивости къ цѣлому, въ излишней заботливости о мелочахъ и даже извѣстной умственной близорукости. Эти упреки отчасти справедливы. Мнѣ хотѣлось бы, однако, найдти въ прошломъ то золотое время, когда очень большое число людей, трудившихся въ наукѣ, обладало энциклопедической подготовкой, обобщающимъ умомъ. Въ прошломъ мы видимъ совсѣмъ не то: отдѣльныхъ лицъ большой умственной силы, научныя системы, обнаруживающія силу ума, и вокругъ нихъ множество компиляторовъ и подражателей. Критическая способность была гораздо менѣе изощрена, чѣмъ теперь; вся умственная атмосфера была неблагопріятна для разработки отдѣльныхъ вопросовъ; было много совершенно безплодной игры ума. Есть доля истины въ упрекѣ, который дѣлаютъ спеціалистамъ; но слѣдуетъ помнить о множествѣ драгоцѣннаго въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, доказывающаго высокій уровень научной среды. Онъ и служитъ условіемъ, которое вліяетъ на все то, что мы называемъ главными этапами въ области научной мысли. Множество спеціальныхъ работъ, выполняемыхъ согласно съ господствующими системами, отлично подготовляютъ почву для новыхъ, болѣе крупныхъ и общихъ научныхъ выводовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ огромное количество силъ, работающихъ въ наукѣ, представляютъ чистилища для новой научной системы. И чѣмъ дольше живетъ человѣчество, тѣмъ болѣе научная среда можетъ выполнять обязанности чистилища, тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобы новое, обладающее только блестящими внѣшними свойствами—большимъ остроуміемъ ученаго, красивымъ слогомъ, могло оказать вліяніе на научную среду. Новая система, проходя черезъ это горнило, получаетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ могущественное содѣйствіе, то положительное, то отрицательное, часто непріятное для творца системы, но всегда важное для успѣха дѣла. Многочисленность силъ, научно подготовленныхъ, ведетъ къ тому, что отмѣчаются недостатки въ частностяхъ новой системы; если обобщенія опираются на матеріалъ обильный, но недовольно достовѣрный, то критическая мысль быстро обнаруживаетъ эти пробѣлы. Если новая система подкупаетъ своей стройностью и законченностью, но является во многихъ своихъ частяхъ неразвитою, то вызываетъ въ научной средѣ, именно въ сферѣ спеціальныхъ изслѣдователей, ту борьбу, которая даетъ самые плодотворные результаты: кто сильно прилѣпился къ старому міровоззрѣнію, тотъ напрягаетъ всѣ силы въ области спеціальныхъ изыска-

ній, дабы отстоять старое; кто увлеченъ новымъ потокомъ, тотъ производитъ спеціальныя изслѣдованія, дабы дать новому ученію еще болѣе широкое и прочное основаніе. Борьба мнѣній, драгоцѣнная для успѣха дѣла, очищаетъ новое міровоззрѣніе отъ плевелъ, расширяетъ, даетъ матеріалъ для новыхъ обобщеній, словомъ, способствуетъ движенію науки впередъ.

Нѣтъ данныхъ, чтобы считать голову Бэкона или Декарта лучшею, нежели голова Дарвина. Но научная среда, которая восприняла ученія Бэкона или Декарта, была гораздо ниже, нежели среда, въ которую упали идеи Дарвина. Кто знаетъ только бѣгло то, что даетъ любая отрасль знанія въ области спеціальныхъ изслѣдованій, тотъ согласится, что научная среда чрезвычайно повысилась. Можно еще болѣе укрѣпиться въ этомъ убѣжденіи, если припомнить, что научная среда все больше и больше работаетъ надъ методологіей. Какъ устраивать клиники, физическіе кабинеты, химическія лабораторіи? Какія метеорологическія и сельскохозяйственныя станціи болѣе цѣлесообразны? Какіе пріемы должны быть примѣняемы при разработкѣ архивовъ? Какъ вести семинаріи по исторіи, филологіи, политической экономіи? Отвѣтомъ на такіе вопросы служатъ обширная литература и многочисленныя приспособленія, которыя доставляютъ право гражданства тѣмъ или другимъ методамъ въ дѣлѣ научныхъ изысканій.

Если бы приведенное мною и не вызвало возраженій, то какъ бы возраженіемъ могъ явиться такой вопросъ: почему большое поднятіе уровня научной среды не препятствуетъ, чтобы многіе и многіе охотно называли XIX вѣкъ вѣкомъ Дарвина, какъ предыдущіе вѣка связываются съ именами Аристотеля, Бэкона и другими? Не служитъ ли уже одно это доказательствомъ, что огромная работа мысли, выполненная Дарвиномъ, осталась бы безъ него вовсе неисполненною?

Мы полагаемъ, что это не можетъ быть доказано. Наименованіе XIX столѣтія вѣкомъ Дарвина или Стефенсона, или Маркса, или Наполеона проистекаетъ изъ привычки человѣческаго ума къ обобщеніямъ, а наиболѣе удобной формой для обобщенія служитъ одно или немного именъ, напоминающихъ о крупныхъ фактахъ въ исторіи человѣчества. Какимъ однимъ именемъ ни окрестимъ XIX столѣтіе, мы не выяснимъ съ полной точностью, какъ бы совершился рядъ пріобрѣтеній и когда бы они совершились, еслибы не было личности, которая всего легче напоминаетъ о нихъ. Не имѣя возможности точно отвѣтить на вопросъ, какъ бы возникъ дарвинизмъ, если бы не было Дарвина, или какъ бы началось сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, еслибы не было Стефенсона, мы можемъ высказать, однако, рядъ предположеній, которыя представляются въ высокой степени вѣроятными. И Дарвинъ, и Марксъ имѣли такія индивидуальныя особенности, что—умри они въ юности—развитіе ученій, въ которыхъ они занимаютъ центральныя мѣста, имѣло бы другую окраску, совершилось бы не совсѣмъ такъ, какъ оно совершилось. Эти индивидуальныя особенности были причиною того, что, не проживи эти мыслители довольно большого числа лѣтъ, міровоззрѣніе, связанное съ ихъ именами, могло бы выпукло обнаружиться нѣсколько позднѣе, чѣмъ оно обнаружилось. Очень вѣроятно, что доказательства, которыми пользовались они для подкрѣпленія своихъ положеній, были бы приведены не въ такомъ количествѣ, не въ такихъ сочетаніяхъ и не по такому плану. Возможно, что основы ученія были бы изложены въ болѣе обширныхъ сочиненіяхъ или меньшихъ книгахъ и т. д. Конечно, могло быть и то различіе, что достояніе, которое завѣщалъ намъ Дарвинъ, было бы получено не отъ одного, а отъ двухъ-трехъ мыслителей. Но несомнѣнно, что, не будь ихъ обоихъ, не

будь на ихъ мѣстѣ людей, равныхъ имъ по духовнымъ силамъ, человѣчество получило бы, и не позднѣе, какъ въ теченіе одной четверти вѣка, то, что дали намъ эти мыслители. Наше предположеніе становится относительно дарвинизма положеніемъ, такъ какъ мы знаемъ, что теорію происхожденія видовъ можно вести не только отъ Дарвина, но и Уоллэса. Если бы, однако, и не было налицо такого убѣдительнаго доказательства, то предположеніе, что дарвинизмъ и марксизмъ явились бы и явились бы не далѣе, чѣмъ въ четверть столѣтія послѣ того, какъ они явились, становится въ высокой степени вѣроятнымъ. Напомнимъ, что въ то время, когда работалъ Дарвинъ и въ ближайшее десятилѣтіе послѣ выхода въ свѣтъ книги «Происхожденіе видовъ», усовершенствованныя вспомогательныя средства для естественно научныхъ изысканій и пріемы труда облегчали обоснованіе теоріи эволюціи; напомнимъ, что среди послѣдователей Дарвина есть цѣлый рядъ превосходныхъ ученыхъ, которые сдѣлали много для развитія міровоззрѣнія, для дальнѣйшаго построенія теоріи. Эти ученые слѣдуютъ въ своей работѣ новѣйшимъ методамъ; не будь имъ дано ученіе Дарвина готовымъ, они направили бы свое мышленіе именно въ ту сторону, гдѣ и должны были дойти до выводовъ, сдѣланныхъ учителемъ. То же скажемъ мы о Марксѣ. Очень большая умственная сила позволила ему раскрыть въ общественной жизни такія явленія, которыя обнаружились еще не довольно рѣзко. Эта сила помогла ему удачно обобщить матеріалъ, который былъ бы недостаточенъ для мыслителя съ меньшею прозорливостью. Но въ теченіе 20 лѣтъ, протекшихъ отъ времени выхода въ свѣтъ *Капитала*, характерныя явленія капиталистическаго хозяйства приняли такое яркое выраженіе и накопились въ такомъ количествѣ, что и менѣе проницательный умъ могъ бы подмѣтить ихъ, обобщить и дать наукѣ выводы, полученные отъ Маркса. Не рѣдки случаи, что человѣкъ полуграмотный додумывается въ глуши до изобрѣтенія орудія или техническаго пріема, которые уже давно извѣстны; какъ же допустить, чтобы ученіе Томсона, Фурье, Сенъ-Симонистовъ не нашло въ концѣ XIX столѣтія, при большомъ повышеніи уровня научной среды, продолжателей и выразителей, не дало выводовъ, которыми мы располагаемъ, если бы даже экономическое знаніе не имѣло представителя такой умственной силы, какъ Марксъ!

VIII.

Итакъ, среда имѣетъ великое, опредѣляющее значеніе даже для самыхъ крупныхъ личностей. Слѣдуетъ ли считать, согласно съ мнѣніемъ одного новѣйшаго писателя, открытымъ вопросъ, какъ совершится соціализированіе общественнаго строя, снизу ли, силами демократіи, или сверху, силами одного лица, монарха, который будетъ выразителемъ идеи соціалистическаго государства? [138]).

Предыдущія страницы, полагаемъ, уже даютъ на это общій отвѣтъ. Въ конституціонной монархіи съ каждымъ годомъ уменьшаются данныя, которыя оправдываютъ объясненіе какой-либо законодательной мѣры, даже не изъ самыхъ крупныхъ, личною волею монарха. Не только въ Англіи, гдѣ монархъ, какъ лицо, едва замѣтенъ, но даже въ такой странѣ, какъ Германія, законопроектъ, исходящій отъ монарха, большею частію, остается въ области платоническихъ пожеланій, если наталкивается на большія преграды со стороны народнаго представительства. Если законопроектъ благодѣтеленъ и истинно прогрессивенъ, то принятый или отвергнутый, онъ не даетъ мѣрила, чтобы заключить, насколько одинъ монархъ желалъ быть источникомъ коренного соціальнаго преобразованія. Если проектъ сталъ закономъ, а его иниціаторомъ былъ монархъ, то можно ска-

зать только, что правительство, какъ и большинство народныхъ представителей, служитъ выразителемъ прогрессивныхъ теченій. Если такой проектъ отвергнутъ, то о монархѣ, которому онъ обязанъ зарожденіемъ, можно сказать только, что корона не мѣшаетъ ему имѣть и высказывать добрыя пожеланія. Но отнюдь нельзя имѣть сколько-нибудь ясное представленіе о томъ, было ли это благое пожеланіе необходимымъ плодомъ всего міросозерцанія монарха или оно было только мимолетной вспышкой, прихотью въ часы добраго настроенія; равнымъ образомъ нельзя сказать, имѣлъ ли бы монархъ, направившій въ парламентъ такой проектъ, достаточно нравственныхъ силъ, чтобы настойчиво бороться за осуществленіе своего плана. Наблюденіе показываетъ, что народъ, привыкнувъ къ монархіи, долго удерживаетъ ее, какъ decorum. При состояніи, которое достигнуто Англіей и отчасти Бельгіей, монархія почти безвредна, а потому съ нею мирятся и долго будутъ мириться даже истинно демократическія группы населенія. Въ такой странѣ законы большого прогрессивнаго значенія будутъ носить подпись короля; но было бы очень наивно считать монарха источникомъ мѣръ, приближающихъ современное общество къ соціалистическому строю.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, будутъ ли силы демократіи приближать людей къ соціалистическому будущему или же главнымъ виновникомъ этого приближенія будетъ единая воля, воля монарха, долженъ быть понимаемъ, какъ вопросъ о странахъ, гдѣ можетъ всего ранѣе наступить господство соціализма: тамъ ли, гдѣ демократія уже сдѣлала большіе успѣхи въ политической жизни и государственный строй замѣтно демократизовался, или же тамъ, гдѣ еще господствуетъ неограниченная монархія. Переходя отъ общаго къ конкретному, мы могли бы спросить, есть ли вѣроятіе, что передовою страною въ этомъ смыслѣ окажется Россія или Турція, а не Англія, Бельгія, Германія.

Самое предложеніе такого вопроса показывало бы, что отрицается постепенность общественнаго развитія и допускается возможность рѣзкихъ скачковъ изъ тьмы къ свѣту. Неограниченный владыка, какъ то намъ извѣстно изъ исторіи и какъ то можно допустить для будущаго, можетъ отличаться великимъ умомъ и сильною волей. Юлій Цезарь превосходилъ дарованіями даже наиболѣе выдающихся изъ своихъ современниковъ, и, конечно, никто изъ генераловъ или министровъ Наполеона I не могъ сравниться со своимъ властелиномъ. Если бы въ ближайшемъ будущемъ—мы говоримъ «въ ближайшемъ», ибо считаемъ недалекимъ время, когда начнется осуществленіе коренныхъ пунктовъ программы соціализма—престолъ одной изъ неограниченныхъ монархій былъ занятъ лицомъ, напоминающимъ по уму и волѣ Цезаря, но съ истинно прогрессивными стремленіями, съ міровоззрѣніемъ, сложившимся подъ вліяніемъ соціализма, съ желаніемъ создать такія нормы права, которыя были бы большимъ шагомъ впередъ въ направленіи къ соціалистическому строю, то уже одинъ фактъ, что этотъ монархъ — неограниченный монархъ, служилъ бы краснорѣчивымъ доказательствомъ неосуществимости этихъ плановъ. Что выражаетъ въ самомъ дѣлѣ фактъ, что въ странѣ держится неограниченная монархія? Только то, что привычка повиноваться, покорность, раболѣпіе составляютъ отличительную черту населенія. Привычка къ покорности такъ могущественна, что даже крайняя бѣдность и подавленность не могутъ поколебать ее въ парабощенныхъ массахъ. А привилегированное меньшинство, сознавая свои интересы вполнѣ обезпеченными при неограниченномъ монархическомъ правленіи, не только не возстаетъ противъ этой формы, но старается охранять ее, такъ какъ, не допускаемое юридически къ законодательной дѣятельности, это меньшинство из-

влекаетъ изъ своего положенія много выгодъ. Монархъ такой страны, направляя свою волю на то, чтобы совершить крупныя реформы соотвѣтственно съ требованіями соціализма, встрѣтилъ бы на своемъ пути противодѣйствующую среду—господствующіе классы, которые негласно, черезъ монарха обезпечиваютъ свои эгоистическія интересы. Онъ нашелъ бы внизу, въ порабощенныхъ массахъ очень обширную площадь; но, при всей своей обширности, она не могла бы дать, вслѣдствіе своей экономической отсталости и политической неразвитости, точку опоры для задуманныхъ реформъ. Въ результатѣ получилось бы мертворожденное дѣтище: реформа, очерченная широкими контурами, была бы въ своемъ приложеніи искалѣчена бюрократическимъ механизмомъ, способнымъ сводить на «нѣтъ» самыя благія намѣренія, или же господствующіе классы, подчиняясь нѣкоторое время волѣ монарха, источнику столь крупныхъ для нихъ непріятностей, постарались бы отправить реформатора въ царство тѣней и замѣнить его лицомъ, лучше понимающимъ «истинные интересы дорогого отечества».

И отдаленные періоды, и факты недавняго прошлаго укрѣпляютъ убѣжденіе, что воля одного монарха не можетъ служить источникомъ великихъ преобразованій въ жизни народа. Многочисленные факты, способные, повидимому, служить доказательствомъ, обыкновенно подвергаются невѣрному истолкованію. Иногда ошибка состоитъ въ томъ, что съ легкимъ сердцемъ заключаютъ отъ условій простой, почти первобытной жизни къ нашему, столь сложному общежитію. Въ другихъ случаяхъ проводятъ параллель между фактами, которые очень несходны, а потому и не должны бы быть сопоставляемы. Наконецъ, иной разъ увлекаются названіемъ законовъ, мѣропріятій и не даютъ себѣ труда сопоставить ихъ съ условіями быта въ данной странѣ и присмотрѣться къ способамъ осуществленія такихъ законовъ.

Тѣни Гарунъ-аль-Рашида, Карла Великаго, бывшихъ—такъ принято говорить—благодѣтелями подданныхъ, внушаютъ многимъ мысль, что въ наше время неограниченный повелитель можетъ положить начало общественному строю, который будетъ отрицаніемъ капитализма, его преобразованіемъ въ другую, гораздо болѣе совершенную форму. Воспоминаніе о прошломъ не позволитъ сдѣлать такое заключеніе о будущемъ, разъ человѣкъ хотя недолго со вниманіемъ остановится на мысли о простотѣ жизни того времени и сложности нашего строя, нетребовательности массъ тысячу лѣтъ тому назадъ и чрезвычайной первобытности благодѣяній, которыя направлялись отъ престола къ народу, и необыкновенной сложности и разнообразіи интересовъ, которые должны быть удовлетворены теперь каждой истинно-прогрессивной реформой. Гаруну-аль-Рашиду довольно было ходить переодѣтымъ по улицамъ Багдада и подслушивать разговоры въ домахъ вѣрноподданныхъ, чтобы знать весь бытъ народа. А какое напряженіе ума и воли необходимо теперь, чтобы знать въ общихъ чертахъ жизнь хотя бы отдѣльной страны, всѣ ея интересы! Карлу Великому довольно было проложить въ своемъ царствѣ нѣсколько хорошихъ дорогъ для военныхъ цѣлей и торговыхъ сношеній и упорядочить управленіе государевыми имѣніями (напомнимъ, что Римская имперія оставила для того и другого вполнѣ подходящіе образцы), чтобы тѣмъ навсегда заслужить признательность потомства. А какая проницательность ума и сила воли нужны для того, чтобы неограниченный монархъ нашего времени въ странѣ съ развивающимся капиталистическимъ хозяйствомъ сумѣлъ выдѣлить нѣкоторыя отрасли изъ частной предпріимчивости и приблизить ихъ къ соціалистическому строю!

Аналогіи, при которыхъ изъ фактовъ, относящихся до недавняго

прошлаго, дѣлаютъ заключенія о фактахъ, ожидаемыхъ въ не совсѣмъ близкомъ будущемъ, часто служатъ источникомъ самообмана. Особенно опасно въ этомъ случаѣ уподобленіе послѣдствій, которыя вызваны актами политико-стратегическими, тѣмъ результатамъ, которые влекутъ за собою экономическія реформы, отожествленіе препятствій, съ которыми связаны первые, и преградъ, встрѣчаемыхъ на пути вторыми. Принято называть тріумвиратъ—Вильгельмъ I, Бисмаркъ и Мольтке—виновникомъ перемѣнъ, которымъ подверглась карта Европы, ослабленія Франціи, объединенія и возвеличенія Германіи. Германское общество не хотѣло и боялось войны. Однако, этому тріумвирату удалось обойти общественное мнѣніе, вести войну съ успѣхомъ и завершить ее созданіемъ Германской имперіи, что не могло быть сдѣлано демократіей, достигшей въ Германіи выдающагося положенія въ 1848 году. Крупныя политическія перемѣны, обусловленныя военными успѣхами, быстро заслужили сочувствіе массы населенія и положили начало культу тріумвирата во всѣхъ концахъ Германіи. А если—является побужденіе предполагать—три лица, или, иначе, монархъ, опираясь на двухъ сподвижниковъ, могъ произвести за пять лѣтъ—отъ Садовой до коронованія въ Версали—большую ломку въ политической жизни, то почему потомку этого монарха не быть проводникомъ программы соціализма?

Такое предположеніе было бы связано съ полнымъ игнорированіемъ дѣйствительности; вовсе не трудно опровергнуть его.

Во-первыхъ, личные интересы тріумвирата. Въ случаѣ выигрыша, онъ выигрывалъ безконечно много. Метаморфоза прусскаго короля въ императора, объединившаго Германію, и прусскаго министра въ имперскаго канцлера въ высшей степени соотвѣтствовала честолюбивымъ стремленіямъ обоихъ. Надежда, что такая метаморфоза совершится, была могущественной силой, толкавшей впередъ монарха и, еще болѣе, его усерднаго слугу. Что было военнымъ и политическимъ выигрышемъ для страны, то было несомнѣннымъ личнымъ выигрышемъ для главныхъ дѣятелей. Совсѣмъ не такое предсказаніе должно бы быть дѣлано относительно государя и его ближайшихъ сотрудниковъ, которые выступили бы съ мѣропріятіями, отвѣчающими на одно изъ важнѣйшихъ требованій соціализма. Положеніе, въ которое лично себя поставили бы иниціаторы, рѣзко отличалось бы отъ послѣдствій, которыя можно было предсказать въ результатѣ франко-прусской войны: не императорская корона, не обширныя помѣстья въ Помераніи, не милліоны марокъ, а нѣчто совершенно противоположное. Если бы въ будущемъ монархъ съ приближенными пустилъ въ оборотъ проектъ закона, изъемлющаго землю изъ частной собственности, то они должны были бы, въ случаѣ принятія закона, показать на себѣ примѣръ этого, сдать государству свои поземельныя владѣнія. Ясно также, что каждый шагъ на пути къ осуществленію соціалистическаго строя связанъ съ демократизаціей общества, съ ослабленіемъ личнаго начала въ управленіи: самыя великія услуги въ этой области, оказанныя монархомъ и его сотрудниками, не увеличили бы ихъ власти, не были бы для нихъ источникомъ того рода почестей, какія особено любятъ эти господа. А потому былъ бы нуженъ такой составъ тріумвирата, какой по личнымъ качествамъ представляетъ явленіе, гораздо болѣе рѣдкое, нежели то, что необходимо для успѣховъ на полѣ брани и во внѣшнихъ, дипломатическихъ отношеніяхъ: великодушіе, самоотреченіе. Эти качества въ монархѣ и нѣсколькихъ лицахъ, могущихъ быть его ближайшими сотрудниками, настолько рѣдки, необычны, что очень мало вѣроятія дождаться такого тріумвирата.

Однако, есть гораздо болѣе вѣскія побужденія, чтобы не уподоблять

коренныхъ экономико-юридическихъ преобразованій крупнымъ измѣненіемъ въ политической жизни: послѣднія встрѣчаютъ въ обществѣ гораздо меньшее противодѣйствіе, нежели первыя. Политическія перемѣны, выразившіяся въ объединеніи Германіи, непосредственно нарушали интересы очень небольшого круга, нѣсколько десятковъ корольковъ и князьковъ, которые теряли значительную часть своихъ правъ и авторитета, и нѣсколькихъ сотъ, пожалуй, даже тысячъ высшихъ чиновниковъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ и, въ конечномъ итогѣ, той среды, откуда вербовались эти чиновники: министръ въ Брауншвейгѣ или Рейссъ-Грейцѣ былъ до 1871 года болѣе крупной фигурой, нежели теперь, и, конечно, объединеніе Германіи вовсе не соотвѣтствовало его вкусамъ Но въ итогѣ всѣ эти, несомнѣнно враждебныя германскому объединенію, силы представляли слишкомъ малую величину, чтобы можно было считать ихъ серьезными преградами. Партикуляризмъ въ большихъ группахъ населенія былъ чѣмъ-то навѣяннымъ извнѣ, столь же неосязаемымъ и невѣсомымъ, какъ любовь къ Landesvater'y. Конечно, невѣжество многочисленныхъ массъ побуждало ихъ вѣрить тѣмъ великимъ опасностямъ, которыя по истинному или притворному убѣжденію настоящихъ партикуляристовъ, будто бы, угрожали народу по объединеніи Германіи. Но ожиданіе опасностей начало проходить очень скоро: первые же годы существованія объединенной Германіи ознаменовались крупными выгодами для всѣхъ классовъ населенія: промышленность и торговля пріобрѣли значеніе, котораго онѣ не знали ранѣе; заработная плата поднялась; крупное и среднее землевладѣніе гдѣ-нибудь въ Баваріи или Вюртембергѣ тотчасъ же поняло, что найдетъ не враговъ, а союзниковъ въ прусскихъ юнкерахъ, которые еще сохранили въ государствѣ большую совокупность политическихъ правъ. Такимъ образомъ понадобилось очень немного времени, чтобы политико-стратегическіе успѣхи, связываемые съ именами Вильгельма I и его главныхъ сподвижниковъ, нашли радостный откликъ во всѣхъ концахъ страны.

Все это — игрушечныя преграды сравнительно съ тѣми, которыя предстоятъ на пути такой, напримѣръ, реформѣ, какъ изъятіе земли изъ частной собственности, хотя бы даже реформа состояла не въ безвозмездномъ отчужденіи земли, а въ выкупѣ. Подумаемъ о возбужденіи страстей въ крупныхъ землевладѣльцахъ, которые еще не утратили привычки считать владѣніе землей основой и политическихъ правъ. Подумаемъ о взрывѣ негодованія со стороны крупнѣйшихъ крестьянъ-собственниковъ, которые относятся къ соціализму еще очень враждебно. Добавимъ, наконецъ, что этотъ планъ встрѣтилъ бы рѣзкій отпоръ со стороны промышленнаго класса: отчасти потому, что многіе представители этого класса вносятъ въ землю свои сбереженія и пріобщаются къ рядамъ землевладѣльцевъ, главное же потому, что за такимъ планомъ нужно было бы ждать дальнѣйшаго—мѣропріятій по изъятію нѣкоторыхъ отраслей промышленности изъ вѣдѣнія отдѣльныхъ лицъ и частныхъ обществъ.

Остановимся на третьемъ условіи, которое такъ легко склоняетъ ко мнѣнію, что воля владыки въ отсталыхъ странахъ можетъ служить источникомъ самыхъ прогрессивныхъ мѣропріятій. Такое убѣжденіе всего легче внушается и поддерживается фактами, которые происходятъ въ Россіи и обыкновенно получаютъ неправильное истолкованіе. Многія мѣропріятія могутъ быть проведены въ Россіи легче, чѣмъ въ Западной Европѣ. Отсюда — наклонность дѣлать поспѣшное обобщеніе: предполагать, что Россія поставлена болѣе благопріятно, нежели Западъ, для выполненія коренныхъ реформъ. А такъ какъ Россія получала до сихъ поръ реформы по велѣнію самодержавнаго монарха, то и является предположеніе, что неограниченная монархія представляетъ очень удобное поле для крупныхъ

преобразованій внутренней жизни. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ и покажемъ на нихъ, какъ ошибочны такіе выводы.

Фабричные законы развивались въ Западной Европѣ, особенно въ Англіи, медленно и постепенно. Каждый годъ или каждые 2 — 3 года прибавлялось что-нибудь новое къ нормамъ, которыя упорядочивали положеніе фабричныхъ работниковъ. И обыкновенно каждое дополненіе къ созданнымъ нормамъ проходило не безъ препятствій со стороны той или другой группы среди народныхъ представителей. Въ Россіи, начиная отъ 1882 года, были въ нѣсколько пріемовъ созданы фабричные законы, сходные съ законами нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствъ. Отсюда напрашивается ближайшій выводъ, что соціально-политическія мѣропріятія, несомнѣнно прогрессивныя, могутъ столь же легко осуществиться въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ. Не слѣдуетъ, однако, увлекаться одними внѣшними признаками: благопріятный выводъ окажется ложнымъ, разъ мы примемъ въ разсчетъ обстановку, при которой примѣняются фабричные законы.

На Западѣ широкое право коалицій, развитые союзы рабочихъ служатъ причинами того, что пробѣлы въ фабричныхъ законахъ могутъ быть легко пополняемы. Англія и Бельгія не знаютъ опредѣленной закономъ наибольшей длины рабочаго дня для мужчинъ. Но посредствомъ стачекъ или соглашеній союзовъ рабочихъ съ предпринимателями высшій предѣлъ рабочаго дня сведенъ до 10,9, а мѣстами и до 8 часовъ. Фабричные законы устанавливаютъ рядъ правилъ, которыя охраняютъ здоровье рабочихъ отъ вреда со стороны машинъ; однако, эти правила не идутъ въ детали, которыя охватывали бы каждый промыселъ. Но союзы рабочихъ не дремлютъ: они присматриваются къ техникѣ своихъ промысловъ до мельчайшихъ подробностей и настойчиво требуютъ отъ хозяина, чтобы были принимаемы мѣры предосторожности, были соблюдаемы въ интересахъ здоровья рабочихъ такія правила, о которыхъ не говорятъ законы. Стоитъ припомнить по этому поводу цѣлый сводъ правилъ, который выработанъ въ Германіи союзомъ рабочихъ-каменщиковъ и частью принятъ хозяевами каменщиками къ обязательному исполненію. Словомъ, тамъ, гдѣ фабричные законы неполны, союзы рабочихъ, благодаря внимательному отношенію къ своимъ интересамъ и широкой личной свободѣ, энергически стремятся пополнить ихъ и тѣмъ создаютъ новые обычаи, которые имѣютъ и въ сферѣ соціальной политики не меньшее значеніе, чѣмъ въ другихъ областяхъ жизни. Точному примѣненію фабричныхъ законовъ вся жизнь обезпечиваетъ очень надежныя гарантіи. Для правительства остается тѣсный кругъ, гдѣ оно распоряженіями можетъ ограничивать область дѣйствія законовъ. Случаи, когда правительство, въ угоду отдѣльнымъ предпринимателямъ, нарушало бы законъ и выходило за предѣлы этого круга, совершенно невозможны. Каждый годъ появляются въ печати подробные отчеты фабричныхъ инспекторовъ. Печать, служащая интересамъ рабочихъ, и союзы рабочихъ подвергаютъ строжайшей критикѣ какъ эти отчеты, такъ и всю дѣятельность каждаго фабричнаго инспектора, если они даютъ хотя малѣйшій поводъ сомнѣваться въ его добросовѣстности или преданности дѣлу. Все, вмѣстѣ взятое, образуетъ изъ фабричныхъ законовъ такое цѣлое, каждая часть котораго имѣетъ значительное, а иногда и глубокое вліяніе на бытъ рабочихъ классовъ.

Мы не находимъ въ Россіи ничего подобнаго. Жизнь идетъ впередъ, вызываетъ фабричные законы, а Западная Европа даетъ для нихъ готовые образцы. Но если министръ, знакомый съ западными учебниками, поручаетъ своимъ столоначальникамъ составить проектъ такихъ законовъ и проводитъ чрезъ государственный совѣтъ, то и онъ самъ, и другіе убѣж-

дены, что фабричные законы во многомъ будутъ оставаться мертвой буквой и рѣшительно не будутъ стѣснять промышленниковъ тамъ, гдѣ то было бы невыгодно для нихъ хотя въ малой мѣрѣ.

Русская жизнь до настоящаго времени не давала силъ, которыя могли бы восполнять фабричные законы. Если послѣдніе установляютъ 11 часовъ, какъ высшій предѣлъ рабочаго дня, то пониженіе этой нормы въ отдѣльныхъ отрасляхъ или заведеніяхъ можетъ наступить только по усмотрѣнію предпринимателей. И, въ самомъ дѣлѣ, факты показываютъ, что хозяева отдѣльныхъ фабричныхъ заведеній, особенно въ Привислинскомъ краѣ, вводятъ 10- и даже 9-часовой рабочій день и тѣмъ подмѣниваются надъ 11 часовымъ maximum'омъ либеральныхъ фабричныхъ законовъ. Гдѣ же хозяинъ не соблаговолилъ сдѣлать это, тамъ трудно достигнуть пониженія одними требованіями со стороны рабочихъ. Если законъ о фабрикахъ и заводахъ содержитъ повелѣніе относительно порядка, охраняющаго здоровье рабочихъ въ прядильняхъ, ткацкихъ, химическихъ заводахъ, но нѣтъ таковыхъ относительно сахароваренаго производства и строительнаго промысла, то нѣтъ налицо силъ, которыя, будучи прямо заинтересованы въ наличности такихъ правилъ, непрерывно и настойчиво требовали бы ихъ изданія. Свобода коалицій неизвѣстна; союзы рабочихъ не существуютъ. Нѣтъ именно той среды, которая, выработавъ хорошо приспособленные органы, является главной печальницей о нуждахъ рабочаго класса. И нужно было наступленіе особенно благопріятнаго случая, дабы въ законодательствѣ могли быть пополнены эти пробѣлы: нужно было, чтобы въ министерствѣ, которое завѣдуетъ фабриками, сложилось теченіе, благопріятное дальнѣйшему развитію фабричныхъ законовъ, чтобы «любители» изъ людей всякаго званія и состоянія въ печати и ученыхъ обществахъ часто напоминали о той или другой неполнотѣ въ этихъ законахъ, а главное, чтобы въ отрасляхъ промышленности, гдѣ упорядоченіе нѣкоторыхъ сторонъ особенно важно, не было очень сильныхъ людей, готовыхъ защищаться отъ малѣйшаго ограниченія своей исконной власти и привычнаго произвола. Предъ такими людьми должностныя лица, отъ низшихъ до высшихъ, ломаютъ шапки съ чисто профессіональнымъ увлеченіемъ, и законодатель неохотно вторгается въ область ихъ господства.

Нѣтъ также сколько-нибудь надежныхъ гарантій, что фабричные законы не будутъ изуродованы въ своемъ примѣненіи. Исполнительной власти открывается широкій просторъ, дабы, посредствомъ распоряженій, совершенно искалѣчивать законъ и давать должностнымъ лицамъ, которыя блюдутъ за его исполненіемъ, такія указанія, которыя являются прямой отмѣной закона или, по крайней мѣрѣ, уродованіемъ его во многихъ частяхъ. Негласность этихъ распоряженій, неопубликованіе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ или опубликованіе только нѣкоторыхъ, только того, что можетъ представить положеніе дѣлъ съ показной стороны, тяжелыя оковы, лежавшія на печати, отрѣзывали пути для общественнаго мнѣнія, какъ силы, способной контролировать должностныхъ лицъ, приставленныхъ къ этому дѣлу. Сравнивая условія жизни въ Западной Европѣ съ русскими, можно разсуждать такъ. Если бы развитіе фабричныхъ законовъ въ наиболѣе передовыхъ странахъ Запада остановилось на томъ уровнѣ, котораго они достигли въ настоящее время, то дѣятельность союзовъ рабочихъ въ этомъ направленіи обезпечила бы дальнѣйшее улучшеніе быта рабочихъ въ процессѣ производства. Предполагается при этомъ, что свобода коалицій осталась бы въ томъ объемѣ, какъ теперь. Каждая же пріостановка въ развитіи русскаго фабричнаго законодательства была бы связана съ регрессивнымъ движеніемъ въ бытѣ рабочихъ.

фабричный инспекторатъ, циркулярно отклоняемый отъ своихъ существенныхъ, закономъ опредѣленныхъ обязанностей, не получалъ бы толчковъ со стороны новыхъ законовъ и сдѣлался бы еще менѣе бдительнымъ органомъ, чѣмъ нынѣ, а отсутствіе свободы коалицій и союзовъ рабочихъ препятствовало бы образованію силъ, которыя создаютъ въ мірѣ промышленности широко распространенные и обязательные для хозяевъ обычаи, выгодные для рабочаго класса.

Возьмемъ другой примѣръ: изъятіе отдѣльныхъ отраслей промышленности изъ рукъ частныхъ предпринимателей. Если на мѣсто частныхъ предпринимателей становится казна, то получается впечатлѣніе, что созданы формы, которыя могутъ легче перейти въ соціалистическое производство будущаго, нежели фабрики, заводы, рудники и склады, принадлежащіе частнымъ лицамъ или акціонернымъ обществамъ. Предполагается, что въ послѣднемъ случаѣ еще долженъ совершиться нелегкій процессъ сосредоточенія многихъ единицъ въ одно цѣлое, процессъ, который потребуетъ въ будущемъ большихъ усилій и затратъ: нужно будетъ подготовить предпринимателей къ отказу отъ ихъ правъ; нужно будетъ выкупить у нихъ зданія, машины, матеріалы. Въ первомъ же случаѣ сосредоточеніе окончено; все дѣло сведется къ тому, что, безъ всякаго посредствующаго процесса, соціалистическое государство будущаго явится въ данной отрасли наслѣдникомъ современной казны, какъ хозяина различныхъ промышленныхъ предпріятій. Представляется, что Россія, введеніемъ казенной монополіи по продажѣ вина, сдѣлала нѣкоторый шагъ въ направленіи соціалистическаго строя, что Россія, съ преобладаніемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ надъ частными, болѣе удовлетворяетъ требованія программы соціализма, нежели Англія, гдѣ желѣзныя дороги принадлежатъ частнымъ обществамъ. И быстрота, съ которою именно въ Россіи совершилось введеніе казенной винной монополіи даетъ еще одинъ лишній поводъ думать, что въ этой странѣ легко могутъ быть проводимы крупныя хозяйственныя реформы.

Такое мнѣніе является грубой ошибкой. Если извѣстная отрасль производства (почта, телеграфъ) переходитъ въ вѣдѣніе государства изъ соображенія о полезности этого перехода для общества и не становится источникомъ государственныхъ доходовъ, то ея будущность опредѣляется самимъ фактомъ перехода: соціалистическое общество получитъ эту отрасль въ наслѣдство отъ современнаго государства безъ всякихъ ограниченій и осложненій, съ которыми будетъ связано соціализированіе отраслей промышленности, находящихся нынѣ въ вѣдѣніи частной предпріимчивости. Государству будущаго придется заботиться только о техническомъ усовершенствованіи такихъ отраслей. Иначе стоитъ дѣло относительно отраслей, которыя государство изъемлетъ теперь изъ вѣдѣнія частныхъ лицъ, дабы сдѣлать ихъ источникомъ своихъ доходовъ. Направляя вниманіе только на эту сторону, государство стоитъ за ихъ сосредоточеніе (за удержаніе въ вѣдѣніи казны) до тѣхъ поръ, пока казенное завѣдываніе обезпечиваетъ государству наибольшій доходъ изъ этого источника. Разъ это не достигнуто, разъ явилось предположеніе, что данная отрасль можетъ лучше развиваться въ вѣдѣніи частныхъ лицъ и приносить казнѣ больше или, по крайней мѣрѣ, не меньше, чѣмъ при казенномъ управленіи, то она снова будетъ передана въ вѣдѣніе частныхъ обществъ. Жизнь любой страны даетъ много примѣровъ этого рода. Какъ въ недавнемъ прошломъ русскія желѣзныя дороги переходили отъ казны къ частнымъ лицамъ, или какъ продавались казенные рудники, горные заводы, такъ возможно въ будущемъ уничтоженіе казенной водочной монополіи или иной. Думать иначе—значитъ навязывать правительству отсталой страны образъ

мыслей, который ему совершенно чуждъ и долженъ долгое время оставаться чуждымъ, значитъ усматривать стремленіе къ созданію новыхъ и болѣе совершенныхъ формъ промышленности тамъ, гдѣ есть одинъ расчетъ: обложить потребителя возможно болѣе высокими налогами. Было бы также большою наивностью думать, что—долго или коротко остается отрасль промышленности въ вѣдѣніи казны—казенное управленіе воспитываетъ элементы, необходимые для развитія рабочаго класса. Движеніе пролетаріата впередъ въ направленіи соціалистическаго общества имѣетъ опредѣляющимъ условіемъ повышеніе его матеріальнаго благосостоянія и духовнаго развитія. А трудъ въ казенныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ вовсе не обезпечиваетъ работникамъ ни того, ни другого. Заработная плата въ этихъ предпріятіяхъ обыкновенно не выше, нежели въ частныхъ; а росту духовнаго развитія ставятся большія преграды, чѣмъ въ частныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Полицейскій характеръ надзора особенно препятствуетъ такому чтенію, которое могло бы способствовать политическому развитію работающихъ. Стачкамъ и забастовкамъ, которыя благотворно дѣйствуютъ на воспитаніе солидарности среди рабочихъ, ставятъ очень большія преграды. Такимъ образомъ, легкость, съ которой въ отсталыхъ странахъ единичныя предпріятія и даже цѣлыя отрасли производства могутъ становиться изъ частныхъ казенными, не даетъ и слабаго ручательства за то, что ускорится наступленіе соціалистическаго строя. Напротивъ, есть основаніе утверждать, что переходъ отрасли производства отъ частныхъ предпринимателей въ казну является чисто реакціонной мѣрой. Въ странахъ, гдѣ рабочій классъ имѣетъ значительную свободу, привычка пользоваться ею, привычка имѣть довольно большія права сохраняется и при переходѣ какой-либо отрасли производства въ казну. Если бы въ одной изъ передовыхъ странъ Европы какая-либо отрасль промышленности была признана монополіей казны, то — можно сказать съ увѣренностью—рабочіе этой отрасли не согласились бы стать членами другой политической партіи, нежели той, къ которой принадлежали ранѣе, не перестали бы читать свои любимыя газеты, не отказались бы отъ привычныхъ формъ общенія, отъ агитаціи и т. п. При довольно высокой ступени политическаго развитія народа, управленіе казенной фабрикой было бы недовольно сильно, чтобы принудить рабочихъ отбросить упрочившіяся привычки. Въ странѣ отсталой, гдѣ рабочій классъ еще не имѣетъ прочныхъ организацій, администрація казенныхъ предпріятій могла бы задержать начавшееся движеніе.

Все изложенное даетъ намъ право сдѣлать два вывода: 1) Всѣ, будто бы, прогрессивныя экономико-юридическія явленія, которыя совершаются въ жизни отсталыхъ странъ, имѣютъ менѣе прогрессивное значеніе, нежели то принять думать, а часто имѣютъ даже реакціонный характеръ. 2) Неограниченный монархъ не можетъ достигнуть того, чтобы его страна совершила прыжокъ черезъ рядъ посредствующихъ звеньевъ изъ строя капиталистическаго въ соціалистическій. Онъ можетъ способствовать совершенію ближайшаго шага—установленію конституціонной формы правленія. Чѣмъ болѣе ограниченіе его власти вызывается состояніемъ дѣлъ въ странѣ, трудностью управлять на началѣ самодержавія, тѣмъ болѣе нужно признавать этотъ переходъ необходимымъ и тѣмъ меньше основаній ставить этотъ переходъ монарху въ заслугу. Напротивъ, чѣмъ дольше могла бы еще страна жить, или, вѣрнѣе, влачить существованіе при старомъ порядкѣ, тѣмъ болѣе чести монарху, который, вводя конституціонное правленіе, ограничиваетъ свою власть. Только въ послѣднемъ случаѣ онъ обнаруживаетъ и настоящую государственную мудрость и истинный патріотизмъ. И только въ послѣднемъ случаѣ, не ставя ему

одному въ заслугу всего соціально-политическаго преобразованія, совершеннаго въ странѣ, можно было бы поставить его во главѣ людей, способствовавшихъ этому преобразованію.

IX.

Вліяніе среды на личность такъ велико, что становится очевидной полная ошибочность мнѣнія Тарда, будто созданія науки всецѣло носятъ на себѣ печать индивидуальности. Каковы бы ни были зародыши наукъ и первоначальная группировка научныхъ положеній, здѣсь «все индивидуальнаго происхожденія, не только матеріалы, но и планы, планы цѣлаго и деталей; все, даже то, что сдѣлалось достояніемъ всѣхъ просвѣщенныхъ умовъ и что преподается въ начальной школѣ, было первоначально тайной одинокаго ума, откуда этотъ маленькій свѣтильникъ, подвижный, робкій, едва бросаетъ лучи въ очень тѣсную сферу, выдвигавшую много возраженій, до тѣхъ поръ, пока, почерпнувъ силы изъ своего распространенія, онъ не засіялъ ослѣпительнымъ свѣтомъ» [139]). И, вотъ, когда мы припомнимъ, сколько нужно было времени и перемѣнъ въ научной средѣ и во всѣхъ условіяхъ жизни, дабы дарвинизмъ или ученіе Маркса засіяли ослѣпительнымъ свѣтомъ и сдѣлались достояніемъ многихъ умовъ, то мы скажемъ, что Тардъ преувеличилъ значеніе личности въ области научнаго творчества. Невольно приходятъ на память слѣдующія слова одного новѣйшаго историка: «идеи не служатъ движущими силами исторіи; въ самомъ основаніи движущей силой является скорѣе всеобщая духовная работа человѣческаго общества, о которомъ идетъ рѣчь, и притомъ какъ великихъ, такъ и малыхъ членовъ его, какъ могущественныхъ, такъ и слабыхъ; именно она, вмѣстѣ съ соотвѣтствующей работой предыдущихъ поколѣній, опредѣляетъ культуру даннаго времени и общій складъ исторической жизни» [140])

Я убѣжденъ, что человѣчество будетъ быстро идти впередъ, подниматься до самыхъ высокихъ формъ жизни, если никогда впредь не будетъ людей, способныхъ сравниться съ нѣкоторыми людьми особенно сильнаго ума и художественнаго дарованія, какихъ мы знаемъ въ прошломъ. Нуженъ ли Цезарь?—Вовсе не нуженъ. Какъ будетъ жить человѣчество, если не родится новый Гете или Рембрандтъ? Оно будетъ наслаждаться великими твореніями старыхъ мастеровъ и новыми созданіями, менѣе совершенными, но все же отвѣчающими на художественное чувство. Сумѣютъ ли наши потомки обойтись безъ новаго Дарвина или Канта? Опираясь на сумму знаній, которая уже добыта, множество дѣятелей будетъ продолжать разработку частностей и облегчать ихъ обобщеніе даже тѣмъ, кто уступаетъ творческой силой нѣкоторымъ умамъ въ прошедшемъ.

Предложимъ такой вопросъ: что нужно для человѣчества, дабы наступило, наконецъ, обновленіе его жизни?—Конечно, не Цезарь и не Карлъ Великій. Нужны сотни и тысячи людей съ пониманіемъ запросовъ народа, съ простымъ, чистымъ сердцемъ, съ любовью къ людямъ вообще, въ частности, къ людямъ своей земли, съ ненавистью къ гнету, съ готовностью жертвовать собою за свободу, которая вѣчно юна, всегда прекрасна, всегда желанна. Какъ бы каждый изъ этихъ тысячъ ни уступалъ Цезарю силами ума и воли, они, вмѣстѣ будутъ дѣлать дѣло величайшее изъ великихъ, превыше того, что совершилъ Цезарь.

Аристократическій взглядъ устарѣлъ; пора сдать его въ музей древностей.

Прогрессивенъ только одинъ идеалъ,—истинно демократическій. Мы знаемъ, что огромныя массы людей производятъ полезную работу во

всѣхъ сферахъ жизни,—отъ простѣйшихъ занятій до научнаго и художественнаго творчества и сложныхъ практическихъ дѣлъ. Національные и международные конгрессы собираютъ для научныхъ и практическихъ цѣлей тысячи и тысячи участниковъ; въ теченіе короткаго періода времени, напримѣръ, 2—3 лѣтъ, эти люди увеличиваютъ запасъ знаній человѣчества и его опытность. Намъ извѣстно и другое: множество людей могли бы производить работу, полезную для всѣхъ, но на ихъ пути встрѣчаются высокія преграды. Эти люди связаны, и ихъ способности остаются въ безнадежной тѣни. Вспомнимъ хотя бы о томъ, что тысячи учителей, работающихъ на русской землѣ не приносятъ всей той пользы, которую могла бы приносить ихъ дѣятельность. Не забудемъ, что и въ странахъ болѣе высокой культуры духовныя силы многихъ не достигаютъ полнаго расцвѣта.

Будущее, не создавая единичныхъ героевъ, обратитъ милліоны и милліоны загнанныхъ существъ въ истинныхъ людей съ развитой индивидуальностью, съ сознаніемъ личнаго достоинства. Оно не вложитъ ни въ кого творческой силы, которая создаетъ *Фауста* или *Гамлета*, но сдѣлаетъ гораздо больше. Милліоны людей будутъ свободно, радостно и успѣшно трудиться во всѣхъ сферахъ жизни. Вѣрные началамъ болѣе возвышенной морали, эти милліоны образуютъ, по сравненію съ настоящимъ, болѣе привлекательные и совершенные типы людей для управленія общими дѣлами, для семейныхъ отношеній, для простой пріязни и сосѣдства. Въ этомъ царствѣ не будетъ лиллипутовъ, но многіе приблизятся къ Гулливеру.

Вдохновляясь демократическимъ идеаломъ, мы видимъ предъ собой безграничное поле для плодотворной работы. Въ странахъ самой высокой культуры соціализмъ еще не собралъ подъ свое знамя большинства людей. Тамъ, въ Азіи, спятъ милліоны индусовъ и китайцевъ. Это—наслѣдники старыхъ цивилизацій. Природа надѣлила ихъ великими дарами; они ждутъ толчка, чтобы примкнуть къ общему движенію. Исторія отдѣльныхъ народовъ насчитываетъ длинный рядъ вѣковъ. Исторія же человѣчества во всемъ своемъ величіи начнется только тогда, когда свѣтильникъ, зажженный на Западѣ, озаритъ и эти дремлющіе міры. Много поколѣній будутъ трудиться въ виду этой цѣли.

Познавъ ее, какъ цѣль всечеловѣческую, мы почерпаемъ въ ней великое утѣшеніе; оно можетъ спасти насъ отъ разъѣдающаго пессимизма. Эта цѣль помогаетъ намъ примириться и съ сознаніемъ краткости нашего бытія. Мы пришли; мы пройдемъ. Но внутренній голосъ говоритъ, что, связавъ себя съ этой цѣлью, мы пройдемъ небезслѣдно. Задачи, стоящія передъ нами, возвышенны; трудъ надъ ними сладостенъ: и каждый, сдѣлавъ на этой нивѣ хоть немногое, можетъ сказать спокойно и радостно: я позналъ смыслъ своей жизни; я сумѣлъ связать ее съ жизнью всѣхъ.

ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ.

О сходствахъ и различіяхъ въ развитіи народовъ.

I.

Чѣмъ больше вниманія посвящается въ странахъ отсталыхъ изученію общественныхъ вопросовъ, тѣмъ ярче обнаруживается желаніе разгадать будущее, навстрѣчу которому идутъ такія страны. Передъ ними—народы старой цивилизаціи, опередившіе своихъ сосѣдей на десятки и даже сотни лѣтъ. Цивилизація, подвинувшись впередъ, во многомъ измѣ-

нила къ лучшему жизнь обществъ, которыя прогрессируютъ особенно быстро; но она принесла съ собою и невзгоды, еще незнакомыя отсталому народу или менѣе рѣзкія на фонѣ его несложнаго быта. Въ странѣ менѣе развитой культуры предъ каждымъ любознательнымъ умомъ возникаетъ вопросъ; пойдетъ ли дальнѣйшее развитіе его родины тѣмъ же путемъ, которымъ оно шло у опередившихъ народовъ? Если этотъ путь неизбѣженъ, то нельзя ли пройти его такъ, чтобы усвоить блага, принесенныя человѣчеству культурой, и избѣгнуть ея темныхъ сторонъ? Если же нѣтъ необходимости, чтобы дальнѣйшее движеніе совершалось такъ, какъ у другихъ народовъ, если въ прошлыхъ судьбахъ отставшей страны есть особенности, неизвѣстныя другимъ обществамъ, то не будетъ ли для нея въ грядущемъ такихъ условій, которыя неизвѣстны ея сосѣдямъ?

Разногласія во мнѣніяхъ, раздѣлявшія еще въ первой половинѣ XIX вѣка русскую литературу на два стана—славянофильскій и западническій, и до сихъ поръ не утратили своей остроты, ни своего вліянія на русскую общественную мысль Мы не ошибемся, сказавъ, что теперь это вліяніе даже болѣе велико, чѣмъ при Аксаковѣ, Хомяковѣ, Бѣлинскомъ. Въ ту пору предъ Россіей стоялъ Западъ съ буржуазнымъ обществомъ, еще недостигшимъ полнаго расцвѣта, и грядущимъ соціалистическимъ, которое представлялось въ неясныхъ очертаніяхъ даже самымъ сильнымъ умамъ. Темныя стороны буржуазнаго періода были у всѣхъ на виду; но онѣ еще не получили самаго яркаго выраженія и уже потому не могли оказывать подавляющаго вліянія на русскую литературу. Соціализмъ былъ привлекателенъ; но въ немъ было мало реальнаго. Онъ подчинялъ себѣ людей пылкаго воображенія, но не могъ дѣйствовать на спокойный умъ, привыкшій считаться съ реальнымъ и не ставить задачъ относительно далекаго будущаго. Такимъ образомъ, западная жизнь представляла меньше условій, способныхъ дѣйствовать на умъ и чувство обширныхъ слоевъ: фактами она давала меньше для негодованія; утопическими планами относительно грядущаго она давала меньше для обоснованныхъ надеждъ, для отчетливаго сознанія, что это будущее необходимо, и для настойчиваго исканія въ русской жизни условій, которыя могутъ привести прямо къ такому будущему, безъ посредствующихъ ступеней, переживаемыхъ Европой.

За послѣднія десятилѣтія и русская, и западно европейская жизнь представляютъ данныя, способныя сильнѣе дѣйствовать на умъ и чувство русскихъ людей. На Западѣ капиталистическое хозяйство справляетъ величайшіе тріумфы; рядомъ съ ними рѣзко выдѣляются всѣ отрицательныя явленія, которыя должны сопутствовать капитализму. Эти явленія абсолютно уступаютъ тому, что было ранѣе извѣстно Европѣ: нищета и безпомощность бѣдныхъ классовъ были 50 лѣтъ тому назадъ болѣе велики, чѣмъ теперь; ихъ невѣжество—грубѣе. Но нужды, сравнительно съ блестящимъ фономъ, который созданъ капитализмомъ, освѣщены ярче, а потому сильнѣе дѣйствуютъ на наблюдателя и вызываютъ въ русскомъ человѣкѣ болѣе настойчивое желаніе, чтобы эти явленія миновали Россію. Но среди отрицательныхъ сторонъ западно-европейскаго строя зарождается новое общество. На смѣну утопическаго выступилъ реальный соціализмъ, собравшій подъ свое знамя милліоны людей. Онъ занимаетъ все больше мѣстъ въ парламентахъ; онъ дѣйствуетъ все болѣе успѣшно въ общинномъ управленіи; онъ расшатываетъ устои современнаго общества не только критикой его темныхъ сторонъ, но и положительной работой, вносящей въ современность то, что разчищаетъ путь для грядущаго. Соціализмъ могъ быть предметомъ не только поклоненія, но и осмѣянія, когда хотѣлъ создать новое общество въ пустынѣ и вырывалъ изъ мил-

ліоновъ людей нѣсколько сотъ, въ лучшемъ случаѣ, пару тысячъ, чтобы они, открестившись отъ всего, привитого имъ культурой и образовавшаго въ каждомъ изъ насъ прочное наслоеніе, творили изъ ничего. Соціализмъ нашихъ дней можетъ быть не менѣе, чѣмъ его предшественникъ, предметомъ поклоненія; предметомъ же осмѣянія онъ быть не можетъ. Распространяя свое вліяніе на милліоны людей, преобразуя ихъ міросозерцаніе, онъ требуетъ, чтобы каждый оставался на своемъ мѣстѣ и въ той области, гдѣ ему суждено жить и дѣйствовать, производилъ работу, вытекающую изъ соціалистическаго пониманія міра; соціализмъ требуетъ, чтобы вся жизнь его послѣдователей была направлена на измѣненіе міросозерцанія другихъ людей, чтобы и словомъ и дѣломъ они расшатывали современное общество на всемъ пространствѣ европейско-американскаго міра. Поднявшись на эту ступень, соціализмъ можетъ возбуждать только два чувства: страхъ однихъ и сознательную любовь другихъ. Второе чувство захватываетъ всей силой прогрессивную часть русскаго, какъ и всякаго другого общества. У тѣхъ, кто не убѣжденъ, что Россія можетъ дойти своимъ особымъ путемъ до осуществленія соціалистическаго общества, это чувство ведетъ къ примиренію съ темными сторонами западно-европейской жизни и усиливаетъ желаніе, чтобы наше отечество поскорѣе цѣликомъ вошло въ періодъ капитализма. Убѣжденіе, что будетъ именно такъ, поддерживается наблюденіемъ экономической жизни Россіи за послѣднія десятилѣтія. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, возникновеніе крупныхъ промышленныхъ единицъ и оттѣсненіе мелкаго производства укрѣпляетъ увѣренность, что мы пойдемъ дорогой, по которой идетъ Европа.

Соблазнительныя картины, представляемыя широкимъ соціалистическимъ потокомъ Запада, дѣйствуютъ и на наслѣдниковъ славянофильства, народниковъ. Свѣтлое будущее, которое обѣщаетъ соціализмъ, увлекаетъ и ихъ. Но у нихъ живо убѣжденіе, что это можетъ быть достигнуто Россіей безъ многочисленныхъ темныхъ сторонъ, которыми надѣлило Западъ капиталистическое развитіе. И эта увѣренность поддерживается сознаніемъ, что въ русской жизни еще сохранились многія особенности, непримиряющіяся съ полнымъ развитіемъ капитализма, способныя помѣшать его крайнему выраженію въ Россіи и ускорить переходъ къ болѣе совершенному общественному строю.

II.

Можно содѣйствовать уясненію этого вопроса напоминаніемъ о сходствахъ и различіяхъ, которыя сближаютъ и раздѣляютъ народы въ ихъ историческомъ развитіи.

Если спросить человѣка о томъ, больше между народами сходствъ или различій, то онъ, навѣрное, отвѣтитъ, что, какъ ни велики различія, сходства между людьми болѣе значительны. Давъ такой отвѣтъ, онъ высказалъ бы то же, къ чему приходитъ соціологія по изученіи огромнаго матеріала, относящагося до многихъ и весьма различныхъ обществъ. Возьмемъ нѣкоторые факты изъ міра хозяйственныхъ явленій, прежде всего размѣщеніе людей по земному шару.

Этотъ фактъ принадлежитъ къ основнымъ; онъ является повсюду, на всѣхъ ступеняхъ развитія съ однѣми и тѣми же отличительными чертами. Благодаря особенностямъ своей природы, люди размножаются. Небольшой клочокъ земли, который первоначально занимаетъ группа, становится тѣсенъ для размножившагося населенія, и оно стремится занять большое пространство. Въ передвиженіяхъ людей, которыя совершались отъ начала историческаго періода и до сихъ поръ, всегда наблюдаются двѣ особенности; люди стремятся туда, гдѣ они надѣются найти наиболь

шій запасъ естественныхъ богатствъ и наиболѣе благопріятныя условія жизни, и наиболѣе быстро распространяются въ ту сторону, гдѣ встрѣчаютъ наименьшее сопротивленіе. Переселеніе народовъ съ востока на западъ въ послѣдніе вѣка Римской имперіи было вызвано именно тѣмъ, что части Европы, подчиненныя римскому владычеству, были заманчивы для варваровъ и плодородными землями, равно пригодными для временной стоянки и прочнаго водворенія, и цвѣтущими городами, въ стѣнахъ которыхъ были накоплены большія богатства, обѣщавшія обильную наживу. Норманны направлялись съ сѣвера Европы на югъ, подъ благословенное небо Италіи, Испаніи, южной Франціи. Зачатки русской государственной жизни сложились въ непріютной Новгородской области; но уже при второмъ князѣ дружина, полускандинавская-полуславянская, стремится на югъ, центръ исторической жизни перемѣщается въ Кіевъ, и воинственные князья идутъ со своими вожделѣніями дальше, вплоть до Царьграда. И эта черта.—исканіе людьми лучшихъ мѣстъ для временнаго пребыванія или постоянной осѣдлости—сказывается вплоть до нашихъ дней; а подъ «лучшими мѣстами» разумѣются всѣ тѣ части земного шара, къ которымъ сознательно или безотчетно стремятся люди вслѣдствіе ихъ благодатнаго климата, плодоносной почвы, изобилія минеральныхъ богатствъ. Большая часть людей, принимавшихъ участіе въ крестовыхъ походахъ, бодро шла на востокъ, такъ какъ тѣ страны представлялись Европѣ полными очарованія, изобилующими всѣми богатствами, которыя разжигали воображеніе европейца, живущаго въ тяжелыхъ условіяхъ. И движеніе изъ Европы въ Соединенные Штаты, опредѣляемое за 19 столѣтіе 25 милліонами людей, должно быть сведено къ той основной причинѣ, которая когда-то толкала вандаловъ, гунновъ, вестготовъ. Для немногихъ изъ всей массы переселенцевъ Сѣверная Америка представлялась страной, привлекательной по своему политическому строю, по широко развитой личной свободѣ. Огромное большинство ѣхало и ѣдетъ туда потому, что земля дешева, заработная плата высока, быстро усложняющаяся хозяйственная жизнь предъявляетъ все большій запросъ на трудъ и обезпечиваетъ ему все большее вознагражденіе. То же двигаетъ въ Сибирь огромныя массы крестьянъ со всѣхъ концовъ Европейской Россіи. Почему же поселяне изъ Курской, Кіевской Полтавской губерній, мѣстностей съ умѣреннымъ климатомъ и плодородной почвой, направляются въ какой-нибудь Каинскій или Тарскій округа съ ихъ болотами, бездорожьемъ, міріадами насѣкомыхъ, отравляющихъ существованіе, съ короткимъ лѣтомъ, частымъ вымерзаніемъ посѣвовъ? Только потому, что русской деревнѣ, непросвѣтленной начатками знанія, эти мѣста, суровыя, безлюдныя, неприспособленныя для успѣшнаго веденія хозяйства, кажутся волшебнымъ царствомъ, гдѣ молочныя рѣки текутъ въ кисельныхъ берегахъ.

Эта черта, сближающая между собой народы всѣхъ частей земного шара и всѣхъ культуръ, обнаруживается на ряду съ другою—съ распространеніемъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Иногда наименьшія преграды обнаруживаются въ томъ направленіи, куда людей влекутъ разнообразныя естественныя богатства; иногда всего меньше сопротивленія тамъ, гдѣ земля неособенно заманчива; однако, она и тамъ становится объектомъ завладѣнія, такъ какъ, хороша или малоудобна земля, ея значительная площадь уже сама по себѣ является крупнымъ пріобрѣтеніемъ, облегчающимъ людей въ достиженіи хозяйственныхъ цѣлей. Великое переселеніе народовъ, перемѣщая арійскія и тюркскія племена изъ худшихъ условій жизни въ лучшія, совершилось по линіи малаго сопротивленія, ибо одряхлѣвшій Римъ не могъ противопоставить имъ серьезной преграды. Все, что было тогда захвачено этими племенами—равнины южной Россіи и Венгріи,

Балканскій полуостровъ, земли Италіи. Испаніи, Галліи, Сѣверной Африки—составляло лучшія мѣстности, извѣстныя людямъ того времени. Слѣдуетъ сказать то же и о Соединенныхъ Штатахъ. Первые поселенцы заняли въ Сѣверной Америкѣ мѣста, ближайшія къ Атлантическому океану; хороши или худы были эти мѣста, они уже по самому своему положенію должны были быть заселены раньше другихъ. Съ конца 18 столѣтія, когда Соединенные Штаты пріобрѣли независимость, они стали безостановочно расширяться. Предъ ними лежалъ огромный материкъ. Но сѣверная часть, Канада, имѣвшая уже довольно многочисленное населеніе (въ началѣ 19 столѣтія до $^1/_2$ милліона жителей) и правильный гражданскій бытъ, представила бы расширенію Соединенныхъ Штатовъ значительныя препятствія. А потому расширеніе совершалось на югъ и востокъ, гдѣ индѣйскія племена не могли поставить даже малѣйшую преграду. Легко двигаясь въ этомъ направленіи, американцы заняли площади, принадлежащія, какъ Миннезота, Айова, Дакота, Флорида, Техасъ, Калифорнія, къ богатѣйшимъ мѣстностямъ этого государства. Инымъ характеромъ отличается расширеніе предѣловъ Россіи. Вся Европейская Россія легко могла стать территоріей племени, занимавшаго первоначально небольшія площади въ бассейнѣ Днѣпра и Волги; но дальнѣйшее распространеніе на западъ, за Карпаты, было невозможно, такъ какъ ему служили преградой Польша и германскія племена. Поэтому, расширеніе Россіи пошло за Уралъ, на безграничную равнину, до того пустынную, что даже небольшіе отряды казаковъ могли присоединить къ московскому царству площади въ сотни тысячъ квадратныхъ верстъ. Какъ ни велики естественныя богатства Сибири, взятыя абсолютно, вся Азіатская Россія, если сравнить ея пространство съ тѣми положительными условіями, которыя она представляетъ для культуры, является гораздо меньшимъ пріобрѣтеніемъ, нежели было бы расширеніе Россіи на Западъ, въ Европу, по площади, несравненно меньшей. Историческія судьбы Россіи сложились такъ, что внѣ предѣловъ, отмежеванныхъ ей въ Европѣ, она могла, двигаясь по линіи наименьшаго сопротивленія, расширяться на востокъ. Но здѣсь преграды для ея роста были такъ незначительны, что она могла занять болѣе трети Азіи и выйти къ Великому океану, который открываетъ ей доступъ во всѣ части міроваго рынка. Эти двѣ особенности въ жизни народовъ выдѣляются теперь и въ отношеніяхъ европей каго міра къ магометанскому. Послѣднему еще принадлежатъ во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта обильныя естественныя богатства; сравнительно съ европейскихъ міромъ онъ обладаетъ слабой устойчивостью, и, вотъ, европейскіе народы надвигаются на него и подчиняютъ себѣ его отдѣльныя части посредствомъ войнъ и торговыхъ договоровъ въ Египтѣ и Персіи, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Малой Азіи и Марокко.

Сопоставляя различные народы, мы замѣчаемъ большое сходство между ними и въ томъ, что они проходятъ однородныя ступени въ своемъ хозяйственномъ развитіи. Старое дѣленіе, установившееся въ наукѣ по мысли Листа, что всѣ народы проходятъ періоды охоты и рыболовства, затѣмъ скотоводства, земледѣлія, промышленности и торговли, не соотвѣтствуетъ даннымъ, которыя за послѣднія десятилѣтія добыты изслѣдованіемъ быта дикихъ племенъ. Но можно безошибочно установить общія категоріи, къ которымъ естественно приводятся всѣ виды экономической дѣятельности, знакомые каждому народу на извѣстной ступени его развитія. Первичное хозяйство характеризуется тѣмъ, что люди берутъ для своего домашняго обихода блага, которыя даетъ природа почти готовыми, пріобрѣтеніе которыхъ человѣкомъ требуетъ нерѣдко довольно большого количества работы, но очень малаго запаса знаній и простѣйшихъ ору-

дій: рыбы, звѣри, растенія, встрѣчаемые въ дикомъ состояніи. Вторую ступень образуетъ такое хозяйство, когда человѣкъ приручилъ нѣкоторыхъ животныхъ (т. е. направилъ планомѣрный трудъ въ эту область), окружилъ себя ими и сдѣлалъ ихъ источникомъ своего существованія. Къ этому простѣйшему сознательному воздѣйствію на внѣшнюю природу примыкаютъ и зачатки обработывающей промышленности—приспособленіе кожи животныхъ для одежды. Дальнѣйшею ступенью въ развитіи хозяйства является воздѣйствіе на землю,—начатки земледѣлія. Этотъ періодъ предполагаетъ уже большее умственное развитіе людей и большее дисциплинированіе воли. Прирученіе дикихъ животныхъ связано со взятіемъ ихъ человѣкомъ во власть и удержаніе во власти. Разъ животное взято во власть, то непосредственно завладѣвшій имъ получаетъ приростъ къ своему имуществу; становится возможнымъ удовлетвореніе новыхъ потребностей. Воздѣйствіе же на землю требуетъ, чтобы человѣкъ умѣлъ выжидать нѣсколько мѣсяцевъ, отъ дня посѣва до дня полученія жатвы. За этотъ періодъ въ его хозяйствѣ не замѣчается прироста. А это терпѣніе предполагаетъ уже довольно хорошо воспитанную волю, т. е. болѣе высокое развитіе. Появленіе начатковъ земледѣлія ведетъ къ тому, что и ремесло дѣлаетъ успѣхи: нужно изготовлять орудія для земледѣлія; нужно молоть хлѣбныя зерна и т. д. Постепенно въ жизнь входятъ и зачатки обмѣна; они обнаруживаются еще въ ту раннюю пору, когда преобладаетъ скотоводство и только начинаетъ зарождаться земледѣліе. Мы не будемъ продолжать этихъ напоминаній. Словомъ, установляя самыя широкія рамки для хозяйственной жизни народовъ въ ихъ историческомъ развитіи, мы видимъ, что всѣ проходятъ эти ступени.

Если возьмемъ только народы европейско американскаго міра, т. е достигшіе довольно высокаго уровня культуры, и возьмемъ ихъ за послѣднія столѣтія, то увидимъ между ними большое сходство. Повсюду наблюдается въ земледѣліи переходъ отъ двухъ - и трехпольной системы къ многопольной и плодосмѣнной. Повсюду мелкая промышленность уступаетъ крупному производству все большую площадь. И это замѣтно не только въ странахъ цивилизаціи, но даже у такого народа, какъ японцы, которые примкнули къ общему движенію лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Останавливаясь на отношеніяхъ отдѣльныхъ народовъ къ міровому рынку, мы видимъ, что народы послѣдовательно, одинъ за другимъ, входятъ въ этотъ потокъ; онъ со всею силой направляетъ ихъ на пріобрѣтеніе колоній тамъ, гдѣ они встрѣчаютъ слабое сопротивленіе, и на договоры—о торговлѣ, судоходствѣ, сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, учрежденіи банковъ—съ тѣми странами, которыя имѣютъ прочный государственный бытъ и не пошли бы безъ сильнаго сопротивленія на уступку европейцамъ или американцамъ части своей территоріи. Въ этихъ направленіяхъ проторены очень широкіе пути; стали типичными пріемы, посредствомъ которыхъ расширяются рынки для европейскихъ товаровъ, рабочихъ рукъ, капиталовъ. И на этомъ пути, вслѣдъ за англичанами и французами, двигаются американцы, германцы, русскіе, бельгійцы, итальянцы, австрійцы, японцы и другіе.

Подобное же сходство замѣчается въ развитіи и упадкѣ важныхъ юридико-экономическихъ учрежденій. Напомню о томъ, что стало общимъ мѣстомъ,—о земельной общинѣ, которую изысканія новѣйшихъ ученыхъ нашли у всѣхъ народовъ на опредѣленной ступени ихъ развитія. То же даетъ намъ и изученіе правъ, которыми пользуется личность. Повсюду жизнь рисуетъ одну картину. На самыхъ раннихъ ступеняхъ общежитія, когда люди кочевали небольшими группами, мы находимъ полную зависимость ихъ отъ природы и сравнительную свободу всѣхъ,

насколько можно говорить о свободѣ въ то время, когда встрѣча двухъ небольшихъ группъ была началомъ столкновенія между ними, войны и гибели слабѣйшихъ. Болѣе правильно охарактеризовать этотъ періодъ, какъ періодъ рабства для всѣхъ предъ общимъ господиномъ—внѣшней природой. Нѣкоторые успѣхи людей въ пользованіи внѣшней природой и нѣкоторое ослабленіе зависимости отъ нея ведутъ къ установленію неравенства, къ выдѣленію меньшинства—господъ и большинства—рабовъ. Зависимость людей смягчается при переходѣ рабовъ въ крѣпостное состояніе; затѣмъ крѣпостной пріобрѣтаетъ личную свободу, и наемный трудъ получаетъ широкое распространеніе. А постепенно въ положеніи наемнаго труда совершаются перемѣны къ лучшему: уменьшается зависимость работника отъ нанимателя.

Мы наблюдаемъ также много сходства въ развитіи политической жизни, въ образованіи органовъ власти, въ формахъ государственнаго устройства, въ зарожденіи и развитіи религій, искусства и т. д.

III.

Сколько бы мы ни нашли сходствъ между народами и какъ бы эти сходства ни были велики, мы видимъ, что земной шаръ населенъ весьма различными группами человѣчества. И эти различія будутъ одинаково бросаться намъ въ глаза, наблюдаемъ ли мы людей, которые стоятъ на приблизительно одной и той же ступени общественнаго развитія или же на разныхъ. Велики уже чисто внѣшнія несходства. Есть племена негровъ, индѣйцевъ, малайцевъ, занимающихъ приблизительно одну и ту же ступень культуры, которую можно назвать начатками осѣдлаго состоянія; а между тѣмъ эти племена весьма различны и по внѣшности, и по характеру. Спенсеру, несмотря на всѣ его старанія, не удастся примирить и обобщить показанія путешественниковъ о первобытныхъ племенахъ. Такъ, путешественники изображаютъ ново-каледонцевъ, ново-гвинейцевъ, малайе-полинезійцевъ людьми добродушными, благожелательными, съ кроткимъ настроеніемъ духа. А относительно другихъ мы находимъ совершенно противоположныя указанія: мстительность составляетъ господствующую страсть бразильскихъ туземцевъ; фиджійцы мстительны и злобны; дамары, по словамъ двухъ выдающихся путешественниковъ, «неисправимые негодяи и воры». Изъ первобытныхъ туземцевъ Индіи, живущихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ между собою, одни отличаются кроткимъ нравомъ, а другіе—надменны, жестоки и мстительны [141]). Совершенно тоже можно сказать о различныхъ племенахъ, населяющихъ Кавказъ: одни мягки, добродушны, другіе—жестоки, склонны къ насильничеству.

Сравнимъ параллельно съ этими сопоставленіями типъ француза съ типомъ фламандца. Первая особенность французовъ та, что они отличаются чрезвычайною возбудимостью. Отсюда ихъ склонность къ удовольствіямъ и радостямъ во всѣхъ формахъ, преимущественно къ тѣмъ, которыя наиболѣе произвольны. Они легко приходятъ въ состояніе энтузіазма и оказываются малоспособными къ страсти сосредоточенной и устойчивой. Вслѣдствіе этого среди нихъ легко смѣняются идеи и предметы, которые вызываютъ восторгъ. Къ этому присоединяется чрезвычайная экспансивность; отсюда—общительность; отсюда—боязнь одиночества. Французы, не чувствуя себя счастливыми въ уединеніи, часто проникаются увѣренностью, что другіе люди могутъ находить благополучіе въ томъ, въ чемъ находятъ и они. Дабы заставить другихъ такъ же думать и чувствовать, какъ думаютъ и чувствуютъ они сами французы склонны даже къ теоріи. Воля француза сохранила способность къ быстрому сосредоточенію и сильному, но непродолжительному напряженію. Ихъ мужество часто доходитъ

до безразсудства; любовь къ свободѣ—до полной потери чувства порядка. Но воля, разряжающаяся отдѣльными взрывами, оказывается неприспособленной къ продолжительной работѣ; поэтому французъ быстрѣе устаетъ хотѣть и легко впадаетъ въ обычную рутину. Но такая воля имѣетъ ту выгодную сторону, что сразу и наиболѣе прямымъ путемъ направляется на главную цѣль хотѣнія. Таковы же и свойства ума. Французъ обладаетъ даромъ быстро схватывать вещи. И это часто мѣшаетъ ему углубиться въ детали: довѣряя подвижности и впечатлительности своего ума, онъ не хочетъ входить въ разсмотрѣніе подробностей. Отсюда—большая любовь къ ясности, наклонность къ упрощенію, отвращеніе отъ всего темнаго, неяснаго. Отличаясь рѣдкой способностью къ отвлеченію и обобщенію, умъ француза часто страдаетъ небрежностью относительно наблюденія. Поэтому, Франція и должна была сдѣлаться родиною раціонализма [142]).

Сопоставимъ съ этимъ описаніе голландцевъ и фламандцевъ, вышедшее изъ подъ пера Тэна: «Присядьте въ 9 часовъ вечера въ одну изъ портерныхъ Брюсселя . . . взгляните на этихъ людей, которые сидятъ по одиночкѣ или попарно, обыкновенно молча, курятъ, ѣдятъ, пьютъ пиво большими глотками, и вы поймете, какое удовольствіе доставляетъ имъ ощущеніе теплоты и насыщеніе по мѣрѣ того, какъ сытная пища и изобильные напитки возстановляютъ ихъ существо и какъ все тѣло участвуетъ въ пріятныхъ ощущеніяхъ удовлетвореннаго желудка . . . Южанина поражаетъ медленность и тяжеловѣсность ихъ впечатлѣній и движеній. Одинъ уроженецъ Тулузы, торговецъ зонтиками въ Амстердамѣ, почти бросился въ мои объятія, когда услыхалъ, что я говорю по французски. . . Для такого живого темперамента, какъ у него, жители этой страны были невыносимы . . . Когда говоришь съ ними, кажется, будто они не понимаютъ сразу или будто ихъ машинѣ, служащей для выраженія, нужно время, чтобы быть приведенной въ движеніе . . . Въ кофейныхъ, въ вагонахъ флегматичность и неподвижность ихъ чертъ поразительны; въ отличіе отъ насъ, они не чувствуютъ потребности двигаться, бесѣдовать; цѣлые часы они могутъ оставаться, словно прикованные, наединѣ со своими мыслями или со своей трубкой. Въ Амстердамѣ на балахъ разодѣтыя дамы сидятъ неподвижно и кажутся статуями . . . Даже у молодыхъ дѣвушекъ видъ наивный и сонный». Но съ такой малопривлекательной внѣшностью соединяются драгоцѣнныя качества ума и воли. «Представьте себѣ, продолжаетъ Тэнъ, на малоподвижномъ и тяжеломъ тѣлѣ германца хорошо устроенную голову, развитой умъ и слѣдите за результатами. Будучи менѣе впечатлителенъ, такой человѣкъ будетъ болѣе постояненъ и дѣйствовать болѣе обдуманно. Такъ какъ у него потребность въ пріятныхъ ощущеніяхъ слабѣе, то онъ не скучая, будетъ заниматься скучными дѣлами. Его чувства грубѣе, а потому онъ будетъ предпочитать сущность формѣ и внутреннюю правду внѣшнимъ украшеніямъ. Онъ не отличается быстротою, а потому имъ рѣже овладѣваетъ нетерпѣніе и съ его стороны рѣдки неблагоразумные взрывы; и онъ можетъ настойчиво работать въ предпріятіяхъ окончаніе которыхъ очень отдалено. Словомъ, разумъ господствуетъ у него болѣе властно, такъ какъ извнѣ онъ подвергается меньшимъ искушеніямъ, а взрывы внутри рѣдки» [143]).

Такова характеристика двухъ сосѣднихъ народовъ. А если они представляютъ столь различные типы, то должны быть причины, которыя ведутъ къ столь крупнымъ различіямъ, должны быть въ ихъ историческомъ развитіи условія, которыя значительно нарушаютъ выше отмѣченныя сходства.

Первыя и самыя важныя причины различій между народами свя-

заны съ особенностями внѣшней природы, которыя выпали на долю отдѣльныхъ группъ человѣчества. Говорить объ этомъ подробно, перечислять вліянія, которыя имѣютъ на племя климатъ, почва, орошеніе, распредѣленіе горъ и низменностей, обиліе или недостатокъ минеральныхъ богатствъ—значитъ, перечислять то, что болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ. Остановимся, поэтому, на немногихъ особенно крупныхъ особенностяхъ.

Однимъ изъ основныхъ условій, благопріятствовавшихъ развитію племени или же державшихъ его на низкой ступени, была близость или отдаленность отъ великихъ водныхъ путей. Нельзя согласиться съ Мечниковымъ, [144]) чтобы водные пути имѣли рѣшающее значеніе для цивилизаціи. Но онъ правъ, что ихъ вліяніе было очень велико; онъ правъ и въ томъ отношеніи, что съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество живетъ исторической жизнью, можно наметить три періода во вліяніи водныхъ путей на культуру: 1) періодъ великихъ рѣкъ, 2) средиземно-морской и 3) океаническій. И, дѣйствительно, среди царствъ древняго востока четыре были мѣстомъ развитія высокой культуры, и эти четыре—египетское, ассировавилонское, индійское и китайское—были расположены по системамъ большихъ рѣкъ—Нилу, Тигру и Евфрату, Инду и Гангесу, Гоанго и Янтсекіангу. Всѣ другія современныя имъ государства, стоявшія внѣ большихъ рѣкъ, были недолговѣчны и не оставили въ исторіи замѣтнаго слѣда. И въ началѣ исторіи европейскихъ народовъ, которая можетъ быть уподоблена періодамъ зарожденія древней восточной цивилизаціи, рѣки имѣли очень большое значеніе; стоитъ припомнить роль, кото ую въ заселеніи Германіи игралъ Рейнъ, германскихъ и западнославянскихъ племенъ—Дунай, Россіи—Днѣпръ и Волга. Когда въ древности зависимость людей отъ природы уменьшилась, и судостроеніе сдѣлало такіе успѣхи, что человѣкъ пересталъ бояться моря, то культура перенеслась на его берега, и Тиръ, Карѳагенъ, Греція, Римъ, обязанные Средиземному морю своими успѣхами, замѣнили, какъ носители цивилизаціи, царства древняго востока. И въ этотъ періодъ народы, отдаленные отъ моря, остаются въ тѣни; исторія повѣствуетъ намъ о нихъ лишь постольку, поскольку они служили матеріаломъ для расширенія области греческой и римской культуры и для увеличенія тріумфовъ греческихъ и римскихъ вождей. Наконецъ, въ 15 вѣкѣ горизонтъ европейскихъ народовъ расширяется, вліяніе на ихъ успѣхи имѣетъ уже не столько море, сколько гораздо большій водный путь—океанъ, и народы получаютъ тѣмъ болѣе благопріятныя условія для развитія, чѣмъ ближе они къ океану: государства Пиренейскаго полуострова, а затѣмъ Франція, особенно же Англія и Голландія служатъ живымъ тому доказательствомъ.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, одно условіе, которое разбило человѣчество на двѣ несходныя группы, первую, получавшую отъ близости къ великимъ рѣкамъ или морю сильные толчки, и вторую, которая жила вдали отъ великихъ водныхъ путей и тѣмъ была задержана въ своемъ развитіи. Первая группа является господствующею; относительно первой вторая занимаетъ вездѣ подчиненное положеніе. Первая разносила культуру; второй культура только навязывалась со стороны первой. Японія служитъ самымъ разительнымъ примѣромъ того, что значитъ благопріятное положеніе. Оно способствовало раннему развитію японцевъ въ богатоодаренный народъ. Воспринявъ издавна китайскую цивилизацію, японцы достигли значительнаго совершенства въ разныхъ областяхъ дѣятельности. Стоитъ сослаться на высокій уровень, достигнутый живописью: во второй половинѣ 19 вѣка она оказала вліяніе на европейское искусство. Однако, японская цивилизація, поднявшись на значительную высоту, почти застыла. Европейскій міръ долженъ былъ перегнать ее. Средиземное море

было какъ бы внутреннимъ озеромъ, соединившимъ народы, которые жили по его берегамъ. Сношенія были легки; заимствованія одними народами формъ жизни, которыя выработались у другихъ, были возможны. Китайское царство было отрѣзано отъ запада непереходимыми пустынями, а съ востока передъ нимъ и Японіей разстилался океанъ, который также не былъ доступенъ для несовершеннаго судоходства. Поэтому Европа должна была обогнать ихъ. Но когда въ 60-хъ годахъ европейская культура проложила себѣ путь въ Японію, то сразу оказалось, что этотъ высокодаровитый народъ былъ сыномъ старой цивилизаціи и уже потому особенно подготовленъ къ дальнѣйшему движенію впередъ. Не было и рѣчи о томъ, чтобы Японія противилась принятію европейской культуры: напротивъ, какъ бы желая наверстать пару столѣтій, на которыя она отстала отъ Запада, она страстно схватилась за новые элементы культуры и начала во всѣхъ областяхъ приноровлять ихъ къ условіямъ туземной жизни. Китай будетъ вскорѣ открытъ для европейской культуры, и ея вліяніе, пролагая себѣ путь въ эту страну, встрѣтитъ тамъ также людей очень даровитыхъ, подготовленныхъ вѣковой цивилизаціей къ дальнѣйшему движенію впередъ.

Итакъ, передъ нами есть уже одно условіе, которое имѣло неисчислимыя послѣдствія въ жизни отдѣльныхъ народовъ; оно должно было повести къ большимъ различіямъ въ сложеніи типа людей и судьбахъ отдѣльныхъ группъ человѣчества. Къ этому присоединяется несходство и во многихъ другихъ условіяхъ.

Внѣшняя природа дѣйствуя на племя длинный рядъ вѣковъ, вырабатываетъ въ немъ извѣстныя тѣлесныя и духовныя особенности. Чѣмъ болѣе продолжительно вліяніе, тѣмъ болѣе стойкими становятся эти особенности, тѣмъ болѣе отчетливо вырисовывается типъ данной группы человѣчества. Это обстоятельство зависитъ въ свою очередь отъ того, насколько внѣшняя природа, окружающая данную группу, способствуетъ или препятствуетъ ея дальнѣйшему распространенію. Въ первомъ случаѣ группа оказывается включенною въ тѣсные предѣлы, которые позволяютъ ей гораздо ярче выразить ея особенности нежели во второмъ, когда она захватываетъ огромную площадь, смѣшивается съ другими группами, подчиняется все новымъ и новымъ условіямъ внѣшней природы. Наконецъ, эти вліянія имѣютъ всегда свои индивидуальные оттѣнки въ связи съ тѣми естественными богатствами, которыя природа даетъ каждой группѣ человѣчества. Если изобильны богатства растительнаго, животнаго и минеральнаго царствъ, если благопріятны климатъ, орошеніе, распредѣленіе горъ и низменностей, то племя получаетъ гораздо болѣе данныхъ для развитія, нежели тогда, когда во всемъ этомъ ощущается недостатокъ.

Какой бы народъ мы ни взяли, мы вездѣ найдемъ совокупность этихъ трехъ вліяній. Каждое племя, занявъ въ доисторическое время извѣстную часть земного шара, было воспитано природой именно такъ, чтобы приноровиться къ ней. Способность человѣка примѣняться къ окружающей обстановкѣ и измѣняться согласно съ нею, и передача свойствъ потомству и служатъ условіями, вслѣдствіе которыхъ качества, необходимыя людямъ для пользованія природою, все болѣе упрочиваются изъ поколѣнія въ поколѣніе и даютъ опредѣленные типы. Значительныя перемѣны въ людяхъ могутъ совершиться даже въ теченіе короткихъ періодовъ, десятковъ лѣтъ. Среди штатовъ Сѣверной Америки Кентукки имѣетъ населеніе смѣлое, раздражительное, необузданное Никто не выходитъ изъ дома безъ револьвера. Выборы въ парламентъ ведутся съ большою страстностью; партіи борются съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ, и каждую выборную кампанію сопровождаютъ нѣсколько случаевъ убійства. Причина этого

явленія, столь выдѣляющагося на фонѣ американской жизни, состоитъ въ томъ, что Кентукки нѣсколько десятковъ лѣтъ былъ штатомъ, пограничнымъ съ областью индѣйцевъ. Дабы не быть застигнутымъ врасплохъ, не быть ограбленнымъ и убитымъ, нужно было всегда быть готовымъ отразить нападеніе. И вотъ, населеніе этого штата привыкло жить на военную ногу. Довольно было двухъ поколѣній, чтобы условія жизни, выработавшія эти привычки у дѣдовъ и отцовъ, повліяли на внуковъ, способствовали такому измѣненію ихъ нравовъ, вслѣдствіе котораго они отличаются гораздо большею суровостью, чѣмъ населеніе другихъ штатовъ. Если десятки или немногія сотни лѣтъ такъ дѣйствуютъ на людей, то представляется тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ, что группа человѣчества, жившая нѣсколько тысячъ лѣтъ въ опредѣленной мѣстности, пріобрѣтаетъ черты, отличающія ее отъ другихъ народовъ. И чѣмъ болѣе рѣзки границы области, занимаемой людьми, тѣмъ ярче обрисовывается ихъ индивидуальность. «Житель горъ едва ли можетъ сдѣлать одинъ шагъ безъ того, чтобы подниматься кверху. Его тѣло закаляется даже безъ его воли и вѣдома. Но и его душѣ часто ставятся новыя задачи. Пастухъ, охотникъ, дровосѣкъ въ горахъ долженъ отличаться мужествомъ и настойчивостью. Къ этому присоединяется сосѣдство съ безконечными пространствами, съ ледниками, скалами, лугами, горными лѣсами; оно воспитываетъ любовь къ свободѣ. Дѣйствіе этого сосѣдства подобно тому, которое производятъ на людей дремучіе лѣса и море. Въ общеніи съ природой духъ развивается болѣе свободно и самостоятельно, нежели въ сглаживающемъ общеніи съ массами людей. Душа всѣми своими нитями связана съ окружающимъ и не легко привыкаетъ къ новой обстановкѣ» [145]). Жители безпредѣльныхъ равнинъ представляютъ типъ, рѣзко отличный отъ горцевъ.

Когда область, занятая людьми, имѣетъ много благопріятныхъ особенностей для движенія впередъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ имѣетъ нѣкоторую замкнутость, море или горы, которыя отдѣляютъ ее отъ сосѣдей и мѣшаютъ распространенію на огромную площадь, то является возможнымъ лучше сосредоточить силы и ярче выразить историческую индивидуальность. Въ этомъ отношеніи крайне неблагопріятна возможность для племени распространяться по безпредѣльной площади еще въ раннюю пору его развитія. Это мѣшаетъ устойчивости людей, препятствуетъ имъ сполна пользоваться благопріятными сторонами ихъ внѣшней обстановки и мѣшаетъ культурному движенію впередъ. Россія и главныя государства древности представляютъ въ этомъ отношеніи рѣзкую противоположность. Наши предки имѣли въ своемъ распоряженіи необозримую равнину, которая не представляла ни малѣйшихъ преградъ для ея заселенія мелкими группами. И мы видимъ, какъ въ первые вѣка русской исторіи горсть людей разбрасывается уже на огромномъ пространствѣ: въ концѣ XI вѣка она раскинулась на площади, составляющей больше $^1/_4$ нынѣшней Европейской Россіи, т. е. заняла слишкомъ 25.000 кв. миль, въ два съ половиною раза болѣе Франціи, имѣвшей при Юліи Цезарѣ больше людей, нежели Россія въ XI вѣкѣ. Вслѣдствіе этого русскимъ людямъ была отрѣзана возможность сосредоточенія; не было данныхъ для энергической внутренней борьбы, такъ какъ не было густого населенія. Было легко избѣгнуть борьбы: кому было неудобно жить въ Новгородской области, тотъ легко передвигался въ Псковскую, Вятскую, на Бѣлоозеро; кто чувствовалъ себя стѣсненнымъ на Днѣпрѣ, тотъ подвигался дальше на востокъ, по направленію къ Волгѣ. Пустынность края, возможность идти все дальше, не встрѣчая преградъ, позволяли избѣгать борьбы съ людьми. Обширность равнины и большое изобиліе ея богатствъ сравнительно со сла-

бымъ населеніемъ позволяли ограничиваться умѣренной борьбой и съ внѣшней природой: не было моря, которое напрягало бы умъ русскихъ людей и заставляло бы ихъ задумываться надъ усовершенствованіемъ судостроенія, чтобы подчинить себѣ эту стихію; не было горъ, которыя даютъ людямъ немного и заставляютъ ихъ настойчиво работать, чтобы воспользоваться для земледѣлія клочками, разбросанными въ узкихъ долинахъ и по склонамъ. Лѣса и воды русской равнины давали людямъ въ изобиліи звѣрей, птицъ и рыбъ. А земледѣлецъ всюду находилъ обширныя площади, особенно удобныя для хлѣбопашца: или то былъ, плодородный черноземъ, цѣлинная степь и въ старину не поросшая лѣсами, или лѣса, требовавшіе довольно труда для расчистки но очень обильно вознаграждавшіе зем овладѣльца. Такимъ образомъ, для нашихъ предковъ была нужна только умѣренная борьба, которая постепенно выработала слабую волю и была причиною того, что исторія Россіи поражаетъ своимъ однообразіемъ, отсутствіемъ яркихъ чертъ.—Исторія Греціи и Рима представляетъ прямую противоположность Малая площадь, служившая мѣстомъ исторической дѣятельности грековъ, и незначительная площадь всей Италіи, отграничившая для первоначальной исторіи Рима только область вблизи Тибра, представляли всѣ данныя, чтобы общественная жизнь била сильнымъ ключомъ. Уже независимо отъ выгодныхъ усвій, которыя обезпечивали этимъ народомъ близость моря, климатъ, почва, горы ставили этимъ племенамъ тѣсныя границы; люди, размножаясь должны были скучиваться на небольшомъ пространствѣ, должны были бороться, развивали свой умъ и закаляли волю. Естественная граница, поставленная этимъ народомъ природою, была перейдена только тогда, когда ихъ культура достигла значительной высоты и когда въ этой культурѣ была выражена ихъ индивидуальность. Разница между Россіей въ ея историческомъ развитіи и напримѣръ, Грецей, выдѣлится особенно выпукло, если напомнимъ, что сдѣлали одна и другая. Если считать началомъ исторической жизни Греціи время Гезіода, а концомъ—четвертое столѣтіе до Р. Х., то вся продолжительность этой жизни составитъ не болѣе 500 лѣтъ. И за эти пять вѣковъ греческая жизнь достигла высокаго процвѣтанія, дала міру образцы въ наукѣ и искусствѣ, которые навсегда сохранятъ большую цѣнность; въ своей совокупности они. быть можетъ, не превзойдены тѣмъ, что создано другими народами.. Если начинать русскую исторію отъ конца IX вѣка, то за 800 лѣтъ, до конца 17-го, Россія дала человѣчеству очень мало, почти ничего. Дѣлая такія сопоставленія и выводъ, столь невыгодный для нашего отечества. чувствуешь соблазнъ говорить о гораздо большей даровитости расы, населявшей Грецію сравнительно съ расой, которая населяла Россію. Конечно. различіе въ даровитости велико; но раса здѣсь не при чемъ: дѣло сводится. главнымъ образомъ, къ различіямъ въ условіяхъ внѣшней природы: тамъ, на югѣ, въ Элладѣ все способствовало высшему напряженію силъ человѣка и позволяло ему извлечь изъ этихъ силъ наибольшія выгоды; здѣсь же природа была неблагопріятна для развитія его духовныхъ силъ.

Это обстоятельство—возможность расширяться на огромномъ пространствѣ—является невыгоднымъ для народа только до той поры, пока культура стоитъ на низкомъ уровнѣ Какъ юноша, еще непривыкшій къ правильному научному труду, можетъ растеряться въ массѣ книгъ и усвоить навыкъ бѣглаго многочитанія. такъ и юное племя, разбросанное на огромной площади, не можетъ сосредоточить свои силы. И какъ взрослый человѣкъ, привыкшій къ систематическимъ научнымъ занятіямъ, не можетъ быть подавленъ обширностію литературы, такъ и народъ, далеко подвинувшійся въ культурѣ, можетъ умѣло, безъ ущерба для своихъ даль-

нѣйшихъ успѣховъ, пользоваться цѣлой частью свѣта, которую ему удалось занять. Американцы служатъ лучшимъ доказательствомъ этой мысли. Первыми поселенцами въ Сѣверной Америкѣ были выходцы изъ Англіи, которая уже произвела Бэкона, Шекспира, Мильтона, Ралея, Виклефа, которая сроднилась съ океаномъ, какъ со своей стихіей, и была наканунѣ великаго политическаго переворота, возведшаго Карла I на эшафотъ и тѣмъ навсегда положившаго начало правовому государству. Выходцы изъ такой страны, передвинувшись въ Новый Свѣтъ, несли туда ярко-выраженную индивидуальность, формы жизни, которыя уже были выработаны на родинѣ и должны были получить въ Америкѣ дальнѣйшее развитіе. Какъ грекъ, оставляя Грецію, основывалъ колоніи въ Малой Азіи и Италіи и дѣлалъ ихъ средоточіемъ греческой культуры, такъ англичанинъ переносилъ въ Новый Свѣтъ всѣ свои индивидуальныя спобности.

Напомнимъ, наконецъ, что на ряду съ внѣшней природой, очень большое значеніе имѣетъ сосѣдство. Если слабое племя находится подъ грозой непрерывныхъ набѣговъ со стороны сосѣднихъ народовъ, то оно задерживается въ своемъ развитіи. Чѣмъ большую безопасность отъ внѣшнихъ враговъ обезпечиваетъ народу его географическое положеніе, тѣмъ меньше вынужденъ онъ затрачивать матеріальныхъ и духовныхъ силъ для охраненія своей политической цѣлости, тѣмъ болѣе выгодно онъ поставленъ для движенія впередъ. Островное государство и государство, окруженное горами, уже самой природой гораздо лучше защищены отъ нападенія извнѣ, нежели страна, занимающая равнину съ длинной и легко переходимой сухопутной границей. Къ этому присоединяется характеръ сосѣдства: если народъ, сдѣлавшій успѣхи на пути гражданственности, имѣетъ ближайшими сосѣдями мелкія племена, лишенныя политическаго единства, то можетъ быть гораздо болѣе увѣренъ въ своей безопасности, нежели государство, граничащее съ племенами воинственными, тяготѣющими къ одному центру, способными образовывать отъ времени до времени несмѣтныя полчища и производить опустошительные набѣги на сосѣднія страны. Бытъ кочующихъ народовъ таковъ, что они почти всегда готовы къ войнѣ и набѣгамъ. И до сихъ поръ организація арабскихъ племенъ, которыя находятся между собой въ состояніи непрерывной войны, напоминаетъ, при ихъ передвиженіи, устройство племени завоевателей въ глубокой древности. Даже въ мирное время эти группы передвигаются такъ, что готовы къ войнѣ. Во главѣ бедуинскихъ каравановъ идетъ небольшой отрядъ вооруженныхъ всадниковъ. Въ немногихъ верстахъ позади движется главная масса племени изъ женщинъ и дѣтей, обозовъ. Разбитіе палатокъ въ полѣ, распредѣленіе людей и скота на мѣслѣ остановки—все строго согласовано съ установленными правилами. Тѣ части племени, которыя остаются на мѣстѣ, также разбиты на группы съ вождемъ во главѣ каждой изъ нихъ. И до сихъ поръ пустыни Азіи и Африки служатъ удобнымъ полемъ для набѣговъ кочующихъ племенъ на пограничныя части сосѣднихъ государствъ: курды опустошаютъ сѣверныя области азіатской Турціи; племена туркменъ вторгаются въ предѣлы Персіи; даже въ Южной Америкѣ передвиженіе нѣкоторыхъ племенъ замѣтно вліяетъ на исходъ борьбы партій въ отдѣльныхъ республикахъ. И до сихъ поръ сосѣдство кочевыхъ племенъ держитъ подъ постояннымъ страхомъ сосѣднія области упрочившагося государства. Нетрудно, поэтому, понять, какъ велико вліяніе этого сосѣдства въ раннюю пору исторической жизни. Пока русскимъ приходилось защищаться отъ печенѣговъ, половцевъ и другихъ мелкихъ племенъ, до тѣхъ поръ сосѣдство не было для Россіи особенно тягостно. Но степи средней Азіи благопріятствовали соединенію кочевниковъ въ огромныя орды; нашествіе монголовъ было связано

для Россіи съ тяжелымъ разгромомъ, который затормозилъ ея движеніе впередъ. Сопоставляя Великобританію со странами материка Европы, мы видимъ выгоды, которыя доставило ей островное положеніе. Число непріятельскихъ вторженій въ Англію, заканчивающихся нашествіемъ Вильгельма Завоевателя, можно пересчитать по пальцамъ. Англичане вели съ тѣхъ поръ много войнъ во всѣхъ частяхъ свѣта, но, какъ ни были велики расходы деньгами и людьми на эти войны, сама Англія не была ихъ ареной, и англійскій народъ, даже удѣляя на содержаніе войска значительную часть своихъ доходовъ, могъ безъ помѣхи предаваться мирнымъ занятіямъ. Всѣ же страны европейскаго материка, вплоть до самаго послѣдняго времени, были много разъ театромъ войны и подвергались опустошеніямъ внѣшнихъ враговъ. Островное положеніе помогаетъ народу уберечь начатки высокой культуры, которая была занесена къ нему. Такую роль сыграла въ началѣ среднихъ вѣковъ Ирландія: ея не коснулось великое переселеніе народовъ, и она сохранила начала грекоримской культуры. Ратцель разсказываетъ о маленькомъ островѣ Рапануи въ Океаніи, который былъ густо населенъ людьми, преуспѣвшими въ разныхъ ремеслахъ, и отлично воздѣланъ. Обитатели этого острова были настолько выше другихъ племенъ Океаніи, что имѣли іероглифическое письмо и изваивали очень большихъ мѣдныхъ идоловъ. «Японцы гораздо больше отличаются тѣломъ и духомъ отъ остальныхъ монголовъ, чѣмъ высокоцивилизованные китайцы отъ грубыхъ бурятъ. И, однако, китайцы и японцы живутъ другъ отъ друга въ шесть разъ ближе, нежели китайцы и буряты. Не слѣдуетъ ли также утверждать, что современные британцы, несмотря на свое близкое родство съ народами материка, гораздо дальше отъ нихъ въ нравахъ и обычаяхъ нежели эти народы между собою?» [146]) Соединенные Штаты Сѣверной Америки находятся въ особенно завидномъ положеніи. Послѣ освобожденія отъ англійскаго владычества вся исторія великаго американскаго государства сложилась такъ, что война съ сильнымъ внѣшнимъ врагомъ, который угрожалъ бы его независимости или цѣлости его предѣловъ, является рѣшительно невозможною. Если бы первые поселенцы встрѣтили въ Америкѣ не мелкія племена индѣйцевъ, совершавшихъ набѣги небольшими отрядами, а кочевниковъ, подобныхъ монголамъ или туркамъ, соединившихся въ большія орды, то исторія Америки была бы совсѣмъ иною. Конечно, можно было бы постепенно поставить оплотъ и этимъ кочевникамъ; но, несомнѣнно, Соединенные Штаты не успѣли бы подняться на уровень, который они занимаютъ.

Мы отмѣтили въ этомъ краткомъ очеркѣ нѣкоторыя различія между народами и указали на причины, которыя порождаютъ ихъ. Если припомнимъ, что отдѣльныя группы человѣчества являются предъ нами съ этими различіями отъ того дня, какъ исторія беретъ эти народы въ свое вѣдѣніе, то скажемъ, что каждый народъ, при сходствѣ со всѣми другими относительно главныхъ жизненныхъ задачъ, долженъ имѣть свою особую исторію, во многомъ отличную отъ исторіи другихъ народовъ. Своеобразность исторіи каждаго народа и выражается въ томъ, что у каждаго всѣ стороны культуры развивались и развиваются со своимъ индивидуальнымъ отпечаткомъ, который кладутъ на нихъ люди всѣми особенностями своей природы.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ и покажемъ на нихъ различія между народами.

IV.

Общинное владѣніе землей встрѣчается повсюду. Гдѣ исторія народа была предметомъ внимательнаго изученія, тамъ найдена земельная община. И въ этомъ отношеніи наблюдается полное сходство между наро-

дами индогерманскими, малайскими, индѣйскими. Изслѣдованія показали, что община у славянъ, германцевъ, индусовъ, яванцевъ, арабовъ представляетъ много сходныхъ чертъ. Какъ различны, однако, судьбы общины у разныхъ народовъ! Припомнимъ факты, которые уже сдѣлались достояніемъ науки.

У краснокожихъ Америки, ставшихъ осѣдлыми и образовавшихъ довольно сильныя государства въ Мексикѣ и Перу, господствовала, во время завоеванія ихъ испанцами, родовая община. Земля составляла собственность всего населенія. Каждая семья, принадлежавшая къ данному роду, получала въ пользованіе земельный надѣлъ. Относительно земли не допускались ни продажа, ни даренье, ни передача по наслѣдству. Когда семейство вымирало, то его надѣлъ возвращался въ общину, и старшина заботился о томъ, чтобы передать этотъ участокъ для пользованія другой семьѣ, которая особенно нуждалась въ землѣ. Въ такомъ положеніи было землевладѣніе индѣйцевъ, когда испанцы покорили Мексику и Перу. Поселенцы, хлынувшіе изъ Испаніи въ Новый Свѣтъ, были обуреваемы только одной страстью—жаждой обогащенія. Не было жестокостей, къ которымъ они не прибѣгали, чтобы извлечь изъ туземцевъ наибольшія выгоды: они заставляли краснокожихъ работать на себя выше мѣры, захватывали ихъ земли. Испанское правительство, зная, что туземцы, подъ вліяніемъ тяжелыхъ поборовъ и притѣсненій, уменьшаются въ числѣ, рѣшило оказать имъ покровительство, которое проявилось въ формѣ признанія за общинами обрабатываемыхъ ими земель. Однако, это признаніе распространялось только на участки, бывшіе подъ плугомъ во время кадастраціи. Всѣ остальныя земли были объявлены пустопорожними и поступили въ распоряженіе правительства, которое стало щедро надѣлять ими колонистовъ. Къ пустопорожнимъ относились многія земли, которыя были раньше подъ плугомъ, и только временно, при производствѣ кадастраціи, находились подъ паромъ. Жалобы индѣйскихъ старшинъ, что испанцы не оставляютъ туземцамъ земель, изъ которыхъ могли бы быть отводимы надѣлы новымъ семьямъ, оставались безъ послѣдствій. Было много случаевъ, что у индѣйцевъ отнимали даже воздѣлываемыя земли; такое насиліе оправдывали указаніемъ, что туземцы засѣяли многія земли только для вида, чтобы имѣть предлогъ удержать ихъ за собой, помѣшать присвоенію ихъ европейцами. Отсюда — суженіе площади общиннаго землевладѣнія. По скольку же общинно-родовой бытъ сохранился, его разложенію способствовало учрежденіе должности особыхъ начальниковъ (encomenderos), которые упразднили власть родовыхъ старѣйшинъ. Эти начальники угнетали непріятныхъ имъ общинниковъ; тѣмъ же, которые умѣли угодить имъ, энкомендеры разрѣшали обратить въ частную собственность надѣлы, обрабатываемые ими и ихъ отцами.

То же, только при другой обстановкѣ, совершилось въ Индіи. Англичане нашли тамъ земиндаровъ, сборщиковъ налоговъ прежняго правительства, и безъ колебаній признали ихъ собственниками земли во всемъ Бенгалѣ. Это было въ 1793 году. А въ 1859 году англійское правительство создало систему правилъ, которыми упорядочивались отношенія собственниковъ-земиндаровъ къ очень многимъ старинным арендаторамъ ихъ владѣній. Арендаторы были разбиты на нѣсколько группъ; однѣмъ изъ нихъ было создано болѣе обезпеченное положеніе предъ собственникомъ, чѣмъ другимъ. Но вся эта система способствовала разложенію поземельной общины. Между владѣльцами каждаго селенія поддерживалось начало солидарности; оно проявлялось и въ круговой порукѣ, обезпечивавшей своевременную уплату поземельнаго сбора, и въ производствѣ на общій счетъ разныхъ сооруженій, которыя поднимали про-

изводительность земледѣлія. Англійское правительство, по изданіи новыхъ законовъ, стало вступать въ соглашеніе не съ совокупностью жителей деревни, а съ отдѣльными земледѣльцами. Этимъ была разрушена одна изъ основъ общиннаго быта—взаимная отвѣтственность общинниковъ другъ за друга. Съ тѣмъ вмѣстѣ правительство присвоило себѣ право лишать поселянъ надѣловъ за недоимки и передавать землю лицамъ, чуждымъ общинѣ. Жалобы со стороны членовъ родовыхъ общинъ, что земли, бывшія нераздѣльной собственностью крестьянъ, насильственно обращаются въ индивидуальныя аренды, оставлялись правительствомъ безъ послѣдствій. Подобная же система была постепенно введена въ сѣверозападныхъ провинціяхъ Индіи. Эта политика имѣла мѣстами—то вліяніе, что общины совсѣмъ разложились, мѣстами—то, что въ общинномъ владѣніи остались только лѣса и пастбища, а пахатныя земли перешли въ частную собственность. На мѣстѣ крестьянъ-общинниковъ явились мелкіе и крупные землевладѣльцы.

То же постигло общину и у алжирскихъ арабовъ. Земли находились въ нераздѣльной собственности родовыхъ общинъ. Французское правительство истолковало мусульманское законодательство о недвижимой собственности такимъ образомъ, что правительство было собственникомъ, а роды, жившіе на земляхъ,—только временными держателями участковъ. Вслѣдствіе этого правительство отторгло значительные участки отъ территорій, занятыхъ родами, и поселило на нихъ колонистовъ. Отношеніе правительства къ землѣ было усвоено и частными лицами, которыя начали скупать землю съ цѣлью спекуляціи. Совершенно пренебрегая родами, владѣвшими землей, французскіе скупщики стали заключать сдѣлки съ отдѣльными семьями, отъ имени которыхъ и писались купчія крѣпости. Французское правительство объявило всѣ эти незаконно произведенныя сдѣлки дѣйствительными. Такимъ образомъ, силу закона получило то, что было только нарушеніемъ обычнаго права. Въ 1863 году французскій законъ установилъ начала для обращенія общинной собственности въ частную. Онъ призналъ за родами право собственности относительно занимаемыхъ ими земель, но одновременно предписалъ произвести дѣйствія трехъ родовъ: опредѣлить границы земель, принадлежащихъ каждому роду, раздѣлить всѣ владѣнія рода между отдѣльными семьями, оставивъ въ нераздѣльной собственности семействъ только земли, непригодныя къ обработкѣ, и установить индивидуальную собственность путемъ раздѣла семейныхъ земель всюду, гдѣ такая мѣра будетъ цѣлесообразна. Особыя комиссіи, учрежденныя для исполненія требованій закона, дѣйствовали очень усердно: отъ 1863 до 1873 года изъ общаго числа родовыхъ владѣній (ихъ было 700) 400 были раздѣлены между кровными союзами, изъ которыхъ состояли роды. А въ 1873 году за арабами было окончательно признано право частной собственности на ихъ надѣлы, которые и стали предметомъ свободнаго отчужденія[147]).

Обратимся къ Европѣ. Земельная община держалась въ Англіи до конца среднихъ вѣковъ. Въ XIII столѣтіи помѣщикъ имѣлъ право, точно опредѣленное закономъ, брать въ свое личное пользованіе часть общиннаго пастбища, насколько отъ того не страдали права общинниковъ. Помѣщики, все чаще и чаще пользуясь этимъ правомъ, заняли постепенно всѣ пустопорожнія земли; они подвергали ихъ обработкѣ или употребляли какъ пастбища, или же обращали въ парки. Уже одно это создавало очень благопріятное условіе для суженія площади общинныхъ земель. Процессъ огораживанія перешелъ постепенно и на пахатныя земли, которыя находились у помѣщиковъ и крестьянъ въ чрезполосномъ владѣніи. Тамъ, гдѣ помѣщику приходилось отгородить свои земли отъ зе-

зель крѣпостныхъ крестьянъ и тѣмъ нарушить ихъ право пастьбы скота на всѣхъ поляхъ, это было ему нетрудно, вслѣдствіе зависимости отъ него крестьянъ. Тамъ, гдѣ пашни помѣщика лежали нераздѣльно съ пашнями свободныхъ держателей, нетрудно было получить возможность огораживать поля, такъ какъ свободные арендаторы, сами заинтересованные въ улучшеніи сельскаго хозяйства, охотно соглашались на огораживаніе. Съ половины XV столѣтія Англіи стало выгодно развивать суконную промышленность, а для этого было нужно усиленное занятіе овцеводствомъ. Обращеніе многихъ полей въ пастбища было выполнено такимъ образомъ, что крестьяне, вмѣсто 30—40 мелкихъ полосъ, разбросанныхъ въ обширномъ полѣ, получали 4—5 болѣе крупныхъ, которыми могли впредь распоряжаться по своему усмотрѣнію. При этомъ огораживаніи особенно потерпѣли самые мелкіе крестьяне—коттеры,—которые, вслѣдствіе замѣны пахатныхъ земель пастбищами, имѣли меньше мѣста, гдѣ бы найти заработокъ, а къ тому же лишались права на участіе въ пользованіи общинными выгодами. Масса держателей обезземеливалась; помѣщики легко смѣщали ихъ, зная, что они не имѣютъ никакихъ документовъ на владѣніе землей. Современники смотрѣли на выдвореніе крестьянъ съ земель помѣщиковъ, какъ на процессъ, который не нарушаетъ права выдворяемыхъ, ибо ихъ положеніе зависѣло исключительно отъ доброй воли помѣщика; изгнаніе крестьянъ осуждалось только потому, что оно было невыгодно для государства, дѣлало многія мѣстности Англіи безлюдными. Въ 15 и 16 столѣтіяхъ огороженныя земли занимали въ Англіи уже очень большую площадь; общинному землевладѣнію былъ нанесенъ тяжелый ударъ[148]).

Припомнимъ нѣкоторыя черты изъ исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ. Въ XVI вѣкѣ пашни, луга, сады и виноградники принадлежали въ этомъ кантонѣ частнымъ лицамъ. Въ нераздѣльномъ пользованіи общинъ были пастбища, лѣса и пустоши. Въ 1591 году правительства кантоновъ Берна и Фрейбурга впервые позволили раздѣлить ихъ. Такое отношеніе правительства было вызвано желаніемъ самихъ общинниковъ, выгоды которыхъ отъ общиннаго землевладѣнія становились все меньше и меньше. Уменьшенію же выгодъ общинниковъ отъ пастбищъ и лѣсовъ сопутствовало увеличеніе общинныхъ издержекъ на содержаніе нищихъ. А причинами этого служило увеличеніе числа гражданъ, поселенцевъ и умноженіе бѣдныхъ. За первымъ закономъ послѣдовали въ теченіе XVII и XVIII столѣтій дальнѣйшіе, которыми предоставлялось общинамъ, гдѣ онѣ того захотятъ, отводить членамъ надѣлы въ пожизненное и даже наслѣдственное пользованіе. И многія общины широко пользовались этими законами[149]). Въ отличіе отъ кантона Ваадтъ, многіе кантоны Швейцаріи сохранили земельную общину; особенно значительны общинные лѣса и пастбища въ кантонахъ Швицъ, Ури, Унтервальденъ. Мы находимъ большую площадь общинныхъ земель въ Бельгіи въ Арденахъ[150]). Наконецъ, въ Россіи число крестьянъ-общинниковъ превышаетъ 60 милліоновъ.

Данныя о судьбахъ общины въ разныхъ странахъ въ высокой степени поучительны. Мы намѣренно взяли три группы условій, среди которыхъ существовала община, и получили совершенно различные результаты. Во-первыхъ, судьба земельной общины у внѣевропейскихъ народовъ подъ вліяніемъ покоренія ихъ европейцами. Есть основаніе говорить, что политика англичанъ въ Индіи и французовъ въ Алжирѣ отличалась меньшею жестокостью, нежели образъ дѣйствій испанцевъ въ Америкѣ: три столѣтія, отдѣляющія первыхъ и вторыхъ отъ третьихъ, все же принесли небольшое смягченіе нравовъ. Но въ этой политикѣ можно намѣтить

сходныя черты, которыя могутъ быть охарактеризованы такъ. 1) Европейцы, завладѣвъ областями, которыя были заселены индусами, арабами, краснокожими, прежде всего видѣли въ этихъ областяхъ и этихъ людяхъ выгодный предметъ эксплоатаціи; нажить побольше золота, драгоцѣнныхъ каменьевъ, присвоить побольше дѣвственной земли, которая возвращаетъ посѣянное зерно чуть не сторицей—вотъ былъ лозунгъ всѣхъ европейцевъ, богатыхъ и бѣдныхъ, правительственныхъ чиновниковъ и частныхъ людей, которые устремлялись въ колоніи. 2) Жажда наживы тѣмъ легче вела къ насильничеству относительно туземцевъ, что европейцы встрѣтили въ нихъ племена низшей культуры, отличныя отъ завоевателей всѣмъ своимъ бытомъ, даже внѣшностью; алчность европейцевъ усиливалась еще потому, что завоеватели, въ огромномъ большинствѣ, смотрѣли на колоніи только какъ на мѣста временнаго пребыванія: они старались разбогатѣть, вернуться на родину и спокойно пользоваться тамъ пріобрѣтеннымъ богатствомъ. 3) Привыкнувъ на родинѣ къ формамъ жизни, отличнымъ отъ тѣхъ, которыя были найдены въ завоеванныхъ земляхъ, и не желая поближе присмотрѣться и разгадать то, что составляло существенныя особенности земельнаго устройства туземцевъ, европейцы старались приноровить это устройство къ формамъ землевладѣнія, которыя господствуютъ въ Европѣ. Отсюда—стремленіе насадить частную собственность. Политика французскаго правительства въ Алжирѣ клонилась къ тому, чтобы создать мелкое частное землевладѣніе, такъ такъ во Франціи господствуетъ крестьянская земельная собственность; англичане, подражая образцамъ, изстари выработаннымъ въ Англіи, старались упрочить на развалинахъ индусской общины лорда земиндара и мелкихъ сельскихъ хозяевъ—фермеровъ[151]). Разрушеніе земельной общины у этихъ племенъ было слѣдствіемъ того, что они не могли противостоять завоевателямъ, которые расшатали старинныя формы быта; не будь этихъ завоевателей, община удержалась бы гораздо дольше.

Быть можетъ, покажется большою натяжкой мое положеніе, что въ судьбахъ англійской сельской общины были элементы того, что мы отмѣтили въ политикѣ европейскихъ народовъ среди индѣйцевъ, индусовъ и арабовъ. Здѣсь бросается въ глаза тотъ фактъ, что помѣщики спокойно огораживали поля крестьянъ, суживали площадь общинныхъ земель, а суды, заваленные жалобами крестьянъ, признавали помѣщиковъ правыми. Суды имѣли для этого основаніе, такъ какъ крестьяне, тѣснимые помѣщиками, не могли доказать свое право на землю какими-либо документами. Понятно, что такихъ документовъ и быть не могло. Дружина Вильгельма Завоевателя, покоривъ Англію, получила право собственности на всю землю.

Старинные обитатели разсматривались, какъ покоренное племя, которое было оставлено на землѣ только потому, что такъ было выгодно для ихъ новыхъ господъ. Пока населеніе было рѣдко и пустопорожнихъ земель много, лорды не тѣснили крестьянъ и не нарушали привычнаго населенію общиннаго владѣнія землей. Но убѣжденіе, что лорды—владыки, побѣдители, собственники земли, что огромное большинство земледѣльцевъ — люди покоренные, только терпимые, не могущіе обосновать свои права на какихъ-нибудь пожелтѣвшихъ пергаментахъ, держалось очень прочно, переходило изъ рода въ родъ [152]). Когда жить стало тѣснѣе и развитіе денежнаго хозяйства сдѣлало для помѣщиковъ выгоднымъ огораживаніе общинныхъ земель, то они и начали пользоваться своимъ господскимъ правомъ, сознаніе котораго было столь же живо, какъ тотчасъ послѣ битвы при Гастингсѣ. Такимъ образомъ, въ исторіи разложенія англійской общины большое значеніе имѣетъ то, что помѣщики, разру-

шители общины, были потомками побѣдителей, а крестьяне-общинники— потомками покоренныхъ. Если прочитать у писателей XVI столѣтія о безпощадности, съ какой англійскіе лорды очищали свои земли отъ людей, если подумать, что это продолжалось вплоть до послѣдняго времени, до 20-хъ годовъ XIX столѣтія, то скажемъ, что потомки дружинниковъ Вильгельма Завоевателя дѣйствовали относительно англійскихъ крестьянъ развѣ немного мягче, чѣмъ относительно туземцевъ въ колоніяхъ.

Представителемъ второго типа судебъ, постигшихъ земельную общину, является то, что мы находимъ въ кантонѣ Ваадтъ. Не было никакого давленія извнѣ: общинныя земли приносили населенію очень мало выгодъ, а потому сами общинники проводили въ законодательномъ порядкѣ мѣры, которыя облегчили раздѣлъ общихъ угодій между участниками. И въ условіяхъ, которыя привели къ этому, нѣтъ ничего загадочнаго: въ долинахъ кантона Ваадтъ сельское хозяйство достигло довольно высокаго состоянія еще въ началѣ новаго времени; населеніе было довольно густо, а потому многіе общинники были заинтересованы въ томъ, чтобы распространить право частной собственности не только на поля, но также на пастбища и лѣса. Они разсчитывали сдѣлать свои доли послѣ такого перехода болѣе производительными, нежели то было возможно раньше, пока земля оставалась въ собственности общинъ.

Представителями третьяго типа служатъ страны или отдѣльныя области странъ, гдѣ еще держится община. И условія, вслѣдствіе которыхъ община сохранилась въ этихъ странахъ, могутъ быть понятны безъ затрудненій. Въ этихъ мѣстахъ на общину не было давленія извнѣ; и внутри не было силъ, которыя способствовали бы ея быстрому разложенію. Въ швейцарскихъ кантонахъ, гдѣ удержалась община, и въ бельгійскихъ Арденнахъ гористая мѣстность препятствуетъ развитію интесивнаго земледѣлія; скотоводство, опирающееся на естественныя пастбища, имѣетъ преобладающее значеніе; довольно большая площадь земли, непригодная для сельскаго хозяйства, остается подъ лѣсами. Населеніе рѣдко. Поэтому, обстоятельства очень благопріятны для сохраненія общины. Въ Россіи положеніе дѣлъ иное: его нельзя сравнивать съ условіями въ Швейцаріи или Арденнахъ. Въ Россіи въ области общинаго землевладѣнія, почти всюду, кромѣ сѣвера съ его суровымъ климатомъ, возможно интенсивное сельское хозяйство. Но препятствіемъ для интенсивнаго хозяйства и условіемъ, способствовавшимъ жизненности общины, было чрезвычайное изобиліе земли. До освобожденія крѣпостныхъ, вслѣдствіе неотмежеванности крестьянскихъ угодій отъ земель помѣщика, изобиліе земли и соотвѣтствіе тогдашняго грубаго хозяйства потребностямъ были отличительными чертами почти всей Россіи. Условія измѣнились съ освобожденія крестьянъ и отведенія имъ надѣловъ. Эти перемѣны вліяютъ на разрушеніе общины; но перемѣны не настолько велики, чтобы община могла распасться очень быстро. Въ мѣстахъ, благопріятныхъ для сельскаго хозяйства, малые надѣлы побуждаютъ крестьянъ переходить къ болѣе интенсивному хозяйству и подворному пользованію землей. Это расшатываетъ общину въ черноземныхъ губерніяхъ. Земельные надѣлы стали очень малы и въ нечерноземной полосѣ; однако, второстепенное значеніе сельскаго хозяйства въ этой области, преобладаніе заработковъ отъ промысловъ надъ доходами отъ земли замедляютъ переходъ къ болѣе интенсивному хозяйству и не вызываютъ у крестьянъ напряженнаго желанія замѣнить общинное владѣніе подворнымъ. Силами, нѣсколько задерживающими этотъ процессъ, служатъ переселенія въ Азіатскую Россію, которыя мѣстами разрѣжаютъ населеніе, а также улучшенія хозяйства, входящія, хотя и медленно, въ оборотъ крестьянъ-общинниковъ. Начало травосѣянія, благотворно дѣй-

ствующаго на хозяйство, и притомъ въ мало благопріятныхъ для земледѣлія условіяхъ, которыя даетъ Новгородская губернія, относится къ 1870-му году [153]). Съ тѣхъ поръ оно сдѣлало значительные успѣхи во многихъ мѣстахъ. Вотъ обстоятельства, замедляющія распаденіе общины. Условія, разлагающія общину, дѣйствуютъ болѣе могущественно; но было бы ошибочно отрицать значеніе силъ, которыя ослабляютъ этотъ процессъ.

Нужно признать всеобщую приложимость схемы, въ которой выражается развитіе землевладѣнія: до сихъ поръ общинное вездѣ уступало частному. Но въ каждой странѣ процессъ представляетъ свои особенности и по условіямъ, ускоряющимъ его, и по характеру обстановки, въ которой онъ совершается.

Напомнимъ объ условіяхъ, среди которыхъ началось разложеніе земельной общины. Нѣкоторыя племена краснокожихъ, при появленіи испанцевъ въ Америкѣ, были довольно культурны, особенно мексиканцы, племя Майя на Юкатанѣ и перуанцы. Послѣднимъ плугъ не былъ знакомъ, но они употребляли гуано для удобренія полей и проводили по своимъ землямъ каналы для орошенія [154]). Довольно высоко стояли также индусы и арабы въ то время, когда получили сильный толчокъ къ усвоенію права частной собственности. Но всѣ эти три періода должны быть названы временемъ натуральнаго хозяйства: индусскія общины были самодовлѣющими хозяйственными единицами. Занимаясь земледѣліемъ и разными ремеслами, община раздѣляла трудъ между своими членами, удовлетворяла съ помощью этихъ рабочихъ силъ свои несложныя потребности и жила, слѣдуя вѣковымъ обычаямъ, почти внѣ связи съ другими хозяйственными единицами [155]). Въ царствѣ инковъ самодержавіе сплачивало всѣ части населенія въ одну обширную общину, жизнь которой была до мелочей регулирована свыше. Если мы остановимся на времени, когда началось быстрое разрушеніе англійской общины, то скажемъ, что это былъ періодъ довольно первобытной жизни. Между половиной XV и половиной XVI вѣка, когда процессъ огораживанія земель уже далеко подвинулся впередъ, Англія не вышла изъ періода ремесла; денежное хозяйство едва начиналось; дороги были малопроѣзды; мануфактуръ не было, обработка шерсти, которая должна была позднѣе составить славу этой страны, только выдвигалась на очередь. Словомъ, въ ту пору экономическій бытъ Англіи былъ развѣ немногимъ выше, чѣмъ бытъ Россіи въ началѣ XVIII вѣка. Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о разложеніи общины при мало развитомъ народномъ хозяйствѣ.

Страны, гдѣ община сохранилась, доказываютъ, что оно уживается и съ болѣе высокими формами хозяйства. На ряду съ русской земельной общиной совершаются замѣтныя улучшенія частновладѣльческаго хозяйства, переходъ къ многополью, плодосмѣнамъ. Мануфактурная, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ фабричная промышленность уже стала господствующею; желѣзная дорога везетъ крестьянина-общинника осенью на городскіе заработки, а весной — для работъ обратно въ деревню. Грамотность понемногу дѣлаетъ успѣхи. Можно много говорить о томъ, насколько Россія отстала отъ Запада; но несомнѣнно, что въ Россіи община примиряется съ болѣе сложными формами жизни, нежели тѣ, при которыхъ у западныхъ народовъ частное землевладѣніе быстро вытѣсняло общину. Тѣмъ болѣе нужно дать такую оцѣнку мѣстностямъ Бельгіи и Швейцаріи, еще сохранившимъ общину.

V.

Попытаемся отмѣтить различіе между народами относительно другого крупнаго факта — упраздненія крѣпостного права. И здѣсь мы получимъ однородное впечатлѣніе.

Прежде всего Англія. При норманнскомъ завоеваніи въ Англіи были рабы. Норманны смягчили рабство, но приблизили къ крѣпостному состоянію большую массу свободныхъ поселянъ. Эти люди были обязаны отбывать на лордовъ барщину и дѣлать денежные взносы, за что имѣли право пользоваться землею. Въ XII и XIII столѣтіяхъ многіе крѣпостные становятся свободными; въ началѣ XIV вѣка крѣпостное право держится чисто номинально. Еще въ XIII вѣкѣ барщинныя повинности замѣняются денежными платежами. Одинъ историкъ англійскаго народнаго хозяйства высказываетъ вѣрную мысль, что помѣщики не согласились бы перейти отъ обязательныхъ работъ крестьянъ на денежные платежи, если бы не было возможности находить наемныхъ рабочихъ [156]). Мы не находимъ въ Англіи крупнаго законодательнаго акта, который освободилъ бы крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ половинѣ XVI вѣка въ Англіи почти небыло крѣпостныхъ: частью они обратились въ арендаторовъ помѣщичьей земли, частью въ сельскихъ рабочихъ, надѣленныхъ усадебной осѣдлостью и огородами [157]).

Хотя во Франціи значительная часть поселянъ получила личную свободу и сдѣлалась крестьянами-собственниками еще въ XIV — XV столѣтіяхъ, однако, вплоть до великой революціи на массѣ тяготѣло множество повинностей въ пользу дворянства. И если можно утверждать, что предъ революціей во Франціи было небольшое число крестьянъ въ состояніи полнаго крѣпостничества, то нельзя же назвать иначе, какъ крѣпостнымъ, хотя смягченнымъ состояніемъ, то, что земледѣлецъ, лично свободный, сидѣлъ на несвободной землѣ. Широкое право помѣщика на землю, которую обрабатывалъ крестьянинъ, не позволяло послѣднему извлекать сколько-нибудь значительныя выгоды изъ личной свободы. Онъ могъ идти въ городъ; но городскіе промыслы могли дать работу только небольшой части сельскаго населенія. А въ деревнѣ личная свобода обезпечивала крестьянамъ только состояніе той гнетущей нищеты, которая предъ революціей была удѣломъ французской деревни. Поэтому, гораздо лучше не увлекаться тѣмъ, что большая часть крестьянъ была въ концѣ XVIII вѣка лично свободными [158]); слѣдуетъ смотрѣть на крѣпостное право, какъ фактъ, существовавшій до революціи и уничтоженный только революціоннымъ правительствомъ.

Освобожденіе крѣпостныхъ представляетъ въ Германіи также свои особенности. Въ южной Германіи крѣпостное право замѣтно ослабѣло къ концу XVIII вѣка. Въ тѣхъ германскихъ странахъ, которыя были временно подъ французскимъ владычествомъ, это владычество принесло съ собой и личную свободу для крестьянъ. Иначе обстояло дѣло въ Пруссіи. Въ самомъ началѣ XIX вѣка крѣпостное право было здѣсь въ полномъ расцвѣтѣ. Хотя въ старинныхъ областяхъ Пруссіи крестьяне раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, положеніе которыхъ было неодинаково, однако, крѣпостное право держалось очень прочно. Крестьянинъ былъ обложенъ въ пользу помѣщика разнообразными сборами: яйца, куры, пряжа, денежные платежи, а главное — пѣшіе и конные рабочіе дни, работа въ полѣ и лѣсу, на дворѣ помѣщика, при постройкахъ и т. п. Мѣстами крѣпостное состояніе было очень тяжело: крестьянинъ не имѣлъ права пріобрѣтать для себя движимое или недвижимое имущество. Въ теченіе долгаго времени правительство дѣлало попытки смягчить непосильныя повинности крѣпостныхъ. Это было отчасти достигнуто имъ въ государственныхъ имѣніяхъ, но осталось совершенно безрезультатно въ помѣстьяхъ частныхъ лицъ [159]). Съ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка прусское правительстхъ приходитъ къ заключенію, что наслѣдственное крѣпостное состояніе во можетъ быть оправдано, что оно должно быть отмѣнено. Еще въ 1763 году,

тотчасъ по окончаніи семилѣтней войны, былъ поставленъ на очередь вопросъ о коренномъ измѣненіи крѣпостного состоянія; но ему наносится первый ударъ только въ 1807 году: наслѣдственное крѣпостное право отмѣняется. А для того, чтобы сколько-нибудь вознаградить помѣщиковъ за утрату ихъ правъ на крестьянъ, имъ предоставляется большая свобода въ распоряженіи какъ ихъ землями, такъ и крестьянскими дворами подъ условіемъ, чтобы это не было обременительно для крестьянъ. Въ 1811 году дѣлается дальнѣшій шагъ: законъ постановляетъ, что крестьяне, выходя изъ крѣпостной зависимости и получая отъ помѣщика землю, оставляютъ ему половину всей земли, бывшей въ ихъ пользованіи, если она отдается имъ въ наслѣдственную собственность, и одну треть, если они получаютъ ее только въ пожизненное владѣніе. Правительство разсчитывало, что соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами быстро упрочатъ новый порядокъ вещей; но дѣло подвигалось медленно впередъ. И вотъ, въ 1816 году издается законъ, который дѣйствуетъ вплоть до 1850; онъ содержитъ руководящія начала для упорядоченія отношеній между сторонами. Этотъ законъ вводитъ въ болѣе тѣсныя границы крестьянскія хозяйства, которыя должны были быть регулированы. Сюда относились только довольно крупные крестьянскіе дворы, имѣвшіе рабочій скотъ; самыя мелкія хозяйства, гдѣ работа выполнялась исключительно ручнымъ трудомъ, не подлежали упорядоченію. Но и изъ первыхъ регулированіе распространялось только на тѣ, которыя были отмѣчены, какъ крестьянскія владѣнія, въ провинціальныхъ окладныхъ книгахъ. Было и третье ограниченіе: всѣ эти владѣнія должны были быть стариннаго происхожденія. Эти надѣлы должны были удовлетворять и четвертое условіе: владѣльцы дворовъ должны были быть обязанными помѣщикамъ посадить въ этихъ дворахъ опредѣленныхъ хозяевъ. Ограниченія были причиной того, что упорядоченіе земельнаго быта не распространилось на большую массу крестьянъ. Въ 1821 году издается законъ, отмѣнившій повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ. Съ отмѣной повинностей была связана уплата крестьяниномъ помѣщику выкупныхъ суммъ, которыя принимали форму ренты или капитала; ихъ размѣры соотвѣтствовали расходамъ, которые, за отмѣной крестьянскихъ повинностей, становились неизбѣжны для хозяйства помѣщика. Законъ давалъ право выкупа повинностей только полнонадѣльнымъ крестьянамъ (безъ ограниченія ихъ условіями, которыя были ранѣе установлены для права выкупа земли): поэтому, мелкіе крестьяне еще остались въ обязательныхъ отношеніяхъ. Дѣло развивалось очень медленно до 1848 года. Въ это время въ разныхъ мѣстахъ Пруссіи, особенно Силезіи, среди крестьянъ обнаружилось большое возбужденіе умовъ; многіе отказывали помѣщикамъ въ отбываніи повинностей, и правительство не имѣло мужества принуждать ихъ къ тому силой. Законъ, изданный въ 1850 году, дальше двинулъ устройство земельнаго быта крестьянъ. Этотъ законъ отмѣнилъ многія, еще сохранившіяся личныя услуги крестьянъ въ пользу помѣщиковъ; многіе наслѣдственные арендаторы были обращены въ полныхъ собственниковъ земли, при чемъ, однако, на нихъ остались всѣ платежи, которыми они были обложены. Съ тѣмъ вмѣстѣ законъ отмѣнилъ установленныя раньше ограниченія: регулированіе распространялось отнынѣ на всѣ крестьянскіе надѣлы, какъ крупные, такъ и самые мелкіе; исключеніе составляли только тѣ крестьянскія владѣнія, въ основаніи которыхъ лежало крѣпостное право и которыя по договору были сданы во временную аренду. Законъ установилъ также гораздо болѣе широкія рамки для выкупа повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ. Всѣ онѣ были переведены на деньги. Наконецъ, этимъ закономъ были учреждены рентные банки, какъ посредники между крестьянами и помѣщиками

по выкупу повинностей. Завершеніемъ долгаго процесса былъ законъ 1857 года, объявившій, что до 31 декабря 1858 года должны быть поданы всѣ заявленія о желаніи регулировать владѣніе землей. Въ результатѣ для пяти провинцій Пруссіи получилось къ 1854 году 269.594 полнонадѣльныхъ крестьянскихъ двора вмѣсто 274.704, которые были въ 1816—23 годахъ, и 407.801 неполнонадѣльный дворъ. Въ итого, процессъ освобожденія крѣпостныхъ потребовалъ 50 лѣтъ для своего окончательнаго завершенія.

Иначе происходило дѣло въ Россіи. Всѣ частичныя мѣры, принятыя для освобожденія крѣпостныхъ при Николаѣ I, были совершенно незначительны. Нужно относить начало реформы къ осени 1857 года, а ея конецъ къ 19 февраля 1861 г., т. е. весь процессъ законодательной работы занялъ неполныхъ три съ половиной года. Подобно тому, какъ на Западѣ, освобожденіе крѣпостныхъ въ Россіи доставило имъ личную свободу. Но, въ отличіе отъ Запада, большинство русскихъ крестьянъ было надѣлено землею.

Итакъ, мы имѣемъ нѣсколько странъ, гдѣ крестьяне стали свободными, гдѣ обязательный трудъ крѣпостныхъ долженъ былъ уступить мѣсто наемному труду; но пути, которые привели къ этому, были во многомъ несходны. Попытаемся же выяснить причины этихъ различій.

Постепенное и раннее вымираніе крѣпостного права въ Англіи должно быть приписано тому, что англійскіе помѣщики явились слоемъ побѣдителей надъ туземнымъ населеніемъ. Подѣливъ между собою почти всю площадь земель государства, помѣщики поставили въ полную зависимость отъ себя все населеніе деревень: юридически была разница между поселянами, которые были лично свободны, и тѣми, которые отбывали повинности крѣпостныхъ. Но фактически положеніе тѣхъ и другихъ было однородно. При такихъ условіяхъ, всѣ обязанности, которыя спеціально налагаетъ на людей крѣпостное право, представляли помѣщикамъ мало выгодъ: лично свободные арендаторы, сидѣвшіе на помѣщичьихъ земляхъ, обезпечивали помѣщикамъ всѣ выгоды, которыя могли быть доставлены имъ землевладѣніемъ. Раннее образованіе класса лично свободныхъ поселянъ, жившихъ на чужой землѣ, дѣлало для помѣщика яснымъ, насколько для него предпочтителенъ тотъ или другой порядокъ. Относительно крѣпостныхъ помѣщикъ имѣлъ нѣкоторыя обязанности, по крайней мѣрѣ, постольку, что долженъ былъ терпѣть крестьянъ на своей землѣ и при какомъ-либо бѣдствіи поддерживать своими имущественными средствами. Вольные держатели помѣщичьей земли давали господину правильный доходъ, не установляли для лорда никакихъ обязанностей и открывали ему полную возможность прогнать ихъ со своей земли, разъ это соотвѣтствовало его расчетамъ. Итакъ, еще въ очень раннюю пору не было условій, которыя поддерживали бы крѣпостное право, а потому оно и могло вымереть безъ всякаго участія государственной власти. Старинное земельное устройство объясняетъ также, почему въ Англіи не былъ поставленъ вопросъ объ образованіи класса крестьянъ-собственниковъ. Значительная часть населенія жила фермерами на земляхъ лордовъ. Была форма отношенія людей къ землѣ, привычная англійскому обществу; эта форма давала отвѣтъ на то, какъ устроются крестьяне, личная связь которыхъ съ помѣщиками порвалась: они могли устроиться вольными держателями земель или же остаться при помѣстьяхъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ. Участь тѣхъ, которыхъ лорды сгоняли со своихъ земель, обращая поля въ пастбища, также не могла вызывать особенной заботы государственной власти: число изгоняемыхъ было въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ велико; тамъ и сямъ были деревни, гдѣ почти всѣ дворы запустѣли, гдѣ церковь, высившаяся посрединѣ, приходила въ разрушеніе. Но размѣры этого явленія

не были настолько велики, чтобы запугать правительство: крестьяне, согнанные съ помѣщичьихъ земель, не образовали такихъ массъ, чтобы угрожать потрясеніемъ существующему порядку. Два—три—пять помѣщиковъ обездоливали нѣсколько сотъ семействъ. И прежде, чѣмъ совершались новые акты такихъ насилій, часть согнанныхъ ранѣе уже успѣвала раствориться въ массѣ населенія, приспособиться къ какому-либо занятію.

Освобожденіе крѣпостныхъ во Франціи имѣло своеобразную исторію. То, что дѣлалось 4 столѣтія для уменьшенія личной крѣпостной зависимости и, вообще, смягченія крѣпостного права, было менѣе важно, нежели то, что принесли съ собою революціонныя бури, уничтожившія привилегіи дворянства, и гнетъ, который, въ силу этихъ привилегій, лежалъ на крестьянахъ. Быстрота, съ которой революціонный вихрь валилъ все на своемъ пути, объясняетъ, почему Франція вступила въ XIX вѣкъ съ большимъ числомъ крестьянъ-собственниковъ. Если бы освобожденіе крѣпостныхъ совершалось такъ медленно, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи, то правительство имѣло бы время подвергнуть тщательной провѣркѣ права на землю всѣхъ лицъ, которыя хозяйничали на ней. Изъ общей массы поселянъ оказалось бы много такихъ, которые живутъ фермерами на основаніи договоровъ съ помѣщиками и отнюдь не представляютъ данныхъ для признанія ихъ крестьянами собственниками. Въ разгаръ революціи, когда событія быстро слѣдовали одно за другимъ, некогда было разбирать: въ связи съ уничтоженіемъ дворянскихъ привилегій стоялъ необходимый логическій выводъ, что за массой населенія, наиболѣе страдавшей отъ этихъ привилегій, были отчасти признаны большія права, нежели она имѣла, т. е. масса арендаторовъ была признана крестьянами-собственниками [160]). Къ этому присоединилась распродажа правительствомъ національныхъ имуществъ, создавшая болѣе 1 милліона новыхъ собственниковъ.

Условія хозяйственной и юридической жизни направляли прусское правительство при освобожденіи крѣпостныхъ въ то русло, въ которомъ и развивалось законодательство. Разгромъ пруссаковъ Наполеономъ навелъ на мысль о разныхъ темныхъ сторонахъ внутренней жизни и вызвалъ нѣкоторыя преобразованія. Но взятіе союзниками Парижа, возстановленіе Бурбоновъ, Ватерлоо и Вѣнскій конгрессъ остановили преобразовательную работу. Она могла идти только медленно впередъ. Къ тѣмъ условіямъ, которыя, вообще, поддерживали реакцію, присоединилось и сопротивленіе прусскаго дворянства; мѣсто, которое оно занимало въ управленіи, дѣлало его довольно стойкимъ при охранѣ привычныхъ правъ. Поэтому, законодательная дѣятельность по освобожденію крѣпостныхъ была продолжительна, и нормальное устройство распространилось только на меньшинство крестьянъ, на дворы съ наиболѣе крупными хозяйствами. Участь крестьянъ съ малыми надѣлами не могла безпокоить правительство: уже издавна часть этихъ людей устроилась или мелкими съемщиками помѣщичьей земли или же сельскими рабочими въ помѣщичьихъ имѣніяхъ съ вознагражденіемъ за трудъ не только деньгами, но и огородомъ, пастбищемъ, избой, что давало имъ опредѣленную осѣдлость. Однако, движеніе въ мартѣ 1848 года отразилось на крестьянахъ; оно напомнило правительству, что небезопасно оставлять нѣсколько сотъ тысячъ семействъ внѣ начатой реформы. Вслѣдствіе этого регулированіе земельныхъ отношеній и выкупъ повинностей были распространены на все крестьянство.

Въ Россіи дѣло должно было идти иначе. Освобожденіе русскихъ крестьянъ связано съ особенностями, которыя являются какъ бы преимуществами нашего отечества по сравненію съ государствами Запада. Та-

кими особенностями представляются: 1) выполненіе реформы въ теченіе короткаго времени; 2) распространеніе ея на всѣхъ крѣпостныхъ; 3) надѣленіе крестьянъ землей. Эти особенности даютъ поводъ говорить о широтѣ воззрѣній, которыя были положены въ основаніе реформы, и о плодотворности монархическаго начала. Безпристрастное изслѣдованіе заставляетъ взглянуть на дѣло совсѣмъ иначе. Особенности крестьянской реформы въ Россіи необходимо вытекали изъ всего быта этой страны. Ко второй половинѣ XIX столѣтія накопились условія, которыя дѣлали трудъ крѣпостныхъ рѣшительно несоотвѣтствующимъ русской хозяйственной жизни. Нужно было строить желѣзныя дороги; нужно было развивать разныя отрасли промышленности; нужно было создавать новые источники государственныхъ доходовъ. Всѣ эти неустранимые запросы жизни стояли лицомъ къ лицу съ трудомъ крѣпостныхъ, вялымъ и неуспѣшнымъ. Мы уже сказали, что русскій народъ былъ поставленъ отъ начала исторіи такъ, что не имѣлъ благопріятныхъ условій для воспитанія твердой воли и настойчивости въ работѣ. Старыя привычки, вырабатывая типъ русскаго человѣка, вели къ тому, что русскій помѣщикъ былъ особенно плохимъ хозяиномъ, а трудъ русскихъ крѣпостныхъ былъ особенно непроизводителенъ. Эти факты, сознаваемые все болѣе ясно, укрѣпляли правительство въ убѣжденіи, что нужно дать крестьянамъ личную свободу. Старый порядокъ могъ еще продлиться нѣкоторое время Но крымская война выставила Россіи такое testimonium paupertatis, что всѣ люди, сознававшіе необходимость отмѣнить крѣпостное право, должны были сплотиться для дружной работы. Одни ратовали за реформу потому, что безъ нея нельзя было обновить государство, нельзя было дать ему тѣ принадлежности матеріальной жизни, которыя—это становилось все болѣе очевидно—были необходимы для его движенія впередъ. Другіе понимали, что освобожденіе крѣпостныхъ будетъ выгодно для всѣхъ помѣщиковъ, сколько-нибудь усердныхъ въ веденіи хозяйства, ибо обезпечитъ имъ болѣе производительный трудъ. Наконецъ, въ этомъ лагерѣ были и всѣ идеалисты; они требовали отмѣны крѣпостного права, главнѣйше, потому, что она возвышала личность крестьянина. И вотъ, началась освободительная работа. Препятствія, встрѣченныя правительствомъ, были вполнѣ подобны тѣмъ, которыя мѣшали правительственной работѣ въ Пруссіи. Но сила русскихъ дворянъ была менѣе значительна, нежели прусскихъ. Въ отличіе отъ Западной Европы русское дворянство всегда было служилымъ сословіемъ; вся власть и весь престижъ, который выпалъ на долю его отдѣльныхъ представителей, опредѣлялся служебнымъ положеніемъ этихъ лицъ, связями при дворѣ и съ членами высшаго правительства. Помѣстное дворянство, какъ таковое, было всегда ничтожно. Москва въ старину, а Петербургъ въ новое время возвышали дворянина или опалой повергали его въ ничтожество. Поэтому, разъ столкнулись бюрократическій міръ, дѣйствовавшій въ сознаніи, что нужно отмѣнить крѣпостное право, и міръ помѣстныхъ дворянъ, стоявшихъ за его сохраненіе, не трудно было предсказать исходъ. Преобладающее значеніе въ Россіи государства позволило достигнуть этого исхода въ немного лѣтъ.

Какъ самый фактъ отмѣны крѣпостничества, такъ и надѣленіе крестьянъ землей были предписаны необходимостью. Наши крѣпостники съ кн. Гагаринымъ во главѣ, внезапно обратившіеся въ поклонниковъ личной свободы и горячихъ послѣдователей Адама Смита, рукоплескали мысли освободить крестьянъ, но возставали противъ надѣленія ихъ землей; другіе стояли за сохраненіе крѣпостного права. Эти господа говорили и писали то же, что въ началѣ XIX вѣка Шмальцъ, Девицъ и Больте въ Пруссіи [161]). Надлежало освободить 21 милліонъ людей. Куда бы дѣвались эти люди,

если бы всѣ они или большая ихъ часть были освобождены безъ земли? Помѣщичье хозяйство не имѣло такой организаціи, чтобы занять милліоны этихъ людей, какъ постоянныхъ сельскихъ рабочихъ, устроить ихъ сколько-нибудь прочно, хотя бы малоудовлетворительно. Арендованіе земель мелкими крестьянскими участками было въ большей части Россіи почти вовсе неизвѣстно, а потому для отвлеченія поселянъ не было резервуара, уже издавна знакомаго Западу. Городская промышленность была незначительна; большая часть городовъ были тѣми же селами и открывали для занятія освобожденныхъ крестьянъ очень ограниченное поле. А потому, освобожденіе безъ земли было бы равносильно обращенію многихъ милліоновъ въ бездомный, кочующій людъ, въ нищихъ, бродягъ, преступниковъ, которые уже своей численностью причиняли бы правительству много хлопотъ, расходовъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ эти безпріютныя массы давали бы матеріалъ для довольно большихъ возмущеній, подавлять которыя правительство могло бы не обычными способами, примѣняемыми въ спокойное время, а вооруженной рукой. Поэтому, русскій бюрократическій міръ, заботясь о своихъ ближайшихъ интересахъ, имѣлъ предъ собой только одинъ исходъ: надѣленіе крестьянъ землей. А самый процессъ надѣленія служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, что былъ сдѣланъ только тотъ *minimum, котораго нельзя было не сдѣлать*. Только часть крестьянъ получила достаточный надѣлъ; приблизительно, онъ давалъ имъ обезпеченіе, равное тому, что было при крѣпостномъ правѣ ихъ удѣломъ. Затѣмъ вводятся сиротскіе надѣлы. Почему? Потому что крестьяне, которые сядутъ на эти надѣлы, не могутъ быть для правительства источникомъ безпокойства: они возьмутъ такіе надѣлы по соглашенію съ помѣщиками, т. е. *сознательно*, съ *расчетомъ* упрочить свой хозяйственный бытъ и при такихъ малыхъ клочкахъ. Крестьяне, приписанные къ заводамъ и горнымъ промысламъ, получили только усадебную осѣдлость. Почему? Отличнымъ предлогомъ для этого служило то, что они не имѣютъ привычки къ земледѣльческимъ работамъ. А тамъ, въ глубинѣ таилась мысль, что это—люди совсѣмъ безвольные, вслѣдствіе своего холопства, иногда переходившаго по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ, рѣшительно неспособные быть опаснымъ, горючимъ матеріаломъ, если бы даже освобожденіе безъ земли повергло ихъ въ крайнюю нищету. Въ общемъ, оказалось, что изъ 10.608.000 крѣпостныхъ мужского пола 4.460.000, т. е. 42,6% получили недостаточный надѣлъ; изъ нихъ больше 1.900.000 душъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ получили совсѣмъ ничтожный надѣлъ, менѣе 2 десятинъ на 1 душу. Напрасно было бы утѣшать себя мыслью, что тѣ, которые получили достаточный надѣлъ, были вполнѣ удовлетворены результатами освободительныхъ работъ: извѣстно, что земля, достаточная по количеству, была часто дурного качества, что искусственно создавалась черезполосица, которая обезпечивала помѣщикамъ отрѣзки, какъ способъ безпрепятственно эксплоатировать крестьянъ; извѣстно, что земля была высоко оцѣнена и т. д. Словомъ, чиновничій міръ, заботясь о себѣ, долженъ былъ освободить крестьянъ съ землей. Но онъ сдѣлалъ отъ этого общаго начала всѣ тѣ отступленія, которыя не нарушали его интересовъ и были выгодны для дворянства.

Различіямъ процессовъ, приведшихъ въ отдѣльныхъ странахъ къ освобожденію крестьянъ, соотвѣтствуютъ и различія въ условіяхъ общественнаго быта, среди которыхъ крѣпостные получили личную свободу. Въ половинѣ XVI вѣка, когда, за исключеніемъ отдѣльныхъ уголковъ, это уже стало въ Англіи совершившимся фактомъ, тамъ только зарождалась промышленность, сельское хозяйство было крайне экстенсивно, дороги непроѣздны, грамотность въ деревнѣ—неизвѣстна. Хотя въ эпоху великой

французской революціи сельскіе классы Франціи стояли очень низко, однако, городское населеніе составляло больше 20%, т. е. значительно больше, чѣмъ теперь въ Россіи, въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности возникли большія мануфактуры, грунтовыя дороги достигли довольно высокаго совершенства, а политическая зрѣлость, выразившаяся въ революціи, свидѣтельствовала, что народъ стоялъ выше, чѣмъ въ Англіи того времени, когда исчезали послѣдніе остатки крѣпостничества. Пруссія 50-хъ годовъ стояла во многомъ выше Франціи конца 18 столѣтія: она вступила въ періодъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ; неграмотные составляли въ ней только небольшую часть населенія; ея сельское хозяйство, уже имѣвшее такого учителя, какъ Тэеръ, стояло довольно высоко. Скажемъ, наконецъ, относительно Россіи, что отмѣна крѣпостного права, распространяясь на очень большую площадь, застала отдѣльныя группы крестьянъ въ условіяхъ, далеко неодинаковыхъ: подмосковый раіонъ, сѣверное и среднее Поволжье уже имѣли довольно крупную промышленность; николаевская желѣзная дорога не составляла новинки, а крестьяне Бѣлоруссіи и заволжскихъ губерній жили съ первобытными пріемами труда и вдали отъ сколько-нибудь замѣтнаго біенія жизни.

Но при всѣхъ различіяхъ между государствами относительно этого важнаго общественнаго факта, моменты, болѣе или менѣе отдаленные отъ начала освобожденія крѣпостныхъ, представляютъ большое сходство. Это сходство есть слѣдствіе того, что господствующіе классы, вынужденные согласиться на освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, старались доставить имъ наименьшія выгоды, нѣсколько измѣнившія ихъ положеніе къ лучшему, но, въ общемъ, дававшія меньшинству гарантію, что крестьяне не выйдутъ изъ состоянія угнетенія. Крѣпостные въ Англіи стали безземельными съ самаго момента паденія крѣпостного права, такъ какъ это было возможно для лордовъ. Въ остальныхъ странахъ, о которыхъ мы говорили, крестьяне получили землю. Но они получили ея такъ мало, что уже чрезъ 2—3 поколѣнія должны были обнаружиться малоземелье и безземелье. Во Франціи и Пруссіи еще много мелкихъ землевладѣльцевъ; но возрастаніе числа дворовъ, которымъ принадлежатъ только клочки земли, не дающіе собственникамъ даже скуднаго обезпеченія, доказываетъ, что землевладѣніе является для многихъ милліоновъ пустымъ звукомъ. Это—миражъ; но онъ не мѣшаетъ наукѣ, содержимой государствомъ, пѣть хвалебныя пѣсни въ честь «великихъ аграрныхъ законовъ новаго времени». Особенно быстро и ярко обнаружились эти результаты въ Россіи: не прошло и 20 лѣтъ отъ надѣленія крестьянъ землею, какъ лучшіе русскіе люди заговорили о безземельныхъ, безлошадныхъ, бездомовыхъ, о разныхъ видахъ сельскаго пролетаріата, прикрѣпленнаго къ земельнымъ надѣламъ.

VI.

Пролетарское движеніе нашего времени имѣетъ въ каждой странѣ свои особенности, которыя тѣсно связаны со всѣмъ складомъ жизни. Характеризуя это движеніе въ Германіи, мы должны признать его отличительными чертами: 1) огромныя усилія, направляемыя на развитіе политическаго движенія; 2) слабое развитіе теченій, которыя направлены на непосредственное улучшеніе хозяйственнаго быта пролетаріевъ; 3) недостаточное довѣріе къ нѣкоторымъ организаціямъ, обнаружившимъ свое вліяніе въ другихъ странахъ и занявшимъ видное мѣсто въ программѣ практическаго соціализма; 4) образованіе единой многочленной партіи и неослабное стремленіе къ единогласію по важнѣйшимъ вопросамъ теоріи и политики.

Кто даже бѣгло знакомъ съ соціалистическимъ движеніемъ Германіи, тому извѣстно, что пролетаріатъ этой страны затрачиваетъ много силъ на политическую борьбу. Задолго до выборовъ въ рейхстагъ и ландтаги ведется неослабная агитаціонная дѣятельность перомъ и словомъ; созываются безчисленныя собранія, распространяются милліоны листковъ политическаго содержанія; къ участію въ законодательныхъ собраніяхъ призываются лучшіе люди партіи. Такъ какъ депутаты не получаютъ жалованья, то партія дѣластъ большія затраты, чтобы поддерживать своихъ представителей, разъ они должны, оставаясь депутатами, бросить свое занятіе и тѣмъ лишиться необходимаго дохода. Полемика на почвѣ политики занимаетъ въ соціалистическихъ газетахъ очень видное мѣсто. Политическая борьба ведетъ къ обостренному отношенію между партіями; вслѣдствіе этого соціалисты рѣдко сближаются съ другими партіями, а дѣйствуютъ особнякомъ. Такая дѣятельность принесла очень замѣтные плоды: составить войско, которое подаетъ на выборахъ больше 3 милліоновъ голосовъ, слишкомъ $^1/_4$ общаго числа, и провести въ рейхстагъ 70 депутатовъ — факты, столь крупные, что привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе.

Мы не замѣчаемъ, однако, такой усиленной работы въ дѣлѣ созданія хозяйственныхъ организацій. Союзы рабочихъ дѣлаютъ успѣхи; но число ихъ членовъ и имущественныя средства большинства союзовъ невелики, во всякомъ случаѣ, не соотвѣтствуютъ размѣрамъ, до которыхъ развилась германская промышленность. Есть союзы, представляющіе большія и прочныя организаціи, но важность цѣлей, для которыхъ союзы возникаютъ, не вошла настолько въ общее сознаніе, чтобы сдѣлать невозможными споры, напримѣръ, по такому вопросу, нужно ли поддерживать членовъ во время безработицы, не предпочтительно ли затрачивать средства союзовъ только на стачки, которыя, конечно, ближе стоятъ къ политической борьбѣ, нежели дѣятельность союзовъ, направленная на поддержаніе больныхъ членовъ, престарѣлыхъ, странствующихъ въ поискахъ за работой. Соціалистическіе союзы рабочихъ все же дѣлаютъ въ Германіи значительные успѣхи. А есть хозяйственныя мѣропріятія, привлекающія къ себѣ мало вниманія со стороны соціалистовъ: производительныя и другія артели. Когда возникаетъ такая артель, то противъ небольшой группы, стоящей за нее, нерѣдко слышатся громкіе голоса, что подобное предпріятіе маловажно. До послѣдняго времени такъ же относились и къ потребительнымъ обществамъ: въ нихъ видѣли учрежденія, приносящія столь незначительную пользу бѣднѣйшимъ классамъ, что почти не считали серьезною дѣятельность соціалистовъ въ этомъ направленіи. Относительно крестьянскаго вопроса многіе германскіе соціалисты усвоили воззрѣніе, что крестьянская земельная собственность неудержимо идетъ къ исчезновенію, а потому не оправдывается принятіе экономическихъ мѣръ, которыя могли бы нѣсколько охранить ее отъ напора со стороны крупнаго сельскаго хозяйства.

Мы наблюдаемъ въ германской соціальной демократіи также большую сплоченность. Партія, считающая въ своихъ рядахъ нѣсколько милліоновъ, держится однородной программы; воззрѣнія, господствующія въ тѣхъ кругахъ партіи, которые могутъ быть признаны руководящими, являются, большею частію, воззрѣніями и рядовыхъ членовъ партіи. Если бы здѣсь было полное сходство, то слѣдовало бы заключить, что партія застыла, достигла того состоянія, когда жизнь опередила ее, что она не можетъ поспѣть за движеніемъ жизни, а потому утрачиваетъ практическое значеніе, становится мертвой буквой. Но въ партіи есть разногласія. Они обнаруживались по цѣлому ряду практическихъ вопросовъ, которые выдвигала жизнь послѣднихъ лѣтъ: крестьянскій, о выборахъ въ прусскій

ландтагъ, о постоянномъ войскѣ и милиціи. Эти разногласія поднимались и по поводу явленій, которыя представляли прежде всего литературный интересъ: таковы были оживленные споры, вызванные книгою Бернштейна. При всѣхъ разногласіяхъ замѣчается одна черта, которая свидѣтельствуетъ о тѣсной сплоченности германскихъ соціалистовъ. Сами по себѣ эти разногласія, не приводя къ раздорамъ, не представляли ничего опаснаго, способнаго умалить силу соціалистическаго теченія; но германское общество, привыкшее къ тѣсной сплоченности въ рядахъ соціальной демократіи, придавало и разногласіямъ очень большое значеніе. Подъ этими впечатлѣніями изъ самой партіи слышались голоса, что разномысліе можетъ быть опасно, что оно можетъ ослабить партію. Въ буржуазныхъ кругахъ эти разногласія вызывали и вызываютъ радость: часто высказывается надежда, что различіе мнѣній по разнымъ вопросамъ, обнаруживаемое отъ времени до времени въ соціальной демократіи, приведетъ къ ея разложенію.

Французскій соціализмъ также имѣетъ свои особенности. Онъ отличается еще меньшею наклонностью къ дѣятельности въ области хозяйства, чѣмъ германскій: и союзы рабочихъ, и потребительныя общества развиты тоже гораздо менѣе, чѣмъ въ Германіи; политическая борьба заслоняетъ всѣ другіе интересы. Но политическая борьба имѣетъ своеобразный оттѣнокъ. Она направлена отчасти на то, чтобы увеличить число членовъ партіи, пріобрѣсти больше мѣстъ къ парламентѣ, а главнымъ образомъ на то, чтобы бороться съ министерствами. Борьба съ тѣмъ или другимъ министерствомъ не всегда носитъ характеръ противодѣйствія началамъ, которыя сказываются въ управленіи государствомъ: она принимаетъ форму бурнаго потока, направленнаго именно противъ личнаго состава министерства, словно гдѣ-то, въ отдаленныхъ мотивахъ этихъ нападокъ на министерство лежитъ убѣжденіе, что правительственныя лица, которыя могутъ быть выдвинуты современнымъ государственнымъ строемъ, не приблизительно одинаковы, что члены министерства X, низвергаемаго сегодня, гораздо хуже министерства У, которое придетъ завтра. Такой характеръ политической борьбы создаетъ благопріятную почву для того, чтобы нападки на правительство отличались чрезвычайною рѣзкостью, чтобы старательно выяснились и ярко освѣщались мелочи частной жизни министровъ, но неблагопріятную для того, чтобы правительственная дѣятельность была предметомъ основательной и подробной, а главное, непрерывной, чисто дѣловой критики. Такая критика не беретъ высокихъ нотъ только потому, что одинъ или нѣкоторые члены министерства особенно непріятны: но она и не ослабѣваетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правительственныя лица мягки, гибки и не производятъ ни на кого очень дурного впечатлѣнія.

Бросается въ глаза и другая особенность французской соціальной демократіи—недостатокъ сплоченности: до послѣдняго времени партія была разбита на нѣсколько группъ. Иногда онѣ соединялись для совмѣстнаго дѣйствія; въ другихъ случаяхъ между ними не установлялось единства. Изученіе различій убѣждаетъ, что они совершенно незначительны. Нельзя же считать важнымъ для практической партіи различіемъ то, что одна группа ближе держится ученія Маркса, нежели другая! Равнымъ образомъ, нельзя считать существеннымъ различіемъ между группами то, что въ составъ одной входятъ члены разныхъ классовъ населенія, тогда какъ въ составъ другой—исключительно члены рабочаго класса. Недостатокъ сплоченности является важнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія соціальной демократіи во Франціи. Именно вслѣдствіе этого нѣкоторые французскіе соціалисты съ крупными именами были побѣждены кандида-

тами другихъ партій на выборахъ 1898 года и не получили мѣста въ парламентѣ.

Отмѣтимъ также, что французскіе соціальные демократы отличаются меньшею склонностью правильно, систематически, изъ года въ годъ жертвовать на общее дѣло. Нужны ли средства для поддержанія стачекъ, на изданіе брошюръ, на устройство какого-нибудь учрежденія, служащаго пролетаріату, пожертвованія поступаютъ во Франціи очень туго. Французскіе соціалисты въ массѣ легко могутъ быть подняты для цѣли, которая требуетъ очень сильнаго, но непродолжительнаго напряженія; тамъ же, гдѣ нужны меньшія, но долголящіяся усилія, французскіе соціалисты отстаютъ отъ англичанъ и нѣмцевъ.

Пролетарское движеніе Англіи имѣетъ также крупныя особенности. Оно почти цѣликомъ уходитъ въ экономическую работу. Союзы рабочихъ достигли развитія, которое далеко превосходитъ то, что сдѣлано въ этой области другими народами. Милліоны членовъ, многомилліонное имущество, удовлетвореніе разнообразныхъ нуждъ, которыя вытекаютъ изъ трудовой жизни членовъ, образцовое управленіе, большой вѣсъ въ глазахъ предпринимателей и большое вліяніе на улаженіе споровъ, которые возникаютъ между хозяевами и работниками—вотъ отличительныя черты англійскихъ союзовъ. Къ этому присоединяется чрезвычайное, также неизвѣстное другимъ странамъ развитіе потребительныхъ артелей. Работа англійскаго пролетаріата въ области народнаго хозяйства представляется тѣмъ болѣе замѣчательною, что съ преобладаніемъ крупнаго производства, которое сдѣлало тамъ больше успѣховъ, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ, уживаются мѣстами и производительныя артели или акціонерныя общества съ акціонерами-рабочими.

При этомъ замѣчается большая вялость англійскаго пролетаріата въ политическомъ отношеніи. Соціализмъ, какъ политическая партія, представленъ нѣсколькими мелкими группами, мало заявляющими о себѣ въ области политики. Въ парламентѣ англійскій соціализмъ имѣетъ немного мѣстъ. Слабость чисто-политической агитаціи служитъ причиною того, что начала соціализма гораздо меньше распространены въ англійскомъ пролетаріатѣ, чѣмъ среди рабочихъ классовъ на материкѣ Европы. Англійскій рабочій классъ сочувствуетъ всѣмъ мѣрамъ, которыя способны радикально или даже частично измѣнить его положеніе къ лучшему; но у него еще недовольно ясно сознаніе, что соціалистическое преобразованіе общества начинается только съ момента, когда рушится право частной собственности на орудія производства. Вслѣдствіе слабаго развитія политической борьбы, между пролетаріатомъ и другими классами, въ Англіи нѣтъ обостренія, которое мы наблюдаемъ во Франціи и Германіи.

Бельгійскій соціализмъ представляетъ явленіе совершенно своеобразное; онъ производитъ впечатлѣніе большей гармоніи, чѣмъ въ другихъ странахъ. Здѣсь дѣлается много для того, чтобы удовлетворить экономическіе запросы пролетаріата. Союзы рабочихъ развиты еще недостаточно; но потребительныя артели охватили всю страну, объединили много членовъ и сдѣлали возможнымъ основаніе по большому масштабу такихъ учрежденій, какъ народные дома, служащіе отличными средоточіями для политическихъ начинаній, для образованія членовъ, ихъ развлеченія. Создавъ многое на началѣ самопомощи, бельгійскій соціализмъ намѣтилъ рядъ мѣропріятій, съ которыми современное государство должно идти къ бѣднѣйшимъ классамъ населенія: эти мѣропріятія имѣютъ въ виду крестьянъ-собственниковъ, сельскихъ рабочихъ, промышленный пролетаріатъ, низшіе разряды лицъ, состоящихъ на службѣ государства. Эта программа составляетъ основаніе парламентской дѣятельности бельгійскихъ соціали-

стовъ. Какъ политическая партія, бельгійскіе соціалисты обнаруживаютъ также напряженную и высоко разумную дѣятельность. Во время парламентскихъ и общинныхъ выборовъ, борьба ведется съ такою энергіей, что бельгійцы не имѣютъ поводовъ завидовать другимъ народамъ. Намѣреніе правительства измѣнить бельгійское избирательное право въ смыслѣ, неблагопріятномъ для большинства населенія и прогрессивныхъ партій, вызвало весною 1899 года сильное движеніе во всей странѣ; пролетаріатъ обнаружилъ при этомъ движеніи полную зрѣлость соціалистической мысли, и правительство было вынуждено отказаться отъ своего намѣренія.

Въ бельгійскомъ соціализмѣ наблюдается также тѣсная сплоченность; она тѣмъ отличается отъ сплоченности среди германскихъ соціальныхъ демократовъ, что у послѣднихъ связующимъ звеномъ служитъ программа, принятая на эрфуртскомъ конгрессѣ, знакомая въ обширныхъ кругахъ пролетаріата, а сплоченность бельгійскихъ соціалистовъ не обусловливается программой. Разнообразіе цѣлей, къ которымъ стремятся бельгійскіе соціалисты, позволяетъ почти каждому найти работу, которая соотвѣтствуетъ его наклонностямъ и разсматривается имъ, какъ наиболѣе полезное общественное дѣло. Участіе очень многихъ въ подобной работѣ установляетъ между ними полную солидарность относительно важнѣйшихъ сторонъ ихъ дѣятельности.

Характеръ бельгійскаго соціализма объясняетъ, почему соціалисты выступаютъ умѣренно рѣзко относительно другихъ партій, почему, при необходимости бороться съ клерикальнымъ правительствомъ, они легко соединяются съ умѣренными партіями, стоящими къ нимъ болѣе или менѣе близко. Такой образъ дѣйствій соціалистовъ наблюдается въ парламентѣ; еще чаще встрѣчаемъ его въ общинномъ управленіи. Умѣренность бельгійцевъ сказывается, между прочимъ, въ саркастическомъ отношеніи къ французскимъ соціалистамъ за то, что они вносятъ въ свою дѣятельность много рѣзкости, шума, даже энтузіазма, но мало практичности, дѣловитости. Вслѣдствіе умѣренности бельгійскихъ соціалистовъ къ нимъ примыкаетъ множество разнообразныхъ союзовъ съ членами, почти цѣликомъ принадлежащими къ среднему классу. Таковъ, напримѣръ, союзъ врачей-соціалистовъ. Въ своей медицинской дѣятельности они, конечно, руководствуются началами, которыя установляетъ медицина, а между прочимъ, усерднѣйшимъ образомъ распространяютъ соціалистическія брошюры. Такова, далѣе, «молодая гвардія соціализма»— юные пропагандисты; ея членами состоятъ молодые люди и подростки не только изъ пролетаріата, но и изъ среднихъ классовъ.

Соціальная демократія мало развита въ Швейцаріи. Въ тѣхъ городахъ, которые имѣютъ довольно много крупныхъ промышленныхъ заведеній и много пришлыхъ рабочихъ, особенно германскихъ, соціализмъ собираетъ подъ свои знамена чужестранцевъ и даже туземцевъ. Тамъ же, гдѣ пришлый элементъ невеликъ, соціализмъ, даже при значительно развитой фабричной промышленности, выдѣляется очень слабо на общемъ фонѣ жизни. Отличительной особенностью этой жизни является довольно прочная вѣра въ гармонію интересовъ. Швейцарская соціально-демократическая печать охотно расточаетъ похвалы по адресу богатыхъ классовъ и отдѣльныхъ капиталистовъ, если они дѣлаютъ что-нибудь полезное для пролетаріата. Стоитъ фабриканту сократить рабочій день до очень высокой, однако, нормы, напримѣръ, 10 часовъ, и газеты относятся къ такому предпринимателю съ горячимъ одобреніемъ [162]). Мягкость и умѣренность швейцарскихъ соціалистовъ видна изъ того, что они сплошь и рядомъ идутъ вмѣстѣ съ другими партіями при начинаніяхъ, которыя имѣютъ общее значеніе. Когда, лѣтомъ 1899 года, въ Цюрихѣ было всеобщее голосованіе

проекта новаго школьнаго закона, который внесъ въ строй народнаго просвѣщенія много существенныхъ перемѣнъ къ лучшему, то подъ проектомъ, вмѣстѣ съ соціалистами, подписалось много демократовъ и свободомыслящихъ. Умѣренность швейцарскихъ соціалистовъ сказывается и въ ихъ отношеніяхъ къ должностнымъ лицамъ: послѣднія не только не преслѣдуютъ соціальныхъ демократовъ, но нерѣдко, по приглашенію вождей соціализма, оказываютъ защиту тому или другому бѣдняку, котораго гдѣ-нибудь обижаютъ.

Поэтому, напрасно искать въ Швейцаріи оживленную политическую борьбу: она проходитъ скромно и безцвѣтно въ кантональныхъ учрежденіяхъ и, частію, въ союзномъ парламентѣ. Дѣятельность соціалистовъ направляется въ область народнаго хозяйства—на организованіе союзовъ рабочихъ, бюро труда, рабочихъ палатъ и другихъ учрежденій, служащихъ непосредственно матеріальнымъ выгодамъ пролетаріата; большое вниманіе посвящается и тому, что нужно для просвѣщенія рабочихъ классовъ. Но и въ этихъ областяхъ, на ряду съ соціалистами, дѣйствуютъ члены другихъ партій.

Исторія каждой страны объясняетъ особенности пролетарскихъ теченій, которыя въ ней наблюдаемъ.

Всѣ названныя страны, кромѣ Франціи, сближаетъ прежде всего то, что пролетаріатъ каждой изъ нихъ обнаруживаетъ большое напряженіе воли, способность къ настойчивой, непрерывной планомѣрной работѣ. Въ чемъ бы ни сказывалась настойчивая воля, въ томъ ли, что люди развиваютъ усиленную дѣятельность для образованія многомилліонной политической партіи, въ томъ ли, что они доводятъ до высокаго процвѣтанія союзы рабочихъ, потребительныя общества и другія учрежденія—эта воля соотвѣтствуетъ національному типу германцевъ, англичанъ, бельгійцевъ, швейцарцевъ. Первоначально внѣшняя природа этихъ странъ, а затѣмъ ихъ историческія судьбы подъ вліяніемъ внѣшней природы сложились такъ, что выработали сильную волю. Въ этихъ странахъ природа не давала ничего въ изобиліи: нужно было съ большими усиліями добывать себѣ средства къ жизни отъ земли и изъ воды. Перерѣзанныя горами, ущельями, пропастями, рѣками эти страны способствовали еще въ раннюю пору образованію многочисленныхъ мелкихъ самостоятельныхъ міровъ, между которыми и внутри которыхъ шла непрерывная борьба. Феодалы боролись между собой и съ горожанами; крестьяне возставали противъ феодаловъ; короли ходили войною на дворянъ; отдѣльныя группы городского населенія боролись между собой длинный рядъ вѣковъ. Были періоды, когда королевская власть пріобрѣтала большую силу; однако, мѣстное управленіе и народныя вольности никогда не умирали окончательно даже въ Германіи, уже не говоря о Бельгіи, тѣмъ болѣе Англіи и Швейцаріи. Прочитаемъ у историковъ Бельгіи [163]) о процвѣтаніи, котораго достигли города этой страны, о независимости отъ центральной власти и вліяній, которыя въ 14 столѣтіи пріобрѣло городское управленіе въ лицѣ своихъ головъ, о потокѣ демократическихъ идей, который распространился по городамъ Фландріи, о жестокихъ междоусобныхъ войнахъ, которыя потрясали города и оканчивались тѣмъ, что бѣднѣйшіе горожане, ремесленники, получали право посылать въ городскіе совѣты столько же представителей, какъ патриціи,—и мы скажемъ, что исторія давала населенію этихъ странъ отличное воспитаніе. Внутреннія усобицы разоряли города и села, но закаляли волю, дѣлали ее способною къ непрерывной, продолжительной дѣятельности въ разъ намѣченномъ направленіи. Во Франціи условія жизни воспитывали людей иного типа. Средиземное море больше ласкало человѣка, чѣмъ Атлантическій океанъ или

свинцовое Нѣмецкое море. Равнины Прованса, долины Луары и Роны гораздо изобильнѣе вознаграждали трудъ земледѣльца, чѣмъ пашни Англіи или Фландріи, и уже это одно дѣлало для француза ненужнымъ такое напряженіе силъ, какое отличало другіе народы. На почвѣ Франціи также шла упорная борьба между мелкими самостоятельными политическими единицами, но она окончилась очень рано побѣдой королевской власти и угнетеніемъ мѣстнаго управленія. Съ 15 вѣка началъ водворяться бюрократическій строй, который ослабляетъ въ людяхъ иниціативу. Такимъ образомъ, южное солнце, помогая сложиться типу француза, сдѣлало его легковоспламеняющимся, способнымъ творить чудеса тамъ, гдѣ они могутъ быть созданы кратковременнымъ взрывомъ энтузіазма, но не дало условій, которыя воспитали бы въ немъ стойкость, отличающую его сосѣдей.

Вотъ причины перваго различія. Пойдемъ далѣе. Исторія Англіи, Бельгіи, Швейцаріи сложилась такъ, что соціализмъ долженъ былъ получить особенно яркое выраженіе въ области народнаго хозяйства. Причиной, что въ этихъ странахъ политическая борьба, какъ площадь обнаруженія соціалистическихъ идей, совсѣмъ незначительна (Англія, Швейцарія), или, по крайней мѣрѣ, не преобладаетъ надъ созидательной работой въ области народнаго хозяйства (Бельгія), служатъ особенности въ ихъ историческомъ развитіи. Ожесточенная политическая борьба можетъ явиться только результатомъ такого состоянія общественной жизни, когда господствующіе классы держатъ многочисленныя массы въ полномъ безправіи. Именно такое положеніе дѣлъ и не было удѣломъ этихъ странъ. Дворянство и города обуздали въ Англіи монархическую власть въ половинѣ 17 столѣтія. И отъ того времени всѣ классы населенія пользовались въ Англіи достаточной свободой, почти неизвѣстной на материкѣ Европы. Свобода передвиженія уже давно получила господство. Свобода устнаго и печатнаго слова была достояніемъ англійской жизни еще въ концѣ 17 столѣтія. Неприкосновенность жилища по Habeas corpus акту сдерживала произволъ должностныхъ лицъ. Слѣдуетъ сказать то же о правѣ собраній, сходокъ, союзовъ. Избирательное право не было удѣломъ всего населенія, ни даже большинства. Однако, меньшинство, издававшее законы, охраняло основныя права населенія; оно находило, что эти права выгодны для него, правящаго класса; оно находило, что эти права, распространяясь на массу народа, не причиняютъ невыгодъ ему, господствующему меньшинству. «Попытка образовать сильную центральную администрацію, сдѣланная въ Англіи короной въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ, увѣнчалась успѣхомъ на нѣкоторое время, потому что отвѣчала нѣкоторымъ потребностямъ вѣка, но въ сущности противорѣчила всѣмъ обычаямъ и традиціямъ страны; и даже въ то время, когда народъ желалъ усиленія власти короны, ему едва ли нравились способы, которыми корона проявляла свою власть. Сотни англичанъ, которые ненавидѣли терпимость и мало заботились о свободѣ слова, постоянно ревниво и недружелюбно смотрѣли на произволъ и твердо держались рѣшенія подчиняться только закону страны» [164]). Такое положеніе дѣлъ, нѣсколько освобождая и подчиненные классы населенія отъ гнета, который лежалъ на нихъ въ другихъ странахъ, упрочилъ въ англійскомъ народѣ безотчетное чувство, что онъ неотъемлемо будетъ пользоваться нѣкоторыми основными правами. Отсюда—меньше побужденій для политической борьбы. Другимъ условіемъ, которое дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, является большая сила личной иниціативы, укрѣпившаяся во всѣхъ слояхъ населенія; эта сила позволяетъ созидать въ Англіи многое только на началѣ самодѣятельности, безъ всякой правительственной поддержки. Вотъ два условія, вслѣдствіе которыхъ программа новѣйшаго соціализма, призывающая про-

летаріатъ прежде всего укрѣпить свое политическое положеніе и уже затѣмъ, на этой основѣ, измѣнять общественный строй, не могла встрѣтить въ Англіи такого отклика, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ: врагъ, противъ котораго призываетъ программа и съ которымъ нужно вести политическую борьбу — господствующіе классы, и правительство—представляется въ Англіи менѣе страшнымъ, чѣмъ во Франціи, Германіи или Австріи, а привычка къ самодѣятельности внушаетъ вѣру, что многое можетъ быть сдѣлано отдѣльными общественными группами безъ участія государства.

Въ Швейцаріи накопилось еще менѣе данныхъ для развитія политической борьбы. Въ мелкихъ, почти самостоятельныхъ государствахъ, какими являются швейцарскіе кантоны, было мало условій для развитія крайняго неравенства состояній. Въ 13, 14 и 15 вѣкахъ немногочисленное населеніе Швейцаріи поголовно боролось съ натискомъ феодальнаго угнетенія, которое двигалось на эту страну первоначально въ лицѣ фогтовъ германскихъ императоровъ, а позднѣе—въ лицѣ герцога Бургундскаго. Швейцарцы, возставая почти поголовно на защиту родины, уже тѣмъ самымъ дѣлали изъ себя матеріалъ для прочныхъ демократическихъ учрежденій: люди, стоявшіе по происхожденію и матеріальнымъ условіямъ даже наиболѣе низко, уже самой непрерывностью борьбы противъ внѣшняго врага поднимались очень высоко надъ закрѣпощенными крестьянами другихъ странъ Европы. Горный характеръ страны способствовалъ тому, что отдѣльные кантоны замыкались въ самостоятельные мірки. А въ этихъ міркахъ, гдѣ граждане могли лично знать другъ друга, воспитаніе каждаго было воспитаніемъ почти всѣхъ остальныхъ. Дома, внѣ бранныхъ тревогъ, швейцарецъ твердо стоялъ на томъ, чтобы имѣть права, равныя правамъ другихъ. Чистыя демократическія учрежденія, окрѣпшія съ того отдаленнаго времени, переживали столѣтія и сохранились неприкосновенными вплоть до нашихъ дней. Они обезпечиваютъ населенію такую совокупность правъ, которая неизвѣстна массѣ народа въ другихъ странахъ. Уже это одно гораздо болѣе сближаетъ въ Швейцаріи отдѣльные слои населенія, нежели гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Если я, бѣднякъ, пользуюсь полной свободой слова, собраній, союзовъ, печати, если на меня, какъ и на богатаго сосѣда, распространяется право referendum'а, то я нелегко воспламеняюсь для политической борьбы. Я знаю, что мой сосѣдъ справа въ 20 разъ богаче меня, а сосѣдъ слѣва—въ 100 разъ, быть можетъ, я завидую тѣмъ сладостямъ жизни, которыя доставляетъ имъ богатство, но не могу относиться къ нимъ съ тою рѣзкостью, которая отличала бы меня, если бы я былъ не только бѣднѣе ихъ, но и безправенъ. Понятно, поэтому, что швейцарскій соціализмъ не придаетъ особеннаго значенія политической части программы, а сосредоточиваетъ свои силы на созданіи разнообразныхъ, полезныхъ для пролетаріата хозяйственныхъ учрежденій.

Та же черта сказывается отчасти и въ Бельгіи. Конечно, общественное развитіе этой страны было не такъ благопріятно для упроченія демократическихъ учрежденій, какъ развитіе Англіи или Швейцаріи. Въ XVI вѣкѣ испанцы нѣсколько десятилѣтій жестоко подавляли народныя вольности; отдохнувъ отъ испанцевъ, страна подпала подъ владычество австрійцевъ. Но давленіе не было настолько продолжительно, чтобы совсѣмъ измѣнить типъ бельгійца: онъ сохранилъ старинную привычку къ личной свободѣ и не допускалъ крайняго давленія со стороны господствующаго меньшинства. Вотъ почему политическая борьба, хотя она занимаетъ много мѣста въ развитіи бельгійскаго соціализма, не поглощаетъ его всецѣло, оставляетъ ему досугъ для вниманія къ хозяйственнымъ

нуждамъ пролетаріата. Заботливость о томъ, чтобы теперь же внести хотя маленькія улучшенія въ бытъ бѣдныхъ людей, и сравнительное равнодушіе къ тому, что можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ, объясняются любовью бельгійцевъ ко всему положительному. Бельгіецъ любитъ науку, если она полезна ему; онъ большой поклонникъ поэзіи, если она даетъ ему правила для ежедневнаго обихода. Его практическій умъ рѣдко поднимается до отвлеченныхъ концепцій въ философіи и политикѣ. Сама природа располагаетъ бельгійца ко всему положительному: его страна, ровная, безъ возвышенностей, безъ контрастовъ, не возбуждаетъ воображенія. Его вниманіе приковано къ небольшому клочку земли, который онъ воздѣлываетъ съ любовью.[165]) Чрезвычайный реализмъ, отличающій старыхъ великихъ мастеровъ, Рубенса, Рембрандта и другихъ въ живописи, выражается во всемъ, между прочимъ, и въ современномъ соціалистическомъ движеніи. Интересъ къ тому въ программѣ соціализма, что отдалено отъ нашего времени, по крайней мѣрѣ, четвертью вѣка, не великъ, но величайшая заботливость сосредоточивается на томъ, что уже теперь важно для дѣйствительной жизни. Эти особенности въ значительной степени отличаютъ и соціалистическое движеніе Англіи. Но въ Бельгіи онѣ обнаруживаются особенно выпукло. Заботы рабочихъ классовъ Англіи направлены на разныя стороны матеріальнаго быта болѣе или менѣе равномѣрно. Въ Бельгіи же кооперативное движеніе относительно развито болѣе, нежели союзно-рабочее. По сравненію съ уровнемъ промышленной жизни союзы рабочихъ гораздо менѣе развиты въ Бельгіи, чѣмъ въ Англіи. Почему? Потому, что союзы рабочихъ доставляютъ пролетаріату существенныя выгоды только послѣ того, какъ успѣютъ окрѣпнуть, накопить значительныя средства. Большая склонность заниматься предпочтительно той работой, которая имѣетъ ближайшее практическое значеніе, и объясняетъ, почему бельгійцы дѣлаютъ гораздо больше для кооперативныхъ обществъ, нежели для союзовъ рабочихъ.

Нетрудно объяснить, почему въ Германіи и Франціи соціализмъ направился преимущественно въ русло политической борьбы. Въ этихъ странахъ образовались рѣзкія правовыя различія между господствующими классами и народомъ. Крѣпостное право держалось долго; значительная часть старинныхъ городскихъ вольностей была подавлена. Абсолютистическое государство расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ. Оно получило особенно полное выраженіе во Франціи, гдѣ бюрократія проникла во всѣ поры жизни, и крайняя централизація управленія задавила не только иниціативу гражданъ, но и сколько-нибудь самостоятельную дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ вѣдомствъ. Законченность и прочность бюрократической системы сказалось въ томъ, что ея не нарушило крушеніе стараго порядка вещей въ великую революцію, что она пережила возстановленное королевство Бурбоновъ, двѣ имперіи, двѣ республики и развѣ въ немного смягченномъ видѣ завѣщана двадцатому столѣтію. Хотя общественная жизнь Франціи подвинулась за XIX столѣтіе очень далеко впередъ, однако, живучесть бюрократизма ведетъ къ двумъ послѣдствіямъ: есть налицо довольно сильный механизмъ, вѣками воспитанный къ господству и произволу и сохранившій возможность къ самовластію именно вслѣдствіе своей цѣльности, и есть ядро—дворянство,—которое служитъ отличной опорой для всѣхъ реакціонныхъ элементовъ. Французское дворянство, какъ таковое, не существуетъ: старое уничтожено великой революціей, а новое, созданное Наполеонами, сдано въ архивъ третьей республикой; но, какъ очагъ реакціи, оно еще держится; оно держится тѣмъ-болѣе, что имѣетъ своимъустоемъ бюрократію, воспитанную добырми че-

тырьмя вѣками. Вслѣдствіе этого, французскій гражданинъ, не взирая на республиканское государственное устройство, пользуется гораздо меньшею свободою, чѣмъ англичанинъ и бельгіецъ. Сознаніе противорѣчія между законами и бюрократическими навыками, переходящими изъ поколѣнія въ поколѣніе, и вызываетъ въ соціалистахъ, какъ крайней партіи, особенное возбужденіе, которое облекается въ форму политической борьбы,— борьбы противъ остатковъ стараго государства, пережившаго всѣ революціи, и тѣхъ общественныхъ группъ, которыя опираются на государство.— То же, хотя съ инымъ оттѣнкомъ, наблюдается въ Германіи. Абсолютистическое государство выработало формы угнетенія и придавило городскія вольности. Однако, свободолюбивый оппозиціонный духъ германскаго населенія въ большей части страны замеръ, но не угасъ Движеніе 1848 года было сильно. Оно обнаружило, съ одной стороны, большой запасъ революціонныхъ элементовъ, а съ другой—въ реакціи, послѣдовавшей за революціоннымъ взрывомъ—неспособность буржуазіи служить дѣлу освобожденія Германіи отъ полицейскаго государства и остатковъ феодальнаго строя. Поэтому, созданіе рейхстага со всеобщимъ избирательнымъ правомъ поставило пролетаріатъ въ такія условія, что онъ долженъ былъ направить всѣ свои силы на политическую борьбу. Въ него вошли лучшіе элементы изъ средняго класса, которыхъ оттолкнули отъ себя вялость и косность буржуазіи. Рабочіе угнетены общими условіями жизни; но, принадлежа, главнымъ образомъ, къ городскимъ классамъ, они еще не утратили окончательно типа, который сложился въ давнее время подъ вліяніемъ городскихъ вольностей и даже создалъ поговорку: «городъ дѣлаетъ свободнымъ». А произволъ администраціи и давленіе со стороны господствующихъ классовъ, поддерживаютъ убѣжденіе, что наиболѣе настоятельныя задачи могутъ быть рѣшены именно посредствомъ политической борьбы. Въ Германіи это направленіе обозначилось особенно рѣзко еще вслѣдствіе того, что германскій умъ обладаетъ выдающеюся склонностью къ отвлеченію и систематизаціи. Связь германца съ требованіями дѣйствительности менѣе сильна, чѣмъ въ Бельгіи. Увлеченіе одной идеей или, какъ въ данномъ случаѣ, одной стороной программы, облегчило германскимъ соціалистамъ не только крѣпко держаться за политическую борьбу, но и выработать цѣлую сиетему дѣйствій, необходимыхъ для борьбы, вообще, довести технику борьбы до высокаго совершенства. Наклонность германскаго ума отвлекаться и отрѣшаться отъ тѣхъ или иныхъ требованій дѣйствительности и объясняетъ, почему результаты, достигнутые германскимъ соціализмомъ въ области народно-хозяйственныхъ мѣропріятій, значительно меньше того, что достигнуто въ политической борьбѣ.

Къ историческимъ судьбамъ можно свести и другія различія, наблюдаемыя въ развитіи соціализма у разныхъ народовъ. Почему, напримѣръ, въ Германіи замѣчается большая сплоченность, нежели во Франціи или Англіи? Два ряда условій способствовали возникновенію этихъ различій. Сильное давленіе на бѣднѣйшіе классы со стороны феодально-полицейскаго государства въ Германіи и живучесть стариннаго ассоціаціоннаго духа сдѣлали сплоченность необходимою и возможною. Въ Англіи ассоціаціонный духъ еще болѣе силенъ, а потому сплоченіе было бы возможно; но ненужность напряженной политической борьбы не заставляетъ англійскаго пролетаріата сомкнуться въ единую партію. Иначе стоитъ дѣло во Франціи. Тамъ сплоченіе было бы несбходимо для сильнѣйшаго противодѣйствія реакціоннымъ началамъ, но французъ приспособленъ къ этому меньше, чѣмъ англичанинъ или нѣмецъ: продолжительное давленіе королевской власти во Франціи и крайняя централизація управленія подавили

мѣстную жизнь, ослабили привычку къ самодѣятельности и затруднили сплоченіе людей въ многочисленныя массы для продолжительной совмѣстной работы въ опредѣленномъ направленіи. Отсюда—наличность нѣсколькихъ соціалистическихъ группъ. Бюрократическій характеръ которымъ такъ отличается французская жизнь, проникновеніе этой жизни началами господства и подчиненія способствовали сложенію во Франціи того типа людей, для которыхъ вопросы самолюбія имѣютъ большее значеніе, нежели тамъ, гдѣ поддерживается свободная мѣстная жизнь, ассоціаціонный духъ, гдѣ исторія завѣщала современности привычку къ образованію многочисленныхъ союзовъ на началахъ равенства. Я полагаю, что бюрократическій духъ, столь вліятельный во Франціи, находитъ извѣстный отголосокъ и въ жизни французскаго соціализма: имъ объясняется то, что вопросы личнаго самолюбія играютъ большую роль въ дробленіи французскихъ соціалистовъ на группы; имъ объясняется отчасти и характеръ политической борьбы, которую ведутъ французскіе соціалисты. Въ этой борьбѣ, какъ было замѣчено, очень выдается желаніе свергнуть то или другое министерство, при чемъ систематическая и непрерывная борьба съ отраслями управленія по существу отходитъ на задній планъ. Такой образъ дѣйствій совершенно понятенъ тамъ, гдѣ вопросы личнаго самолюбія имѣютъ большое значеніе; кто дорожитъ расколомъ, отступленіемъ отъ общаго дѣла только потому, что отказъ отъ обособленія въ мелкую, но, будто бы, самостоятельную группу можетъ унизить его достоинство, тотъ, борясь съ противникомъ, затрачиваетъ на личныя нападки гораздо больше силъ, чѣмъ то, быть можетъ, оправдывается необходимостью.

VII.

Приведенные примѣры позволяютъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ.

Перемѣны въ жизни народовъ постепенно вносятъ въ бытъ каждаго одни и тѣ же начала. Если разсматривать жизнь народа по продолжительнымъ періодамъ, то движеніе отъ худшаго къ лучшему несомнѣнно: въ каждомъ народѣ, которому суждено достигнуть довольно высокаго уровня развитія, совершается *демократизація общества*, т. е. пріобщеніе все большаго и большаго числа его членовъ къ матеріальному благосостоянію, просвѣщенію ума, свободѣ, политическимъ правамъ. Можно говорить съ этой точки зрѣнія, что постепенно приближеніе людей къ равенству есть то общее начало, подъ которое могутъ быть сведены историческія судьбы всѣхъ группъ человѣчества. Можно сказать съ глубочайшимъ, непоколебимымъ убѣжденіемъ, что сходство, обнаруживающееся между низшими племенами на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры, когда они безпорядочно бродятъ мелкими группами по занятой ими территоріи, будетъ отличать народы и на самомъ высокомъ уровнѣ, который можетъ быть достигнутъ. Соціалистическій строй будетъ господствовать повсюду; повсюду онъ принесетъ людямъ тѣ блага, которыя являются необходимымъ слѣдствіемъ упраздненія права частной собственности на орудія производства. Но путь, проходимый каждымъ народомъ до этого будущаго, представляетъ свои особенности.

1. Между народами наблюдаются различія относительно продолжительности времени, въ теченіе котораго они проходятъ извѣстный періодъ развитія. Возьмемъ для примѣра матеріальную сторону жизни и сопоставимъ Европу съ древними восточными царствами. Китай и Японія имѣли развитое ремесло въ то время, когда народы Западной Европы еще не достигли состоянія осѣдлости. И теперь, когда европейцы получили доступъ въ эти царства, они почти не застали тамъ крупной промышлен-

ности, тогда какъ сами давно вступили въ періодъ машиннаго производства. Можно, такимъ образомъ, сказать, что ремесленный періодъ производства, длившійся въ восточной Азіи нѣсколько тысячелѣтій, былъ въ Европѣ господствующимъ неполную тысячу лѣтъ. Уровень политическаго развитія Великобританіи въ IX вѣкѣ былъ едва ли выше, чѣмъ въ Россіи того времени. Но эта страна и до сихъ поръ сохранила деспотическую форму правленія, тогда какъ Англія, получивъ зачатки политической свободы еще въ XIII столѣтіи, нанесла въ половинѣ XVII вѣка такой ударъ королевскому самовластію, что сдѣлала невозможнымъ его возстановленіе.

2. Совокупность явленій, при которыхъ входятъ въ жизнь новые и крупные факты, не представляетъ повсюду чего-либо однороднаго. Напомнимъ объ указанномъ нами различіи въ условіяхъ, при которыхъ рушилась сельская община, было отмѣнено крѣпостное право и другихъ. Любой крупный фактъ въ жизни народовъ можетъ подкрѣпить это положеніе. Такъ, напримѣръ, народы получили конституціонное устройство при весьма различныхъ условіяхъ относительно благосостоянія, развитія техники, густоты населенія, духовнаго просвѣщенія и т. п. Англія имѣла уже въ половинѣ XVII столѣтія то, что пріобрѣтено другими государствами Европы въ очень недавнее время, Японіей — послѣ трехъ тысячъ лѣтъ исторической жизни, а Россіей — только на дняхъ. Напомнимъ, что въ половинѣ XVII вѣка, когда конституціонное устройство Англіи уже упрочилось, ея экономическое развитіе стояло во многомъ гораздо ниже, чѣмъ теперь въ Россіи.

3. Новое крупное явленіе, входя въ общественную жизнь, принимаетъ у каждаго народа своеобразныя черты, вполнѣ соотвѣтствующія характеру народа, какъ его выработала исторія. Все, что было сказано объ особенностяхъ соціалистическаго движенія въ отдѣльныхъ странахъ, служитъ тому доказательствомъ.

4. Народы и тѣмъ различаются между собой въ своемъ развитіи, что новыя начала, входящія въ жизнь, являются не въ одинаковой степени продуктомъ своей исторіи и плодомъ заимствованій извнѣ. Многіе крупные факты, въ своемъ строеніи, находятся подъ вліяніемъ заимствованій у сосѣднихъ народовъ; иногда заимствованія чрезвычайно велики. Припоминая главные этапы, которые прошло конституціонное устройство Англіи прежде, чѣмъ достигло нынѣшняго состоянія, мы можемъ сказать, что оно развилось самобытно, безъ сколько-нибудь замѣтныхъ вліяній исчужа. Если же мы остановимся на конституціонномъ строѣ Японіи, то признаемъ въ немъ результатъ сближенія японцевъ съ Европой и знакомства съ началами европейскаго конституціоннаго права. То же можно сказать о новѣйшихъ европейскихъ конституціяхъ — румынской, болгарской, сербской. Возьмемъ судъ присяжныхъ. Въ англо-германскомъ мірѣ онъ имѣетъ старинное происхожденіе; въ Россіи же онъ является новымъ фактомъ, перенесеннымъ изъ строя болѣе высокой культуры. Заимствованія имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ ставится на очередь очень крупная перемѣна общественной жизни. Тѣмъ болѣе часты заимствованія въ области второстепенныхъ явленій культуры. Оцѣнивая послѣдствія, которыя влечетъ за собой самобытное развитіе извѣстной стороны культуры и заимствованіе ея извнѣ, можно сказать, что первое обезпечиваетъ пріобрѣтенному большую прочность, лучшую приноровленность къ типу людей, составляющихъ данное общество. Не слѣдуетъ, однако, думать, что учрежденія вносимыя, заимствованныя у другихъ народовъ, всегда осуждены на жалкое прозябаніе. Часто такъ и бываетъ; но жизнь народа, вводящаго какое-либо крупное учрежденіе изъ-за границы, можетъ до

такой степени нуждаться въ немъ, а условія, которыя данное учрежденіе встрѣчаетъ въ данной странѣ, могутъ быть до такой степени благопріятны для него, что оно отлично прививается, ассимилируется туземною жизнью. Это часто наблюдается относительно способовъ производства и экономическихъ учрежденій. Новые техническіе пріемы и новыя машины появляются на свѣтъ обыкновенно въ передовыхъ странахъ; для странъ отсталыхъ они являются заимствованіями. А всѣмъ извѣстно, что они прививаются и хорошо дѣйствуютъ въ мѣстахъ водворенія. Крупное производство въ нѣкоторыхъ отрасляхъ и банковское дѣло развиваются въ Россіи почти не менѣе успѣшно, чѣмъ тамъ, гдѣ они были примѣнены всего ранѣе. То же можетъ быть сказано и о другихъ сторонахъ культуры. Японская конституція пересажена съ европейской почвы; она укореняется потому, что японцы достигли довольно высокаго уровня умственнаго развитія, созрѣли для перехода отъ самодержавія къ болѣе совершенной формѣ правленія, какою является конституціонная монархія. То же скажемъ о судѣ присяжныхъ въ Россіи. Судъ присяжныхъ, взятый самъ по себѣ, былъ началомъ, чуждымъ русской жизни. Но среда, въ которую былъ введенъ судъ присяжныхъ, была достаточно подготовлена для его принятія. Нападки, которымъ онъ подвергается десятки лѣтъ, невѣрны въ своемъ основаніи: онъ обезпечилъ Россіи болѣе высокій уровень правосудія, нежели то было возможно при судахъ дореформеннаго времени.

VIII.

Что же будетъ отличать въ будущемъ развитіе народовъ? Мы полагаемъ, что движеніе впередъ будетъ идти все съ большею быстротою и что въ развитіи народовъ будетъ замѣчаться все большее сходство. Заимствованія имѣютъ для этого рѣшающее значеніе. По мѣрѣ движенія впередъ, заимствованія однимъ народомъ у другого будутъ все менѣе походить на то, чѣмъ они были въ доброе старое время. Въ прошломъ преобладали такіе способы заимствованія, что одно лицо или нѣсколько лицъ, господствовавшихъ въ странѣ, приносили исчужа то или другое учрежденіе. Въ однихъ случаяхъ потребности народа угадывались безошибочно, въ другихъ—онѣ получали совсѣмъ невѣрную оцѣнку. Въ однѣхъ областяхъ среда оказывалась хорошо подготовленною для заимствованія, въ другихъ—средѣ вовсе не соотвѣтствовало то, что хотѣли перенести отъ иностранцевъ. Петръ Первый служитъ отличнымъ примѣромъ такихъ заимствованій. Нѣкоторыя пріобрѣтенія культуры, принесенныя Петромъ съ Запада, были своевременны, другія—неумѣстны. Чѣмъ болѣе подвигаемся къ нашему времени, тѣмъ болѣе замѣчаемъ, какъ заимствованія однимъ народомъ у другихъ основываются на сближеніи одной среды съ другою, т. е. на продолжительномъ и непрерывномъ общеніи очень большого числа людей изъ одной страны съ людьми другой. Двѣ среды ставятся въ непосредственныя отношенія одна къ другой; вслѣдствіе этого получается возможность соприкосновенія на столь многихъ точкахъ, вліяніе на такую большую площадь, что отсталая среда приспособляется къ новымъ формамъ жизни гораздо быстрѣе, нежели то было въ старину. Массовыя передвиженія людей изъ одной страны въ другую съ экономическими и иными цѣлями, развитіе печати и другихъ способовъ воздѣйствія людей другъ на друга ведутъ къ тому, что типы, выработанные исторіей у разныхъ народовъ, начинаютъ менѣе рѣзко отклоняться другъ отъ друга, чѣмъ то было ранѣе. Такое измѣненіе типа совершается тѣмъ легче, чѣмъ болѣе сознательною становится дѣятельность людей. Соціалистическое движеніе нашихъ дней служитъ въ этомъ отношеніи хорошимъ примѣромъ.

значительной части силъ соціальной демократіи на развитіе экономическихъ учрежденій—союзовъ рабочихъ, потребительныхъ обществъ и другихъ. Германія не остается въ долгу: подъ ея вліяніемъ пролетаріатъ Англіи стремится къ образованію болѣе сильной политической партіи, а во Франціи усиливается тенденція къ сплоченію воедино всѣхъ соціалистическихъ группъ.

Распространяя на Россію эти общія положенія, мы скажемъ, что ея движеніе впередъ будетъ представлять особенности, которыя находимъ не у всѣхъ народовъ.

Россія можетъ пройти періодъ частно-капиталическаго производства быстрѣе, нежели страны Запада. Когда крупная промышленность зарождалась въ Западной Европѣ, то условія для ея развитія были гораздо менѣе благопріятны, чѣмъ нынѣ. Въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣка способы перевозки были первобытны, міровой рынокъ былъ ограниченъ тѣсными предѣлами, приложеніе къ промышленности научныхъ знаній было въ зародышѣ, возведеніе въ систему тѣхъ пріемовъ, которые облегчаютъ и ускоряютъ созданіе крупныхъ предпріятій, не было извѣстно. Общее движеніе жизни было гораздо болѣе медленно, чѣмъ нынѣ, и эта медленность сказывалась въ вяломъ процессѣ развитія крупнаго производства и всѣхъ явленій, которыя ему сопутствуютъ. Для странъ Запада потребовалось нѣсколько поколѣній, чтобы создать крупную промышленность въ главныхъ отрасляхъ; ускоренное біеніе жизни позволяетъ Россіи совершить этотъ процессъ въ 3—4 десятилѣтія.

Говоря объ условіяхъ, среди которыхъ будетъ совершаться дальнѣйшее развитіе русскаго народнаго хозяйства, мы высказываемъ убѣжденіе, что оно можетъ имѣть обстановку, несходную съ тою, которую имѣли страны Запада. Тамъ уже давно разложилась земельная община; сохранившись въ Россіи, она можетъ удержаться и при дальнѣйшемъ развитіи народнаго хозяйства. Община не можетъ побороть индивидуалистическія теченія, которыя все рѣзче обозначаются въ жизни русской деревни; съ каждымъ годомъ число крестьянъ общинниковъ въ Россіи будетъ уменьшаться. Однако, дальнѣйшіе успѣхи частнаго капитализма не помѣшаютъ тому, что еще очень большое число крестьянъ останутся при общинномъ владѣніи землею. Мы основываемъ такое предположеніе на томъ, что въ русской жизни нѣтъ силъ, которыя разрушили общину во многихъ странахъ: нѣтъ ничего аналогичнаго силамъ, которыя нанесли общинѣ удары въ Индіи, Америкѣ, Алжирѣ, Англіи. Русское правительство и имущіе классы постарались бы покончить съ общиной, еслибы она нарушала ихъ интересы; но и при ней Россія имѣетъ многомилліонную армію безработныхъ, которые доставляютъ крупной промышленности дешевыя рабочія руки. Такимъ образомъ, община не мѣшаетъ привилегированному меньшинству имѣть дешевый трудъ и не тормозитъ мѣропріятій государства, усиленно развивающихъ крупную промышленность. Сверхъ того община выгодна для финансоваго управленія. При отсутствіи силъ, которыя извнѣ разрушали бы русскую общину, ее разлагаютъ внутренніе процессы, связанные со всею ея жизнью. Эти процессы дѣйствуютъ могущественно; но способность сельскаго хозяйства усовершенствоваться на общинныхъ земляхъ служитъ задерживающимъ началомъ. Чѣмъ больше будутъ вырабатываться типы хозяйства на общинной землѣ, тѣмъ болѣе вѣроятія, что многочисленныя массы крестьянъ останутся въ Россіи при общинномъ владѣніи даже тогда, когда частный капитализмъ достигнетъ высшаго развитія. Все то, что останется при общинѣ и сохранитъ за собой позицію въ силу усовершенствованныхъ способовъ веденія хозяйства, будетъ для Россіи существеннымъ пріобрѣтеніемъ при ея переходѣ къ соціалистическому строю.

Меньшая зависимость отъ иноземныхъ рынковъ—вотъ что, по сравненію съ капитализмомъ Запада, можетъ быть третьей особенностью русскаго хозяйства въ его дальнѣйшемъ развитіи. Малая обширность странъ и густое населеніе дали хозяйству западно европейскихъ народовъ такое направленіе, что они стали ввозить къ себѣ все больше продуктовъ земледѣлія и все больше зависѣть отъ иностранцевъ при сбытѣ издѣлій своей промышленности. Постепенно получился большой перевѣсъ обрабатывающей промышленности надъ сельскимъ хозяйствомъ. Обширность Россіи, изобиліе рѣдко населенныхъ и плодородныхъ земель позволятъ русскому сельскому хозяйству сохранить важное значеніе въ экономіи страны, а многочисленность сельскаго люда откроетъ большой рынокъ для русскихъ фабрикъ и заводовъ. Такимъ образомъ, въ Россіи между земледѣліемъ и промышленностью можетъ установиться большая гармонія, чѣмъ въ странахъ необширныхъ и густо населенныхъ.

Замѣтимъ, наконецъ, что Россія поставлена относительно западныхъ народовъ выгодно и потому, что имѣетъ очень широкое поле для наблюденій надъ результатами, которые достигнуты опередившими ее сосѣдями. Она можетъ оцѣнить благотворное значеніе однихъ явленій и отрицательное—другихъ, еще не пережитыхъ ею, тогда какъ народы старой культуры должны были доходить до этого познанія путемъ до-гаго опыта.

Перечисленныя особенности выгодны для Россіи. Не слѣдуетъ, однако, думать, что онѣ могутъ быть хорошо использованы русскимъ народнымъ хозяйствомъ при томъ состояніи рабства, въ которомъ живетъ русскій народъ. Печать бюрократизма, лежащая на всей русской жизни, обезпечиваетъ только формальное выраженіе тѣмъ благопріятнымъ особенностямъ, которыми обладаетъ Россія. Винты протекціонизма, завинчиваемые все глубже и глубже, могутъ создавать въ Россіи исполинскія предпріятія при ничтожной производительности даже самыхъ важныхъ отраслей промышленности. Тиски закона, искусственно задерживая разложеніе общины, не могутъ вносить въ нее живительной струи. Внѣшніе рынки, и при нынѣшнемъ положеніи вещей, могутъ имѣть для Россіи меньшее значеніе, чѣмъ для Запада, но только потому, что заокеанскія страны грозятъ побѣдить Россію въ сбытѣ земледѣльческихъ продуктовъ, а русскіе фабрикаты, вырабатываемые подъ покровомъ таможенной опеки, слишкомъ дороги, чтобы находить заграницей обширный сбытъ. Слабымъ успѣхамъ Россіи на внѣшнемъ рынкѣ будетъ соотвѣтствовать, при нынѣшнихъ условіяхъ и ничтожный внутренній рынокъ, жалкія покупательныя силы населенія [166]). Чего же ожидать отъ заимствованій извнѣ? Пока Россія останется восточнымъ царствомъ, до тѣхъ тѣхъ поръ народы старой культуры будутъ особенно успѣшно обучать русскихъ тому, что выгодно для господствующихъ классовъ, но лишено широкаго общественнаго значенія.

Все же, что освобождаетъ устное и печатное слово, что умножаетъ формы общенія между людьми, особенно между членами бѣдныхъ классовъ, что разбиваетъ цѣпи вѣковой неволи и приближаетъ народъ къ правительственной и законодательной дѣятельности, будетъ благотворно для Россіи. Все это ускоритъ прохожденіе ею періода капитализма и сохранитъ тѣ выгодныя для нея особенности, которыя вытекаютъ изъ условій русскаго быта.

Завоеваніе политическихъ правъ—вотъ главная задача истинно прогрессивныхъ русскихъ людей.

Примѣчанія.

[1]) *Engels.* Ludwig Feuerbach. 1895. Стр. 52—53. [2]) *Родбертусъ.* Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. 1880. 1—29. [3]) *Данквартъ.* Гражданское право и общественная экономія. 1866. 107. [4]) Было бы несправедливостью относительно старыхъ французскихъ соціалистовъ и Оуена называть Маркса «первымъ» великимъ теоретикомъ; я прибавлю «систематическимъ», такъ какъ онъ первый *систематически* подвергъ теоретическому изученію буржуазное общественное хозяйство съ точки зрѣнія его противорѣчій, которыя необходимо приведутъ людей къ ассоціаціонному строю. [5]) *Sombart.* Socialismus u. soc. Bewegung im 19. Jahrhundert 1896. 54—65. [6]) *Eleutheropulos.* Die Philosophie und die Lebensauffassung des Griechenthums. 1900. 98—117. [7]) Значеніе противорѣчій при смѣнѣ однихъ ученій другими, рѣзко отличными отъ нихъ, очень хорошо выяснено въ книгѣ *Бельтова*: Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. 1895. 192—96. См. также статью *Кирсанова.* Письма безъ адреса. Научное обозрѣніе. 1899. XI. 2065—67. [8]) *Bücher.* Arbeit und Rhythmus. 1896. [9]) Письма безъ адреса. I. 2073. [10]) *Bücher.* Тамъ же. 84 и 95. [11]) *Taine.* Philosophie de l'art. II. 8 éd. 1898. 48. [12]) *Muther.* Geschichte der Malerei im XIX. Jahrhundert. 1893. I. 165. [13]) Тамъ же. 150—84. [14]) Тамъ же. [15]) Тамъ же. II. 280—320. [16]) *Добролюбовъ.* Сочиненія. 3-е изданіе. 1876. Темное царство. 25. [17]) *Плехановъ.* В. Г. Бѣлинскій. 1899. [18]) *Plechanow.* Tschernischevsky. 1894. [19]) *Чернышевскій* Очерки изъ политической экономіи по Миллю. 1870. I. [20]) Тамъ же. 23—30. [21]) *Plechanow* Тамъ же. 159 71. [22]) *Чернышевскій.* Объ общинномъ владѣніи землею. 2 изд. 1879. 50[f]. [23]) Тамъ же. 523—27. [24]) «О томъ, въ чемъ правда въ искусствѣ». Сочиненія. 1890. XIII. 264. [25]) Сочиненія. XIII. 142—45. [26]) Тамъ же. 124. [27]) Тамъ же. 171. [28]) Тамъ же. 220 и 229. [29]) *Исаевъ.* Земледѣльцы изъ образованнаго класса. *Рус. Мысль.* 1892 X. 10. [30]) *Исаевъ.* Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. 1896. 135—75. [31]) *Адамъ Смитъ.* О богатствѣ народовъ. Книга I, глава 2. [32]) Тамъ же. Книга IV, глава 3. [33]) Тамъ же. Книга IV, глава 8. [34]) Тамъ же. Книга I. глава 11. [35]) Рядъ примѣровъ приведенныхъ въ книгѣ Книса: *Knies.* Die Nationalökonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. 1853. 147—49. [36]) *Адамъ Смитъ.* Тамъ же. Книга III, глава 4. [37]) Тамъ же. Книга IV, глава 3. [38]) Тамъ же. Книга V, глава 1, отдѣленіе 2. [39]) *Rocher.* Die Grundlagen der Nationalökonomie. §[s] 11 и 12. [40]) *Knies.* Тамъ же. 147—168 [41]) Тамъ же. 155. [42]) Тамъ же. 159. [43]) *Schmoller.* Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirthschaft. 2. Aufl. 1875. [44]) Тамъ же. 37. [45]) Тамъ же. 62 [46]) Тамъ же. 74. [47]) *Wagner.* Grundlegung der politischen Oekonomie. 1893. II, 761—922. [48]) Тамъ же. 781. [49]) *Kidd.* L'évolution sociale. 1896. [50]) Тамъ же. 139—140. [51]) Тамъ же. 168. [52]) Тамъ же. 175. [53]) Тамъ же. 178. [54]) Тамъ же. 181. [55]) *Бутсъ.* Въ трущобахъ Англіи. 1891. 115. [56]) *Гобсонъ.* Общественные идеалы Рёскина. 1899. 112—29. [57]) Статья: Такъ что же намъ дѣлать? Полное собраніе сочиненій. XIII. 1890. 227. [58]) Тамъ же. 230—33. [59]) *Stein Lorenz.* Der Socialismus und Communismus in Frankreich. 1847. 62 и дал. *Schmoller.* Тамъ же. 128. [60]) *Марксъ.* Капиталъ. I. 650. *Engels.* Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. 2. Aufl. 1886 242—53. [61]) *Brentano.* Die Arbeitergilden der Gegenwart 1871. 73. *Thornton.* On labour. 1866. *De Rousiers.* Le tradeunionisme en Angleterre. 1897. [62]) *Engels.* Ursprung der Familie. 1894. 160. [63]) *Loria.* Les bases économiques de la constitution sociale. 1893. 125—274. [64]) *Booth.* Life and labour in the East of London [65]) Въ трущобахъ Англіи. 18—20. [66]) *Booth.* Life and Labour. IX. 1897. По другимъ даннымъ, изъ населенія Лондона 828.941 человѣкъ живутъ очень тѣсно. *Jameson.* Land Lessons for Town Folk. 1894. [67]) *Hirschberg.* Die sociale Lage der arbeitenden Klassen in Berlin. 1897. [68]) *Cahn.* Das Schlafstellenwesen in den deutschen Grossstädten. 1898. *Göhre.* Drei Monate Fabrikarbeiter. 1891. [69]) *Calm.* Тамъ же. 38. [70]) *Schulze-Gävernitz.* Der Grossbetrieb. 1892. 246. [71]) *Hirschberg.* Тамъ же. 51 и далѣе. [72]) Тамъ же. 45. Трюдингеръ вычислилъ для Вюртемберга, что за 81 годъ (1819—99) государство, общины, строительныя общества, частные предприниматели и благотворительныя общества (1407) устроили для рабочихъ всего 4.556 семейныхъ жилищъ (*Trüdinger* въ Württembergische Jahrbücher für 1899) А въ нихъ можно помѣстить не болѣе 1% населенія Вюртемберга. [73]) *Levasseur.* L'ouvrier américain.2 vol 1898. [74]) *Carroll Wright.* The slums of Baltimore, Chicago, New-York and Philadelphia. 1894. [75]) *De Norvins.* Les milliardaires d'Amérique.*Revue des Revues*, 1899, décembre. [76]) Записки изъ мертваго дома. Часть первая, I. [77]) Тамъ же. Часть вторая, III. [78]) Paris. 494. [79]) *Bebel.* Die Frau und der Socialismus. 27. Aufl 1896. 269. [80]) *Kautsky.* Die Klassengegensätze von 1789 1889. 7 [81]) Я расхожусь, такимъ образомъ, съ Шиппелемъ и Бернштейномъ, которые дѣлятъ личный составъ акціонерныхъ обществъ на двѣ группы: хозяевъ съ одной стороны и всѣхъ наемныхъ рабочихъ, какъ поставляющихъ физическій трудъ, такъ и руко-

водящихъ предпріятіемъ—съ другой. См. *Schippel.* Die wirthschaftl. Umwälz, und die Socialdemokratie. 1894. Стр. 29—50. *Bernstein.* Gesellchaftl. und Privat-Eigenthum. 1891. 12—12. [82]) *Marx.* Der achtzehnte Brümaire, 3. Aufl. 1885. 23. Engels. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. 2 Aufl 1886. 267 — 68. *Tonnies.* Gemeinschaft und Gesellschaft. 1887. 288. [83]) *Loria.* Les bases économiques de la constitution sociale. 1887. 288. [84]) *Lagardelle.* Le socialisme et l'Affaire Dreyfus. *Mouvement socialiste* 1899 III, 158. [85]) *Gohier.* L'armée contre la Nation. 1899. [86]) *Hobson.* The war in South Africa. 1900. *Keir Hardie.* The Outcome of Capitalism in Politics. The *Labour Leader.* 31. March 1900. [87]) *Stein, Lorenz.* Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. 2. Aufl. I., 67—68. [88]) *Lassalle.* Arbeiterprogramm. 47—48. Gesammtausgabe, 1892. II. [89]) *Labriola.* Essais sur la conception matérialiste de l'histoire. 1897 222. [90]) Шиппель въ названномъ сочиненіи высказываетъ вѣрную мысль, что физическій трудъ самъ по себѣ еще не располагаетъ человѣка къ демократіи. Въ феодальномъ строѣ ремесленникъ былъ занятъ физическимъ трудомъ, но, владѣя орудіями производства, не служилъ цѣлую жизнь предметомъ эксплоатаціи. А потому и было бы странно предположить возможность обращенія его къ соціализму. Стр. 16 и далѣе. [91]) По переписи за 1895 годъ, въ кустарной промышленности Германіи было занято до 230.000 одиночекъ. [92]) Промышленная статистика Германіи за 1895 годъ обнаруживаетъ, по сравненію съ данными за 1882 годъ, рѣзкое поглощеніе мелкаго производства крупнымъ и увеличеніе размѣровъ предпріятій во многихъ отрасляхъ, особенно въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ, химической, машиностроительномъ и горномъ дѣлѣ. Въ 1882 году приходилось на 1 предпріятіе 2,6 рабочихъ въ промышленности, а въ 1895—4,8; въ горномъ дѣлѣ 81,3 и 134. Изъ рабочихъ, занятыхъ въ горной промышленности, 95,3% приходятся на предпріятія, которыя имѣютъ болѣе 50 рабочихъ каждое. Сельскохозяйственная статистика представляетъ картину, замѣтно отличающуюся отъ этого. [93]) Марксъ говоритъ такъ: «какъ прежде часто дворянство переходило къ буржуазіи, такъ теперь буржуазія переходитъ къ пролетаріату, особенно идеологи буржуазіи, которые поднялись до теоретическаго пониманія всего историческаго движенія». Kommunist. Manifest. 16. [94]) *Kautsky.* Das Erfurter Programm. 1892. 186—88. [95]) *Bernstein* Тамъ же. 17 и далѣе. [96]) *Mommsen.* Römische Geschichte, II. 8. Aufl. 1889. 91. [97]) *Blanc Louis.* Organisation du travail. 5 édition. 1848. 13—14. [98]) *Hertzka.* Gesetze der socialen Entwickelung. 1886. 287. [99]) *Ziegler.* Die geistigen und socialen Strömungen des neunzehnten Jahrhunderts. 1899. [100]) *Kautsky.* Тамъ же. 219. [101]) *Stein-Lorenz.* Тамъ же. 48—53 [102]) *Sombart.* Socialismus und sociale Bewegung im 19. Jahrhundert. 1896. 10. Ср. также *Lorenz Stein.* Назв. соч. 54 и *Engels.* Lage der arbeitender Klassen in England [103]) *Марксъ.* Капиталъ. I 650. [104]) Еще въ 1897 году этотъ вопросъ былъ въ Германіи предметомъ оживленнаго спора между Либкнехтомъ и Шенланкомъ, при чемъ первый проводилъ мысль, что положеніе рабочихъ измѣнилось къ худшему, второй же отстаивалъ противоположное мнѣніе. [105]) *Bücher.* Die Entstehung der Volkswirthschaft, 2. Aufl. 1897. Der Niedergang des Handwerks. [106]) *Apelt* Die Konsumtion der wichtigsten Kulturländer in den letzten Jahrzehnten. 1899. [107] *Bernstein.* Grundprobleme des Socialismus. 1899. 48—51. *Hertz.* Die agrarischen Fragen. 1899. 26 — 27. [108]) *Gumplowicz.* Der Rassenkampf. 1883. 218. [109]) *Карлейль.* Герои и героическое въ исторіи. 1898. 125. [110]) Тамъ же. 149. [111]) Тамъ же. 166. [112]) *Lebon.* Psychologie des foules. 4 éd. 1898. 8, 15 — 17. 51—2. [113]) *Stein, Ludwig.* Die sociale Frage im Lichte der Philosophie. 1897. 523. [124]) *Taine.* Ppilosophie de l'art. 8 éd. 1898. I., 61—72. [115]) Царскій указъ былъ обнародованъ 8 января 1900 года, а въ слѣдующіе затѣмъ дни состояніе биржи было болѣе угнетеннымъ, нежели до изданія указа. [116]) *Бельтовъ.* Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. 1895. 194. [117]) Тамъ же. 189—90. [118] *Mommsen.* Römische Geschichte. V. 4. Aufl. 1894. 523. [119]) Книга пророка Даніила, глава VII, 14 [120] Тамъ же, глава VIII, 25. [121]) Книга пророка Исаіи, глава I. [122]) *Гольдштейнъ.* (*Goldstein.* Christenthum und Socialdemokratie. 1899.) проводитъ мысль, что во время Христа подъ царствомъ божьимъ разумѣли не жизнь на небесахъ, а земное царство, которое долженъ былъ основать Христосъ. Для доказательства этого онъ ссылается на слѣдующее мѣсто евангелія Луки (IX. 27): «истинно говорю вамъ, не всѣ изъ стоящихъ здѣсь умрутъ, не увидѣвъ царства Божія». Въ виду того, что Христосъ презиралъ земныя блага и не принималъ царскаго титула, которымъ надѣляли его многіе изъ послѣдователей, подъ этими словами нужно разумѣть предсказаніе того, что въ ближайшемъ будущемъ между людьми будутъ царствовать любовь и благоволеніе. [123]) *Rénan.* Jésus 5 éd. 1864 249. [124]) *Mommsen.* Römiche Geschichte. Кар. XIII. Die africanischen Provinzen. [125]) Тамъ же. Профессоръ Штейнъ называетъ 17-ое столѣтіе вѣкомъ Ньютона, 18-ое—Вольтера, а 19-ое—вѣкомъ Стефенсона и Дарвина. Въ такомъ наименованіи много произвольнаго: все зависитъ отъ міровоззрѣнія говорящаго и, частію, отъ вліянія на него національныхъ вкусовъ: можно назвать 17-й вѣкъ вѣкомъ Декарта, Спинозы, Лейбница; 18-й—вѣкомъ Руссо, Канта. Адама Смита, Уатта; 19-й—Маркса и т. п. [126]) *Haeckel* Die natürliche Schöp-

fungsgeschichte. [127]) *Menger.* Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 1891. 47 — 60. [128]) *Thompson* Distribution of wealth, 1825. [129]) Doctrine de Saint. Simon. 2 éd. 1830. [130]) *Buchez* et *Roux.* Histoire parlementaire de la révolution française. 1834 — 38. Préface и Revue national, mai 1847 до juin 1848. [131]) *Blanc Louis.* Organisation du travail. 5 éd. 1848. 102—18. [132]) *Rodbertus-Jagetzow.* Zur Beleuchtung der socialen Frage. 1875. 92—93. [133]) *Engels.* Die Lage der arbeitender Klasse in England. 2. Aufl. 1892. 38. [134]) Тамъ же. 131. [135]) См. статьи Черкесова въ *Nouveaux Temps* за 1900 годъ. Намъ не нравится въ этихъ статьяхъ и рѣз ость тона и, особенно, заглавіе: сходство между обоими манифестами должно быть приписано не тому, что Марксъ списалъ съ Консидерана, а тому, что оба автора находились подъ вліяніемъ одной и той же научной среды и однихъ и тѣхъ же условій общественной жизни. См. отличную характеристику ученія о борьбѣ классовъ въ предисловіи *Плеханова* къ новому изданію Коммунист. Манифста. 1900. [136]) *Lassalle.* Arbeiterprogramm. Arbeiterlesebuch. Die Agitation des Allgemeinen Deutchen Arbeitervereins und das Versprechen des Königs von Preussen. Reden und Schriften. II. Band. 1893. [137]) См *Бельтовъ.* Назв. сочиненіе. [138]) *Stein.* Die sociale Frage. 653. [139]) *Tarde.* Les lois sociales. 1898. 144. [140]) *Lamprecht.* Die kulturhistorische Methode. 1900. 36. [141]) *Спенсеръ* Основанія соціологіи. I. 1898. 43 — 45. Очень вѣроятно, кое-что въ этихъ характеристикахъ обязано поспѣшности, съ которой иной путешественникъ обобщалъ свои впечатлѣнія; однако, это не сглаживаетъ всѣхъ различій. [142]) *Fouillée.* Psychologie du peuple française. 1898. 179 — 92. [143]) *Taine.* Philosophie de l'art. 261 68. [144]) *Мечниковъ.* Цивилизація и великія историческія рѣки. 1898. [145]) *Ratzel.* Anthropogeographie. I. 2. Aufl. 1899. 407. [146]) Тамъ же. 388. [147]) *Ковалевскій.* Общинное землевладѣніе 1879. Главы II, VII и IX. [148]) *Нассе.* О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи и огораживаніи полей въ Англіи XVI вѣка. 1878. *Эшли* Экономическая исторія Англіи. 1897. 534—88. [149]) *Ковалевскій.* Очерки исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадъ. 1876. [150]) *Laveleye.* De la propriété et de ses formes primitives. 2 éd. 1877. 241—49. [151]) Высокомѣріе завоевателя сказывается въ циркулярѣ лорда Корнваля, предшествовавшемъ признанію земиндаровъ собственниками земли въ Индіи. «Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что земиндары имѣютъ самые неоспоримые титулы на владѣніе землею... я убѣжденъ также въ томъ, что если бы у нихъ и не было права собственности на землю, общественное благо заставило бы насъ признать его за ними». *Ковалевскій.* Общинн. землевлад. 161 [152]) Право крестьянъ на общинный выгонъ покоилось на обычаѣ, «когда измѣнившіяся экономическія условія принудили лордовъ обратиться къ своимъ первоначальнымъ правамъ (т. е. правамъ собственниковъ, которые по своему благоусмотрѣнію, терпятъ поселенцевъ на своей землѣ или изгоняютъ ихъ). *Эшли.* Тамъ же. 548. [153]) *Бычковъ.* Дементьевская община и травосѣяніе. 1880. [154]) *Helmolt.* Weltgeschichte. I. 1899. 336 — 38. [155]) *Марксъ.* Капиталъ. I. 1872. 312—13. [156]) *Эшли.* Тамъ же. 36. [157]) *Ingram.* Geschichte der Sclaverei und Hörigkeit. 1895. 73. [158]) *Карѣевъ* устанавливаетъ правильный взглядъ, что большая часть крестьянъ не вышла до революціи изъ крѣпостной зависимости. См. крестьяне во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка 1879. Глава I. [159]) *Knapp.* Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in Preussen. 1887. I. 20· [160]) Насъ побуждаютъ къ такому выводу рѣзкія разногласія между писателями, изслѣдовавшими бытъ Франціи предъ революціей относительно распространенности крестьянскаго землевладѣнія. См. *Minzes.* Die Nacionalgüterveräusserung während der franzos. Revolution. 1892. 21—24. [161]) *Knopp.* Тамъ же. 147—52. [162]) Въ *Peuple de Genève* (1899. 22.) усердныя похвалы по адресу фабрикантовъ за сокращеніе рабочаго дня до 10 часовъ. [163]) *Vanderkindere.* Le siecle des Artevelde. 1879. Вотъ случай, доказывающій, какой мятежный духъ отличалъ низшіе классы городского населенія. Во срѣ послѣ битвы при Куртрэ въ Брюсселѣ одинъ ремесленникъ былъ раненъ патриціемъ. Тотчасъ же собрались товарищи потерпѣвшаго— сапожники, а также другіе ремесленники—валяльщики, ткачи, кузнецы, побѣжали за оружіемъ, бросились на своихъ враговъ, разрушили нѣсколько домовъ и преобразовали общину. Тамъ же. 170 81. [164]) *Дайси.* Основы государственнаго права Англіи. 1891. 202. [165]) *Vanderkindere.* Тамъ же. 8. [166]) Кризисъ, пережитый Россіей въ 1901 — 1902 годахъ, былъ тяжеле затрудненій, испытанныхъ народнымъ хозяйствомъ другихъ странъ. Размѣры кризиса доказываютъ, какъ много искусственнаго въ ростѣ русской промышленности. Высокіе таможенные налоги дѣлаютъ русскихъ предпринимателей полновластными господами внутренняго рынка. А между тѣмъ многіе обширныя и хорошо устроенныя фабрики и заводы давали за 1900 — 1902 годы ничтожную прибыль или даже убытокъ; многія предпріятія рушились: спросъ внутренняго рынка такъ незначителенъ, что промышленность не можетъ сбыть всѣ товары. Не будь усиленнаго таможеннаго покровительства и другихъ бюрократическихъ мѣръ поощренія туземной промышленности, предпріятія основывались бы болѣе обдуманно, и кризисъ не достигъ бы такихъ размѣровъ.

КОНЕЦЪ.